ZEITUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 15 (72) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го ИЮЛЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

И. Бочаров.

Борьба за жизнь.

На долю нашего Казачьего народа выпал тяжелый, страдный путь. На протяжении многовековой истории казаки перенесли много невзгод и тяжелых испытаний в борьбе за свое существование, в борьбе за свободу Казачьих Земель, политых потом и кровью своих предков.

Бывали времена, когда маловерные теряли надежду в будущность родного Казачества, когда Казачий Народ истекал кровью, когда под ужасным натиском врага гнулась казачья сила. Но несмотря на трагические минуты своей жизни, несмотря на все страдания и мучения, Казачество снова возрождалось к новой жизни, залечивало свои раны и с новой силой и энергией бралось за свое казачье дело.

Всевышнему угодно было возложить на нас, казаков, тяжелые испытания, сопряженные с множеством лишений и страданий. И, казалось, что опять настал последний час казачьему роду... Но и ныне казаки еще нашли и находят в себе новые и новые моральные силы в борьбе за свое право на жизнь, в борьбе за свою Казачью Свободу. Павшего в борьбе отца заменяет сын и внук, а зачастую мы видим борящимися за честь отчизны, за Казачье имя одновременно и, даже в одной и той же части, деда, отца, сына и внука. Каждый казак отчетливо должен сознавать, что от исхода нынешней борьбы зависит жизнь или смерть нашего славного Казачества.

Своей участью в борьбе, своими делами и подвигами казачьи бойцы куют более счастливое будущее своему казачьему народу и помогать унять казачье горе, раскиданное по всему божьему свету. А как много горя, казачьего горя, как много страданий и мук переживают наши казаки и казачки! Несут эту тяжелую чашу мытарств и скитаний на своих неокрепших плечах и наши дети, являющиеся живыми свидетелями нового великого казачьего исхода.

В последние дни на долю наших казачьих беженцев, ушедших от кошмарного большевицкого гнета, снова выпали дни ужаса и тягостных испытаний. Опять сердца многих казаков сжимались при мысли о судьбе своих братьев, которые должны были опять покидать свои временные поселения и бежать от дьявольского большевизма, Сколько снова было пережито горя, ужаса, страданий, сколько было новых жертв!

К глубокому прискорбию, теми же людьми опять повторяются старые роковые ошибки 1918—20 гг., приведшие раньше к Новороссийской трагедии, а теперь к ее повторению с еще более ужасным концом. Это со всей очевидностью говорит о том, что люди, приведшие уже нераз Казачество к трагедии, не в силах избавиться от врожденных ошибок, не в состоянии творить положительное и полезное, созидательное дело для пользы Казачества.

При виде страдных дней, какие ныне переживают наши казачьи бойцы, их семья, наши казачьи беженцы и все Казачество должны быть забыты все житейские мелочи и мелкие личные интересы каждого отдельного казака. В этой борьбе мы, казаки, связанные узами казачьего родства, узами общих казачьих интересов и общей судьбы, должны проявить максимум сплоченности и солидарности. Только дружная совместная работа всех нас, только взаимная поддержка и забота, только наше истинно к а з а ч ь е братство может облегчить казачьи страдания и дать нам возможность полнее и увереннее завоевать свое право.

Для этого же необходимо нам иметь и истинно к а з а ч ь е руководство, на котором не лежало бы пятно прошлых и настоящих ошибок, которое исключало бы всякую двойственность и двуликость и способно быть на высоте требований нового времени, требующего новых энергичных людей, преданных своему казачьему делу, способных удовлетворить все нужды и запросы казаков, равно как и защищать только казачьи интересы, без всякой оглядки на московскую дорогу.

В нынешней судьбоносной борьбе Казачества никто из казаков не может быть посторонним зрителем или шкурником, но обязан быть в рядах своего Казачьего народа и всеми своими силами и способностями помогать достижению нашей свободы. Только такой казак может быть достойным сыном своего народа, только такой казак может с гордостью носить казачье имя. Тот же, кто в тяжелые дни Казачества был безучастным к судьбе своего народа, кто уклоняется от своих гражданских обязанностей, тот не может и не смеет расчитывать быть полноценным казаком, достойным членом казачьего народа и должен рассматриваться трусом, в тяжелую минуту покинувшим поле битвы.

За последние 30 лет беспрерывных войн или тягостных дней преследования поредели казачьи лавы, но не иссякла казачья сила. Теперь дорога каждая казачья сила, дорог каждый казак, а следовательно все казачьи силы должны быть направлены и устремлены только и исключительно для обеспечения казачьего права на жизнь, только для казачьего дела, только для сохранения Казачьего дела, только для сохранения Казачества. Было бы бессмыслицей и просто преступлением возлагать на казачьи плечи чужие непосильные задачи, как это делали прежние вожди Казачества, пытавшиеся казачьими руками спасать Россию от русских большевиков.

Никому так не дорого казачье дело, как нам самим казакам и никто о нем не будет заботиться, кроме нас самих же, посему наше казачье будущее всецело зависит от самих казаков, от их уменья и способности защищать свои права. Казаки всегда отличались геройством и доблестью, с большим успехом защищали чужие интересы и права, но не было у них уменья защищать свои собственные права, свои казачьи интересы. Пора все это уяснить каждому казаку и направить все казачьи усилия, все способности и энергию для достижения Свободы Казачеству, для защиты и обеспечения только казачьих интересов и прав, гарантированных ныне и Правительством Германского Народа.

О. Калаус.

Памяти Н. С. Рябовола.

(К 25-летию трагической смерти.)

27-го, по ст. стилю 14-го, июня этого года исполнилось 25 лет со дня трагической смерти Председателя Кубанской Краевой Рады, Николая Степановича Рябовола, одного из самых ярких бойцов за свободу народов, порабощенных Москвой. Яркая и кипучая жизнь его была прервана предательским выстрелом как раз тогда, когда его ясный розум, безграничная гражданская отвага, творческая инициатива и политическая мудрость больше всего нужны были Казачеству в его тяжелой борьбе за свою долю.

Всем нам уже давно и хорошо известно, что убийца Н. С. Рябовола был воинским чином в штабе одной из кавалерийских частей, каких не мало болталось в глубоком тылу Добрармии летом 1919 года. Возглавлял эту воинскую часть русский князь и гвардейский офицер, носивший имя одной из старейших аристократических русских фамилий.

Через 7 месяцев после подлого убийства Н. С. Рябовола в Ростове н/Д., совершил подобное же убийство другой русский офицер в Константинополе. Здесь был предательски, в здании русского посольства, убит б. Начальник Штаба Доброармии ген. И. П. Романовский. В своих «Очерках русской смуты» ген. Деникин называет убийцу ген. Романовского «негодяем в мундире русского офицера». Русский же офицер, который самым безчестным способом посягнул на жизнь Председателя Кубанской Рады и казачьего офицера, ни в «Очерках русской смуты», ни в мемуарной и публицистической русской литературе, ни даже в русской периодической прессе, никем и никогда негодяем назван не был. Наоборот, подлому поступку трусливого, ничем не рисковавшего убийцы, аплодировали все без исключения группы русского общества на территории и за-границами Вооруженных сил Юга России. Даже больше того: вся пресса Освага восторженно положила на скорбную голову гнусного преступника ореол героя и патриота.

Почему же мерзкое преступление ночного убийцы не встретилось с осуждением у политических группировок русского антибольшевицкого фронта? На этот вопрос лучше всего сможем ответить тогда, когда ближе всмотримся в политические физиономии тех русских групп и организаций, какие перед 25-ю годами копошились на территории т. н. Вооруженных сил Юга России, фактически же на Казачьих Землях и на Украине, и оттуда пробовали, каждая по-своему, выгнать из России русских большевиков.

1. Доброармия летом 1919 г., в апогее своей силы и славы, была военно-политической организацией с явно реставрационными намерениями. Н. С. Рябовол и по личным убеждениям и как Председатель Рады не был сторонником той политической концепции, какую намеревались осуществить

Борец за Свободу Казачества Николай Степанович Рябовол.

Archiv „Der Kosakenbote".

далеко не лучшие представители старого режима.

2. Вследствие того, что русский народ охотно и добровольно подчинился большевикам, все русские анти-большевицкие организации не имели собственных сил для борьбы с большевиками. Все планы и комбинации этих организаций были расчитаны на казачьи силы.

Н. С. Рябовол был решительным противником затягивания Казачества в чужие «непредрешенческие» планы без ясных и определенных договорных отношений.

3. Летом 1919 года Доброармия стала убежищем десятков тысяч людей, жестоко оскорбленных и озлобленных революцией. Эти люди толкали политику Доброармии на путь мщения и реванша. — Кубанская Рада, во главе которой находился Н. С. Рябовол, самым решительным образом осуждала политику мщения, особенно политику мщения чужих обид казачьими руками.

4. Кубанская Рада была искренней сторонницей соглашения с соседями и разумного сговора со всеми анти-большевицкими силами, на основе взаимного признания национальных прав. Русские же об'единения и организации, все без исключения, с упорством стояли на бестолковой централизации и безоговорочном подчинении самозванным Минским и Пожарским.

Такое расхождение во взглядах представителей русского общества и Кубанской Рады давало частые поводы к конфликтам в прессе, в администрации, в законодательстве. Политические руководители русского общества упорно держались старых политических категорий и не хотели помириться с теми казачьими институциями, какие Казачество считало для себя жизненно необходимыми. То обстоятельство, что в некоторых слоях казачьего общества встречались сторонники русского единонеделимческого лагеря, конфликты еще более обостряло и число их увеличивало.

Всех их не перечесть. Как наиболее острые и принципиальные, которые определили характер взаимоотношений Кубани и Доброармии, и также и судьбу самого Н. С. Рябовола, отметим здесь следующие:

а) Первое открытое столкновение добровольческого и кубанского самостийнического мировоззрений произошло, если мне не изменяет память, в начале мая 1918 года в станице Мечетенской. Верховный Руководитель Доброармии ген. Алексеев созвал, под своим председательством, совещание представителей Доброармии и Кубанского правительства и Рады. В присутствии членов Законодательной Рады, кубанских и добровольческих офицеров, ген. Алексеев весьма грубым способом, вплоть до стучания кулаком по столу, обрушился на кубанцев за то, что среди них, в отдельных группах и даже в войсковых частях, обсуждается создавшаяся военно-политическая обстановка и создаются планы для дальнейшей антибольшевицкой борьбы. Он, ген. Алексеев терпеть этого не будет и подобные вещи запрещает. Кубанцы хорошо были осведомлены о тогдашнем положении в Доброармии. Она была в состоянии полного краха. Больше половины офицеров не хотела возобновлять договора на службу, средств не было никаких, генералы не были единодушны — одни хотели идти на Волгу, другие были за ликвидацию армии и т. д. И поэтому кубанцы, в лице Председателя Правительства Л. Л. Быча, особенно же в лице Председателя Законодательной Рады Н. С. Рябовола, заявили представителям Доброармии приблизительно следующее:

1) Казаки спокон веков у себя дома или в гостях у других казаков, свои дела решают сами; 2) г. г. добровольцы, целью которых есть Москва, вольны себе выбирать где угодно отправной пункт своей лег-

Сотник Е. Гетманов.

Цветики.

Мы недавно уже говорили о страшном большевицком призраке, стоящем на границе Европы. Что предпримет большевицкий зверь на Востоке Европы, покажет будущее, но в южной Европе и на самой западной ее окраине сегодня происходит прелюдие того, что ждет европейские народы, в случае победы большевиков и их демократических союзников.

События слишком ясны и игра англо-саксонских освободителей теперь выявляется в своем настоящем облике. Пока «освободители» хозяйничали в Сев. Африке, принимая в свою среду посланцев «отца народов», европейцам казалось, что там ничего страшного не происходит и что угроза большевизма европейским народам есть досужая фантазия противников демократии.

Выход изменника Бадолио из состава национальных противо-большевицких сил и переход его на сторону «спасительной демократии» немного приподнял завесу над будущем. Теперь уже ясно, что несут «освободители» европейским народам.

В части Италии, занятой англо-американскими войсками, уже открыто господствуют большевики. Маршал Бадолио изгнан из состава итальянского правительства. Красные флаги развиваются по всей итальянской территории. В Риме господствует улица, господствуют те, кто видит в Москве и ее посланцах вестников человеческого благополучия.

А в это время англо-американцы, подталкиваемые своим восточным союзником Сталиным, уже совершают новое преступление. Долго сгущавшиеся тучи на крайнем Западе Европы, ныне разразились в гром и молнию, удивляющих здравомыслящие элементы европейской общественности. Казавшийся еще вчера далеким и смутным облик отвратительного большевизма, стал на пороге каждого дома, заглядывает своим кровавым взором в каждую семью. Цели англо-американцев, «освобождающих народы Европы от фашизма» приобрели совсем другое значение. Конечно, всем ясно, что ни в каком освобождении от «фашизма» Европа не нуждалась и не нуждается. Цели совершенно иные. Вольно или невольно, но события сегодняшнего дня показывают нам, что все военные и политические операции, проводимые англо-американцами, есть ничто иное, как прокладывание путей большевизму и коммунизму. На Западе Европы мирное население инстинктивно почувствовало угрозу, нависшую над ним, и уходит от своих «освободителей», лишающих их крова и всего достояния. Рабочие выносят постановления работать лишние часы, чтобы этим оказать пользу в борьбе против поработителей Европы.

А что же в это время думает «отец народов»? Что он делает? Как относятся вообще большевики и их верховный покровитель — вечный жид — к событиям настоящего дня? Что реальное предпринимается ими в эти страшные и ответственные часы истории?

Сущность большевизма остается неизменной, меняется лишь его тактика и физиономия. «Отец народов» притаился, подобно зверю, в выжидательной позе. Найдя противника по своим силам, большевики обрушились на финский народ, мстя ему за ту пощечину, которую охватили они во время совето-финской войны.

Кажется, что в Москве занимают выжидательное положение, что большевики совсем не собираются идти на Запад, на самом деле это не так. Цели большевиков неизменны. Народы Европы ныне охватены пламенем войны и большевики только потирают руки. Они заняты сегодня лихорадочным приготовлением всевозможных правительств, кадров, комиссаров и всего того, что потребуется при порабощении ими европейских народов. Страшное ГПУ, раскулачивание, коммунизация собственности и пр. вот что готовят сегодня в Москве для Европы.

По примерам сев. Африки и Италии, англо-американцы знают это и, тем не менее, ведут или, во всяком случае, пытаются повести европейские народы на большевицкую бойню.

Почему мы, казаки националисты, говорим об этом, говорим об угрозе большевизма европейским народам?

Говорим мы об этом потому, что события слишком красноречиво подтверждают это. Говорим потому, что мы, казаки, хотя и живем на Юге-востоке Европы, все-же **считаем себя европейцами** и последние годы связали свою судьбу **навсегда с европейскими народами.** Мы, казаки, одними из первых с Востока стали в ряды европейских народов, борющихся со страшным большевизмом, цветики которого уже появились на европейском материке, а поливанием этих цветиков занимаются англо-американцы, поливая отвратительные ростки бедствий и горя кровью европейских народов, выращивая плод-ягодки — **большевизм в Европе.**

тельности, а казакам идти некуда; 3) казаки весьма высоко ценят доблесть добровольцев и мудрость их вождей, но все-же считают их только своими союзниками, а не повелителями; 4) обсуждение военно-политической обстановки всеми участниками похода является вековой традицией Казачества и такое обсуждение не имеет ничего общего с митингованием. И т. д. и т. д.

Почти получасовая речь Н. С. Рябовола была весьма вдохновенна, откровенна и держалась далеко пристойнейших форм, чем речь ген. Алексеева. Он почувствовал свою ошибку, извинился, но... никогда этого не забыл. Присутствовавшие на совещании в качестве зрителей добровольческие офицеры подняли возмутительную бучу и грозили Н. С. Рябоволу самосудом, но угрозы тогда не исполнили.

б) Второй конфликт произошел в Краевой Раде в сентябре 1919 года, когда Рада отклонила высокую честь быть «автономной областью в составе территорий занимаемых Добровольческой армией». Стремительный натиск представителей Добровармии и казачьих отщепенцев Рада выдержала только благодаря исключительным качествам Н. С. Рябовола, как председателя Рады и поразительной способности его определять и отстранять те интриги и уловки, какие были пущены вход патентованными русскими политиками для воздействия на Раду. Рябовол отбил все атаки противников и этим вызвал острую ненависть всех, кто расчитывал прибрать к своим рукам живые и материальные ресурсы Кубани.

с) Борьба Рады за свою кубанскую армию и за соблюдение Добровармией Новодмитриевского договора обострила отношения до крайности; после чего конфликт был Покровским, Врангелем и их прислужниками из казаков, перенесен в войсковые части на фронт.

Люди всегда склонны персонифицировать идеи и идейные движения. Особенно примитивно мыслящие толпы людей, не живших свободной политической жизнью, не замечают идей и идейных движений; они видят только особу, возглавляющую негодное им движение и всю ненависть к движению переносят на его вождя.

Н. С. Рябовол с таким искусством и отвагой отбивал все вылазки врагов Казачества, что они потеряли всякую надежду на возможность победы в открытом бою. В таких случаях деморализованный и бесчестный противник пользуется услугами тех, кто не гнушается убийств из-за угла.

Н. С. Рябовол был убит «русскими патриотами» в те дни, когда была кульминация славы и силы Добровармии. Г. г. «собиратели земли Русской» думали, что уже можно приступить к ликвидации «слишком требовательных союзников». Преждевременно раскрыли карты и проиграли почти верную игру. А Казачество увидело моральный облик правой стороны русского общества и отшатнулось от него.

Перед 25-ю годами было совершено величайшее преступление: чужими людьми, нашедшими в бегстве от своих кровавых братьев приют в казачьих станицах, был убит на казачьей территории крупный представитель и избранник Казачества, борец за казачью Свободу Н. С. Рябовол.

Среди казаков было, к сожалению, не мало веривших тому, что левая сторона русского общества будет лучше. И одни добровольно, другие по необходимости, остались у этой части русского общества. Судьба Каширины, Мироновых, Сорокиных, Голубовых, Черных, на верху и судьба станиц внизу, показала, что левая сторона «богоносного народа» еще страшнее правой.

События прошлого и настоящего повелительно диктуют всем казакам, рассеянным по чужим не-казачьим лагерям, обнаружить свое казачье лицо, восприняв те идеалы, за какие боролся один из лучших казаков Н. С. Рябовол и какие теперь несет на своих знаменах Казачье Национальное Движение.

Проф. А. М. Андрієвський.

Козаки до російської народности не належать.

Перша й найголовніша для козака заповідь — це пам'ятати, що він належить до козацького народу, цілковито ріжниться від великоросійського або московського. Ця заповідь є фундаментом і опорою козацького націоналізму, бо коли наперекір цьому повірити на слово росіянам, що козаки не є окрема народність, а належить до росіян-москалів і уявляють із себе тільки стан або «сословіе військове», що складалось у старі часи з біглих холопів московських або польських, тоді козацький націоналізм не має під собою природнього грунту, бо нема природніх даних щоб відділятись від москалів. Але в дійсності не є воно так.

Козаки належать до народів індо-европейської раси, а великоросіяне або москалі до урало-алтайської раси. Раса є природнє явище, що по Божим законам твориться тисячолітьми, і штучно його по замислу людському ні створити, ні змінити не можна. Штучно козак не стане москалем, ні москаль козаком.

Насильні, лехковажні й нерозсудливі спроби помішати людей ріжних рас приводили до катастроф і до небажаних наслідків. Подобенства мішанини елементів бачимо у фізичній природі. У залежності від людського замислу бувають наслідки од цього добрі й злі. Наприклад, середньовіковий чернець змішав до куми у певній пропорції сірку, селітру і вугіль і винайшов порох, що вживають для пожиточних цілей і для згуби. Хемічні елементи: углерод, калій і азот кождий зокрема не шкідливий, а злучені докупи у певній пропорції творять цінністий калій — найсильніший яд.

Російський большевизм є складне явище; природописні науки нам цього не висвітлять, а все ж можна констатувати, що виник він у наслідок мішанини ріжнорідних елементів, а саме: ідеольогична основа прийшла із заходу, завваслила російську інтеліґенцію, вмішала москалів, заправила жидами; створився страшний яд, вельми небезпечний для цілого людства.

Небезпеку від мішанини расових елементів давно передбачали наші предки. Наприклад, козацький сатирик кінця 17-го століття Климентій (Основа, 1861 р. 1—3) написав на цю тему вірш під заголовком: «о иновірной единой персоні между мужем и женою, то есть, например, коди бивает часом муж лях, а жена благочестивая, або жена неблагочестивая, а муж благочестивий, а хоча й обоє благочестивие, да не єдиних людей, сиріч, муж будет москаль, або литвин або бойко, або циган, или теж з жида перехрист; или зась жона з такових людей, а он правдивий козак, українець породи козацької» — закінчує вірш такою сентенцією: «то есть где не одних людей породи, не міють такие меж собою згоди; же то власне порося з вовком пробувает, а жалости и скорби що день прибавляет».

Бувша Росія хоріла на імперіялизм. То силою, то хитрощами вона підбила багато народів ріжних рас, а ради їм дати не могла. Російські ліберали через те казали про Росію: «велика Федора, да дура». Однак щось же з тими народами треба було робити. Особливо правляча верства боялась сепаратизму підбитих народів. Щоб уникнути небезпеки, вона придумала три способи: перше створила державне корито і приваблювала до нього видатних людей з підбитих народів; корито була лакома річ, до нього попхило багато людей і служили вірно.

Друге, Росія всіми засобами старалась мішати чистокровних росіян з іншими народами; це звалось політикою «обрусенія». Наприклад, ще у 1687 р. у Коломацьких статтях з Московським Правительством 25/XII Козаки зобов'язались «всіма мірами і способами народ український з великоросійським народом соединять і в нерозривное і крепкое согласіе приводить супружеством і іним поведеніем».

Трете, було створено офіційну державну ідеольогію про так звану «єдність русского племені і народу». Карамзін її канонізував, а Полевой популяризував. Догматами ідеольогії були: «самодержавіе, православіе і народность». Цією ідеольогією мали набивати в школах молоді голови; мало того, як писав проф. Багалій, навіть професори у своїх наукових розвідках мусіли шукати не правди, якої тільки й мусить дошукуватись всякий чесний науковий діяч, а проводити ті думки, яких бажало правительство. По цій ідеольогії Росія мала об'єднати всі підбиті народи — нема ні козака, ні українця, ні білоруса, а є тільки великий руський народ. У цьому об'єднанні бачили непереможний історичний закон; так, наприклад, писав Київський професор Н. Дашкевич: силою цього закону дрібні народи без остатку розплавляються у великому, втрачають свої національні особливости.

Од нав'язаних ідей одвикнути тяжко. В 1914—1915 р. ширились із Москви прокламації, що Росія має сягати до Адріятичного моря, а Чехія має стати російською провінцією. Навіть по катастрофі, на еміґрації, московські учені для об'єднуючих цілей створили в Празі Товариство «Єдинство», а визначний його член проф. Шмурло писав: «естественные территориальные границы России в Чехии; Россия довершит племенное об'единение принуждением всего с именем Русь до Москвы», це, мовляв, заповіт «будучим поколінням» (Є. Шмурло, Введ. в Рус. ист. 1924, ст. 174.).

До цього Товариства вийшло багато жидів, бо й вони у комерційних цілях зацікавлені створенням такого величезного російського політичного об'єднання.

Чи існує справді загальна «єдність русского племени і народу? Що «великоруська або московська народність» існує, цього ніхто не заперечує, але що до загальної єдности «руского племені і народу» — то її не було, нема й створити її — вище людських сил.

Спроби перемішати великоросіян з підбитими народами шляхом заключення шлюбних подруж викликали органічний спротив козаків; в пограничних селах, де козаки і великоросіяни живуть спільно, статистика шлюбів власне не знає випадків, щоб козак взяв за жінку кацапку, або козацька дівка пішла заміж за кацапа. Українські інтеліґенти женяться на великоросійнках, але похвалитись благословенним потомством не можуть. Від таких шлюбів, як і шлюбів з жидівками родяться майбутні інтернаціоналістичні ліберали, соціялісти, а часом і большевики.

Як доказ єдности руського народу приводять факт існування руської літератури, але забувають, що творці її були не великоросіяни. Багато «русских» письменників не великоросіяни, хоч і писали «по рускі». Пушкин з роду араб, Лермонтов — шотландець, Грибоїдів — поляк, Богданович, Гнедич, Гоголь, Достоевський, Данилевський, Чехів, Короленко — українці, Кольцов, Никитин — з донських козаків, Мінський, Надсон — жиди. Геніяльний Лейбніц говорив і писав по французькі, а був німцем і ніхто його до французів не залічує і з приводу цього не говорить про французьку й німецьку єдність.

Нав'язування Козацьким народам неіснуючої єдности, творіння так званих «руських козаків» є протиприродне явище, а через те й шкідливе. Рано чи пізно, як усе противне природі, має зникнути. Нація є образ Божий, відбитий в душі народу. Посягати на цей образ, притамовувати його — значить йти проти Божих законів. Доки в душі козака заховується, хочби й несвідомо, образ ідейного козака, доти він національно-ціст. Без козацького образу душа пуста. П. О. Кулиш запорожців так атестував: «доки Дніпро тече-в сине море, Рось Росю зветься, доти серце козацькее з ляшським не зійдеться».

Козацьке серце є джерело енергії. В душі козака панують образи, що кличуть його на боротьбу. Переведення козака в розряд звичайного російського обивателя пустошить його душу і нищить енергію.

День Независимости Кавказа.

В дни тяжелых исторических испытаний, когда враги национализма пытаются приостановить рост национального самосознания народов Европы, сыны гордого и свободолюбивого Кавказа продемонстрировали перед лицом всего мира свою непреклонную волю к свободе и независимости торжественной манифестацией, имевшей место в старинном городе Потсдаме у Берлина, в субботу 1-го июля сего года.

На торжественном собрании, устроенном специальным комитетом, который был создан при содействии начальника Кавказского лейтенштелле г-на Цейтлера, присутствовало много официальных представителей немецких властей, партии, Верховного Командования и союзных народов. Были и представители печати. От лица Казачества был приглашен Руководитель Казачьего Национального Движения ст. инж. В. Г. Глазков, который прибыл на манифестацию в сопровождении окружного атамана ст. В. И. Бабича и доверенного КНД А. И. Лебедкина.

Официальные представители армянского, азербайджанского, грузинского штабов и председатель национального комитета Горцев Северного Кавказа инж. Ахмет Наби Магома в своих ярких выступлениях выразили твердое желание кавказских народов бороться за национальную свободу и независимость своих народов и тем продолжить историческую традицию своих предков, нежелавших подчиниться чужому гнету и насилию. Представители народов Кавказа отметили общие стремления их единоплеменников к дружной и совместной работе всех кавказцев, что было встречено бурными рукоплесканиями переполненного зала, где находились кавказцы, как старой, так и новой эмиграции, равно, как и большое число представителей кавказских добровольцев, прибывших с фронта.

Манифестация Кавказской Независимости была одновременно и манифестацией полного слияния всех национальных, здоровых сил кавказских народов, об'единенных одной общей мыслью, одним общим стремлением всех кавказцев, без различия возраста и принадлежности к старой и новой эмиграции, снова обрести свободу своим народам и возродить их государственную независимость. Наличием представителей кавказских народов из всех частей Германии, равно как и из Генерал-Гувернемента и Протектората, День Независимости Кавказа явился и днем кавказской солидарности и единения.

После официальных выступлений представителей кавказских народов была продемонстрирована большая и богатая музыкально-вокальная программа, в которой приняли участие грузинский хор и армянский и горский ансамбли, показавшие своеобразность своей народной музыки и танцев, что было встречено с большим воодушевлением присутствующими.

Вследствие выполнения боевых задач азербайджанский ансамбль не мог выступить на вечере, сообщив об этом специальным известием, зачитанным их представителем и встреченным с большими симпатиями.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

(Продолжение).

Глава IV.

В тот вечер в семье Степана рано улеглись спать, и утомленные дневными трудами тотчас же погрузились в крепкий богатырский сон. Не спала только одна лишь Евдокия: она нервно металась по постели, переворачивалась с боку на бок и далеко в сторону откидывалась, чтобы не слышать надоедливый храп своего мужа. Недобрые мысли шевелились в ее голове и отгоняли сон.

Была она на сборе и слышала, как станичный атаман призывал казаков взяться за оружие, дабы не вставлять свои головы в мужицкую петлю.

«В мужицкую петлю, — повторяла она слова Атамана, — толстопузый черт! Яму и слабода поперек горла встала?! Чаво надо? Земли што-ль мало? Ишь сколько пустует! Аль мундер казачий то снимут, так о том горюет? Идол, пра слово идол! Погодь, вот придут нашито, они сошьюта табе мундер! Идол! Уж я тады, плюну в толстую твою харю, чтобы ты знал, окаянный!»

За живое задели Евдокию и брошенные кем то слова по адресу Степана:

— На русской женат, потому и гнешь на мужичью линию.

«На руськой?!. Ишь, иродова душа, а он кто, поди? Азеят какой выискался! Правду тятенька говорил, что не верь им проклятым: на словах одно, а на деле то думки водчьи... Ты, говорит, Евдокия, стала казачкой, так и приноравливайся к казачьему обряду, и на каждом шагу только и слышала это, а тапереча вишь, на руськой женат! !. Тьфу, анафемская душа, не разглядела я, штой-то за оратель такой выискался, уж я бы ему показала!»

Злые капли переполнили душу неблагодарной женщины, двуличной и коварной, и злобный нарыв, вскочивший на ее самолюбивом сердце, не давал ей покою. Она до мельчайших подробностей припоминала всю свою жизнь в станице, в кругу казаков, и все резкие обиды, направленные в сторону мужиков, выплывали наружу и бередили свежие раны.

«И все они такие... Вон свекор то молчит, молчит, а как сказанет другой раз, аж болью под сердечушком схватит. Степан, кажись, другой... прямо наш человек. Да и то, Бог его знает, может притворяется только?»

Она приподняла голову, чтобы взглянуть на мужа, но так неловко повернулась, что локтем ударила Степана.

— Чего ты возишься, как корова? — спросонья пробурчал он.

— Ишь пан какой, небось потревожила вашу милость? — ехидно ответила Евдокия.

В другое время она бы промолчала и не стала вступать в пререкания с мужем, но в тот момент, почувствовав в себе силу и храбрость, она пошла на перекор.

— Спи, а то я тебе дам милость! — предупредил Степан.

— Руки коротки, тепереча слабода!

— Для вас плеть заместо свободы!

— Побереги для казачек, а я ведь руська. Охочи вы до плетей то, только...

— Тьфу ты... сглазил тебя что ли кто? Эх, затарахтела, как сорока!

— Довольно уж намолчалась! Итак десять лет заместо работницы была!

Степан был так удивлен ответом жены, что не мог сразу сообразить причину к такой резкой перемене.

«Мать, должно, обидела чем?» подумал он и повернувшись на другой бок начал похрапывать.

На дворе залаяла собака и ее пронзительный злой лай разбудил спящих. Степан вскочил с постели и прислонившись к стеклу, вглядывался в темноту, но трудно было что нибудь увидеть, лишь слышались приближающиеся к дому чьи то шаги, а еще через минуту барабанной дробью задребезжало окно.

— Чего нужно? — окликнул Степан, зажигая спичку.

— Дяденька Степан, — раздался с улицы звонкий голос мальчика, — Егор приехал, так тятенька наказывал, чтобы вы с Дунькой то пришли до нас!

— Это Петька! — узнав голос братишка, сказала Евдокия.

— Ну да, Петька, — сердито буркнул Степан, — Егор, говорит, приехал, ну тесть и послал за нами.

— Петя, скажи тятеньке то, что сейчас приду! — крикнула Евдокия и, быстро вскочив с постели, начала одеваться.

— А ты чего стоишь, — бросила она Степану, — или не пойдешь к тятеньке то, ведь Егор с самой столицы приехал...

Голубые глаза сияли счастьем и восторгом. Она взглянула на Степана и глубоко вздохнула. Пышная грудь под тонкой ситцевой кофточкой задрожала, дразня Степана, щеки заиграли девическим румянцем... Он любовными, страстными глазами смерял Евдокию с ног до головы и улыбнувшись подошел, обнял...

— Ну чего ты сердишься, право? Ведь я это так, спросонья! Сердце болит чего то...

— У меня что заместо сердца, камень поди? Кому слабода, а мужики, как чужие по станице ходят!.. Сердце кровью обливается! А казаки то вишь, как стоят за свое добро?

— Да я то что-же, не понимаю разве? О том же я и говорил на сборе то, что бы уравняли всех.

Евдокия как будто помирилась со Степаном и, ответив ему лаской, весело вышла из хаты.

— Куда это вы под праздник то? — строго спросил отец Степана.

— Да вот тесть прислал за нами, Егор приехал...

— Завтра не увидишь Егора то, сдохнет поди?!. Эх ты, шалапутый... связался с извергами.

Степан промолчал. Накинув на плечи полушубок, тихонько скрипнул дверью. Старик то-же приподнялся с постели и разбудил Михаила.

— Ты вот что, сынок, оденься, да пойди к Беспаловым послушай, что у них там за сборище. Сорванец то ихний приехал из Петрограда, не с добром ведь...

— Как же я пойду, коли не звали меня?

— Скажи, что загулялся с парубками, да узнал, что Егор приехал, ну и зашел навестить.

Михаил оделся и отправился на разведку, а отец закурил цыгарку, сел в темной хате на скамью и старческая голова его утонула в горьких думах, в воспоминаниях, в предчувствиях чего то страшного, жуткого, беспокойного.

«Перевернулся свет. Не тот народ пошел... Эх, куда подевалось славное лихое Казачество?!. Полегло костьми в борьбе с врогом лютым, усеяло вражеские земли, лежит без могил и крестов, под белым снежным саваном, в безводных пустынях, под раскаленным солнцем!.. Не казаки остались, а б . я . и!.. Войску изменили, с врагом подружились. Степан? Какой он казак? Андрий... настоящий Андрий... Нет крепости Остаповской, нет мужества!»

— Старик, а старик, ложился бы спать, нешто не пойдешь к утрени то? — окликнула с печи его жена, мать Степана и Михаила, болезненная, глухая старушка, но с добрым материнским сердцем, казачка по крови и плоти, весь век свой прожившая в станице для детей, для мужа.

Старик Еременко очнулся, поднялся со скамьи и грузно опустился на деревянную покрытую рядном постель.

И. Л-ов.

Казачья старшина.

... Бледнеет мрак, уходит ночь,
В сиянии день родится новый...

В церкви Запорожской Сечи идет торжественная литургия... Горячо, набожно крестятся и с особым благоговением кладут земные поклоны мужи-рыцари кровавых боев, вернувшиеся с боевых походов, овеянных доблестью, храбростью, отвагой и славой, против неприятеля, посягнувшего на казачью самобытность, его честь, казачью волю и завещанную дедами православную веру.

Впереди важная казачья старшина — куренные и кошевые атаманы. Все мужественные, яркие фигуры, большого государственного ума, закаленные в кровавых боях, рыцари без страха и упрека, хранители чистоты и неприкосновенности казачьих устоев, чести, единства и славы своих предков. В глазах их сквозит воля стальная, а на лицах в глубоких бороздах отпечатались тяжелые казачьи думы, навеянные заботами о том, чтобы умелой твердой рукой вести Казачество к славе, к разцвету, к светлому будущему...

Личный пример, твердая воля, отцовская забота, понимание казачьей психологии, справедливость, порицание пьянства, разгильдяйства и праздности, строгость к нерадивым, умение об'единять казаков в одну семью, руководить всеми сторонами их жизни, высокая духовная и нравственная мораль самих, создавали казачьим атаманам ореол легендарных героев, их казаки любили, о них складали целые легенды.

Как атаманам, так и своим офицерам казаки глубоко верили, уважали их авторитет, а в этом-то духе, полном самоотречения и героизма, и крылась причина непобедимости и той удали, которой так прославились казаки.

Казак в бою надеялся на себя, твердо верил своим боевым товарищам, но знал, что всякий боевой успех зависит прежде всего от их командира. — С плохим командиром пропадешь, — говорили казаки. Или: — Плетни тогда хороши и неодолимы, когда столбы крепки. Если столбы подгнили или их подрубили, то и плетень повалится. —

Такими крепкими нерушимыми столбами в казачьей жизни были их атаманы и офицеры. Если атаман или офицер был слабый, пьяница и держал себя не на высоте своего положения, то казаки, указывая на примерного атамана или начальника, говорили: — Это настоящий столб из твердого казачьего дуба, у которого идет совсем по-другому, чем у нас.

Так было до революции, когда атаманы, офицеры и казаки жили одной семьей, общими традициями, имели крепкий патриархальный устой и свято исполняли заветы своих дедов.

Революция развеяла, разнесла казаков по целому свету: часть ушла в эмиграцию, а часть осталась «там».

За 25 лет многое изменилось... Сильные духом, способные, люди энергии и инициативы, систематического труда пробили и в эмиграции себе дорогу, особенно молодежь, которую с первых дней эмиграции потянуло к свету, культуре, к прогрессу. Многие выучились, заняли солидные места, выдвинулись и показали всему свету, что казаки не только умеют воевать, но что они и способные работники. Только большинство нашей казачьей старшины, правда, в большинстве уже пожилые люди, почему-то остались стоять на старом месте, заснули летаргическим сном, совсем не интересовались казачьей жизнью, а казачья жизнь в эмиграции, особенно среди молодежи, била сильным ключем. Некоторые из этой старшины даже как-то опустились, опростели, пристрастились к алкоголю, забыв казачьи традиции, что именно они должны служить примером духовной и нравственной чистоты, быть руководителями и советниками казачьего молодого поколения. Столбы подгнили, как говорили наши казаки, и плетень начал валиться. Молодежь, не имея подпоры, руководства старшины, горя всем своим молодым сердцем помочь оставшимся «там» казакам освободиться от жидокоммунистической тирании, сама, ощупью, находила пути к этой борьбе. Это выработало в ней самостоятельность, собственное мировоззрение, свои взгляды на жизнь, европейское понимание совершающихся событий.

Война дала возможность встретиться старой эмиграции с казаками «оттуда». Необходимость настоящего времени диктует казакам об'единение в одну казачью семью, ясное и полное понимание взаимоотношений, укрепление казачьих сил, восстановление старых традиций, патриархального семейного уклада, а одновременно приспособления казачьей жизни к происходящим событиям. Для этого нужно снова возродить традиционную казачью старшину с большим авторитетом, выдвинуть людей с сильной волей, энергией, жертвенностью, честностью, государственным умом, безукоризненной духовной и нравственной моралью, разбирающихся в нынешней мировой обстановке, могущих дать казаку и интеллигенту ответы и указания на все его духовные и жизненные запросы. Пусть это будут старики или молодежь, но они должны быть именно такие люди, которые бы понимали психологию и дух каждого казака, сумели понять цель и стремление каждого из них, оценить способность и выдвинуть талант, открыто и честно подойти к каждому, быть истинными собирателями казаков, а не разъединителями, если будут пристрастны или иметь симпатию или антипатию к той или иной группе казаков. Как в былое время, нужно будет устранить личные интриги мелких людей на фоне совершающихся настоящих решающих мировых событий, отстранить самозванцев, карьеристов, уничтожить всевозможные протекции, не выпускать на арену казачьей общественности опустившихся аморальных людей и пьяниц, а этим мы сделаем первый шаг к возрождению исторической казачьей старшины, которая бы, как и раньше, являлась авторитетом и хранительницей чистых казачьих идей.

Пусть в этот ответственный для казаков час придут мужи-рыцари, которых бы народ оценил, верил им и создал для них ореол славы и в будущем слагал о них легенды.

Если есть выход для Казачества, если есть решение Казачьего Вопроса, то только на путях казачьего национализма, который нашел полную сатисфакцию и в признании его основных установок внешними факторами.

(Ф. Донсков, «К. В.» № 7 (64).

Молодые казаки — пулеметчики.

Archiv „Der Kosakenbote".

И. Васильев.

Еще к возрождению казачьих традиций.

О возрождении старых казачьих традиций, об ознакомлении с ними освобожденных казаков, выросших в тяжелых условиях советской действительности и не могущих приобщиться к старой жизни, писалось уже немало. Много хороших и правдивых мыслей было высказано недавно на страницах «Казачьего Вестника» и старым казаком И. Бочаровым. Нет сомнения в том, что нам нужно при этом руководствоваться главным образом тем, чтобы при обновлении казачьих традиций, были возрождаемы лишь те, которые играли в жизни Казачества лишь положительную роль, которые создавали подлинно свободную самобытную жизнь казака.

Сейчас почему-то некоторые лица, которые еще не так давно чуждались казака и казачьего имени, пытаются расписываться в своей преданности к Казачеству и выставлять себя даже знатоками казачьего быта. Если же мы ближе всмотримся в эти лица, то увидим, что это как раз те, кто меньше всего знают о настоящих казачьих стремлениях, о подлинной казачьей жизни, жизни казака хлебороба со всеми его горестями и прелестями. Многих из этих казаков только революция заставила познакомиться с настоящей казачьей жизнью на местах, когда волной революции они были выброшены из насиженных в российских столицах гнезд., откуда даже в летнее время не заглядывали в станицы и не могли видеть в повседневной работе казака-труженника с его радостями и болезнями, с его чаяниями и заботами.

Нельзя же говорить только о казачьих воинских традициях, нельзя говорить только о полковых условиях жизнии казаков в прошлом, когда эта жизнь регламентировалась соответствующим российским воинском уставом. Здесь никак нельзя говорить о настоящих казачьих , даже воинских традициях, ибо в воинские части вносились чуждые казачьему духу московско-петроградские веяния, оставлявшие свой нанос и на укладе казачьей воинской жизни.

Если теперь целый ряд генералов претендует на знатоков казачьих традиций, то мы должны подчеркнуть, что они могут говорить лишь о традициях, бывших в казачьих полках бывшей русской армии и только, ибо они совсем не могут претендовать на знание казачьего быта в станицах, особенно же те из них, кто в станицах не были или бывали там лишь в качестве гостей.

И при возрождении старых полковых традиций, мы должны руководствоваться прежде духом времени и не тянуть казака вспять на четверть века. Нужно стряхнуть всю наносную московско-петроградскую чешую, оставив только все то прекрасное, все доброе, что создавало крепкую семью казаков-односумов. Необходимо учесть громадную эволюцию не только в военном техническом и стратегическом искусстве, но и в психологии взаимоотношений командира и бойца.

Нельзя также не подчеркнуть, что именно как раз те казаки, которые потеряли духовный контакт с Казачеством, с казачьей почвой, и постепенно подвергались чужому, не-казачьему влиянию, не в состоянии быть примером для других казаков. Зарубежком как раз они являлись теми, кто обезличивал Казачество, кто низводил его на уровень союза судебных присяжных, кружка сестер милосердия или пограничников, кто никак не мог представить казаков без московского водительства и их служения ему. Конечно же, такие казаки никак не могут быть тем примером, какой с такой страстностью стремятся найти освобожденные из-под большевицкого ига казаки.

У каждого истинного казака одна и та же казачья душа и одинаковое казачье сердце. Каждый казак должен прежде всего заботиться о своем и близком ему Казачестве, а не искать свое у чужих, не искать помощи для себя там, где казачье не болит, стучаться к соседу, который сам не знает, что ему делать и сам не верит в свои собственные силы.

(В. Авилов, «К. В.» № 7 (64).

А. Иванов.

Станица Нижне-Чирская.

(Штрихи).

Передо мною на столе лежит память покойного отца — «Карта — дорожник Области Войска Донского, составленная в Областной чертежной Войска Донского в 1887 году. Издание пятое по исправлении в 1908 году. Масштаб 20 верст в дюйме». Кроме этой карты имею я старинные серебряные часы, любовь к казачеству да честное имя казака. Вот и все мое отцовское наследство.

Подклеенная на полотно, карта эта видала виды. По ней коричневые пятна: следы дождей Донских и Кубанских и мелкого, моросящего Босфорского назойливого дождика. Пахнет от нее характерным запахом старой бумаги. Архивный запах. Но архивной пыли на ней нет, так-как обыкновенно она, аккуратно свернутая, лежит в портфеле. Разворачиваю ее в те моменты, когда я «путешествую».

Резко бросается в глаза, красным карандашом отмеченный путь отряда полковника (впоследствии известного ген.-лейт.) Мамантова, совершенный отрядом в январе — апреле 1918 г. от станицы Нижне-Чирской до Новочеркасска, по Задонским и Сальским степям до Н-Чирской. Кольцо замкнулось. Начало и конец. В Н.-Чирской отряд полк. Мамантова зародился, в ней же был и расформирован.

В долгие, бессонные ночи — в пароксизмах ностальгии — часто вспоминал и вспоминаю я это место, на вышеупомянутой карте отмеченное несколькими миниатюрными квадратиками. То место, где впервые глаза мои увидели безмятежно-голубое небо. То место, где первый вздох груди был напоен воздухом, освежающим дыханием Тихого Дона.

«Всяк кулик свое болото хвалит» — говорит народная мудрость, так что немудрено, что мне, как уроженцу ст. Н.-Чирской, она и нравится и люблю я ее сыновьей любовью. ... «Кресты родных моих могил и над левадой дым кизечный, и пятна белых куреней в зеленой раме рощ вербовых, гумно с буреющей соломой и журавель, застывший в думе, — волнует сердце мне сильней всех дивных стран за дальними морями, где красота природы и искусство создали мир очарований. Тебя люблю, Родимый Край».*)

*)«Родимый Край». Ф. Д. Крюков.

Но странно: при всей моей привязанности к родному месту часто ловлю себя на том, что не могу вспомнить той или иной подробности в расположении улиц и «кто где жил», но, всетаки, попробуем мысленно сделать прогулку по станице. По улицам? Нет. Лучше поднимемся на гору: оттуда станицу видно, как на ладони.

Видите? Прямо у наших ног видна желтая громада реального училища. Нашего славного училища, из питомцев которого почти не было последователей и приспешников жидо-коммунизма, но было очень много славных бойцов за нашу казачью волю и долю. Где только нет уцелевших Чирян?

... «Молодыми ушли мы сражаться
И состарились скоро в боях.
И немного назад нас вернется —
Вспоминайте-ж, станичники, нас»...

А там купола Крестовоздвиженской и Троицкой (пост. 1787 г.) церквей. Крестовоздвиженская влево, а Троицкая — вправо, как будто охраняют фланги. Еще правее, за Бобровской балкой, над верхушками деревьев видна красная кирпичная колокольня единоверческой Петропавловской церкви. Дальше не видно построек — заслоняет бугор, где старое кладбище, с белой церковкой на нем, — но видно устье Чира и голубое зеркало Дона. Теперь взгляните сюда — там виднеется зеленая крыша и белые стены Окружного Управления, — здание старинное, добротной стройки. Никакому бункеру не устоять. Так теперь не строят. От него левее — верхушки тополей бульвара по Бакановскому проспекту. Вон, вон виднеется зеленая крыша отцовского дома...

Около Троицкой церкви женская гимназия, а несколько далее, почти рядом, монументальное здание аптеки Бушмана. По над самым Чиром — амбары: Парамоновские хлебные ссыпки, а еще дальше на восток, как клинок казачьей шашки, синеется Дон. Там, где вербовая роща ревниво скрывает от постороннего взора могучее течение реки, — целый Божий день гам и суета у парома.

Смотрите левее — красивое двухэтажное здание с вышкой на крыше — станичное Правление. Еще левее, за станицей, ярмарочная площадь с павильоном выставки сельско-хозяйственного общества. Чего, чего не привозилось на нашу Воздвиженскую ярмарку! Всего не перечесть.

А в-о-о-о-о-н там — почти на горизонте — легким, еле заметным кружевом перебросился через Дон железнодорожный мост у хутора Рычкова, а по всему широкому Задонью разбросались хутора. Ра-аз-долье!

Теперь, давайте, спустимся вниз, через сад реального училища и заглянем внутрь здания... Только ступайте тише, чтобы гулким резонансом просторных корридоров, не спугнуть магического очарования прошлого... По широким каменным ступеням поднимемся на второй этаж... Как тихо в громадном зале с окнами в два света! Здесь наша, реалистов, святыня — училищная церковь святителя Алексия с ее белым в золоте иконостасом. Когда-то давно, двадцать с лишним лет тому назад, на Страстной и в праздники здесь было полно молящимися Свету Тихому реалистами и гимназистками. Как волны колыхались в коленопреклонении ряды белых девичьих передников с пелеринами... Многие из питомцев училища, уже офицерами, уходя на фронт, служили здесь же напутственные молебны и мы, младшие их соученики, молились вместе с ними... Помолились? Значит можно пройтись и по станице.

Сюда, вправо, по Атаманской улице. Сейчас пересекаем Платовскую улицу, а на углу Бакановского проспекта и Окружное Управление. Помните слегка сутуловатую фигуру, ад'ютанта Управления есаула Полухина?

Если отсюда пойти вверх, вправо, мимо местной команды, то можно добраться до высокого мыса между Бобровой балкой и ее отножиной. Там, когда-то, стоял громадный дуб, толщиной в несколько обхватов. Он почти засох. Только несколько листков колыхались от ветра на одном из его лапообразных суков. Насчитывали ему 300 лет. Об этом дубе была в станице легенда, что атаман Степан Разин привязывал к нему свой струг. Возможно, что в прежние века, когда Дон нес свои светлые воды у самой станицы, подпор его вод наполнял Бобровскую балку до большой высоты, особенно в половодье.

Может быть там, под дубом, была стоянка его судов в тихой заводи. В мое же время, в весеннюю пору, дуб был местом паломничества учащейся молодежи обоего пола. Сколько нежных слов и клятв слышал он под пение соловьев в серебряном свете луны — про то знал лишь он один...

В одну дождливую и бурную ночь, в конце февраля 1917 года, с грохотом свалился старый дуб в Бобров. Старики тогда говорили, что это дурной знак, не к добру. Что Россия головы лишится. Пророческие слова.

Идемте дальше — мимо кино «Марс». Здесь, напротив, жил последний, дореволюционный, Окружной Атаман ген.-майор Иван Тимофеевич Жидков, крепкий и честный казак. Отсюда, в революцию, его и в тюрьму отправили. Умер он геройски. На Кубани, вместе с сыновьями, был захвачен красными и расстрелян. Царство ему небесное. «Стреляйте, сволочь» — были его последние слова.

Здесь, у самого моста через Бобров, стоял приветливый двух-этажный домик с мелочной лавкой в нижнем этаже. «Динг-дирлинг» — тоненько звенит колокольчик над дверью. Смешанный запах: керосина и конфет.

— «Что желаете?», — сдвинув очки на лоб и отрываясь от толстой Библии, поднимается навстречу дед Рожков, торговец.

А в этом белом двух-этажном доме, налево, сейчас же за мостом, жил генерал Яков Петрович Бакланов. Был он крестным отцом моей бабки Ольги Ильинишны, урожденной Сметаниной.

Поднимемся по Скобелевской улице мимо Окружной больницы и тюрьмы.

На самом краю станицы стояло громадное здание Военно-ремесленной школы с мастерскими — сгорело в декабре 1918 г., — а насупротив паровая мельница бр. Лещенко. Отсюда начинается шлях на Цымлу, Константиновскую и дальше...

Вот мы и на Змеином кургане. Какой обширный горизонт! Широко вдаль виднеется Задонье и высокая правобережная степь. Голубыми пятнами виднеются озера — рыбные угодья — и на далекое расстояние, в рамке вербовых рощ, виден он, «кормилец наш Дон Иванович» и, как белый лебедь, пароход, плывущий по реке. У ног, утопая в зелени, видна родная станица и весело смотрят разноцветные курени...

Здесь, в апреле 1918 г., встречала станица отряд полковника Мамантова по окончании Степного похода. Отсюда, в декабре 19 года, я бросил прощальный взгляд на родные места.

Надеюсь и верю, что там где я родился, где первым моим младенческим вздохом причастился я казачеству, — там и последний мой вздох растворится в Родимом воздухе!

Казачий С'езд в Белостоке.

Как уже сообщалось в «К. В.», 18-го июня с. г. в гор. Белостоке состоялся областной с'езд казаков, проживающих в Белостоцкой области. Местные власти весьма охотно пошли навстречу казачьему стремлению еще больше и крепче об'единить казаков области и создать прочную казачью организацию.

Согласно указанию властей, казакам был работодателями предоставлен отпуск и свободный проезд на место с'езда, для которого было предоставлено специальное помещение в Белостоке.

На с'езд прибыло свыше 200 казаков области. Многие впервые за 25 лет встретили друг друга. С'езд отличался особой дружной работой и сплоченностью. В перерыве с'езда, неожиданно для казаков, прибыл из Берлина на с'езд Руководитель КНД ст. В. Г. Глазков, который был с большим под'емом встречен казаками и который выступил на с'езде с большой речью о задачах и целях Казачества. Казаки неоднократно бурными апплодисментами прерывали речь своего Руководителя.

После обмена мнениями С'езд единогласно принял нижеследующую резолюцию:

«Казаки Белостоцкой области, собравшиеся на свой Первый областной С'езд, выражают единомышленное и крепкое стремление к укреплению своей единственной организации — Казачьего Национального Движения, обещают и впредь быть твердыми и сознательными казачьими националистами.

С'езд с большой радостью приветствует прибывшего на с'езд Руководителя КНД ст. Глазкова и просит его быть выразителем не только национального Казачества, но и представителем Казачьего Народа везде и всюду защищая его национальные духовные и материальные интересы. В твердой и тяжелой и вместе с тем ответственной работе Руководитель всегда может расчитывать на нашу всестороннюю поддержку. С'езд выражает твердую надежду, что такую же поддержку он встретит от всех сознательных казаков.

Учитывая общую обстановку, С'езд выражает полную готовность казаков области принять, по мере всех своих сил и способностей, самое активное, самое действенное участие в борьбе против большевизма.

Одновременно С'езд высказывает свое искреннее желание видеть правовое и материальное положение казаков Белостоцкой области на высоте, какая надлежит активным борцам, а особенно казакам, которые всегда были непримиримыми врагами большевизма, и которым во всех отношениях должно быть дано и обеспечено все, что надлежит им, как верным и честным союзникам Германского Народа.

Удовлетворение всех насущных нужд казаков будет для них побуждением к еще большему активному участию в настоящей войне.

Подписали: Председатель С'езда В. Еремеев. Заместители председателя: Н. Исаев, атаман станицы в Беловежьи, П. Иванов, атаман станицы в Белостоке, М. Муругов, атаман станицы в Августове, М. Топорков, атаман станицы в Гайновке, Г. Бочаров, атаман станицы в Васильковe, И. Говорухин, атаман хутора в Черной Вси, П. Осетров, атаман хутора в Мостах. Секретари: И. Комша, С. Ткачев.»

После с'езда Руководитель КНД, сопровождаемый генерал. секретарем В. Еремеевым, посетил замест. начальника области, с которым были обсуждены все вопросы, касающиеся улучшения положения казаков области. Замест. Начальника области выразил свою готовность удовлетворить казачьи пожелания.

Казаки в Варшаве.

В Варшаве 9. 6. с. г. казаками сотни СС были приняты в почетные казаки начальник СД полковник Р. и его начальник штаба. По этому случаю в прекрасно декорированном зале, где наряду с немецкими знаками красовался и знак КНД, состоялся торжественный акт приема в почетные казаки.

Командир сотни ст. сот. Кубанкин обратился к принимаемым в почетные казаки с речью, в которой отметил значение высокой награды носить имя Вольного Казака и быть членом Казачьего народа, что в свою очередь обязывает защищать и оберегать казачьи национальные интересы и способствовать успеху казачьего дела.

После этого сот. Кубанкин вручил грамоты о принятии в почетные казаки. Полковник Р. в ответной речи высказал свою радость быть связанным с доблестным казачьим народом, благодарил за проявленное доверие и обещал также свято защищать казачьи интересы, как он защищал и защищает интересы Германского Народа и как это надлежит каждому истинному казаку.

Затем доверенный КНД Г. С. Козлов от имени КНД и его Руководителя обратился с словом к новым почетным казакам. В нем он обрисовал значение совершенного акта и вытекающие из этого права и обязанности, коснулся борьбы Казачества за свою национальную свободу, которую оно продолжает и в настоящей войне в союзе с Великой Германией, признавшей казаков за своих верных и честных союзников. Подчеркнул в чем заключаются цели и стремления казачьего национализма. После этого ст. Г. С. Козлов вручил почетным казакам и сотнику Кубанкину бортовые значки КНД.

Тронутый вниманием казаков полковник благодарил за проявленное внимание, просил передать его и всех казаков признательность КНД и его Руководителю и заверить, его, что он с такой же гордостью будет носить значек КНД, как он носит немецкий значек и что будет честно, по-казачьи, выполнять все обязанности, какие возлагает на него принадлежность к казачьему народу, и к его национальному движению КНД, в рядах которого должен состоять каждый честный и сознательный казак.

Приятельским ужином и дружной беседой и песнями было закончено наше казачье торжество.

С. К.

От КНД.

— Члены КНД, проявившие на протяжении долгого времени активную работу по развитии и укреплении казачьего национализма, устанавливаются, согласно распоряжения Руководителя, доверенными КНД:

Г. Д. Бочаров, Т. М. Бобриков, П. И. Иванов, И. Д. Мотарыгин, инж. В. Я. Панасенко, А. П. Кирьянов, Б. А. Михаленков, П. А. Осетров, Е. Ф. Свиридов, К. Н. Муравьев.

— Заместителем Ведущего местных организаций КНД в Белостоцкой области назначается сотник Н. И. Исаев, атаман станицы КНД в гор. Беловежь.

— Членам Войсковых Кругов и Рады предлагается дать сведения о своей деятельности как на территории Казачьих Земель, так и в зарубежьи. Необходимо указать от какой станицы был делегатом, в каких комиссиях Кругов или Рады принимал участие.

Н. С. Рябовол.

Казак Динской станицы Кубанского Войска. Родился 17-го декабря 1883 г. Учился в приходской станичной школе и Екатеринодарском войсковом реальном училище.

Пробыв год учителем в родной станице, Н. С. Рябовол в 1905 году поступил на механический отдел Киевского Политехникума Вследствие революционного движения 1905 года и временного закрытия Политехникума Н. С. вынужден был прервать свое учение и занялся общественной деятельностью.

В 1905 г. он был мобилизован, окончил школу прапорщиков по инженерному отделу.

После революции 1917 г. Н. С. Рябовол был избран в Краевую Раду и оставался бессменным ее председателем.

В качестве представителя Кубани Н. С. Рябовол принимал участие в Южно-русской конференции и в самом начале ее работ был убит 14-го июня 1919 г. в г. Ростов н/Д.

Час возмездия настал.

По полученным сведениям, в Белостоцкой области жертвой террора бандитов пали казаки, члены КНД: ст. Савченко Петр и ст. Краснов с женой.

Полилась кровь казаков-националистов за то, что имели смелость думать с любовью о своей Родине и мечтали видеть ее свободной от жидовского гнета. Враг применяет излюбленные методы борьбы — убивать из-за угла, трусливо прячась в темноте. Но это безнаказанно продолжаться не может. Кровь убитых братьев-казаков требует возмездия. Требует она исполнения солидарного чувства братства, властно зовет к действию, будит совесть казачью стать в защиту поруганной идеи. Враг хитер и силен в своей только дьявольской изворотливости действовать исподтишка, по воровски, но он не любит принимать открытый бой, он панически боится любой атаки и тогда он теряет свою силу. Ему легче убивать казаков по одиночке. Он ловко приноспособляется к местным условиям разбросанности и старается еще больше раз'единить казаков путем посредственного воздействия на более пассивных и ослабления внутренней дисциплины, внушая им «еще подождать» не об'единяться в вооруженную силу, чтобы потом лишить и этой возможности. Вредная и предательская агитация замаскированного врага успела проникнуть в ряды казачьей эмиграции и находит иногда и там для себя благоприятную почву. Знает враг, что эмигрантская долголетняя жизнь в погоне за «куском хлеба» наложила глубокий след на психологию постаревших казаков, ослабила казачью совесть, активную силу противодействия, лишила, отяжелевших под бременем физического труда и лет, способности действовать смело и решительно. Это, говорят, не то, что в 1920 году, на коня не влезешь, да и глаза слепые... а думают-то другое. Такому «старику» эмигрантская плесень затянула горизонты будущего. Он еще умеет говорить о... прошлом и хвастаться воспоминаниями, но он не замечает, как тянет к земле его эмигрантская обыденщина со всеми своими пороками окружающей обстановки. Охотно подставляет ухо там, где говорится — «подождать»,.. «да время не пришло» и «сохраняйте свои силы». В этом находят свое оправдание, чтобы скрыть свою духовную немощность. Но к счастью, не все казаки опустились с головой в это эмигрантское болото, заросшее тиной томительной спячки. Сознание казаков, в большинстве, переросло понятие тоскующего мечтателя.

Они учли все возможности за и против и бесповоротно пошли дорогой своих братьев-казаков, борящихся на фронте.

На областном с'езде в Белостоке 18. 6. 44 казаки, в присутствии Руководителя КНД ст-ка Глазкова, вынесли резолюцию еще теснее об'единиться вокруг Каз. Национального Центра и гордо защищать свое казачье имя с оружием в руках во имя сохранения Казачьей будущности. Большое оживление в казачью среду внесли молодые казаки, эвакуированные из Казачьих Земель. Они своим неподдельным энтузиазмом и непримиримостью к большевизму подняли настроение стариков, увлекая их за собой на бой кровавый за Честь Свободы. Они с поразительной быстротой восприняли казачью национальную идею и первые зовут своих братьев к действию, к выполнению казачьей боевой задачи.

Казаки Белостоцкой области! Слышите ли предательские выстрелы в спину своих братьев? Знайте, что враг не спит и от него нет никакой пощады.

Настоящая обстановка, особенно тревожное время и пролитая кровь братьев-казаков ставят требование еще теснее соединиться и проявить высокое сознание сплоченности. Казаки сильны в своем единении и в состоянии дать дружный отпор врагу.

Настал 12-й час возмездия нашему заклятому врагу — жидо-большевикам.

В. Еремеев.

ХРОНИКА

В субботу 8 июля с. г. Казачья Национальная станица в Праге устраивала академию, посвященную памяти убитого в 1919 году Председателя Кубанской Краевой Рады Николая Степановича Рябовола.

Открывая академию Атаман станицы, сотник И. С. Школяр, в коротком обращении к многочисленным присутствующим сказал: «14-го, по новому стилю 27-го июля, 1919 года предательским выстрелом был убит в Ростове н/Д. один из лучших борцов Казачества, председатель Кубанской Краевой Рады и председатель Кубанской делегации на Юго-восточной Конференции, Н. С. Рябовол. Прошло уже 25 лет со дня его преждевременной и трагической смерти, но Казачество не только не забыло его, но давно уже присудило ему венок бессмертия, как наилучшему борцу за казачью долю. Враги наши безчестным способом убили тело казачьего трибуна, но его дела и память о нем будут жить в казачьих сердцах и в казачьей истории, пока будет жить Казачество».

Писарь пражской станицы ст. М. Ф. Башмак сообщил краткие биографические данные о яркой и кипучей жизни покойного борца за казачью долю. После этого б. член Куб. Краевой и Зак. Рады И. Л. Макаренко в реферате на тему «Убийство Н. С. Рябовола с точки зрения исторической обстановки того времени», охарактеризовал политическую обстановку и события в Казачьих Землях, какие были в последнии дни жизни Н. С. Рябовола.

Академию посетил Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков, тепло приветствованный присутствующими. В короткой речи Руководитель КНД провел параллель между политической обстановкой того времени, когда был убит Н. С. Рябовол и временем настоящим и обратил внимание на то, что те же силы, какие в 1917-20 г. г. погубили антибольшевицкое движение, те-же силы и сейчас явно и тайно становятся поперек дороги казачьего освободительного движения.

Далее выступали с речами: полк. др. инж. С. А. Федоров, сообщивший некоторые сведения о возможностях включения в противобольшевицкую борьбу старой казачьей эмиграции. Майор А. А. Сюсюкин в своем выступлении обратил внимание на необходимость не только ценить и уважать павших борцов Казачества: Рябовола, Кулабухова, но всемерно поддерживать живущих ныне наших казачьих патриотов, Рябоволов нашего времени, несущих теперь тяжелое казачье дело, и ограждать руководителей Казачества от клеветнических наветов и провокаций врагов.

Г. А. Козловский, приехавший из Италии и Балкан, поделился своими впечатлениями от встреч с казаками на Балканах.

Интимная беседа посетивших академию и делившихся впечатлениями, полученными от произнесенных речей, затянулась почти до 11 часов ночи.

На собрании присутствовали члены Президиума Верховного Совета КНД инж. Д. Н. Еременко, прибывший из Словакии, и полк. С. М. Макеев, прибывший из Генерал-Губернаторства.

—

— 6—8 июля с. г. Руководитель КНД ст. инж. В. Г. Глазков посетил местных казаков, находящихся на Моравии и имел с ними беседы по казачьим делам.

...Все, кто казак душой, кто любит Казачество не только на словах, но и на деле, кто любит свои семьи, родные и близкие нам станицы и хутора, кто хочет поскорее увидеть их освобожденными, тот должен стать в ряды своего казачьего народа и бороться за его светлое будущее.

(И. Васильев, «К. В.» № 5 (62).

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Братчик Федор Моисеевич, ст. Анастасиевской, Кубань, разыскивает сына Алексея. Писать:

Ponomarew André NSU Ledigenheim Neckarsulm (Württ.)

— Чурюканов М. А., хут. Вязовка, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает сыновей Павла (рожд. 1912 г.) и Георгия (рожд. 1914 г.). Писать через «Каз. Вестник».

— Гриценков Роман, ст. Егорлыцкой, Дон, разыскивает сына Василия, рожд. в 1922 г., служившего в Кубанском Каз. полку. Писать:

Luxemburg, Bonneweg, 60 Gemeinschaftslager.

— Быкадоров Филипп, хут. Каюкова, ст. Митякинской, Дон, разыскивает брата Григория, 46 лет, эмигранта 1920 г., проживавшего во Франции, и дядю Афанасия Ф. Быкадорова, 60 лет, эмигранта 1920 г., проживавшего в б. Югославии. Писать через «Каз. Вестник».

— Сычева Николая из Изобильного разыскивает тетя Елизавета Дущенко. Писать:

Thorn - Mocker. Westpreussen. Umsiedlungslager Am Viehmarkt Barake 3/8.

— Ярцев Григорий разыскивает дядю Григория Тимофеевича Ярцева, эмигранта 1920 г. Писать через «Каз. Вестник».

— Дячкова Наталия разыскивает отца кубанского казака Анисима Власовича Кирия, брата Константина Анисимовича Кирия и двоюр. брата Григория Федоровича Слепуху, эмигрировавшего заграницу в 1920 г. Писать:

Lautawerk Süd N./L. Lager 3a. Krs. Calau.

— Малахов Николай Яковлевич, ст. Цымлянской, Дон, разыскивает брата-эмигранта Михаила и двоюрод. брата Константина Семеновича Малахова, проживавших, по сведениям, в б. Чехословакии. Писать:

Sonderlager Kielce. Prostá, 30. General-Gouvernement.

— Фетисов Иван, хут. Никишин, р-н. Глубокинский, Дон, разыскивает двоюр. сестру Марию Николаевну Темникову. Писать через «Каз. Вестник».

— Джалос Михаил, разыскивает жену Нину Константиновну (30 лет) и дочь Валентину Михайловну Джалосовых, проживавших в Темнолесском-Измай, Тульского района, на Кубани. Писать:

Radom Schuma-Batl. 210 (Kos.) Gen. G.

— Бородин Иван Григорьевич, ст. Каменской, Дон, дазыскивает отца Гр. М. Бородина, рожд. 1896 г. Писать через «К. В.».

— Князев Дмитрий Федорович, ст. Раздорской, Дон, разыскивает братьев и станичников новой эмиграции. Писать: Болгария. гр. Сливен, ул. Царь-Калоян, 5.

— Буданов Александр Фед., ст. Заплавской, Дон, разыскивает брата Федора Ив. Арестова. Писать через «К. В.».

— Тушка И. Т. разыскивает Никиту Павловича Палия, ст. Кореновской, Кубань, прожив. до 1930 г. в Париже. Писать:

Lager Tell Borna Bez. Leipzig.

— Бурыкин Роман Фед. ст. Чертково, Дон, разыскивает брата Николая. Писать через «Каз. Вестник».

— Растеряев Никита, ст. Каменская, Дон, разыскивает сестру Татьяну Гуреевну Горячеву, выехавшую на работы в Германию в 1942 году. Писать через «Каз. Вестник».

— Овчаркин Георгий, хут. Скородумовка, ст. Каменская, Дон, разыскивает брата Петра Филип. Овчаркина, рожд. 1921 г. Писать через «Каз. Вестник».

— Бородин Семен, хут. Бородинов, ст. Бело-Калитвенской, Дон, разыскивает брата Петра, рожд. 1898 г. Писать через «К. В.».

— Разыскиваю Индыло Ивана Кузмича, ст. Канеловской, Кубань, беженца из СССР. Писать:

Alexandra Poljakowa, Nürnberg. Lager Wiesenfeld.

— Семиглазов Иван, ст. Калитвенской, Дон, разыскивает отца Афанасия Семиглазова, рожд. 1889 г., эмигрировшего в Болгарию и проживавшего в гор. Кpджали. Писать через «Каз. Вестник».

— Семиколенов Андрей, хут. Кудинова, ст. Калитвенской, Дон, разыскивает дядю Антона Ивановича Семиколенова, эмигранта 1920 г. Писать через «К. Вестник».

— Бурлаков Николай, хут. Старая Станица, ст. Каменской, Дон, разыскивает брата Василия. Писать через «Каз. Вестник».

— Зорин Михаил Сергеевич, хут. Бородинова, ст. Бело-Калитвенской, Дон, разыскивает сына Ивана и двоюрод. брата Дмитрия Гавр. Торева. Писать через «К. В.».

— Кожанов Алексей Парамонович, ст. Морозовской, Дон, разыскивает племянника Даниила Петровича Кожанова и двоюрод. брата Тимофея Семеновича Кожанова.

W. S. 2-te Pionier-Kompanie, Trzebinia O./Schl. Eisenbahnlager.

— Бородин Михаил Андреевич, хут. Бородинова, ст. Бело-Калитвенской, Дон, разыскивает племянников Ивана Щербакова, рожд. 1924 г. и Василия Андрон. Щербакова, рожд. 1916 г. Писать через «К. В.».

— Духнов Захар разыскивает жену Христину Григорьевну Духнову, рожд. 1900 г., и дочь Лидию, рожд. 1921 г., по сведениям, бывших в лагере в гор. Белостоке. Писать:

Schuma-Batl. (Kos.) 210 Radom. G. G.

— Сударкин Василий Павлович, ст. Каменской, Дон, разыскивает дядю Дмитрия Павловича Плешкова, рожд. 1907 г. и двоюрод. брата Ивана Тимофеевича Плешакова, рожд. 1915 года. Писать через «Каз. Вестник».

— Перков Яков А., ст. Новорождественской, Кубань, разыскивает брата Ивана и Туму Иосифа Войцеховича и его жену Марфу Моисеевну с Кубани. Писать через «Каз. Вестник».

— Земляков Василий Григорьевич разыскивает брата Варсонофия, проживавшего во Франции до 1929 года. Лиц, знающих местопребывание инж. Афанасия Петровича Ермилова, д-ра Григория Ивановича Елатонцева и д-ра Виктора Александровича Дьякова, прошу сообщить через «К. В.».

— Гализов Михаил Ефимович разыскискивает мать Марию Тимофеевну Гализову, рожд. 1896 г., брата Владимира, рожд. 1924 г., сестру Варвару, рожд. 1926 г., эвакуировавшихся в январе 1943 г. Просит откликнуться сотника Владимира Ушакова, ст. Зеленчукской, Кубань, и казаков его отряда, имевшего фельдпост № 42933. Писать:

Uffz. M. Galisow Kosaken-Leitstelle. Berlin NW7., Hegelsplatz 2.

— Болотенко Григорий Кириллович, ст. Славянской, Кубань, разыскивает брата Георгия, который перед месяцем был эвакуирован в Румынию. Писать через «Каз. Вестник».

— Косачев Алексей, ст. Луганской, Дон, разыскивает отца Василия Николаевича. Писать:

Alexander Kosatschew, Arbeiterlager II., Brauckstr. 9, Gladbeck i. West.

— Пшеничнов разыскивает родственника Петра Николаевича Донского из гор. Батайска. Писать:

Pschenitschnow, Waldlager D, Heerte über Wolfenbüttel.

— Шкрылев Алексей, ст. Богаевской, Дон, разыскивает брата Павла Волкова, эмигрировавшего в 1920 г. Писать на «К. В.».

— Проф. Беднягин Филип Иванович разыскивает брата Беднягина Владимира Михайловича, эмигрировавшего в 1920 г. в Сербию. Писать:

Prof. Bednjagin L. W. D., Forschungszentrale, Halbturn n/Do.

— Долгошеев Василий, ст. Костромской, Кубань, разыскивает родного брата Федора Семеоновича. Писать:

Dolgoscheew W., Feldpost No. 11424 A.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Tit. Ukrajinské Muzeum, Praha Nusle,
Gutenštajnka ul. č. 6.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 16 (73) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го АВГУСТА 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

ОТ РУКОВОДИТЕЛЯ КНД.

КАЗАКИ!

Публикуемое ниже обращение к Кубанским Казакам ген. штаба генерала В. Г. Науменко, по важности затронутых в нем вопросов, является большим и необходимым для Казачества документом. Оно вносит почти полную ясность по ряду самых жизненных вопросов, касающихся как самого понимания Казачества, так и его национальных стремлений.

Долголетняя непоколебимая работа казачьих националистов получила ныне признание и со стороны тех, кто до сих пор стоял на иных позициях и защищал иные взгляды на Казачество и его задачи.

Различное понимание сущности Казачества и вытекающих отсюда задач вносило в нашу казачью среду разногласия, разделения казаков и их взаимную борьбу, что ослабляло казачьи силы, приносило большой вред нашим казачьим начинаниям.

Трагичность казачьего разделения еще больше усугублялось тем, что мы, казаки, делились не по своим насущным казачьим делам, делились не по своим казачьим вопросам, нас разделяло не что либо свое, казачье, а чужое, стоявшее вне Казачьих Земель и вне казачьих интересов.

Теперь, как видно из обращения ген. В. Г. Науменко, все дотоле враждовавшие между собой части Казачества пришли к единому пониманию Казачества и его жизненных национальных интересов.

В своем обращении ген. В. Г. Науменко, признает Казачество за отдельный самобытный КАЗАЧИЙ НАРОД, имеющий свою многовековую историю и исполнявший на Востоке Европы высокую историческую миссию — европейского барьера против анархии и разрушений, двигавшихся с Востока.

Признается необходимость обеспечения исторической жизни Казачества, как народа, в рамках своей собственной КАЗАЧЬЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ, и только в ней наш народ может проявить и развить все свои силы и способности.

К осуществлению этих самых основных и неотъемлемых чаяний казачьего народа, признается лишь один и единственный путь, КАЗАЧИЙ ПУТЬ, без всякой оглядки на Москву или Петроград.

Вполне естественно, что основной предпосылкой успеха нашего казачьего дела является прежде всего наше казачье ЕДИНСТВО, стремление к общеказачьей работе и солидарности, прекращение всякого рода разногласий и споров, ибо только дружными сопряженными усилиями всех казаков мы можем с помощью Великогермании освободить наши Казачьи Земли и приступить к государственному строительству всего Казачества — нашей Казачьей Родины.

Мы, казаки-националисты, не можем не приветствовать мужественного и весьма своевременного обращения ген. В. Г. Науменко, так как оно в основном подтверждает все те наши стремления, чаяния и задачи, о которых мы на протяжении долгих и тяжелых лет говорили казакам, пробуждая их казачье самосознание, и которые мы всюду и везде упорно защищали.

Обращением ген. В. Г. Науменко стираются все те грани, какие разделяли казаков и какие принесли в прошлом так много вреда нашему казачьему делу.

С глубоким сожалением приходится отметить, что в прошлом было много напрасных и вредных споров и разногласий, было много ненужной взаимной борьбы, потратившей без толку массу казачьих сил и энергии и принесшей так много вреда нашему общеказачьему национальному делу. Нет и не может быть сомнений в том, что наш казачий вопрос и положение каждого отдельного казака было бы без сравнения иным и много, много лучшим, если бы это единство мысли и взглядов на основные КАЗАЧЬИ ЗАДАЧИ мы, казаки, имели бы раньше, хотя бы в начале настоящей войны!

Но еще не поздно, далеко еще не поздно наверстать упущенное. Необходимо теперь же в ударном порядке проявить лучшие черты нашего Казачьего Народа: способность к железной дисциплине и крепкому единству, отвагу и упорство, беззаветную самоотверженность в служении своей КАЗАЧЬЕЙ ЦЕЛИ.

Надеемся, что за честным и искренним решением ген. В. Г. Науменко последуют все те казаки, которые раньше были иного мнения и иных взглядов, и которые также искренне будут приветствовать правильность и своевременность решения своего Атамана.

Сами слова, не проведенные в жизнь, остаются пустыми и неискренними, если за ними не следуют дела, подтверждающие честность и верность высказанному.

Надеемся, что слова не разойдутся с делом.

Казачий Народ, наряду с народами Новой Европы, переживает один из самых ответственных моментов своей истории, когда необходимо сплотить все живые силы народа для борьбы за свое существование, за свою свободу и право на жизнь, а для этого нужно крепкое духовное единство и понимание стоящих перед нами задач. Такое единство и такая общность стремлений в среде Казачества устанавливается обращением ген. В. Г. Науменко.

Братья Казаки, и для нас бьет двенадцатый час, час, который решит судьбу и нашего родного Казачества. Будем же все на высоте переживаемого нами ответственного времени, будем же достойными потомками своих славных предков. Еще теснее, еще крепче сплотим свои казачьи ряды, сомкнем свои силы в борьбе за свободу и независимость нашей Казачьей Родины.

Пусть же и наш рыцарский казачий народ будет достойным членом Новой Европы, борющейся под руководством Германии за свободу и жизнь. Пусть же наше Казачье Имя с честью впишется и на страницах новой истории, а наши потомки пусть будут горды за наши дела и подвиги!

Слава Казачеству!

Инж. В. Глазков,
Руководитель Казачьего Национального Движения.

Берлин. 24 июля 1944 г.

Неудавшееся покушение на Фюрера.

По случаю счастливого спасения Вождя Адольфа Гитлера от покушения на его жизнь Руководителем Казачьего Национального Движения (КНД), находившимся в Берлине, была послана 21. 7. 44 Вождю нижеследующая телеграмма:

«От лица всего национального Казачества выражаю глубокую и искреннюю радость тому, что Проведение сохранило Вас для дальнейшего руководства исторической борьбою народов Европы.

Казачий народ подтверждает свою верность и твердо и непоколебимо верит Германии и ее великому Вождю.

В неразрывном союзе с Германским народом казачьи националисты будут бороться за полное уничтожение большевизма до тех пор, пока не будет обеспечена жизнь и свобода всех европейских народов».

20 июля группой злоумышленников было произведено покушение на вождя Немецкого народа Адольфа Гитлера. К счастью Фюрер получил только несколько легких ссадин и ожогов.

Фюрер не прервал своей работы и немедленно после взрыва принял Дуче и вел с ним продолжительную беседу. Вскоре к Фюреру прибыл имперский маршал Геринг.

В тот же день Адольф Гитлер обратился с речью по радио к германскому народу, в которой сам сообщил некоторые подробности покушения.

— Бомба, — сказал Фюрер, — подложенная полковником графом Штауффенберг, взорвалась в двух метрах с правой стороны от меня. Ею очень тяжело ранены несколько дорогих мне сотрудников, один из них умер. Я сам совершенно не пострадал, не считая небольших ссадин и легких ожогов. Я смотрю на это спасение, как на подтверждение возложенной на меня Провидением миссии преследовать и в дальнейшем цель моей жизни, как я это делал до сих пор. —

Из ближайших сотрудников тяжело ранены: генерал-лейтенант Шмундт, полковник Брандт, подполковник Боргман, сотрудник Бергер. Легко ранены: генерал-полковник Иодль, генералы Кортен, Буле, Боденштатт, Хейзингер, Шерфф, адмиралы Фосс и фон Путткамер.

—

Покушение на жизнь Адольфа Гитлера не может не вызвать возмущения и негодования среди здравомыслящих слоев современного общества.

В момент самого сильного напряжения нервов, когда все здоровые силы должны сосредоточиться вокруг освобождения Европы от иудо-коммунистического кагала, безответственная группа задумала лишить борцов за справедливость и свободу их гениального Вождя, полагая своим гнусным поступком вызвать смятение в рядах той армии, которая беззаветно верила и верит Фюреру и безоговорочно следует за ним.

К счастью замысел злодеев не увенчался успехом. То Провидение, на которое ссылается в своей речи Фюрер, спасло его от неминуемой, казалось бы, гибели, это же Провидение сбережет его силы так необходимые в переживаемый нами момент.

Только люди потерявшие веру в честность и справедливость, люди ищущие личного счастья в ущерб общего блага, чтобы самим выдвинуться на передовое, руководящее место, могли решиться на такой гнусный поступок, который имел место 20 июля. Дата эта будет внесена в историю освободительной войны, а имена злодеев передаваться будут из рода в род, как предателей и изменников.

Что группа злодеев лишена была благоразумия и шла на «дело» не думая о возможных последствиях, доказывает нам факт ее малодушия. Ведь, если люди затевают что либо, пусть даже самое преступное, верят в с в о ю правду, если даже их постигнет неудача, они должны смело, с открытыми глазами, предстать перед судилищем своих противников и там доказать превосходство с в о е й правды. Но мелкие душонки, без лица и без внутреннего содержания, побоялись п р а в д ы своих противников и убоясь справедливого возмездия, лишают себя жизни. Быть может в момент самоубийства они и сами верили, что время причислит их к лику героев, пострадавших за идею?

Но ведь вся то их идея покоилась на желаньи устроить самих себя, быть может даже украсить свою грудь звездою любезно предоставленной им обер-палачем Сталиным, или Рузвельтом, если не обоими вместе. И в этих только соображениях была их правда.

Вполне естественно, болезнее многих иных приняли роковую весть возрождающиеся народы Восточной Европы, предоставившие себя всецело в распоряжение Фюрера и вверившие ему свою судьбу.

Мы, Казаки-Националисты, с самого начала войны с советами, не ожидая призыва со стороны, добровольно включились в число борцов за Новую Европу и за национальное освобождение своей Казачьей Родины. Мы были верными союзниками Германии и ее доблестной армии, мы остаемся таковыми же до конца, не считаясь с возможными затруднениями и колебаниями на фронтах. В этой решительной и титанической борьбе Адольф Гитлер внушил Германскому Народу и его союзникам несокрушимую веру в конечную победу права и справедливости.

Т. Лобанов.

РОДНЫЕ КУБАНЦЫ!

В настоящее время, когда казаки доблестно борятся с нашим общим врагом в рядах Германской Армии, проявляя при этом присущую Казачеству стойкость, я считаю необходимым еще раз напомнить вам о тех мыслях, которые высказаны Германским Правительством в его обращении к казакам от 10-го ноября 1943 года.

Мы, кубанцы, глубоко сознаем большевицкую опасность, а потому никто из нас не смеет ныне оставаться пассивным в стороне от общей работы.

В наших жилах течет казачья кровь, кровь **народа,** который на протяжении столетий боролся со смутами на востоке Европы, со степными кочевыми ордами, заслоняя ее своими полками от разрушительных нашествий.

И теперь, во время страшной опасности, грозящей человечеству и прежде всего нам, казакам, нашим стремлением должно быть построение **единого казачьего фронта** и вхождение в общую борьбу по созданию новой Европы в целях победы, утверждения мирной жизни, спокойствия и порядка.

Только традиционная казачья государственность на наших исторических землях, под защитой Германии, обеспечит нам право к свободному развитию и даст возможность **вновь стать** на исторический путь казачьей жизни.

В полной согласованности с обращением Германского Правительства к нам, казакам, от 10-го ноября 1943-го года и не мудрствуя лукаво, мы заявляем, что **единственным путем нашим должен быть путь казачий.**

Поэтому я теперь требую от всех Кубанцев забыть прошлые недоразумения, прекратить партийные разногласия и крепко сплотиться вокруг меня и наших **войсковых знамен,** покрытых вековою славою, для дружной работы во имя родной Кубани и в целях **государственного строительства Казачества.** Только тогда успех наш в титанической борьбе за свободу и счастье народа казачьего будет обеспечен.

Бог вам в помощь!

Кубанский Войсковой Атаман
Генерального Штаба,
Генерал-Майор Науменко.

16-го июля 1944 года.
Город Берлин.

Не в России, а в Германии встает Казачество.

Ген. П. Н. Краснов.

(В предисловии к изданию № 1 Сборника «Казачьи Песни», 1944 г.).

—

В этой борьбе мы, казаки, связанные узами казачьего родства, узами общих казачьих интересов и общей судьбы, должны проявить максимум сплоченности и солидарности. Только дружная совместная работа всех нас, только взаимная поддержка и забота, только наше истинно к а з а ч ь е братство может облегчить казачьи страдания и дать нам возможность полнее и увереннее завоевать свое право.

(И Бочаров, «К. В.» № 15 (72).

Активность шептунов.

Военно-политическая обстановка в Европе за последние месяцы совершенно изменила свое лицо.

Пламя войны запылало с новой силой, запылало там, где до сего времени только тлело. Два важных явления изменили эту обстановку.

Большевики начали свое летнее наступление, а второе, к которому сегодня прикованы взоры всего мира, — это активность англо-американцев на Юге Европы и высадка ими десанта на Нормандском побережьи во Франции.

В связи с этими событиями, от исхода которых в большой мере зависит и судьба европейских народов, зашевелились все «подпочвенные» враги национальных сил.

Это — шептуны.

Не нужно думать, что шептуны, — явление случайное, не связанное с ходом событий. Нет.

Распускатели всевозможных слухов ведут свою работу упорно, планомерно, обдуманно и не всегда безуспешно. Они работают, главным образом, там, где вера в победу национальных сил над жидо-большевицким злом тверда и непоколебима. На элемент малодушный они не тратят сил, ибо этот элемент в расчет не принимается. Они, шептуны, указывают, что, де, вот же высадились англо-американцы и их не сбросили в море, допустили высадку. Атлантический вал не так уж прочен и пр.

Не нам, конечно, подвергать критике мероприятия военного командования, ибо мы о его планах ничего не знаем да и знать нам не полагается. Для нас ясно одно, что исход настоящей войны в очень большой степени зависит от нанесения решительного удара большевицко-плутократическому блоку. Этот удар может быть нанесен только на Европейском материке.

В свое время, когда был готов Атлантический вал, все были предупреждены о том, что всякому, кто пожалует на европейский материк, будет оказан «теплый прием».

Сегодня это подтверждается. Высадившимся англо-американцам оказывается войсками европейских народов, во главе с доблестной немецкой армией, действительно, «теплый прием».

Вот это-то обстоятельство и привело шептунов в смущение и заставило их проявить ту активность, которую мы наблюдаем.

Еще недавно они шептали, что все дело обойдется очень просто и все совершится очень быстро.

Достаточно англо-американцам ступить на территорию континента, как все пойдет «вверх тормашками». Как видим, не пошло. Наоборот, события укрепляют веру в мощь национальных сил Европы, укрепляют веру в конечную победу над жидо-большевиками и их союзниками.

Не раз уже за время этих великих событий в Европе шептуны напрягали все свои силы и мы, **национальное казачество, связавшие совершенно сознательно и добровольно свою судьбу с национал-социалистической Германией и национальными силами Европы, не первый раз чувствуем на себе атаки этих шептунов.** До сих пор они **не имели никакого успеха,** хотя и усиленно доказывали нам, что наши пути и цели ошибочны и не верны.

Сегодня, в дни решающих событий, когда жидо-большевики и их союзники — за-

(Продолжение на 2-ой стр.).

Г. А. Козловский.

За родину и волю.

Впервые я встретился с ними на мосту в Вероне. Мой спутник, молодой итальянец, схватил меня за руку:

— Смотрите, да ведь это ваши казаки! —

Их было двое. Красные лампасы, кубанки, у бока донская шашка. Да, это вне сомнения были наши степные орлы, это видно было по горделивой поступи и по умению носить свою форму, особенно шашку.

— Станичники, здравствуйте! —

Останавливаются и подходят ко мне. Видно, что их смущает мой совершенно партикулярный вид. Осторожно ощупывают меня глазами.

— А вы из эмигрантов? —

Постепенно завязывается разговор. Оба из Ростова, ушли с отступающими германскими частями. В последнее время были в дивизии борющейся с партизанами в Словении. Сейчас получили отпуск и думают использовать его в каком то курорте на севере Италии. Маршрут и название местности знает старший, он ждет их на вокзале, где назначен сбор. В свою очередь расспросы, как нам живется в эмиграции, что думаем дальше делать, каково общее настроение. Тот младший, у которого непослушный вихорь рвется на волю из под кубанки, со вздохом говорит:

— Да что и говорить, казак всюду останется казаком. Мы там, вы здесь каждый по своему переживал наше общее горе. Но нужно думать скоро кончатся все эти войны и опять мы сольемся в одну, дружную семью. Пока что крошим коммунистов направо и налево. Чем больше истребим их, тем скорее вернемся домой! —

В перемежку с вопросами текущего дня рассказывают об ужасах террора, особенно в первые годы занятия Дона большевиками и стойкости казаков, особенно казачек, так как они в большинстве оставались дома. Казаки, кто куда разбрелись, многих вывезли. Кому удалось с дороги сбежать, тот спасся от верной гибели на разных работах.

Беседа наша ведется быстро, отрывочными фразами. Времени мало, да и вокруг нас собирается толпа любопытной, праздной публики, с большим интересом осматривающих тех рыцарей, чье имя стало славным и известным от Белостока до Парижа и от Балтики до берегов Средиземного моря.

Крепко пожимаем друг другу руки с общим пожеланием: скорее закончить начатое дело, здоровыми и также сильными духом встретиться на родной земле.

От Триеста к столице Кроатии Загребу дорога все время тянется среди гор покрытых густым лесом. А где почва немного понижается, все пространство покрыто серым скучным камнем. Поезд осторожно проходит через попутные мосты, вдоль всего пути виднеются пикеты, среди них наши кубанки.

Вот, под деревом, против самого вокзала сидит донец. Среднего возраста, с бородкой клинышком, в руках неизбежный спутник-винтовка. Лицо загорелое и обветренное, только глаза блестят особенным огнем. Вокруг него собрался молодняк. Это молодая казачья генерация, выступившая в поход против вековечного врага и здесь, вдали от своих родных степей и хуторов ведет борьбу за свою родину и волю.

Подхожу к группе.

— Слава Казачеству! —

— Слава, слава, — хором отвечают казаки.

Обычные расспросы, кто и откуда. У молодежи загораются глаза, наперебой стараются вылить перед случайно встреченным стариком-станичником всю накопившуюся злобу против Сталина и его режима. Сидящий под деревом казак с бородкой время от времени вставляет свои реплики.

Я с большим вниманием прислушиваюсь к рассказам казаков. Интересен самый процесс передачи их, в особенности молодежью, выросшей и воспитанной уже при большевиках.

Мои собеседники в большинстве Ростовцы, один из Аксая, есть Екатеринодарец и Пашковец. Самому старшему из них недавно минуло двадцать лет. Но многое уже довелось им испытать, там, у себя, скрываясь по горам, лесам и плавням от красных палачей, они закалялись себя для дальнейшей борьбы. Старший сорокалетний Цимлянец прибыл сюда с солидным стажем. По его словам, он «никогда не выходил из партизан» и только жалеет, что до сих пор мало «накрошил» коммунистов.

— Ну, да это ничего, наше время впереди! Будем живы, еще набьем! —

От горьких воспоминаний о кошмарном прошлом переходим к положениям текущего дня. Казаки довольны. Есть возможность отплатить изуверам за их издевательства.

Мне запомнились слова одного из ростовцев:

— Веселая работа! Главное то, что чувствуешь необходимость этой борьбы. Мы понимаем, что истребляя их здесь, способствуем скорейшему освобождению нашей Родины. Бывает, что и нас потеснят, но это придает только больше желания дать сдачи. А здешние коммунисты знают, что наша сдача дается с большими процентами.

Коммунистические банды боятся открытого боя с казаками. Двинутся вперед, но завидя против себя казачью лаву спешно уходят в леса. Непринимают боя. Все они носят на шапках и на груди пятиконечную красную звезду. Но попадая в плен, в первую очередь, стараются уничтожить свои эмблемы.

Казаки довольны отношениями к ним своих командиров, германских офицеров. Кормят хорошо, получают все необходимое.

При прощании высказывается пожелание: скорее закончить борьбу и к себе, на Родину!

— Всюду хорошо, но лучше всего дома!

На другой день, проходя по бульвару короля Томислава, я увидел сидящих на скамье двух казаков. Кубанцы, постарше, станицы Кужорской, другой Таманец.

— А мы вот, — говорит постарше, — только говорили с станичником: как бы встретить кого либо, кто мог бы с нами поговорить по нашему, а вот вы, отец, как раз подошли! Значит быть удаче! —

Он только что вышел из больницы. Лежал в одном из госпиталей на курорте в Северной Италии. Сейчас, вместе с сидящим рядом станичником, направляются в место расположения своей дивизии. Другой был в отпуску, его брал с собою германский ефрейтор. Отпуск провел в немецкой деревне недалеко от Нюренберга. Ненахвалится. После колхозных беспорядков и грязи он был восхищен привольной жизнью немецких крестьян.

— Я все примечал что и к чему. Даст Бог вернемся, многое из того, что видел в немецкой деревне, буду заводить у себя в станице. Есть чему поучиться! —

Сегодняшние мои собеседники оказались развитыми, сознательными казаками. О Казачьем Национальном Движении слышали мельком, наш журнал им не попадался. Но житейский опыт им подсказывал, что не по пути казаку с Москвою, что нужно что то свое, казачье.

Теперь начинаю я информировать моих собеседников о той великой и благородной работе, которую ведет КНД. Слушают затаив дыхание. Для них моя информация целое откровение.

— Слава Богу! Стало быть наше казачье дело делается! Бог помощь, а мы всегда поддержим! —

Так говорит тот, побывавший в отпуске.

Другой серьезно призадумался.

— Вот в первый раз об этом узнал здесь, на этом бульваре! Я чувствовал, что нужно нам что то свое, родное, близкое нам, понимающее нас. Я так думал, а оно уже делается. Значит все таки крепок дух казачий, одинаково казак думает, даже вдали друг от друга! —

Нет надобности писать о многих иных встречах. В тех, или иных выражениях казаки высказывались единодушно:

— Казачий народ сам должен добиваться своей свободы, никакая сила не остановит начатого освобождения его из под рабства и опеки Москвы.

Среди встреченных мною были и Донцы-староверы. Эти подходили к вопросу о борьбе с большевиками с религиозной точки зрения. Раз рука дерзновенного поднялась на Господа Бога, значит она должна быть уничтожена. Ведь казаки всегда были защитниками христианства и никогда не жили без Бога.

И от этих встреч и разговоров, носящих случайный характер, у меня осталось самое лучшее впечатление. Оторванность казачей массы друг от друга, невозможность жить и строиться, по своему, по казачьи, заставила многих приспосабливаться к условиям окружающей их обстановки. Но дух народа остался ненарушимым. Куда бы ни забросила судьба казака, в каком бы окружении он ни жил, он всегда останется самим собою, всегда только казаком.

Ни что не может помешать процессу об'единения казачества вокруг его Национального знамени. Опыт минулого и пережитое Казачеством за долгие годы борьбы, врожденные чутье и наблюдательность сами указывают ему путь к Национальному возрождению.

(Окончание с 1-ой страницы.)

морские плутократы — ведут атаки на народы Европы, их культуру и цивилизацию, в том числе и на казачий народ, **как равноправного члена европейской семьи народов,** шептуны особенно заинтересовались казаками.

В первые дни высадки англо-американских войск во Франции, казаки являлись особенно излюбленным об'ектом шептунов. Все старые, некчемные агитационные трюки пускались в ход, но успеха не имели.

Казаки не меняют своего мнения, не изменяют данному слову, как-бы обстановка не изменялась. Казачий народ и дальше пойдет по намеченному пути. Одни на поле битвы, другие работой на заводах, третьи иными видами помощи будут честно выполнять те обязанности, какие на него, как на члена европейской семьи, возложены сегодняшними судьбоносными историческими днями.

Усилия шептунов совершенно напрасны. Казаки понимают откуда это идет, к чему ведут свою работу шептуны. Все это старо и известно, что за всеми разговорами шептунов, часто говорящих со вздохом, сочувствием и сокрушением, стоит «отец народов» со своей отвратительной, лживой пропагандой.

Сталинский же жидо-большевизм несет за собой междуусобие, убийства, кровь, насилие, народные бедствия, тюрьмы и рабство.

Казачьему народу все это известно и шептуны напрасно тратят свои усилия.

ХРОНИКА

— По представлению командира Казачьей Национальной Сотни, действующей на территории Сербии, войск. стар. А. М. Протопопова, чины сотни, проявившие активную работу по развитию и укреплению казачьего национализма, равно как дисциплины и боевого казачьего духа, назначаются Руководителем доверенными КНД:

Войск. стар. А. Н. Чекин, В. П. Монастырный, есаулы В. А. Поляков, А. И. Попов, хор. Н. Ковалев, А. Шевандин, подхор. Р. Евсиков, А. Пыль, М. Нестеренко, П. Беляков, вахм. А. Фоминец.

— В связи с событиями на Востоке среди казаков были опасения о судьбе казачьих беженцев, в рядах которых находится много родственников и одностаничников казаков-эмигрантов. По полученным сведениям, казачьи беженцы, за исключением небольших жертв, благополучно эвакуировались из мест своего временного поселения и будут сосредоточены в более безопасное место.

— На очередном субботнике 29. VII. Казачьей Национальной станицы в Праге, ст. Г. А. Козловский поделился с присутствующими своими впечатлениями из Италии. Вернувшийся из Берлина Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков сделал краткое сообщение о положении Казачьего вопроса в настоящий момент. Сейчас между различными Казачьими группами устранены все разногласия. Образуется единый Казачий Национальный фронт для борьбы с большевизмом и для строительства своей Казачьей государственности. Вокруг своего Национального знамени должны группироваться все живые Казачьи силы.

Присутствующие на субботнике приветствовали Руководителя и выразили готовность активнейшим образом стать на защиту своих Национальных интересов.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

В редакцию получено скорбное известие. Во время столкновения с партизанами убит Казак ст. Баталпашинской (Кубань) Николай Ефременко. Умер честный Казак при исполнении своего долга, мечтавший после окончания боевой страды вернуться в свою станицу и там, в освобожденной уже Казакии, продолжать в мирной обстановке, свою деятельность верного патриота.

Мир праху его!

Смерть поета О. І. Олеся.

В суботу 29 ц. місяця в Празі прощали, на Ольшанськім кладовищі прах великого співця Українського Козацького відродження, Олександра Івановича Кандиби-Олеся, що спочив на 66-му році свойого життя по тяжкій хворобі.

Олесь народився 1878 р. 25 листопаду (по старому стилю) в Богодухові на Харківщині. Предки його по батькові і по матері походять з Запорозьких козаків. Коли Січ була зруйнована предки покійного оселились на Харківщині та займалися торгівлею. Дід Олеся мав велику чумачку, а батько завів величезну торгівлю рибою; комерційні справи батька захиталися, він рано помер і Олександер Іванович своєю працею мусив добувати собі середників на освіту. Олесь закінчив спочатку Хліборобську школу а потім Ветеринарний Інститут в Харкові; аж до виемігрування служив ветеринарним лікарем у Київі.

Поетичний талант О. І. прокинувся рано, а перші його поезії «З журбою радість обнялась» появилися на 28 році його життя. Ця збірка була наочним доказом для всіх, що в особі Олеся ми маємо першорядного поета. У цій збірці і в своїх творах Олесь виявив великі скарби творчого духу. Він переспівав красу козацьких степів, їх природу та продовжував діло геніального Т. Г. Шевченка.

Майор Сацюк.

„Ненависть".

1.

Вместе с приказом о назначении майора З. командиром полка в штаб Н танковой бригады пришли два синих пакета: — один на имя начальника особого отдела НКВД, — другой военному комиссару бригады.

Начальник оо. НКВД ст. лейтенант госбезопасности Вейс, вскрыв пакет, долго рассматривал узенькую бумажку, немного подумав, растягивая в ядовитую усмешку узкие губы, размашистым почерком наложил резолюцию.

«Оперуполномоченному Н танкового полка Шашкину. Взять под особое наблюдение. Средств не жалеть. Доносить подробно каждую неделю».

В тот же вечер на очередном заседании побрига комиссар бригады полковой комиссар Скибинский, слегка понизив голос и обведя собравшуюся рать политработников усталыми от бессонницы глазами, произнес:

. . .«И наконец, товарищи комиссары частей, я особо подчеркиваю Ваше отношение к своим командирам. Помните и никогда не забывайте, что Вы являетесь всевидящим оком партии.

— Вам дано высшее право решать все вопросы от имени партии Ленина-Сталина. Несите высоко классовую бдительность и оправдывайте доверие партии и великого вождя народов Сталина к Вам, как к ее лучшим сынам.

— А ты, — он бросил быстрый взгляд на комиссара Н танкового полка, батальонного комиссара Самуила Рывкина, — ты на днях должен встретиться с новым командиром полка, назначенным по приказу в Ваш полк». — Он еще более понизил свой голос и, доведя его до полушопота, слегка косясь на закрытые двери, продолжал:

— «Имей в виду Рывкин, что у него не все в порядке. Мы имеем точные сведения, полученные из пуарма (политуправление армии) о том, что парень просидел 3 года за саботаж по 58 ст.

А теперь, сами должны понимать, — война. Люди нужны. Он будет работать так, как этого хочет партия. Мы для этого здесь существуем!» — комиссар, делая сильные ударения на последних словах, с торжествующей улыбкой обвел глазами свою аудиторию. Все сидели молча, внимательно слушали и что-то быстро черкали в своих блокнотах. Признаки дисциплины и послушания были налицо.

Довольный своей тирадой он снова продолжает:

— «А тебе, Рывкин, надо быть с ним особенно на чеку. Учти, что он к тому же и **казак**. Вот проклятый еще народ, — никак не приведешь к послушанию. Все словно одним миром мазаны. Так и гляди, где казак — там саботаж, контрреволюция и все что угодно.

Следить за каждым его шагом, мысли его знать, доносить мне о каждой мелочи — это твоя главнейшая задача, Рывкин».

Рывкин, внимательно следивший до этого за каждым словом своего партийного начальника, резко подскакивает и, кривя рот в раболепной улыбке, поспешно отвечает:

— «Все будет сделано в точности, товарищ командир».

После совещания в комнате остаются двое — комиссар бригады и начальник особого отдела.

— «Тебе ставлю задачу: держать под особым наблюдением вновь назначенного командира полка. Информации о нем представлять еженедельно. Понятно тебе?

— Не беспокойтесь, тов. комиссар. Все меры с моей стороны уже приняты.

2.

Сильно потрепанная в недавних боях, бригада стояла на отдыхе в местечке Н недалеко от фронта.

По утрам и в тихие часы вечернего заката вместе с легкими порывами весеннего ветра доносились отдельные звуки орудийной канонады, — чувствовалось дыхание фронта. Ранняя весна сорвала ледяные зимние оковы. Дали поддернулись пушком молодой свежей зелени; на пригорках уже комьями засыхала густая черная грязь и теплый весенний ветер быстро сушил дороги.

После долгой зимней стужи и вечной сконванности дышалось легко и свободно.

В машинном парке царило вечное оживление: весело звучали молодые, свежие голоса и частым перезвоном доносились оттуда звонкие удары по металлу — заканчивали ремонт боевых машин. Под длинными навесами колхозных сараев строгими линиями вытянулись, застывшие в холодной неподвижности, новые «Т-34». Бригада получила новую материальную часть и спешно заканчивала легкий ремонт пострадавших в бою машин.

Приезд нового командира полка ничего внешне не изменил. По прежнему с рассвета и до вечерней зори кипела повсюду работа: осматривались, чистились и готовились к бою танки; так-же весело сияло солнце и звонко перекликались молодые голоса.

Человека в кожанной тужурке с двумя шпалами на бархате черных петлиц можно было видеть везде.

Немного сутуловатый, широкоплечий с простым открытым лицом и смеющимися светло-голубыми глазами, он мелькал повсюду, вникая во все детали работы. Часто и подолгу вступал в разговоры с танкистами и разговор получался простой, непринужденный.

— Ну как идет работа, молодцы?

Танкисты улыбаются и радостно отвечают:

— Хорошо, тов. майор. Через денька два закончим весь ремонт и осмотр машин полностью.

— Ну глядите, хлопцы, не подкачайте. Приказ надо выполнить всрок.

— За это не беспокойтесь, все будет в порядке. Только. . . — говорящий танкист сконфуженно мнется. На лицах окружающих просительное выражение.

— Ну ладно. Вижу — погулять захотелось, небось зазнобушки завелись? Эх! молодежь, молодежь.

Так зачем-же дело стало. Я не отменял своего распоряжения. В свободное время Вы имеете право на увольнение.

Счастливые улыбки рассветили, вспыхнувшие радостным блеском, молодые лица.

— Ну, марш по местам! Работать надо, а не чесать здесь языками — уже строго начальническим тоном обрывается обычно беседа.

Иногда резкие складки залегали на его крутом широком лбу и взгляд отсвечивал холодным блеском дамасской стали, — но это бывало редко и все знали причину — появлялся комиссар. Люди понимали его состояние и сочувственно смолкали, косясь на проходившую вертлявую фигуру с резко оттопыренными ушами.

Получилось так, как этого в верхах не ожидали — нового командира в полку все полюбили и хотя многие уже знали о его прошлом, никто не решался первым заговорить об этом.

(Продолжение на 4-ой стр.).

Наша казачья смена.

Archiv „Der Kosakenbote".

И. Лукинов.

Вечно живой вопрос.

27-летний борец за будущее Казачества

Archiv „Der Kosakenbote".

...Деятельность умственных сил имеет на человека то же влияние, какое имеет солнце на природу: оно рассеивает тучи печали, освещает, согревает и поднимает...

Проф. Гумбольд.

Свободолюбивая казачья душа, порыв к бесконечному совершенствованию, природный инстинкт к самосохранению, к углублению и закреплению богатых духовных народных ценностей, сильная творческая воля и способность к организации дали возможность казакам поставить и учебно-воспитательную область в Казачьих Краях, особенно в Кубанской области, на первое место.

Перед войной 1914 года вопрос о всестороннем развитии и усовершенствовании учебно - воспитательной области казаков явился средоточием всех созидательных сил и всех интересов внутренней казачьей жизни. Почти во всех станицах открывались средние и специальные учебные заведения, ремесленные, технические, специальные школы по разным отраслям хозяйства, чтобы через эти школы, как можно полнее и разностороннее воздействовать в умственном и нравственном отношении на население и чтобы удовлетворить всевозможным требованиям практической жизни в смысле проведения в нее разнообразных знаний, долженствующих, в общем, охватить всю жизнь, со всех ее сторон, освещать жизненный путь так, чтобы не оставалось никаких темных закоулков, нетронутых светом знания, культуры, прогрессом.

Наша передовая интеллигенция, а особенно учителя, как истинные члены общей казачьей семьи, которым дорога была судьба каждого казака, строго проводили принципы знаменитого педагога Песталоцци, который говорил: «Народное образование лишь тогда может оказать действительно громадное влияние на все население, когда значительная часть детей из народной массы получит самое полное образование, притом так, чтобы эти счастливцы не только не были отчуждаемы образованием от той среды, в которой они родились, но чтобы образование еще более сблизило их с родной средой».

И замечательно, что нигде этот великий нравственный принцип не проводился в жизнь с такою определенностью, искренностью, полнотою, как именно у казаков, где он являлся, можно сказать, основою всего просветительного дела. Все ступени образования, от простой грамоты до высшей науки, одинаково были открыты для всех казаков, особенно после того, когда в Новочеркасске и Екатеринодаре были открыты высшие учебные заведения. Раз учащийся обнаруживал дарование в том или ином отношении, то будь он самый бедный, ему непременно была дана возможность пройти полный цикл образования по той или иной специальности, к которой он проявлял особенную склонность.

Приятно было наблюдать по станицам все, как на подбор, монументальные здания школ, художественно отстроенных и отделанных, могущих в то время служить украшениями даже в культурных центрах.

Казаки, как народ земли, народ рассудительный и положительный, реально смотревший на жизнь, сознавали, что только культурными успехами и улучшением благосостояния населения, завоеванными единственно при содействии равномерно распространенным и разумно направленным образованием и воспитанием, можно добиться социальной и экономической справедливости в жизни, а не бушующими революционными страстями и мобилизацией неграмотной черни безответственными лицами, проповедующими массам протнестественное и безбожное «евангелие марксизма».

И весь этот блуд и бред чуждых казакам элементов, руководимых жидо-коммунистами, залил кровью и разрушил до основания огромные культурные ценности Казачьих Краев.

В настоящее время Казачьи Края в полном смысле слова опустошены жидо-коммунистами, много казаков уничтожено, сослано в Сибирь, на север и только часть из них были спасены Германской армией.

Казаки, как заклятые враги жидо-коммунизма, первые и почти все приняли участие в боях рядом с Германской армией против страшного врага всего человечества большевизма и его союзников англо-американцев. И они вместе с молодыми силами Европы на полях сражений отстаивают свое право на свободу и счастье. И им дорого будущее своего народа, будущее своих дорогих Казачьих Краев. Естественно, что каждый казак думает о будущем, особенно о молодом поколении, будущей смены старших, будущих молодых кадрах. Нам, как и встарь, нужны будут стойкие, мужественные, истинные казаки воины, выше всего на свете ставящие казачьи интересы, проникнутые гордым сознанием славного исторического прошлого Казачества, твердо усвоившие казачьи традиции, казачий быт, казачий патриархальный уклад, казачью дисциплину, уважение к казачьей старшине, к старшим, к дедами завещанной православной вере; воспитанные на чести, познании добра, порядочности, честности, уважении к ближнему, в любви к труду, к своему родному дому, к казачьей семье, к своим краям, в верной, глубокой и ясной идеи, с большой инициативой, выдержкой, энергией и решительностью.

Жидо-коммунисты разбили, раздробили казачью семью, развратили детскую духовную жизнь, опоганили детскую душу, некоторых сделали беспризорными, а некоторых лишили учения, как детей кулаков, лишенцев и т. д. Опять настает для нас этот вечно живой вопрос — воспитать молодежь так, чтобы она достойна была взять в свои руки наследство огромных богатств духовных ценностей своих предков.

Обязанностью каждого казака является, чтобы общими силами собрать «оттуда» всю казачью молодежь, устроить ее в специальные казачьи школы, общежития, пансионы, учителями и воспитателями которых назначить таких интеллигентных казаков, которым бы дорог был каждый казачий ребенок и которые бы, как в свое время наши казачьи учителя, вложили всю свою энергию, знание и силу на воспитание и перевоспитание казачьей молодежи. При самоотверженности и исключительной преданности своему педагогическому делу можно и в наших условиях сделать чудеса. Примером этому служит тот же Песталоцци, который в своих записках писал: «Питомцами в приюте были самые несчастнейшие создания: оборванные, грязные, покрытые насекомыми, с накоженными болезнями, измученные физически и испорченные нравственно, без малейших следов какого-либо воспитательного влияния. Трудно было управляться с этой толпою детей (более 100 человек), не привыкших ни к какой дисциплине, нечистоплотных, не умевших беречь одежду, не понимавших различия между добром и злом, с развитыми дурными инстинктами.

Я был один с ними, и хотя, с одной стороны, такое беспомощное положение обходилось мне очень дорого, но с другой — оно было полезно для моей цели. С утра до ночи дети встречали меня одного в своей среде. Все доброе для их тела, и для души исходило от меня одного. Я помогал им, я учил их, я говорил с ними; их глаза смотрели в мои, их руки хватались за мою, когда встречалась какая бы то ни была надобность в поддержке. Мои слезы сливались с их слезами, когда они плакали; моя улыбка встречала их смех, когда им было весело.

Мы молились вместе, а пока они засыпали, мои рассказы или развлекали их, или учили. Я ухаживал за ними, стараясь устранять последствия неопрятности и распущенности, и дети приучились ценить все, что я для них делал...»

И действительно, через полгода детей из его приюта нельзя было узнать, — так они были скромны, чистоплотны, трудолюбивы и благоразумны.

И наши старые казачьи школы отличались когда-то прекрасной постановкой учебного дела и воинским воспитанием казачьей молодежи.

А еще к услугам наших педагогов перед нами уже готовый многолетний опыт, прекрасный и достойный подражания пример. Германские юноши, прошедшие воспитание в рядах Гитлеровской молодежи и боевую выучку в частях СС, представляют действительно гвардию молодежи, покрытой неувядаемой славой не только на полях боя, но во всех случаях жизни.

Мы, старшие казаки, верим в то, что убеждение в нашей искренней сердечной любви к нашей казачьей молодежи и проявленная помощь изменит ее к лучшему так же скоро, как изменяет весеннее солнце поверхность почвы, застывшей в холодную, непривятивую пору.

Только эту любовь нужно нам доказать на деле. Мобилизуем все для помощи нашей казачьей молодежи!

В воспитании казачьих масс должна быть ясная и точная казачья линия, должна проводиться определенная казачья платформа и ее установки.

(В. Авилов, «К. В.» № 13 (70).

Николай Келин.

СПОЛОХ.

Что нам плаха, братцы!..
Аль боимся пыток?..
Вихрем на майданы
Собирай народ!

Пусть рассудят сами
Старики седые
В чем таится сила,
В чем стальной оплот.

На майданы, други!
Вольницей могучей
Пусть кипит на Круге
Белая волна...

Пусть полки донские
Поступью летучей
В степи огневые
Оттеснят врага!

Враг шагнул за грани...
Враг идет в станицы...
Что ж иль не найдется
Твердых рук у нас?

Смело ногу в стремя!
Пусть во вражьем стане
Загорится кровью
Выжженный лампас...

Ну, взвивайтесь, кони...
Метче бейте, пики,
Грудью в грудь сойдемся
В бешеном бою, —

Пусть сольются груди
Все в едином клике:
«Не дадим проклятым
Вольницу свою!»

Что иль позабыли,
Как рубились деды?
Руки разучились
Палаши держать?

Гей вы, казачата,
Гей вы, непоседы,
Смело мчитесь к Граням
Степь свою спасать!!

—

Борис Кундрюцков.

Казак Иван Ильич Гаморкин.

(Отрывок из повести того-же названия).

Встретились мы с казаком Донским Иваном Ильичем Гаморкиным в Новочеркасске, на Сенном базаре. Сидел он около своей арбы и пожирал огромный розовый арбуз.

— Гей, казаче! — окликнул он меня, — подь-ка сюды.

И когда я подошел, он чистосердечно сказал:

— Хороши у тебя штанцы-шальвары. Хороши... Иде ты, сукин сын, сукна такого достал?

— От деда еще, — похвастался я, хотя шаровары были у меня совсем новые и я за них все свои деньги в Березовской станице отдал.

— Ха, — усмехнулся Ильич, заглянув мне в глаза, — малый, а брехло порядочное.

Он стал закручивать цыгарку, а мне, страсть как курить хотелось, я к нему и присел. Через минуту его кисет был у меня, а около моего согнутого колена, стояла, напоминая чарку, полная сока, половина его арбуза. Мы разговорились, причем Иван Ильич называл меня — малец-станишник, а я его величал — отец, хотя он и был старше меня всего на пять лет. Это ему нравилось и под конец, узнав, что мы одной станицы, предложил с'ездить к нему на хутор и погостить. Так как я гулял по Отечеству своему — Войску Донскому, боясь показаться на глаза к батюшке и матушке, то с радостью согласился на его столь заманчивое для меня предложение.

Затем последовал ряд частых встреч моих с Иваном Ильичем, и служили мы с ним вместе, и всегда он мне рассказывал в свободные часы все, что с ним случалось в жизни и все, что он знал или слышал о Казачестве.

Не помню я фамилии, а слыхал, что при Наполеоне был историк и записыватель его жизни — так-то вот и я, — когда уже в зрелых летах начал записывать, говаривал Гаморкину об этом аналогичном случае. На это он мне отвечал:

— Далеко петуху до сокола.

Подразумевая себя под «соколом».

— А ты Кондрат Евграфыч, хуть и с одним глазом, а пиши по-крупней, по-понятней, што-б казаки разобрать могли, какитики дела занесены и пропечатаны.

Да-а, и вот какое я событие не занесу в тетрадку, Иван Ильич сейчас же чертой отчеркнет и распишется:

«Читал и все оказалось верным в этой кетрадке.

Каптенармус Гаморкин».

— Без этого твоя запись ничего не значит, то-есть.

И сам страшно интересовался всем написанным и даже поощрял меня.

Иной раз нахмурится и сам говорит:

— Запиши-ка станица, вот-ето: «У казака уму, што бурьяну, а у мужика — нет не шматка. Хоть кобыла безхвостая, да шашка вострая. Береги, казак, жану пушше глаза»...

И воодушевляясь, говорил:

— Уж так верно сказано. Не уберег значит, — баба в сторону.

А бабы разные есть. И заметь, раньше не любили казаки баб, как теперь. Как теперь именно. Теперь же, как пьяницы стали.

Раньше — целомудрие и бранное житие, а потом, стало-быть, по-чарке, да и пристрастились. До того пристрастились, индо жуть берет. Иного от бабы и не оторвешь. И песня есть такая:

«Я к губам прилипну и с нею помру»...

«Пчелочкой» называется. Пчелочка там летаить вроде.

— Конечно, што-же? Сладкая ето и рискованная вещь! Нешто вроде хрукта. Скажем — вино-о-огра-ад, ананас, а то — ба-а-ба.

Как жердёла молодая, у которой и ветки гнутся, и цветы цветуть, и плоды родятся, и с которой ты вниз головой, когда она в срок войдет, сорваться можешь. И царапается, и плодами кормить, и тень тебе и благодать. Уходить, главное, от ней не хотится.

Взлезешь, скажем, на дерево, рвешь ягодки и лопаешь.

И вот есть жадные: об'ется, и усей жизни у него расстройство, так и бегает до-ветру — мается.

А иной, сапожишшем ветку обломает, да и тоже — башкой в крапиву.

И срам, и морда, што пузырь.

Тут надо потихоньку, — поел, да и спускайся, покедова не проголодался. Спускайся, да рядом и садись. Закуривай, да и стереги; другой, што-бы не попользовался и ягодки не скрал. Поётся-ж:

«Жана молодая сына родила»... или
«Не верь, казак, словам обмана,
Кольцо другому отдала»...
Вот оно што — баба.

Уход бо-ольшой требует, иначе — лучше с ней и не связывайся. Будет у табе, к примеру, дерево, а с него ни взвар табе, ни варенье, ни нардек.

— А ты, Иван Ильич, баб очень любишь?

— Уж ежели усе, так и мы не отстаем. Кто их не любит? — сплевывал Гаморкин, — только к чему это отродье на нашу душу создано — не понимаю.

И тут, записал я первое увлечение Ивана Ильича женщиной. Так он мне его рассказал.

— Было мне годов пятнадцать, либо все шестнадцать, и приехали к нам в станицу студенты. Два студента и одна студентка. Подстрiженная... Чубы знаменитые распустила на все три стороны. По бокам и сзади висят космы. А я, надо тебе сказать, красивый был казаченок — белый такой, красношшекай. Но морда у мине не круглая была, а как бы к низу удлиненная, и не так што-б уж очень. Чудок подзагорел я, кудри вьются и губы красные. Хоть куда, малец. Брови, к тому же, темные, к переносице сошлись. И вот интересная какая штука, я на нее и внимания не обратил, а она меня сразу разглядела, и что-то со своими загуторила.

— Типичный, говорит, вьюноша. Настоящий южный тип.

Тут и я на такие слова ея обернулся и ее заприметил. Типами-то, знаешь, кого у нас зовут. Немного я осерчал. Глазами на нее сверкнул и пошел дальше. Больше она мне так вот на людях и не попадалась. Болтали, что она за станицей пшеницу мерила, и какие-то кулечки на колосья одевала с непонятными надписями, на басурманском языке, но я, опять повторяю, с ней не встречался и мало этим интересовался — своих делов по горло было.

К уборке дело шло. Я, то в винограднике кручусь, то вырву часок, на рыбалыстро пойду. Домой редко наведывался. Фрукты с каждым днем поспевали. Созрели поздние вишни. И случилась такая вещь: что ни пройду домой, что ни пройдусь по саду, что ни загляну в халабуду — кто-то в ней целую груду косточек от вишень набрасывает.

Кто такой, думаю, нашим добром пользуется? Ну, станичные ребята обнесуть, да и утекають, а тут, видно, кто-то нарвет, в халабуду тут же в саду заберется, да и лопает тут же на здоровье. Дай-ка, думаю, подкараулю... Залег в бурьян, день валялся в жарищу — никого... Другой — никого, хоть-бы зверюшка пробежала... Третий — кто-то шмыг в халабуду...

Подполз я и ветки раздвинул.

И что-ж, Евграфыч, сидит это студентка на травке и вишеньки пожирает. Ах, ты, думаю, русская душа, до казачьего добра добралась; схватил ее за плечи.

— Ты что делаешь? — спрашиваю,

А она:

— Ах!..

— Я,— говорю в сердцах, — тебе так ахну, что по гроб помнить будешь. Так твою за ногу...,

— Ой, — говорит, — пустите!

— Нет, — говорю, — шалишь. Пойдем-ка сейчас в Станишное Правление.

— Ой, — говорит, — не буду. Видит Бог!..

— Где, — говорю, — Ему тебя в халабуде разглядеть. Я тебя, суку, может три дня дожидался.

Тут уж и она вскинулась.

Др. М. Зоць-Кравченко.

Російська провідна верства.

Аналізуючи на сторінках нашого часопису всі питання Козаччини, часто доводиться торкатись б. «великоросійської» державності і «великоруського» народу, з якими в останніх трьох століттях була тісно зв'язана доля Козацьких народів. Зрозуміло, що правдиве висвітлення фатальних наслідків цього хорого зв'язку, до того ж в прямих і правдивих виразах, дуже не довподоби явним і таємним прихільникам «единой и неделимой», які не хотять зрозуміти, що немічі можна лікувати лише тоді, коли поставлено її правдиву діагнозу. Але ці люди, рахуючи б. «великоросійський» режим цілком здоровим і природним, лютують, що козацька преса вороже ставиться до «великоруського» народу взагалі та поширює неприязнь між ним і іншими народностями Сходу в той час, коли треба спільними силами боротися з загальним ворогом — большевизмом.

Боротись з большевизмом Козацтво ніколи не відмовлялось і не відмовляється. Навпаки, невинними повстаннями проти большевицької навали і своєю участю у німецькій армії воно виявило далеко більше активности ніж «великоруський» нарід, що лише допомогав большевикам нищити повстання на Козацьких землях та ще й сьогодні кладе свої голови за жидівський інтернаціонал, але витримати цю боротьбу на своїх плечах та після посадити собі на шию «великоруський» нарід, як то було за часів «междуцарствия», в початку 17-го ст., Козацький нарід не хоче й цілком одверто це проголошує при всякій нагоді.

Розкриваючи дужки, за якими ховаються причини того катастрофічного становища, в якому опинились підбиті й обдурені російським імперіялизмом народи, а головним чином Козаки, ми констатуємо помилки минулого, щоб у майбутньому уникнути тих політичних авантюр, за які зараз Козацькі народи платять не лише своїм добром і життям, а майже й національним знищенням.

Так званого «великоруського» народу ми в наших статтях торкаємось лише остільки, оскільки в його імени творилося й твориться безглуздя й безправ'я, а те після загально-прийятої формули проф. Елінека, що «всякий нарід достоен влади, яка ним править».

Ми не маємо жодного наміру захищати «великоруський» нарід, але в інтересах правдивости мусимо розкрити дужки й далі та виявити тих, що фактично в його імени провадили «великоросійський» імперіялизм і створили «колоса на глиняних ногах», який своїм паданням загрожує катастрофою світовій культурі. Обвинувачувати ж у тому весь «великоруський» нарід загалом, було б несправедливо, бо він ніколи не був, не є й по своєму характеру не може бути тим національним монолітом, яким є, напр., В. Німеччина, а тому не може бути й відповідальним у своєму цілому.

Що нарід у своїй масі взагалі нічого створити не може, а може лише в порядку революції знищити працю окремих верств і осіб, це є аксіома, доказувати яку було б зайвим; що так звane народоправство в державах демократичних була завсіди лише фікція, про яку той же проф. Елінек казав, що «не було ще в цілому світі парламенту, який би виявляв дійсну волю й бажання народу» — це також факт. Але щодо «великоруського» народу, то він до управління, та ще й до політичного, не мав не лише жодного відношення, а навіть і його фікції.

«Великоруському» народові, також як і всім іншим підбитим народам б. Росії, давалися права: 1. «положить свой живот на алтарь отечества», тобто скласти голову за інтереси привілійованих класів «поместного» (великомаєтного) дворянства і купецтва, що одержували: перші — маєтности, а другі — торговельні ринки «во вновь приобретенных землях», 2. «благодействовать», тобто за мізерну платню, харчуючись «толокном» і «щами з тараканів», працювати на тих же великомаєтників і купців в умовах життя худоби, 3. «приветствовать обожаемого монарха» при його проїздах, кричуче «ура» по наказу і під доглядом «всех родов» поліції, 4. платити податі, «молчать», «не рассуждать» і «слушать начальство» — отце були всі права й обов'язки і «великоруського» й всіх інших народів б. Росії.

Помилково було б рахувати, що російськими народами правили: Сенат, державні Рада і Дума, або міністерства. То були лише бюрократичні апарати, що механічно виконували «височайшие предначертания» і «священную волю монарха», яка була понад усе. Але й «священная воля» монарха не була його власною волею, а волею «правящих классов», на яких опірався царський режим, волею «придворной камарильи», що була представником і виразником інтересів цих класів, та за конфліктів з якою «обожаемые» монархи не раз платили своєю головою.

Фактично б. Російську імперію створила і була по всяк час її провідною верствою в імени «великоруського» народу, Московська боярська великомаєтна аристократія, про яку М. Ю. Лермонтов написав: «А ви, надменние потомки известной подлостью прославленних отцов, ви жадною толпой стоящие у трона... пред вами суд і правда — все молчи!»

З кого ж складалася ця вища аристократія — провідна верства царської Росії? На це питання дає відповідь руський вчений А. А. Салтиков. Він каже: «Історичне ядро Московської боярської аристократії складала група родів, що прибули з Пруссії під тиском Тевтонського Ордена. До цього ядра приєднались князі Рюриковичі, які залишили свої «уділи» і князі Гедиминовичі (Литовці). Биля цих трьох груп згуртувались виходці із різних країв Пруссії, Швайцарії, Польщі й Венгрії (песарських земель) а також татарські, ногайські й черкеські мірзи й князі. Московська аристократія вся цілком іноземного, більшости Західного походження. Із 313-ти родів Бархатної книги 261 рід Західного походження, 27 Східного а 25 останніх родів переселились із Західної, т. є. Древньої Київської Русі. Серед основного ядра Московського боярства не було жадного роду туземного (місцевого), т. є. східно-руського походження». (Євразійцы і Украинцы).

Коли прийняти на увагу, що ні один чесний патріот і переконаний націоналіст не залишить по своїй волі своєї держави й не побіжить шукати щастя й привільного життя по білому світу, а що це роблять люди вдачі авантюрної — пройдисвіти, для яких «де хатка, там і пані-матка», так від такого збороду, яким була найвища аристократія Московії, нічого доброго й корисного для населення чекати було й неможна.

Інтереси «великоруського» народу тій були ні не лише цілком байдужі — бо вона була для нього цілком чужою й нічим не в'язаною — а навпаки, тій треба було цей нарід тримати в чорному тілі, в злиднях і в темноті, щоб його руками «тягати каштани з вогню» — підбивати й нищити інші східні народи, а тому й вся внутрішня політика цієї збіглої зо всього світу аристократії, з такого ж походження династією на чолі, була побудована на фальшуваннях, обманах і злочинах, а для цього раніше всього треба було тримати московський нарід в темноті й злиднях та до того ж рівня підводити й інші всякими правдами й неправдами «присоединенные» народи.

— Грубіян, — шипит, — гуниб!
— Это что-ж такое — гуниб?
— А такое!... Я, может, вас поцеловать бы за эти вишни могла бы здесь, все одно, никто бы не видал, а вы...

Головой стриженной махнула и чубы на все стороны разлетелись. Глаза стали что огонь, искры из них так и сыпятся и кругом траву жгут. Сгорит, думаю, халабуда, да и весь сад в таком полыме-то. А она знай жару не жалеет:

— Может вас в самые губы бы, по московски, трахнула бы... Почем, дескать, и откедова вы знаете мои намеренья? Может я вовсе и не вишни ела, а вас дожидавшись, от скуки косточки в грудку складывала...

Веришь, Евграфыч, ажно в дрожь меня бросило. Мордой потянулся.

— А-ну, поцелуй!

Глаза зажмурил. Молодой же, дурак. Сейчас, думаю-мечтаю, она меня розовыми своими губами чмокнет-лобызнет.

Жду-пожду, — никаких ощущениев...
Жду-пожду, — ничего...

Что-ж, думаю, смеется что-ли? Открыл зеньки, а ее и след простыл. Обманула, разэтакая...

Да-а...

На том бы все и кончилось, да только из станицы нашей уезжая, она с Санькой, для меня цыдулку прислала, а в цыдулке было сказано:

«Милый вьюноша! При этом к вам печальная весть летит — мы уезжаем. Хоть я вас и не поцеловала, но кредит к вам имею, поэтому можете за поцелуем прискакать в Москву. Спросите Разумовскую Академию — каждый вам ее покажет.

Елена Гречихина.

—Ну?

— Да-а, проклятая, так и написала. А я, Евграфыч, так разсудил: чего я попрусь в эту самую Москву. На край света, можна сказать, в захолустье. Шут с ней и с ее розывыми губами, а нам с Дону не с'езжать. Попадешь в Академию эту самую — и рад не будешь. К тому же нашего брата там здорово любят.

Тут вишни таскала, а там, гляди, и без шаровар оставит.

Бог с ними, а Гаморкин за границу не ездок.

„Новая" политика Сталина.

Постановлением Совнаркома СССР от 30 июня с. г. при совете народных комиссаров образован совет по религиозным делам, председателем которого назначен жид Исаак Полянский. И. Полянский является старым членом компартии и был бессменным членом Совета Союза воинствующих безбожников.

10. 7. с. г. последовал указ о назначении наркомом иностранных дел Украины жида Д. З. Мануильского. Последний также является старым членом компартии, известным деятелем Коминтерна, в котором он был с 1924 г. членом президиума исполкома, а с 1928 г. его секретарем.

Бывшего наркома Украины украинца Корнейчука сдали в архив, назначив начальником управления по делам искусств при Совнаркоме УССР.

Таким образом, советскую Украину представляют: москаль Хрущев и секретарь коминтерна жид Мануильский.

Эти назначения со всей очевидностью указывают, что курс «новой» Сталинской политики не отрывается от коминтерна и его целей — мировой революции.

...Свободную и непреклонную волю казачий народ зафиксировал в своих принятых им основных законах-Конституциях. Проявляет эту твердую волю Казачество и теперь с неизменным стремлением жить на своей Казачьей Земле под своим Казачьим Законом, ибо отчетливо сознает, что тогда и только тогда оно может возродить свою подлинную казачью жизнь.

(Ф. Донсков, «К. В.» № 13 (70).

Казаки, помните, что Ваш единственный печатный орган «Казачий Вестник» издается на средства казаков-патриотов. Не забывайте и Вы поддерживать его издание.

«НЕНАВИСТЬ».

(Продолжение со 2-ой стр.).

Отношения их внешне можно было бы признать даже нормальными, — немного натянутой сухости, чуть заметная настороженность в разговоре и порой молнии вспыхивающей ненависти в черной выпуклости глаз.

Взгляды скрещивались — черные огни ненависти и режущий блеск стали... Оба познали друг друга. Один чувствовал, древним инстинктом своих свободных предков, чудесно уживающиеся в рамках современной культуры человека, острую ранящую опасность, исходящую от того, другого, — был осторожен в словах, подбирал выражения и только порой в его серых глазах вспыхивали и пряталась молнии.

Другой, — вызванный к жизни страшным поворотом истории, вел другую игру: ранил мелкими уколами причиняющими боль и пряча торжествующую улыбку семита в складках хищно-очерченых губ, наслаждался мучениями своей жертвы.

В душе одного поднималась буря протеста и негодования, — яростно клокотала разбушевавшаяся степная кровь в его жилах.

Вековая ненависть с трудом сдерживалась под покровом деланного холодного спокойствия. Другой ненавидел по иному, — холодной рассчитанной на смертельный удар ненавистью, зменным чувством вчерашнего раба, пресмыкающегося.

Один был готов ринуться в бой с открытым забралом, смести с лица земли эту ехидну одним ударом мощного кулака.

Другой готовил смертельный укус. Оба жили бок о бок в вечной ненависти. Ненавидеть друг друга вошло в их обязанность, стало привычкой, второй натурой. В этом они испытывали даже какое-то необычное наслаждение. Иногда эта странная игра прерывалась. — Партнеры нарушали правила игры.

Помню был такой случай: майор уехал куда-то по делам. Когда он вернулся, его срочно вызвали к телефону и потребовали об'яснения о причинах невыполнения в срок одного важного приказа.

Оказалось, что виноват комиссар, который получил этот приказ и не знал, что с ним делать.

На вопрос командира — почему так могло получиться? — последовал ответ:

— «Тебя не было, а я не знал, что с ним делать».

— «Так надо было сказать моему заместителю. Вы же знаете, что мой постоянный заместитель командир 1-го батальона».

— «Я этого не счел нужным делать!»

Полетел донос обвиняющий майора З. в самовольной отлучке и игнорировании политсостава. Сверху откликнулись — выговор в приказе. В душе одного оттачивалась острая, ранящая сердце, ненависть, — другой торжествовал.

Принимать открытый бой было невозможно. Один понимал ясно, что это гибель, — надо было покориться обстановке и ждать момента, а ждать и терпеть его научили долгие годы чекистских застенков. Другой понимал, что этот человек нужен партии для победы ее идей, нужен, как орудие этой борьбы и как тысячи, миллионы других безгласных, затравленных, выполняющих свою работу под дулами чекистских наганов, призван был ковать победу.

Как верный раб воли своей партии, он это понимал и, глубоко ненавидя — скрывая подлинные чувства, старался рассмотреть внутренний мир своего партнера, его мысли, чувства, желания.

Сын трусливейшего, торгашеского племени, отпрыск вековых паразитов человечества, еще вчера не отличавший коровы от танка и... потомок степного рыцарского народа, воплотивший в себе все лучшие качества природного воина.

Уродливыми парами шагали тысячи таких как они.

Что у них было когда-либо общего?
Казак и — жид!
Благородный конь, и — гиена!
Сокол и — жаба!
Неправда-ли «красивые» сочетания?

Чувствовалась коварная усмешка усатого и — узколобого строителя «новой» жизни, величаво созерцавшего «гениальность» своего творения!

...Однажды мне пришлось слышать их разговор:

— «Что у тебя так много водки в машине?»

— «А ты, что контролируешь мои вещи?»

— «Имею право знать все, что делается в полку».

— «Жаль, что не видал, как ты лез осматривать мою машину. Эх!.. (послышался славленный вздох).

— «Ну, что-ж такого. Я случайно это увидел. По ошибке не в свою эмку попал» — выкручивается комиссар. Молчание. Потом — снова.

— «А скажи откровенно, зачем тебе столько водки? Там можно целую роту напоить.

— «Позвольте мне знать зачем. Я Вам отчет давать не обязан».

— «Ну не волнуйся. А я подумал, что ты ее приготовил, чтоб угостить немцев. Ха...— ха... — ха...»

Игра приходила к концу. Ненависть перестала быть просто ненавистью, — она превратилась в свою квинт-эссенцию. Жить и дышать одним воздухом двоим стало тесно в этом мире.

(Продолжение следует).

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

Обер лейтенант Ивашков Я. В., Фельдпост 29216. Прошу отозваться следующих лиц: брата Ивашкова П. В., урож. ст. Усть-Белокалитвенской, Дон, племянника Ивашкова И. П., урож. ст. Усть-Белокалитвенской, зятя Манченко Н. Д., ст. Зверевской, Дон.

Земляков Василий Григорьевич разыскивает брата Землякова Варсонофия Григорьевича и знакомых: инж. Ермилова Афанасия Петровича, д-ра Дьякова Виктора Александровича, д-ра Елатанцева Григория Ивановича и Багаевского Михаила Андреевича и станичников: Сетракова Павла Тихоновича и Мушихина Георгия Павловича. Знающих их адреса прошу сообщить:
Semljakow W., Feldpost 04301.

Свинцова Андрея Родионовича ст. Мечетинской, Дон, эмигранта с 1920 г., Алексинцева Тихона, ст. Мечетинской, выехавшего с Дона в 1943 г., разыскивает сестра и племянница Анастасия Кулиничева.
Lager Quelle, Quellengrunt Kr. Gr. Strelitz.

Шевчук Анна Алексеевна, ст. Батуринской, Кубань, разыскивает среди эмигрантов братьев Григория и Федора Шевчук. Сообщить:
Anton Bondarenko, Gem. Lager Dirschau-Nord.

Ершов Иван, хут. Керчик ст. Кочетовской, Дон, разыскивает брата Ершова Александра. Сообщить по адресу Фельдпост 04598.

Устюченков Федор, казак ст. Маныческой, Дон, разыскивает офицера Кузнецова Михаила (члена Войскового Круга) и казака Пономарева Павла. Писать:
Gemeinschaftslager Erfurt-Nord, Hohenwindenstr. 88.

Обрывченко Николай Гапонович, Фельдпост 48742, ст. Кужорской, Кубань, разыскивает дядю Гридасова Василия Ивановича из ст. Кужорской, Кубань, эмигрировавшего в 1919 году.

Разыскиваю отца Попова Бориса Яковлевича. Родственников: Меньшова Тимофея Алексеевича и Денисова Егора Михайловича. Все Донские казаки Хоперского округа, Тепитинской ст. хут. Макарова. Писать:
Olga Popowa, Valbert (Westf), Hösinghausen b/W. Hoffman.

Пишите точно и четко свой адрес! Каждую перемену своего адреса немедленно сообщите в Казачью канцелярию.

Колотовичев Яков Епифанович, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает сына Николая, выбывшего 9. II. 43. со ст. Изварино Сев. Донецкой жел. дор. Писать на «Казачий Вестник».

Колотовичева Якова Епифановича просят сообщить свой адрес в редакцию «Казачьего Вестника».

Пузанов Аристарх, хут. Богданова ст. Калитвенской, Дон, разыскивает племянника Пузанова Михаила Ивановича, служащего с 1943 г. в действующей армии.
Pusanow Aristar, Gemeinschaftslager, Trier/West, Sportplatz.

Макоев Магомет Сарабиевич, разыскивает братьев: Шадова Селима, Шакова Блита, Гобашева Измаила и знакомых из Нальчика, Кабардино-Балкария. Писать:
Heerte, über Wolfenbüttel Wohnlager 37.

Кириченко Василий Андреевич, ст. Восточная, Кубань, разыскивает дядю Кирилла Егоровича Клыкова, проживавшего до 1935 года в Германии. Писать:
S. Fedosseew, Anken/Elbe, Dessauerlandstrasse 60.

Зятя, Корогодова Никифора Андреевича, род. в 1906 г., выехавшего из г. Николаева (село Водопой) 11. 3. 44., разыскиваю. Знающих что либо о нем прошу сообщить по адресу:
Renk Sofia, Gemeinschaftslager D. A. F. Dillingen-Saar.

Климов Василий Михайлович, (Фельдпост 58704), разыскивает брата Климова Митрофана Михайловича, урож. ст. Калитвенской, хут. Верхне-Ясиновского.

Пуша Іван Григорович з Полтави розшукує свою жінку Марію Леонтіевну Пуша, сина Бориса та дочку Валентину, яких зі Сандоміру призначено до козачих поселень.
Iwan Puscha, Meidweiler 15. Speicher (Eifel) Trier.

Казаков и черкесов окончивших Темиргоевскую гимназию прошу откликнуться
Ing. Pawel Bondarenko, Surianska 16, Prešov, Slowakei.

Петров Нестор Арефьевич, ст. Луганской, Дон, разыскивает двоюродного брата Петрова Николая Егоровича. Писать:
Nestor Petrow, Halle (Saale), Magdeburgerstrasse 16. Feuer Wach Nord.

Жданов Василий Абрамович, ст. Каменской, Дон, разыскивает родственников: Соболева Гавриила Ивановича, эмигрировавшего в 1920 г. и проживавшего в Париже и Собелеву Надежду Феоктистовну, выехавшую в Германию в 1942 году. Писать:
Shdanow W., Lehrte bei Hannover, Gemeinschaftslager „Ida", Bar. 10, St. 3.

— Иваницкий Василий Васильевич из Ростова — Дон разыскивает дочерей Ольгу и Марию Иваницких, полковника П. М. Духопельникова и сотника Б. И. Абраменко. Писать:
W. Iwanicki, Lager — Marie (Ost). über Bitterfeld, Krankenhaus.

От редакции. Редакция «К. В.» обращает внимание казаков и читателей, что в Силезии и области Варталанд уже долгое время выступает некто Лухманов, выдающий себя «полковником» Кубанского Войска, посещает казаков, берет от них «членские взносы» в казачьи организации, подписку за «К. В.», не имея на это никаких полномочий, обманным способом берет от посещаемых вещи и даже продовольственные карточки, а затем переходит на новое место своей «деятельности».

Настоящим предлагается при посещении Лухманова, местопребывание которого неизвестно, или при встрече с ним передать названного криминальной полиции за подлоги и самозванство.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Tit. Ukrajinsko muzeum, Praha Husle, I
Gutonkovska ul. č. 6.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 17 (74) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го АВГУСТА 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

В. Авилов.

Единство мысли и действий.

Признание вожаками казачьих руссофилов-неделимцев Казачества, как отдельного, самобытного народа, и необходимости для казаков только одного своего собственного казачьего пути, ведущего к возрождению Казачьей Государственности, является большим событием в политической жизни Казачества. Этот акт означает весьма важный перелом в истории Казачьего Народа и вносит в казачью среду, дотоле разделявшуюся по разным политическим ориентациям, в самых жизненных и важных вопросах, единство казачьей мысли.

И поэтому вполне понятно, что казаки с большим удовлетворением и с нескрываемой радостью встретили известие о прекращении разногласий и споров в основных целях и задачах Казачества. Казаки искренне приветствуют, что наконец-то все истинные сыны казачьего народа пришли к одному казачьему национальному сознанию, к одному казачьему знаменателю.

Теперь необходимо, чтобы создаваемое единство казачьей мысли проникло в кровь и плоть каждого казака, чтобы каждый казак осознал себя сыном рыцарского казачьего народа и воспринял все обязанности, вытекающие из его принадлежности к славному Казачеству.

Только ясное и определенное национальное самосознание и одинаковое понимание самых насущных интересов нашего народа может создать крепкий, здоровый организм, каким должно быть Казачество в переживаемое нами судьбоносное время. Только единство казачьей мысли может гарантировать необходимое единство действий, которые могут обеспечить освобождение нашей Родины и ее национальную Свободу. Поэтому казак, который до сих пор находился в стороне казачьего национального творчества, обязан со всей серьезностью подойти к стоящим перед ним новым, но своим казачьим задачам и быстро наверстать даром потерянное перед этим время.

Нельзя забывать, что только дела могут подтвердить честность и правдивость высказанных слов о необходимости единства казачьей мысли и действий, только по делам можно судить о прямоте и искренности принятых решений и только дела могут завоевать доверие и уважение казачьих масс.

Перед всеми нами стоит большая и неотложная задача наполнить и воодушевить всех казаков, всех сынов казачьего народа одной мыслью, одной идеей, **казачьей национальной идеей,** правота и правильность которой ныне признана всеми казаками. Лишь в таком случае казаки будут представлять один твердый и неразрывный монолит, всецело осознавший свои цели, свои интересы, и лишь тогда казаки смогут вернее и скорее осуществить свои заветные чаяния.

Из единства казачьей мысли логически вытекает и единство казачьих действий. Полное осознание себя всеми казаками особым казачьим народом и выявление такого национального самосознания перед внешними факторами ставит самое неотложное, скорейшее разрешение вопроса достойного и должного, внешнего и внутреннего представительства Казачества, как **народа,** при-**чем как народа,** признанного Правительством Великогермании **честным и верным союзником.**

Такое представительство и руководство Казачьего Народа должно быть сосредоточено в руках единого Наивысшего Казачьего Органа, который бы состоял не только из представителей всех оформившихся событиями частей Казачества (казачьих воинских соединений, старой и новой эмиграции), но и самой активной и деятельной части Казачества, т. е. казачьих националистов, которые своей неутомимой и тяжелой работой над национальным возрождением нашего казачьего народа доказали правильность и жизненность Казачьей Идеи и которые будут порукой тому, что казачье дело будет находится на крепких казачьих рельсах.

Созданный так Казачий Орган представлял бы с одной стороны полное единение всего Казачества, а с другой — пионеров казачьего национального дела, активных и энергичных работников, которые так необходимы для всесторонней защиты казачьих интересов и разрешения массы самых жизненных и неотложных задач, стоящих перед Казачеством. В компетенции этого органа должно находиться полное и высшее ведение и руководство всеми казачьими делами.

И прежде всего нужно нам достойное и надлежащее представительство Казачьего Народа и всесторонняя защита его национальных интересов. Необходимо сразу же поставить на должную высоту правовую охрану всех казаков, где бы и на каких бы положениях они не находились: беженцев-ли, рабочих-ли с востока, старых-ли эмигрантов, принужденных снова покинуть насиженные ими новые места. Кроме правовой охраны и защиты казаков, нетерпящей отлагательства, необходима также социальная и материальная забота о казачьих беженцах, о семьях казачьих бойцов, о нашем молодняке.

С разрешением основных вопросов в компетенцию Казачьего Органа, и именно его, должно войти и сосредоточение **всех казачьих сил** и полная их мобилизация для активной борьбы за свободу нашей Казачьей Родины. Для этого необходимо собрать все разрозненные и разбросанные казачьи соединения, дополнить их новыми силами и прежде всего из среды старой казачьей эмиграции, представляющей большой резервуар культурных и специальных сил, равно как и бесчисленным множеством казаков, находящихся в РОА, в соединениях иных народов, в воинских или полувоинских организациях.

Концентрацией всех живых казачьих сил во много раз повысим наш потенциал и увеличим наш удельный вес, так необходимый в обеспечение нашему народу достойного места в лоне Новой Европы.

Самым жгучим вопросом является и вопрос надлежащей постановки нашей казачьей пропаганды и воспитания казачьих масс, начиная с наших казачьих бойцов и кончая нашими казачьими подростками и детьми. Каждый казак должен быть во всех казачьих вопросах надлежаще идеологически оснащен, каждый казак обязан быть не только воином, но и сознательным политическим бойцом, отчетливо сознающим свои казачьи интересы и борющимся за их осуществление.

Единением всех живых сил Казачества, их тотальным включением во все отрасли казачьей работы, использованием всех наших резервов мы сможем быстро наверстать упущенное время и в кратчайший срок организовать нашу казачью жизнь. Перед нами много, очень много работы, требующей колоссальных усилий и напряжений. Необходимо будет проявить максимум сил и энергии. Вот почему жизненно необходимо, чтобы в Казачьем Органе в достаточной мере были представлены и молодые, деятельные, энергичные работники, которые бы исключали топтание на месте и не видели бы в этом только достижение высоких постов или же теплых обеспеченных мест «в кончине живота своего».

Непреклонное стремление Казачьего Национального Движения, (КНД) и его Руководителя к максимальной и всесторонней активизации казачьего дела все Казачество встретит с большим под'емом и полным пониманием того, что является беспорным требованием современного положения, где всякое промедление смерти подобно, а потому и все казаки окажут всемерную поддержку казачьим национальным стремлениям.

Ф. Донсков.

К одному казачьему началу.

На протяжении почти двух десятков лет казачий национализм стремился разрозненное Казачество, которое использовывалось для служения чужим, не-казачьим целям, собрать в одно целое и привести к одному казачьему началу, заставив все силы, знания и энергию отдать для служения своему казачьему народу.

Как много трудностей и невзгод пришлось испытать казачьим патриотам на своем тернистом пути, как много всяких неправд и злостных обвинений перенесли они и от чужих и от своих!

Чужие нападали на них, препятствуя процессу национального осознания Казачества, пускали в ход всяческие вредительства, старались не допустить казачьего единения, ибо отлично понимали, что национально сознательный казак никогда не будет чужим привеском, не будет делать не-казачье дело, перестанет быть об'ектом для чужих целей и стремлений. Чужие видели в этом перспективу лишиться даровой силы, творившей их благополучие, отстаивающей их интересы, потому и нападали на казачьих националистов, потому то с такой яростью ненавидели их.

Свои, незнавшие своей собственной казачьей истории или забывшие ее, не могли сознавать своих собственных национальных интересов, а потому по неведению восставали против своих же патриотов. Страсти их еще больше разжигали те, кто был воспитан на служении чужому барину, кто привык служить или прислуживаться.

Шли годы упорной борьбы за торжество казачьего начала, за торжество Казачьей Правды.

Все возможности материального и иного порядка в этой борьбе были на чужой, не-казачьей стороне. Однако, казачьи националисты не покладали рук, шаг за шагом завоевывали позиции и симпатии широких казачьих масс.

Нынешняя война дала еще больший толчек к национальному пробуждению Казачества, а события со всей очевидностью подтверждали правильность установок казачьего национализма и безусловную необходимость всем казакам придти к одному казачьему началу, стать под одно казачье знамя.

В тяжелые дни казачьей истории наши предки с'умели проявлять исключительное стремление к своему единству, к общей защите своих жизненных национальных интересов. Наши предки с'умели находить общий казачий язык и выступать единым казачьим фронтом.

В наши тяжелые дни, даже в среде крепких казаков, терялась надежда, что теперешнее Казачество будет в состоянии найти общий язык и придти к одному казачьему началу, о котором так много раз мы писали на страницах нашей печати. И действительной радостью наполнились наши сердца при чтении последнего номера «Казачьего Вестника», принесшего обращение Руководителя КНД ст. инж. В. Г. Глазкова и Кубанского Войскового Атамана ген. В. Г. Науменко. Перед нами налицо торжество казачьего разума и казачьего начала. Без сомнения, что и будущие поколения отметят это важное событие, совершившееся в последние минуты решения быть или не быть Казачьему народу, отметят высокое сознание ответственности в переживаемое нами время.

В решении ген. В. Г. Науменко нужно отметить большое мужество открыто заявить о необходимости всем казакам творить только свое казачье дело, руководствоваться исключительно казачьим началом, признать всем казакам свое родное Казачество за народ, стремящийся к возрождению своей Казачьей Государственности. Этот шаг ген. В. Г. Науменко приобретает еще большее значение принимая во внимание то, что он, как и многие другие, до сих пор был противником такого решения казачьего вопроса, следовательно сам ген. Науменко и многие другие полностью убедились в ошибочности своего пути и откровенно признали, что единственное спасение Казачества только в нем самом, когда оно будет само решать свои казачьи дела и само будет защищать свои национальные интересы, как Народа, имеющего на то полное право. Такая откровенность и смелое, недвусмысленное заявление могут только импонировать казакам.

Будем надеяться, что после слов последуют такие же действия, подтверждающие правдивость и искренность высказанного. Мы, казаки, должны в корне отрешиться от всякой двойственности и двуликости, какая имела место в прошлом у наших вождей и какая привела к ужасной трагедии Казачества.

Нельзя не отметить, что признанием всеми казаками одного казачьего начала, казаки-националисты получают большое моральное удовлетворение, ибо до сих пор только они несли всю тяжесть казачьей работы, которая тормозилась именно теми, кто пытался в казаках видеть служак чужого, не-казачьего дела и которой наносился, таким образом, большой вред.

Вся тяжесть и ответственность в деле национального возрождения Казачества до настоящего времени лежала на плечах КНД и его Руководителя ст. В. Г. Глазкова, который проявил себя большим и дальнозорким казачьим политиком с надлежащей выдержкой и настойчивостью в достижении казачьих целей. Ныне уже не секрет, что ему пришлось выдержать все напоры и козни противников Казачества, не выпустив при этом из своих рук казачьего национального стяга.

С самого начала войны он, преодолев все препятствия, об'единил казачьи национальные группировки, а потом твердо и неуклонно стремился привести к одному казачьему началу всех казаков, к единству всего Казачества, ибо отлично сознавал, что так будет в корне ликвидировано всякое дробление казачьих сил, прекращение служения не-казачьим интересам и целям и будет обеспечен единый казачий фронт. Сколько нужно было иметь веры и силы, энергии и настойчивости, чтобы казачий вопрос, который в начале войны не признавался отдельным самостоятельным вопросом и совершенно не ставился политиками на повестку дня, сделать живым, актуальным и даже имеющим при умелом подходе большие возможности. Сколько было тяжелых и горьких часов, когда пришлось наталкиваться на непонимание не только самих казаков, но даже и внешних факторов! Это знаем только мы, ближайшие сотрудники. И здесь одной только веры в правоту казачьего дела было недостаточно, ибо «вера без дел мертва есть». Теперь уже всем казакам становится ясным, почему личность Руководителя КНД подвергалась таким страшным нападкам со стороны врагов Казачества, нежелающих нашего казачьего единства, нашей казачьей работы и успеха нашего казачьего дела.

Мы рады, что сейчас Казачество приходит к одному естественному началу, казачьему началу, об'единяется под одним стягом, казачьим стягом, а об'единенное и сплоченное одной идеей, оно проявит, не теряя драгоценного времени, присущую ему силу и энергию в достижении наших заветных стремлений — к Свободе и Независимости нашей Казачьей Родины.

В. Елисеев.

ТЫ — КАЗАК.

Ты — казак потому, что имеешь свой собственный национальный казачий злак, который ты по своему историческому праву, возведя в ореол святости, всегда держишь под неугасаемой лампадой на твоей казачьей божнице и, впивши твой сосредоточенный взгляд на икону, обвитую священным белогривым ковылем, горячо молишся и Ему — Богу и ей — твоей казачьей колыбели, родившей и воспитавшей и тебя и твой народ — Казачьей Степи.

Ты — казак потому, что Степь твоя крепко связана с тобой не только степным злачным миром, но и миром животным — неразлучным твоим боевым спутником, степным скакуном. Ты, казак, и конь твой, вы двое вместе составляете **одно,** органически неразрывное, крепко сплотившееся в одну плоть. Любовь твоя к твоему боевому сотоварищу — любовь казачья, степная. Безжизненны, скучны и непонятны могли бы быть для тебя одного просторы твоей казачьей степи, но всезнавшая степь потому-то и окрылила тебя своим дорогим степным подарком.

Ты — казак потому, что имеешь своих собственных казачьих святых. Олицетворение защиты тобой твоей Степи ты видишь на казачьей иконе, стоя на коленях пред которой смиренным послушником, ты — гордый степной воин — смиренно шепчешь святые слова молитвы. Шепчешь святые слова, прося покровительство у него, Георгия Победоносца, казачьего заступника и покровителя (где же и какой народ на земле молится **своему** святому, изображенному на коне да еще с казачьей пикой?).

Ты — казак потому, что имеешь твой собственный казачье-национальный наряд. Твой казачий лампас не носит ни один гражданин ни одной страны в мире. Твой лампас — твоя вековая собственность, твой исторический знак отличия тебя от других народов на земле.

А твоя тонко-тальная «кубанка», не зря вызывающая своею оригинальностью восторг мира и его единодушное признание высокого искусства твоего наряда?

Ты — казак потому, что родила тебя твоя собственная земля — **Земля Казаков,** принадлежащая тебе по твоему историческому казачьему праву, как **первому** на ней осевшему. Никто твоей земли тебе никогда не давал и не дарил. Ты ее **сам** взял и, взяв, закрепил ее за собой своею казачьей головой.

— Не сохами-то славная землюшка **наша**
распахана...
Распахана **наша** землюшка лошадиными
копытами,
А засеяна славная землюшка казацкими
головами...

Ты — казак потому, что своим острым национальным чутьем ты **первым** понял всю гнусность и ложь русско-жидовского коммунизма и первым пролил твою благородную казачью кровь в борьбе с московским лукавством, несшим еще тогда (в 1917 г.) не только тебе, но и всему миру, огонь, меч и беззаконное царство сатаны.

Ты — казак потому, что четверть века ты, как мученик, стойко переносил инквизиторские пытки московских НКВД, заливая их застенки твоей свободолюбивой казачьей кровью, засыпая сибирские тундры непокорившимися Москве казачьими костями и корчась в ужасных муках незнаемого миром старшного голода, которым карали тебя ненасытные твоим страданием московские владыки.

Ты — казак потому, что перенес непереносимое и, перенеся его, одним из первых присоединился к крестовому походу против московского лукавого царства лжи. Пошел за великую человеческую Правду — жить на земле так, как хочет сам народ, а не так, как повелевает ему талмуд московского царства сатаны.

Ты — казак и должен бороться за свое исконнее право жить на своей Казачьей Земле по своим казачьим законам и обыкновениям.

Др. М. Зоць-Кравченко.

ТРИ РУСІ.

Московська провідна верства (вища аристократія чужинецького походження), переслідуючи свої класові та особисті інтереси і цілком ігноруючи національно-державні, будувала Московську державу «великого стилю» на фальшуваннях, обманах і злочинах. Цей спосіб набув характеру традиції та вживався провідом булої Росії впродовж всієї її історії.

Перше фальшування виявилося вже в самій назві держави, в безпідставній концепції спочатку двох (Великої і Малої), а після й трьох (з додатком Білої) Русей. Русь або Рось, що на нашій мові значить «кінь», є тотем (священна емблема) племен індо-європейської або Кавказької раси, які приблизно перед 4-ма тисячами років перейшли із Гімалайського узгір'я через Кавказ до Європи. Головними племенами цього тотему були: Рось — Русь, що посіло Київську-Полянську Землю, і Пруси — Прусаки, що осіли на побережжі Балтійського моря.

Яке ж відношення має до тотему і до назви Рось урало-алтайська раса, до якої належать племена Московії, та ще до того, ж «велика» Русь и «великорос», коли Москаль взагалі жодний Рос!?.. Південному ж Козацько-Українському народові, що в цій концепції лише один мав право на меншування «руський», як прямий нащадок Київської Русі-України, «всемилостивейше пожаловано» меншування «Малая Русь» і «малорос»...

Для посилення концепції Русей до Великої і Малої було додано ще й Білу Русь.

Зрозуміло, що така концепція була для Московії корисною, бо підводила історичний та ще до того ж і героїчний фундамент під первістні племена Московії, як: чудь, мордва, веря, вотяки, чуваці, тунгузи і т. і., що належали до чужої раси та не лише героїчної, а взагалі ніякої історії не мали.

В цей спосіб Москва посилювала за чужий рахунок свій великодержавний, нібито «великоруський» авторитет і приваблювала до «присоединения» і об'єднання інші народи Сходу, бо за культурним і економічним багатством правдивого спадкоємця історії, традицій та менування «Русь», тоб-то Українського-Козацького народу, та інших Козацьких Земель Чорноморсько-Каспійського простору, ховалась духова й матеріяльна вбогість і Великої й Білої Русі.

Щож примусило Московську державність великого стилю на такий важливий крок, як відмовитися від свого природнього імени та прияти чуже?.. На це питання дають відповідь між іншим і російські дослідники, яких не можна підозривати в українофільстві або сепаратизмі.

А. А. Салтиков (Украинцы и Евразийцы) пише так: «Московська державність через посредство Суздаля й Володимира була продовженням великої традиції древнього Києва й виникла, як держава великого стилю... До середини 17-го ст. (процес об'єднання Москви й України) від цього стилю залишилось уже дуже мало: зовнішній максималізм... апарат московської державности дуже надтріснув... В 17 ст. мова й література, що виробились в Москві, зійшли на ніщо, т. е. загинули й припинили своє буття. В области мистецтва — розклад, гниття й помертвіння (Очерки Муратова). Теж і в області національно-державній; коли державність епохи царя Олексія Мих. й була чим було «живою», то виключно закладеними в ній традиціями «преемственно» звязуючими її з тим ж Києвом». Кн. Трубецкой (К Украинской проблеме) пише: «В мент появи Петра В. стара московська культура вже вмерла... культура, якою від часів Петра В. жила й розвивалась Росія, була безпосереднім продовженням не Московської, а Київської культури».

Отже, після зруйнування в 13-м ст. Києва Батуєм, збігці з Київської Русі, що були культуртрегерами північно-східних племен, принесли з собою через Суздаль і Володимир до Москви віру, мову, культуру й державні традиції Київської Русі, але за 4 ст. вся ця спадщина Київської Русі розпорошилась в тубільних масах і стратилась, бо була їм чужою. В 17-му ст., як відомо православна віра перетворилась в сектанство і «ереси», мова й література зійшли на ніщо, мистецтво розкладося й вмерло та теж сталося і в області національно-державній; Московська державність збанкрутувала й стала перед крахом. Для врятування ситуації в 17 ст. знову була переведена рецептація Київської, вже Української культури, що відома під назвою «українізації Москви», але царська Московія не спромоглася перевести державність «великого стилю», хоча б і в концепції трьох Русей*) Петро В., залишивши Москву, збудував на кістках Козацьких народів нову столицю Петербург і почав новий, Петербурзький імператорський період, культура якого була безпосереднім продовженням не Московської, а Київської культури.

Однак і блискучий зовні Петербурзький період після 300 років скінчився і то не лише крахом а катастрофою, бо хоч він і був продовженням Київської, західно-европейської культури, але крив у собі ті ж хорі тенденції і традиції азійського насильства й хитрощів, які були закладені в Московської державности її провідною верствою Московською вищою аристократією, що тепер згуртувалась биля Петербурзького імператорського трону.

Мало взяти чуже імя, чужі ідеї та традиції, треба ще щоб вони пустили коріння в народну товщу, треба піднятн нарід до їх зрозуміння, треба його перевиховати, а про це як раз йшло меньш всього. Московський нарід умисно залишався в своїй темноті та несвідомости, бо російська провідна верства виховувала його лише, як слухняних рабів і як сліпу зброю для своїх агресивних цілей. Йому вбивалось в голову, що він «нарід-богоносець», що він має «месіянські» завдання визволення всього світу (від чого?), що Москва є «третій Рим», як «первопрестольная» столиця і т. под. дурниці, а в той ж час тримали його в духовній сліпоті та в злиднях, рівних яким не було навіть в самих сиромашних країнах Европи.

Московський нарід не піднімався до більш культурних народів Росії, а навпаки вживались всеможливі засоби, щоб і ці культурніші «окраинные» народи затримати в їх національному розвитку та підвести під рівень «центрального» — великоруського, яким він ніколи не був.

А в той ж час Петербург, де зібралось все що було здібнішого, видатнішого й кращого із всієї імперії, жив своїм власним життям.

Вихована у відірваности від свого народу російська революційна інтелігенція була вірним співробітником провідної російської верстви, щодо утримання народу в темноті, бо в темноті мас бачила готовий матеріял для революційних експериментів. «Треба», казала вона «скинуть самодержавство і народ піде за нами». Але помилилась — нарід пішов не за «передовою» інтелігенцією російського виховання, а за кримінальним елементом під провідом жидівства,.. і не диво, бо вся внутрішня політика Росії, про яку буде річ другим разом, була «фахово» направлена на те, щоб виховать сліпу зброю, що буде вірно служити всякому, хто візьме її в руки.

*) «Москва 17-го ст. почувала себе нащією московською, а не загально-руською.

Ал. Гросс.

ЕВРОПА О КАЗАКАХ.

Все чаще и чаще в периодической антибольшевицкой печати, в радио и в сводках германского командования, упоминается о казаках, о их борьбе за свою Родину — Казакию. Казаки заслужили доверие и славу не только от германского командования и народа, но и от других европейских стран.

Газеты, журналы и радио Германии, Венгрии, Франции, Словакии, Сербии, Румынии, Латвии и др. стран полны описаниями и рассказами о борьбе Казачества.

Там, где находятся казаки, население может вновь спокойно работать и жить. За словом «Казак» кроется какой-то богатырь, который своей могучей рукой уничтожает многоголовое чудовище. Немудренно, что там, где появляются казаки, там пропадают все «патриоты Сов. Союза». Партизаны боятся казаков, как огня. Один из таких примеров мы находим в газете «За Родину» в статье под заглавием «Стычка с бандитами». Здесь говорится о том, как бандиты напали на деревню и как появляются казаки. Вот как об этом говорится:

«...Вдруг в звуки беспорядочных криков и бандитской матерщины смело врывается громкое «Ура!».

— «Казаки!» — со смертельным ужасом кричат бандиты и, бросая все, бегут к лесу. Но уже строчат пулеметы и автоматные очереди; в селе разгорается бой.

Смелым неожиданным налетом командир конвойной сотни 1-го полка сотник Леонов с 33 казаками сметает ряды бандитов. Приходит расплата за грабеж и насилие, за слезы детей, женщин и стариков.

Бандиты засели в одном из домов и оттуда стреляют. — «Сдавайтесь, грабители!» — кричит сотник Леонов. Завязывается перестрелка. Дом охватывается пламенем. Девять бандитов убито, оставшиеся в живых сдаются.

— «Спасители вы наши! Отцы родные!» — твердят селяне, получая назад от казаков забранное было бандитами имущество...

...Казачество вдохнуло новую жизнь в наш Край».

Можем ли мы себе представить ту радость, когда казаки, прогнав бандитов, возвращают населению их добро обратно. Сколько теплых, ласковых слов в восклицаниях: «Спасители вы наши! Отцы родные!» И не только население, но и сами казаки радуются тому, что им приходится спасать и оберегать от сталинских бандитов, бедное, несчастное население.

Статья в газете «За Родину» заканчивается словами:

«...Все казаки свято верят в то, что вскоре им удастся вернуться на свою Казачью Родину, освобожденную от иудобольшевизма. Пока же они спешат выполнить возложенную на них большую задачу — очистить край от сталинских бандитов и восстановить в тылу германских войск нормальную, спокойную жизнь. С этой задачей казаки, несомненно, справятся блестяще».

Так о казаках пишут европейские газеты. Много германских и других военных корреспондентов с театров военных действий на востоке, юге, и западе сообщают о героической борьбе казачьих полков и батальонов. Казаки заслужили славу всей Европы, и вместе с тем заняли почетное место в семьи народов Новой Европы..

В нынешней судьбоносной борьбе Казачества никто из казаков не может быть посторонним зрителем или шкурником, но обязан быть в рядах своего Казачьего народа и всеми своими силами и способностями помогать достижению нашей свободы. Только такой казак может быть достойным сыном своего народа, только такой казак может с гордостью носить казачье имя. (И Бочаров, «К. В.» № 15 (72).

Інж. В. Омельченко.

Всі до купи.

«Загартуй думки і грудь!»

Ці безсмертні слова Івана Франка були, є і будуть актуальними в житті поневолених народів, бо тільки тоді вирвуться вони з ярма, коли буде їх національна думка загартована, то як висновок і груди будуть готові до бою з ворогом. Жидівсько-московська влада знала це добре, а тому постаралася вжити всіх засобів для знищення того, що служить для розвитку людини в національному дусі. Для цього вони, розвалили родинне життя, вихову молоді взяли в свої руки, знищили традиції, цілими селами, особливо в Козачих Землях, повиселяли населення на північ, Сибир и т. п.

Ужили всіх засобів духовного й фізичного винищення людства. Так тяглося на протязі 25 років; нищилося все національне, культурне, традиційне. що було не на руку жидівсько-московським інтернаціоналістам. Жиди ж задоволено потерали руки й говорили: «маємо вже вас у мішку». Здавалося, що вже «народи тюрми» дійсно так асімільовані з жидівським інтернаціональним казані, що вже з цього боку не маеться жадної небезпеки для заправил та посипак «батька Сталіна».

Але грянув грім: почалася німецько-совітська війна. І тут сталося те, чого не чекали большевики. Велика, таємна, нерозгадана людським розумом сила, що зветься **інстінктом життя,** інстінктом самоохорони, дала товчок цим совітським людям любови до себе, як необхідний засіб підтримання життя в собі та навкруги себе. Як відомо, це напівсвідоме явище в житті людини, привело до того, що без жадної змови сотнями й тисячами стали червоні вояки переходити на бік німців. Ці вихованці інтернаціонально-московського раю при першій можливости залишили цей рай, як тільки наступив сприятливий мент; мало того — вони нетільки залишили червону армію, щоб спасти своє життя, а просили дозвілу німецької влади йти на фронт, на боротьбу проти жидівських окупантів.

Пам'ять славного минулого, записаного кров'ю лицарів на сторінках нашої історії не пішло на марне, воно ожило, як ми бачимо серед поневолених народів.

Ми дочекалися цього часу, що меч пригнобленого народу піднісся.

«Війна в огонь життя щодня нових докидує полін»... Нові завдання накладає, нових жертв вимагає від усіх. В такі часи ніхто не може «гнити», а тим більше в такі часи «не пора в рідну хату вносити розбрат!»

Не час на байдужість та хатні пораунки! Час схопитися до національного обов'язку всіх сил козацької інтеліґенції, чого від нас вимагают наші брати, наш поневолений, безмилосердія здесяткований козацький народ. Рахую, що це є святий обов'язок всіх тих, хто почуває себе козаком.

До Вас звертаюся, колеги, по Українській Господарській Академії з Подебрад, до Вас старше громадянство з Кубані, котре дало можливість соткам кубанців одержати високу освіту, до всіх кубанців мій заклик — приняти участь в праці духовного відродження нової Козачої Батьківщини. Нова козацька еміґрація мусить перейти в стан національно свідомих борців. Нас не є так багато, щоб кожний йшов своїм шляхом, та на це й не час.

Правдивого слова чекає від нас той, хто 25 років був його позбавлений, хто на кожному кроці тільки й чув жидівську всесвітню брехню.

Думаю, що як старше громодянство Кубані, так і молодше, зрозуміє сучасний стан і потребу об'єднаної загальної праці, бо важеться доля народів Европи, а разом доля й нашого народу.

И. Лукинов.

Одна из многих.

Посвящаю памяти моей дорогой учительницы, казачки Анны Григорьевны Свиридовой.

Приехавшие «оттуда» казаки передали мне, что и нашу дорогую старушку, Анну Григорьевну Свиридову, уважаемую всей нашей станицей, как прекрасной души человека и лучшего педагога, замучили в застенках НКВД лишь за то, что она осталась верной казачкой и истинной христианкой.

С Анной Григорьевной я переписывался до 1930 года. Страдая сама от голода, нищеты, произвола, преследований и издевательств, неся этот тяжелый крест самоотверженно и молчаливо, она везде и всюду, как и чем только могла, помогала всем станичникам переносить ужасные страдания под нечеловеческим коммунистическим ярмом, поддерживала каждого морально и воодушевляла на борьбу с поработителями, твердо веря, что настанет время, когда и над казаками засияет лучь свободы и когда добро восторжествует над злом. Не пощадила жестокая коммунистическая рука и этой святой женщины, отдавшей всю свою жизнь исключительно на успешную и благотворную работу по воспитанию молодого поколения казаков, столь поразительного по своим прекрасным результатам. Данным ей Богом чутьем, природной способностью и умом, всесторонним основательным образованием и искренней любовью к своей казачьей семье, особенно к детям, она первая осознала и поняла особое значение учебно-воспитательного дела, дающего человечеству жизненные и созидательные силы и которое является первоисточником всего того, что необходимо для разумного и благополучного существования не только каждой казачьей семьи, но и целого Края.

Как сейчас вижу Анну Григорьевну еще совсем молоденькой девушкой, стройную, со строгой гладкой прической чудных темных густых волос, с большими черными глазами, с энергичным лицом, с доброй доверчевой улыбкой, обладающей особой притягательной силой. При встрече эта улыбка каждого очаровывает, овевает лаской, внушает тепло и доверие. Одета была всегда просто, аккуратно, но со вкусом и особым изяществом.

Помню ту суету, то беспокойство моей покойницы матушки, когда она впервые снаряжала меня в школу, где учительницей моей должна была быть Анна Григорьевна, которая требовала от каждого ученика быть всегда чисто и аккуратно одетым. Мне сшили тогда новую черкеску, чусучновый бешмет, сапоги, шапку и купили красивый пояс и кинжал, чтобы показать меня учительнице во всей красе казака. Но этому казаку предварительно, уже за несколько дней до школы, делалось основательное отцовское внушение вести себя в школе прилично, быть опрятным, аккуратным, послушным, внимательным, не вступать в ратоборство с мальчиками, а особенно с Васькой Павловым, соседом и будущим моим одноклассником, отъявленным сорванцом и задирой, чтобы не получать от учительницы замечаний.

Вымытого, вычищенного, с иголочки одетого и обутого, ввели меня, маленького дикаря, в храм науки. Новая школьная обстановка меня поразила, удивила, заинтересовала, но одновременно повергла в детский страх, привела в нервное возбуждение за свое неясное будущее. Только вошедшая в класс учительница своей милой, очаровывающей материнской улыбкой, нежным, мягким и простым обращением с учениками, называя каждого по имени — Илюша, Ваня, Сережа, — произвела на мою юную душу успокаивающее впечатление и вызвала веселое и радостное настроение, которое навсегда осталось в моей памяти, как самый светлый день моего отрочества.

Все мы, малыши, в первый же день были очарованы нашей милой Анной Григорьевной, полюбили ее, привязались к ней, сроднились, стали своими, близкими, одной общей семьей. Учиться с Анной Григорьевной было для нас большим удовольствием, интересным времяпрепровождением. Мы с особым детским вниманием, любопытством и интересом прислушивались к каждому ее слову, наши глаза с любовью смотрели в ее глаза, ее улыбка встречалась нами радостным смехом. Она умела, как добрая ласкавая мать и чуткий педагог, с таким мастерством, с таким захватывающим интересом внушить нам все доброе и полезное для нашего тела и молодой души.

Анна Григорьевна не придерживалась бюрократической системы обучения, метода, приемов, кроме тех, которые были основаны на любви детей к ней, на быстром и успешном обучении и правильном умственном развитии своих малышей. Она не только учила нас, но одновременно и воспитывала, твердо помня, что только правильно поставленное воспитание является разумным введением молодежи в мир и в жизнь, т. е. в такую сферу, которая постоянно расширяется и в которую нужно вступать все более уверенно, с увеличивающимся запасом знаний, касающихся того, что можно делать и чего нельзя.

Своей любовью и заслуженным авторитетом она с'умела внушить нам уже с детства любовь к систематическому труду не только в школе, но и дома, к работе над собою, к самообучению, как будущей основе жизненного благополучия каждого из нас. Ведя постоянные беседы с нами по элементарным вопросам практической жизни, она подробно на примерах раз'ясняла долг каждого ребенка по отношению к родителям, братьям, сестрам, товарищам, по отношению к немощным, убогим, старым, незнакомым, обществу, родине; учила правилам приличия, как держать себя дома, за столом, в классе, на улице, в общественных местах и т. д.; всегда внушала нам быть справедливыми, честными, добрыми, искренними, трудолюбивыми, воздержанными, а этим в будущем достигнем уважения и любовь окружающих. Мы ее слова принимали близко к сердцу и наше отделение являлось действительным примером добропорядочности и примерной дисциплины. Правда, первое время еще было два-три необузданных и распущенных малыша, но все наше отделение не обращало на них внимания, не поддерживало их и грубые их шалости и дикие выходки сами собой прекратились. Удивительнее всего было то, что ученики эти, прекратив шалости, шли по стопам способных и с охотой подчинялись школьной дисциплине.

Своим умением действовать на чувства чести детей Анна Григорьевна, избегая всяких наказаний, как хороший психолог, стремилась не исправлять, не лечить пороки, а по возможности предупреждать их зарождению, а этим постепенно вырабатывала волевой и открытый характер каждого ребенка.

Зная, что не только книга, но в большей степени с а м а ж и з н ь должна быть основанием всякого воспитания и образования, Анна Григорьевна особое внимание обращала на изучение нами элементарных законов окружающей природы, жизни растений, птиц, главнейших небесных явлений и проч.

Наблюдая природу, ее изумительную гармонию, мы убеждению верили в создавшего все это Всевышнего Творца, были все особенно религиозны, по воскресеньям и праздникам исправно ходили в церковь, были послушны, смиренны и горячо и усердно молились.

От Анны Григорьевны мы уходили уже вполне подготовленными к дальнейшей практической жизни людьми, с большим жизненным кругозором и умением отделить добро от зла.

Анна Григорьевна действительно, «отдала себя народу», а этим оказывала то решительное влияние на под'ем казаков в умственном и нравственном отношении, а через это — на улучшение их домашнего быта и общественной жизни в нашем крае. Таких учительниц-казачек было у нас много. Анна Григорьевна является одной из многих. Мы, казаки, должны гордиться их именами и чтить их память, как святыню для всего Казачества.

Полковник Д. Маслов.

ПОД КАЗАЧИЙ СТЯГ.

КНД вело много лет работу по пробуждению национального самосознания Казачества будило казаков к активной казачьей работе, говорило о необходимости реального единства всех казачьих сил для дружной работы на пользу родного Казачества. Заслугой казачьих националистов создана большая казачья литература, освещающая основные задачи нашего народа, приоткрывающая завесу над истинной казачьей историей, воспитывающая казаков в казачьем духе. Казаки отлично сознают значение своей собственной литературы и своего собственного печатного слова, особенно ярким свидетельством чего являются слова многих наших казачьих фронтовиков, которые при первом ознакомлении с «Казачьим Вестником» говорили со слезами на глазах: «Да, это наш родной Казачий Вестник!»

О нашем единстве нам нужно говорить и говорить громко, отбрасывая все, что ему мешает, что стоит на пути к его осуществлению.

КНД звало и зовет не к механическому об'единению, а к органическому единению всех казаков на основе искреннего признания и сознания, что казак казаку друг и брат и что у всех казаков могут и должны быть только одни интересы и одни стремления, **казачьи** интересы и **казачьи** стремления. И каждому казаку нужно усвоить, что наше казачье единство нужно самим казакам прежде всего, чтобы сохранить родное нам Казачество и обеспечить его будущее, в котором никто так не заинтересован, как мы сами.

Теперь уже является недопустимым для казака еще продолжать блуждать по чужим задворкам или находиться в лоне чужих неказачьих организаций или руководства. Таким казакам пора пригребать к своему казачьему берегу, а не ждать, когда их вытянуть из чужой тины. Теперь уже время изжить взаимные распри и ненависть, пора покончить с расслаблением казачьих душ и внесением в их сознание путаницы или чужой, неприятельской пропаганды, которую всевозможными каналами пытаются внести в нашу среду противники Казачества и, прежде всего большевики.

Нам нельзя забывать, что наше единство, наша дружная работа прежде всего не в интересах врагов Казачества. Зоркое око НКВД, учитывая создание нашего казачьего единения, никак не может допустить рождение нашего боевого единства. НКВД не ограничивается только работой на территории СССР. Паутина его во всем мире казачьего рассеяния, щупальцы его протянулись во все места. И на этой стороне фронта оно через своих агентов и суб-агентов, их платных и бесплатных помощников и случайных друзей пытается делать свое грязное дело, напирая при этом на единую и неделимую, на патриотические чувства, применяя даже угрозы, старается внести разлад и недоверие в среду казаков.

Естественно, что главный удар свой красная охранка и ее помощники направляют на проводника казачьего национального дела — на КНД и его Руководителя. — пуская в ход всякого рода провокаций и слушки, начиная о закрытии единственного казачьего печатного органа «Казачий Вестник», свертывании КНД и прочих небылиц. В то время, когда ныне как никогда крепки ряды казачьих националистов, как никогда высок их авторитет, их духовное и моральное влияния среди всех казаков, видящих в них передовых борцов за свою свободу и лучшую жизнь.

Всем, вносящим смуту и раздор в казачью среду, пытающимся разбивать наше единство и ослабляющим наши казачьи стремления, мы должны давать самый резкий, самый острый отпор, ибо сейчас не время для сентиментальностей.

Все честные и сознательные сыны нашего Казачьего Народа должны проникнуться чувством полной ответственности за самое бытие родного Казачества и приложить все силы для торжества казачьей Свободы. Только активная и дружная работа, только скорейшая постановка казачьего дела на должную высоту, только включение всех наших сил в действие, может восполнить все пробелы, какие имели место в прошлом благодаря нашей раздробленности, благодаря тому, что многие казаки не заботились о своем казачьем, не прилагали своих сил к возрождению своей Казачьей Родины.

Т. Лобанов.

Авангард большевизма.

Из уголовной хроники известно, что всякое большое преступление, сулящее грабителям, в случае успеха, прибыли, подготовляется шайкой преступников долго и тщательно. Изучается подробно об'ект нападения, учитываются обстоятельства при каких будет протекать бандитская операция с применением-ли мокрых способов или обойдется так — гиком, криком и стрельбой в воздух.

Цивилизованный мир давно наблюдал за подготовкой нападения на Европу англо-американцев, уже прославившихся в прошлом «мокрыми» делами.

Долго и тщательно подготавливались они, беря уроки у непревзойденного заплечных дел мастера «великого и гениального Сталина».

Сегодняшнее вторжение в Европу англо-американских войск следует рассматривать исключительно с точки зрения уголовной хроники. Прелюдией к этому преступному акту были действия, мало чем отличающиеся от гангстерских приемов Чикаго.

Англо-американская авиация в течении ряда недель перед нападением на Европу громила мирное население европейских городов. Десятки тысяч убитых женщин и детей, тысячи разрушенных домов. Памятники искусства и истории были подвергнуты разрушению. В Европе этого бандитского налета давно ждали. Ждали и соответственно к этому готовились.

К своему удивлению англо-американские гангстеры увидели, что несмотря на террор, предшествовавший их вторжению, несмотря на обещания всевозможных благ, — сразу им приходится перейти на способы «мокрого» дела. Особенно от этого пострадало французское мирное население. Оплакивая десятки тысяч родных и близких, ставших жертвой террористических налетов, оно увидело, что «освободители» (так себя называют англо-американцы) несут ему смерть. За недели вторжения число погибшего мирного населения исчисляется десятками тысяч. Французы увидели намерения «освободителей» и воочию убедились, что англо-американцы являются **авангардом,** прокладывающим путь страшному большевицкому зверю. В Европе начинают понимать, что большевизм может придти не только с востока, но и с запада, ибо разрушительные силы, идущие на Европу со всех сторон, руководятся одним и тем же центром — жидовским кагалом, — этим вдохновителем и созидателем большевизма.

Генерал фон-Паннвиц при смотре конвоя Первой Казачьей дивизии.

Archiv „Der Kosakenbote".

Те из европейских народов, которые соприкоснулись с «освободителями», теперь поняли, какие они им несут страшные бедствия. Поняли и соответственно к этому относятся. Население Рима, например, покидает город. Уходит куда глаза глядят, ибо страшный призрак голода назойливо засматривает в лицо. А коммунисты при благосклонном отношении «освободителей» ведут свою работу, чтобы установить здесь порядки и обычаи, им присущие — порядки крови и пыток.

В Нормандии еще до высадки «освободителей», во время бомбондировки ими Руана несколько молодых людей реагировало на падения бомб, толпа женщин и подростков разорвала на клочки этих преверженцев «освободителей».

В первые же дни высадки через тот же город Руан ведут группу пленных англо-американцев. Вот те, кто разрушал жилища мирного французского обывателя. Вот те, кто убивал женщин и детей. Население встречает пленных «освободителей» улюлюканием, а потом пытается линчевать их. Немецким конвоирам с трудом удается защитить пленных от расправы руанцев.

Теперь становится понятным те сдержанные заявления, которые исходят из официальных англо-американских кругов, об отношении к ним французов в местах высадки.

Правда, представители английской прессы, побывавшие на Нормандском побережьи в местах высадки десанта, откровенно и горечно констатируют, что французы злобными взглядами встречают «освободителей», «а более откровенные просто и плюют на нас», ибо европеец видит, что «освободители» на самом деле являются разрушителями домов мирного населения, убийцами, ведущими за собой врага человечества большевизм, с арсеналом его страшных разрушительных орудий.

Европа ощетинилась. Все народы шлют своих сынов на борьбу с большевизмом и его предтечами. Принимает активное участие в этой борьбе и наш Казачий Народ, которому сущность большевизма хорошо известна, и который всецело сознает, что только полная победа над этим злом, может обеспечить свободу и независимость Казачьей Родины.

Прохождение Н-ского Казачьего полка через один из европейских городов.

Archiv „Der Kosakenbote".

Алексей Иванов.

В Черкасск!..

(Из рукописи «Встречи и образы»).

Постепенно замедляя ход, поезд останавливается на станции «Шахтная» и сразу же атакковывается густой толпой шахтеров до того черных, что белеются только белки глаз и оскаленные в давке зубы.

— «Ух, отва-ажный народ эти штегаря» — замечает стоящий на площадке вагона, рядом со мною, бравый вахмистр.

После короткой остановки поезд трогается дальше. Между мягкими увалами последних отрогов Донецкого кряжа полотно дороги идет все время под уклон. По проселочной дороге, местами идущей рядом с железнодорожным полотном, все чаще и чаще попадаются группы и одиночные пешеходы, перегоняемые поездом. Вот промелькнула конная часть, двигающаяся, как и все остальное, к Новочеркасску.

«Персиановка»... Поезд идет дальше. Перегоняем длинные колонны пехоты.

— «Почему сегодня такое оживление?» спрашиваю я своего соседа вахмистра, желая узнать отношение рядового Казачества к готовящемуся державному акту возродившегося Дона.

— «Дык, нонеча Атаман присягу будить приносить на верность Всевяликаму Войску Донскому — вот и пруть все в Черкасский, будто без йих обойтица няльзя. Оно, канешна, зрелишша будить дюжа знамянится: одних знаменов из музеи боля сорока вынясуть, ды ешшо и Войсковыи яргалии.

— «А кому же Атаман присягать будет?»

— «Как кому? Всему Казачьему Войску. Господам Донскому Войсковому Кругу и всем знаменам, кровью казачей политым. Слухай, малец, ты видал йих хучь раз: знамены-то наши. Так, тольки, тряпки к древкам прибитыйи, а в йих братец мой, вся наша казачия слава содержица».

— «На соборной площади будет торжество?»

— «Ну, а иде же ешшо. На Хутунке, што-ли? Присяга — его церемония торжественная, только не на всяком месте подходяшшая. Ну, ды куды-ж табе, сосунку, в етом деле разобраца».

— «Э-э-э-э-! Слушай, дядя, может я и сосунок, да только с костылем-то не от молока хожу: в ногу-то меня осколком гранаты тяпнуло. Уже шестой месяц ковыляю».

— «Иде-ж тебя пришпандорило?»

— «В Сальских степях, в степном походе».

— «Ето кады с Паходным были? Ну, браток, прости, коли обидел. Знаю я ето дело. Дятвора пошти все вы там были, да дела вяликую сотворили: сохранили вы там гордость нашу казачую, хаму не поддалися. Как же, слыхал я про ето ешшо на паходи. С хронту к сабе на Дон тагды мы пробивалися. Подсобить хотели покойному Каледину Атаману, царство ему небесная, да не успели. Уж больно тагды сволочь красно... я на нас насядала. На юго-западном хронти были мы».

У Хутунка поезд замедляет свой стремительный бег и из вагонов, как спелые груши с дерева, посыпались служивые-казаки, в их числе, наскоро простившись, и мой спутник вахмистр.

Новочеркасск... Вот она — уютная и гордая казачья столица, орошенная кровью Атаманов Каледина и Назарова и сотен степных орлят-казаков.

Мягко останавливается поезд у вокзала. Сдавши багаж на хранение, иду в Епархиальное училище — явиться отцу. Медленно поднимаясь по Крещенскому спуску, наблюдаю толпы стариков и молодых казачат, пришедших из ближайших станиц. У Собора уже собралась большая толпа и так же, как и прежде, спит под буркой каменный Бакланов. По ту сторону Собора в спокойной и уверенной позе стоит Ермак.

— «Уся гвардия будить на парати, а пяхоты — видимо-нявидимо» — об'ясняет дед-казак в синем чекмене и шароварах с лампасами, с грудью, от плеча к плечу, увешанной крестами и медалями — «опять же и антилерия и юнкаря. Гутарють, што и аропланы лятать будуть».

Всеобщее праздничо-торжественное настроение передается и мне. Не чувствуя хромоты и бойко постукивая палкой спускаюсь к Епархиальному училищу, где помещалось общежитие членов Донского Войскового Круга. У входа как-то теряюсь, робость охватывает меня и я не решаюсь войти в громадное здание.

— «Вам что угодно?» — передо мною стоит высокий, стройный есаул.*)

— «Я хотел бы видеть отца: он член Кру-

*) Есаул Пащинский — комендант общежития Д. В. Круга.

Майор Сацюк.

„НЕНАВИСТЬ".

(Окончание.)

Мне пришлось встретится с майором З. спустя две недели на одном из совещаний в штабе N армии южного фронта. Он был один — комиссара с ним не было. Майор узнал меня сразу и приветствовал широкой радостной улыбкой, как старого знакомого:

— Здравствуйте, майор! Давно не виделись.

Рад видеть и, скажу откровенно, частенько вспоминал о Вас — были его первые слова, обращенные ко мне.

— Садитесь, — он приветливым жестом указал на свободное место. — Покурим, пока есть время. Поговорим.

Я искренне обрадовался этой неожиданной встрече. За короткое время нашего знакомства на фронте я почувствовал к нему особую симпатию и мне было всегда приятно в обществе этого веселого, простого человека.

— Почему Вы сегодня приехали один? А где-же Ваш «замечательный» комиссар?

Я смотрю на него смеющимися глазами.

— Комиссар? — он слегка задумывается. — Погиб на фронте. Пал смертью храбрых за своего Сталина. Пока, как видите, я один. Не успели еще прислать другого на его место». В комнате где мы сидели и курили нет никого. Сейчас обеденный перерыв и участники совещания разбрелись кто куда.

Я молча слежу за выражением лица моего приятеля и мне страшно хочется узнать причину гибели комиссара.

— Тут что-то не то — вертится шылом в голове.

Словно угадывая мои мысли мой собеседник, смотря на меня улыбающимися глазами, предлагает:

— Хотите я расскажу, какая участь его постигла. Ну и хорошо. Так вот в скором времени, как Вы уехали наша бригада получила боевой приказ и выступила на фронт. Операция прошла очень коряво, как и всегда. Мы потеряли около 30% материальной части и отходили обратно на исходные позиции.

Накануне выпали сильные дожди и бригада, растянувшись широком фронтом, уходила из поля обстрела.

Грязь была невероятная, даже нам, привыкшим к кошмарному российскому бездорожью, это казалось чудовищной насмешкой над действительностью. Я ехал в человой машине в центре своего полка. Вокруг яростно ревели моторы и танки, по брюхо врезаясь в густую липкую грязь и оставляя за собой глубокие следы.

Сверху моросил мелкий в'едливый дождь; низкие облака рваными грязными лохмотьями свисали над широкой степью.

Рядом с нами, по колено в хлюпающей и жадно чавкающей жиже отходил Н-ский стрелковый полк. Красноармейцы в грязно-бурых шинелях, с нелепо торчащими за спинами уродливыми мешками, понуро шагали. Мне всегда было жаль этих бедняг и хотя среди танкистов господствует предубеждение к пехоте, как к нисшему роду войск, я всегда с болью в сердце смотрел на страдания выродившейся и когда то грозной матушки — пехоты.

Танки, утопая в грязи, медленно обгоняли пехоту. Из открытого люка башни моего танка хорошо были видны их усталые землистого цвета лица, потухший блеск их глаз, какая-то неизъяснимая без'исходная тоска и обреченность веяла от них. Люди были смертельно усталы и голодны. Я крикнул: «Садись, ребята, на танки!»

Эти слова вызвали среди них оживление.

Ближайшие услышали первыми приглашение и садились на танки, облепляя их гроздьями своих завшивленных и усталых тел. И сидя на танках — люди ожили. Появились радостные, человеческие улыбки. Посыпались шутки. Застрочились сизые дымки самокруток. Отовсюду неслось:

— Спасибо, товарищи танкисты!

— Выручили матушку-пехоту!

Ровно гудели моторы, танки врезались попрежнему в черную грудь вспаханной земли, оставляли глубокие борозды и легко уносили на своих стальных спинах усталых и довольных людей.

Внезапно шедший рядом с моим танк вырывается вперед, из него выскакивает комиссар и, дрожа от ярости, кричит во всю мочь:

— Кто Вам разрешил садиться на танки! Слезай немедленно, сволочь паршивая! Пристрелю!

В его руке появился наган и, бешенно размахивая им, он подлетел к ближайшему танку откуда растерянно глядели испуганные лица.

— Что Вы не слышите? — Слезай немедленно!

Пристрелю как собак!

Угроза не действовала. Люди сидели попрежнему на танках и смотрели на комичную фигуру, прыгающую по грязи с ужимками рассерженной обезьяны.

Его угрозы и крики заглушались ровным гулом моторов и я с нескрываемой ненавистью смотрел на жалкую фигуру этого паяца.

Мои танкисты хмурились. Водитель — старший сержант Ковш, наблюдавший в смотровую щель эту картину, нетерпеливо сдвинул брови; башенный стрелок сержант Донсков — не выдержал и не обращаясь ни к кому взволнованно бросил: — «какого черта он разоряется».

«Сволочь и есть сволочь. Будет и ему когда нибудь погибель!»

Дальше получилось такое, что никто из нас не ожидал.

С переднего танка окровавленным мешком свалился один и уткнулся лицом в грязь...

Фигура комиссара метнулась в сторону.

— Еще один нелепо разведя руками шлепнулся с окровавленной головой вниз под гусеницы танка, — в глазах выражение невыносимой боли и застывшего ужаса.

Садизм?!.. Убийство?!.. За что? — вихрем проносится в голове. Люди прыгали на ходу с танков, шлепались тяжело в грязь, посылали тысячи проклятий.

— Теперь я знал, что нужно делать. Жестом отстранив водителя я нажал на стабилизатор. Взревел мотор, его стальное сердце забилось во всю мощь 500 л. с., повернул штурвал налево и всей силой своей ненависти, левой гусеницей раздавил паразита. — Майор задыхался, ему было трудно говорить. Слова душили его.

Немного успокоившись он продолжал: — Потом я выглянул из башни, что-то розовое, ком расплюснутого мяса и костей мелькнул в глубокой борозде — все что осталось от моего комиссара Рывкина.

— Он облегченно вздохнул. — И представте, что я совершенно не жалею об этом — словно раздавил муху или клопа.

Меня этот рассказ взволновал и потряс до глубины души.

Я не мог удержаться от похвалы его смелого и опасного поступка:

га и живет здесь. Сюда я пришел прямо с вокзала».

— «Как фамилия Вашего отца?»

— «Алексей Васильевич Иванов. Нижне-Чирской станицы».

— «А, знаю: председатель окружного совещания 2-го округа. Идите за мной».

Идем по длинному коридору. У одной двери останавливаемся и есаул постучал в дверь.

— «Войдите» — слышится изнутри.

— «Г-н Иванов!»

— «Его нет здесь. Он вышел» — отвечает чей-то знакомый голос.

Сделав общий поклон, присматриваюсь к присутствующим: генерал Василий Васильевич Разстегаев, белый как лунь, герой восстания казаков во 2-ом округе: Константин Михайлович Попов, член Круга от Н.-Чирской-же, и несколько неизвестных мне лиц, штатских и военных.

— «Кто спрашивает Алексея Васильевича»? — продолжал генерал Разстегаев, т. к. на вопрос есаула ответил он.

— «К г-ну Иванову приехал сын, так позвольте сдать его вам для передачи по назначению, а я, с вашего разрешения, пойду к себе. Сегодня у меня много работы».

— «Идите, идите! А ну-ка, Иваненок, идика сюда».

— «Здравия желаю, Ваше Превосходительство!».

— «Здравствуй, здравствуй. Сразу-то, я тебя не узнал. Что нового в Чирах?»

— «Все по прежнему. Фронт опять отодвинулся, так что даже и артиллерии не слышно».

— «Ну, а ты-то зачем сюда пожаловал?»

— «Поступаю в Политехникум».

— «Так, так...
А на какой же факультет?»

— «Агрономический».

— «Что-же, чувствуешь призвание к земледелию, к мирному сельскому труду? Это хорошо работать на лоне матери-природы. Ага, вот и родитель твой пришел. Алексей Васильевич!»

Отец представил меня присутствующим. В числе их был и «зашедший на огонек» наш казачий писатель и поэт Федор Дмитриевич Крюков.

— «Знаю, знаю» — отмахивался ген. Разстегаев — «твои сыновья — твоя гордость и счастье. Ну, а теперь вы уж наслаждайтесь свиданием. Господа, не будем им мешать!»

— «Ну, Алеуксус, дома все ли благополучно? Живы, здоровы?»

— «Слава Богу, папа. Мама и Сережа кланяются и целуют. По пути сюда был у Володи: он тоже здоров. От мамы привез тебе посылку — она в багаже, на станции. Я слышал, папа, что Атаман присягать будет. Интересно, как наш народ воспринимает свою возрождающую Свободу?»

— «Да. И я очень рад, что ты приехал именно сегодня. Будешь присутствовать и видеть, как творится история, наша Казачья история. Очень жаль, что не сможем быть оба вместе, плечом к плечу. Но это не помешает нам воспринять известные впечатления — особенно тебе. Ты молод, впечатлителен и то, что ты увидишь сегодня, ярким пятном запечатлится в твоей памяти на всю жизнь. После своим внучатам будешь рассказывать, как возродилась Казачья Вольность и Слава».

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

(Продолжение).

Глава V.

Егор сидел в переднем углу, как почетный гость, в том углу, где обычно горит лампада перед святыми образами. Но в тот день лампаду не зажгли, не смотря на большой праздник, и лики святых мрачно смотрели через табачный дым на брякавших грязными стаканами с самогоном отца и сына Безпаловых.

Настроение у Захара было радостно приподнятое и даже нервное. Он сидел рядом с сыном, курил толстую цыгарку и любовными глазами смотрел на сына. На плечах у него было накинуто дорогое пальто с бобровым воротником, с дыркой на спине и с темным пятном вокруг. Подарок Егора.

Давно Захар получил письмо, что сын должен приехать в станицу, для разрешения социальных вопросов, но никому, кроме своих, не говорил об этом. Зачем болтать раньше времени, приедет — увидят все и узнают, кто такой теперь Егор Безпалов и что такое он представляет при дворце новых российских правителей.

Егор служил в Балтийском флоте и с самого начала революции устроился в одном из многочисленных штабов и революционных учреждений. С появлением в свет большевиков он заметно полез в гору и, само собой разумеется, облачившись в кожаную шведскую тужурку с пулеметными крест на крест лентами, старательно углублял революцию. Недели за три до своего приезда он писал отцу, что состоит на службе при самом Ленине и слишком занят работой по очистке столицы от контр-революционной сволочи, но как только выберет свободную минутку, то незамедлительно приедет. Минута свободная нашлась и Егор приехал. Матросская фуражка лежала на самом затылке, а прядь лохматых черных волос зализватски закрывала лоб и красивые, густые брови. Пышные усы, подкрученные вверх, скрадывали тонкий, длинный нос и придавали лицу более красивый вид. Егор наливал стакан за стаканом вонючего самогону, чокался с отцом, пил, и сморщившись закусывал кислой капустой и огурцами.

Старуха Безпалиха и две дочери: Настя восемнадцати лет, красавица невеста, и Поля, двумя годами моложе Насти, усердствовали на кухне, приготовляя тесто и начинку для пирога. Самый младший член Безпаловской семьи — Петька — забился в угол и оттуда внимательно слушал, что говорил старший брат, приехавший от самого Ленина.

Самогон имел свое действие и у Егора заметно развязался язык. Он с особым смаком рассказывал отцу, как выводили контрреволюцию и нещадно истребляли буржуев.

— Довольно уж попили нашей кровушки, тапереча и мы их! — и он цинично нажимал на стол грязным, широким ногтем большого пальца. — Сам Ленин приказывал прямо не церемониться с этой сволочью, вы, говорит, товарищи, их прямо к стенке, чего долго разговаривать.

Захар слушал и довольно улыбался. Ведь все, как сон. Давно ли они были рабами и рабски гнули свои спины перед всеми, кто так или иначе, являлся их начальством и работодателем. А теперь? Теперь они вольные люди, власть в руках крестьян и рабочих, что хотят, то и делают. Чего же лучшего желать. Нужно только закрепить, оформить как следует быть и самим зажить по хорошему. Ведь вон погляди на Егора, крестьянский сын, простой матрос, а добился того, что и Ленин с ним за ручку. Да разве мало таких, как Егор? Все правительство теперь из народа, и нужно его защищать с оружьем в руках, чтобы всякая сволочь не особенно зазнавалась.

— Вон шубу то тебе привез какую..., а откуда она? С буржуя снял, видишь на спине дыра? Это я его штыком ковырнул на Аничкином мосту, а потом вытрехнул!

— Кого это? — спросил как то нерешительно Захар.

— Да эту сволочь, буржуя, известно! О, сколько мы их побили, а еще осталось не мало, папаша! Много будет работы!..

Захар снял шубу и поглядел на дыру и на темное вокруг дыры пятно. В этот момент двери в хату отворились и на пороге появилась улыбающаяся Евдокия, показывая свои белые красивые зубы, а следом за ней шел хмурый Степан. Евдокия с поцелуем бросилась к своему брату, а Степан сняв шапку, крестился на иконы.

— Ого, брательник, да ты еще дурь то эту не выбросил из головы? — А ты знаешь, что товарищ Ленин похерил всех богов, так как религия это опиум для народа?

Обалдевший Степан, протянув руку к Егору, начал оправдываться.

— Это по привычке, Егор Захарыч, ведь сразу то всего не вышибешь? Нет, нет да и промахнешься!

— Ну садись брат, гостем будешь. Вот сюды, рядом со мной. Ты посмотри, брат, какой я подарок привез отцу, цены нет?

Захар опять снял шубу и все разглядывая и щупая рукой добротность товара, восхищался, а Егор самодовольно повторял о том, как он выпрыхнул буржуя прямо в воду, ковырнув сначала штыком.

Степану это не понравилось. Не для того же в самом деле свобода, чтобы одни убивали и грабили других и за их счет жили и богатели. Вот поровнять землю со всеми мужиками и пусть работают и трудятся. А так разве можно.

— Ну чего ты задумался, — окликнул Егор, — наливай вина, да чокнись со мной за благополучный приезд!

— Что-ж, это можно, только винца то у вас маловато?

— А ты не сумлевайсь. Эй, Петька, пострел, беги за водкой, да мигом, одна нога здесь, а другая там!

Разгулявшийся Егор вытащил из кармана туго набитый бумажник и бросил Петьке несколько кредиток. Евдокия жадными глазами поглядела на брата и, выскочив на кухню, поделилась с матерью.

— Ох, матушка, у Егора денег то полнай партаманет!

— Цыть ты, дура, аль завидно? Ведь он, слышь, при самом Ленине состоит, ну, известно, все деньги у них. Чего-ж тут?..

За новой четвертью Егор окончательно захмелел. Но все же старался держаться бодро, только заплетающийся язык говорил о перегруженности алкоголем. Разговор не клеился, так как Егор никому не давал говорить и в сотый раз рассказывал, как он на мосту ковырнул штыком буржуя и вытрехнул его из меховой шубы.

— Ну что-ж, зятек, выпьем что ли за наш успех? — говорил Захар, подавая Степану стакан с самогоном.

— Вот и мы дождались счастья, тапереча не будем побираться по чужим наделам, свою землю получим?

— Дай Бог, папаша, я завсегда об этом говорил! — ответил Степан.

Захар со Степаном чокались, сплевывали на пол и грязными грубыми пальцами клали в рот нарезанные большими кружками соленые огурцы.

Евдокии было скучно слушать несвязную пьяную речь брата и не того она ждала от его приезда.

«Что он все талдычит о своем Петрограде, как это ловко там расправлялись, а вот у нас здесь так и некому должно? Я думала, как приедет, так сичас и возьмется перво на перво за атамана, а потом и за других толстобрюхих, чтобы не повадно было?»

Евдокия нервно ерзала на скамье, словно под нею стояла сковорода с горячими угольями, и не знала, как подступить к брату со станичными делами.

«Надо решать, нечего тут время терять даром!»

— Молодец! Хорошо сделал. Но как все-таки случилось, что ты до сих пор жив? Ведь за это полагается, по меньшей мере, расстрел.

— Весь секрет в людях. Вы сами знаете, как я люблю и ценю людей. Они мне платят той же монетой.

А потом — танкисты это люди особого сорта — их надо уметь понимать. Живи с ними дружно, будь хорошим товарищем, а когда надо и строгим начальником — это все.

Из огня вынесут. Из любой беды выручат. И кроме того, разве они не видят, не понимают где правда? Только боятся пока, молчат.

— Но ведь об этом узнали многие, этого не скроешь?

— Ясно не скроешь. Уже на второй день, когда мы остановились на отдых в селе «Д.», ко мне приходили командиры и поздравляли с успехом. Помню пришел мой приятель капитан Волков и говорит в беседе такую вещь: «Не мешало бы произвести подобную операцию над Борухом Абрамовичем». Вы его, конечно, не знаете. — Личность заурядная, работает у нас техноруком, но сволочь исключительная — Сексот. Специально среди командного состава по заданиям НКВД.

Многие уже ему обязаны Соловками и Сибирской тайгой.

Или возьмите вот такой пример: приходит мой второй приятель майор Сивцов. Сидим — разговариваем.

Он мне и говорит:

«Хорошо вы поступили. Житья не было нам от него. Может быть еще руль возьмете в свои руки...»

Вскоре после этого случая мне пришлось опять ехать в своем танке. Не могу людей прямо узнать. — Стали хорошие такие, веселые и все улыбаются.

Говорят обо всем, — не стесняются. А водитель танка прямо заявил: «Может быть Вы думаете, что мы донесем куда нибудь на Вас. Не беспокойтесь. Мы уж тут решили между собой — если б не Вы, то мы его раздавили сами. Придет пора — будем давить всю эту сволочь как мух» — добавил он угрожающе.

— А как все-таки Вы донесли о гибели комиссара своему начальству?

— Очень просто. Написал рапорт, что мол, убит в бою во время минометного и пулеметного обстрела.

— Поверили, раз никто об этом случае не донес.

Не выдали...

Рассказчик смолк. От нахлынувших воспоминаний глаза блистали знакомым холодным блеском стали, руки нервно теребили пуговицы мундира. От него веяло широкой мощью степной горячей натуры.

Кровь предков, чистая казачья кровь, бурно переливалась в его жилах.

— Мне никогда этого не забыть. Никогда не простить.

Слишком много они выпили нашей крови, — в зрачках вспыхнули яркие молнии, — моей ненависти к ним нет предела. Он был прекрасен в эту минуту, потомок рыцарского народа, свободный степной орел, расправляющий свои могучие крылья.

— Придет пора, — я буду своими танками давить тысячи Рывкиных, Скибинских, Абрамовичей и всю мерзость покрывающую зловонной мутью нашу прекрасную Родину. Наши взгляды встретились и он прочел в моих глазах немой ответ.

— Да, будем — вместе с тысячами, миллионами отрезвевших людей.

ХРОНИКА

— Германский Государственный Министр СС-Обергруппенфюрер Карл Герман Франк передал Руководителю Казачьего Национального Движения (КНД) инж. В. Г. Глазкову благодарность Фюрера Адольфа Гитлера за посланную 21. 7. с. г. телеграмму по случаю счастливого спасения от покушения на жизнь Фюрера.

— 14-го августа с. г. Руководитель принял доверенного КНД и атамана станицы в гор. Магдебурге хор. И. А. Болдырева, который доложил о работе в верением ему районе. Руководитель выразил ст. хор. И. А. Болдыреву благодарность за проведенную им работу.

— В Праге, в воскресенье 13-го августа, в православной церкви на Ольшанском кладбище состоялась панихида по всем казакам, павшим на поле брани в борьбе за волю и независимость. Панихида состоялась по инициативе Правления Казачьей Национальной Станицы в Праге.

Помимо многочисленной группы казаков, явившихся почтить память своих станичников, на панихиде присутствовало много молящихся и не-казаков.

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Стешенко Иван Гаврилович, казак ст. Веселой (Кубань) разыскивает свою сестру Стешенко Пелагею Гавриловну и станичников. Писать:
Steschenko Iwan, Halbturn, Nieder-Donau, Guwergasse 37.

— Березкин Николай Иванов., Фельдпост № 48742-В, разыскивает Белан Евдокию Ивановну и ее сестру Марию Ивановну, проживавших в Запорожской области, Гуляйпольском районе, на хуторе Ветры. Выехали на работы в Германию.

— Петров Нестор, ст. Луганской, Дон, разыскивает двоюродного брата Николая Егоровича Петрова. Писать:
Halle (Saalle), Magdeburgerstrasse 16. Feuer Wache Nord.

— Козлова Милена Константиновна разыскивает мужа. Писать:
Luckau, Hotel „Zur Goldenen Kronen", Hauptstrasse 7.

— Кузнецов Георгий Тимофеевич, ст. Мигулинской, хут. Бирюкова (Дон), разыскивает брата, Федора. Писать:
Göggingen b/Ausburg, Wellenburgerstrasse 20.

— Мигородский Василий просит казаков ст. Крыловской откликнуться по адресу:
Feldpost 30391.

— Попов Михаил, хут. Писарева, Иловлинской ст. (Дон). разыскивает родственников: Валентина Алексеевича Полякова и Авенира Яковлевича Крымцова, а также бывших реалистов Ниже-Чирского реального училища. Мой адрес:
Wolfen, Kr. Bitterfeld, am Busch. Gemeinschaftslager Waldfrieden.

— Кулешов Иван Назарьевич, Гундоровской ст., хут. Королевки (Дон), разыскивает двоюродных братьев Аникиных Даниила и Михаила Яковлевичей, оба Гундоровской станицы, сына Виктора, который выехал в 1942 г. в Германию на работы. Писать:
Trier-West Gemeinschaftslager, Sportplatz.

— Земляков Василий Григорьевич просит откликнуться: Землякова Варсонофия Григорьевича, Сетракова Павла Тихоновича, Сетракова Алексея Семеновича, Мушихина Георгия Павловича, Позднякова Петра Анисимовича, Дерябкина Василия Афанасьевича, все Мигулинской ст. (Дон), Егунова Гордея Ивановича и Февралева Ивана Ивановича, ст. Цымлянской. Писать:
Semljakow W., Feldpost 04301.

— Денисов Александр, ст. Суворовской, хут. Рычкова, разыскивает Тюльтина Петра Калиновича, хут. Н. Киберевского и Бояринова Ивана Евфимовича, ст. Н.-Чирской. Писать по адресу:
Denisow Al., Seelze b/Hannover, Wohnbaracken „Alte Leine" 45.

— Воликов Леонид, хут. Каюкова, Митякинской ст. (Дон), разыскивает двоюродных братьев Голоднова Ивана Никифоровича, род. 1901 г. и Девяткина Дмитрия Матвеевича, род. 1897 г. При отходе армии оба эвакуировались. Писать:
Feldpost 04598.

— Гурьев Михаил Григорьевич, ст. Прохладной (Терек), разыскивает брата Даниила. Писать на «Казачий Вестник».

— Тихонов Гавриил Федорович, хут. Каменного, ст. Казанской (Дон), разыскивает брата жены под'есаула Роздоркина Арсения Ивановича, эмигрировавшего в 1920 году и проживав. в Аргентине. Писать:
Lehrte b/Hannover, Gemeinschaftslager „Ida". Barack I., Zimmer I.

— Манкевич Ольга Исидоровна с дочерью Инной из города Нижнеднепровска, Днепровской области, разыскивает брата Подлозного Виктора Исидоровича, род. 1900 г. и зятя Лошкарева Дорофея Николаевича, род. 1898 г. в Нижнеднепровске. Наш адрес:
Post Blankensee, Mecklenburg, Reichsbahn-Lager.

Каждый казачий патриот должен сознавать, что только идейно сплоченные, тактически и организационно единые мы можем при всех обстоятельствах смело и уверенно итти по пути возрождения Казачества.

(Инж. В. Глазков, «К. В.» № 51—52).

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —
Aufsichtsamt Nr. 25.

ZEITUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 18 (75) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го СЕНТЯБРЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

А. Ленивов.

Холодный рассчет.

Современные казаки живут в великую эпоху; вторично, в продолжающемся XX-м веке, жизнь предоставляет возможность Казачеству разрешить вопрос о его существовании.

Вторая российская революция, имевшая место в 1917 году, возвратила свободу и утраченную государственность Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве. Были камни преткновения, существовали вредные обстоятельства, но эти народы, пройдя торным путем, обрели свободу, закрепили свое самостоятельное государственное существование. Несколько иначе обстояло дело с Казачеством, имевшим все данные к тому, чтобы раз и навсегда освободиться от кабалы. Но, казачья свобода, утраченная в Булавинские дни, притоптанная ногами Петра I, блеснула в 1917 году миражем!

Поражение Казачества в 1920 году есть прямой результат утверждения в жизни фатального значения 1917 года. События, составлявшие изложение страниц казачьей политической истории перелома 1917-1920 гг., нашли отражение во многих печатных материалах, как и живо запечатлелись в памяти всех современных казаков. Добавлять что-либо к освещению событий означенного периода, не приходится, ибо теперь существует подробное и систематическое изложение последних. Возможной оказывается только конкретизация тех или иных фактов, как и резюмирование в отношении отдельных положений или действий определенных лиц и групп.

Прошло то время, когда политическая работа, ведомая казачьими националистами, вызывала зубовный скрежет или улыбки, когда кому-нибудь не приходилось по душе рассмотрение Казачьего Вопроса в его целом и общем масштабе. Казаки-патриоты, решившиеся мыслить о восстановлении казачьей государственности, никогда не были политическими младенцами, особенно в XX веке. В настоящее время, когда пресловутый 1917 год положил предел подобной оговорке, вполне свершившимся фактом является положение, что казачьи патриоты вполне созрели и выступают уже в роли зрелых казачьих политиков.

Установлено, что широкие казачьи массы оставались народной толпой в момент свершения и развития второй российской революции 1917 года, иначе говоря, Казачество в целом было готово следовать по историческому пути, указанному казачьими предками («Как жить, быть, у Москвы не спрашивался..»). Однако, судьба сулила иное, ибо в этом 1917 году, когда Казачество было вызвано к самостоятельной политической жизни, те кто претендовал на руководство казачьими массами, совершили много промахов и наделали еще более ошибок, плачевным результатом каковых установился перелом 1917-1920 гг., с последующим утверждением в жизни времени 1921-1941 гг., как катастрофального пережитка казачьей политической истории.

Нашей задачей отнюдь не является уличение казачьих политических руководителей того времени, что сейчас совершенно излишне, т. к. казачья история уже установила свой приговор в отношении их. Нет никакого сомнения в том, что руководители эти, считая от малых до больших, были подлинными казаками, вели свое родовое происхождение от казачьей толщи, но и только! Некоторые из них были в чинах, другие не имели чинов, со стажем и без стажа, старые и молодые, военные и штатские, иначе говоря, за рулем казачьего корабля находились выборные казаки всех званий, положений и состояний, что могло свидетельствовать с внешней стороны о демократичности Казачества. Существование последнего, однако, никогда не было ограничиваемо лишь внешними рамками, казачья жизнь имела свой особенный пульс, но была также и внутренняя сторона в существовании Казачества.

Вероятно, что одиночные из этих случайных по времени казачьих вожаков, обладали некоторой политической подготовкой, это — бесспорно! Оспариваемо может быть только их казачье мировоззрение, ибо они все, без исключения, оказались всего только казачьими диллетантами, но отнюдь не казачьими патриотами. Что можно говорить о тех казачьих вожаках, которые вообще не обладали никакой политической подготовкой и случайным стечением обстоятельств, оказались выбросшенными на политическую сцену... Подобные лица, ставши случайными политическими руководителями Казачества, оказались не только растерявшимися в вихре нахлынувших событий, они определились, как растворимый элемент перед экспансией демагогствующих доктринеров, последышей русских политических группировок.

Если знать, что причины, поводы изучены, нашли отражение и освещение в записанной хронике событий и опубликованных мемориалах, остается все-же невыясненной причинность, утвердившая незыблемость последующей черной судьбины для Казачества. Резюмировать, конкретизировать, критиковать или по-просту, смотря в глаза всем проявлениям, находившим место при написании настоящей статьи, изрекать горькую истину!.. Без колебаний, принимая последнее положение за основной момент, аргументом нашим становится определение, что эти казачьи вожаки, бравшие на себя смелость руководить политической жизнью Казачества в 1917-20 гг., не были подготовлены к тому, ибо не имели за собой политической школы. В силу означенного, казачьи вожаки, появившись на политической сцене Казачества, имели двойное обличие в виде казачьего происхождения и русской наносности. Веденная ими политическая игра оказывалась на деле всего лишь «игрой без свеч», ибо отсутствовал холодный рассчет в деле усмотрения, понимания и достижения подлинных жизненных интересов Казачества.

Ставя точку над деяниями случайных казачьих вожаков в фатальный 1917 год, наблюдаем, что сейчас национальное Казачество имеет отнюдь не случайных руководителей современной политической жизни, а подлинных казачьих патриотов, имеющих за собой 25 лет подлинной борьбы за свободу и за независимость Казачества, утвердивших свое казачья «Я» на поле битв и на политической арене.

Сегодняшнее Казачье Национальное Движение есть яркое воплощение казачьей идеологии, т. е. выявление воли казачьих широких масс. Много сил и энергии было положено современными казачьими политиками или вернее политическими вожаками, чтобы уничтожить и формулировать актуальные устремления Казачества, которые проводятся неизменно в жизнь. Утверждение такого положения в жизни, зависит во многом, именно от наличия причин, поводов и частностей... Существует, однако, и причинность, которая играет решающую роль при проведении ее в жизнь. Отрицательной причинностью для казачьего дела в 1917 г., была политическая неподготовленность казачьих вожаков, как и двойное обличие их. В противоположность прошлому, положительной причинностью для казачьего национального дела. выступает совершенная политическая подготовка казачьих вожаков и одноличие последних — казачий патриотизм. Решает все и вся — холодный рассчет!!!

Казачество все больше и больше осознает верность и правильность своего казачьего национализма и его стремлений. Теперь и все его противники признали ошибочность своих путей, по которым они до сих пор шли и пытались вести казаков. Признали, что для Казачества есть только один путь и таковым является только путь казаков националистов, долгие годы борющихся за полное национальное освобождение и возрождение Казачьего Народа.

Однако, мало только признать эти положения, необходимо также и проводить их в жизнь. Полными же и верными проводниками казачьего национализма могут быть лишь те, кто до сих пор боролся за торжество его истин, а ими были лишь казаки националисты. Вот почему Казачество желает видеть их в качестве ответственных руководителей казачьего дела, ибо тогда и только тогда будет уверенность, что оно будет находиться на твердом казачьем шляху и в твердых казачьих руках. К тому же, как раз казаки националисты представляют самый активный и деятельный авангард нашего народа, а само время повелительно требует, чтобы казачье дело велось с должной энергией, что могут дать лишь здоровые, энергичные и деятельные работники нового формата с новым, отвечающим духу времени, подходом к делу.

Г. А. Козловский.

Большевизм не изменился.

Злобой дня является вопрос об эволюции большевизма, конечно, в сторону положительную. Много об этом пишут, еще больше говорят, а каждый из политиков, особенно из тех, кто в программу своего трудового дня включил посещение кафэ, старается по системе собственного изобретения найти нечто новое в современном большевизме, такое, что удовлетворяло-бы его фантазию, новое отступление кремлевских заправил с пути третьего интернационала и отречение от пожара мировой революции.

Для исторического исследователя наши дни представляют огромнейший интерес. Психология современного общества, без различия его национальной принадлежности, круто изменилась, как будто, в пользу тех же большевиков.

В чем же секрет, чем проявили себя кремлевские владыки, почему заслужили такое внимание и, особенно, доверие к себе?

Я не буду повторять многих, уже высказанных на страницах прессы цитат и сдвигов, проделанных Сталиным, до его мнимого отречения от мировой революции. Чтобы доказать, что большевизм ни на один сантиметр не отступил от своей основной программы, не нужно касаться словоблудия самого Сталина и его присных. Факт незыблемости в стремлениях к мировому пожару стоит на очереди дня точно также, как стоял он в самом зачатке возникновения «советского рая на земле».

Необходимо усвоить себе понятие, что из себя представляет большевизм в своей сути и возможны ли в нем уклонения в сторону правовой государственности, основанной на честных законах и благополучии народа. Такие сдвиги в большевизме не возможны. И вот почему.

Большевизм (будем понимать и коммунизм) фактически является одной из переходных стадий, ведущей к порабощению всего мира, к обезличению человеческого Я, к ввержению людей всех наций в рабство, к полному уничтожению современного человечества и к созданию на его развалинах новых «сверхчеловеков», покорных кагалу. Большевизм является небольше, как с р е д с т в о м к достижению этой конечной цели, он подчинен высшей силе, выполняет повеления жидовского капитала, золотом и нечистоплотными комбинациями, точно паутиной, опоясавших весь мир.

Эта грозная сила, вовлекшая в орбиту своего влияния многих из современников, не считается ни с какими препятствиями. Она, точно в своем собственном огороде, распоряжается в чужих государствах; где лаской, а где угрозой и даже террором добивается нужного ей результата. Она ничем не рискует. Миллионы людей гибнут на поле брани, неисчислимые кадры вдов и сирот проливают слезы о павших близких, проклинают и войну и вызвавших ее, но ни одно из проклятий не касается прекрасно завуалированной верховной силы, руководящей мировой смутой и пожаром.

СССР с своими просторами является лишь показательным полем, на котором культивируется тот жестокий удар, который предназначен всей вселенной.

Это не больше как эпизод в общей программе разрушения мира, от удачи этого эксперимента зависит успех в задуманом верховной силой предприятии.

С Германией, как с государством, и как с народом, понимающим ужас программы жидовской силы сейчас идет жестокая борьба. Не союзниками, а слепыми исполнителями воли этой силы являются кадры советских войск, гибнущие массами на фронтах, не сознавая того, какое преступление совершают они по отношению, в первую очередь, к своей же родине. Небольшая группа приспешников верховной силы, взяв в свои руки бразды правления в Москве, беспрекословно исполняет пункт за пунктом программу, предложенную им их повелителем — вечным жидом.

Сидя в богатых особняках Ньюйоркского Вестенда, Ротшильды, Цукеры и прочие Мендельсоны ворочают судьбами народов по своему усмотрению, они за всякую цену стараются осуществить раз намеченную ими программу.

Нужны доказательства — они на лицо.

Возмите Сионские протоколы и внимательно их изучите. Сейчас уже не может быть речи об их поддельности. Пока, не обращая внимания на те места, в которых говорится о будущем, просмотрите по ним о том что было. С точностью часового механизма мы увидим там все пережитые нами моменты и эта точность дает нам право думать о стремлении кагала и впредь быть таким же пунктуальным.

В этих же протоколах ясно рекомендуется, не считаться ни с какими предрассудками, забыть о личной совести и порядочности и только всеми силами помогать жидовскому кагалу в осуществлении их программы.

И в этом, исключительно в этом, заключается вся эволюция большевизма. Не исключено, что при возможной победе кагала тот же самый верный вассал Сталин, даже более важная персона, с точки зрения кагала, как Каганович или Литвинов, подвергнутся участи генерала Сикорского и многих иных, более строптивых. Но пока они нужны и их терпят. Вспомним, сколько времени воспитывалось молодое поколение в СССР в безбожьи, в отречении от личного Я, семьи, в необходимости шпионажа и истреблении ненужных большевизму элементов. Это была подготовка ударных кадров обезличенных масс, которые должны были сеять смуту и обезличивать всех, препятствующих им на пути к мировой революции.

Но если даже согласиться с тем, что вообще не существовало Сионских протоколов, то все же сознательное и серьезное наше современье должно преклониться перед автором их, который, возможно, придав своему произведению известную форму, п р е д в и д е л все то, что мы сейчас переживаем.

Парад N казачьей части.
Archiv „Der Kosakenbote".

Неукоснительно следуя заветам кагала, известным нам по Сионским протоколам, Сталин туманит народ обещаниями, которых исполнить не может, ибо это не в его силах осуществить.

Если бы он действительно задался целью, хотя раз в жизни, исполнить нечто из своих обещаний, он исчез бы бесследно с лица земли и со временем мы узнали бы только о состоявшихся пышных похоронах безвременно и случайно (непременно случайно) погибшего великого Сталина, «отца народов».

Чем же об'яснить веру многих из современников в искренность эволюции большевизма?

В данном случае пропаганда играет огромную роль. Я допускаю даже возможность такого явления, что сотня, другая, поверившая в честность намерений Сталина вернется в его вотчину и избежит немедленного наказания. Это тоже нужно для целей пропаганды. Но это будет только отсрочкой, кагал не забудет о них, они будут храниться на особых списках и постепенно «вымирать», как осмелившиеся в свое время стать по ту сторону кагала.

Истомленный войною обыватель, в особенности сидящий в тылу и каждую минуту дрожащий, не позовут ли его к исполнению своего гражданского долга, старается помочь окончанию войны и средством к достижению этого является симпатия к изжившему, якобы, себя большевизму. Шкурники, в обеспечение самого себя, из кожи лезут вон помогая тому, что в первую очередь захлестнет их, давно уже заготовленной веревкой.

Чем больше обещает Сталин, тем больше становится очевидным что дела в СССР не из блестящих. Иначе ему не нужно было бы прибегать к обещаниям, ведь он, раз так уверен в своих силах, все равно, и без посул достигнет своего. Но та верховная сила, которая руководит событиями, требует от него щедрости, зная заранее, что это только пустой звук, а время идет и чем больше затягивается процесс борьбы, тем меньше уверенности в победе кагала.

Большевизм не изжил себя, он меняет часто тактику, но по своему существу остается тем же, он не может измениться, не от него это зависит, он нужен в такой форме, в какой ему быть предназначено, он крепостник мирового кагала.

Добровольцы в боях.

Последнее время в сводках германского верховного командования часто упоминается о добровольческих частях народов Востока и особенно о казаках, северокавказцах и туркестанцах.

Добровольцы уже не раз проявили мужество и высокие боевые качества на всех фронтах востока и запада.

Газета «Дейтше Ост корреспонденц» в статье под заглавием «Добровольцы с востока в германской армии» пишет:

«Эти добровольцы — представители различнейших народов Востока — хорошо знают опасность большевизма, как для их родины, так и для Европы. Они добровольно сражаются с оружием в руках и теперь, согласно их собственному желанию, входят преимущественно в свои национальные части.

Поэтому мы можем говорить о русских, украинских, казачьих, кавказских и тюркменских частях, солдаты которых носят германскую форму **с национальными знаками своей родины».**

Полковник Д-р С. Федоров.

Скликання рад.

(Козача старина).

Крім Рад загальних, або Військових, в розумінню вседержавних, ми маємо приклади скликання Рад і сепаратно, кількома полками і по окремих курінях. Це вже Ради порядку місцевого, які скликалися або по распорядженню начальства або й з власної ініціативи, зокрема у випадках крайньої потреби. Це були Ради порядку «пригородних віч» у старовині. У практиці наших днів кубанці також скликали Ради «отдельския».

Поруч з Радами місцевими, у Запорозькій практиці дуже часто зустрічаємо Ради походні — воєнні, які відбуваються або в полі, або в обозі, на поході, на переправах, всім Військом взагалі або якоюсь його частиною, в залежности від потреби й обставин. Рада навіть збирається під мурами ворожої кріпости, на дострілгармат і у блокованому таборі, під грім канонади й під стрілами. Рада твориться не лише на поході суходолом, але й на морі, коли опубликовується наказ і обговорюються справи тактичні, або з'їзджаються козаки на острові, чи у берега флотилії вирішують про спільні операції.

В цих походних Радах козаки вирішують справи порядку політичного, адміністрацийного, навіть тактичного й оперативного без огляду на час й місце й важливість. Наколи в поході бере участь ціле Військо тоді Рада має характер державний, в інших випадках це буде Рада часткова, до якого може однак інше козацтво приєднатися, як це й бувало у січовій практиці.

З документальних свідчень видно, що обрядова сторона скликання Ради грала у козаків значну ролю й мала вікову тривалість, але у формах відповідно до часу й обставин допускалися ухилення.

З огляду на те, що Рада є виявом верховної волі народа скликання її передусім належить самому народу і органам ним поставленим. На Гетьманщині її скликає Гетьман, на Січі — Кошовий Отаман зі старшиною, а у його відсутности намісник — Наказний Отаман, або по їх дорученню уповноваженні особи. Відтак скликає й усе Військо в цілому, або окремі його групи, навіть особи — окремо «реєстровці», окремо «свавільні» — чернь.

Від часу підлеглости Гетманщини до Москви, право скликання виборчої Ради перебирають на себе монархи, які встановлюють час і місце скликання. Згодом вони намагаються це позитивне право перевести у негативне-заборону скликання «без царського указа» «своєвольних рад», зокрема коли не відома ціль Ради «с какою мислію». Була що наказується скликати міщану Раду — військову й міщанську, але без черні. Для контроля монарх посилає на Раду свойого посла-боярина, який і відчиняє Раду, навіть при асистенції московських стрільців.

Згодом цариця Єлизавета у маніфесті определила час, місце й порядок скликання Ради, але тоді вже Рада обертається у фікцію, скоріше стає військовим парадом, якими пізніше за імператорських часів були на Дону та Кубані «войсковие круги». Сама царська влада вже Рад та Кругів не скликає, а скликання Ради на Кубані у 1906 р. було зроблено, після страшенних застережень, на просьбу Отамана.

На Січі ж, право скликання Ради залишається необмеженим. Було, що Рада скликалася з наказу переможців — коронного гетьмана польського. Відтак було, що й часткова Рада (чигиринська) визначила скликання Ради загальної на певний день й місце.

Сталого, тривалого місця для скликання Ради ми не знаємо. Важливим було не певне географичне місце, але присутність на якомусь місці козацького народу, Війська, як суверена Землі Козачої.

По традиції однак, більш менш визначалися місця сталого скликання Рад, на які козаки призвичаїлися збиратися. Це мотивувалося умовами географичними — щоб не було далеко збиратися, економичними — щоб вистарчало їжи й паші для людей та коней, практичними — необхідність мати розлягле місце, а частинно й военними — при небезпеці від ворогу, відтак — й місцем осідку голови Війська — Гетьмана, а на Низу — Кошового осередку.

На «волости» — в городах, звичайно це було «урочище Росава» — на річці Росаві, недалеко від Канева. По утворенні ж за Богдана Хмельницького — Держави Війська Запорозького, центр Рад переноситься на Лівобережжа й приорітет набирає Переяслав, який стає «звиклим містом», з інших міст — Солониця. Проте стало здибаємо вимогу щоб генеральна Рада на обрання Гетьмана відбувалася **в полі, при війську.** На Низу Рада збирається передусім у самій Січі, а многолюдні відбуваються «под Сечью». Більш менш звикле місце було Романів Курган, нижче річки Домоткані, по дорозі на Кодак.

Взагалі ж де б Рада не відбувалася, це що до її законности не мало значіння, вона була всюди тим чім мусіла бути — **суверенним господарем Запорожжя.**

Звичай встановлює періоди скликання Рад звичайних — генеральних, які потім фіксуються й у догоді Війська з Гетьманом — це дні Різдва, Великдень й Покрова, коли люде були вільні від повсякденної праці. У Січі також маємо три періоди, подібні до сессій: різдвяний, коли Рада скликається на Новий Рік й триває до Водохрещща, помiж Іваном Купалом й Петром й Павлом 24—29 червня й Покрови — 1-го жовтня. Ці періоди коли козацтво з усіх кінців збирається до Січі звязані або зі святами або з господарськими умовами — перехід до літа й зими. «По траві» — 24. VI. ще й тому, що за часів польських, Військо одержувало в цей день «жалуванне». Терміни ці мають давню історичну й звичаєву традицію, вона є зазначена й у Литовському Статуті — збірці законів, які за царських часів, ще мали силу на бувшій козачій території Чернигівщини та Полтавщини.

По за цими періодами скликаються Ради принагідні, в залежности від різних обставин політичного й повсякденного життя. Скликаються Ради «правобережні» на котрих людність «лівобережна» хоч й присутня не приймає участи, Ради старшин й духовенства, старшин і «многих значних козаків», в Кошi — часткові Ради, курінні, Ради повстанців й т. д.

Трапляються навіть Ради для вибору Гетьмана без участи Кошу, пояснюється це раптовістю потреби, хоч в цім міг бути і скритий політичний розрахунок, але за ним наслідує звернення новообранного Гетьмана до Кошу за потвердженням його гетьманства, бо рахується начеб то без волі Кошу обрання не має остаточної сили. Навіть такий аристократ як Гетьман Виговський звертався за потвердженням до січовиків. Тут було важливим забезпечити себе від ворожого відношення січовиків та можливости виставлення ними свого кандідата на гетьманство.

Цим пояснюється бажання кандидата на гетьманство Сомка усунути взагалі січовиків від участи у обранні, начеб то по старій традиції бо «всегда по своих стародавних правах гетьманов обирано в городех без запорожцов», мовляв «Військо одно» — «из Запорожья пришед в свої полки должни разоїтитца». Але розрахунки січовиків на керовництво «волостью» — городами і практика після Хмельниччини показує інше. Навпаки протисомківська партія доказує, що «без запорожцов Рады чинить никоторыми мерами немочно».

Взагалі, видно тенденцію гетьманів, аби січовики як найменше приймали участь у Радах Гетьманщини. М. Самойлович писав до Кошу «не надобно в этих городах наших никаких Рад собирать и ничего у царскаго величества добывать; были уже в четыре года две Рады».

Ради порядку місцевого скликаються адміністрацією місцевою або зацікавленою людністю — «и он Федька по всякие дни собирает черкас в рады» каже скарга на отамана битюзьких козаків, про козацьких колонизаторів Воронїжчини.

При заворушеннях, розходженню зі старшиною, Військо само скликає Раду самостійно, на Запорожжі ще робить «сірома», у городах «черны» загалом, або по змові кількох курінів, коли «товариство» хоче собі забезпечити винесення бажанного рішення. Звичайно, що одного бажання скликати Раду було мало, потрібно було ще достаточного обгрунтования необхідности скликання її, щоб не погнівати проти себе все Військо, товариство, або й властей предержащих, бо за зайві турботи або революційні вчинки винні не лише могли бути приборканими озброенною силою але й «посажені у воду» себто втоплені.

Якогось обмеження в добі для скликання Ради не існувало, вона могла починатися зі світанком або сходом сонця, й тривала до вечера, починалася й до служби Божої і після неї, раньої і вечерньої; взагалі відповідно до потреб, кількости часу й важливости справи, знаємо випадки коли Рада починалася о півночи і відбувалася в ночі.

Раз зібрання Рада тривала або так довго поки питання не було вирішеним, або відбувається й цілий шерег Рад. Виборчи Ради тривали й по три дні, була Рада протягом і 10 день; з нагоди вимоги гетьмана Мазепи про видачу донського Отамана Булавина, на Січі відбулося 3 Ради, з приводу приєднання запорожців до шведів, також як і про вихід на службу до австрійського імператора відбулися шереги Рад. Взагалі не було якихсь певних приписів, все було по звичаю військовому в залежности від потреби.

Есаул А. Лысенков.

Бочка.

Волею судьбы многочисленная группа казаков была заброшена на Балканы, но не как воинская часть, подобно их славным предкам, а как партия рабочих по прорытию тунелей и прокладке железной дороги. Работа оказалась для казаков тяжелой и непривычной, но они и здесь показали себя не хуже, чем на поле брани. Одно их страшно угнетало — это бесконечные Балканские горы, которые, точно клещи, сжимали казачью дучшу, привыкшую к широким и беспредельным просторам степным.

Жили казаки в бараках, построенных ж.-дор. дирекцией и питались из общего котла, но кое-кто и в корчме, наспех сколоченной, услужливым братушкой. В этой корчме можно было получить: печеного ягненка, жареные «кебабче», печеные «чушки» и др. вкусные явства, которые с'едались под рюмочку сливовой или гроздовой ракии, а то и просто заливалось ароматным вином.

Единственным развлечением у казаков были рассказы о своей прекрасной и горячо любимой Казачьей Родине, которую где-то там далеко терзают чужие люди — русские коммунисты. Самым искусным рассказчиком был подхорунжий Щ., который между фактами вкладывал и свою собственную фантазию. Из многочисленных его рассказов приведу здесь один.

Во время второго восстания Верхне-Донцов, которое было вызвано все теми же зверствами, какие памятны Казачеству еще с Петровских времен, восставшие казаки не имели никакой связи с своим правительством. Из-за недостатка опытных офицеров, у них не было правильного руководства, а, кроме этого, после нескольких боев иссякли все боевые припасы и пришлось действовать только холодным оружием. Противник же имел все это в достаточном количестве.

Положение создалось весьма критическим — грозило полное уничтожение не только казаков, но и женщин и детей. Вот в эту-то критическую минуту на помощь восставшим и пришел один казак-коваль из хутора Мешкова, который не только ковал лошадей и починял с.-х. орудия, но также ремонтировал ружья, часы, швейные машины и даже рвал зубы и заговаривал кровь. Словом, был мастер на все руки и, как молва о нем ходила, коваль был в большой дружбе с нечистой силой.

Долго не раздумывая, коваль выкатил из погреба огромную бочку, к которой быстро приделал какую-то летательную штуку; наполнил бочку горячим дегтем, вооружился дубовым чекмарем, измазал свой костюм и портрет-физиономию сажей, на голову приспособил баранью овчину с громадными рогами и в таком виде вскочил на свою бочку и полетел в сторону противника. Но самое удивительное, что бочка полетела без всякого шума, лишь делая, подобно мухе, короткие зигзаги, т. ч. даже коваля стошнило. Да и как не стошнить, ведь в летательном-то аппарате сидел никто иной, как сам нечистый, а ему-то ведь переть по воздуху сорокаведерную бочку да еще с ковалем, тоже не легко. Ну, ясно, нечистый изрядно упарился и пустил от себя дух, от которого и в противогазе нет спасения, уж такой-то он крепкий. Православному человеку невозможно выдержать и только ковали, хотя и с трудом, но переносили его.

Красные, увидев летящую бочку, с сидящим на ней каким-то чудовищем, думали, что это летит к ним сам Троцкий и от радости начали кричать ура и подбрасывать вверх свои разноматные шапки. Коваль же, не долго размышляя, открыл отверстие в бочке, начал кого дегтем поливать, а кому чекмарем по башке давать, а нечистый, почувствовав облегчение, пришел в такой раж, что зареготал во всю силу да так сильно, что даже в ст. Казанской было слышно, а к-ру красного Сертопского полка, пытавшемуся остановить свои, в панике бегущие банды, даже в морду плюнул. Казаки тоже не дремали. Заметив расстройство в рядах противника, вмиг по коням и в атаку марш-марш. Бой был на славу, было захвачено много пленных, военного имущества, а, главное, боевых припасов. За такой геройский подвиг коваль был произведен в старшие урядники, а его бочка и дубовый чекмарь, как музейные ценности, водворены на церковной площади хутора Мешкова.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

(Продолжение).

Глава VI.

Хата Захара наполнялась мужиками. Один за одним с заспанными лицами входили представители иногороднего населения станицы, снимали шапки и картузы, и протягивая закорузлые руки, свидетельствовали свое почтение Захару и поздравляли его с приездом Егора.

Егор, уже немного протрезвившись, красными, налитыми кровью глазами, оглядывал приходящих, и называя всех товарищами, любезно предлагал место.

Мужики рассаживались на скамьях, вынимали грязные кисеты с махоркой и скручивали цыгарки. В большинстве все были старики лет пятидесяти и выше, а более молодые находились еще в воинских частях и на дележ земли очевидно не спешили. Разгульная, веселая жизнь с митингами и грабежами, с попойками и насилиями тянула к крупным центрам — к городам — туда же тащили всю эту серую массу, бросившую фронт, вновь появившиеся комиссары и представители новой российской власти.

Одним из последних пришел дед Колистратов, с бельмом на левом глазу и хромой на одну ногу, а следом за ним появился учитель Веревкин в сопровождении Петьки.

— Вот и я! — воскликнул он, переступая через порог, — мое почтение Егор Захарыч, что новенького у вас в Петрограде?

— Нового много, Дмитрий Ляксеич, всего сразу не перескажешь, а вот у вас здесь так все по старому. Садитесь сюда, покалякаем малость.

Егор отодвинулся дальше в угол, уступая место рядом с собой Веревкину.

Минута прошла в полном молчании, никто не решался первым заговорить да собственно никто и не знал причину их сбора.

Едкий махорочный дым клубами поднимался к потолку и не находя выхода густым слоем висел в воздухе. Запах алкоголя, кислой капусты, и овчины смешался вместе и только привычные носы могли выдержать подобную атмосферу.

Наконец заговорил Егор. Заломив матросскую фуражку на самый затылок и облокотившись на стол, он стал рассказывать о том, как попал на службу к Ленину, как выводил контр-революцию в столице и как безжалостно истреблял офицеров и буржуев — врагов свободы и революции. Он долго говорил внимательно слушавшим его мужикам и чем дальше углублялся в ход революционных событий, тем чаще слышалось имя Ленина... Нередко из уст Егора вылетало и «мы с Лениным» и эта фраза, как пряный цветочный аромат, одуряла мужичьи головы.

— Вот так Егор Захарыч, шел на службу чуть не со слезами, а тепереча глянька: ворочает всей Рассеей! — с восхищением произнес Колистратов, напичкивая нос зеленым нюхательным табаком, — а вот мой Иван был на Капказском фронте и досе путается где то.

— Так вот, товарищи, — продолжал Егор, — проехал я почитай всю Рассею и везде наша власть, а у вас все по старому. Этому должен быть конец. Незамедлительно выберите комиссара, чтобы управлял станицей, а атамана в расход. Чем больше их перебьем, тем легче дышать будет.

— Из кого же выбирать комиссара, — спросил Тюнин, — ведь нужно по правилу то всей станицей?

— Чего там станицей? Вот сейчас выбирайте комиссара, да и за работу!

— А если выбирать всей станицей, так непременно изберут казака. Много ли вас?

— Да нас то немного, семнадцать дворов только.

— Ну вот, так где-ж ты угонишся за этой сволочью? — огрызнулся Егор и полупьяным сердитым взглядом обвел присутствующих.

— Теперь нет никаких казаков, теперь все граждане. — авторитетно заметил Веревкин.

— Верно, Дмитрий Ляксеич, но допреж этого нужно их попересортить, а тогда и в гражданство переводить. Перво наперво, значит, атамана в расход, а потом уж как полагается по списку кого куда.

— Безпременно толстопузого черта в тигулевку, что-б знал какая такая слабода. — высунув свою голову с кухни одобрительно заявила Евдокия.

— Ах, Евдокия Захаровна, и вы здесь? — Здравствуйте! — Веревкин встал и подошел к Евдокие. Та улыбаясь протянула ему свою руку.

— Есть и среди казаков мало-мальски хорошие люди, да немного таких то. Вон к примеру Степан, прямо наш человек, на него и положиться можно, а больше все сволочь, — сказал Захар и налил в пустые стаканы самогону.

Степан хмельными глазами взглянул на Захара и не совсем твердым языком пробурчал:

— Да я что-ж... я завсегда...

— Так вот, товарищи, ждать тут нечего, решайте выборы, да и за дело. — Егор взял стакан и ловко опрокинул в рот.

Мужики засуетились, зачесали в затылках, поглядывая друг на друга, положительно незная на ком остановиться.

— Дмитрия Ляксеича, кого-ж другого, — предложил Колистратов, — он человек грамотный, справится с делом то, а уж куды нам старикам.

— Знамо хорошо бы, да только дело в том, что тепереча он в станице, а завтра, глядишь, и укачет в другое место. Лучше бы из своих кого. — сказал Тюнин.

Веревкин, любезничая с Евдокией, казалось не обращал внимания на разговоры мужиков, но в то-же время внимательно слушал о чем шла речь и не пропускал мимо ушей ни одного слова. И когда Колистратов предложил выбрать комиссаром именно его, то он уже не сомневался, что завтра будет сидеть в правлении за атаманским столом. Но старик Тюнин оказался против учителя, как человека приезжего, случайного, и настаивал на выборах своего человека станичного, который уж никуда не уедет, ибо прикреплен к месту своей семьей и собственностью.

Веревкину хотелось уверить избирателей, что он останется в станице и будет работать на благо народа и революции, но самолюбие и гордость удержали его и он, оставив Евдокию, сел на свое место.

После долгих споров, доказательств, доводов внимание остановилось на Захаре Безпалове и ему была предложена высшая власть в станице.

Захар, как и полагается в таких случаях, немного поломался, но боясь, чтобы его отказ не приняли в серьез, согласился и, расчесав рукой рыжую бороду, стал благодарить мужиков за оказанное ему внимание, и доверие.

— Тятеньку то комиссаром выбрали, — поделилась с матерью Евдокия, — тепереча атаману крышка. Пусть иродова душа знает, как набрасываться на мужиков.

Не успела Безпалиха высказать по-этому поводу свои суждения, как на кухню заглянул и сам Захар.

— Ну, старуха, готов што-ль пирог то? Надоть избирателей то попотчевать, а то засидались.

И. Лукинов.

В ЧЕМ НАША СИЛА?

Вглядываясь пристально в далекое прошлое нашего Казачества, прямо поражаешься тому ясному государственному уму и инстинкту, какими обладали наши предки. Мы, казаки, как духовно сильные, награжденные природным чутьем государственности, являлись всегда передовым авангардом и служили примером поддержания веками сложившегося порядка и спокойной творческой работы. Несмотря на то, что кругом нас, среди русского народа велась отчаянная классовая борьба — и борьба эта всех против всех — вносила большой разлад в общественных слоях, приводила к безобразному, безидейному протесту во всех областях народной жизни: в частном быте и литературе расцветала пышным цветом порнография, в искусстве проявлялись и стяжали лавры футуристы и кубисты, в духовной сфере — разброд, изуверство и пороки, а это вело народные массы к хулиганству. Казачество шло совсем по иному пути — пути культурных успехов и материального улучшения благосостояния народных масс. Этим казаки мирными путями добивались все новых и новых завоеваний как в материальной, так и в моральной области.

Сохраняя крепко свои казачьи традиции, свой казачий уклад, ведя строго патриархальный образ жизни, будучи весьма религиозными и выдвигая в руководители разумных, опытных и хозяйственных людей, Казачество этим как бы нарушало «общую идеологию классовой борьбы», не понимало, не разделяло, не сочувствовало «наступающей знаменательной революционной эпохе», а этим создавалось естественное духовное разделение с русским народом, а зачастую и открытый антагонизм интересов и стремлений. Уже тогда Казачество видело далеко вперед, чувствовало ту нездоровую атмосферу надвигавшейся ужасной смуты и страшного крушения всевластной бюрократической системы, как естественного результата оторванности и отчуждения верхов народа от его массы, а потому все больше и больше замыкалось в своем исключительном, обособленном казачьем укладе, отказываясь от каких бы то ни было посторонних влияний, чтобы таким образом сохранить свою самобытность.

Непонимание казачьей психологии, его жизни создавали какую-то неоправданную ненависть; казакам приклеивали всевозможные оскорбительные ярлыки, применялись обижающие казачьи чувства эпитеты, а временами даже раздавались «авторитетные голоса» о ликвидации всего Казачества, как ненужного и «исторически отжившего сословия».

Но вот грянула мировая война. По станицам и полям скакали гонцы с развевающими флагами; по улицам раздавались звуки сигнальной трубы, играющей «тревогу». Всполошился казачий муравейник: в одну ночь опустели поля, и удалая казацкая вольница слетелась в станице уже в полном вооружении и на собственных боевых товарищах-конях, а на следующий день с лихою песнею все двинулись в поход. Именно тут только каждый понял, что Казачество живет, будет жить и должно жить.

Помню, как сейчас, слова старого казака, провожавшего нас в поход:

— Вот, видите-ли, уже давно хотят нас, казаков, на смарку — не нужны-де больше, а теперь, вишь, опять, когда нужно воевать, казаки нужны стали, и считают, что мы на настоящее дело поставлены.

Не мудрено поэтому, что когда вспыхнула жидовско-коммунистическая революция бурная волна чуждых Казачеству элементов вливается в наши пределы, грозит силой затопить кровью наши территории. Ответом на это служит могучий порыв к самозащите. Воспрянул весь народ до самых низов, тот, который, казалось, раньше никогда не реагировал, не обращал внимания на все нападки и издевательства над Казачеством. Малое количеством, но сильное духом, удалью, храбростью и отвагой Казачество огромными полчищами было повалено, но не побеждено. И тут каждый казак твердо помнил заветы дедов, которые говорили: — Казака мало повалить, его нужно убить, только тогда он будет покорен, но все же не побежден. Когда пришла Германская армия, казаки вновь поднялись против коммунистических полчищ, вновь, как один человек, встали на защиту своих семей, домов, своего Края, своих поруганных прав, дедовской православной веры..

В настоящее время мы переживаем тяжелое, ответственное, но знаменательное и великое время. Мы присутствуем при полном перерождении психологии европейского человека, переустройства его общественного уклада и мировоззрения. Да и само Казачество стоит на перевале нашей истории — перевале, очертания которого уже для нас, современников, ясны, как еще никогда, за все время существования Казачества. Много было в нашей истории знаменательных дат и эпох, но смысл их еще никогда не был так наглядно понятен, так поразительно ясен для всех нас, как в настоящее время. Теперь все зависит от нас самих, особенно от тех, кто в настоящее время руководит Казачеством.

В первую очередь мы должны восстановить традиционный авторитет института Атаманов, организовать высший орган казачьего управления, мобилизовать все казачьи силы, поставить каждого казака на место, которое ему принадлежит, об'единить всех казаков не только под единым административным, но и военным руководством, а это даст возможность использовать в полной мере казачьи силы.

Сейчас решается судьба всех европейских народов, в том числе и Казачества. Сейчас, как никогда, применима к каждому из нас казачья поговорка: — Либо грудь в крестах, — либо голова в кустах. —

Время не терпит. Нужно каждому из нас работать, помогать всем, чем можем, а это явится в будущем твердой гарантией лучшего будущего для всего Казачества.

Прохождение N казачьей части через один из европейских городов.

Archiv „Der Kosakenbote".

Ф. Печорин.

Именем Московского Кремля.

(Очерк).

В большой квадратной, с высоким потолком комнате станичного совета, собралось низовые вершители людских судеб. На стенах комнаты развешены многочисленные лозунги о «ликвидации кулачества как класса».

Заседание президиума с.-совета с участием актива бедноты проводит толстомордый, среднего роста председатель Иван Котельников. Новое на нем с каракулевым воротником пальто; было растегнуто и свисало с плеч, обнажая толстую заплывшую жиром шею. Его маленький вздернутый нос создавал впечатление, что он все время будто бы что-то нюхает. Раскосыми глазами Котельников водил по лежащему перед ним большому исписанному листу бумаги, делал в нем соответствующие пометки красным карандашем и рассуждал вслух:

— Так хорошо, двести шестнадцать есть, ну двести семнадцатым будет Николаенко Михаил Ильич, этого конечно и обсуждать не будем — известный кулак.

— Маловато, — заметил сидевший за другим столом в меховой шубе высокий востроносый секретарь парт-ячейки Луганский, — ведь нам спущен точный план: с первой партией выселить триста кулацких семейств; значит, товарищи бедняки, надо поактивней вносить кандидатуры подлежащих выселению кулацких элементов — обратился он к присутствующему активу бедноты, который в большинстве состоял из людей, просиживающих все лето на завалинке или с удочкой на речке, а зимой кричащих: «мы бедняки, у нас ничего нет!»

— Та чого нам далеко шукать таки? А обидва сини Миколаенкови, Олексій і Павло, як розділились з батьком, так ви думаете, що оце вже вони і бідняками зробились? Одне гніздо і їм треба одну шану з батьком! — высказался один «активист-бедняк» с запухшими от сна глазами, лодырь и пьяница.

— Правильно, надо с корнем ликвидировать таких типов — сказал председатель стансовета, поспешно внося в список выселяемых сыновей Михаила Николаенко. Но недописав, он вдруг остановился и вопросительно посмотрел на всех.

— Ведь они же еще не лишены избирательных прав и таких, пожалуй, не утвердит райисполком к выселению, — озадаченный этим сообщил председателю. Все призадумались над решением данного вопроса.

В момент этой заминки, один из присутствующих здесь бедняков, высокого роста казак, одетый в поношенный овечий тулуп, поднялся и закручивая большие черные усы, произнес:

— Товариш голова. Ви б краще взяли всіх підряд, отсчитали скільки треба, та й заповнили б список виселяємих кулаків! Хіба ж можна губити таких хліборобів, як Олексій і Павло Миколаенко? Що в їх є в хазяйстві? По одній коняці, та по одній корові і все. Та вони ж тепер і живуть самі без батька. Подивимось хоч на їхнього батька, Михайла Миколаенко; у кого він з вас що отняв, чи кого обідив чим? А що день і ніч трудився як віл і цим самим добре полагодить свое господарство, так цеж нам мусить бути прикладом. — И замолчав, он опустился на скамейку.

«Подкулачник, подкулачник», зашушукались некоторые «активисты».

— Под кулацкую дудочку пляшешь? — вопросом заметил ему смущенный этим Луганский. — Не к лицу тебе такие высказывания! — Затем немного помолчав, он добавил уже более строго: — Чтобы я этого больше не слыхал!

Хлебород, высказавший свое мнение, сидел понурив голову и ничего не говорил больше.

— Ну, кто что знает об этих Николаенковых сыночках? — выискивая предлог для лишения прав честных хлеборобов, спросил у присутствующих председатель, желая все-же дополнить ими список кулаков.

— У неділю, я своїми очима бачив в Ростові, як Павло продавав там яйця і різних курей, це дуже похоже на спекуляцію. — Подсказал один разгильдяй.

— Ах так!.. скупка и перекупка сельхоз продуктов? Хорошо! Товарищ, Мацало! — обратился Котельников к секретарю стансовета, — Запиши в другом протоколе: Алексея Николаенко и Павла Николаенко лишить избирательных прав по статье 15 пункт «з» инструкции ВЦИКа РСФСР*) только протокол датируй не сегодняшним числом, а возьми дней 15—20 назад, можно... 24 февраля 1930 г....

В подлинно таком виде, это заседание действительно происходило, 12 марта 1930 года в Старомининском станичном совете, на Кубани, участники его не выдуманы.

* *
*

Что представлял из себя хлебороб Николаенко? Это трудолюбивая, состоящая из 14 душ семья. Три его сына были женаты на таких же работящих девушках и, не желая «распыляться», все жили вместе с отцом одной дружной семьей.

Образцово поставленное им индивидуальное хозяйство соблазняло некоторых лодырей и нерадеев.

Маститые, всегда упитанные «как огурчики» четыре лошади, высокоудойные красно-немецкой породы три коровы, до сотни яйценосных кур «минорка» и «лехгорн», десять «дадановских» ульев пчел, приусадебный фруктовый садик. Вот это его хозяйство и составляло благосостояние всей семьи, хозяйство, которое по существу считалось середняцким.

Никогда Михаил Ильич не имел батраков, не эксплоатировал чужого труда, все это было создано собственным трудом дружной энергичной семьи Николаенко. Платежи по всем налогам он вносил полностью и в срок. С 1928 года всегда участвовал в многочисленных «красных обозах» во время хлебозаготовок, акции трактороцентра первый «выкупил» и займа «укрепления крестьянского хозяйства» «взял» на тысячу рублей, да и нуждающимся соседям никогда не отказывал.

В 1928 году, чуя недоброе, не желая больше раздражать власть, косо смотревшую на крепкое хозяйство Николаенко, отделились от отца старшие сыновья Алексей и Павел. Но это было напрасно и не спасло их от «социалистического прогресса».

Лишив Николаенко избирательных прав, как предлог для раскулачивания, в феврале 1930 года у него забрали все: скот, птицу, инвентарь, зерно и даже (по мнению активистов) «лишний» домашний скарб. Все это отнятое предназначалось для организованного в станице колхоза «Ленинский путь».

В ночь на 18-е марта 1930 года, в дом к нему неожиданно ворвался жид-чекист, из Таганрогского отдела ОГПУ, в сопровождении двух бывших красных партизан (не из казаков) Федосеева и Ворона и, от имени Сталина, произнес:

— А ну вылетайте отсюда к .... матери, сию же минуту, чтоб и духу вашего здесь не было!

У Михаила Ильича ноги подкосились от такого «приветствия» при сем ночном визите, какой-то ком подошел к горлу. Он ничего не смог выговорить.

Женщины жалобно заголосили.

— Голубчик, дорогий, — бросившись перед жидом на колени, с воплями стала умолять его седеющая хозяйка-мать, — куди ж ми підем серед ночі? Під цією кришою виросли всі мої діти, ці стіни більш тридцяти років огрівали нас, їх сам наш батько будував, за що ж тепер гоните з рідної хати? Пожалійте хоч дітей цих малесеньких, вони ж ні в чому неповинні!

— Что?! Вынуждаете меня применить оружие?! Мы не задумаемся при ликвидации вашего класса — отталкивая ногой, стоявшую на коленях перед ним старушку, пригрозил чекист и видно было, что этот изверг, действительно способен на все.

Молчаливо собравшись, с воем и причитаниями семья Николаенко покинула родимый дом. Понурив голову, последний раз переступил через порог собственного дома Михаил Ильич. При выходе со двора он снял шапку, поцеловал покрытые инеем ворота, отошел под растущие у забора, им же посаженные тополи и первый раз в жизни горько заплакал. Скопившаяся на улице у забора, выброшенная именем Московского Кремля семья, долго и молчаливо стояла без движения.

— Тут холодно, підемо в хату! — Этот детский голосок пятилетнего Васи вывел всех из оцепенения.

— Ходімте до Павла! — предложила мать Васи, жена младшего сына Михаила Ильича и все, сейчас же, направились к старшему сыну Николаенко, Павлу.

Приближаясь к его дому они встретили Павла в таком же положении, как и сами, тоже выброшенного из своего дома час тому назад. Что делать? Вместе зашли по пути к одному своему дальнему родственнику. Добродушный хозяин хотел было уже приютить в своем доме бедных изгнанников, но как раз в это время по этой улице проходила группа жидовских гончих, занимавшихся «ликвидацией кулачества, как класса». Заметив у окна стоявшую семью Николаенко, они подошли и сейчас же обратили свои угрозы к хозяину этого дома.

— Это что здесь такое за сборы! Смотри! Сам попадешь! Пусть ночуют на улице! — с особой угрозой произнес известный своей жестокостью к выселяемым советский подхалим Алексей Муцкий. — Разве не знаешь распоряжения властей, которые запрещают пускать на квартиру раскулаченных?

— Ну тоді ідіть від мене! Бог з вами, співчуваю, с дорогою б душою пустив, ну ви бачите, що не моя воля, — и напугавшись угроз Муцкого, хозяин захлопнул дверь.

Так и осталась семья Николаенко без приюта, лишь урывками и по одиночке ночуя у разных знакомых станичников.

Люди бандитского прошлого, из бывших красных партизан, понаплывшие из разных мест России и некоторые бездушные активисты комсомольцы, с патентом на грабительское ремесло, как гончие псы, науськанные жидо-коммунистами рыскали днем и ночью по домам и улицам хлеборобов и встретившихся с ними где бы то ни было, раскулаченных, бесцеремонно обыскивали. При этом обыске они самым наглым образом отбирали у этих людей деньги, нательные украшения, домашние ценности и даже облигации государственных займов. Часть отобранного присваивали себе за «труд», а остальное относили в оперативный отдел ОГПУ.

Через несколько дней после начала раскулачивания, всех мужчин из семейств, подлежавших выселению, арестовали и заключили в большую общественную конюшню установили строгую охрану. Семьи же их в короткий срок согнали на станцию, предлагая взять с собой определенное количество оставшихся продуктов на дорогу.

* *
*

Через пару дней после ареста мужчин, большой состав товарных вагонов, наполненный до отказа женщинами, детьми и стариками, стоял на пристанционных путях, оцепленный со всех сторон войсками ОГПУ.

Внук Михаила Ильича, пятилетний Вася от невыносимого сожительства в вагоне и резкого сквозняка заболел воспалением легких. Ирина Николаевна, мать Васи, обманув бдительность гепеушников, под видом пришедшей попрощаться сестры, выскользнула из кольца оцепления и с больным сынишкой спешно направилась в амбулаторию станицы, надеясь на медицинскую помощь.

В амбулатории, больные, видя тяжело больного ребенка пропустили ее к врачу без очереди.

Врач, записывая некоторые формальности о больном, вдруг встал и, сняв очки, внимательно посмотрел на Ирину.

— Как, как? Вы говорите, что вас выселяют вместе с раскулаченными? —

— Так! Скоро мабуть повизуть, — отвечала ему Ирина, — понаплили у вагони, ни топиться, вітир свистить і від того мій хлопець дуже простудився, заболів і так мучиться в гарячці, що я боюся, щоб з ним ни стряслось лихо. Будте ласка, швидче подивіться и допоможить йому! — Говорила врачу, торопившаяся к возврату на станцию, мать Васи.

— Ничего не могу помочь гражданка, не имею права! — Неожиданно для Ирины произнес врач. — Позавчера я получил выписку из приказа Наркомздрава СССР, где черным по белому ясно написано: «Категорически запрещаю оказывать всякую медицинскую помощь всем членам семьи выселяемых кулаков...» Понятно? Я понимаю ваше положение и от души сочувствую, но... от греха прошу освободить кабинет! — И сам, несомненно смутившись своим нечеловеческим отказом, врач отвернулся, чтобы не видать стонущего от боли ребенка.

Со слезами на глазах, прижимая к себе, бредившего в жару маленького сынишку, Ирина возвратилась к своим, в грязные, холодные вагоны.

В наступившую ночь, в темноте неосвещаемого вагона, Вася умер.

Через два-три дня после этого, прежде арестованных мужчин, также привели в эти вагоны к своим семьям. Поезд выселяемых был готов к отправке в неизвестную даль.

Со всех сторон, издали, у привокзальных зданий, стояла и смотрела разношерстная тысячная толпа станичников, пришедших проститься со своими близкими и знакомыми.

Михаил Ильич стоял у открытых дверей своего вагона и молчаливо смотрел на сочувственные лица этой толпы, на широкие улицы родной станицы. В этом грустном

— Сичас все подам, — ответила она, и обратившись к Евдокии сказала, — прибери на столе, да подай мне поднос.

Егор с Веревкиным о чем-то потихоньку переговаривались, искоса поглядывая в тот угол около печки, где сидел Михаил Еременко, но когда вошла Евдокия прибирать стол, то Егор опять перешел на деловой разговор.

— А секретарем-то к отцу не иначе, как Дмитрия Ляксеича поставить надо, он грамотяга, маху не даст.

Мужики подхватили предложение Егора и начали приглашать учителя помочь им хоть первое время. Веревкин не отказывался, наоборот, он охотно согласился быть секретарем, лишь бы играть какую-нибудь начальническую роль.

«Сначала секретарем, а потом видно будет» — подумал он и привстав с места общим поклоном выразил свою благодарность.

По улице наметом проскакали всадники, и в хате Безналова сразу же водворилась гробовая тишина. В испуганных мужицких головах молнией пронеслось:

«Чтобы это могло быть? Неужели казачий патруль по станице? Уж не Рева ли собрал головорезов и наводит свои порядки?! Что тогда?»

Воспользовавшись этим Михаил Еременко вылез из-за печки и ни к кому не обращаясь промолвил:

— Я пойду погляжу, должно с Персии вернулись...

Он быстро вышел из хаты и, как только завернул в Мацеков переулок, опрометью пустился к отцу и обстоятельно доложил о всем слышанном, а потом добрался до атамана и предупредил его о предстоящей опасности.

Захар угощал своих избирателей горячим пирогом и вонючим самогоном. Оживленные разговоры о наступившем царстве слободы продолжались далеко за полночь.

*) Ст. 15, п. з. — скупка и прикупка сельпродуктов.

его молчании, таилось много волнующих дум о настоящей и неизвестной грядущей судьбе труженика-хлебороба.

Один рыжеусый, худощавый и уже престарелый казак, в полиняломом овечьем тулупе, простирая руки к стоявшим издали провожающим, громко произнес:

— Прощайте станишники, прощайте козаки і всі хто з вами їде! Не забувайте за нас і за те що з нами зробили злодії! Ми на вас ни обіжаемось. Ни ви в цім винуваті...

Поезд тронулся и он замолчал.

Душераздирающие вопли с обеих сторон, прощальные возгласы, окрики гепеушников, — слились в общий гул. Этот отзвук причитаний долго слышался среди толпы на привокзальной площади, пока поезд выселенных не скрылся за бугром, уходящего на восток полотна железной дороги.

* *
*

На Урале, в лесных дебрях Надеждинского района, вдали от всяких жилых строений, административно высланных Старо-Минских хлеборобов остановили в глубоком снегу, среди занесенных снегом сосен и приказали строить себе бараки, предупреждая, что другого жилья им нечего и ожидать.

Женщины и дети со своим жалким скарбом сидели тут же в снегу.

Но не упали духом казаки. Они и здесь, к немалому удивлению начальствующих иудеев, со свойственной хлеборобу энергией трудолюбия, в чрезвычайно короткий срок выстроили соответствующие постройки для своей семьи.

С жильем, хотя и с трудом, но справились, однако, другое роковое для многих несчастье, нависло над отверженными людьми.

Взятые на дорогу небольшие запасы продуктов скоро окончились, а паек давали только на тех, кто работал на лесоразработках и выполнял норму. Многосемейные первые ощутили костлявую руку голода.

Смерть все чаще и чаще вырывала жизни обреченных людей.

В конце мая умер Михаил Николаенко.

Через несколько дней после этого скончалась от истощения его жена. Шестнадцатилетнюю дочь их раздавила на смерть свалившаяся сосна. Многие начали бежать, куда глаза глядят, но большинство из них было поймано. Тут же несчастных людей или избивали до смерти, или отправляли в концлагери и, лишь в небольших случаях отсылали обратно в поселки высланных.

Средний сын покойного Михаила Ильича, Алексей с женой и двухлетним сыном Колей, с большим риском также бежал и после долгих опасных скитаний, все же удачно добрался в родную станицу. Его щурин, уже потерявший надежду когда-либо увидеть свою сестру, с радостью встретил явившихся к нему беглецов и тайно от всех приютил их временно у себя.

Наблюдательный глаз сексотов, широко распространенных органами ОГПУ в станице, не дремал и вскоре о местонахождении «сына кулака», бежавшего с Урала, узнали. Через неделю после нелегального поселения у щурина, Алексея, неожиданно явившиеся ночью «гости» из ГПУ, арестовали, куда-то направили в неизвестном направлении и, дальнейшая его участь осталась неизвестной. Его жену Ольгу Николаенко с сыном, по какому-то необычайному снисхождению не тронули, вероятно и без нее было много «работы» у «стражей пролетариата». Ей разрешили вступить в колхоз и работать наравне со всеми. После этого, она поселилась в «безхозной», заброшенной на окраине маленькой хатенке и продолжала существовать.

* *
*

Наступила зима 1932-33 года. Это была небывалая, суровая зима, которая страшной была не холодом и не военными ужасами, а той особенностью, что в эту зиму пало миллионы жизней, умерших от голода тружеников-хлеборобов, женщин и детей. Это было ничем не прикрытое, организованное Кремлем и, в частности, жидовским главарем Каганoвичем, плановое истребление Казачества, направленное в первую очередь на Кубань и Дон.

Многие кварталы станицы совершенно обезлюдели. Многие семьи хлеборобов, поголовно, умершие от голода, целыми неделями лежали в своих домах и во дворе, ибо убирать их было некому.

В урожайный год, на плодороднейшей Казачьей земле, именем Сталина искусственно созданный голод, косил миллионы жертв, обреченных хлеборобов.

Вид разложившихся трупов, лежавших в домах и на всех улицах, ничуть не тревожил зменные сердца жидовских вампиров, которые, будучи посланными в этот край Кремлем, преспокойно переступали через эти трупы, считая такие повсеместные картины вполне нормальным явлением, необходимым для социалистического строительства.

В то время никто больше уже не удивлялся, если на станичном, хотя и сильно сокращенном, но все же существующем рынке, милиционер обнаруживал у некоторых типов, куски обваренного человеческого мяса, продаваемого под видом говядины. Также считалось обычным явлением, если у свозимых на кладбище и не похороненных неделями мертвецов, или у валявшихся на улицах трупов, видны были вырезанными части тела, употребляемые в пищу озверевшими от голода и все равно умирающими уже людьми.

Вы думаете это было во времена Жюль Верна? При посещении его героем, Гленарваном, туземного и дикого острова Новой Зеландии? Думаете это происходило в среде людоедов-дикарей?

Совсем нет! Это было на весьма плодородной и хлебообильной, когда-то цветущей Кубани, во времена «сталинских пятилеток» на Казачьей земле, в среде «зажиточных» колхозников. Однако и в наше время еще не все знают и не имеют представления об этой ужасной истине... Но... вернемся к дальнейшей участи, бежавшей с Урала и проживающей до сих дней в станице Старо-Минской, невестке покойного Михаила Ильича, жены арестованного и бесследно исчезнувшего Алексея Николаенко.

* *
*

Ольга Николаенко, со своим 4-х летним сынишкой Колей, доживали последние дни своего существования. Сурепный жмых, нарытые корни лопухов, очистки от свеклы, все это было уже с'едено и достать было неоткуда. Единственный брат ее, так восторженно принявший ее после бегства с Урала, теперь уже давно умер от голода, и не только он, вся его семья также пала.

Опухший от голода ее ребенок, лежал в кровати, как мумия, без движения, и уже перестал просить кушать. Ольга, как тень, продолжала еще двигаться по комнате, боясь ложиться в кровать, не надеясь потом подняться с нее.

В одно утро звериная ненависть ко всему живому, ее окружающему, вселилась в ставшую безчувственной душу Ольги. Она села против Коли и долго в упор, каким-то бессознательным взглядом смотрела на умирающего сына. Однако, никакой жалости в этот момент она к нему не ощущала, а наоборот, что-то страшное, невозможное наводняло ее разум. Внезапно вскочив от него, она стала, как сумасшедшая, метаться по комнате, била стекла в окнах, рвала на себе и разбрасывала в сторону одежду. Рассудок ее совсем покинул.

Запыхавшись от безумной беготни, она нечаянно увидела валявшийся на полу нож и вдруг задрожала. Рванувшись, она схватила его, крепко сжала в руке и молниеносно перевела взгляд на кровать. Шагнув, Ольга приблизилась к кровати и, стиснув зубы, вонзила нож в... грудь своего ребенка. Коля не крикнул, а только сразу раскрыл ротик, повел на нее каким-то необыкновенным, бывающим только раз в жизни, взглядом и глазки его навсегда закрылись. В этом последнем его взгляде была и жалость, и упрек, и предсмертная немая просьба, и прощание...

Ольга около минуты молча смотрела на сей свежий трупик, с каким-то несвойственным ей прежде взглядом, мало что понимая в своих действиях. Потом, что-то человеческое шевельнулось в ее груди, она дико вскрикнула, выхватила нож из груди, припала к зияющей бескровной ране, целовала ее, причитывая самые нежные материнские слова, но это сознание продолжалось недолго. Рассудок снова покинул ее.

Вздрогнув и испуганно выпучив глаза, она со страхом стала пятиться назад от кровати, махая руками, как-будто бы защищаясь от кого-то, потом остановилась и вдруг дико захохотала.

Через пару минут, прекратив истерический хохот, она заперла на крючок дверь и украдкой выглянула в окно. Никого не было видно. Отперев дверь, Ольга приняв вид схожий с нормальной домашней хозяйкой, затопила печку, поставила на плиту кастрюлю с водой и, влекомая безумным инстинктом, озираясь вокруг, как вор, направилась крадучись к кровати. Взяв спокойно в руки кухонный нож, она приблизилась к детскому трупу, сдернула с него штанишки и...

В это время к ней в комнату зашла, делавшая по всем дворам очередной поголовный обыск, комиссия, во главе с милиционером и сразу обнаружила на кровати обрезанные остатки детского трупа, а в руках Ольги была кастрюля с недоваренным мясом...

* *
*

Опустевшие улицы станицы, заросшие высоким не скашиваемым бурьяном, ничего не имели общего с прежним своим животворящим видом. Ворота и заборы исчезли. По опустевшим, необитаемым теперь домам, с раскрытыми дверьми и окнами, «гулял» весенний суховей, наводя жуткое уныние на случайно оставшихся людей, которые во многом теперь походили на скелетов. Среди них попадались и избранники социалистического строя, для которых кошмар голода не так уж сильно отражался. Ни кошек, ни собак не видно было во всей станице, все было в первую очередь употреблено в пищу.

Однако, судебное производство продолжало вести свои дела по прежнему.

Через несколько дней после преступления Ольги, зал суда был особенно наполнен любопытными из привилегированного общества станицы. Изредка сидели и колхозники.

— Ведуть, ведуть! — послышались голоса собравшихся.

Ольга, в окружении конвоя, медленно приближалась к зданию суда, ступая ногами, словно входившая на паром лошадь. Распущенные волосы прикрывали когда-то красивое женское лицо, глаза на высохшем ее лице, как у дикой кошки сверкали в разные стороны.

Она часто приостанавливалась, в ужасе пятилась назад, поднимала и махала костлявыми руками, защищаясь от чего-то неизвестного. По виду она походила на живой скелет, в котором еще пока чуть-чуть теплилась жизнь, готовая прерваться в любую секунду. Страшно было смотреть на этот ужасный, исковерканный эпохой, человеческий призрак.

Чтобы не упала, ее все время поддерживали шедшие с нею два других подсудимых.

Шопот негодования, а изредка и сожаления послышался в зале.

— Ольга Николаенко, — начал разбор дела кругломордый, рыжеволосый судья Венников, — вы обвиняетесь в преступлении непредусмотренном даже статьями уголовного Кодекса РСФСР, в людоедстве, что вы на это скажете?...

Ольга ничего не отвечала и молчаливо устремила взгляд в одну точку угла зала. Потом каким-то глухим загробным голосом произнесла:

— Я!?...

Вдруг она вздрогнула, в страшном отчаянии замахала руками, все также глядя в эту точку угла и дико закричала:

— Ааа! Ааа! Коля! Ко-о-оля!!! — и грохнулась на пол.

Милиционер подошел и толкнул ее ногой, дернул за руку, но она не двигалась. Ольга была мертва...

Такой итог, по «милости» Сталина и его московской шайки, имела судьба всей семьи честного хлебороба, Михаила Ильича Николаенко. Ольга была последней жертвой из его трудолюбивой семьи.

А сколько еще миллионов таких же тружеников земли постигла подобная участь? Об этом когда-нибудь расскажут современные историки и еще многие века, страшная быль неповторимых фактов, будет пугать и наводить кошмарную бессоницу на наших потомков.

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

С чувством глубокого удовлетворения мы, казаки юга Франции, приняли установления органов КНД, которое перед лицом всего Казачества оформилось в твердый казачий авангард, который должен привести все Казачество к полному единению под своим казачьим знаменем.

Теперь мы получили то, чего давно нам не хватало. Как-то светлей становится на душе, когда видишь, что казаки в конце концов понимают, что путем личных ссор, дрязг, сплетен и честолюбия никогда не достигнешь поставленной цели, не создаш тот казачий дом, который мы стремимся построить.

Итак, все наиболее ценное, культурное и работоспособное об'единилось вокруг КНД. Если бы все казаки поняли сугубую необходимость казачьего единства, необходимость делать только свое казачье дело и защищать свои казачьи интересы, как было бы все иначе и легче вести нашу казачью работу.

Пора всем казакам понять, осознать себя и, имея чувство казачьего достоинства, перестать быть «казачком» на побегушках у кого-то, кто прикрываясь красивыми фразами, в то же время проводит свою подлую политику вредную интересам Казачества и старается при том как-нибудь опять свернуть на московскую дорогу.

Достаточно для нас ошибок 1917-20 гг. За 25 лет тяжелой, страшной жизни там и бродячей жизни по чужим краям здесь, мы имели возможность изучить и понять причины нашего поражения и наших трагедий. Повторять их теперь было бы преступлением перед нашим родным Казачеством.

В прошлом Казачество не имело определенной цели и потерпело поражение. Теперь КНД дает ясную и определенную программу: «Наш девиз — Казачья Воля, Казакия наша цель!»

Каждый казак обязан прежде всего задать себе вопрос, кто же он такой? Если он чувствует, что в нем бьется казачье сердце, бурлит кровь наших славных предков, пусть станет на свой Казачий национальный путь. КНД — единственный путь казачьего спасения.

Если же найдется среди нас такой, который считает, что ему московский лапоть больше по ноге, чем казачий сапог, то, что-же Бог с ним. Двух положений не может быть. Что-нибудь или русский или казак?! Не может быть русского казака, как не может быть английского француза, или бельгийского итальянца.

Только благодаря нашей казачьей неосознанности целыми веками напрасно льется наша алая казачья кровь, наш народ переживает страшные страдания. Гибнут лучшие сыны нашей родины и кровь будет литься, если будем итти по разным дорогам, если не станем на свой Казачий Национальный шлях.

Как сама жизнь, так и международное положение грозно диктует всем казакам быть вкупе, за едино, брат за брата, сын за отца, в одном нашем казачьем братстве, в борьбе за жизнь и свободу нашего казачьего народа.

Мы, казаки юга Франции, обращаемся ко всем Вам, дорогие братья казаки, с нашим горячим призывом к полному и твердому всеказачьему национальному единению для достижения наших казачьих чаяний.

Пригребай, братцы, к своему казачьему берегу! Плечо к плечу, стремя к стремени!

Слава Казачеству!

С. Настоящев, гор. Лион, Франция.

ОТ КНД.

— По представлению Представителя КНД в Венгрии полковника П. И. Недбаевского, Руководитель ст. инж. В. Г. Глазков назначил членами Верховного Совета КНД подхор. Г. Ф. Голобородько, члена Кубанской Краевой Рады.

Доверенными КНД по Венгерскому округу Руководителем назначены станичники: А. А. Степанов, М. И. Чеботарев, С. Н. Евтухов, И. С. Быкадоров и Ф. А. Третьяк.

К СВЕДЕНИЮ ВСЕХ КАЛМЫКОВ!

Калмыцкий Национальный Комитет просит всех калмыков, находящихся в Германии и в занятых областях, не давших о себе личных сведений, сообщить о себе следующие сведения:

1. Фамилия, имя и отчество. 2. Число, месяц, год и место рождения. 3. Образование и специальность. 4. Семейное положение. 5. Кем работает в Германии и точный адрес — фирмы и личный.

Просьба писать четко и ясно.

Сведения направлять по адресу:

Kalmückischer National-Ausschuss, Berlin W 35, Ludendorffstrasse 60/III.

А. Тригоров.

Борьба против марксизма

Сейчас борются два мировоззрения: **противомарксистское и промарксистское.** Первое из них борется за собственность, свободу, против эксплоатации человека человеком, а второе — против собственности, свободы, за эксплоатацию. Как известно, основой марксизма является национализация собственности и дикая диктатура, **что значит — регулировать или распоряжаться чужой собственностью и чужой личностью.**

Конечно, евреи знают что такое собственность, они знают порочность марксизма, но они его сейчас поддерживают, чтобы с помощью его захватить власть в свои руки и осуществить самую гнусную «диалектическую механику».

«Сионские заправилы» хотят сначала национализировать собственность, под видом: «земля — крестьянам, фабрики и заводы — рабочим», а затем, после уничтожения полноправных хозяев из других наций, отменить национализацию и по своим законам присвоить чужую собственность, что они держат в тайне.

Но, все тайное и подлое, раньше или позже, делается явным и оборачивается против их создателей. Марксизм — еврейский социализм с невиданой жестокостью нарушил закон природы человека, закон собственности-свободы и это обернулось против самих-же евреев.

Это понимают сейчас все грамотные люди и каждый гражданин должен задать себе вопрос, что сделал он в борьбе против марксизма? Борется ли он вместе с германским народом против большевизма?

Что-же делают в этот критический момент русские философы и эмигранты?

Оказывается, они тешат себя и дурачат других надеждой, что их большевики открыто не тронут.

Но ведь это и есть большевицкий метод — уничтожать людей тайно, забирая их с квартир по ночам! Большевицкие агенты «купили этих философов» за три копейки, ровно столько, сколько стоят все большевицкие обещания, декларации и договоры.

Жутко видеть, как вслед за этими «философами» прямо в пасть НКВД катятся и все их последователи.

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

Шевченко Наталия, разыскивает мужа, казака-фельдфебеля, род. в 1904 г. стан. Крыловской, Кубань. В 1942 г. поступил добровольцем в ряды Германской армии в пятый Кубанский полк. Писать по адресу:

Herrn Utschur Alexejew, Laband o/S. Kr. Gleiwitz. Lager I. Bar. Erna 188.

Яхонтова Надежда Игнатьевна, разыскивает братьев Николая, Валентина и сестру Серафиму, детей пол. Куб. Каз. Войск Игнатия Исаевича Ефременко. Баталпашинской стан. Кубань. Мой адрес:

N. Jakhontova, Algringen (Westmark) Adolf Hitlerstr. 16 (Lothringen).

Циммер-Гусакова, Вера Ивановна, г. Темрюк, Кубань. Разыскивает родственников. Писать:

Zimmer Vera, Erpernburg, über Büren Westland.

Полимпсестова Бориса Федоровича, казака ст. Ключевой, Кубань, род. в 1903 г., до 1934 года жившего во Франции, знающих его адрес просим сообщить в «Казачий Вестник».

Всех близко знавших генер. Бабиева Гавриила Федоровича с его супругой Брониславой Карловной и их сына Бабиева Николая Гавриловича, имеющих их фотографические карточки и знающих подробности смерти просим сообщить свои адреса в «Казачий Вестник» для племянников.

Шевчикова Анастасия Васильевна, хут. Ушакова стан. Митякинской, разыскивает Бестолудина Григория Демьяновича, хут. Красновки ст. Митякинской. Знающих его адрес прошу сообщить:

Magdeburg, Lager Maybachstr. 9.

Миронов Влас Петрович ст. Митякинской хут. Прочный, разыскивает станичника Симоненкова Ферсона Семеновича. Писать на «К. В.».

Божко Федор, разыскивает брата Божко Григория, родившегося в Черниговской губ., Глуховском уезде, в селе Холопков. Последнее время жил в Одессе. В 1919 году служил в армии Деникина. В 1920 году уехал в Чехию. Писать на «Казачий Вестник».

Войс. Ст. Калюжный Александр Фомич, Варениковской ст., Кубань, просит станичниц и станичников откликнуться по адресу:

Berlin-Neuekölln, Hermannstr. 110.

Михайлов Василий, ст. Засовской, Кубань, разыскивает брата Арсения Филипповича, эмигрировавшего в 1920 году.

Michajlow Wasilij, Feldpost 04508.

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра инж. В. Глазкова «Крах наших москвофилов».

Стоимость ее 50 Рпф. с пересылкой.

С этим номером «К. В.» посылаются «сложенки» (для Протектората) и «цальКарты» (для остальной Великогермании), посредством которых можно послать подписную плату за «Казачий Вестник» тем, кто еще не уплатил и за вышеназванную брошюру.

Необходимо указать назначение посылаемой суммы.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Ukrajinski Muzej...
Gutenštejnska ul.č.6.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 19 (76) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 28-го СЕНТЯБРЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

И. Бочаров.

Единение - залог победы.

Все Казачество отчетливо сознает, что переживаем в высшей степени ответственное время, когда необходимо проявить твердую и неуклонную волю к единению, к дружным и совместным усилиям всех сознательных сынов нашего Казачьего народа. Последние события еще больше укрепили это сознание в казачьей среде, где с каждым днем все больше и больше растет тяготение к консолидации всех казачьих сил.

Отрадно видеть, как от рядового казака до генерала и профессора проявляются определенные стремления к сложению всех казачьих стремлений и начинаний и преломление их через призму истинно казачьих народных интересов. Сейчас как никогда каждому казаку становятся близки и понятны его собственные казачьи интересы, с ужасной быстротой сглаживаются все разногласия и споры, мешавшие казачьему единению. Теперь перед каждым казаком во всей широте поставлен вопрос не только существования родного ему Казачества, но вместе с тем и физического существования каждого отдельного казака вне зависимости его взглядов и убеждений, ибо всем ясно, что всех казаков ожидает один удел, уготована одна судьба, какую они сами себе завоюют, какую они сами себе отстоят в нынешней борьбе на стороне своего великого союзника — Германского Народа.

Как обстановка, так и самые события повелительно ставят всех казаков в один ряд, в одну казачью лаву и исключают всех тех, кто бы пытался отдаваться праздным иллюзиям: как-то и где-то переждать нынешние события, как-то и каким-то образом быть в стороне их, ибо эти события неумолимо вовлекают и их в свой круговорот и заставят и их подчиниться железной логике времени.

Время понять и тем немногим одиночкам, которые еще пытаются продолжать старые распри, старые счеты. Пора осознать, что теперь и не время и не место для разногласий и раздоров в нашей казачьей семье. Перед всеми нами стоит сейчас самая неотложная задача — об'единить все разрозненное Казачество, организовать все живые силы нашего Казачьего Народа и включить их в борьбу за свое существование, в борьбу за достижение казачьей свободы и за право жить на нашей Казачьей Земле, политой кровью и потом наших предков.

Как приятно было видеть первые шаги к нашему казачьему единению, которое внешне было выражено в большой казачьей манифестации в Праге, являющейся культурным центром Казачества. Как радостно было видеть казаков всех взглядов и убеждений, различных дотоле ориентаций и направлений под одной крышей и совместно зовущих всех казаков к исполнению сыновьего долга перед Казачьей Родиной. На этой импозантной казачьей манифестации мы видели представителей и старого и молодого Казачества, представителей до сих пор различных течений и направлений, а теперь об'единенных и преисполненных одной думой, казачьей думой, руководимых одним началом, казачьим началом, и призывавших всех казаков под одно казачье знамя.

Будем надеяться, что это радостное начало, это положительное явление в нашей казачьей среде полностью восторжествует к счастью и благу нашего народа и его будущего. Будем надеяться, что это единение выразится и в формальном руководстве Казачества, которое также должно представлять выражение всех живых, здоровых и активных сил и которое тем самым приобретет должный и необходимый авторитет в глазах всех казаков.

Мы же, старики, будем радоваться величайшему событию в нашей казачьей истории, которая будет закрывать окончание всех и всяческих делений в казачьей среде и сплочение всех казаков.

В сознании каждого казака должна укрепиться непреклонная воля к нашему единству, являющемуся залогом успеха нашей борьбы за существование, за право на жизнь.

Сомкнем же все наши силы, все наши стремления в одну крепкую казачью лаву, подчиним же все наши мысли одной цели — достижению победы и освобождению нашей многострадательной Казачьей Земли из под большевицкого ига.

Осуществить эту цель мы можем только при поддержке Германии, как ее честные и верные союзники в хорошое и тяжелое время.

Есаул Н. Посохов.

За защиту культуры.

Народы христианского мира, следуя по пути прогресса и проводя в жизнь высокие принципы Божественного учения, стремились разрешить вопрос социальной справедливости, внося в общую сокровищницу христианской колутуры и свои характерные национальные особенности, которыми она, культура этого народа, отличалась от таковой другого народа. Одним из важнейших признаков высокой культуры всякого народа и приближения к идеальному разрешению вопроса социальной справедливости, является отсутствие нищих из среды этого народа или нации. Казачество по праву может гордиться своей национальной культурой, ибо социально-бытовыми формами своего жизненного уклада, глубоко проникнутыми христианскими принципами, оно с честью разрешало вопросы социальной справедливости и равенства и из среды казаков не было нищих, что также указывает на глубокое народное самосознание Казачества и высокое сознание своего человеческого достоинства.

Иудейство, рассеянное по всему свету, живя в христианских странах, стремится христианским принципам взаимопонимания и дружного взаимного сожительства и сотрудничества и равенства сопоставить и подменить их принципам неравенства, взаимной классовой борьбой во имя господства одного класса над другим, проводя идею Моисеева Закона «Око за око», «Зуб за зуб».

Стремясь к мировому господству, мировое международное интернациональное жидовство стремится в качестве предпосылки к таковому господству не только сосредоточить в своих руках капиталы, накопить материальные богатства, но и захватить руководящую роль в направлении духовно-нравственной жизни христианских народов и использовать их для своей цели.

Цивилизации христианских народов Европы — продукт длительного и мучительного опыта в материалистическом и идеологическом направлениях, нашедших общую гармонию в своем прогрессивном развитии, согласно человеческим наклонностям, чувствам и ощущениям. Народы Европы после целого века либерализма, который так цинично был использован жидо-массонским капитализмом, вступил на путь разрешения и установления социальной справедливости для всех этих народов. Народы Европы и Казачество находятся перед двуми диаметрально противоположными почти по существу формулами разрешения вопроса о социальной справедливости: марксистская и национал-социалистическая. За первую формулу борятся московские большевики в союзе с мировым жидо-массонством, за вторую народы Европы и Казачество. Первая формула уничтожает, отрицает духовные ценности, проявление человеческого индивидуализма, человеческая личность низводится на степень простого номера определенного коллектива, как для производства материальных ценностей, так и распределения благ, производимых данным коллективом. Вторая формула напротив ревниво сохраняет, оберегает духовные ценности, увеличивает и усиливает их, стремится к улучшению общего благополучия и к возможно более справедливому пропорциональному распределению всех ценностей. Казачество, в силу своего географического положения первым из народов, испытало на собственном опыте и физическом теле осуществление социальной справедливости по формуле Маркса, проводимой большевиками на казачьем теле в течение почти четверти века. В результате такого осуществления социальной справедливости по большевицкому рецепту для Казачества, исконная историческая территория его была залита кровью, пожаром, грабежами и насилием безбожных красных полчищ, а само Казачество лишено человеческих прав и подвергалось систематическому физическому уничтожению, выселению, переселению и т. п. Казачье поколение, выросшее там на родной Казачьей Земле и испытавшее на собственном теле большевицкий социальный опыт, не могло не понять всей жестокой несправедливости, проводимой большевицкой властью под маркой социальной справедливости, и, вырвавшись из советской «тюрьмы народов» при первом удобном случае, слилось идеологически и физически с той частью Казачества, которое почти 25 лет тому назад, после неравной трехлетней кровавой борьбы против большевизма, побежденное, но не сломленное духовно, оставило родную Землю, унося с собой в невольное изгнание священый неугасимый огонь любви к свободе и к распятой Казачьей Родине и идеал возрождения Вольного Казачества, освященный кровью Казачьих предков, бессмертных Казачьих героев богатырей-Атамаов, Казачьих мучеников и всего Казачьего Народа, боровшегося с ненавистной советской властью, доказав тем единство Казачества и общность идеалов его, которого не могло нарушить даже двадцатипятилетнее перевоспитание и калечение казачьей души по советско-большевицкому рецепту. Напротив, эта часть Казачества влилась в идеологические ряды первых борцов за лучшую Долю и Волю Казачества и также, как эти двадцать пять лет тому назад, жертвенно борется за те же самые идеалы и против того же самого векового врага.

Президиум Об'единенного Казачьего собрания в Праге 16. IX. 44. Атаман округа КНД в Протекторате инж. В. А. Донецкий, Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков, Кубанский Атаман генерал В. Г. Науменко, генерал А. Г. Шкуро, Атаман Кубанской станицы в Праге инж. В. Н. Шелест.

Archiv „Der Kosakenbote".

Как своей прошлой борьбой, так и современной своей жертвенностью Казачество подтверждает всему миру свое священное право на собственную жизнь и культурное развитие на ряду с другими историческими народами Национальной Европы в мирном и дружном сожительстве с ними, как член единой общей семьи народов.

Войск. старшина К. Кирсанов.

О либерализме.

Время от V до XV столетий по Р. Х. было временем приобщения диких народов, пришедших из Азии, к культурным ценностям Римской Империи, ими же разрушенной и завоеванной.

Это был период культурного застоя, суровых, междуусобных войн. Период господства католицизма не только в религиозном, но и в политическом отношении.

Европа того времени была мало культурна по сравнению с Византией, тоже не устоявшей перед нашествием диких Азиатских орд.

Политическая система того времени феодализм, состоящая из подчинения одних владетельных лиц другим вплоть до королей и императоров, изживает себя. Императоры, короли, зависимые от Римского папы (свой титул они получали от папы), освобождаясь постепенно от этой зависимости, становятся самостоятельными. Всех своих вассалов, князей и баронов, подчиняют своей власти и обращают последних в своих чиновников и должностных лиц. Туманная схоластика католицизма не удовлетворяет более духовных запросов людей того времени, чему способствует также моральный упадок папства.

Экономическая система средневековья — отсутствие международной торговли, крепостная зависимость крестьян, произвол в центрах и на местах власть имущих, держали народ в полной нищете.

Ряд событий духовного и материального характера, исторические случайности, изобретения, лютеранское, протестанское движение, крестовые походы, открытие Америки и т. д. производят общий духовный переворот.

На смену феодализму приходит либерализм, обоснованный во второй половине XVIII века, утвержденый французской революцией и захвативший целиком XIX век.

Либерализм не создал законченной системы, а заключает в себе ряд разнообразных идей, доктрин и оснований. Либерализм исходит из двух основных положений:

1) Человек по природе добр, он имеет все данные стать совершенством и только неудовлетворительные условия нашей жизни породили и создали недостатки в человеке.

2) Необходимое условие для проявления благих качеств человека — свобода.

Философия либерализма, исходя из этих 2-х положений, учит, что все окружающее нас познается только разумом человека и что не может быть об'яснено разумом — праздная выдумка. Таким образом, основа либерализма — рационализм (ratio — разум). Культ разума, исповедуемый либерализмом, явился причиной отрицательного отношения последнего к религии вообще. Для утверждения, развития культа разума, для борьбы с католицизмом и вообще с христианством создалась международная организация «Франк-Масонство». Руководство в последней быстро и незаметно захватило международное иудейство и обратило последнее в средство своей борьбы за мировое господство.

История человечества, по либерализму, — непрерывный прогресс, непрерывное освобождение разумного, добродетельного человека от оков религии, государственности и зоологического (по либерализму) предрассудка национализма.

Стопроцентным, полноценным выражением юридического либерализма является «Декларация прав человека и гражданина», провозглашенная в 1789 году. Эта декларация касается проблемы взаимоотношения общества и личности.

Французская революция провела в жизнь Франции значительную часть этой программы. Вместо сословий и корпораций средневековья с неодинаковыми обязанностями и правами явился народ из равных индивидов с одинаковыми правами и одной обязанностью уважать индивидуальные права других.

Вслед за Францией таковое общественное строение стало отчасти действительностью, отчасти идеалом, за осуществление которого боролись все передовые современники.

Классическим выражением либерализма является Кодекс Наполеона, изданный в 1804 году, с некоторыми изменениями действующий и поныне во Франции. Главные начала этого кодекса свобода: 1) личности, 2) частной собственности, 3) договора.

Основа гражданской жизни — личность, индивид. Последний выделяется не из семейного, хозяйственного или какого-либо другого об'единения, а, наоборот, сумма из слагаемых индивидов, — личностей — об'единение.

Личность — свободна, своеправна, она сама по своей воле самоопределяется, но не должна стеснять чужих само-

По техническим причинам выпуск настоящего номера «К. В.» задержался на несколько дней.

определений. Личность не должна заботится о других, но и не может требовать чтобы и о ней заботились другие: общество и государство. «Всяк — для себя, каждый кузнец своего счастья».

Право собственности в этом кодексе трактуется так: каждый владеет принадлежащими ему вещами безконтрольно и неограниченно, не стеснен ни какими социальными и государственными повинностями.

Собственник имеет право требовать, чтобы никто не нарушал его права безконтрольно владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащими ему вещами, об'ектами.

Главной основой взаимоотношений людей по кодексу является «свободный договор личности — индивида. Без доброй воли последнего никто: ни общество, ни государство, ни отдельные лица, не могут заставить выйти из состояния замкнутости.

Без предварительных обязательств не может быть обязанностей. Взаимный договор, согласием двух или более воль, создает из ничего, правоотношения между отдельными лицами. Из такого согласия-договора даже создается брак, возникает семья. Одним словом, все решает личность, она свободна в своих решениях, но раз она заключила договор, то обязана его выполнить несмотря на все невыгоды для себя и даже явный ущерб. Другая заинтересованная сторона имеет право потребовать от государства мер принуждения для выполнения заключенного договора, а исполнительная государственная власть обязана принудить к выполнению договора уклоняющихся, не входя в обсуждение причин уклонения.

Политический либерализм имеет в своей основе, кроме двух ранее указанных оснований, формулу Ж. Ж. Руссо «об общей воле» (вернее воли большинства): «Общая воля всегда права, и всегда требует своего публичного осуществления». Из этих трех положений и возникло государственное устройство либерально-парламентарных демократий на:

1) Всеобщим, прямом, равном, тайном избирательном праве.

2) На принадлежности законодательной власти собранию людей (политический парламент), выбранному всем населением на основании, как говорится в общежитии, «четырехвостки».

3) На подчинении исполнительной государственной власти, власти законодательной. Эта исполнительная власть т. е. правительство и составляется из представителей политических партий, имеющих большинство голосов в данное время в парламенте.

Правительство же при выражении недоверия ему большинством голосов из наличного состава присутствующих на заседании членов парламента в данное время, уходит в отставку.

Составляется новое правительство из большинства, голосовавших за недоверие. (Чехарда министерств, частая смена министров).

Все эти утверждения либерализма создали благоприятную почву для развития чрезмерного личного эгоизма и позволили недобросовестным одним эксплоатировать других.

Экономический же либерализм своим оптимизмом и вытекающими из него требованиями ничем неограниченной свободы экономических отношений, отрицая вмешательство государства в хозяйственную жизнь, позволили народится хищническому капиталу и развиться капитализму.

В бывшую Российскую Империю, в состав коей насильственным путем было включено Казачество, утерявшее свою прежнюю самостоятельность и независимость, либерализм проник извне в XVIII веке.

Этими идеями заразилось в первую очередь неслужилое дворянство, зажиточная интеллигенция и первое время даже правящий класс.

Казачеству веяния либерализма, которым заразилась часть нашей казачьей интеллигенции и головки, получавших свое общее и специальное образование в учебных заведениях России, принесли много вреда, бед и несчастий.

Эти веяния — первоисточник грехов вольных и невольных и ошибок нашей Казачьей головки в прошлой борьбе 1917—20 годов против Московского большевизма за свою Казачью самостоятельность и самобытность.

Они же оторвали часть нашей Казачьей интеллигенции от толщи Казачьего народа, от идеалов Казачества.

Они — первоисточник причин того, что до сих пор некоторые из нашего старшего и среднего поколения, еще больные этими грехами, не отрешились от своих заблуждений, не отрешились от либерально-демократического душка и единонеделимских московских заветов, не все влились в общеказачью лаву борьбы за свое самостоятельное Казачье бытие, не все встали под свое обще-Казачье знамя.

II.

В человеке есть добрые и злые качества. Если нужна свобода для проявления первых, то необходима и власть, препятствующая проявлению злых качеств. Человек должен во что-то верить. Рационализм отнял у него веру в Бога, человек уверовал в материю. Уверовав в последнюю, став 100% атеистом, человек, если так можно выразится, выхолостил свою душу, потерял всякое представление о морали. Все нравственные устои для него стали «буржуазными предрассудками», ненужными пережитками прошлого. Человек постепенно превратился в бездушного, безпринципного эгоиста и оправдались бессмертные слова Гете:

«На земле весь род людской
чтит один кумир священный,
он царит над всей вселенной,
тот кумир, — телец златой

и, как прямое следствие этого

Люди гибнут за метал,
сатана там правит бал».

Мы знаем какими насилиями и террором сопровождалась французская революция, выкинувшая лозунг: свобода, равенство и братство.

Эпоха поклонения золотому тельцу создала американского гангстера, английского, американского, международного биржевого дельца — капиталиста.

(Продолжение следует.)

Г. А. Козловский.

Напрасные усилия.

Еще гремит на всех фронтах боевая канонада, всезнающее радио по несколько раз в день сообщает нам о положении на том или на ином боевом участке, а досужие политики, окопавшиеся в глубоких тылах, торопятся помочь концу войны, предугадывая ее исход. Конечно, каждый из них старается действовать по «своему усмотрению», так как это выгоднее в первую очередь самому себе. Отсюда получается хаос мыслей и предположений, а улица, всегда жаждущая сенсаций, подхватывает осколки «достоверных сведений» и обработав их в своей мозговой лаборатории, на свой вкус и лад, сеет дальше сумбур в головах обывателей.

Достоверный факт, что первоисточника всех этих слухов, мастерской из которой они поступают, не следует искать здесь, на месте. Отвечают второстепенные персонажи, контрагенты, что ли, добровольцы, старающиеся во всю прислужится современью, «патриоты», предпочитающие спасать отечество ценою крови других, а сами работают вдали от того места, где есть риск быть убитым.

Нужно было бы собирать все эти слухи и толки и складывать их в особый для того ящик, чтобы со временем сами же творцы всех выпускаемых ими нелепиц, как в зеркале увидели отражение своей глупости, доходящей до провокации.

Но вот, вдумавшись и разобравшись во всех этих предсказаниях и в «фактических данных», мы видим только одно: трогательное единение фабрикующих их. На всех их ясно виден штемпель если не Москвы, то Лондона или Вашингтона. Не мешает дальность расстояния между этими пунктами, с трогательным и завистью достойным единодушием, они выпускают однокачественный «товар», расхватываемый жадной толпою.

Характерно то, что хотя до сих пор ни одно из предсказаний воевод и из улицы не сбылось, все таки с этими неудачами творцы их не считаются и продолжают дальше свое немудреное дело.

От неправдивых слухов и сплетен один шаг к провокации. Таким образом досужие информаторы являются не больше, как помощниками провокации, так необходимой для жидовского кагала.

В действительности же все происходит совершенно обратно чем утверждают тыловые «патриоты».

Войну выигрывает тот, у кого окажутся сильнее нервы. Это истина не требующая уже в наше время доказательств. Сейчас идет действительно решительный бой двух начал, от исхода настоящей войны зависит судьба мирового кагала и его отжившей системы.

До сих пор что-то неслышно о крупных успехах алиантов. Ведь только постоянные агенты кагала могут обращать серьезное внимание на территориальные уступки. Во время войны территория не играет существенной роли. Вспомним, в свое время русская армия, во главе со Скобелевым, стояла у ворот Царьграда, но под угрозой запада должна была не солоно хлебавши отойти и в результате отказаться от многих завоеванных территорий.

Дальше, пусть обратят внимание тыловые политики на то, что фактически сейчас происходит? Говорят что красная армия «прет» все вперед, только также, как с другой стороны «прут» англо-американцы. Но почему-то никто не обращает внимания на ту нервозность, какую проявляют те, кто так сильно напирает.

А ведь эта нервозность бьет прямо в глаза своей очевидностью! Вероятно у них имеются все данные для такого щедрого расходования своих нервов.

Начнем с Востока. Что остается делать Кремлевцам, как не гнать все вперед свои полчища? Какие бы кретины ни сидели в их штабах, каких бы прекрасных инструкторов ни посылали в Москву Америка и Англия, все это теряет свой вес и силу перед очевидной действительностью.

СССР гонит остатки. Со слов попавших в плен известно, что если и имеются в запасе танки и броневики, то отсутствуют походные кухни.

Войска должны питаться подаянием, то есть за счет населения тех местностей, через которые они проходят. К несчастию этих войск, наученое горьким опытом, население уходит с тех местностей, и там совершенно ничего не остается. Остановиться на месте нельзя. Это значило бы вызвать бунт и поголовное истребление жидов-комиссаров, следующих сзади армий с револьверами в руках. И советские воротилы сейчас думают не о завтраках в Берлине, а об ослаблении Германской армии и ждут от нее пардона.

Не меньшее волнение наблюдается на Западе. Нервничают союзники. С одной стороны, как будто нужно выручить зарывающихся на Востоке большевиков, с другой стороны дрожат перед возможностью диктаторства в Европе Сталина и, быть может сейчас, больше чем когда либо, осознали всю нелепость своих комбинаций. Необходимо еще понять положение Англии, очутившейся в положении вассала по отношению к Америке и, что еще хуже, это угроза коммунистической пропаганды в своей же армии. Нужна какая то действительная победа, нужно что то пред'явить своим народам, а пред'являть пока нечего, за исключением тех территорий, от которых своевременно придется отказаться. И если бы даже Америка была не подвержена налетам и борьбе внутри себя, то это не значит что она спокойна. События нарастают и, кто знает, не нужно ли будет в скором времени дать отчет своим избирателям почему и во имя какого идеала она втянулась в эту войну под влиянием мирового кагала.

Возможно и самим вожакам, вызвавшим войну, скоро придется менять место оседлости и уподобиться европейским беженцам, дабы избежать справедливого возмездия со стороны прозревших свободных граждан заокеанской державы.

Все это вместе взятое свидетельствует лишь о сплошном обмане масс со стороны алиантов. Масса верила и пошла. Но на деле оказалось, что война это не прогулка катером по Гудзону или Темзе, а истина начинает проявлять себя только сейчас, когда кругом видневются трупы обманутых людей, в частности черных, о которых, как о равноправных гражданах единой республики, вспомнили только благодаря войне.

Но ведь и черным племенам дан дар слова и у них имеются руки для того, чтобы истреблять не только внешних, но и внутренних врагов.

Совершенно обратное явление мы наблюдаем на нашей стороне фронта. Здесь каждый в отдельности солдат знает цели борьбы и спокойно делает свое дело. Это спокойствие является залогом победы. Пусть нервничает и изнашивает себя противник. Нам нужно полное сознание и абсолютное хладнокровие. Чем больше мы его проявим, тем скорее враг израсходует всю свою энергию. Каждый в отдельности германский солдат понимает, что нынешняя война должна раз навсегда прекратить притязания мирового кагала на верховодство миром, что от успеха борьбы зависит счастье и благополучие многих народов. Он верит в свою миссию, он верит своему Вождю зная, что сейчас не время и не место для уклонений и компромиссов.

Германия нашла твердых и искренних союзников в лице Казачьего народа.

Этот героический народ, испытав на себе всю подлость советского строя, и с другой стороны, выбитый из колеи нормальной жизни и разбросанный по всему свету, стремится к одному: по старой традиции, согласно с заветами отцов и прадедов, стать с оружием в руках со своим доблестным союзником — Германией, чтобы бороться против своего заклятого врага — жидобольшевизма.

И наши общие враги хорошо осведомлены о том, с кем им приходится иметь дело. Вот потому то они так и нервничают, чувствуя силу в том хладнокровии и в той расудительности, которая создала тесное единение между Германским и Казачьим народами.

Враги напрягают последние усилия для того, чтобы вывести своих противников из терпения и заразить их своей нервозностью. Но напрасны их усилия. Победит хладнокровие и полное понимание правоты своего дела.

П. И. Захаров.

После тяжкой и долгой болезни, 26. 9. с. г. в Праге скончался **Павел Иванович Захаров,** член правления местной Казачьей Национальной станицы, казак хут. Панкина, ст. Акишевской, ВВД, родившийся 7. 8. 1899 г.

Покойный с юных лет принимал самое активное участие в рядах Казачьей армии, героически боровшейся около 3-х лет против напора красных полчищ за свой порог и угол, за родные казачьи станицы. Был он мужественным и храбрым казаком, примерно исполнявшим свои боевые задачи. В боях был ранен.

За рубежом П. Захаров занимался очень тяжелым физическим трудом, добывая себе и своей семье средства к существованию. Он стойко и без ропота переносил страдный путь эмигранта. Боевые и житейские невзгоды подорвали его здоровье. Несмотря на это он все время стремился в бой на борьбу за свободу Казачества и страстно жаждал снова увидеть свою Казачью родину.

Покойный был твердым и сознательным казаком националистом, принимал самое живое участие в каждом положительном проявлении местной казачьей жизни, при этом отличался большой скромностью и честностью. Среди всех казаков он пользовался симпатиями, уважением и любовью.

Наши ряды покинул верный друг и соратник, который будет служить нам примером.

Спи спокойно, дорогой станичник, на далекой чужбине!

Майор Сацюк.

„Цена жизни".

1.

Казалось — уже близка цель: еще 20—25 километров и наш штаб будет в намеченном пункте. Уже перевалило за полночь. Мы с трудом минуем бесконечные ленты обозов, пехоты, орудий... Лиц нельзя разобрать, но невольно чувствуется, что люди смертельно устали. Прозрачными тенями мелькают они без конца вдоль обочин дороги. Ни говора, ни шума. В ночной тиши приглушенно разносится непрерывный шорох тысяч ног и далеко слышен характерный стук подвод. Все дороги на восток забиты отступающими войсками. Сзади — настороженная тишина и близость неумолимого врага. Впереди — густая темнота ночи и долгие нескончаемые километры. Ночь — наш верный союзник, — ночью мы «выигрываем» пространство, идем без отдыха вперед, а днем зарывшись, наспех, в землю ведем бои — это называется «подвижная оборона» и «изматывание» сил противника. Километры, облитые потом и проклинаемые красноармейцами на каждом шагу, — легко выравниваются подвижным и умным противником. Уже так три дня: без отдыха и пищи... Выдержат-ли люди это нескончаемое состязание с мотором? Хватит-ли сил и когда все это кончится?.. Наш путь освещают огромные красные пятна пожарищ — горят: скирды хлеба, элеваторы, хутора, села...

«Все на пути отхода уничтожать, предавать огню. Скот уводить. Жителей забирать с собой»... Приказ обезумевшего кремлевского владыки выполнялся с точностью. Уничтожались богатства, ценности, погибала страна...

2.

Дорога делает небольшой уклон под гору и наша мотоколонна медленно сползает куда-то вниз. Внезапно головная машина командира дивизии останавливается. Мы выходим из машин и идем вперед.

— Это Вы начальник штаба? — доносится из темноты голос генерал-майора Ш.

— Да, я тов. комдив. Что случилось? — спрашиваю в недоумении.

— Дальше ехать некуда. Пробка. Смотрите — с трудом различаю кузова машин занявших всю дорогу в несколько рядов.

Смотрим на часы — скоро 3. Рассвет будет через 2 часа. Надо обязательно быть на месте к 5. Но как? Мы молча, с трудом, пробираемся между рядами машин запрудившими дорогу и выходим на открытый луг. Под ногами чувствуется свежесть — видимо роса. Мягко шелестит трава под ногами. Людей почти нигде не видно. Пустые машины, тускло отсвечивая стеклами, разбросаны по всему лугу. Справа доносится отдаленный гомон: крики и возгласы людей и стон надрывающихся машин. Мы идем на эти звуки. Ноги слегка вязнут в мягкой податливой почве. — потянуло свежестью реки. Внезапно у наших ног узенькой лентой сверкнула полоска воды. Я вспомнил по карте, что тут, действительно должен протекать безымянный ручей. Мы шли медленно, вдоль невысокого берега к переправе.

Без конца попадались брошенные, беспомощно-загрузшие в грязи по буфера машины. Маленький ручеек — превратился в грозного врага! Где-то недалеко очевидно переправлялись: гудели моторы, наперебой показывая свою готовность вырваться на тот берег; надрывались от криков и ругани людские голоса, забыв всякую осторожность и машины с разгона, ныряя в ухабах крутого, наспех сделанного спуска к воде, по шаткому настилу из досок и бревен, стремительно развивая скорость, проскакивали «мост» и, тяжко надрывая моторы, вырывались из густой вязкой грязи на том берегу.

3.

Переправлялась тяжелая пушечная батарея РГКА. Земля мерно вздрагивала в такт тяжелому дыханию мощных тракторов «ЧТЗ». Длинные хоботы грозных орудий беспомощно вычерчивали в воздухе причудливые кривые. Трещали доски и стонала жидкая переправа под огромной тяжестью. На берегу распоряжался спуском орудия командир батареи, — молодой, щеголеватый старший лейтенант. Его звонкий молодой, еще не окрепший, голос приятно звучал в ночной свежести воздуха и покрывал мерное дыхание машин.

— «Осторожней! Держи правей. Убавить газ!» — Орудие, раскачиваясь в глубоких колеях, медленно спускается вниз и тонет по ступицы в густой вязкой грязи. Чаще начинает дышать мощная грудь трактора и, оставляя глубокие борозды от чудовищных колес, медленно выползает орудие на тот берег.

— Приготовиться второму орудию, — подается звонкая команда. Передний трактор, выпуская клубы дыма, готовится двинуться вперед.

— Кто здесь старший? — спрашивает у окружающих командир дивизии, с минуту молча наблюдавший вместе с нами эту картину.

Из толпы, стоящей на берегу, доносится несколько возгласов:

— Все тут старшие!

— Тут нет старших — когда приходится «драпать».

— «Старшие» — все поудирали!

Комендант переправы здесь, действительно, нет. Переправа возникла стихийно у полуразрушенного мостика и производится без всякого регулирования движения.

— Послушайте — Вы! — обращается комдив к командиру батареи, — мне нужно сейчас-же переправиться на тот берег. Распорядитесь остановить Ваши трактора — и не интересуясь его ответом, тут-же отдает распоряжение штабному командиру — прикажите подвести наши машины к переправе!

— Послушайте тов. командир!, — говорит

КАЗАЧЬЕ ЕДИНЕНИЕ.

В субботу 16 сентября в Праге, в ресторане «Сойки» состоялось многолюдное собрание Казаков, созванное об'единенными каз. станицами, в связи с событиями текущего момента. На собрание явилось свыше 400 человек, многие прибыли из провинции, даже из более дальних районов.

Присутствовали и представители запорожских казаков.

Зал декорирован Казачьими флагами, в середине на возвышении портрет Фюрера Адольфа Гитлера.

Интерес к собранию усилился прибытием из Берлина Кубанского Атамана ген. майора В. Г. Науменко, ген. лейтенанта А. Г. Шкуро и возвращением Руководителя КНД. инж. В. Г. Глазкова. Среди собравшихся заметно сильное волнение, все ожидают разрешения волнующих их вопросов.

В 7 часов вечера в зал входят гости. Атаман станицы командует смирно, все встают. Гости занимают места за столом президиума.

Открывая собрание, окружной атаман КНД в Протекторате инж. В. А. Донецкий приветствует высоких гостей и выражает надежду, что в столь исторический для Казачества день, все присутствующие отнесутся с сугубым вниманием к словам своих вождей. С сегодняшнего дня нет места среди казаков для личных интересов и амбиций, все должны сгруппироваться вокруг своего казачьего знамени и стать на защиту своих казачьих прав.

Инж. В. Н. Шелест, представитель Кубанского Войскового Атамана в Протекторате и атаман Кубанской Казачьей Станицы в Праге — приветствует Кубанского Войскового Атамана ген. майора Науменко. Затем приветствует ген. лейтенанта Шкуро, славного сына Кубани, партизанские и Волчьи полки которого вписали много славных страниц в историю родного войска. Затем оратор призывает всех казаков оставить все мелочные личные споры и недоразумения и перейти к делу, с оружием в руках продолжать борьбу с кровавым врагом, прерванную 24 года назад.

Первым из гостей выступил Кубанский Атаман генерал В. Г. Науменко. Обрисовав положение Казачества в данное время, атаман особенно подчеркивает необходимость думать и строить свое благополучие казакам самим, в тесном единении с доблестным союзником — Германским народом. Далее Атаман в кратце информовав собрание о событиях в районе Барановичей, где находилось временное поселение казаков, отметил, что с большими усилиями, но все таки удалось вывести казачьи семьи и части из под большевистской угрозы.

Закончил атаман свою речь призывом к тесному единению всего Казачества и необходимости все силы свои отдать на пользу своего народа.

Атамана сменяет генерал А. Г. Шкуро. Подчеркнув, что не привык ораторствовать, генерал заявляет, что по приказу Райхсфюрунга СС, принял на себя обязанности начальника Казачьего резерва. С сегодняшнего дня возрождается старая казачья армия, со своими традициями. Казаки должны понять всю важность настоящих событий и дружно откликнуться на призыв. «Я глубоко верю», говорит генерал, «что каждый из нас в достаточной степени испытал на себе все ужасы московского жидомасонства и, когда является возможность с оружием в руках свести с ним счеты, станет в ряды своей армии по первому призыву. Кто неспособен к оружию, тот найдет себе работу в других отраслях, согласно своим силам и возможностям. Наши казаки воины приравнены к нормам германских солдат и офицеров, семьи обеспечиваются согласно нормам семей германских воинов. Казачьи семьи будут сгруппированы в безопасных районах и им предоставляется право жить там своей станичной жизнью. Сегодня я вам об этом говорю, завтра буду приказывать. Вы не ждите приказа и сами поспешите записываться в указанных местах и исполните свой долг перед своими семьями, особенно детьми, которым принадлежит будущее Казачества».

Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков отметил ту роль, какую сыграла Прага в жизни шестой эмиграции. Здесь на протяжении многих лет казаки черпали знания, присматривались к окружающей их действительности и приучали себя к работе на общественной ниве. Таким образом, Прага явилась духовным центром Казачества, как бы институтом для приобретения житейской мудрости и опыта и мы, казаки, должны использовать все приобретенное нами на пользу своей родины и своего народа. Сейчас для нас настал давно желанный решительный момент. Или мы проявим себя действительно сознательными казаками, осознавшими себя, или же будем ожидать милости нашего заклятого врага. Но напрасно многие думают, что сумеют избежать ожидаемой их кары от большевистской руки. Помилован никто не будет. Оратор на примерах Франции и Бельгии иллюстрирует вообще отношение к казакам, где были кровавые жертвы, павшие от руки даже не большевиков, а французов. Повторения таких эксцессов следует ожидать и в будущем и понимая создавшееся положение, казаки должны принять все меры к тому, чтобы спасти и себя и свои семьи от кровавой расправы. Вот почему уже казаки способные владеть оружием должны все поголовно стать в ряды своей казачьей армии.

Все ораторы особенно подчеркивали ту колоссальную работу и преодоления всех препятствий встречающихся на казачьем пути, которую пришлось вынести на своих плечах Руководителю КНД В. Г. Глазкову. Оба генерала отметили его энергию и настойчивость в казачьем деле.

Громкими аплодисментами собрание выражало свое одобрение всем выступавшим, во многих местах прерывая их речи.

Закончилось собрание пением общим хором Казачьих гимнов.

Под'ес. Шепель.

Два павших героя.

25 июля. Ранним утром грузовой автомобиль отходит в другой город, для сопровождения которого дается два казака вахенной команды, находящейся при NSKK во французском городке N, сформированной из казаков добровольцев-эмигрантов.

Автомобиль быстро катится по извилистому горному шоссе окаймленному зелеными кустарниками и изредка высокими выступами гор покрытых лесом. В таких местах особенно активно выступали террористы, нападая на проезжающих и эта поездка автомобиля оказалась роковой.

Террористы залегли в один из оврагов, заросших кустарником и с приближением автомобиля, бросили первую бомбу под передние колеса. Оглушительный взрыв застопорил колеса, шоффер и его помощник убиты. Казаки конвоиры открыли огонь. Вторая бомба и казак Улитин падает на землю сраженный осколком. Раздаются крики на французском языке: «руки вверх, сдавайся!» и в ответ полк. Короченцев начал расстреливать почти в упор, выскочивших бандитов, у которых видимо не оказалось больше бомб. Патроны на исходе, но полк. Короченцев решивший, что лучше смерть, чем позорный плен, израсходовав последний патрон бросает свой карабин в близко подбежавшего бандита, хватает другой, убитого товарища каз. Улитина, и как лев сражает прикладом одного за другим, окружавших его бандитов и, только сраженный в упор из револьвера, падает на землю, зажав в одной руке ствол карабина.

Через несколько часов были подобраны трупы героев, возле которых были горы расстрелянных патронов. О их подвиге рассказали французы из соседней фермы.

Полк. Короченцев, Леонид Викторович, 74 лет, ст. Кочетовской, Дон.

Каз. Улитин, Измаил Петрович, 59 лет, ст. Кумыженской, Дон.

У полк. Короченцева осталась во Франции старуха жена.

Оба они состояли в КНД и принимали в нем активное участие.

Казачество и история будут помнить о них.

Мир праху славным героям!

Др. Інж. Сергій Єрмоленко.

„Дике Поле".

I.

В історичних джерелах згадки про політично-організаційні й соціально-економічні відносини князівської доби є звязані з дружинно-торговельними корпораціями русичів, рутенів, росів, в той час як з пізніших часів всі згадки про вияви самостійного життя в цих ділянках вяжуться з козацтвом. Все життя, що бодай в малій мірі було проявом вільного буття народу, вяжеться до козачих створишувань або з ними звязаних, просвітньо-добродійних, цехово-добродійних, цехово-промислових та артільно здобувчих товариств.

Так само, нічого дивного не є в тім, що коли Московія вела боротьбу впродовж віків з територіями не монархічно організованими — Новгородом і Вяткою, — однак згадують лише про новгородський купецько-державний центр та Строгановські промисли, тоді як вся територія з офіційної московської історії є як будто пустою. Таксамо литовська й польська держава мала в Україні до діла однаково, як і раніша удільно-князівська доба є повязаною дієво, як у власній державі, лише з землями, які лежать на північний захід од лінії Глухів - Полтава - Кременчук - Черкаси - Умань - Камянець Подільський; що-ж до московської держави, то вона мала до діла з «Окрайной» на північ од лінії Острогожськ-Оскол - Білгород - Путивль. Все це аж до кінця XVII століття. Для них все, що було за цими гранями, є пустим Диким Полем.

1. Князі-ізгої звичайно удавались до Тмутаракані а звідти приходили з дружинами, які їм уможливлювали сісти на київськім великокнязівськім стільці. Це є та сама земля, яка для України аж до пізніших часів перехована зразок козачого устрою. Звязок в минулому утримувався безперервно населенням Курщини та Донеччини; про що співає й Боян у «Слові о полку Ігоревім».

2. Хто це були «татарські люде» і то в такій силі, що навіть не давали спокою Галицько-Волинській державі, яка підпирала Карпати та замикала дорогу Угорщині й Польщі? Предки цих татарських людей, як Берладники, посилювали добровільною військовою поміччю у перших боях з татарами, а за їхніми нащадками змагався старший Хмельниченко, який в тих боях зложив свою надійну голову.

3. Городове козацтво, «вольности» якого мусіли визнати й признати князі могутньої тоді Литви, зародилося на покраї Дикого Поля. Це була місцева військова сила, яка, надибана в цих краях, була мудро використана для охорони держави. Коли ж ця держава спробувала приборкати, знищити, городове козацтво, то воно перейшло у наступ та закрішило методи своєї організованости й поширило їх на північ-та захід, між одноплеменний український люд, в якому дрімали такі ж самі сили. Наслідком цього історичного процесу було змагання за козацьку гетьманську державу Війська Запорозького в Україні.

4. Запорозьке Військо Низове було лише оформленням організованости козацької української людности, яка неперестанно перебувала в просторах Дикого Поля на півдні від національного комплексу. І лише коли Запорожжя дало про себе знати проявами своєї сили, тоді вже й з останніх земель України відважніші одиниці йшли на Січ, щоб придбати лицарської штуки та здобути слави. Саме ж тубільне українське населення жило й далі по паланках.

5. Зовсім пізно, вже у XVIII. столітті, поширюючи свою владу на південь, Московські царі окупували також Слобідську Україну, але рахуючись з існуючим фактом, вони признали місцевому населенню «козачі вольности». Подібне сталося ще раніше на сумежній Чернігівщині та в городах курсько-воронізької «Окраїни». До речи кажучи й сама назва — Окраїна повстала як перекручення москалями незрозумілої для них назви, України — Вкраїни, і лише пізніше стала вживатися як тямка і для інших окраїнних країв московської держави.

6. На південному сході утворилося Донське Козаче Військо на нижнім Донці та Доні. Центром цього війська був Бахмутський городок, а пізніше Черкаськ на Дону. Це військо провадило багато військових акцій у спільці з Запорозькою Січчю. Найславнішою з таких є епопея здобуття у 1637 р. Азову (тоді першорядної, найновішої турецької кріпости з залогою янічарів) та в 1641 р. пять і півмісячне обстояння облозі 250-тисячної армії великого візиря, при знятті якої було вирубано кільканадцять тисяч турецького війська та спалено багато галер з турецької флоти. Однак ослаблене цією акцією Донське (Низове) Військо зеднується з Верхне-Донським а московські інтриги зкаламутили добросусідські відносини Дону з Запорожжям.

7. Донське Козацьке Військо було відірване від загально-козацького народнього пня ще початком XIII. століття татарською навалою та перебуваючи в сусідстві з Рязанським князівством московського народу, як і з сусідніми мордвинами, стосунками економічними, релігійними та почасти й популяційними, мовою наближалось до московської; хоча ж вимова та старий лексікон є подібний з мовою козацтва України.

8. Всі східні, хоч і малочисленні, але добре зорганізовані й міцні козацькі Війська: Яїцьке, Оренбурзьке, Сибірське, Єнисейське, Забайкальське, Амурське є відногами Війська Донського а Усурійське й Семиріченське — Війська Кубанського.

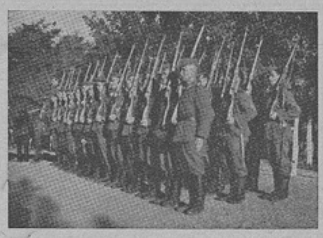
9. Знову ж до південних козацьких Військ виселилась більша кількість козаків з Придніпров'я, як Чорноморське на Кубані й Терське. Гребінське та скасовані Волзьке й Ставропольське участю козацтва Лівобережної і Слобідської України так і з Дону.

Всі козачі Війська, діставшись під московських царів, як небезпечні для московської державної системи своїм соціяльним і організаційно-політичним змістом, постепенно касувалися. Заводяться сословія: дворянське, міщанське та селянське, далі обмежуються права Військових Управлінь, потім касуються, а бажаючим лишитись козаками пропонується переселитися на нові землі, які мають собі відвоювати, або ж вселитися до ще не скасованих козачих Військ.

Козаки, як військова сила, були незамінимими, — нераз приходилось царям нарікати на своїх попередників за скасування козачих Військ (так нарікав Микола I на Катерину II, бо не мав ким боронити Севастополь). Так і за посліднього десятиліття большевики, з огляду на примару війни, були примушені в СССР заснувати, або вірніше, дозволити вживання назви «козачого війська», але вже з цілковитим обмеженням політичних і організаційних історичних природньо-козачих особливостей.

Але тому, що не по царському указам набуваються чи страчуються козачі прикмети, а є витвором духових і моральних прикмет народу, бо «козаки од козаків водяться», то й ми собі це пригадаймо та добре затяммо.

Німецький націонал-соціялізм, стоючи на грунті расового походження народів, узнає Козацтво за нарід зі своєю історичною особистістю та державністю. Цим дається козакам всіх Військ можливість створити єдиний державний організм, який, дбаючи про особливості поодиноких частин, може забезпечити всім разом можливість розвиватися по власних козацьких звичаях.

Эти бравые казаки первыми включились в новые казачьи формирования. Их примеру последуют все сознательные казаки.

Archiv „Der Kosakenbote".

взволнованно командир батареи, — я переправляю свою батарею и не уступлю места пока не переправлю последнего своего орудия.

— Как Вы сказали? Вы еще смеете говорить таким тоном с командиром дивизии?! Я проучу тебя мальчишка. Ты разговариваешь с генералом. — И с этими словами он быстро расстегнул ворот ватной красноармейской куртки, откуда выглянули две звездочки на генерал-майорских петлицах.

— Извините меня, но я только теперь убеждаюсь, что говорю с высшим командиром...

— Ты еще будешь разговаривать! — кричит взбешенный комдив и, обращаясь к стоящему рядом с ним начальнику особого отдела НКВД лейтенанту госбезопасности П., резко бросает:

— Слушай П. Приведи в «порядок» этого нахала!

Среди собравшейся тысячной толпы красноармейцев и командиров переправляющихся частей этот случай вызывает бурю негодования. Доносятся выкрики:

— Как Вы смеете так говорить с командирами, будь Вы хоть сто раз генерал!

— Можно было-бы повежливей!

А из-за дальних рядов уже совсем откровенно-насмешливо несется:

— Вместо того, что навести порядок шкуры свои спасают! Сволочи!

— С такими генералами напобеждаешься!

— «Драпать» могут только!

— В Академиях научились!

Начальник Особого отдела подходит к командиру батареи и негромко, взяв его за правую руку, говорит: — «Пойдем в сторонку. Мне нужно с тобой кое о чем потолковать».

Оба выходят в сторону и скрываются незамеченные в темноте. Наша небольшая группка молчаливо стоит на берегу. Уже распоряжается начальник АБТВ (автобронетанковых войск) дивизии капитан Н., протискивая наши эмки к переправе. Командир дивизии сидит в своей машине. Переправа свободна. Медленно, раскачиваясь всем корпусом двинулась к переправе головная эмка при жутком молчании толпы. Резкий хлопок револьверного выстрела неподалеку...

— «Пропал бедняга» — проносится в голове. Я безошибочно угадываю печальный исход «переговоров» — пуля в затылок опытной чекистской рукой — мгновенная смерть: ужасная, кошмарная, потрясающая — осиротевшая батарея! Убийство на глазах — на виду у всех!..

Мутило что-то внутри. Из глубины поднималось гадкое, скверное чувство омерзения. За что погиб человек?

От'ехав от переправы с полкилометра, колонна останавливается. Подтягиваются растянувшиеся машины. Я медленно обхожу колонну. Около эмки начальника Особого отдела — темная группа и голос, леденящий мою душу с спокойным цинизмом, рассказывает:

— Я ему говорю, — ты чего разоряешься перед командиром дивизии? За это тебя следует расстрелять на месте, как невыполнившего приказания старшего начальника. А он мне возражает еще: — Я же извинился перед ним, что Вам еще надо. Разве я знал, что со мной говорит генерал, у него это на лбу не написано. Оставьте меня в покое. У меня есть люди, батарея. Если Вы, — говорит, — недовольны моим поступком вот № моего полка — пишите об этом случае командиру полка. И хотел уходить.

Тут я уже сам рассердился, — продолжает рассказчик, — вот сволочь, думаю, все равно «шлепну». Вы знаете ведь мой характер, будь здоров не кашляй, от меня уйти не так просто.

— Стой голубчик, ты, чтож это не подчиняешься органам государственной безопасности? — Он опять рвется уходить.

Я ему тогда говорю: — Мы не кончили еще разговор, а будешь уходить — шлепну. Когда он услышал слово «шлепну» — затрясся весь и давай кричать — «за что ты будешь меня расстреливать? Что я контр-революционер что-ли? Я орденом Ленина награжден. Вон смотри.

Попробуй-ка расстрелять!

— Ааа — «попробуй!» Пожалуйста. Становись. Вот так. Ты сейчас увидишь как «пробуют» у нас.

Он даже не пикнул. Как стоял, так и упал лицом вниз. Вы знаете как работает моя «машинка» — голос рассказчика обращается к невидимым собеседникам. Слышно похлопывание ладони по деревянной крышке маузера. Вся группа чекистов, стоявших у машины, смеется.

Никогда не забуду этого отвратительного, животного злобно-торжествующего их смеха...

— Подбежали откуда-то его друзья, — продолжает рассказ в том-же духе, — кричат, ругаются, — что ты натворил тут сволочь?!

Но я не дурак. Ха-ха-ха! Кричу им:

— Вот шпион! Так ему и надо. Выше классовую бдительность товарищи! Ха-ха-ха! Это меня спасло.

Иначе...

Я больше не слышу и ухожу от этого гнусного падача подальше, чтоб ничего не видеть больше и не слышать. Хватит. Какой уже по счету на его черной совести этот случай?..

Серый рассвет. Ночь, крадучись, уходила побеждаемая бледными признаками рождающегося дня. Колонна медленно вытягивалась. На последнем повороте дороги, я бросил взгляд на переправу, — оттуда по-прежнему доносился тысячеголосный гомон и в косых лучах восходящего солнца уже кружились стальные птицы...

Все живые силы Казачества инстинктивно сознают, что от исхода сегодняшней борьбы зависит или полное физическое уничтожение Казачества и каждого в отдельности казака или же возрождение Казачьего Народа к новой лучшей и светлой жизни.

(В. Авилов, «К. В.» № 13 (70).

И. Лукинов.

Что нас, казаков, об'единяет?

Сильная, красочная кубанская природа являлась для меня в детстве радостью, особым наслаждением к возвышенным мечтам и к нежному чувству любви ко всему окружающему. Бесконечные степные пейзажи с раскинувшимися повсюду зеленеющими станицами и хуторами, украшенными сияющими от солнца куполами красавиц церквей, разбросанными всюду буйными хлебами, сочными лугами и стройными, ласкающий человеческий взор мягкими лесами, прилегающих к Кубани и ее притокам, — все это меня, бывало, радовало, веселило и поднимало мою мечтательную детскую душу, вселяя откровение прекрасной кругом жизни, особенно нашей природы, созданной Творцом Вселенной. Да и люди того времени казались мне совсем иными. Все, вопреки сомнениям и противоречиям ученых, ценили жизнь и находили в ней ее смысл, что давало им уверенность в том, что существует что-то Высшее, ради чего стоит жить.

Позднее, когда пришлось взяться за науки, основательно познакомиться с новой материалистической философией и всевозможными «измами», мысль как-то постепенно начала испытывать болезненные сомнения во всем, т. е. не только в тех или других догмах, но и вообще в смысле существования человека. Вся эта путаница мыслей, противоречий, необоснованных теоретических споров, а от этого сознание полной неизвестности вселенной и полное неведение путей, какими следует человечеству идти, вселяло в каждом из нас чувство одинокого путника без компаса среди беспредельного и неизвестного людского океана. Многие из молодежи, набросившись с жаром, чтобы не отстать от «модных новых идеалогических вопросов», на изучение новых веяний, но не разбираясь в материалистических философских измышлениях и утратив **достоверность жизни**, впадали в отчаяние, когда им казалось, что самая жизнь есть обман, что истина, как таковая, является иллюзией, которую нужно отбросить. Это вызывало у многих апатию, отчаяние, охлаждение и безразличие к общественной жизни, а особенно полное разочарование в своем мировоззрении, когда им казалось, что можно одним измахом все пересоздать, перестроить и превратить весь мир в земной рай.

Мы, казаки, как тесно связанные с природой, в таких случаях ехали в свои родные станицы, в степи, к своим близким, ближе к природе. Там мы отдыхали душой и телом от гнетущего чувства пустоты, бессодержательности отвлеченной мысли и массовых противоречий, и находили ответы на все неразрешенные вопросы. Там, как в зеркале, видно было, что для того, чтобы жить и наслаждаться жизнью, надо почувствовать себя частицей природы, этого великого мирового целого, которое живет и в нас.

Помню и я такое разочарование. Но достаточно было приехать в станицу, по вечерам послушать дивные песни наших станичных хлопцев и девчат, которые беззаботно веселились, чувствовали простое радостное ощущение жизни без всяких «вопросов» и «ответов», сразу все сомнения отпадают. Как все казалось в станице просто, натурально, красиво, именно все шло так естественно, как все естественно делается в природе, с которой наши казаки были так крепко спаяны.

— Кто любит природу, тот не знает тоски, — говорит Либон. И действительно, нас, казаков интеллигентов, всем сердцем любящих природу, неразрывно с нею связанных, всегда тянуло в свои станицы, в свои родные края, к своим близким людям, где каждый из нас предавал забвению все мучительные искания, томящие душу сомнения, становился равным со всеми, предавался беззаботному веселью, воспринимал жизнь так, какой она есть на самом деле.

Мы, так сказать, дополняли друг друга — интеллигенция несла в станицу образование, культуру, прогресс, а станица являлась для интеллигенции противоядием против токсинов общественной жизни. Эта именно гармония и была результатом тех огромных успехов экономических и того колоссального духовного и материального под'ема, которые наблюдались в казачьих краях перед войной 1914 года.

И в настоящее время, когда Европа переживает трагедию гибели культуры и цивилизации, когда решается вопрос жизни или смерти отдельных наций и когда отдельные лица и даже некоторые народы заблуждаются и идут по неведомым путям, казаки и тут со свойственным им природным чутьем поняли и вполне оценили создавшееся трагическое положение, когда наступило время об'единения всех казачьих сил для одной цели. Первый из казаков, Войсковой Атаман Генерал Науменко, как старший казак, знающий лучше всех нас казаков, их настоящую жизнь и традиции, подал пример, призывая к полному об'единению всей казачьей интеллигенции и казаков, чтобы, как и в былое время, снова взаимно дополнить друг друга, если кто за время нашего рассеяния утратил достоверность казачьей жизни, и общими силами выйти на казачью дорогу.

Никербокер о СССР.

Недавно в американской газете «Нью-Йорк Ивнинг Пост» известный журналист, «король репортеров» и первый сотрудник Рузвельта Никербокер правдиво высказался о положении в Советском Союзе.

Никербокер долго жил в Москве и на протяжении многих лет из'ездил Советский Союз. Он соприкасался со всеми слоями населения и составил себе истинную картину советской жизни.

Он пишет:

«Нет никакого удовольствия, вскрывать недостатки державы, которая хотя бы временно находится в борьбе с нашим злейшим врагом, храбро сражается и пролила больше крови, чем все остальные противники нашего врага вместе взятые.

Основная слабость Советского Союза и корень всех зол заключается в том, что большевики исповедуют и проводят в жизнь принцип — цель оправдывает средства и положили этот принцип во главу угла своей политики. Как следствие этого принципа является террор, оказавшийся главным оружием в борьбе за социализм, и обратно, именно террор сделал осуществление социализма невозможным. Непрерывный гнет террора на массы оглушил их. Промышленность сосредоточилась на производстве военного материала, а производство предметов ширпотреба никогда не переступало границ прожиточного минимума Советский Союз превратился в государство, пребывавшее в состоянии вечной нищеты. Все население Советского Союза живет в безнадежной бедности и под постоянным страхом. Поистине, советские граждане несчастнейшие 200 миллионов людей, которым когда-либо приходилось жить под одним флагом, а именно в бесконечных рядах бараков и беднейших кварталов, покрывающих одну шестую часть земного шара от Ледовитого океана до Черного моря и от Охотского моря до Балтийского. Представьте себе это обширное пространство с его многочисленным населением и подумайте о том, что от одного конца страны до другого, за исключением высших чиновников, немногих представителей искусства, журналистов и других привилегированных классов, составляющих лишь несколько тысяч человек на 200 миллионов, нельзя найти ни одной семьи, имеющей то питание, одежду, мебель, необходимейшие предметы обихода и удобства, которые имеет рядовая рабочая семья в Соединенных Штатах.

Живя в Москве, я ознакомился с жизненным уровнем советского рабочего на лучших фабриках столицы. Эти рабочие находятся в более благоприятных условиях, чем все остальные рабочие Советского Союза. Я посвятил три месяца изучению жизненного стандарта типичных рабочих семей в небольших капиталистических странах. Взятые мною для сравнения капиталистические страны принадлежат к беднейшим на свете. Все они пострадали за время мировой войны больше, чем в целом Россия; им приходилось создавать свое новое национальное бытие из ничего, без капитала и без кредитов. И тем не менее и в Финляндии, и в Эстонии, и в Латвии, и в Литве, и в Польше средний рабочий жил, по крайней мере, в два раза лучше, чем рабочий, имеющий самое хорошее положение в Советском Союзе».

В таких же безотрадных тонах описывает Никербокер жизнь крестьянского населения: «Уровень жизни крестьян в их коллективных хозяйствах в общем и в целом настолько низок, что нельзя было бы назвать ни одной другой значительной группы белых людей, которые влачили бы такую жизнь. Жизнь советского крестьянина ничем по существу не отличается от жизни крепостного. Его взаимоотношения с колхозами вполне соответствуют отношениям крепостных к их владельцам. Во времена крепостничества помещик мог наказать своего крепостного, советского крепостного теперь может наказать НКВД, и при этом без суда и следствия. Но в то время, как при царях помещики не имели никаких прав на жизнь и смерть крепостных, НКВД распоряжается жизнью и смертью не одних только крестьян, но каждого человеческого существа в Советском Союзе.

Царская «охранка» представляется нам ныне, по сравнению с ГПУ, благотворительным обществом. Сам оберпалач Сталин пять раз находился в руках тех самых людей, расправе с которыми он впоследствии способствовал. Можно без преувеличения сказать, что ни один из большевистских главарей не остался бы в живых, действуй царская охрана по принципам, присущим советской полиции.

В Советском Союзе сначала были провозглашены ненависть и убийство, чтобы очистить страну от всех классов враждебно относящихся к социалистическому миру и тем самым расчистить путь для более счастливой жизни. Пролетариат и крестьянство, следуя коммунистическому учению, начали с того, что стали ненавидеть царя, дворянство, банкиров, владельцев фабрик, инженеров, учителей, подрядчиков, врачей, присяжных поверенных, священников, полицейских, одним словом, — ненавидеть каждого, кто занимал положение, заведомо возвышавшее его над общей массой. Потребовалось почти десять лет, чтобы перебить всех этих людей и тогда большевики начали ненавидеть и убивать более зажиточных крестьян. Я был в Москве во время расправы с последними жертвами первой группы и потом вновь, при истреблении второй группы. Когда последние опознанные враги большевиков исчезли в подвалах ГПУ или в Сибири, мы задали себе в Москве серьезный вопрос, что эти одержимые бешеной ненавистью люди будут делать, когда в конце концов не окажется классов, которые нужно ненавидеть. Мы задумались над этим не ради шутки. Для большевиков стало необходимостью иметь об'ект ненависти; и когда таковой бывал уничтожен, начинались поиски нового».

Еженедельные собрания членов Казачьей Национальной Станицы в Праге происходят по субботам в помещении ресторана на Хавличковой улице номер 4. Собираются с 6 часов вечера.

ХРОНИКА

— 22 августа с. г. немецкими властями был вызван в Берлин по казачьим делам Руководитель Казачьего Национального Движения инж. ст. В. Г. Глазков.

— 25 августа Руководитель в присутствии немецких представителей имел встречу с Начальником Главного управления Казачьих Войск генералом от кавалерии П. Н. Красновым.

— 5—7 сентября Руководитель посетил Н-ский Казачий батальон, ставший основанием новой, формируемой Казачьей дивизии. Казаки тепло и радушно приветствовали Руководителя, который имел вместе с представителями немецких учреждений долгую беседу с казаками.

Кроме того, Руководитель посетил целый ряд городов Германии, в которых сосредоточены казаки.

— 12 сентября Руководитель КНД имел встречу с Кубанским Атаманом генералом В. Г. Науменко, с которым беседовал о положении казачьего вопроса и о стоящих перед казаками задачах.

— 16 сентября с. г. в Прагу прибыли из Берлина Кубанский Атаман ген. В. Г. Науменко, ген. А. Г. Шкуро и Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков, которые были на вокзале встречены представителями местных организаций во главе с инж. В. А. Доценким и инж. В. Н. Шелестом.

— В воскресенье 17 сентября в помещении ресторана на Гавличковой ул. 4, состоялось собрание членов Казачьей Национальной Станицы в Праге. Зал был переполнен. Собрание посетил командир формирующегося казачьего корпуса ген. лейт. А. Г. Шкуро и Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков.

Казаки шумно приветствовали своих вождей и единодушно выразили желание скорее очутиться в рядах своей казачьей армии.

— На очередном субботнике Казачьей Национальной Станицы в Праге, 9 сентября, краткое сообщение на тему «Судьба Казачества», сделал генеральный секретарь КНД. В. Т. Еремеев.

Отметив природную способность казаков к организованной жизни, докладчик подчеркнул, что и за рубежом Казачество не потеряло своего лица, а наиболее идейные и жертвенные из его среды посвятили себя служению национальной идее. Эта идея всецело поглотила их и не считаясь с препятствиями, встречающимися на пути их деятельности, они беззаветно следуют по избранному пути, ведущему к возрождению Казачьей государственности. Тяжелый это путь. Вокруг слышатся злобные шипения, они окружены тесным кольцом врагов готовых каждую минуту задушить их. И нужно обладать исключительной силой воли и глубоко верить в святость своей идеи, чтобы выдержать борьбу до конца. В казачьей массе все больше ширится самосознание и казаки с большим вниманием прислушиваются к голосу своих вожаков, стараясь по мере возможности облегчить их задачу.

Судьба Казачества, это не судьба отдельных личностей, она одинаково касается всего Казачьего народа и вследствие этого в одинаковой степени накладывает обязательства на каждого исполнить свой долг перед Родиной и будущностью. Но для того, чтобы принять участие в общей национальной работе, не достаточно зарегистрироваться и числиться на бумаге членом. В этот решительный момент все казаки обязаны проявить не только свое единство и твердость в решении бороться за свою лучшую будущность помня, что казачье счастье в казачьих же руках.

К сожалению, не все казаки принимают участие в своем же общем деле. Большинство стоит в стороне, наблюдая только за всем, что происходит. Но этого недостаточно, ничего сами не делая, они позволяют себе критиковать деятельность работающих, умаляя таким образом престиж Казачьего Национального движения.

Мы стоим накануне исторических событий, решающих и судьбу Казачьего Народа. Подготовлены ли мы к этому это покажет недалекое будущее. Что же нам нужно еще сделать? В нашей организованной жизни нужен еще порядок и мы обязаны его полностью соблюсти, нам необходимо сохранить полное единодушие и всемерно поддерживать престиж своего Руководителя, с полной готовностью исполнять все его поручения.

Каждое собрание казаков должно проводиться в обстановке серьезной и напряженной работы. Пора перестать заниматься пустословием. Праздные разговоры, личные интересы должны уступить место деловой беседе и плодотворной работе нашей. Только сильный духом народ способен творить великое дело, ведущее к возрождению Казачества. Казачий народ должен иметь твердый характер и настойчиво добиваться прав на свое бытие.

С большим вниманием прослушали собравшиеся это сообщение, наградив докладчика дружными аплодисментами.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

30 августа с. г., после тяжелой и длительной болезни, умер казак станицы Мигулинской, Дон, Николай Григорьевич Фролов.

Покойный почти все годы емиграции прожил в Чехии, был твердым казаком националистом, трудолюбивым работником и хорошим семьянином.

1-го сентября состоялись похороны покойного в Ржичанах у Праги, на которых присутствовали представители от НКД во главе с атаманом Пражской станицы, много его друзей-станичников и представителей рабочих с оркестром от фабрики, на которой работал покойный. Отпевание совершал православный священник о. Вениамин.

Мир праху Твоему, дорогой станичник!

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

Болдырев Иван Андреевич, Дон, Кривянской стан, разыскивает родственников и одностаничников. Писать:
Boldyreff, Magdeburg-Neuestadt Werkheim I., Wasserkunst.

Фетисов Федор Дмитриевич, ст. Митякинской хут. Нижний Митякин, разыскивает брата Талалаева Ивана Федоровича и дядю Бондаркова Тихона Григорьевича. Писать по адресу:
Fetisow Fedor, Magdeburg, Lager Maybachstrasse 9.

Костылев Василий Александрович, ст. Верхне-Кундрюческой, Дон, разыскивает Тихановского Михаила Карповича, эмигрировавшего в 1920 году: Агаркова Ивана Федоровича, Шеляйкина Виссариона Яковлевича, Губкина Пантелея Федоровича. Прошу писать на «Казачий Вестник».

Прохоров Тимофей Васильевич, Багаевской станицы, Дон, разыскивает племянника Прохорова Василия Яковлевича, Прохорова Василия Ильича, Прохорова Андрея Васильевича, Прохорова Василия Андреевича (подхорунжий), Чеботарева Юлью Федоровича ст. Белокалитвенской, Выприжкина Павла Анисимовича ст. Багаевской. Прошу писать на «Казачий Вестник».

Черемисов Петр Леонтьевич, Манычской стан., Дон, разыскивает Еринкина Василия Семеновича, Еринкина Ивана Семеновича. Писать на «Казачий Вестник».

Божок Федор, разыскивает брата Григория, родившегося в Черниговской губ., Глуховском уезде, в селе Холопков. В 1920 г. уехал в Чехию. Писать на «Каз. В.».

Коркишко Федор, ст. Незамаевской, Кубань, просит отозваться: А. Ленивова, В. Криштопа, Юрова, Салтовца. Писать:
Gemeinschlager, Zweiniger der Fa. Moll & Co, Jacobstr. 8—12. Chemnitz i/Sa. (10).

Лесик Володимир Йосифович з Турки, окр. Дрогобич, пошукує зі своєї родини, Лесиків Йосифа, Анну, Любомира і Віктора. Писать:
Lesyk Wolodymir, Lager-Holthausen, Bauer A. Frecking.

Бондаренко Николай Трофимович и Филиппов Яков Иванович, разыскивают Бондаренко Елену и Филиппову Галину, ур. станицы Баталпашинской, Кубань, выехавших из Варшавы в Германию 30. 7. 44. Писать:
S. S. Feldpost N. Bondarenko, Radom, Schuma (Kos.) Batl. 210.

Куликова Александра, род. 1924 года, разыскивает его отец.
Kulikow Nifodi, Fernmeldebauzug I. ZTW. Brest-Litowsk. Lufthafen Bf. Rhein-Main b/Frankfurt a/M.

Нетреба Иван, из Харцызска, разыскивает сына Евгения, находящегося при немецкой военной части. Писать:
Iwan Netreba, Kettwig- (Ruhr) Baumeisterei 59, Lager „Flora" (22).

Шкарупа Николай из г. Константиновки, разыскивает племянника Савостина Михаила, находящегося при стекольном военном заводе. Мой адрес:
Schkarupa Nikolaj, Kettwig (Ruhr) Bahnmeister 59, Lager „Flora" (22).

Кочевой Александр из Токмака, разыскивает племянника Павла Христенко, служащего при больнице врачем. Писать:
Kotschewoj Al. Kettwig (Ruhr) Bahnmeister 59, Lager „Flora" (22).

Гриценко Роман из Прохладного, разыскивает сына Василия, род. 1922 г., поступившего добровольцем в Кубанский казачий полк и казаков ст. Егорлыцкой, Дон. Писать:
Gritzenko Roman, Luxemburg, Bohnewegstr. 60. (22).

Лесик Володимир, розшукує осіб, котрі знаходяться в опернім Україн. театрі: Кузьмин Василь та Макарук Євген. Моя адреса:
Lesyk Wolodymyr, La. Holthausen Bauer Anold Frecking.

Леонтьев Александр, разыскивает: 1) Леонтьева Федора Александровича, род. в 1900 г., эмигрировавшего в 1920 г. из Севастополя и жившего до сих пор в Париже. 2) Кирсанова Евгения Аполлоновича, р. 1900 г., его жену Лидию Александровну и их сына Юрия. 3) Дмитриева Константина Трофимовича, род. 1917 г., артиста Николаевского театра и его жену Неонилу, тоже артистку. Все из гор. Николаева Херсонского. Мой адрес:
Radom (Gen. Guw.) SS. Feldpost 210 Schuma kosakenbatalion unt. ofiz. Alexander Leontiew.

Заборская Людмила, ищет брата Алексея Павловича Заборского, сына есаула бывшего 6-го Оренбургского казачьего полка. Сообщить по адресу:
Püttner, Wien 107. Rötzerg. 17—5.

Колотовичев Яков Епифанович, ст. Гундоровской, Дон, разыскивает сына Николая, выбывшего 9. II. 43. со ст. Изварино Сев. Донецкой жел. дор. Писать на «Казачий Вестник».

Астахов Григорий, стан. Луковской, Терек, разыскивает Виктора и Георгия Дмитриевичей Беловых. Писать на «К. В.».

Шляхов Сергей, разыскивает дядю Стефана Михайловича Шляхова, эвакуированного в 1940 г. из Дивинского района и зятя Мамотова Ивана Семеновича, хорунжего Каз. Войск. Писать:
Feldpost 28264.

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра инж. В. Глазкова «Крах наших москвофилов».
Стоимость ее 50 Rpf. с пересылкой.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —
Aufsichtsamt Nr. 25.

UNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 20 (77) 4 JAHRGANG / 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го ОКТЯБРЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

Инж. В. Глазков.

Накануне Казачьего Праздника.

Накануне Всеказачьего Праздника необходимо, хотя бы вкратце, напомнить станичникам о его значении в прошлой и настоящей жизни Казачества.

Праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября (по старому стилю 1 октября) был на Дону наибольшим праздником. Донцы, а с ними и все другие казаки, считали Матерь Божию своей Покровительницей. Множество казачьих храмов было посвящено этому празднику.

Кроме того, на Дону, а следовательно и в других казачьих Войсках, находившихся под непосредственным и сильным моральным влиянием Дона, как основного гнезда, откуда разлетались по многим рекам славные казачьи орлята, собирался 1 октября Войсковой Круг, который решал все важные государственного значения вопросы Войска. В этот же день казаки с присущей им сердечностью совершают молитвы за упокой всех Вождей и воинов Казачества на поле брани убиенных, в заточении и изгнании и от ран скончавшихся, и молебен о здравии и благоденствии всего Казачьего Рода.

Целый ряд больших исторических событий прошлого так или иначе связывается с днем Покрова. И прежде всего историческая дата славной обороны Азова — мирового события, вписавшего страницу легендарного казачьего героизма и возведенного Казачеством в религиозный почет своих героев, которые проявили величайшие подвиги казачьего духа, крепости и непреклонной воли в борьбе за свободу и жизнь своего народа. Своих лучших сынов Казачество возвело в ореол казачьей национальной святости и неувядаемого исторического примера казачьего самосознания. И чем горше были дни для Казачества, чем тяжелее была борьба казаков за свое существование, тем ярче горел и будет гореть этот светоч казачьей чести и долга, тем крепче тянулись казаки к своему прошлому, которое питало их, укрепляло и давало им все новые и новые силы и укрепляло их веру в правоту своего дела.

И Рада Войска Запорожского, преемником которого является Черноморское, а позже Кубанское Войско, собиралась в день Покрова и праздновала свою излюбленную и глубоко чтимую Покровительницу, заступницу и защитницу Войска Запорожского на земле и на водах, на вольной широкой степи, в горячем бою и в тяжкій неволі — Покрова Пресвятой Богородицы.

День Покрова был и является действительно праздником, который издревле праздновало все Казачество и который духовно об'единял всех казаков, весь Казачий Род.

И здесь, на далекой чужбине, этот казачий праздник проходил с особой трогательностью. В тяжелых условиях зарубежья, в чужой обстановке сердца всех казаков тянулись к тому, чтобы хоть однажды в году собраться всем казакам, и не только в данном населенном пункте, но повсеместно, везде, где только есть хоть небольшая группа казаков, в одну тесную семью, чтобы, вопреки всем разногласиям, живо почувствовать свое племенное единство, что все мы дети одной казачьей семьи, что сознание этого единства и залога жизненности Казачества живо и не умирает в сердцах казаков.

В день Покрова сердца и мысли всех казаков, томящихся на чужбине, обращались прежде всего туда, в далекие и милые казачьи станицы и хутора, на степные казачьи просторы. По установившейся традиции в этот день в местах казачьего расселения читаются доклады и лекции, посвященные Казачеству и его славной истории, из которой мы черпаем новые силы и вдохновление для дальнейшей борьбы за свободу и для работы на пользу своего Казачьего Народа.

Всеказачий праздник Покрова связывает нас духовно с тем историческим прошлым нашего народа, которое дает нам силы и энергию перенести все испытания, выпавшие на долю Казачества, и с честью и достоинством отстоять наше право.

День Покрова пробуждает в сердцах всех истинных казаков крепкое сознание казачьего единства. Это сознание своей принадлежности к единому казачьему целому было всегда присуще каждому казаку, где бы он ни находился и к какому бы лагерю ни принадлежал. Казаки же теперь разбросаны по всему миру. Нет ни одного уголка мира, где не были бы сейчас казаки. Но где бы они ни были, в городе или селе, на фабрике или в шахте, они прежде всего стремятся к своему брату-казаку, к своему родному Казачьему Краю и жаждут его освобождения от большевицкого ига. И в бою казак силен оттого, что убежден в братской, товарищеской спайке, и уверен, что в минуты смертельной опасности его не подведут и не бросят свои казаки-односумы.

Эта спайка, это сознание кровного родства и нашего казачьего единства должна проявиться во всей своей силе особенно теперь, в переживаемое нами тяжелое и ответственное время. В нынешней борьбе за свое существование Казачество должно проявить очередное напряжение всех своих духовных и физических сил, отстоять свое право на жизнь и быть достойным своих славных предков — героев Азова.

Только своим полным и крепким единством, только сосредоточением и приложением всех сил мы можем завоевать свою Свободу и свое возвращение в родные хутора и станицы. Без борьбы, и при том борьбы тяжелой и упорной, без жертв, без дружной и активной работы по обеспечению казачьих прав и интересов немыслимо наше возвращение на просторы Казачьей Родины. Немыслимо оно и без поддержки и всестороннего содействия нашего великого союзника — Германского Народа. Вот почему каждый казак должен быть всегда и до конца честным и верным союзником Германии и приложить в нынешней судьбоносной борьбе все свои силы, знания, опыт и тем оправдать добытую его предками славу и право на свою собственную казачью жизнь.

Вниманию читателей «Казачьего Вестника»!

Вследствие невозможности увеличить число выпускаемых экземпляров газеты, администрация «Каз. Вести.» не может удовлетворить просьбы всех казаков о высылке им газеты.

Читателям «Каз. Вестн.» предлагается по прочтении газеты передавать ее для прочтения другим казакам.

Казачьим организациям предлагается по возможности уменьшить число выписываемых ими экземпляров «К. В.» и тем дать возможность новым казакам-подписчикам иметь свою казачью газету.

Войсковой Казачий Праздник.

1 (14) октября — день Покрова Пресвятыя Богородицы — вечно памятный казачий день. Особенно памятен он у донских казаков.

Столько славных событий произошло в хмурные осенние дни около этого дня.

23 октября 1579 года, на реке Иртыше Ермак Тимофеевич нанес страшное поражение татарам. Началось завоевание Сибири.

27 сентября 1641 г. случилось чудо спасения Донского войска, вышедшего из Азова для последнего смертного боя с турками и нашедшего турок в полном отступлении.

4 октября 1813 г. — славная атака лейб-казаков под Лейпцигом решила сражение и положила начало падения славы Наполеона.

Со времен стародавных связали донцы судьбы свои с Богородичным днем Покрова. Назвали они свое Войско, свою Землю — «домом Пресвятыя Богородицы».

Ко дню Покрова собиралось все великое Войско Донское на Круг. На нем подсчитывались итоги совершенных за лето набегов, поисков и военных походов. На нем избирали Атаманов Войскового и Походного. Составляли планы, как провести холодную степную зиму; кому и куда направить новые поиски, набеги и походы за славою и за добычью.

День Покрова — суровый праздник казачий. В этот день сугубо пламенны молитвы казачьи перед иконой Пречистой.

———

Точно вижу Ее, нашу Заступницу и Покровительницу — Аксайскую Божию Матерь.

Небольшой, квадратный образ. Темный, суровый Лик. В добольшевистское время в каждом станичном соборе, в правом приделе, в богатом, деревянном ли киоте, или киоте из полновесного серебра, под стеклом, стояла Аксайская Божия Матерь. Вся в жемчугах...

Жемчуг — слезы. Слезы казачек. Если тяжела доля воина-казака — доля казачки еще тяжелее. У мужа, у сына, у отца, у брата — тяжесть походов, опасность боев, страдания от ранений — но и какая радость, ни с чем несравнимая радость победы!.. Какая легкая смерть в сознании свято исполненного долга!..

У казачки — тяжелый, непрерывный труд сохранить курень ушедшего в поход; воспитать его детей. Сделать их казаками.

В страшные годы большевистской тьмы, в разоренном курене, у нетопленной печи, шепчет голодная казачка на ухо мальчику сыну:

— Люби тихий Дон!.. Не забывай Бога и Родины!

— Люби нашу родную Кубань. Молись за своего отца! Он далеко от нас!

— Дорожи именем Терского казака! Помолимся за убитого «ими» твоего отца!..

Льется тихая речь. Воспоминания того, что было... Рассказ матери о том, что такое казак. И все шопотом. Разве можно такое говорить в царстве сатаны и жида? Не услышал бы кто!.. Не донес бы!.. Услышат, узнают, что казак — замучат, застрелят... Лютою смертью казнят...

Исход с родных могил в лютую зиму 1943 года... Поход жен и детей, ушедших в скитания за своими казаками. Колонны скрипучих арб и телег по снежным сугробам. Пурги; заносы; снеговые сугробы. Плач детей. Мычание голодного скота. Истощенные лошади. Не дни, но долгие месяцы. Поиски земли, где преклонить голову, где вздохнуть свободно и сесть за труд... И ни слова ропота. Тихая покорность судьбе. Вера в спасение...

В старые годы, когда истаевали казачки в слезах по ушедшему мужу или сыну — обращались их слезы в жемчуг и украшали они ризы Пречистой Аксайской или Донской Божией Матери.

Тот жемчуг — слезы, вековые казачьи слезы содрал с икон под дьявольский смех жида красноармеец большевик и наполнил им свои карманы.

В теперешних лишениях уже не плачет казачка — слез нет — слишком велико ее горе. Сурово сдвинув брови, затаив злобу и месть, она готовит с сынами своими победу. Поплачет потом... У себя, на развалинах отцовского куреня... Дома... Тогда, воздвигая храм славы казачей, придет она и украсит икону Пречистой слезами-жемчугами краше прежнего...

Но те тихие слезы будут не рыданиями горя, но **слезами радости возвращения.**

———

Наш нынешний праздник войсковой, родные казаки, мы отпразднуем по казачьему. Общим сполохом! Общим сбором в поход для великой и славной победы. Помянем дела и подвиги Ермака Тимофеева, подвиги славных Азовских сидельцев, подвиги лейб-казаков Донцов и Черноморцев под Лейпцигом и, памятуя о них, добудем нашу полную и окончательную победу.

Начальник Первой Казачьей дивизии, генерал-лейтенант фон Паннвиц привез нам из Ставки Вождя Германского народа — «признательность Фюрера за верность, настойчивость и за жертвы, принесенные каждым казаком. Жертвы нужные для того дня, когда наши победоносные знамена снова будут развеваться над Казачьей Землей»...

Нынешний наш общий войсковой праздник примем, как начало великого похода на восток, как обетование славной победы, счастливого возвращения для бодрых трудов создания свободных наших Войск в союзе с Великой Германией.

«Трубит труба, сзывает, торопит в бой бойца!»...

С праздником поздравляет вас всех, ваш старый казак, горячо, как детей своих, любящий

Петр Краснов,
Казак Каргинской станицы,
Всевеликого Войска Донского.

1 (14) октября 1944 г.
г. Берлин.

(«На К. П.» № 35).

От КНД.

— Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков выразил особую благодарность атаману станицы в городе Линц н/Дунае и представителю КНД в Обердонау полковнику Д. К. Полухину, атаману станицы в Вене и представителю КНД в Нидердонау Д. А. Маслову, назначив их членами Верховного Совета КНД.

Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков назначил членами Верховного Совета М. А. Ассерецкова и Г. К. Христенко.

Члены КНД, проявившие активную работу по развитию и укреплению казачьего национализма, равно как дисциплины и казачьей спайки, — М. Н. Беловалов, А. В. Буданов, Я. И. Дахнов, В. С. Золотухин, Ф. Я. Иванушкин, И. Г. Кривошлыков, И. А. Кулешов, А. П. Межевикин, М. И. Майборода, И. А. Петров назначаются Руководителем доверенными КНД.

Войск. старшина К. Кирсанов.

О либерализме.

(Окончание).

Современные, мировые кризисы опровергли и другое: «прогресс», ибо технические усовершенствования не принесли с собою роста духовной культуры. Не улучшили также общее благосостояние человека в странах и государствах либеральной демократии, а наоборот привели к огромному социальному неравенству во всех отношениях. Одна меньшая часть, далеко нелучшая и совершенная, став богачами, получили возможность ничего не делая наслаждаться всеми материальными благами современной цивилизации. Другая же большая часть в «поте лица своего добывает свой хлеб насущный»; она часто обречена на вечный, изнурительный труд, без всякого просвета, труд не дающий ни нравственного удовлетворения, ни возможности пользоваться благами жизни, даже в минимальных размерах, а иные даже влачат полуголодное существование.

Наука же, бывшая гордостью и надеждой либерально настроенных умов, развенчала «царя вселенной», — человека с большой буквы.

Одностороннее решение сложного вопроса взаимоотношений между личностью, обществом и государством в пользу личности оказалось неправильным.

Человек живет в обществе и государстве, он должен быть социальным и публичным.

Все люди тесно между собою связаны узами семейных, хозяйственных отношений, государственных, национальных и других интересов.

Частная собственность всегда будет ограничиваться в пользу общества и государства.

Требование неограниченной свободы породило индивидуальный анархизм и абсурдное учение Фр. Ницше о праве каждого, чувствующего себя «сверх-человеком» не только не подчиняться законам человеческим и Божьим, но и активно проявлять свою силу в праве уничтожать более слабых. Вообще анархическое «Ницшеанство» — естественное завершение философского либерализма.

Либерально-демократический строй превратился в партийную олигархию.

Политические партии — частные сообщества, во взаимоотношения которых и частную жизнь государство бессильно вмешиваться, хотя судьба последнего зависит от них.

Парламент, — носитель «воли народной», стал ареной сведения партийных счетов.

Все государственные дела, решаются не в нем, а за кулисами, в комитетах политических партий. Выборы, благодаря дачи различными партиями несбыточных обещаний, подкупов голосов и различных пропагандных трюков, утратили свое истинное значение: выражения воли, желаний большинства народа, нации.

Вообще реальная власть в государствах либерально-демократического парламентаризма — не в руках народа, а в центральных комитетах политических партий.

Подобный государственный строй жизни удобен и нужен темным дельцам, ловящим рыбку в мутной воде. Весьма удобен и нужен мировому иудейскому кагалу для проведения мероприятий, способствующих и помогающих захвату власти последними над всем миром.

Вообще в государствах либерально-демократического строя фактически установился порядок общественного бытия явно-несправедливый, разделивший всех граждан, данных государств, на две, три группы, социально неравных между собою, даже и в правовом отношении. Ярким примером такого положения являются Англия, С. Американские С. Штаты и старая довоенная Франция. (Индусы, коренное население заокеанских колоний в первой. Негры во второй. Марроканцы, алжирцы и другие в третьей).

Марксизм — детище либерализма, о лжи последнего говорит моя статья «Марксизм — ложь», напечатанная в № «Казачьего Вестника», захватив власть, в бывшей Российской Империи, во что превратил граждан последней?

Каково фактически положение трудящихся всех категорий в 1/6 земной суши, носящей теперь название СССР?

Международный иудейский кагал, — завладевший путем всяких нечестных комбинаций большой частью мирового запаса золота, — истинный хозяин в этих странах. Ему, иудейскому кагалу, не нужно открыто становиться у кормила правления этих государств. Он достаточно прочно владеет последними чрез своих ставленников Сталина, Рузвелта, Черчиля. При помощи своих иудейских агентов, находящихся во всех аппаратах управления этих ложно-демократических стран, во всех финансовых, хозяйственных, дипломатических учреждениях и печати, кагал прочно проводит все нужные ему мероприятия.

Противоестественный, казалось бы на первый взгляд, союз ультра капиталистических стран Англии, С. А. С. Ш. с воинствующим иудо-большевизмом, марксизмом СССР об'ясняется просто.

Истинный хозяин этих стран — «вечный жид», иудейский кагал. Он командует, распоряжается ими, бросил народы последних в войну против национальных стран труда и социальной справедливости, в истинном значении этих понятий, изгнавших из своей общественной, государственной жизни представителей иудейского племени, мирового кагала и показавших всему миру, что без представителей «Богом избранного и предназначенного владеть всем миром племенем иудейским» обойтись нам арийцам не только можно, но и должно.

Методы ведения воздушной войны против мирных городов, уничтожение культурных ценностей, памятников тысячелетней культуры, убийство беззащитных стариков, женщин, детей и всего мирного населения. Путем ли воздушного террора, путем ли в затылок из нагана чекиста НКВД; убийство из-за угла и покушение на таковое в прошлом и настоящем на наших вождей и возглавителей национализма. О чем все это говорит? Исполняются пожелания протоколов Сионских Мудрецов, исполняется иудейский Завет «лучшего из гоев, убей».

Казачество в СССР подверглось, с первых же минут прихода к власти большевиков, яростному преследованию власть имущих не потому ли, что в наших Казачьих Краях иудей жить не имел права, он мог быть проездом только через Казачьи области, в течении 24 часов. В хозяйственной, бытовой жизни Казачества иудей не участвовал. Вот первоисточник иудейской ненависти к казачьему народу.

Теперь, мы, казачий народ и другие народы вольных степей, гор Кавказа и Туркестана поголовно предназначены Сталиным к физическому истреблению.

Вообще надо твердо усвоить и не забывать никогда, что Казачеству не существовать ни при каком бы то ни было Московском правительстве. Избежать же этого можно только участием в борьбе за новую Европу, которая и является одновременно борьбой за нашу «Казакию».

Алексей Иванов.

Встреча.

Доктор Кошенсков приехал в столицу по делам, которые закончил к вечеру. Побывал в опере, а остаток вечера провел за стаканом вина с коллегой по университету, который тоже случайно был в городе.

С утра следующего дня Кошенсков забился в курень, воспетый М. Карповым и, в дружеской беседе с куренными сидельцами, просидел там почти до полдня.

Было около 12 дня, когда доктор вышел на улицу. До отхода поезда оставалось еще больше часу и Кошенсков решил пройти до станции пешком, чтобы насладиться погожим январским днем, любуясь красивым городом, где он прожил свои студенческие годы. Нарочно прошел мимо монументального здания ректората и вышел на нарядный бульвар «Адольф Гитлер».

До вокзала оставалось не больше четверти часу хорошего ходу, когда городской шум был покрыт прерывистым, зловещим воем сирен — воздушная тревога.

— «До станции недалеко» — подумал Кошенсков, пересекая узкий переулок — «если поддам, то успею захватить спасательный поезд. Чорт его знает, где теперь искать закрытие».

В следующий момент он был сбит с ног группой бегущих прятаться и, падая, больно ушиб колено об острый бордюр тротуара. Сгоряча вскочив на ноги и подняв свой чемоданчик, он почти потерял сознание от нестерпимой боли.

Наскоро растерши ушибленное место, Кошенсков решил спрятаться в ближайшее закрытие, так-как боль в ушибленном колене делала его совершенно беспомощным. Напряжением воли пересиливая боль и волоча ногу, он тронулся дальше черепашьим шагом, тщетно пытаясь получить сведения о закрытии — бегущая публика на его вопросы не обращала ни малейшего внимания.

Почти совершенно обессилев, Кошенсков готов был отказаться от дальнейших попыток укрыться, решив переждать нападение, зайдя в под'езд какой-нибудь солидной постройки, но, к счастию, среди всеобщей суматицы он увидел стоящего посреди улицы противовоздушника в каске, который по мере сил старался направлять бегущих.

Перемогая себя, Кошенсков направился к «воздушнику» за помощью, но тот, увидя еле бредущего доктора, в два прыжка подскочил к нему и, взяв его под руку, молча потащил за собой.

Звонким раскатом взорвались первые шрапнели сквозь рев моторов и, вслед за тем, непрерывный гул рвущихся бомб. Резким рывком бросил «воздушник» доктора на мостовую опустевшего бульвара и сам лег рядом с ним. В стороне, там, где пять минут тому назад прошел Кошенсков, с грохотом падали здания, наполняя воздух пылью...

Все ближе и ближе разрывы бомб и рокочущий свист осколков. Бессознательно Кошенсков старался, как можно плотнее, прижаться к холодным камням мостовой, чувствуя лежащего рядом «воздушника» и прячась за чемоданчиком.

— «Ну, кажется, не сдобровать. Три месяца назад похоронил Николая, а теперь, вроде, и самому «к рассчету стройся...» Жаль, сил хватило бы на большее».

Разрывы удаляются... Первая волна прошла, не зацепило. «Воздушник» проворно вскочил, помог подняться доктору и снова потащил его за собой. Опять приближаются разрывы. Кошенсков оглянулся: как карточные домики рушились здания. Вон, вырванное с корнем дерево медленно описывая дугу летит через широкий бульвар и падает корнями вверху на верхушку другого дерева.

— «Это, тук е скривалиште» *) — прервал молчание «воздушник» — и в следующее мгновение, напором воздуха, оба были брошены в открытую дверь, а затем кувырком покатились вниз по лестнице. Последнее, что видел доктор в рампе открытой двери, был неприятельский четырехмоторник, горящий ярким пламенем в лазурном небе. Попытались стать на ноги, но сила разрывов была настолько велика, что находившиеся в подземельи силой их бросались то в одну, то в другую сторону. Наконец взрывы утихли и теперь, при тусклом свете зажженной кем-то свечи, Кошенсков смог рассмотреть окружающих.

Плач детей, истерические всхлипывания женщин и искривленные от бессильной злобы лица мужчин — все это производило гнетущее впечатление.

Противовоздушник, сняв каску, вытирал вспотевший лоб, так что доктор, растирая колено, на свободе мог хорошенько рассмотреть своего спасителя, чувствуя, как в сердце зарождается к нему теплое чувство, волной наполняющее грудь.

— «Удивительно знакомое лицо, но где я его видел?» — тщетно напрягал память Кошенсков.

— «Мерзавцы! Пусть попробуют грудь с грудью драться. Куда же легче избивать беззащитных женщин и детей. Изверги!» — сдавленным голосом не говорил, а рубил какой-то мастеровой.

— «Это уже дело правительства позаботиться о безопасности населения» — подал голос до того смиренько сидевший в углу упитанный господин, наружностью сильно напоминавший спекулянта — «при желании правительство всегда может найти компромисс».

— «Какой компромисс, господиничо? Грудь с грудью — вот тебе и компромисс. Тьфу, слякоть!» — сплюнул мастеровой в сторону толстяка.

— «Ух, здорово зачинаить!»

Кошенсков удивленно глянул на своего спутника.

— «Да вы казак разве?»

— «Канешна. Донской».

— «То-то я смотрю, что лицо у вас уж очень знакомое. Я, ведь, тоже донец.

— «Дык, и я насчет вашей хвиназомии тоже дюже сумлевался, а зараз признал: заходили вы к полковнику Плахову, когда мы в «Хаджи-Димитрий» жили. Таперичка вы посидите тут, а я сбегаю семейство спроведать, да и по службе явиться надо. Я за вами ужотко зайду».

Через два часа, выйдя из убежища, Кошенсков не узнал красавца-города. Через груды кирпича и кратеры бомб, через густую сеть оборванных проводов, покрывающую развалины, с большим трудом — при помощи своего нового друга — ему удалось добраться до станции и втиснуться в вагон поезда, уносящего его далеко от кошмара.

— «Когда-же увидимся?» — спросил на прощание Кошенсков.

— «А как — по уговору — семейство к вам отправлю, так частенько видаться будем».

*) Вот, здесь убежище.

Полковник М. Недбаевский.

Степь и реки.

(Из воспоминаний.)

Я застал у нас около тысячи голов рогатого скота, а иногда переваливало и за тысячу. Овец было более тысячи, да у бабуси штук триста. И эти животные даже возле хутора не выпасывали траву. Степь тянулась на юг от хутора верст на 35—40 до юрта станицы Переяславской, восточнее тянулась степь, арендуемая Войском коноводческим, и такой простор был вплоть до города Екатеринодара на юг, а на восток наша степь сливалась с Манычскими и другими степями.

Степи кишели птицей, зверем, как: волки, лисицы, сайгаки, которых я видел зимой 1903 года на нашем участке, мелкий зверек, часто приходили барсы, а раз забрел на наш участок и медведь. На медведя отец мобилизовал не только своих, но и соседних калмыков, вооруженных копьями. Подбил же медведя из двухствольного ружья казак нашей Каневской станицы Нелюба, а добили копьями калмыки. Медведь прятался в камыше. Нелюба после совета с отцем стал на колени, вокруг него расположились копьеносцы, был дан приказ раздразнить и вызвать зверя на бег, что и сделали. Зверь стал с ревом на задния лапы и пошел на Нелюбу; подпустив близко медведя, Нелюба выстрелил в морду зверя из двухстволки, выбил ему глаза и ранил морду, зверь остановился и стал протирать морду своими лапами, копьеносцы бросились на него и добил его. Шкуру присудили Нелюбе, голову отцу, которую я водрузил на акацию; медвежий член, как средство от всех болезней, вызвал споры, но отец вмешался и поделил между спорящими. Это было в 1876 году.

Барсов страшно боялись собаки и бежали от него; такие как овчарки, сопровождали свое бегство непреличными звуками и мочеиспусканием. Собаки устремлялись в жилища человека, а ведь овчарки далеко не робкие собаки, волк не подходил.

В мои школьные годы волки раскаживали по нашей Каневской станице в зимнее время, как у себя дома. А на хуторах не только в зимнее время, но и в летнее нужно было держать ухо востро. Я несколько раз лично наблюдал в летнее время во время стрижки овец или во время водопоя и отдыха овец у самого хутора, как волки нападали на них и они как мячики летели вверх. Волки при нападении стараются как больше переранить овец. Зимою же мурашки ходили по всему телу от их завывания. Много раз из хутора мы наблюдали как за рекой резвятся волки и волчата, но не было нарезного оружия, чтобы их достать.

Наши и другие табунщики гоняли волков верхом до их изнеможения, иногда добивали их плетьми со вшитым в них свинцом, или же соскакивали на них, садились, вставляли в пасть палку, завязывали морду и приводили домой. Говорю даже наши калмыки не имели огнестрельного оружия, а были вооружены копьями. Оружие было редкость, дорогое и далеко несовершенное.

О лисицах и говорить нечего, жилья от них не было и они много уничтожали птиц, особенно индеек. Вечером и рано утром их хриплый лай раздавался недалеко от хутора. В 70-х годах один священник внес в наше общество 25 рублей, чтобы ему разрешили охотиться на лисиц и убил в короткое время с товарищами около 300 лисиц (хотя охота священнику и запрещена).

Бедных зайцев ловили и тенетами, а в глубокий снег верхом на лошади легко и скоро настигали и хватали живьем с коня или убивали плетью.

В мое время было еще достаточно выдр и диких кошек.

Из знаменитых наших охотников помню: сотника В. Г. Рубашевского, Митрофания и Федора Крамаря, их отец был наш сосед и др.

Дикой птицей и степь и лиманы и реки буквально кишели. Отец не раз решал охотиться на журавлей которые и у нас и у Бурсака, точно знали и чувствовали себя как дома, отдыхали у реки или на нашей земле целыми стадами и предавались танцам, выставив на копнах или дальше от себя сторожевое охранение. Охотников было не так много, потому что и своей живности было в изобилии. Утки, кулики, дрохвы, лыски, перепелки, куропатки, дикие гуси, цапли буганы (выпь), пеликаны, бакланы, зимородки, жаворонки, удоды, сивороники (вонючки), ласточки, воробьи, скворцы, щуры, сорокопуты и пр. населяли степи, реки и лиманы.

Отец не разрешал и мы поддерживали его заветы не обижать птиц, т. е. не брать их яиц. Это запрещал и закон и власти на местах, но население безпощадно брало яйца, особенно в лиманах, где яйца собирали в огромном количестве, что препятствовало размножению птиц, а некоторые птицы даже выселились в другие места.

Всплывает у меня в памяти такой случай: обходил я с отцем наши владения, ястреб преследовал какую-то птичку и она, ища спасения, бросилась под нашу защиту — под наши ноги, я схватил ее, отец мне сказал, чтобы я не много спустя пустил ее на волю, что я и сделал. «Ибо не хорошо» сказал отец, «существо, ищущее защиты у человека, лишать свободы, тем более жизни. Лови ее на свободе.» Весной у нашей станицы Каневской можно было видеть много тысяч диких гусей, которые отдыхали от перелета у самой станицы, чуть выше ее.

О лиманах я не говорю уже, но и наши реки были полны рыбы, а особенно раков, последние продавались пять или десять копеек за сотню. Из рыб водились: караси, окуни, лины, щуки, красноперки, ерши и коропа. На яловом спуске гребли, т. е. на запасном шлюзе, через который спускался излишек весенней или дождевой воды, я наблюдал в мои ученические годы, как молодые казаки, к трезубцу укрепленному на древке, крепко привязывали к концу древка длинную веревку и затем стоя у шлюза, где вода уже падала вниз, бросали в клокочующую массу воды трезубец, держа в другой руке конец веревки. Бросая в воду этот гарпун или на местном языке «сандаля» в пятый а то и чаще раз вытаскивали шарана, нанизаного на сандалю. Шаран (корпо) и вообще рыба всегда идет против воды. В реках рыбу ловили волоком (неводом), сажня 4—5 длины, а в лиманах волокушей, доходившей в длину до версты, а вытаскивали на берег ее волами; сетями, вентерями и котами (кота это спиральная изгородь в воде из камыша, куда рыба заходила и ее выхватывали сачками). Раков у нас в реке развели уже на моей памяти, бросая в наш ставок икряных самок, выловленных в других местах. Врагами рыбы в наших реках являлись пеликаны, которые цепью идя по реке и хлопая по воде крыльями, сгоняли рыбу к берегу и пожирали ее. Обычно это проделывалось ночью, но собаки давали знать, поднималась тревога и хищников прогоняли. Обычно зимой или поздней осенью или же ранней весной родители посылали несколько подвод на лиман, откуда привозилась рыба для засола на весну и лето.

ХРОНИКА

— В десятых числах сентября с. г. член Президиума Верховного Совета КНД инж. Д. Н. Еременко прибыл из Словакии в Прагу, где доложил Руководителю КНД. о положении казачьих дел в связи с последними событиями на Словакии. Были приняты меры к обеспечению казачьих интересов в Словакии. 19 сентября с. г. инж. Д. Н. Еременко возвратился к исполнению своих служебных обязанностей.

— В воскресенье 1 октября, в зале «У Чешской Коруны» состоялся пробный концерт-вечер, при участии Казаков-артистов: Н. Слободиной (др. сопрано), Кузнецкой (сопрано), А. Кабанцова (тенор), Н. Мальцева (бас), и балета в составе: г-ж Волховской, Н. Горской и С. Горского.

Конферировал ст. Н. П. Волховской.

На пробе присутствовал узкий кружок приглашенных. Эта проба была вызвана необходимостью составить соответствующую программу ко дню **Всеказачьего Праздника, который состоится в том же зале, 14-го октября в 3 часа дня.** Особые приглашения на праздник рассылаться не будут.

Исполнение артистов произвело большое впечатление на аудиторию, которая громкими аплодисментами выражала исполнителям свое одобрение.

И. Лукинов.

Казачий дух.

Свободолюбивая казачья душа, природный ум, предприимчивость, железная воля, храбрость, отвага и особый интерес не только ко всему окружающему, но и там где-то далеко «за горизонтом» делали чудеса во всех проявлениях казачьей жизни. Никакие, например, географические открытия и всевозможные приключения не могут сравниться с тем, что сделали казаки за всю свою славную историю.

Мятущаяся душа казака все время искала неизведанных просторов, далеких заманчивых земель и народов; многих казаков тянуло к чему-то новому, еще никому неизвестному, но казавшемуся интересным и особенно привлекательным. Ни слава, ни корысть влекли казаков в неведомые края, а исключительно искание чего-то высшего, где-бы каждый из них обрел истинную свободу, право, правду и справедливость. В одиночку, группами и боевыми отрядами тянулись казаки на север, в Сибирь, на Аляску и побывали даже в сказочных пустынях Азии и Африки, открывая на своем пути все новые и новые земли, моря, океаны, острова, племена разных народов и изучая иную жизнь, иные климатические условия. Их железная воля преодолевала на своем пути вечные льды, тайфуны пустынь и нечеловеческие условия пройти там, где еще не было человеческой ноги. Славные казачьи имена Ермака Тимофеевича, Московитина, Дежнева и многих-многих других являют собой прекрасный образ казачьего искания, казачьего свободного духа.

Не покорять, а работать на просторах новых земель шли казаки. Там, куда приходили, начиналась их трудовая жизнь и бой с природной стихией. Совместно с местными обывателями, к которым казаки всегда относились по-братски, по-христиански, они превращали пустующие просторы в цветущие поля, в богатые пастбища и являлись образцом примерного трудолюбия и способности наладить и организовать хозяйственную жизнь.

Казак по своей натуре являлся и является рожденным индивидуалистом. Ему были чужды «артель» и «мир». Казаки имели свои традиции, строго придерживались своих семейных укладов и взаимоотношений, а помощь ближнему у них была на первом месте, но «артель» и «мир» ему были тесны. Каждый казак был особенно крепко связан со своим собственным домом, со своей семьей. Предпринимательский дух казака заставлял его искать все новых и новых путей к улучшению семейного благополучия. Вспомним последнее доброе время, когда усиленно шло хозяйственное соревнование среди наших казаков. Если сосед построил дом, то рядом с ним строится лучший; если купил новую сельско-хозяйственную машину, то сосед старается купить более усовершенствованную. Врожденная предприимчивость и умение эту предприимчивость во время и в известных условиях применять, дало возможность казакам превратить свои станицы в оазисы полной зажиточности и благобыта. Я помню, что даже сами товарищи были «недовольны» казачьей предприимчивостью и особым трудолюбием казаков, когда им пришлось три недели вывозить из казачьих амбаров реквизированный хлеб.

И все это коммунистический режим, как тайфун пустыни, хорошо известный нашим славным предкам, снес, разорил, развеял и превратил в развалины наши цветущие станицы и хутора, наши родные гнезды, с такой любовью свитые нашими геройскими предками.

Как и в былое время, и наше поколение продолжает идти по пути славной казачьей истории среди бушующего океана небывалой в истории человеческой бойни, борясь за свое право на жизнь и будущее устройство того благополучия и благобыта, к чему стремились и наши предки.

В настоящее время, когда война достигает своего кульминационного пункта, когда враги Германии и Национальной Европы напрягают все свои силы, мобилизуют все свои резервы, чтобы превратить Европу в сплошное кладбище, а оставшихся казаков передать в вечное рабство чекистским опекунам, дух наших славных предков диктует нам стать ближе плечо к плечу, крепко пожать друг другу руки и, как встарь, гордо идти вперед, преодолевая на своем пути все, что мешает достижению заветной цели Казачества.

Мы знаем, что борьба эта является тяжелой, но наделенная предками железная воля и стойкий дух Казачества являются залогом будущей нашей победы. Как наши предки в свое время, заблудившиеся в дюнах пустыни, не опускали руки, обладая сильным духом, железной волей и крепкой дисциплиной, боролись с ужасами тайфуна, идя бесстрашно вперед, пока не достигали спасительных для них оазисов. Какая тогда радость была для них! Везде, куда не глянут, прохладная тень и зелень, лесные цветы и пение птиц. Всюду весна, жизнь...

И мы готовы в этой борьбе на любые испытания и жертвы, зная, что идем к тем оазисам, своим родным станицам и хуторам, которые являются нашей конечной целью и где мы приобретем настоящую радость собственной свободной казачьей жизни...

Г. А. Козловский.

По коням!

Так в старину у нас бывало.

Из кошевого стана выезжали на резвых конях молодые гонцы и рассыпавшись за левадой в разные стороны, мчались во весь опор, забегая в попутные станицы и хутора.

А, там, где уже они побывали, станичники в спешном порядке подкармливали коней, проверяли амуницию и повечеряв в родной хате, выводили из ворот оседланных коней.

Молча, скрывая назойливо рвущуюся из глаз слезу, провожали казачки своих молодцов в далекие, неведомые края, душа замирала от тоски и тревоги: вернутся ли, а кому то суждено голову сложить?

Но вот на вороном жеребце выехал атаман. Перекрестился на все четыре стороны, поклонился старикам, женщинам и детям и присоединившись подает команду:

— По коням! —

С быстротою молнии лихие молодцы, подобрав повод, ждут следующей команды. Атаман затягивает, как бы для того, чтобы лишнюю минуту пробыть еще в родной станице. Но время не ждет, чем быстрее выедешь в степь, тем спокойнее будет на душе!

— Садись! С права по три, шагом марш!

Стройными рядами выезжают станичники в степь широкую. Все знают куда идут, но ни ропота, ни недовольства.

Кошевой поднял сполох, поднялись, как один, степные орлы и потянули к месту сбора, пошли за новой славой, за новыми подвигами и победами.

И только после ухода своих близких и дорогих в поход, казачки дают волю своему сердцу, поливая свои мысли и чаяния горючими слезами. Ни одна казачка не осрамится и не плачет по дорогом при людях. Засмеют, да и самой неловко, как никак, одна казачья кровь течет в жилах, что у мужа, что у жены.

Там, где-то в чужих краях гуляют добрые молодцы с пиками и шашками, а в опустевших станицах и на полях суетятся женщины, старики и дети Все сделаю, все в порядке, не попрекнет никого вернувшийся хозяин ни одним словом.

Тем то славная была наша жизнь казачья, что всяк знал свое место и делал одно, общее дело, в поле на посевах и жатве, или в поле же с шашкой и пикой в руках.

Но вот за какие-то чужие грехи ниспослал Господь на Казачьи земли супостатов. Не успевшие отдохнуть и собраться с силами после далеких походов, казаки не в силах были справиться с налетевшим на них шквалом, многие погибли в неравном бою, многие вышли из домов и родных станиц и рассеялись по всему свету.

Проходили годы, не было на земле не только государства, но и маленького клочка земли где не побывали бы станичники. Но не в погоне за новыми подвигами, а куска хлеба ради они переходили из страны в страну, из города в город. Внимательно присматривались они к обычаям и порядкам тех мест, куда заносила их злая доля. В доброе время отдыхали свыкались с окружающими их условиями, но мысли их далеки были от всех прелестей виденого ими. Их мысль всегда говорила им одно:

— А все-таки у нас, на родных просторах, куда лучше!

Так думали и думают сейчас казаки и ждут первой возможности, опять с оружием в руках стать на защиту своего родного Края, своей воли и правды. Ждали долго. Но вот, наконец, как-будто на пасмурном небе казачьей эмиграции засияло яркое солнышко. Явился Атаман-молодец, взметнул сохранившейся кривой шашкой и об'явил сполох.

Иной теперь сполох на чужбине, чем у себя на родных просторах, иначе, в других условиях он проходит. Не летит на горячих скакунах добрые молодцы по широкой степи, не из станиц и хуторов выедут в поля бранные степные орлы.

Сейчас иные порядки и иные возможности. Телеграф, телефон, радио, а то и летательные машины способствуют выходу казаков из контор, лагерей, фабрик и заводов и помогут им собраться опять во едино, в одну великую Казачью семью. За свои родные степь за светлые воды своих речек, за жизнь и кровь погибших своих близких от руки пришлых варваров, казаки будут бороться и гуртоваться вокруг своего Атамана. И, как в старину бывало, не останется на чужбине ни единого брата-казака, который променяет шашку и ружье на теплую постель и домашний покой. Ни одна казачка не дерзнет плакать и удерживать своего молодца от исполнения долга. Никто не отважится посрамить наши дедовские порядки, не покроет позором честного имени казака.

В том то и есть сила казачьего народа, что он верен своему рыцарскому долгу, так его воспитывали его отцы и матери.

В этом и залог успеха предстоящего похода, что по сполоху нет ни личных споров, ни разногласий, на спасение родины и чести выступают казаки!

Сполох поднят, казаки готовятся к походу. Нет ни единого казака, который не ждал бы столь желанного часа, когда наконец можно будет острым клинком отплатить злейшему врагу за все его издевательства, за поруганья, за голодовки и расстрелы, за грабеж казачьего богатства.

Под покровом Пресвятой Девы, заступницы нашей в дни казачьей страды, выстроятся казачьи лавы перед решительным боем со своим заклятым врагом жидобольшевиками.

Но выступая в поход мы должны помнить, что для нас нет отступлений, не приходится нам ждать милости от тех, кто долгие годы истреблял наш народ, пощады нам не будет. Мы идем в бой во имя защиты наших семей, наших близких и дорогих нам, за свои родные степи, за нашу Казачью правду и волю.

Казаки не умеют умирать безоружными от руки остервеневшего врага На то он и казак, чтобы умереть с честью при исполнении своего долга, в борьбе за свое бытие.

Сполох поднят. Собеэутся казаки в единую, великую свою семью, подправят попруги, подкормят лошадей и будут ждать очередной команды:

— По коням!

М. Б.

Пятидесятилетний юбилей.

В августе месяце 1944 года исполнилось ровно пятьдесят лет, когда был произведен в первый офицерский чин хорунжего — казак Кубанского Казачьего Войска, станицы Каневской, Максим Иванович Недбаевский.

В ознаменование его «золотого» юбилея (50-летия в офицерских чинах) подаем к сведению казаков его краткую биографию.

М. И. Недбаевский родился 22 января 1870 года в станице Каневской на Кубани. По окончании станичной школы поступил в 1883 году в Кубанскую Войсковую гимназию в Екатеринодаре, но в 1886 году перевелся в Кубанское Войсковое реальное училище, каковое и окончил в 1892 году. В августе месяце 1894 года окончил Николаевское Кавалерийское училище в Петербурге, был произведен в офицерский чин хорунжего и вышел на службу в 1-й Ейский конный полк Кубанского Казачьего Войска. В сотники произведен в 1898 году. С 1899 по 1903 г. был на льготе и был прикомандирован на службу в Управление Ейского отдела. В 1903 году произведен в под'есаулы и в августе месяце т. г. перешел на службу воспитателем в кадетский корпус в Воронеже. В 1906 году был командирован корпусом на педагогические курсы в Петербург, по окончании каковых возвратился в тот же корпус на должность воспитателя и преподавателя естественной истории. В капитаны произведен в 1905 году, в подполковники в 1908 году. В 1911 году перешел на службу в свое родное Кубанское Войско на должность помощника Атамана Баталпашинского отдела. В полковники произведен 6 мая 1916 года. Имеет ордена: св. Анны 3-й степ. св. Станислава 3-й и 2-й степени.

В 1917 году был назначен Атаманом Таманского отдела, но революция помешала занять эту должность. С 1918 по 1920 г. г. был прикомандирован к Кубанскому Войсковому Штабу и исполнял обязанности Воинского Начальника в г. Ейске. По эвакуации заграницу с 1920 года был воспитателем и преподавателем в русской гимназии в Белграде, а потом в Храстовце в Хорватии. В настоящее время находится на пенсии в Хорватии, где и написал свои «Воспоминания Кубанского казака», часть которых помещалась на страницах «Казачьего Вестника».

Мы, казаки, шлем дорогому юбиляру пожелания здравия и благополучия, равно как и успеха его работе на благо и славу Казачества.

Прохождение сотни Н Казачьего полка.
Archiv „Der Kosakenbote".

Др. Інж. Сергій Єрмоленко.

„Дике Поле".

II.

Хоч все в історії про козачі геройства є правдою то всеж для кабінетних і міських людей є незрозумілим — протиприродним, щоб в самім «Дикім Полі», під самим носом у татарів та ще й без панської охорони можна б було жити як дома.

Треба порозуміти одному характерному явищу у людей:

1) Особи ніби причасні найвищого ступня розвитку людства, які хотіли б, а подекуди й рішають великі справи посадженої до танку з кулеметами й радіовим апаратом умруть з голоду та заблудять у лісах и степах «Гранд Чака», «Мата Гроса», в канадійських чи сибірських лісів і тундр. Хіба що з великими стратами найде їх захоронина виправа якщо цей культивований чоловік перед тим не вмре зі страху.

2) Певні групи людей та одиниці, як конквіскатори — здобувці та мисливці, з усіх цих пекол світа, негостинних країв, здобувають дорогоцінні каміння, коріння, каучук, нафту й пушнину. Невелике число загартованих та відважних одиниць з негостинних та небезпечних країв доставляють людству багатства та сирівці, які на політичному й культурному розвою історії мають чималий поділ.

Що ж торкається отого сусідства, то як не дивно, але з цілого африканського континенту підпала під володіння европейських імперій якраз країна, яка є до Европи найближче. Це є Мароко, яке підпало впливові Франції десь коло 1907 р. а більш менш приборкано та обсаджено лише в 20-тих роках.

Між землями Поділля, Київщини та Чорнігівщини та причорноморськими й приволжськими кочовими таборисками татар містяться величезні простори, де спокон віку ферментувалось и жило козацтво.

Країною течуть повільно річки та ріки, уздовж яких простягаються плавні. Так як качки перед яструбами могли плодитися й множитися сховані від ока яструба, таксамо й оселі та хутори козачі були сховані зі своїми садками між тополями, вербами й лозами. Широкі та глибокі яри й балки, густо поросші ліщиною та терном, були прохідними лише для тих, хто знав проходи та при повсякчасним уживанні їх утрімував. В долинах, хоч і невисоких, гір подніпровської холодноярщини, подільського, інгульського та донецького кряжів, на верхах і узбічках донецьких гір та по цілій Полтавщині росли (густі непролазні) ліси; лише невеликі залишки цих лісів давали можливість повстанчим загонам послідньої доби роками бути невловимими а інколи й цілі армії переховувались в них. Та й ті степи між долинами більших рік також зовсім не такі рівні, як стіл; не рідко їх перетинають широкі й глибокі долини маленьких річок, які у літку майже висихають, які, однак, мають також свої очеретяні та вербові плавні — низи, а навіть сьогодні 10-титисячні села несподівано виринають перед подорожуючими лише на кілометровій віддалі.

Що більше, доказом «безпечного» життя у цих просторах є факт, що навіть великі татарські загони, які відважувались ходити під Москву або Варшаву мали тут дві, три дороги, якими могли непомічено проскочнути. Але як це є можливим, скаже хтось, що ці загони осмілювались на замки й кріпости польські чи московські, а на оселі й хутори козацькі не осмілювались? Осміювать-ся-то вони осмілювались, але дорогою ціною здобувати від войовничого, витривалого й меткого населення, якусь пару коров чи коней або в найліпшім випадку кількох дідів чи дітей, просто «невиплачувалось». Ціну мала теж смушева шапка, кумачевий пояс та добра шабля а пізніше і мушкет, але найгірша справа була в тім, що як колись Поляни Хозарам так Козаки показали й нераз болюче доказали татарам, що «мечи сії іміуть і на нас дань».

Бо щоб захоронити і те найменше та скотину й коней а головно стариків, жінок і дітей козацтво мусіло було добре зорганізуватись та добре вести безперестанну сторожеву службу, а при цім умілими та відважними операціями запобігали акціям злодійських татарських ватаг.

Творились там життьові осередки, навіть цілі суспільні організації — господарська, політична та військова організованість виявляли себе тим, що уможливлювали утрімуватись та вижити в таких умовинах, які інших — не козаків привели-б до занепаду та знищення. Бути вільним од чужої надвлади значило бути характерним — бути лицарем, який постоїть за себе й близьких.

Оця частина народу, яка завдяки характерності утрімалась в краях, де не міг набрати влади жодний з ворогів зовнішніх, мала вартісний відбір. Тут можна було після своєї-гуртової вподоби козакувати, а тим у відрїжненим від інших був козаком. Всі були рівними й порядкувались та господарювали після свого хочу, — своєї психіки. А тому, що козакувати й оберігати життя власне й своєї родини можна було лише спільними силами, томуто й це життя було виторком психіки — душі спільноти, — рядилось з діда-прадіда по козачому. Там, де під тиском чужих сусідніх впливів приходилось визнати певну залежність, там боролись у всякім разі за «вольности козацькі» — то б то, за право бути вільним громадянином. Службу несли й тоді таксамо як і раніше для самоохорони, а тому залишалося право, чи навіть обовязок, носити зброю, самим за власними звичаями господарювати та рядитись.

Біля кадрів у Січі скупчувались ті, яких охота до військової штуки приводила сюди в науку та на загартования в характерності. Не диво, що майже всі пізніші кандидати на керівні місця в Гетьманській Державі прийшли цю саму школу. Козацька військова організованість і поготівля, яка в силу обставин мала домінуюче значення, передумовляла те, що на всі чільні посади, очолювання спільних інтересів вибирали з інакше найліпших у всіх відношеннях людей популярних, але завжди тих, що себе показали добрими військовиками та поступово перейшовших декількa «рангів», показали не лише відвагу але теж і розвагу та мудрість на практиці.

Так в самім народі з життя твердого та відважного виросла суспільно-політична та соціяльно-господарська система, яка за Хмельниччини вчинила невдалу спробу оформитися в державній системі. Не лише на Київщині та на Поділлю, але також на Волині й на Поліссі зачинає відроджуватись козацтво, засновуючи паланки Війська Запорозького (Давид-Городок та інш.). Ця спроба невдалася тому, що освічені власні провідні верстви не були ще в стані звільнитися від чужих впливів, для переведення в дійсність того, до чого нарід історично доспів: державницька думка власної провідної верстви зачала доспівати лише в XX. віці.

Ясно визначені тенденції керівництва в Козацькій Україні в інтенціях народніх бажань і потреб та беззастережний послух проводу з найліпших були залишені зміною цілей та опертя. Тож по розгоні наступає депресія не тому, що козацька натура не є витривалою а тому, що прапори з гаслами національно-козацької свободи та власної держави без ляха та жида, що було рівнозначним: без визискувача пана та здирника жида, відкупщика панських служб, — були потоптані своїми. Через це ідеали україн-

ської козацької національної та соціяльної організованости вернулись на Запорожжя, у Дике Поле, де як і раніше переховувались і розвивались за часів лихоліть.

Трагедія була в тім, що як і пізніше, провідні верстви не зуміли чи не хотіли очолити народ та створити державну систему на народніх духовім світогляді — на козацчині. Нарід заховав її в своїм серці теплими і гордими згадками у думах, піснях, у морально-правному відчуванні.

І тодішні, і пізніші новітні, симптоми, що виявляються в масах, нам підтверджують, що наш козацький народ не перейшов у коло державних націй лише тому, що інтелігентні верстви, які одні лише можуть очолити та організувати так складну систему, як державна організація великого народу, в наслідок збастардизування крови і духа, блукали й блукають та ще й досі шукають на чужині спасенних вогнів, а власний — національний — грунт, на якому інші сьогодня творять чуда, вони занедбують та нехтують.

Редакция «Казачьего Вестника» предполагает, по примеру прошлых лет, выпустить ко дню Казачьего праздника двойной номер газеты без повышения ее стоимости.

Я. И. Лопух.

Преступник.

Иван Фомич Кушнир — заведующий Н-м двухклассным училищем, пользуясь наступившим свободным каникулярным временем, просматривал и сортировал учебники, которые были рядами разложены в зале училища, какие из них по ветхости подлежат исключению и какие — ремонту.

Тут же в зале бегали и его дети: шестилетняя Раиса, четырехлетний Борис и двухлетний Виктор, спроваженные сюда матерью, чтобы не мешали ей хлопотать по хозяйству. Раиса, по отношению к младшим братьям, исполняла роль бонны, то сдерживая не вмеру разшалившегося Бориса, то подымая часто падающего Виктора и не допуская его к разложенным на полу учебникам.

Иван Фомич Кушнир, крепкий, около тридцати пяти лет мужчина, уже восьмой год служит учителем в К-й станице, расположенной на берегу Азовского моря. Кроме учительства Иван Фомич управлял церковным им же организованным хором и состоял членом совета местного ссудо-сберегательного товарищества, в открытии которого принимал самое деятельное и активное участие.

В училищном дворе, при помощи учеников им был насажен небольшой фруктовый сад с небольшим питомником, из которого ежегодно Иван Фомич раздавал по 2 деревца каждому ученику, оканчивающему курс 2-классного училища. В саду стояло несколько ульев Дадан-Блат с пчелами; а промежутки между деревьями ежегодно были использованы под огородные растения: капусту, помедоры, лук и т. д. Этим, Иван Фомич, кроме личной пользы, способствовал развитию среди населения садоводства, пчеловодства и огородничества.

В зимнее время Иван Фомич устраивал любительские спектакли, исполнителями которых были учащие, любители из местных жителей и даже ученики. На вырученные деньги Иван Фомич организовывал экскурсии: возил учеников 4 и 5 отделений, никогда и ничего кроме своей станицы не видавших, в Таганрог, Ростов, Новочеркасск, Александро-Грушевск, где осматривали заводы, фабрики, типографии, каменноугольные копи и исторические памятники. Этим он достигал большого развития своих учеников.

За свою деятельность по народному образованию Иван Фомич числился в числе лучших учителей кубанской дирекции, а среди населения станицы пользовался любовью и уважением. Словом, это был в полном смысле слова народный учитель и общественный деятель, примерный семьянин, честный и неутомимый труженик. И вот над ним нежданно-негадано стряслась беда.

Покончив с пересмотром учебников, Иван Фомич задумался: кому бы их отдать в ремонт — в Ейск ли специалисту переплетчику, или в станицу Я-ю, где этим делом занимался местный псаломщик и, как говорят, работает хорошо. Цену ремонта в Ейске он знал по предшествующим годам, сколько же возьмет за работу псаломщик ему узнать было не от кого. Тогда он решил с'ездить в станицу Я-ю и переговорить с псаломщиком лично.

В станице специальных извозчиков не было. Послал Иван Фомич училищного сторожа к одному человеку, занимавшемуся изредка извозом, его не оказалось дома. На другой день послал к другому, тот категорически отказался.

— Та теперь, Иван Фомич, невозможно найти извозчика, ибо уже началась косовица; люди начали косить ячмень, заявил сторож училища.

— А вы знаете что, заявила вдруг бывшая при этом учительница Ивина, у меня есть билет на взимание обывательских почтовых лошадей; возьмите по нем лошадей в станичном правлении и поезжайте в Я-ю.

— Вот это великолепно, радостно воскликнул Иван Фомич, благодарю вас, Зинаида Петровна.

На другой день рано утром Иван Фомич ехал на тройке в станицу Я-ю, переговариваясь с ямщиком.

Под'ехав к дому псаломщика Иван Фомич дал на «чай» ямщику и убедительно просил его подождать час-другой, чтобы возвратиться на той же тройке обратно.

— Добре, добре, підожду трохи, а тим часом підгодую коней, напою тай назад.

К несчастью псаломщик куда-то отлучился. Жена его попросила Ивана Фомича в комнату, заявив, что муж ее скоро возвратится и начала приготовлять утренний чай. Приблизительно, через полчаса пришел псаломщик.

Хозяйка пригласила к столу. Во время чаепития начался разговор о ремонте книг. Дело уладилось быстро и весьма выгодно для училища, т. к. цена, назначенная псаломщиком была чуть ли не на одну треть меньше, чем уплачивалось раньше в Ейске специалисту переплетчику.

Покончив дело, послали за лошадьми. Но, увы, ямщик, не предупредив Ивана Фомича, уехал. Что делать?

— Нельзя ли найти подводу? обратился Иван Фомич к псаломщику.

— Едва ли; теперь почти весь народ в степи; начали уже косить ячмень. Если же, паче чаяния, и найдем кого-либо, то он такую цену заломит, что в жар бросит.

— У меня есть билет на взимание обывательских лошадей, по которому я взял лошадей в своей станице, но только не мой, учительницы Ивиной.

— Да не все ли равно кто поедет на лошадях учительница или учитель? Главное — были бы уплочены прогоны. Давайте сюда билет, я это оборудую.

Псаломщик, взяв билет, отправился в станичное правление, а минут через двадцать под'ехала тройка и казак вошел в комнату с книгой на взимание обывательских лошадей.

(Продолжение следует).

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

(Продолжение).

Глава VII.

Возвратившись от атамана, полковник Заболоцкий послал прислугу за сотником Ревой и двумя подхорунжими, находившимися в тот момент в станице, а сам стал приготовлять походный вьюк.

— Ну, как? — спросила жена Заболоцкого, высокая стройная брюнетка, с черными, как маслины глазами и матовым цветом лица, на котором красовался правильный греческий нос с едва уловимой горбинкой, и чуть-чуть заметные усики над маленьким почти детским ртом.

— Едем с атаманом, — ответил полковник, — здесь оставаться нельзя. Про меня еще не знают, что я здесь, а за ним уже охотятся. Завтра сюда придет карательный отряд и начнется расправа...

— Когда выезжаете? — вновь спросила полковница.

— Под утро... дальше задерживаться нельзя...

— Мне очень грустно расставаться с тобой, но в душе я рада за тебя... Мне ничего не сделают, ведь я не казачка, а за тебя я буду спокойна.

— Как не казачка? — удивился полковник, отрываясь от упаковки вьюка. — Замужем за казаком и, вдруг, не казачка. Так кто же ты?

— Ты меня не понял... Я хотела сказать, что не здешняя, не станичная... В ихние дела не лезла, была всегда в стороне, и чувствую себя вне всякой опасности. Жаль только, что ты не можешь прбыть ни одного лишнего дня, и я останусь опять одна со своей грустью и тоской...

— Ничего не поделаешь, так складывается наша жизнь. Да у казаков ведь и всегда так: вечные походы, войны, в станице мимолетные гости. Ты вспомни, Оля, казачью песню:

«Только лишь приехал, опять уезжает,
Его разлюбезная все плачет, рыдает!

не так ли и у нас с тобой? Усмирение татар, армянская резня, поход в Персию против шахсевен, война, а теперь революция. Вся наша жизнь в разлуке. Не успеешь приехать в отпуск, уже торопишься назад в полк, а сегодня уж совсем исключительный случай.

— Даже и поговорить то не пришлось как следует, — вздохнула полковница, — а ведь когда еще увидимся, Бог его знает? Вот что милый, если эта канитель затянется надолго и в станице жить станет невозможно, я уеду в Тифлис и с детьми буду ожидать тебя там... Ты ничего против этого не имеешь? — спросила она дрогнувшим голосом мужа, затем подошла к нему вплотную, положила обе руки на его плечи и влажными от выступивших слез глазами, смотрела в лицо полковника. Заболоцкий обнял ее, нежно поцеловал и сказал:

— Оля! Я бы тебя взял с собой, но мы сами не знаем, что с нами будет в лесах и в горах. Твое благополучие для меня дороже всего. Идея твоя блестящая! Если можешь, уезжай сразу же, не откладывая в долгий ящик. В наших будущих действиях у меня будут развязаны руки и я стану чувствовать себя более спокойным, зная, что ты не подвергаешься непосредственной опасности. —

Полковник говорил спокойно, но в голосе его чувствовалась не совсем уверенная нотка. Он крутил левый с проседью ус и, казалось, что ему требовалось большое усилие, чтобы сдержать себя в рамках казака — мужа и воина.

— В доме прибери... Кое-что спрячь или зарой в огороде, — продолжал Заболоцкий, — и попроси соседей присмотреть за хатой. Только раньше времени никому не говори, чтобы твоя экспедиция не провалилась... Понимаешь?

— Об этом не беспокойся, милый, все будет в полной тайне. Скажи, что тебе дать еще из с'естного? — спросила мужа Ольга Георгиевна, — так звали жену полковника Заболоцкого.

— Много не клади, на хуторах достанем, да и охотой будем промышлять. Я беру с собой ружье.

В комнату вошла кухарка и заговорила с полковницей по-грузински, передавая ей какой-то пакетик.

Полковник Заболоцкий стоял с полком в Закавказье, там и женился на грузинке из старой достопочтенной фамилии грузинских князей, блиставших когда-то своим богатством и уменьем хорошо пожить, но к началу войны в конец разорившихся. Когда полк вышел на войну, Заболоцкий отправил жену в станицу, в свою родную хату, в которой доживал свой век отец его, старый вдовец, к началу революции переселившийся в иной мир, где нет ни болезней, ни воздыхания. Ольга Георгиевна, взявшая с собой прислугу грузинку, выросшую в доме своих родителей, тихо и мирно жила в станице, всеми уважаемая и любимая. Дети Заболоцких: дочь Нина и сын Георгий — учились в Тифлисе. За них полковник не безпокоился, ибо в Тифлисе большевиков не было, страной управляли сами же грузины, безпорядок вносился лишь временами проезжающими с Кавказского фронта частями бывшей Русской армии, бросившей фронт и спешившей к себе домой на грабежи и насилия. Родственники жены не оставляли детей без своего внимания и баловали их, как своих детей. По пути из Персии полковник заезжал в Тифлис навестить их, привез им много всяких подарков, и просил получше учиться, чтобы обрадовать отца с матерью похвальными аттестатами.

Лишь только старая грузинка передала Ольге Георгиевне пакетик, кто-то постучал в калитку.

— Открой, Тамара, да спроси сначала кто? — обратился полковник к прислуге, и когда та вернулась, окликнул: — Кто там?

— Это я, господин полковник, вахмистр Паталаха! — ответил Иван Василич, показываясь в дверях в полном боевом вооружении.

— Это ты, атаман?

— Бывший атаман и бывший комиссар, а теперь просто вахмистр...

— Ты что так рано, ведь условились в три?

— Заставили уехать раньше. Старик Еременко предупредил меня, что к Безпалову приехал его сын-матрос, и вся мужичня собралась там... Недовольны казаками и решают забрать станицу в свои руки: К тому же завтра ждут сюда отряд какого-то товарища Свирко. Меня решили арестовать и отправить в штаб генерала Духонина. Всем заворачивает учитель Веревкин, но комиссаром выбрали самого Безпалова. Атаман снял с плеча винтовку и поставил в угол, в ожидании, что скажет полковник.

— Раз дело такое, нужно будет выехать раньше, — сказал полковник и добавил: — Я вот жду только Реву и Чеховского с Шашковым. Нужно им отдать кое-какие распоряжения и дать полезные наставления. Офицеров у нас мало.

— Сотник Дикий еще не вернулся с Западного фронта, а Величко и Бортников убиты, вечная им память! — ответил Паталаха и осенил себя крестным знамением.

— А где твой аргамак? — спросил Заболоцкий.

— Завел во двор под навес. — ответил Иван Василич и прислушавшись к какому-то шуму на улице, сказал: — наверное господа офицеры идут.

Действительно, через минуту послышался стук калитки и мужские голоса в сенях.

— Разрешите войти, господин полковник. — приятным баритоном произнес сотник Рева входя в комнату, а за ним следом шли два подхорунжих: конного полка, сослуживец полковника Заболоцкого и атамана — Иван Чеховской, и пластунского батальона Григорий Шашков.

— Здравствуйте, господа, садитесь. Очень рад вас видеть! — приветствовал гостей полковник и указал им место на диване, покрытом красивым персидским ковром, а сам сел в кресло у письменного стола.

— С благополучным прибытием вас, господин полковник! — приветствовали в свою очередь гости своего станичного штаб-офицера.

— Спасибо, господа, спасибо! Прибыл благополучно, но не всем нашим офицерам такое счастье... Многие попали в лапы этой сволочи... Куните, господа! — при этом Заболоцкий достал с этажерки коробку турецкого табаку и поставил на стол.

— Только приехал и тот приходится опять уезжать, — продолжал он, свертывая папиросу из золотистых табачных волокон, — здесь оставаться нельзя. Завтра, должно быть, приедет карательный отряд и многим из нас не поздоровится... А потому, придерживаясь поговорки, что береженого и Бог бережет, мы с атаманом выезжаем сейчас в горы...

— А в каком направлении вы путь будете держать, господин полковник? — спросил Рева, — ведь утром и я со своим отрядом выступаю в поход.

— Это я вам об'ясню потом... А скажите, сотник, много у вас в отряде наберется людей?

— Надеюсь только на молодежь, фронтовики не пойдут... Думаю, что не больше двадцати... Пока что восемь.

— Смотрите будьте осторожны, чтобы не попасть врасплох, — предупредил полковник.

— У меня налажена сторожевая служба, а утром выступаю...

— А вы, господа подхорунжие? — обратился Заболоцкий к Чеховскому и Шашкову, молча сидевшим и внимательно слушавшим разговор офицеров. — Кому не угрожает большой опасности, тот может оставаться в станице и потихоньку работать в нашу пользу. Кто-то должен следить за действиями наших врагов и сообщать нам.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

— В понедельник 2-го октября на православном кладбище в Ольшанах состоялись похороны донского казака Павла Ивановича **Захарова.**

Отдать последний долг усопшему явилось много станичников со своими семьями, были также и чехи, знавшие покойного, и товарищи покойного по службе.

Гроб утопал в цветах. Выделялся венок Казаков-националистов с синей лентой и надписью: Станичнику и другу — Казаки-националисты.

У гроба стоял во время отпевания почетный караул в донской казачьей форме. На гроб были возложены Донской и КНД флаги.

Отпевание совершал о. архимандр. Исаакий, произнесший прочувственное слово, характеризующее покойного, как верного сына своей Родины, человека неутомимой энергии, отдавшего все свои силы на службу Казачеству.

У раскрытой могилы прощальное слово произнес Руководитель КНД., инж. В. Г. Глазков. Отметив тяжелый путь, пройденый покойным, он особенно подчеркнул ту сознательность и готовность, ту беззаветную преданность с которой покойный работал на пользу своей Казачьей Родины.

С юных лет он принимал самое активное участие в борьбе с большевиками, был ранен и вынужден был эмигрировать в чужие края. Но и здесь, в Праге, занятый тяжелым физическим трудом, он принимал самое активноео участие в работе КНД.

Пусть тело его покоится здесь, в чужой земле, а дух его пусть летит туда, в свои родные степи и пробуждает сознание у оставшихся там и дает им надежду на скорое избавление нашей Родины от оккупантов.

Служащий в ночной сторожевой охране, сотрудник покойного, выразил благодарность присутствующим, пришедшим отдать последний долг их любимому тварищу.

—

— Из Франкфурта н/Майне нами получено сведение о смерти Донского казака Сергея Семеновича Васильева.

Покойный родился в станице Кагальницкой Черкасского округа, принадлежал к числу тех сознательных казаков, которые верно служат казачьему национальному делу и в этом видят цель своей жизни.

Умер 1 августа, работая на «Трудовом фронте». Мир праху его!

—

— В субботу 9 сентября на Ольшанском православном кладбище состоялись похороны жены донского казака Анны Котеняткиной, умершей на 52 году жизни.

Отдать последний долг усопшей, на кладбище явилось много казаков.

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Уваров Анатолий, вахмистр, фельдпост 59016-Е., разыскивает Уварова (Васильева) Дмитрия Сергеевича, эмигрировавшего в б. Чехословакию, урож. Ростовской обл. ст. Екатериницкой. Писать на «Каз. Вестник».

— Гарин Борис, ефрейтор, фельдпост 57701-С. разыскивает брата Гарина Арсения Васильевича (1902), станица Котовская, Хоперского окр., хутор Ново-Кардаильский. Писать на «Каз. Вестник».

— Людоговская Елена, урожд. Никитина, разыскивает брата донского казака Никитина Александра Трофимовича, род. 1889 г. и Никитину Елизавету Александровну, род. 1926 г. Сообщить:

Herrn Leutnant Georg Ludogowski, Abteilung W. H. Tuschin, über Litzmanstadt.

— Пахомов Кондрат Дмитриевич из Белой Глины, Краснодарского района, разыскивает среди военнопленных братьев: Андрея и Тихона Пахомовых, племянника Михаила Пахомова и Семена Милоградова и шурина Михаила Дятлова. Писать:

Kondrat Pachomow, Salder 43, über Lebenstedt, Braunschweig.

— Лесик Володимир розшукує свого рідного брата, який знаходився в СС дівізії — Галичина. Працював як технік-дантист.

Lesyk Wolodymir, Holthausen über Laer Bez. Münster Arnold Frecking.

— Людоговский Георгий Николаевич разыскивает отца Николая Степановича, дядю Людоговского Антона Степановича, брата Людоговского Ивана Яковлевича, тетю Людоговскую Варвару Михайловну. Писать:

Leutnant Georg Ludogowski, Georg Robert Koch, Heilstätt, Sanatorium Abteilung, W. H. Tuschnin bei Litzmanstadt.

С этим номером вместе с газетой рассылаются «сложенки» (для Протектората) и «цалькарты» (для остальной Великогермании) посредством которых новые читатели, еще не внесшие подписной платы, могут таковую послать указанными переводными чеками. Этими чеками можно послать и добровольные пожертвования на издание «Казачьего Вестника», а членам одиночкам КНД свои членские взносы.

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра инж. В. Глазкова «Крах наших москвофилов».
Стоимость ее 50 Rpf. с пересылкой.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —
Aufsichtsamt Nr. 25.

Ukrajinski Museum, Pran
Gutenštejnska ul.6

ZEITUNGSDRUCKSACHE

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 21-22 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го ОКТЯБРЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

Руководитель Казачьего Национального Движения поздравляет всех казаков с древним Казачьим Народным праздником Покрова Пресвятые Богородицы. Пусть в этот день каждый из нас перенесется мысленно на далекие просторы Казачьей Родины, в наши родные хутора и станицы и почувствует смертельный гнет, который испытывает уярмленное там Казачество, и проникнется священным сыновьим долгом приложить все свои силы к делу освобождения и возрождения нашего народа. Сомкнем же, дорогие станичники-казаки, плотнее свои ряды и с непоколебимой верой продолжим свою борьбу за Казачью Волю и за национальное об'единение всего Казачества. В этот день вознесем свои горячие мотивы к извечной Покровительнице Казачьего Народа Пресвятой Богородице о ее великой помощи в тягчайшие дни нашей борьбы за свою свободу и независимость.

Слава Казачеству!

Инж. В. Глазков.

Поучения Азова.

Перед нами, казаками, стоят великие задачи борьбы за свое казачье настоящее и будущее. Пусть же поучат нас на нашем трудном, тяжелом пути легендарные рыцари Азова.

Какую опору, какие поучения могут дать нынешнему казачьему поколению славные Азовские дни? Чем и на что могли бы благословить Азовские герои казачьих патриотов сегодня?

Если перед нашим взором мы не можем воскресить физически героев Азова, то мы можем воскресить их дух, их дела и поставить их перед собой, как яркий и неувядаемый пример героической и беззаветной борьбы за неот'емлемое право Казачества на свою собственную жизнь.

Всмотримся хорошо в то, что и как тогда было и почему рыцари Азова достигли своей намеченной цели?

Тогда казаки были самостоятельны и независимы в своих решениях и действиях. Была у них определенная, своя казачья цель. Было об'единение всех казачьих сил для достижения поставленной цели, была полная концентрация сил. Во главе Казачества стояли, командовали и распоряжались свои же казаки, любящие свой казачий народ и его национальные интересы.

Тогда буквально все казачье население, от мала и до велика, даже жены и дети, принимало самое активное участие в борьбе за быть или не быть. Все они были преисполнены одной верой, одной волей к победе, к достижению своей цели. И эта несокрушимая вера и сопряженная воля казаков и казачек сделала чудеса.

И сейчас мы, казаки, переживаем свой новый Азов, свое «заграничное седение», исход из которого может быть или наша победа и обеспечение нашему Казачьему Народу права на жизнь или же полное физическое уничтожение всего казачьего племени. Каждый казак, каждая казачка должны проникнуться глубокой ответственностью, за будущее Казачества, какая лежит теперь на нас всех и довести до крайности напряжение всех наших сил и стремлений.

Об'единенное и сплоченное Казачество делало в прошлом большие дела, иногда даже чудеса. И если бы оно, Казачество, оставалось бы об'единенным и дружным, никакие вражеские силы его не одолели бы. Но, к сожалению, казаки делились. А иногда делили их умело другие... А разделив и поделив, били... Часто вредили себе и губили свое дело сами же раз'единенные казаки.

Из опыта прошлых событий и войны, равно как и из опыта двадцатипятилетней советской тюрьмы и скитаниям по заграницам, казаки должны почерпнуть много поучений и стать умнее, политически развитее.

В сердце каждого казака должна укрепиться и утвердиться незыблемая воля к достижению победного возвращения на просторы нашей Казачьей Родины, освобожденной от большевицкого ига. Этого же мы можем добиться лишь при полном и крепком единении всех живых сил Казачества.

Пусть никто не забывает, что твердая воля народа является мощным двигателем его на пути всех его стремлений. Без желания и воли нельзя ничего сделать, с твердым же желанием и сильной волей можно достигнуть всего. И у нас, казаков, должна быть своя ясная казачья цель к свободе и сильная, несокрушимая воля к осуществлению этой цели. Таков был путь всех других народов, не захотевших исторически умирать. Таков должен быть и путь жизни, а не смерти и для нашего родного Казачества.

Мы уверены, что степные орлы Азова, их бессмертный дух с нами и за нами на нашем страдном казачьем пути. И смотря на нас из своих далеких от нас Азовских могил, они благословляют национальное Казачество на борьбу за святое дело освобождения Казачьей Земли. Они своего под Азовом достигли и достигли блестяще. Должны и мы, их потомки, достичь ныне своего, чтобы быть достойными их. Пусть же прекрасный исторический пример наших предков подскажет и нам путь к освобождению нашего многострадального Казачьего Народа.

Будем делать так, чтобы грядущие казачьи поколения не ходили бы больше из своих куреней в изгнания, в мытарства, чтобы не проклинали, а прославляли бы они нынешнее поколение, как прославляем мы героев Азова, и были бы счастливыми на своей Казачьей Земле.

Оживотворяя славную дату нашего прошлого, мы жаждущими устами припадаем к источнику нашей веры в свое государственное бытие. Эта вера не раз спасала наших предков и добывала им немеркнущую славу. И только этой верой в свое народное бытие, только дружными и великими подвигами можно об'яснить факт, что Казачество при особенно неблагоприятных условиях живо и поныне.

Живо оно еще и там, за красными рубежами, там — угнетенное, разбросанное и придавленное, живо оно и здесь, собирая свою великую Казачью Рать для последней и решительной битвы за честь Отчизны, за Казачье имя, право на свою казачью жизнь.

И пусть на освобожденной Казачьей Степи, так щедро политой казачьей кровью и так густо усеянной казачьими головами, над возрожденной к новой свободной жизни об'единенным во едино Казачеством воссияет Казачье Солнце счастья, мира и благоденствия.

Полковник М. Ильин.

Из Азовской эпопеи.

18-го июня 1637 г. Донские Казаки, при помощи Запорожцев, после шестимесячной осады, штурмом взяли город Азов, в то время принадлежавший Турции. Но казаки не только взяли азовскую крепость, а еще и казнили турецкого посла к московскому царю — грека Фому Кантакузена.

Будучи задержанным казаками до окончания военных действий, Кантакузен, находясь всего лишь под слабым надзором, решил воспользоваться этой свободой и послал одного из своих секретарей тайно к Крымскому Хану, вассалу турецкого султана, с извещением о положении казаков под Азовом.

Казаки перехватили этого посланца, предали Кантакузена суду за шпионаж, присудили к смертной казни и казнили.

Действия казаков произвели на всю тогдашнюю Европу ошеломляющее впечатление. Европа была поражена не потому, что казаки в ней были не известны, — она их отлично знала, — а потому, что она в течении нескольких столетий привыкала и привыкла видеть, как турки сотнями тысяч европейских рыцарей рубили головы.

И вдруг, небольшой казачий народ, правда храбрый, не только после шестимесячной осады взял турецкую крепость, но вдобавок еще и казнил турецкого посла к московскому царю.

Было от чего заволноваться!

Чтобы отнять у казаков Азов обратно, Турция должна была послать против них значительные силы, однако, она ими не располагала, так как вела войну против Персии.

Считая, что казаки действовали в союзе с Москвой, турки потребовали, чтобы она вывела казаков из Азова.

Москва в то время боялась Турции, как огня, и поэтому сообщила султану, что она не имеет к Донским Казакам никакого отношения, а от казаков все же потребовала, чтобы они покинули Азов, а ей доставили бы грамоту султана, которую вез царю Фома Кантакузен.

На это требование Москвы казаки в своей «отписке» дали такой ответ:

1. Если мы тебе (царю) и служили, то не за вотчины и поместья, а за веру христианскую.

2. Азов у турок отняли за то, что они чинили христианскому миру всякие пакости.

3. В Азове отбили твоих же людей тысячи с две. Для одних на свои деньги наняли будары и отправили по домам, а другие сидят вместе с нами и вместе голодаем.

4. Турецкого посла убили до смерти за измену.

5. А твоего (царского) посла, Ивана Беличева, крымский хан убил со всеми людьми «за никакую вину».

6. Грамоту султан-Муратова величества вернуть не можем, потому что утеряли, а может быть Фома Кантакузен и сам ее уронил.

7. Подорванную (во время осады) стену на свои деньги наняли греков и починили (по летописи).

8. Пушек у нас 200 больших, средних и малых и 94 старых, но пороху нет и стрелять по врагам христианского мира нечем.

9. Станицу (Посольство) нашу просим не задерживать, а выслушать и немедленно отпустить.

10. Отписка посылается 3 декабря 1637 г. со станицей во главе с атаманом Антоном Устиновым.

Дав такое об'яснение Москве по всем волновавшим ее вопросам, Донские казаки перенесли все управление Войском в Азов и превратили ее в свою столицу.

Но 24-го июля 1642 г., т. е. через пять лет, под стенами Азова появилась огромная (250 тысяч) турецкая армия. Армия эта имела 674 полевых и 120 осадных орудий и 32 мортиры, которые по казачьей терминологии назывались «верхними».

Вся эта артиллерия была богато снабжена снарядами в виде гранат.

Силы казаков были такоы: 5000 человек казаков, 800 казачек и 294 орудия. Орудия заряжались не снарядами, а «пуками» стрел.

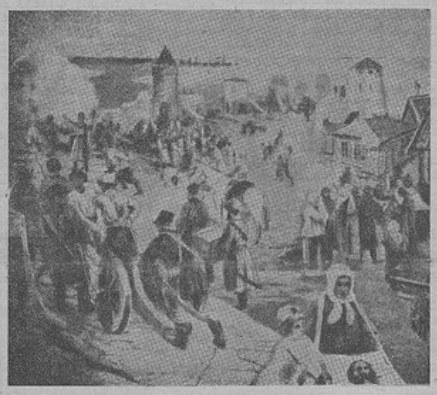
В тот же день турки предложили казакам сдать им Азов на следующих условиях:

1. Казаки могут забрать все свое имущество и покинуть город в течении 24-х часов.

2. Им гарантируется полная неприкосновенность.

3. Если казакам угодно, то они могут поступить на службу в турецкую армию. Султан любит храбрых людей и прощает казакам их вину за взятие Азова.

4. Наша армия непобедима, а вам Москва не поможет ни порохом, ни людьми.

«Азовское сидение».
Archiv „Der Kosakenbote".

На это предложение турецкого главнокомандующего казаки дали такой ответ.

1. Мы знаем, что вас много, а нас мало.

2. Мы знаем, что Москва нам не поможет ни порохом, ни людьми.

3. Мы знаем, что ваш султан считает себя выше всех «земских» царей и даже за Бога на земле и хотел бы, чтобы мы пошли к нему на службу.

Но мы Божьи и вольные люди и будем с вами драться за веру христианскую, за церкви божия, православные. Если вы нас победите, то нам не будет стыдно, а если не победите, то вашему же султану будет стыдно перед его братьями и друзьями. Мы видели, как вы сидели в Азове, а теперь хотим поглядеть, как вы будете к нему приступать.

После такого ответа Донских Казаков, туркам ничего не оставалось, как только приступить к осаде Азова.

Так 24-го июля 1642 года началась титаническая борьба пяти тысяч казаков и восьмисот казачек при 294 орудиях против двухсот пятидесяти тысяч турок, при 826 орудиях.

Это поистине героическая борьба велась в течении девяти недель, и в продолжение этих девяти недель вся политическая и военная Европа того времени следила за нею с неослабным вниманием.

26-го сентября на рассвете казаки приготовились к последней, решительной вылазке. Однако, когда рассвелось, то турок под стенами Азова не оказалось.

Захваченные «языки» показали, что турецкая армия потеряла под Азовом 90 тысяч человек и отступила. Казаки же за эти девять недель потеряли 3000 человек убитыми, а оставшиеся 2000 в живых все были переранены.

Так триста лет тому назад дрались казаки за право, правду, свободу и веру.

Теперь же эта никогда непревзойденная ни одним народом в мире героическая оборона Азова Донскими Казаками еле-еле отмечена историей странным и печальным названием «Азовского сидения».

Забыто также и то, с каким достоинством 300 лет тому назад, когда весь мир находился под властью не только абсолютной, но и деспотичной монархии, небольшой, но свободной казачий народ разговаривал с московскими царями и турецкими султанами.

...Все позабыто. Однако, жив героический дух азовских бойцов за Казачью свободу.

Полковник С. Макеев.

На следствии.

(Из книги: «Невозвратное Прошлое».)

В имении великого князя Михаила Николаевича — на Кубани, браконьеры убили егеря.

Атаман Майкопского Отдела, в районе которого находилось княжеское имение, командировал полковника Зиньченко и хорунжего Никитина со взводом казаков для производства следствия.

Проехав ряд горных станиц и аулов, полковник со своим конвоем добрался до места назначения. В охотничьем замке из августейших особ в то время никого не было, а потому держаться можно было сравнительно «вольно и свободно».

Полковник и хорунжий зашли к управляющему закусить с дороги, а казаки завели на конюшню лошадей, расседлали, положили сена и рассыпались по имению любоваться дворцовыми постройками, красивыми аллеями и светлым, как зеркало, озером...

День был божественный... Солнце игриво ласкало зеркальную гладь, по которой медленно плавали белоснежные лебеди со своим многочисленным потомством, гуси, утки и другие водяные птицы разных величин и пород...

Вода в озере настолько была чиста, что не смотря на глубину, отчетливо виднелось дно с его водяными зарослями и мелкими камешками, ползучие растения и стаи рыб...

Внимание казаков привекли какие-то металлические сетки с плавающими в них рыбами: золотистыми, красными, большими и малыми, с рыбами, которых никто из них никогда не видел в мутных станичных реках.

— Вот из такой рыбки сварить бы ушицу, так наверное язык проглотишь? — промолвил один из казаков.

— Не про твою честь приготовлена эта рыба то? — насмешливо заметил усатый приказный.

— А ось, хлопци, бачьте, це рибина, так рибина, на весь взвод хватить! — авторитетно заявил молодой казачек с приплюснутым, как у калмыка, носом... Он приподнял привязанный к колышку проволочный-мешок, в котором томилась, как узник в заточении, довольно крупных размеров золотисто-красная рыба и задорно показал приятелям.

— Ты, Иван, оставь, — вмешался приказный, — а то так попадет от полковника, что и жинку свою больше не побачишь.

— Що-ж и пошутить нельзя?...

Следствие шло своим чередом. За рюмкой домашней настойки управляющий доложил, как по его мнению произошло убийство егеря, а полковник подробно записал в протокол; потом сходили на место преступления, осмотрели местность и к вечеру собрались в обратный путь.

Вскрытие тела и дальнейшая судебная процедура лежит на обязанности судебного следователя и отделского врача.

Взвод поседлал лошадей, запел старинную казачью песню:

«По дорожке пыль клубится,
Слышны выстрелы порой!!..»

и следом за полковником стал спускаться с горы.

Но не от'ехали от имения и трех верст, как конный егерь догнал отряд и, приложив руку к головному убору, о чем-то доложил полковнику.

Хорунжий Никитин! — выслушав егеря, крикнул последний, — спешьте казаков, вытряхните сумы и подушки и посмотрите хорошенько.

— А что прикажете искать, господин полковник? — спросил молодой офицер.

— Рыбу!.. Заморскую рыбу!.. Из сети стащили, чертовы дети! — Сейчас же отобрать!

По команде хорунжего казаки, как один человек, соскочили на землю, сняли сумы и подушки, и выложили все содержимое на показ офицеру.

Полковник стоял в стороне и сердито щипал свой длинный запорожский ус, а хорунжий тщательно осматривал казачьи вещи.

Но, увы, рыба как в воду канула.

Обыск кончился. Егерь, ни на шаг не отходивший от офицера, удивленно сказал:

— Странно!.. А тем не менее сетка пустая. Мы так и думали, что казаки пошутили. Экземпляр привезен из-за границы и очень дорого стоит.

— Да, неприятно. Быть может она сама вышла на свободу и гуляет теперь по озеру? — высказал свое мнение хорунжий.

Егерь вернулся назад, а казаки поехали своей дорогой.

«То с набега удалого
Едут сунженцы домой!..»

— понеслось в след егерю.

Уже вечерело, когда приехали в станицу Царскую. Полковник решил сделать ночевку, а потому, под'ехав к общественной квартире, отдал надлежащие распоряжения.

— Ваше высокоблагородие, а что вам кушать приготовить? — спросил взводный урядник.

— Купишь курицу и... ну... там... от горловой болезни чего-нибудь.

На общественной квартире офицеры развалились на диванах и, попыхивая душистыми папиросами, обсуждали случай с пропажей рыбы.

— Куда она могла деться? Просто сами они не закрыли как следует дверку, она и вышла на свободу. У казаков нет. Я тщательно осматривал все вещи.

— Так то оно так, — перебил полковник, — а Атаману Отдела все же придется доложить. Неприятно, черт возьми. Еще чего доброго донесут великому князю, так он нам пропишет рецепт. Научит, как нужно ездить на следствие.

Часа через два появилась на столе водка со всевозможными казачьими закусками, холодный квас и пышный кубанский хлеб.

— Прикажете и горячее подавать, ваше высокоблагородие? — спросил полковника молодцеватый урядник.

— Конечно! — ответил полковник, похлопывая от удовольствия руками, и ласково поглядывая на светящееся в бутылке «горловое лекарство».

Дверь отворилась и в комнату торжественно внесли громадное блюдо с горячим кушаньем.

— Это что такое? — вне себя от удивлений воскликнул полковник, увидевший на блюде не курицу, а большую красно-золотистую рыбу, украшенную картофелем и томатами.

— Це рибина — невозмутимо ответил урядник.

— Якась така рибина, бісова душа?

— Дуже смачна, як порося.

— Я тебя спрашиваю откуда эта рыба?

— Та що у княжеском садочку пропала.

— А где-ж ты ее нашел, галушку тебе в рот?

— Та у ваших сумах, ваше высокоблагородие...

Полковник задергал седой ус и сел за стол.

О том, что было дальше, говорить не стоит...

С. Балыков.

На мосту.

Твердо сжатыми кулаками наносили казаки оглушительные удары врагу и гнали его во свояси — на север. Станица за станицей, округ за округом быстро очищались от наглых пришельцев. Атаман, знающий извечную тягу казаков, выбросил лозунг — Свобода и самостоятельность Дона. Воскрешеньем древних обыкновений, музыкой гимна родного, шелестом флага казачьего опьянил и обворожил он сердца казаков. Как елень, произенный стрелой, взметнулось в сполохе Все Великое Войско Донское... Дружно взметнувшись казаки, не щадя жизнь, полезли они в огонь и воду, очищая родную, взбулгаченную степь от вековых врагов...

Раз'езду хорунжего Игоря Крымцева выпала честь выпроводить за казачий чур последние ар'ергардные раз'езды красных на участке своего корпуса.

Еще будучи юнкером, охраняя Войсковой Круг и дворец любимого Атамана, слушая журчащие речи Митрофана о старине и воле и видя восторг седобородых дедов, казачьим национальным духом дышал давно хорунжий Игорь Крымцев. Весело обезоруживая солдатский муравейник — Хутонок, со смехом пуская пули с левши, подражая смелому Васеньке, в боях под Кизитиринкой, злобой сознательной стал он полон к мужикам... Минута очищения Донской Земли, момент оттеснения врагов за границу был для Игоря символически значительным. Молод, весел и смел хорунжий Крымцев. Отечески любили его старые казаки и радовались его любви к Дону.

Посмотрев на карту в третий раз, хорунжий Крымцев обернулся на седле и широко улыбаясь мясистыми губами, звонким голосом крикнул:

— Ну, братцы, вот и граница наша, очистили мы Дон-Батюшку!...

— Ура-а-а!!! — дружно отвечали казаки и, словно по команде, обнажая чубатые головы, начали креститься.

Угорь Крымцев хотел что-то сказать казакам, но спазма давила горло и туман застилал глаза. Снявь фуражку, широко перекрестился и он. Казаки торжественно молчали, каждый по своему переживая исторический момент.

— Ваше благородие! а ить за границу иттить нам не следовант, приказ атамана помнишь — очистить Тихий Дон и стать по границам... как бы ишо замирению не помешать — нарушая молчание, заговорил урядник Сюсюкин.

— Ничего, урядник, раз'ездом можно, дойдем и мы до мужичьего села... Рыссью, ма-а-рр-ш!..

И зарысили казачьи кони по вражеской земле.

*

Ниточкой растянулся казачий фронт по безмерной шири темной Руси. Уж медленно, с тяжелыми боями продвигались казачьи части на север. Все туже натягивалась нить. Природным чутьем угадывали казаки, что напрасно их Атаман и Круг посылают на Москву. Видели казаки, что не за свое дело они взялись, а главное — не под силу им задача. Силы казачьи были порастрачены и молодо еще государство. Не громили они уже врагов, а только щипали. До отказу была натянута нить фронта, и осенью ненастной лопнула она под новым напором красных. Покатился казачий фронт назад, сотнями верст теряя родную землю. Снежная лавина холодного севера опять запорошила по Донской степи. Золотая птица — казачья свобода — опять расправила крылья и села на ветку.

Когда N-ский полк, за штабом корпуса, проходил по городу, командир вызвал в голову полка Игоря и приказал:

— Хорунжий Крымцев, возьмите с собой двух казаков, вернитесь назад к тому мосту через Донец, дождитесь батарею, по приказанию наштакора получите у полковника Леонова материал, дождитесь у моста прохода всех наших частей и тыловых застав и взорвите мост. Об исполнении непосредственно доложите наштакору.

*

Нестройными рядами тянулись мимо Крымцева хмурые казачьи части. Не слышно было из рядов, как обычно в переходах, неистощимых казачьих шуток и острот. Не разливалась и песня казачья. Наконец, кончились полки, за ними потянулись всевозможные подводы, прошла еще одна сотня и все стихло. Хорунжий Крымцев стал поджидать тыловые заставы. Скоро начали проходить и они. Когда по времени уже было время приближаться неприятельским раз'ездам, прошла еще одна застава.

— Подхорунжий!.. есть еще там наши раз'езды?! Я должен взорвать мост...

— Нет!.. Мы — последние. Вот-вот покажутся красноюки! — крикнул в ответ начальник раз'езда и скомандовал рысь.

Игорь, которому порядком надоело ждать, подошел к нужному месту и, опустившись на колени, быстро прикрутил пироксилиновую шашку, вдел капсюль, зажег папироску и, зажегши ею бикфордов шнур, поднялся, чтобы отбежать и обомлел на месте...

С той стороны в'ехал на мост раз'езд Донского Калмыцкого полка.

— Назад! назад!!! — закричал во все горло Крымцев, махая в воздух руками, давая понять, что мост вот-вот взорвется. Но раз'езд понял, что офицер их торопит и перешел на рысь.

— Ох, взлетят они по моей вине — мелькнуло в голове Крымцева и он, в два прыжка, очутившись над пироксилиновой шашкой с уже догорающим шнурком, наступил на нее ногой, пытаясь потушить. В тот же миг раздался оглушительный взрыв...

Спокойный Донец, смешивая кровь, нежно омывая, понес вниз по течению изуродованные тела калмыков и куски тела казачьего офицера.

Ив. Томаревский.

ВЕРА.

Наша вера нас спасет,
Нам дарует Волю,
К торжеству нас приведет
На родимом поле.

Больше ж веры, казаки!
Все под стяг Свободы!
Воля-счастье впереди
Целого народа.

С верой выйдем мы на путь —
За свободу в битвы...
Нас потомки помянут
Славой и молитвой.

❦

Казаку не страшен бой
За его Свободу,
Страшен недуг вековой —
Кабала народа.

И готов он лечь костьми
На родимом поле,
Лишь была бы впереди
Детям его Воля.

Я. И. Лопух.

Преступник.

(Окончание.)

Иван Фомич уплатил причитающиеся прогонные деньги, взял в руки перо и задумался.

— Как тут быть, Степан Акимович, обратился он к псаломщику, лошади выписаны на имя учительницы Ивиной, а распишется Кушнир. Правильно ли это будет?

— Чтобы не было никакого недоразумения, по моему мнению следует написать фамилию Ивиной. Пишите «Ивина» и делу конец, закончил псаломщик.

Иван Фомич написал — Ивина.

—

Прошло около месяца. Вдруг Иван Фомич получает повестку от судебного следователя — явиться в его камеру в г. Ейск на такое-то число к такому-то часу.

— Что за дьявол? — недоумевает Иван Фомич, — по какому это делу? Как будто бы ни с кем никакой тяжбы не веду, ни в каких скандальных делах участия не принимал, а вот на, поди, вызывают.

В назначенный день и час Иван Фомич входит в камеру судебного следователя. Вручив повестку следователю, он стал ожидать дальнейшего.

— А, господин Кушнир, садитесь пожалуйста, пригласил его следователь, указав на стул.

— Скажите мне по какому делу я вызываюсь?

Сейчас скажу, и следователь начал перебирать лежащие на столе бумаги. — Вот слушайте: «26 июня 189. года заведывающий К-м 2-классным училищем, Иван Фомич Кушнир, пред'явил в Я-м станичном правлении билет на взимание обывательских лошадей, выданный на имя учительницы Зинаиды Ивиной. Уплатив причитающиеся прогонные деньги, Иван Фомич Кушнир расписался в книге о получении лошадей и уехал. При чем написал в книге не свою фамилию, а фамилию учительницы Ивиной.

Усматривая в том деянии признаки преступления, постановил: записать вышеизложенное в настоящий протокол и представить таковой судебному следователю 5-го участка, а копию с него прокурору Ростовского н/Д окружного суда и атаману Ейского отдела».

— Что Вы, господин Кушнир, скажете по этому делу?

Иван Фомич чистосердечно рассказал следователю все как это произошло.

Судебный следователь дал ему лист бумаги и попросил все им рассказанное изложить письменно и подписать.

Окончив заданную работу, Иван Фомич подал бумагу судебному следователю. Последний внимательно прочел написанное, одобрил и положил в папку.

— В чем я обвиняюсь, спросил Иван Фомич следователя.

— Вы совершили два преступления: первое — воспользовались чужим билетом на взимание обывательских лошадей и второе — расписались в книге, где были выписаны лошади, согласно билета, на имя Ивиной; при чем написали не свою фамилию. Таким образом вы совершили подлог.

— Какое же наказание грозит мне за эти преступления?

— По совокупности совершенных вами двух преступлений, при смягчающих вину обстоятельствах, самое меньшее один год арестантских исправительных рот с лишением некоторых прав.

Как громом был поражен Иван Фомич. Он побледнел, как стена; все в комнате перед его глазами закружилось; работа мысли остановилась и несколько секунд он ничего не мог соображать.

Следователь заметил это и поспешил поднести ему стакан воды. Выпив несколько глотков воды, Иван Фомич пришел в себя.

— Неужели арестантские роты? — Каким-то слабым голосом переспросил Иван Фомич.

— Да, подтвердил следователь.

— А если нанять адвоката?

— Ничего адвокат не поможет: факт преступлений на лицо, а снисхождение суд Вам даст без адвоката. Я в этом уверен.

— За что же такое тяжелое наказание? Ведь от моего преступления буквально никто не пострадал, никакого зла я никому не причинил, личных выгод не преследовал, А наоборот, своей поездкой я с'экономил несколько рублей для училища. Расписываясь за учительницу Ивину я ее почерка не подделывал, а слово «Ивина» написал своим почерком.

— Все это так, но факт нарушения закона на лицо: учинен подлог, а всякий подлог карается арестантскими ротами; а так как учиненный Вами подлог не злостный, то к Вам будет применена самая низшая степень наказания: год, а возможно и меньше, арестантских исправительных рот.

— Ничего не понимаю. Я недавно читал в журнале статью об Аракчееве, по приказанию которого, иногда под его личным наблюдением, забивали до смерти шпицрутенами солдат за сравнительно маловажные проступки и за это его не наказывали, а наоборот, еще награждали. Чем это об'яснить?

— В то время такие наказания были узаконены; следовательно, он закона не нарушал хотя и причинял людям зло. Он был, если хотите, злодей, но не преступник.

— Так. А вот еще случай: не так давно один полковник производил в станице смотр казакам, при чем двух казаков избил за то, что у одного был из'еден молью башлык, а у другого не доставало какой-то сумочки; кроме того, за это же обругал площадными словами станичного атамана. Это что такое — преступление и злодеяние?

— Это преступление: наносить кому бы то ни было побои и оскорблять словами законом воспрещается.

— Почему же этот полковник не понес никакого наказания?

— По всей вероятности потому, что никто из потерпевших не обжаловался. Вот если бы атаман станицы Я-й не постановил протокола о нарушении Вами закона, то и Ваше преступление осталось бы безнаказанным; но этим атаман нарушил бы закон, т. е. стал бы преступником, и в случае открытия его преступления, подлежал бы наказанию за бездействие власти, или еще хуже, за сокрытие преступления.

— Следовательно, атаман стан. К-й, как не постановивший протокола на полковника, нарушившего закон, — преступник?

— Да, он преступник: он обязан был донести о случившемся начальству.

— Почему же он остается безнаказанным?

— Потому что власти ничего о нарушении закона, как полковником, так и атаманом, не знают.

— Так. Благодарю Вас за раз'яснение.

—

И так я преступник, думал Иван Фомич, выйдя из камеры судебного следователя.

Всю долгую дорогу — от Ейска до станицы — Иван Фомич ломал голову над создавшимся положением.

Если бы учительница Ивина, рассуждал он, поехала на обывательских лошадях по своему личному делу, ну, предположим, хотя бы в гости или к модистке, то она бы не совершила преступления. Я же по ее билету с'ездил в ближайшую станицу по училищному делу оказался преступником. Атаман постановил об этом протокол, поступил по закону, но причинил мне зло. Суд, убедившись в этом, что я своей поездкой никому никакого зла не сделал, никакого материального ущерба никому не причинил, все-таки обязан будет определить мне положенное по закону наказание, т. е. причинить мне зло; да не только мне, но и ни в чем невинной моей жене и даже малолетним детям, лишив их кормильца и воспитателя, и даже доброго имени, т. к. позор их отца будет отражаться и на них: вот дети преступника, будут указывать на них; ваш отец арестант, будут говорить им.

В чем же тут дело? Почему это люди обязаны делать зло? — задавал себе вопрос Иван Фомич.

В том, отвечал он мысленно сам себе, что человеческие законы стали превыше Божеских. По закону Христа никому нельзя делать никакого зла, — по законам же человеческим, люди, поставленные у власти, обязаны делать зло. Следовательно, при применении в жизни только законов человеческих никогда человечество никогда не достигнет обещанного Христом царства Божия на земле, т. е. любви беспристрастной ко всем и ко всему, полного душевного спокойствия, мира и благоволения.

Что же дальше? В воображении Ивана

В. Еремеев.

Покров - символ единения.

По примеру казачьей старины праздник Покрова Пресвятой Богородицы признан оффициально общеказачьим праздником. В этот день (1-го октября с/ст.) казаки всех Войск об'единяются духовно в одну семью мощною верой в силу и покровительство своей Заступницы Матери Божьей.

Ни один народ не проникнут такой любовью к Ней и не чтит так глубоко память седой старины. В этот день особенно важно отметить племенное родство казаков, находящихся в рассеянии и, в течении четверти века лишившихся родной стихии. Праздник Покрова возродился и снова стал символом единения всех казаков. Их взор обращается к славному прошлому, откуда черпают силу и воодушевление на новую борьбу за свою вольность. Заветы дедов зовут к исполнению долга пред своей Родиной. С большой трогательностью вспоминают казаки, когда их предкам, в минуты величайшей опасности, неоднократно оказана чудодейственная помощь. Тогда предки глубоко верили в Божественную силу. И теперь осталась в сердцах их потомков вера, что Пресвятая Дева Мария не оставит исстрадавшийся Казачий Народ без опеки и, в минуты теперешней опасности, смертной схватки с исчадием адских сил, их мысли с упованием возносятся в этот день к Ней.

Об'единяющая духовная сила в прошлом продолжает жить до настоящих дней. Она дает импульс к построению новой организованной жизни.

Казаки-националисты с особой радостью отмечают единение казаков в этот великий день. Они впервые внесли в историю зарубежного Казачества страницу строгого соблюдения казачьей традиции, горды тем, что на их долю выпала почетная задача — выполнить заветы своих предков и честно отстаивать казачье имя. Их голос нашел отклик в казачьей среде и приобрел так же силу влияния на казаков, вырвавшихся из «советского рая» Этот голос все больше и звучнее раздается и в беженской обстановке и в походной боевой жизни.

Сохранилась еще казачья честь и любовь к Свободе. Казачье Национальное Слово несет своим братьям и сестрам чувство любви и глубокой привязанности к славному прошлому, вносит в их среду бодрость и веру, что последняя катастрофа не сметет с лица земли казачье имя. Оно неустанно воодушевляет казаков и зовет к несению жертвенности во имя лучшего будущего.

В этот день почитания Богоматери, когда головы казачьи покорно склоняются под Ее святым Омофором и сердца горят чистой верой в Ее могущество, Казачье Национальное Слово сильнее зовет всех казаков к служению высоким идеалам, дающим право занять достойное место в семье культурных народов.

Наряду с идеей возрождения Казачьей государственности оно стремится к поднятию духовных качеств своего Народа и воспитанию его в духе сплоченности, взаимной любви и бескорыстного служения своей Родине.

В казачьей душе сохранились хорошие качества, но они не могли развиваться нормально. Врожденная любовь к свободе и глубокая вера в Бога — все это давилось растлевающим душу интернациональным учением сатаны. Их необходимо не только сохранить, но итти дорогой их совершенствования. Если добавить к ним легендарную храбрость в борьбе с врагом, то будущее даст полное основание к существованию культурного и сильного духом Казачьего Народа.

Казаки достаточно ознакомились с культурой и жизнью Европы и вынесли понятие о ее лучших сторонах. За границей они не нашли ни братской любви, ни родной стихии и не заменят чужбину на свои казачьи просторы. Все их мысли направлены к Родным краям. Там они думают жить по своему, по-казачьи. Своими собственными силами поднесут они культуру, введут в Народ свои науку, технику и сохранят, по-прежнему привязанность к своей старине. В свою духовную сокровищницу внесут наибольшие богатства — это веру в Бога, чистоту нравов и возрождение рыцарских обычаев. Общеказачий праздник Покрова послужит символом единения всех духовных сил Казачества на вечные времена.

Колокольня собора в старой столице Дона — в ст. Старочеркасской. В подземелье этой колокольни до последнего времени находились цепи, которыми был прикован Атаман Степан Тимофеевич Разин.

Archiv „Der Kosakenbote".

И. Лукинов.

Казачий инстинкт.

Как безумный смерч в пустыне, как в бурю яростный ветер рвет тучи и разносит жалкие клочки по всему небу, так и революционная коммунистическая стихия закрутила, разнесла казаков по всем странам земного шара. Кажется, нет уголка на свете, где бы не было казака... Казак переносил свое «я», свое высокое честное имя в пространства неведомых краев, туда, «за границу», где нет безотрадной пошлости, оскорбительной жестокости, тех удручающих потемок и кашмара, которые царили в его когда-то мирных родных гнездах...

Эта ужасная стихия, как пылинку, опустила к берегам атлантического океана и казака Сергея Петровича Пустоварова. Там, в этой тиши, в этой пустыне океана, укрылся он от кровавых оргий коммунизма.

Сергея Петровича радушно приняли местные рыбаки на работу, предоставили в его распоряжение деревенский домик, довольно комфортабельный, удобный и на прекрасном месте. Впереди шла широкая, желтая, песчаная отмель, усеянная раковинками, покрытая кучей мокрых ярко и темно-зеленых водорослей и высохшим, выветрившимся, почти черным илом и тиной, наносимых приливами. Часто в этом иле копошились выброшенные на берег крабы, медузы и другие молюски.

Страшная, бесконечная пустыня океана расстилалась перед его домом; зато сзади него находился прекрасный сад, с беседкой, гротом и столиком, где Сергей Петрович любил сидеть и наблюдать, когда бушевал океан, когда начинался бурный прилив и когда волны добегали до самого его дома.

Только по воскресным и праздничным дням томила Сергея Петровича тоска и сознание полного одиночества. Тогда казалось ему кругом уныло, грустно, пустынно... Вот бушует океан, вот волна вздымается за волной, вот бегут на него эти косматые гонцы океана, спеша к берегам с дурной вестью. И он уже знает, что это за весть! Эта весть — об одиночестве, весть о наступившим для него холодном и мрачном существовании, без звука родной речи, без ласки человеческого существа, без надежды, радости... Вот они бегут эти косматые чудовища, и ревут и ревут, как-будто все их существование, все радости, все счастье зависит от того, кто первый из них донесет до него роковую весть. Черно-синий шатер неба опрокинулся над все еще не успокоившимся океаном. В небе как-то все безмолвно, торжественно, величественно. Там, вверху сияют теперь такие холодные, такие далекие, такие ко всему безучастные звезды... Что им до земли, до людей, до горя людского? И этот ревущий океан, это чудовище, на дне чрева которого погребено столько человеческих жизней, столько людского счастья, столько жертв... что ему до этих берегов, до этой земли? И все живет отдельной, разрозненной, унылой жизнью. «Познавай Бога в Его творениях», — вспомнилась ему фраза из святого Писания.

— Да, там, в храме Божьем, находит человек действительное успокоение, — сказал громко Сергей Петрович.

И мысль его потянулась домой, в его родную церковь. Он вспомнил торжественные богослужения дома, когда густой бас диакона перекликался со стройным оркестром человеческих голосов, когда ликующие церковные песнопения напоминали трель жаворонка, который как бы падает вверх и возносится, утопая в сиянии голубого дня. Как тогда хотелось жить, радоваться, наслаждаться всеми благами жизни!

За работой Сергей Петрович забывал все невзгоды, превратности своей судьбы и был всегда в веселом настроении. Когда наступила осень, у Сергея Петровича стало больше свободного времени. Он опять стал задумчив и тяготился одиночеством.

И вдруг за несколько дней до Покрова Пресвятый Богородицы, престольного праздника в родной станице Сергея Петровича, случилось событие.

Сергей Петрович в этот пасмурный день гулял по берегу. Дождя не было, и океан был сравнительно спокойный, хотя по словам его хозяина, знавшего океан, как собственное сердце, к вечеру должна была разыграться невиданная, страшная, грандиозная буря, которая заканчивает осенний период. С океана начал подувать свежий ветерок. Он прилег на песок, за углом камня, защищавшего его от ветра, Оттуда, из своего убежища, он услыхал мягкий шум колес, тащившихся по песку. Он выглянул на песчаную дорогу, тянувшуюся вдоль отмели, только повыше ее, и увидел ехавших на подводе людей. Он, конечно, не ждал никогда никого; но то, что он увидел, было так неожиданно, так неправдоподобно, так фантастично, что ему стоило не малого труда удержаться от безумного крика радости. Шедших за подводой мужчин — и по фигурам, и по походке, и по движениям, и по лицам он узнал... казаков, своих станичников.

Сначала ему мелькнула мысль — уж не галлюцинирует ли он наяву? Сердце его мучительно сжалось долгим, болезненным, судорожным сжатием... Ему показалось, что настал его час, что он переживает последние минуты жизни. Голоса у него не хватало, чтобы крикнуть им, что он здесь, что он еще жив...

Два еще сравнительно молодых станичника, плотные, коренастые, плечистые и жизнерадостные, а в их походке было что-то в высшей степени твердое, определенное, властное шли по направлению к Сергею Петровичу. Он медленно встал и окрикнул проходивших.

— Сергей Петрович! — обрадованно в один голос кричали казаки.

— Только казачий нюх, наше природное чутье помогли нам найти вас на этом заброшенном островке, — весело говорили станичники.

— Мы приехали за вами. Через три дня, как вы знаете, будет казачий праздник и мы во что бы то ни стало решили разыскать вас, нашего дорогого учителя, чтобы вместе встретить этот дорогой для нас праздник. — Но мы вас увезем отсюда в город, где соберутся все казаки. —

Сергей Петрович привел гостей в свой домик, угостил, а потом они вместе наблюдали разыгравшуюся бурю.

Буря начиналась — буря действительно необыкновенная; ни неба, ни океана не было уже видно: все слилось в один тон — индиговый, непроницаемый, страшный. В океане не было привольных волн: это бестолковый, сплошной, кипящий и бурлящий ад. Озлобленные, раз'яренные волны чудовищных размеров вздымались из недр океана, как сказочные чудовища, как доисторические великаны на битву друг с другом. Стон и рев стоял кругом...

— Разве вам, Сергей Петрович, не напоминает этот ужас нашу родину? — говорит один из казаков. И там наше Казачество, как истинное представительство добра, справедливости и правды, ведет непосильный бой с чудовищами зла. И там кругом стоят стон и ужас. —

На утро опять стояла хорошая погода, солнце, тепло и спокойствие океана. В это же утро все трое уехали они на маленьком пароходике в город.

В городе Сергей Петрович встретил станичников и многих казаков. Все они готовились к торжественной встрече казачьего праздника, Покрова Пресвятые Богородицы.

Уже с утра начали собираться к месту торжества казаки, по-праздничному одетые и с радостными сияющими лицами. И Сергей Петрович в это утро шел на праздник в хорошем настроении. Ярко сияло южное солнце. Дома и виллы утопали в зелени садов. Куда не глянешь, всюду фруктовые деревья, оливы, пальмы, апельсины, а дальше огороды, где и цветы и плодовые деревья — все вперемешку. Всюду солнце, зелень, влага, плодородие... Что за кар-

---

Фомича рисовалась картина суда, лишения места, тюрьма, арестантские роты, где по закону его могли наказывать розгами, а вопреки закона всякий надзиратель мог наносить побои и всячески издеваться. А дальше? Дальше освобождение, но он лишен некоторых прав; следовательно, поступить на службу учителем он уже не сможет. А семья? Тяжелое душевное переживание жены, а в будущем и детей: их отец арестант; лучше умереть. Если я умру, жена будет свободна; и может выйти замуж; она еще молода и красива. Детей, — сирот умершего учителя — могут принять в какое-либо учебное заведение на казенный счет. Если же я останусь жить, то я буду помехой жене и, возможно, даже обузой для нея; детей, лишенного некоторых прав отца, едва-ли примут куда-либо на казенный счет, а троих воспитывать на тридцать рублей месячного учительского жалованья, жена никоим образом не сможет. Да и для меня будет лучше: во-первых избегну всевозможных издевательств, связанных с положением арестанта исправительных рот, и, во-вторых, избавлюсь раз и навсегда от возмущающих мою душу и сверлящих мой мозг вопросов: как это одни люди, вроде Аракчеева, забивают до смерти других и за это злодеяние получают награды и высочайшие благоволения; полковники, избивающие казаков и оскорбляющие атаманов, остаются безнаказанными, а я никому никакого зла не причинивший, лишаюсь службы, семьи, честного имени и становлюсь арестантом. Нет, лучше умереть. Да, умереть, но как? Застрелиться? Пойдут толки всевозможные, догадки. И опять, — самоубийца. Правда, можно застрелиться как бы нечаянно, вроде, при разборке револьвера, что ли. Но хорошо, если выстрел будет смертельный? А если только ранение? Фу, как тяжело.

Зврика, чуть не вскрикнул Иван Фомич.

—

Приехавшего Ивана Фомича с радостью встретили любящая и любимая жена и дети.

— Ну что, Ваня, зачем вызывал тебя следователь?

— Пустяки. По делам Ссудо-сберегательного товарищества, — соврал Иван Фомич.

— Ну Слава Богу, а я, представь себе, во время твоего отсутствия все беспокоилась. Как-то тяжело было на душе. Места себе не находила. Часто плакала. Никогда я себя так скверно не чувствовала. Умывайся и часа через два будем обедать.

— Нет, милая, я лучше пойду к морю и выкупаюсь; так будет лучше.

— И я с тобой, папа, на море, и я закричала радостно детвора.

— Нет, деточки, я сейчас пойду один, чтобы поскорее вернуться к обеду, а вечером пойдем на море все и Витю повезем в колясочке.

Перецеловав детей и захватив полотенце, Иван Фомич быстро вышел из квартиры и направился к морю.

Раздевшись, он истово перекрестился и бросился в море. Долго плыл он, удаляясь от берега. Наконец почувствовал усталость, опустился на дно. Вскоре вода стала холоднее. Достигнув дна, он оттолкнулся и пошел к верху. Вот уже вода потеплела. Скорее, скорее на воздух, мелькнуло у него в голове, но почти на поверхности он захлебнулся и пошел на дно.

Жена, прождав до двух часов, стала волноваться, потом решила, что Иван Фомич, по всей вероятности, зашел к кому-либо из знакомых, и, с большим неудовольствием, села за стол с детьми сама.

Перед вечером рыбаки заявили в станичное правление, что на берегу моря лежит чья-то одежда, а никого нигде не видно.

Помощник атамана с писарем поехали на берег моря и без затруднения узнали, что это была одежда Ивана Фомича. Весть об этом быстро распространилась по станице. Вскоре узнала об этом и жена Ивана Фомича.

Отчаяние молодой женщины не поддается описанию: вопли, рыдания, истерические припадки; плач и крик детей наполняли квартиру. Несколько дней подряд местные дамы по очереди дежурили возле несчастной, ухаживая за нею и за детьми.

На 4-й день море выбросило на берег труп утопленника.

Во время отпевания, церковь была переполнена народом. Многие плакали. Когда же дочурку покойника приподняли, чтобы она простилась с отцом, она сквозь слезы вскрикнула: «Папа, папа, встань, иди к нам жить». В церкви раздались рыдания.

Тысячная толпа провожала своего учителя до самой могилы и никто не допускал мысли, что они хоронят преступника.

Так погиб во цвете лет народный труженик и полезный гражданин общества; осталась обездоленная, убитая горем вдова с тремя малолетними сиротами, но зато исполнена буква человеческого закона, окрестившая безупречно чистого человека преступником.

Узаконенное зло восторжествовало.

Иван Колесов.

***

Зазвенели степью збрани,
Треплет колокол язык —
И от Грани и до Грани
По станицам слышен зык!

И услышав зов набата,
Зов тревоги вековой,
Снаряжаясь, брат за брата —
Все идут на смертный бой!

За Казакию, за Волю,
За звычаи старины,
За Великое Раздолье
Поднялись степей сыны...

Все на Грани!.. Строй за строем!
Треплет вихрь шелка знамен! —
За Присуд на Диком Поле,
За завет степных племен!..

...Спрашивается, был ли Дон государством или провинцией Московского государства? На этот вопрос нужно ответить: безусловно на Дону существовала своя собственная государственная власть, и с 1549 по 1721 год Дон был государством, а не провинцией. Государственная власть на Дону имела источником народную волю... Суверенная власть принадлежала общему народному собранию, носившему название «Круга» или «Войскового Круга»...

(Сватиков, «Россия и Дон», стр. 33.)

тина человеческого благоденствия! Все как бы говорило человеку: «Зачем ты несчастлив? Все мы тебе даем. Умей только этим воспользоваться»...

Подходя к дому, Сергей Петрович из открытых окон уже слышал возгласы священника «...о плавающих и путешествующих»... и с под'емом исполняемое простыми, могучими голосами церковного пения. Войдя в молитвенный дом, он был захвачен общим настроением казачьей молитвы. Все, как один человек, чинно, усердно, с захватывающем порывом молились, воздавая хвалу Всевышнему за сохранение живых и проси о упокоении «положивших живот за братья своя».

Торжественная литургия кончилась... Казаки взаимно поздравляют друг друга с «Престольным днем», крепко жмут друг другу руки и высказывают пожелание следующий праздник встретить у себя дома.

Чинно, по старшинству лет усаживаются за общий станичный стол. Атаман станицы, старый, испытанный полковник, как старший казак, принимает, распоряжается, является «томадой» стола.

Отшлифовывая, отчеканивая каждое слово, которое бы действительно запало в душу каждого казака, он с любовью вспоминает казачий праздник в наших родных Краях.

Напомнил, что казаки не только храбрые воины, но и особенно трудолюбивые земледельцы. Казаки умели использовать природные дары своих краев. Всюду в станицах была полная чаша довольствия, чувствовалась привольная богатая жизнь.

И свои областные города они с особой любовью и вкусом строили, делали вполне культурными. Казаки любили свой Край, свою землю, не купленную или кем-нибудь подаренную, но добытую с оружием в руках, обильно политую казачьей кровью и с особым упорством и лишениями приспособленную для мирного труда.

Еще у каждого казака в памяти праздник в наших областных городах. В этот день с утра переливаются звоны всех церквей, особенно звонких колоколов Войсковых соборов. Всюду депутации от станиц, хуторов, аулов в художественных казачьих одеждах. Величественный парад. Впереди несут славу казачьих войск — войсковые регалии и разные грамоты, немых свидетелей былых подвигов казаков.

Как традиция, в этот день устраивались войсковые обеды с таким обилием всего, что поистине столы ломались. Сейчас все это кажется сказкой...

Но должен каждый казак верить, что наступит время освобождения наших краев от красных палачей и тогда мы снова поднимем свои регалии и водрузим их на свое старое место. Это и обязывает казака вести бой, нести невзгоды и твердо верить, что освобождение это придет...

Все казаки слушали речь атамана с особым вниманием. Молниеносно летели мысли у каждого из них о милом родном, далеком доме и делали лица молодежи чугунными, а у стариков выдавливали бриллиантовую слезинку. Но это было мгновение... Снова, как и в былое время, охватило всех общее веселье, со всех сторон сыпались казачьи шутки и прибаутки...

Мирная беседа, пересыпаемая остротами, воспоминаниями о боевых делах и песнями, продолжалась далеко за полночь.

Иван Сергеевич возвращался немного расстроенный. Он сам себя спрашивал: — «Как было? Да нужно-ли говорить?.. Конечно, было замечательно, прекрасно...

— Сегодня я именно отчетливо понял, какой смысл в моем бродяжничестве. Казачий праздник еще больше укрепил, осмыслил мою любовь к Казачеству, к оторванной Казачьей Родине.

Борис Кундрюцков.

Батяня.

Алым заревом, зажигая небо, пылала станица. Далеко в темное небо, алыми лучами, черным дымом кричали белые курени о людской злобе. А небо... Черное, спокойное с белыми холодными звездами, раскинулось молчаливо и равнодушно. До людской ли беды, до человеческого ли горя ему? Века идут и в их безудержном беге гибнет одно, нарождается другое, радость сменяет горе, горе сменяет радость. Смех и слезы, слезы и смех. Оттого-то нет у звезд даже любопытства. Мигают себе, будто говорят друг другу: — эка невидаль, кто-то дерется, кто-то побеждает и кто-то побежденный уходит в даль задумчивой сонной степи. Так просто, в неприглядную, незнакомую сторону от родного гнезда. А гнездо, разоренное, может уже сгорело, осветив звездное небо трепещущим разноцветным заревом, может уже обгорелым столбом стоит дымовая труба, закоптелым пальцем уколовшись в небо.

Тихо в степи. Жуткий вой голодного пса за станицей да редкие выстрелы, как хлопушки. Кто стреляет — неизвестно, и отчего стреляет — тоже.

В эту тихую летнюю ночь, испуганную красным полымем, уходил верхом казак. Фыркая в темноте и косясь по сторонам, тревожно перебирала лошадь ноги, и в седле, устало опустив голову, сидел всадник. Будто спал. Легла борода белым веером на широкую грудь, смешались с нею усы с подусниками, опустились веки, и руки, на луке, бессильные, со странно сведенными пальцами, не держат закрученную уздечку. И спит и не спит всадник. Кусок тряпки с пятном кровавым прилип к загорелому морщинистому лбу — наспех перевязанная рана. Рана, которая почти нечувствительна, рана, о которой всадник почти забывает, если бы не толчки неровные коня, от которых ноющая боль гонит путающиеся мысли.

Тогда она напоминает о себе. Кто его ранил? А шут его знает. Может быть, красный какой, а может быть сын.

Лицо сына Игнат Герасимович так и представляет себе: озаренное багровым заревом, с черными злыми глазами, со сжатыми губами, с белым лбом, на который свалился завитой чуб.

Так и представляет себе, как выскочил он из-за_угла со злорадным гиком, покрутил в воздухе шашкой, будто в небе поковырял, и исчез в конце улицы... Вылетел за ним Игнат, в догон...

— Куды, предатель?.. Супроти отцов!..

Погнался по станице. Пальба всюду. К нему навстречу четыре конных, не разглядел кто. Один с наганом... Выстрелил... Теплая кровь залила глаза, как вода все равно... Завернул коня в степь... Бежит кровь — не остановишь. Оторвал тряпки кусок, из сум достал, замотал голову и все повторял, уж не понимая:

— Куды, предатель?.. Супротив отцов!..

Пришли времена последние. Ухватились люди правду искать, на земле искать. А есть ли она на земле?.. Уж не в белых ли куренях спряталась, что запалили их со всех четырех концов, уж не в голове ли старого казака, что пулей ее достать хотели, уж не в покое ли степной, утонувшей в садах, станицы?

Смеялась склоненная старая, седая голова:

— Хе-хе-хе.

В темную степь смеялась.

— Нет правды. Не найтить. Свою потеряли, а чужая правда, ровно бельмо на глазу. Мы то ее в степи схоронили, зря што ли у нас курганов столько понасыпано. Молчат они, знают, что им доверено. А то — вынь да положь.

— Хе, хе, хе. Я его поил, кормил, я его можно сказать... — зашептал старик, забурчал что-то.

Конь остриг уши, вздрагивал, прядя ногами, и стал, почуяв затянутый повод, подался вперед.

— Стал...

Стал прислушиваться, топот послышался, нагоняет будто кто. И хотел бы разглядеть Игнат — темь такая, хоть глаза выколи.

Повернулся в седле и стал смотреть через левое плечо, через правое нельзя было — тряпка мешала. Едет кто-то, один. Слышится неровная дробь рыси. С'ехал старик с дороги, повернул коня мордой к станице, увидел растущий на один зареве силуэт. Папаху, худощавый стан, кучерявый чуб, упертые в стремена ноги в шароварах — знакомы они казаку. Ух, как знакомы! Плоть от плоти, кость от кости...

Васютка его. Васютка, которому он вихры драл да копейки на пряники даривал. Его Васютка, что поцаном камыши с крыши дергал да с наконечниками из стыдол, в муселенных ладонях укатанной смолы, в виде стрел в эти вот самые дымные черные небеса запузыривал. И представил себе старик, как шел он из церкви на Троицу вместе с Васюткой своим. Давно это было... А Васютке из-за плетня Санька Болдырев язык показал. Только и видел он Василия, забыл тот и про рубаху чистую и про шаровары с лампасами. Стрелой к плетню, через него, да за Санькой, а Санька за летнюю кухню. Не тут-то было. Санька на погреб — Васютка за ним. А под погребом кадка с водой стояла, досками покрытая. Болдырев на нее и в сад, Васютка сиганул, да в воду — в новой рубахе, в штанах... Вылез, от злости плачет, водой истекает, то-то над ним Игнат-отец смеялся.

— Ну и гусь лапчатый!

Представилась картинка... А теперь вот, может, в догон за отцом выехал, может отца поймать захотел.

Поравнялся всадник, и страшный выдвинулся вперед отец, поймал за уздечку коня. Поймал, да и заговорил.

— Поджидал я тебя, Васютка. Куда путь молодецкий держишь?

Шатнулся в седле Василий, еидит ни жив, ни мертв.

— Хронтовиков што-ль собирать собрался?

Говорил спокойно, власть чувствовал над сыном, отцовскую власть.

— Чего ж молчишь? Ай угадал?.. Што ж ты думаешь, я на тебя суда не найду?

Поднял нагайку, ударил по лицу, по плечу ударил, да так, что дернулся Васютка, но смолчал. Кони знакомые, друг друга обнюхивали, и Василия кобылка от радости голову подняла и заржала.

Тонко так, с переливами: гггги-ги-гггги.

Вздрогнул старик, как проснулся, узнал ржанье кобыленки, сыну он ее подарил, когда тот на службу шел. Две слезы тяжелые, горькие-горькие навернулись. Тронул коня, уронил голову.

Смеялась склоненная старая, седая, заклеенная тряпкой голова:

— Хе, хе, хе.

И Васютка за ним поехал...

— Я, батяня, от них убег. Они, батяня, у церковь вошли, в иконы палить зачали. Ехал сзади.

— Одну казачку...

Качал Игнат головой.

— Верно, Васютка, верно... Курени еще жгли... Ну, а ты поезжай обратно. Иде ты был, когда станицу зажгли?.. Курени жалко не было?

Над Доном надругательство допустил... Не хочу тебя боле.

Повернулся к сыну:

— Нету тебе моего прощения.

Стегнул плетью коня, поскакал в степь, а Васютка, отстав, долго слушал, как затихал топот... Крикнул:

— Батяня!..

Замолчал, прислушиваясь к своему зову, тряхнул кучерявым чубом, слез, сел у дороги и застыл так, напряженно смотря в темноту. Сзади, догорая, светила станица, да кобыла, опустив голову со с'ехавшим поводом, щипала придорожную, пыльную траву.

Полк. Д-р Федоров.

Скликання ради.

II.

(Козача Старина).

Відповідно до характеру Ради вживався й спосіб її скликання. Коли це була Рада «всенародня»-«загальна» то тут треба було попереднього оповіщення, по запорозькому виразу робилася «кругова повістка», яка йшла без перестану і в день і в ніч, від одного поселення до другого, через всі зимовки й пости, з кінним післанцем. Це було щось подібного до мобілізації, бо в Коші Запорозькому, мусів кожний прибути, по повістці, до Січі. «Вістовий посланець» їхав з перначем того начальника, який скликав Раду, як найшвидче, штафетою, — перначклався на стіл й оповіщалося, де й коли буде Рада, господарь вже турбувався про те, щоб його оселя була як найшвидче оповіщена далі та щоб післанець мав можливість що найшвидче дістатися далі.

Порядок примусовости додержували запорожці і в «городах» на Гетьманщині, закликаючи на Раду під загрозою смертної кари за неявку, вони розсилали в імені Війська, особові листи, чи то «універсали» в яких вказувалося місце й день скликання Ради.

По одержанні повістки, з'їжджалася, звичайно, сила народу, в Січі до 30.000 козаків, переважно кінних, а тому що запорожці їздили «о двуконь», то вони росташовувалися на значному просторі, на паші й тут було повідомлятя про початок Ради, іншого порядку. Воно робилося «подлуг давного звичаю запорожського» стрілами з гармат; по заходу сонця з трьох найбільших, в знак того, що на другий день буде Рада і в день Ради «на світанні» також. Гук важких гармат лунав звичайно далеко-широко понад водою і козацтво мало можливість явитися завчасно, на Раду.

Безпосередньо перед сходкою й також після перерви на обід подавалося знову «гасло» але вже двома стрілами.

В городах Ради бували ще чисельнійші ніж на Січі й там також був «сигнал из трех пушек показан». По закінченні Ради також давалися стріли з гармат і грали сурми, це ми бачимо й на Січі й на Гетьманщині в XVI—XVII віках й пізніше.

Після стрілів, для тіснішого оповіщення, «довбиш» як офіційна особа, починав бити у «котли» литаври, на це він мав при собі завше палиці. Литаври це були власно «вічовий дзвін» січовиків, а містилися вони на публичному місці — на базарі, біля пушкарні, під окремим навісом, біля «ганебного стовбу» де карали злочинців, й до литавр кожний мав, таким чином приступ. Це було звичайне місця перехования литавр, у які довбиш, бив щовечерню «тапту» — зорю, після якої зачинялися ворота укріплення і наставав ночний порядок. Але під час козацьких зборів, литаври нарочито ховали до церкви «дабы своевольники бьючи тревоги не учинили», однак це не завше помагало, бо бувало що «чернь» витягали литаври й з церкви. «Сірома» бувало била у литаври дрючками, після чого, звичайно прибігав довбиш й мусив далі «бити Раду» сам. При Радах звичайних литаври переносилися заздалегідь з базару до церкви а потім для «бою» на майдан біля церкви, де й відбувалася Рада. На поході литаври стояли в обозі посеред кола, під бунчуком. У литаври звичайно билося не лише на Раду, але й на кожний збір.

Закликалися також козаки й при помочі «осавулів» які вживали й своїх урядових кійків для підгону тих, хто спізнявся, це було подібно до вічових «бірючів», осавули могли мати з собою й сурмачів, які грали по закінченні Ради. На Гетьманщині, у році 1727 для оповіщення посилався «афицер с трубачем» і з литаврами.

Спосіб скликання не грав такої вже важливої ролі, важливим було щоб все товариство було оповіщене й знало про початок і скінчення Ради. Нормально Рада відбувалася там де билося у литаври й де маячив вбитий у землю «військовий прапор» — одзнака Військової зверхности. Рада не мусила відбуватися на якомусь певному місці, це залежало від обставин й перед усім від кількости народу. В Січі нормально, це був майдан перед церквою й «палянкою» — головним управлінням Січі, в інших місцях — площа перед церквою.

Але так само в Січі відбувалися Ради на базарі — у фортштаті перед пушкарнею, вязницею, коли йшло про обрання дрібних старшин і військових служителів. Бувало що майдан не вміщав все товариство й тоді воно росташовувалося по стріхах курінів, за куренями, на дзвінниці, по валах й над річкою, яка оточувала город.

«Настоящие и будущие судьбы всех Казачьих Войск одна с другой переплетены, одна с другой неразрывно связаны и одна от другой тесно зависят, как переплетены были, как связаны были казачьи боевые силы на фронте против общего врага, и как успех или поражение каждого Войска тесно зависели от успеха и поражения других Войск.

Казачьи исторические судьбы одинаковы. Удел одного Войска — одновременно и удел каждого иного. Не будет счастливого Дона, если будет несчастной Кубань. Не будет свободной Кубань, если не будет свободным Терек, если Астрахань будет в ярме...

Или все Казачьи Войска спасутся общими силами, собравшись вместе в одном Казачьем Государстве, или каждое Войско погибнет порознь.

Ни одно Войско, даже наиболее сильное, не может сейчас решать своей судьбы независимо от Войск других. Каждое самостоятельное, несвязанное и независимое от решений иных Войск действие и решение любого Войска ведет неизменно к поражению, к конечному проигрышу казачьего дела».

(«В. К.» 10. II. 1935. № 168.)

В випадках коли в Січі було мало місьця, Рада переносилася за «фортецію січову» на місце просторніше. На Гетьманщині Ради відбувалися на полі, в діброві, в степу, по над річкою, або по над дорогою, инколи при могилі з якої говорили промовці.

Подібно при могилі відбувалися й всенародні зібрання черкесів. При цьому бралося на увагу щоб була близько паша для коней та вода й щоб товариство не витовкло й не випасло збіжжя. Инколи вказують город як «место хлебное и крепкое» щоб прогодувати зібранних й відстояти на випадок вражого наскоку. Також й донському Кругові не раз приходилося братися за ружжо й цілий день битися з татарами й турками.

Маємо також випадки скликання Ради «на переправі» і під мурами кріпости (перекопської), навіть «на дострілъ», також і у блокованому від неприятеля обозі. Тоді Рада переводилася на тім місці де хто стояв і сидів, бувало що в тому галасі не можна було й радитися, тоді Військо дозволяло уповноваженим вийти для «порад особливих».

Ради «не явні» — таємничі відбувалися в зачиненому помешканні навіть під озброєною охороною від людей небажанних, таке бувало в старовині і з вічами. Але козаки рахували такі «хатні» Ради, за зачиненими воротами, на дворі, як зраду.

В кожному разі, кожна справжня Рада — «Рада здревле» мала за собою віками ствердженій авторітет, наколи ж вона мала за собою ще й фактичну силу, чи то всього Війська, чи то більшости товариства, чи силу адміністрації козацької, вона була зокрема важлива, — «а в Войску Запорожском то Рада здавна сильна и всем явна». Як «узаконенная здревле» будувалася вона на козацьких «обыкновеніях» які «очень древнія, а потому и основательныя». Відповідно, звичайовим шляхом, встановився порядок, в якому відбувалася Рада. Закликане товариство збиралося на вказане місце, де стояв довбиш з литаврами, який, в перший раз, бив дрібну дріб довго, з годину часу. На тому ж місці ставили стіл иноді великий з приступками, покритий килимами, на нього клали клейноди, та вводили обраного начальника, иноді стіл був маленький, навіть «сирноз»; на стіл також покладали «рахунки» коли адміністрація сдавала відчит, або «компут» — «описки курінного товариства.

На стіл, після заключення, з обраним «пактів» — договору, виступав новообраний Гетьман, тримаючий регалії, там же він покривався прилюдно бунчуком й білим Військовим прапором у знак символичного «обіленія» — всепрощення, амністії, згідно зі старим козацьким юридичним звичаєм. В деяких випадках, при прийятті чужих послів, для них робився окремий помост, вкритий килимами, з якого вони й промовляли і відчитували грамоти.

В Січі прапор, литаври, стіл ставилися біля церковних «трапезних» дверей, приступок для них й служив помостом з якого промовляли промовці.

П. Поляков.

Семен-отрок.

(Вступление к поэме того же названия.)

. . . . . .

Ходят тучи темные,
Серо небо мутное,
Утром затуманенным
Обжигает стыть...
Листья — будто вороны,
Мысли — листья желтые,
Что поземка веются, —
Не остановить.

Мне про Дон бы Батюшку
Да про степь кормилицу,
Да про племя вольное
Песню заиграть.
Да в нехитрой повести
Про Семена-Отрока
Господу пожалиться,
Детям рассказать...

В старину старинную,
Времена далекие
Без молитвы-радости
Нехристь, разве, жил...
В старину великую
Перед делом-промыслом
Всяк по Дону истово
Крест святой творил...

Помоги мне, Господи,
Послужить Казачеству,
За него, родимое,
Жизнь отдать свою.
Упокой мя, Господи,
Промежду курганами
Возле Дона Тихого
Да в родном Краю...

Положуся, веруя,
Я на волю Божию,
А за Волю-вольную
Тихо помолюсь,
И за славу Господа
И Казачью Славушку
С нерушимой верою
В другоряд окщусь...

Слава Богу Господу,
Слава Дону Тихому
И всему Казачеству
Слава — ярче звезд...

. . . . . .

Я за правду вечную
И за души воинов,
За нее боровшихся,
Ставлю третий крест.

Г. Козловский.

Октябрь.

Так было в старину глубокую, так оно ведется и в наше время.

К Первому Октября, к празднику нашей Заступницы, деятельно готовится Казачий народ. Это день всеобщего казачьего праздника, особо чтимый всеми нами.

Проходили годы, менялись люди и обстановка, но традиционное наше Первое Октября всегда оставалось ненарушимым. Ни политика, ни какие перевороты и события не нарушили нашей традиции, Покров Пресвятой Богородицы был и есть всегда нашим днем, днем нашего Казачьего праздника. Дома ли, по станицам и хуторам, в местах постоя Казачьих полков и сотен, где-либо на далекой окраине, наконец, в тяжелых боевых походах, мы всегда помнили о Первом Октября и в разной обстановке, но с одинаковым подъемом и особенным чувством в этот день посылали свои молитвы Той, чья икона всегда была с нами.

И сейчас рассыпанная по лицу земли Казачья лава, куда бы судьба ни забросила Казака, он помнит о Покрове Святой Девы и по мере сил и возможностей празднует этот великий для него день.

В день именно Покрова, 1-го октября 1641 года закончилось историческое Азовское сидение. Отступили от земляных валов, сколоченных руками Казаков и их жен, турецкие полчища. Отошли посрамленные, несметная рать их не совладала с горсточкой казаков, запершихся в городских стенах. Первым делом осажденные отслужили благодарственный молебен перед иконой Святой своей Заступницы.

Память о легендарном Азовском сидении дошла до наших дней, в пример его ставят не раз и в нынешнюю, жестокую войну.

Прошло после Азова 30 лет. Разлилась по всей Волге широкою волною Казачья вольница, на защиту воли и правды повел свои загоны на Москву степной богатырь Степан Разин. Все шло хорошо, чем ближе был он к Белокаменной, тем больше шло к нему обездоленного народа. Но вот 4 октября под стенами Симбирска московские полчища разбили армию Разина и тяжело ранен был сам Атаман. Покатилась вниз, назад, к Донским привольям, Казачья вольница и вскоре то, чего не могло долгое время сделать московское оружие, довершило московское же золото и посулы. Свои же лиходеи довели Степана Разина до плахи...

Много пришлось перетерпеть Казачьему народу после разгрома Разинского восстания. Ошалевшая от жажды мести Москва издевалась всячески над Казачеством, стараясь истребить весь Казачий народ, превратить вольных сынов степей в послушных себе холопов.

Но не такова Казачья природа. Всему, даже Казачьему терпению, имеются свои границы. Не в моготу наконец всем стало и вот, 9-го октября 1707 года, Атаман Кондратий Булавин поднял сполох. Потянулись из станиц и хуторов Казачьи сотни, все по призыву своего Атамана спешили сбросить с себя чужое иго. Но и на сей раз вражеское золото и посулы заклеймили головы многих казаков позорным именем предателей.

26-го октября 1581 г. Ермак Тимофеевич занял столицу Сибири Искер.

22-го октября 1612 г. Донской Атаман Тимофей Межаков, в дни московской смуты, занял со своими Казаками московский Китай-Город.

А 29-го октября 1792 г. привел на Кубань черноморцев Войсковый Судья Антон Головатый.

Наконец 17-го октября 1920 года армией Врангеля был сдан красным варварам Перекоп. Быстро покатились от Сиваша к югу Казачьи части, все спешили к берегам моря, к кораблям, которые вывезли более счастливых в чужие, неведомые края.

Шли корабли, куда, никто не знал, точно также, как никто не знал, куда завтра забросить его судьба. Разбрелись кто куда, сын отстал от отца, жена потеряла мужа.

Но попав в чужие края, очутившись среди незнакомых себе народов, казак не пал духом и не растерялся. Он думу крепкую думал, присматривался ко всему, что его окружало, сравнивал с тем, что оставил дома и, работая с киркою или лопатою, мечтал о скором возвращении к себе домой.

Многие молодые станичники приобрели большие знания. Учебные заведения оказались открытыми для Казаков-эмигрантов и наши ряды пополнились своими врачами, инженерами, техниками и иными специалистами. Мы здесь, на чужих землях, не сидели сложа руки, мы все время работали.

Здесь, в богатейших книгохранилищах и музеях, мы нашли много неопровержимых исторических данных, дающих нам право на самостоятельное бытие и бороться за свою свободу и независимость.

Под звуки боевой канонады, действуя с оружием в руках, рука об руку с своим доблестным союзником — Германским народом, наши Казаки преисполнены все той же мыслью:

Победить заклятого врага и вернуться к себе домой, в свои родные степи и хутора.

Эта глубокая вера в конечную победу, в торжество правды и справедливости, придает нашим Казакам силу и твердость, закаляет их в жестокие моменты жизни и они видят на ближнем горизонте торжество своей идеи.

Сейчас на поле брани решается судьба Казачьего Народа, это знают казаки и с большей силой и энергией борятся за свои права.

И в день первого октября текущего года мы с большей верою и силою обратим свои взоры на Ту нашу Святую Заступницу, которая на протяжении вековой нашей истории всегда была с нами, жива вера в ее силу в наших сердцах.

И будем верить, крепко верить, что с Ее помощью мы скоро увидим свои родные степи и хутора.

Казачий раз'езд на отдыхе.

Archiv „Der Kosakenbote".

А. Пивень.

Казаки.

I.

«Казачество... Казаки... Не колеблюсь сказать: на мой слух — это звучит гордо».

Казак — удалая, отважная, неустрашимая голова.

Казак — лихой, смелый, неутомимый наездник.

Это воин с головы до ног, от рождения до смерти.

По первому зову бросает казак свои мирные занятия, в два три дня собрался в поход, а на четвертый — уже несется на своем степном коне-скакуне и первым является на бранное поле.

В походе и на фронте он терпелив, вынослив и неприхотлив: на ходу, наскоро ест, очень мало спит всегда на чеку, постоянно готов броситься на врага.

Чем казак силен и крепок?

Он крепок своей вековой, неизменной дружбой с конем.

Сильнее этой дружбы на всем свете нет.

Верная жена — драгоценный друг в доме: она скрашивает всю жизнь казачью.

Однако, бывает, что и такая жена изменит.

Только верный конь крепок в своей дружбе и не изменит казаку никогда.

Казак и конь — это одно целое, удивительное, прочное целое, в особенности, в походе и на войне.

И потому казак может провести на коне бесконечное число дней, не чувствуя утомления, не зная отдыха.

Но он также способен не один день пролежать вместе с ним в кустах, в камышах, не скучая, не теряя бодрости, и зорко следить за врагом.

А посмотрите, каков казак верхом на коне: сидит — не качнется, как прирос, будто родился вместе с конем.

Посадка бодрая, живая, без конца удалая: грудь вперед — колесом, плечи назад, голова запрокинута, шапка на самом затылке.

Но он и без коня скор и подвижен, как вьюн; гибок, как молодой стебель, как прибрежный тростник.

Ходит скоро, в припрыжку, сидит мало, но очень любит лежать на земле или на зеленой травке.

Глядит смело, открыто: глаза смеются, а на лице бойкая, но очень добрая улыбка...

II.

«И пойдет дымом по свету о них слава».

Не знатен казак своим родом, происхождением, а прославился на весь свет.

Но кто же такой казак? Откуда он? Какого роду и племени?

Не спрашивайте об этом казака: на такие вопросы вы услышите только один неизменный ответ:

— Кто ты такой?

— Казак.

— Какого происхождения: роду и племени?

— Казачьего.

— Ну, а какого звания или сословия?

— Казачьего.

— Да кто же были твои предки: отцы и деды?

— Казаки.

Казак никогда не занимался еще своим родом или происхождением.

Только одно знает он твердо, что он сам — казак, что отцы и деды были такие же казаки, и с гордостью и достоинством носит это имя.

Казак — вольный человек, никогда не терпевший над собою чужого владычества, не знавший рабства.

Свободный телом и душой, воинственный отпрыск древнего казачьего народа.

Это сын бесконечных степей, вольный, как воздух, свободный, как ветер.

Широкая степь его воспитала, взрастила; земля-мать родная поставила на ноги, вскормила.

И потому в деле ратном казак надоедлив, как ветер, беспокоен, как вихрь: является там, где его не ждут, врывается туда, где его не просят.

Опасен казак на войне, страшен в битве и схватке: стреляет в самую точку, колет насквозь, рубит со всего плеча — на-двое.

От него не спасешься, не укроешься: бегущего настигнет — приколет, лежачего в полон возьмет.

Таков казак на поле ратном и своей доблестью и удалью прославился на весь свет.

III.

«Казак никогда не унывает, он и на войне песни играет».

Но правду ли говорят, что казак лют и кровожаден, что он дик и жесток, как зверь лесной?

Нет, неправда.

Так говорили и говорят только недруги казачьи, да еще те, кто казаков никогда не видел и не знает.

Все это неправда и злостная выдумка.

Совсем наоборот: казак — душа-человек. Простой, сердечный и обходительный.

Никого без нужды он не обидит, а со всяким обойдется по-братски, по-человечески.

Мало того: у него всегда можно найти помощь и защиту, он горой станет за всякого слабого и обиженного.

Только в битве и схватке он ловок, как бес, и страшен врагу-противнику; но на бивуаке, во время отдыха, он весел и добр как дитя, а всякого пленного накормит и напоит — последним поделится.

Казак не только отличный воин, но он всегда надежный и хороший товарищ.

На него во всем можно положиться, как на самого себя.

Уж он не выдаст и не изменит, а случится кому беда, так без зова кинется на выручку.

Казак каждому друг и приятель, со всеми веселый собеседник.

Веселость и приветливость вошли у него в привычку, бодрый и шутливый тон редко сходит с его уст.

Ради этого, не любит казак молчать и серьезничать: когда он в компании — шутит и беседует, когда сам — песни поет.

Ох, и большой он мастер песни петь!

Видно от самой природы — соловьиной породы.

Как среди птиц соловей наилучший певец, так среди людей казак первый песенник.

От колыбели до глубокой старости не расстается казак с песней: она постоянная спутница его беспокойной казачьей жизни.

И если нет у него супротивников на коне да в седле, то нет и соперников в хоровой песне.

Доказал это казак на деле: дома он пел, только своих веселил, а заграницей запел все рекорды побил.

И прославился казак даже в изгнании, в тяжелой эмигрантской жизни.

Не ратным искусством, не военно-боевой удалью, а дивной, чарующей песней, да лихой казачьей джигитовкой и лезгинкой.

Николай Келин.

СПОЛОХ.

Ну, кормилица степь, выноси казака!
Заклубилася пыль по дороге —
Из далекой Москвы, от Орла, Токмака
Саранчею ползут к нам вороги.

Коль заржавела шашка — наточим ее
В первой схватке с лихим супостатом,
И заблещет опять серебром лезвее,
И напомнит былое проклятым!..

Враг силен — ну так что-ж — не впервой воевать, —
На коня да в широкое поле:
Степь не выдаст своих, степь родимая мать,
Степь привыкла к размашистой воле...

Зашуршала ковыль — не к добру это, знать,
Полыхают ночные пожары;
Дон в тревоге сзывает могучую рать;
Ополчается малый и старый.

Кто не видел Сполоха — смотри поскорей!
Видишь — пыль по дорогам клубится —
Это Дон посылает родимых детей
За степную свободу рубиться.

Проф. А. М. Андрієвський.

Божа Матір Покровительниця Козацького народу.

Християнство має властивість «вселенскости», бо воно дано для всіх. Але у кожного окремого народа воно має властивість національну, бо не нищить нації, а її преображує; її душевне багацтво освячує і християнізує.

У козацьких народів найулюбленішою християнською святинею є Божа Матір. Найбільше церков в козацьких землях і на Україні — Київ, Почаїв, Чернигів, святі гори на Дону присвячено Божій Матері. Перша Пречиста, Друга Пречиста Покрова Пресвятия Богородиці і Введення в Храм — це все найулюбленийші храмові дні у козаків.

Почитання Божої Матері звязано з козацькою традіцією, що сягає аж до чотир'ох тисяч років до Христа. Предки козаків, од яких вони свою назву «козак» мають, були Касси, по грецьки «Коссаі»; — величезний народ, що сягав од Чорноморських степів аж до Індії; він дав назву Кавказьким горам «Кавказ» — місце ковалів металів; греки цінк з Кавказу звали «кассітерос»; Каспійському морю — море кассів. Археологічні роскопки переведені у 1922—27. рр. недалеко Індів показали, що у кассів була у почитанні Богиня матка; знайдено багато й статуеток; також свастику — ломаний хрест — гакенкрейц, звичайний грецький хрест. На старовинній (яфетичній) мові богиня матка звалась «Мана», а ця назва мами аж до сьогодня залишилась у весільних козацьких піснях — «неня, ненька». У кассів, правдоподібно, був матріархат; тобто на чолі роду був не батько, а мама; батько воював, а мама вела господарство.

Найулюбленійшою, ідеальною особою була мама; ще й досі в кобзарських і дірницьких піснях мама ототожнюється з правдою:

«Тільки в світі правди, що рідная мати;
Деб ми її могли в світі одискати
Ой орлице мати, деж нам тебе взяти
Тебе ні купити, а ні заслужити».

Ідеалізація мами привела до створення образу Богині матки.

На чорноморських степах на протязі тисячеліть переходили ріжні народи, одні одних завойовували; мінялись назви; грецькі джерела у порядкові часу згадують: скитів, саків, сарматів, аланів, готів, гунів, антів; а всеж первісна маса кассів не була винищена і зоставалась зі своїми традиціями. Через грецькі колонії на березі Чорного моря козацькі предки зазнались з греческим світом. У греків та й на цілому сході, була віра, що спаситель мира народиться од непорочної діви. Віра не тільки записана у пророка Ісаї (7, 14), а й римським поетом Овідіем (1-го віку по Хр.) оспівана; за це отці першого вселенського собору у 325 р. вважали Овідія більше за пророка, як поета і хотіли його проголосити пророком. В Херсонесі таврійському (грецька дорійська колонія в Криму) було побудовано храм Богині Діви, протекторки Херсонесу.

Віра в Непорочну Діву — матір Спасителя мира, козацьким предкам, що стикались з греками, була мила, бо находила грунт у їх душі, відповідала ідеальному образу Богині-матки. Козацькі предки рано почали приймати християнство. Вже в 4 віці по Хр. значить за 500 р. до охрещення Русі кн. Владимиром, на козацьких землях були християне; блаженний Феодорит прославляє Івана Златоустого (347—407 по Хр.): «ти перший збудував олтарі серед кочових скитів; і той, хто неслазив з коня, навчився згинати коліна, кого не зворушували сльози полонених, той навчився оплакувати свої гріхи». «Скити» у греків тоді була загальна назва всіх народів, що жили в чорноморських степах аж до Вісли. Богослужения почали одправляти на народніх мовах; з тих часів веде свій початок запозичена від греків славяно-руська азбука.

Християнські образи та ідеї в душах козацьких предків злились з релігійним багацтвом, що було унаслідовано ними од попередніх ще поганських часів і так повстало національне козацьке християнство.

Коли запорожці, по Т. Г. Шевченкові «Іржавець», тікали од Петра І, як покидали Великий луг, матір Січ, то взяли з собою Матір Божу; а більш нічого не взяли; під татарським пануванням в Криму сіромахи заплакали «із ними заплакала Матір Божа сльозами святими».

Св. Покрова — козацький храмовий день. З мілионів сердець тоді несеться гимн — молитва до Божої Матері:

«Днесь благовірні людіе, світло празднуемо, осіняемі Твоїм Богомати пришестям і до Твого взирающе пречистого образа; покір глаголимо: покрий нас чистим Твоїм Покровом і збав нас од всякого зла, молящи за нас Сина Твоєго Христа Бога нашого».

«Всем старшинам и казакам за Дом Пречистые Богородицы и за истинную веру, и за Все Великое Войско Донское, также сыну за отца, брату за брата, друг за друга стать и умереть за одно».

(Из приказа Атамана Кондратия Булавина — борьба за казачью Свободу. 1707 г.)

К казачьей воинской доблести, к казачьему героизму нужно придать соответствующее казачье духовное оснащение, только тогда казак будет представлять полноценного и сознательного борца за свою собственную самобытную жизнь.

(В. Авилов, «К. В.» № 13 (70).

Хорунжий Петр Химин.

Месть.

Анатолий подошел к берегу, остановился, посмотрел на спокойную, синевато-зеленую гладь воды, глубоко вдохнул свежий воздух, перевел взгляд на лодку, разрезывавшую носом воду, и оставлявшую после себя рябой след. Лодка медленно двигалась к берегу; Анатолий подумал: «Кто бы это рыбалил сегодня? Да, кажется, Петр сидит!» Лодка подплыла к тени большого лохматого куста, уперлась в берег и Петр, бросив весла, поднялся, легко спрыгнул на твердую землю, подтянул лодку и пошел на встречу Анатолия.

— Ну, здравствуй, брат, — сказал Петр, подавая руку. — Чего это ты вышел к Донцу? Извини за нескромность, может ждешь кого?

— Нет, Петя, никого не жду, а так, просто, погулять вышел. Вот посмотри на Зубревую, как она хороша перед вечером!

Вдали от них темнел большой, зеленофиолетовый выступ скалы. Он углом врезался в воду, величественно выступая далеко вперед и отбрасывая густую тень на воде; верхняя часть его освещалась солнцем, блестела, зеленый мох, растущий на древних выступах скалы, сейчас казался позолоченым бархатом, а у подножья, у самого берега, темнели кусты дикого терна и себерька.

Петр посмотрел на голубой запад, где неподвижно висело сине-зеленое небольшое облачко с позолоченными, разорванными краями, солнце было им скрыто и только большой оранжевый круг, медленно потухающий по сторонам мягко колыхался. Показался кончик солнца. Он горел, каким-то, желто-белым полукругом, бросая далеко вверх за облачко, несколько золотых лучей, похожих на столбы; наконец солнце вышло совсем из облака, верхние его концы медленно погасали и лишь только нижняя часть еще продолжала отражать свето-желтый свет. Солнце приблизилось к горизонту, медленно погружаясь за него, а конец облачка еще продолжал блестеть, но уже бледнее и бледнее.

Петр помолчал минуту и сказал: — Да, хорошо на Дону!

— Петя, — обратился после некоторого молчания, Анатолий — пойдем сядем на камень, я тебе хотел что-то сказать.

— Пойдем, — согласился Петр, и два брата, подойдя к большому серому камню, сели.

— Ну, что ты хотел сказать мне?

— Видишь, брат, твой отец, по слухам, хочет организовать полк — сказал Анатолий, глядя карими глазами на видневшуюся вдали станицу, — я хотел бы, вступить в него. Ты знаешь как мне жалко своего отца. Как я его любил! Ведь мой любимый отец погиб, Бог весть где? Сколько он перенес мук! А вспомни, Петя, как я с матерью жил после! Ведь учти: сестренка, Валя, училась, я тоже хотел учиться, а матери что-ж, разорваться что-ли? Да и вообще было!.. — Анатолий привстал и махнул рукой. — Я прошу, тебя, как брата, чтобы ты помог мне. Я хочу быть в полку и все!

— Конечно, — ответил Петр — неужели таких как ты, не будут принимать в полк. Приди, заполни анкету.

— Хорошо, сделаю, — ответил Анатолий.

Петр посмотрел на его громадную фигуру с сильными мускулистыми руками, широкой грудью и подумал: «Да, это будет казак!»

— Ты не придешь сегодня на улицу — продолжал он, —пойдем к Фете Агафоновой, там потанцуем. К ней придет твоя зазнобушка Ася Михайлова; скажи открыто, ты ее любишь?

— Ну и вопрос у тебя — смутился Петр, — пойдем домой, может и приду позже, но слова не даю.

— Приходи! Что будешь делать? Неужели спать с вечера?

Петр пообещал ему и они повернули к хутору.

Синегорский вытянулся вдоль холмистого берега Донца. Курени сейчас весело белели, пуская из труб столбовые рыжие клубы дыма; кое-где слышались задорные голоса молодых казаков под серебряные переборы гармоники, разливавшейся, что соловей весной, ласковое мычание идущих с пастбища коров, разрозненное блеяние овец и веселый смех казачат, вышедших на выгон и здесь же устроивших драку. Петр завернул к куреню, открыл калитку, поласкал подбежавшую к нему дворняжку, посмотрел по сторонам и в полголоса промолвил: «Сегодня нужно пойти погулять. Погода позволительная, встречу ее, потанцуем и поговорим».

*

Дни шли незаметно. Молодые казаки-хуторцы все вступили в полк и уже щеголяли военной формой, увлекая собой черноглазых казачек, смотревших влюбленными глазами на молодые радостные лица; старики с торжеством любовались на возрождающее казачье поколение, ходившее сейчас вольно в казачьей одежде, не опасаясь никого.

Чувствовался под'ем жизни и любовь друг к другу.

Некоторые молодые казаки женились по старым традициям и уже счастливо хозяйничали в своих куренях, готовя шашку и коня для вступления в полк.

«Нас Аким Михайлович учил еще детьми, теперь мы должны вновь учиться у него военному делу, он старый офицер, только на него и надежда» — говорили многие молодые казаки. В полк ежедневно вступали казаки и из соседних хуторов, и теперь к новому году вырос в настоящую боевую единицу.

Выпал первый снег, который устлал степь мягким белым ковром и легкий мороз сковал тонкой скатерью льда тихий Донец.

Анатолий, одетый в шинель, шел на шахту № 8. На его широких плечах вышиты погоны урядника-разведчика и он сейчас гордо смотрел на всех, изредка теребя большой рыжеватый чуб.

«Наконец, — думал он, — мы вздохнули, пришла Воля! Теперь возврата большевикам не будет, теперь атаман! Правду говорил под'есаул, что большевизму конец будет. Вот он и пришел! Скоро новый год, встретить есть чем, гости будут. Одних родственников с полста будет, Боже мой, а я их всех и не знаю. Чертова жизнь была, один одного боялись, но теперь соберемся!»

Он услышал песню, которую бархатным нежным голосом пела молодая казачка:

«..Летят утки, летят утки
Да два гуся..»

«Хорошо поет, — сказал вслух Анатолий, — это ведь Петина Ася. Ну и девка у него!»

Анатолий подходил к штабу полка. Из дверей вышел пожилой, но еще бодрый полковник. Он подошел к нему, кокнул громко подковами, вытянулся в струнку и отрапортовал: «Госп. полковник, за время моего дежурства, происшедствий никаких не произошло. Урядник Уваров!»

Полковник, дав новое приказание, отпустил Анатолия, и он, четко повернувшись пошел к хутору.

—

Январь давал себя знать. Крещенские морозы крепко сковали Донец. Балки и бугры покрылись сплошным белым ковром, и лишь на западе, темнела черная труба угольной шахты и склонившийся на бок капор. Курени казались теперь скособочившимися и бесплодными. На улицах хутора редко увидишь казачку, робко шедшую вблизи строений или заборов; можно по лицу определить, что она была чем-то озабочена, чего-то боялась.

Иногда со страшным воем пролетит снаряд через хутор или прозвенит шальная пуля, иногда, громыхая цепями, врезаясь в оледеневшую дорогу, выкрашенный в белую краску, проходит танк, или фыркая по сторонам нервно промчится мотоцикл.

Группа казаков шла цепочкой около крутого яра, одетые в белые халаты, направляясь к окопам, темневшим у подножья Синей. Впереди группы, крепко сжимая автомат, шел рослый юноша. Лицо сосредоточенное, строгое.

— Госп. урядник, — обратился к нему казак, — красные приближаются перебежками к Донцу!

— Ничего, пусть идут, — спокойно ответил урядник. — Пойди доложи командиру сотни, что красные, количеством примерно с батальон, ведут наступление на Синюю гору!

— Слушаю, — ответил казак и направился в глубь хутора.

— Пулеметы по местам! — приказал урядник спокойным, сдержанным голосом, как будто на учениях.

Казаки быстро разбежались по окопам и через минуту их не было видно.

Противник наступал широким фронтом. Под прикрытием сильного минометного и орудийного огня, показались первые цепи, достигающие берег Донца. Красные уже достигли середины Донца, цепи поднялись и с криком «ура» бросились в штыковую атаку.

— Донец не ваш, бандиты! — крикнул урядник, — по красным, огонь!

Пулеметы судорожно затрясались, забрасывая красные цепи уничтожающим огнем.

— За Дон, за Волю! — слышался голос урядника сквозь пулеметные очереди. — Бей свору энкеведистов!

Красные ложились, точно снопы, и когда атака была отбита, на льду Донца остались неподвижные груды трупов и разбросанное оружие.

Четыре казака вышли из окопов, подошли к трупам, урядник приблизился к убитому комиссару и наступил ему на грудь.

Ветер легко колыхал мягкий, рыжий чуб урядника, и он, подняв гордо голову, громко сказал: «Это за отца!»

Анатолий посмотрел на окутанную белой дымкой станицу, ему вспомнилось лето, степь, где когда-то еще мальчиком бегал по созревающей пшенице, где между колосков, весело махали лепестками, точно казачка розовым платочком, от'езжающему в дальнюю дорогу казаку, красные головки мака; он тогда еще и не думал мстить за отца, но теперь решил мстить, мстить до конца, за своего растерзанного большевиками отца, за свое родное Казачество и за свою Казачью Родину.

Юрий Гончаров.

❦

Меня мамушка в люльке не баюкала,
Из Святого угла Спас в лицо не взглянул.
Волчьим голосом небо выло, гукало,
Стужный ветер мне руки карежил да гнул.

Где родитель теперь мой — я не ведаю,
Коль сойдусь, — толковать с ним придется,
— о чем?
Может-быть, обнимусь с ним за беседою,
Может — шашкой стальной стебану чрез
плечо.

Или сам он — с чужими да с погаными,
Там, где ветер в степях под травой
шелохтит,
Где земля цветет древними курганами,
Злою пулей сыночка на смерть угостит...

И-и!.. О том-ли тужить мне, окаянному?
Положусь на ночлег над рекой у костра.
Вы, тумманики, клубитесь над полянами.
Крепкий сон мой стерегите до утра.

С. М.

Исторический анекдот.

...Я завтракал за маленьким столиком в углу, а за большим столом, посредине ресторана, какая-то компания пила кофе и оживленно о чем-то беседовала на непонятном для меня языке. Солидный мужчина, лет этак под пятьдесят, с отвислым брюшком и жирным, гладко выбритым подбородком, непринужденно развалившись в плетеном кресле, попыхивал сигарой, а три дамы: одна седая старушка со старомодным шиньоном на голове и две другие — средних лет, блондинки, полные, краснощекие, перебивая друг друга, о чем-то тараторили. Мальчик, лет шести, белокурый, с вьющимися, как у негра, волосами бегал по ресторану в погоне за бабочкой.

Они на меня поглядывали урывками и предполагали, вероятно, что я богатый англичанин, а я на них смотрел и думал, что люди фунты меняют и на понижение франка играют.

На сладкое дали компот яблочный, да такой ароматный и сладкий, что целая эскадра ос появилась около меня, мечтая, очевидно, разделить трапезу. Я и так и этак руками отмахивался, но не тут то было. Одна так прямо на нос села. Уж такое нахальство мне не понравилось и я, потеряв душевное равновесие, возмущенно выругался по адресу непрошенной гостьи. Мальчик в тот момент прыгал возле моего стола, и подбежал ко мне:

— Вы не живете здесь? Я первый раз вас вижу.

Шустрый мальчик, любопытный... Сказал ему, что приехал из Ниццы отдохнуть, подышать горным воздухом, полюбоваться природой и погулять в сосновом лесу.

— А ты, что тут делаешь? — спросил я его.

— А я живу здесь с папой, с мамой, с бабушкой, с тетей Марусей...

— Миша, иди сюда! — послышался добродушный, старческий голос Мишиной бабушки. — Ты вечно всем надоедаешь!

— О! наоборот! Он доставляет мне удовольствие! — выступил я в защиту Миши.

Само собой разумеется, завязался разговор. Познакомились.

— Профессор Н-ского университета Берг, — лениво, приподнимаясь с кресла, отрекомендовался солидный мужчина. — Это моя мать, жена, свояченица, ну, а с Мишей вы уже познакомились!

Я назвал свою фамилию.

— Это не ваш родственник был профессором Московского университета?

— Нет! — ответил я.

— А вы откуда родом?

— С вольной Кубани!

— Казак!.. Потомок славных степных рыцарей! Миша, иди скорее, посмотри на казака. Он у нас ведь родился в изгнании, казаков никогда не видал, хотя из бабушкиных рассказов уже имеет кое-какое представление.

Миша, ловивший бабочку, подошел ко мне, и оглядывая меня с ног до головы, спросил вдруг:

— А где же ваша нагайка?

Последовал общий хохот... Бабушка както смущенно начала об'яснять Мише, когда казаки ходят с нагайкой.

«Хорошее представление, нечего сказать!»

— Не хотите ли кофе? — предложила жена профессора.

Я отказался.

— Мама! Я хочу кушать! — простонал Миша.

— Господи, давно ли завтракали и уже опять кушать! — удивленно заметила бабушка.

— Пусть кушает, лишь бы рос здоровый, да крепкий... — сказал профессор. — Посмотрите на крестьянских детей: едят, когда угодно, сколько угодно и что угодно, зато и народ-то получается крепкий, сильный, рослый... прямо прелесть смотреть!

— Но нельзя же давать ребенку каждую минуту?! — возмутилась профессорша.

— Возьмите, к примеру, казаков, — не обращая внимания на слова жены продолжал профессор, — ведь разве можно найти им подобных? А кушают не по часам и не по порциям. Ешь — не хочу!.. В масле катаются! Мне приходилось проезжать через Донскую область еще в мирное время, так я поражался казачьим аппетитам. За обедом подается не меньше десятка блюд и все жирные, мясные, тяжелые для желудка, а едят, ничего не оставляют и не жалуются на боли...

— Но это взрослые, а не дети! — вмешалась бабушка.

— И дети также... да кроме того, поедят за столом, а на улицу бегут с пирогом в руке. Ведь правда? — обратился ко мне профессор, ожидая поддержки.

Разумеется, я поддержал профессора и, пока Миша уничтожал бутерброд, мы вспомнили о старом — житье-бытье, говорили о Казачестве, о вековых традициях, о воспитании, о здоровьи этих чудо-богатырей, пленявших своими отважными подвигами весь мир... С экономического развития, с богатства Казачьих Земель опять вплотную подкрались к казачьему аппетиту...

— Если угодно выслушать, я вам расскажу один исторический анекдот, который ярко охарактеризует не только казачий аппетит, как таковой, но силу, крепость и здоровье этого чудного народа? —

Я из'явил согласие и когда Миша попросил второй бутерброд, профессор начал рассказывать...

— После 1812 года, когда донские казаки под командой Атамана Платова, преследуя Наполеона, очутились в Париже и расположились биваком на Елисейских полях, то удивлению парижан не было предела при виде загорелых, чубатых, рослых воинов, совершенно непохожих на других европейских солдат. Особенно поражались парижане такой картиной, когда десяток казаков садились около медного большого котла, в котором варилось по меньшей мере с полбыка, и в продолжении самого короткого времени уничтожали все и нем содержимое. Казачий аппетит в расстроенном воображении французов создавал серию легенд, басен и анекдотов и из народной толпы, с любопытством окружавшей казачий лагерь, подобные рассказы очевидцев залезали и в аристократические салоны. На одном из балов не менее любопытные аристократы, расспрашивая Платова о казаках, коснулись и этого вопроса. Одна молодая аристократка спросила Атамана: «Скажите, генерал, а может один казак с'есть теленка?» Платов подумал немного и ответил утвердительно и в то же время приказал позвать казака Гаврилова, отличавшегося в своей команде аппетитом. «Вот, Гаврилов, — обратился к нему Атаман, — французы не верят, что казак может с'есть теленка, ты можешь им доказать это?» «Как прикажете: с кожай, али биз кожи?» — «Без кожи!» — «С'ем!» — положительно ответил Гаврилов и тряхнул своим красивым, пышным чубом. Завязалось оригинальное пари. На другой день на французской кухне приготовили из теленка всевозможные кушанья, посадили Гаврилова за стол и все, принимавшие участие в этом пари, с нескрываемым удивлением смотрели на страшного казака. Подали одно блюдо, второе, третье... и, наконец, шестнадцатое и последнее. Доложили Платову, что теленок уже кончился... Атаман похлопал Гаврилова по плечу и спросил: «Ну, как, брат?» — «Ничего, Ваше Превосходительство, только прикажите, что бы тялка то подавали, а то боюсь — места в животе не хватит!» Перевели французам, те так и ахнули от удивления, но не менее поражен был и сам Гаврилов, узнавший, что от теленка осталось только одно воспоминание. Он думал, что что на стол ему подадут в целом виде, зажареного и, конечно, уничтожая котлеты, эскалопы, рагу и другие блюда, беспокоился за свой живот. Анекдот очень и очень замечателен! — закончил профессор и все непринужденно разразились веселым смехом. Пошутили над Мишей, что и он уподобляется казаку Гаврилову, поедая бутерброды в неимоверном количестве.

Иван Назаров.

ДВА СОКОЛА.

— Что сидишь задумчив,
Одинок, печален? —
Сокол у другого
Сокола спросил.
— Что лицо туманно,
Не сверкают очи,
Что в бессильи низко
Крылья опустил?
В чем тревога мысли,
В чем души терзанья?
Иль чужбина злую
Родила печаль?
Иль лишился брата,
Потерял ли друга,
Иль с другим подруга
Улетела в даль? —
«Ты не видел волю»,
Отвечает сокол:
«Ты народ не видел
Средь родных степей,
Ты не видел Дона...
Ты возрос в чужбине
Средь других, суровых
И чужих, людей...
Я же степи видел...
Гордые просторы
Будто в даль уходят...
Без конца они...
Там горело солнце,
Там заря с рассветом
Заливала светом
Наши курени...
Там я видел волю,
Меж народа волю,
Средь широкой жизни,
В хуторах родных,
В ковылях по степи,
В заливных озерах,
На Дону в затонах
И в садах цветных...
Там жила свобода
В клекоте орлином,
В реве бугаином,
В ржаньи лошадей,
В лете ястребином,
В шелесте зменном,
В гуле голубином,
В кликах журавлей...
Там народ любил я
Боевой и вольный
С красотой преданий,
С песней заливной...
Средь него родился,
С ним за волю бился
И о нем терзаюсь
До сих пор душой...
Ты и знать не можешь,
Что такое мука,
По отчизне скука,
По стране моей...
Все отдал бы... бросил
И любовь, и счастье,
Разорвал бы сердце
И отдал бы ей...
Вот о чем тоскую,
Вот какую муку,
Вот я боль какую
Не могу изжить...

П. Поляков.

Казачья вера.

По ослизлым, крутым ступенькам скользили и спотыкались ноги. В темноте глубокой землянки приглушенно звучат голоса. Кое-где вспыхивает и гаснет огонек, раскуренной трубки. Глубоко, в углу, на соломе тихо стонет раненый, в забытьи, казак.

Со скрипом отворяется сколоченная из пластин тяжелая дверь. Кто-то высокий и плотный ощупью проходит к столу, стоящему на середине.

— Ты штоль, Матвеичъ?

— Я самый, Петровна.

— Ну?

— Сычас в церкви был, последнее причастие отец Гаврил давал... Все казаки причастились, друг с дружкой попрощались, завтря утром на последнюю вылазку пойдем, терпеть дальше могутны нет... либо пан либо пропал... сила у него неуёмная... дале не отсидимся...

Говорящий замолк. В темноте кто-то тяжело вздохнул, зашуршала солома, скрипнули нары.

— А я тебе Матьвеич говорю все одно мы их подолеем. Завтри какой день-то, а?

— Покров завтря.

— Во-во Покров! И не могеть того дела быть штоб мы их не сбили! И им не сладко. Корму то и у них не дюжа. Да и животами порасхворались. Как мухи осенью — так и они дохнуть зачали. Нет ни у них того наскоку!

У стола зажглась тоненькая церковная свечка. Бледный свет заиграл на стенках землянки. В тяжелом, спертом воздухе огонек горел прямо, тоненькая струйка дыма уходила в потолок.

— А я вам говорю, — Матвевна подошла к самому столу, — прогоним турок. Не слыхал што-ль как вчора с валов казаки своими глазами воина в облаках видали. На коне, ликом светел, с мечем огненным, будто с самого Азову, с под земли вышел, валы наши на коне пересигнул и растаял в облаках над лагерем турским... я вам говорю — быть туркам битым.

— Могеть быть... ну толькя сама погляди — у них одних татар тыщь двадцать, турок — три дни считай не перечтешь, опять же немецкие полки с ними пришли, да арнауты, да из Кафы черные мужики, да кавказцы — всего тыщь на сто будет.

Помолчали. В углу землянки загорелась чья-то трубка.

— А нас скольки? Полчетверти тыщи не осталось, да и те все перераненные. Меня вон позавчера по ноге скобленуло — и порохом толченым присыпал и дед Авдей на зоре молитвы читал, а все никак не помогаить.

Из тьмы землянки, к столу, медленно подвигаясь на костылях, подошел раненый священник.

— Братие, не посомневаемся, не падем духом, но силою веры Христовой укрепимся. Не создадим себе в мире сием дворцы и хоромы, но пещись едино о славе казачьей будем и сотворится нам по надежде и вере нашей. Надась, молюсь я пред иконою, Георгия Победоносца за души воинов убиенных, молюсь, плачу, Богу жалюсь, глядь, а из иконы, из древа суха, катятся слезы многие — не есть ли сие нам казакам указание в вере нашей крепко стоять и до края биться. Не посрамимся же, братцы сомнением — но верою укрепимся.

Священник отпил воды из оловянной кружки, вытер усы, побрел в свой угол

— Да и не стреляють они чавой-сь-то ноне. Нет той пальбы как ране было... Одно дело — костры жгуть. Ноне поразожгли аж вся степь огнем занялась. Как глянул я с вала аж в грудях захолонуло. Сколько видать от Дону до моря пламя к небу поднялась.

— А когда-ж вылазка то?

— С третьими кочетами.

Разговор утих. Раненый дышал равномерно и тихо, свечка потрескивая оплывала и дымила.

Тихий свист — два длинных, один короткий, откуда-то издалека, донесся в землянку. Матвеичъ встал.

— Ну, простится, братцы ежели кого обидел словом или делом каким. — Снял высокую папаху, поклонился низко, выпрямился высокий и стройный.

— Бог простить, постой перекщу — Петровна широким староверческим крестом осенила вставшего. — Не боись! Бог того не попустить штоб нехристи верных его сынов подолели. Ступай с Богом.

Матвеич перецеловался с остающимися, быстро обернулся, согнувшись под притолокой полез по крутым ступенькам. Темная — глаза выколи — ночь встретила казака. Густой туман спустился на Азов, залез в амбразуры и землянки, затянул валы тяжелым пологом, скрыл развалины и рвы и низконизко пополз над Доном, подслушивая говорок волн.

Быстро, по заранее договоренному, разошлись казаки по своим местам. Безшумно спустились с крутых валов, перешли ров, выбрались в степь, построились в боевой порядок.

В самом Азове ни звука. Дон притих, будто прислушивался к тому что творится. В сарайчике, возле церкви Св. Николая, захлопав крыльями в третий раз пропел петух.

Далеко в тумане резко прозвучал свист. В темноте, снимая шапки, закрестились казаки. Пошли вперед молча, звякая тихо ножнами оголенных шашек.

Все ближе турский лагерь. Все выше огни бесчисленных костров. Вот они — рукой подать — у костров ни души.

За кострами метнулась тень татарина с поднятыми вверх руками.

— Не стриляй пажалста — турка в море ходил, турка бижить, на каторги садится.

Матвеичъ остановился, скинул папаху, обернулся на восток и замер.

— Слава те Господи... слава те Пресвятая Владычица наша, Богородица.

Далеко у моря взмыл к небу оглушительный крик — казаки напали на садившихся в каторги турок.

Вл. Куртин.

На пепелище...

Ночь выдалась страшная. Бушевавший ветер перешел в ураган и немилосердно бросал тучами пыли в стены постаревших и ободранных хат станицы У.

В одной из таких хат, без крыши, с наспех сколоченным из досок потолком, около мангала, на котором дымились несколько кусков кизяка, сидит старый казак Прохор Андреевич Скиба. Против него, на куче тряпок локтями опершись на мешок с кизяками, лежит мальчик лет 12-ти. Около стены, на узкой лавке, покрытая дерюгою, лежит его мать, сноха Прохора Андреевича.

Старик молча ковыряет железным прутиком кизяки, а мальчик, подперев подбородок кулаками, не по детски задумчиво уставился в пук тряпок, которыми было закрыто окно.

Ветер дико свистел между непокрытыми стропилами, засыпая потолок пылью, а с потолка она холодным дождем сыпалась на сидящих у мангала деда и его внука.

В недалеком «свалочном» овраге, переименованном большевиками в «Казачий», т. к. в нем обычно расстреливали казаков что-то стонало, ухало, подвывало...

Оттуда доносился то морозящий сатанинский смех, то звериный плач, то жуткая дробь пулеметов. Ветер взметал оттуда облака пыли, пепла и сора и бил ими в стены редких хибарок восточной части станицы.

Дымно, пыльно, тоскливо в маленькой хатенке Прохора Андреевича, которую он слепил год тому назад, когда сельсовет выгнал его с семьей из его кирпичного дома. Тоскливость ту в эту ночь увеличивало до смертной тоски непрерывное дребезжанье задвижки на дверях. Дребезжанье это, точно голос Горя из сказки, неумолчно, торопливо, в диком унисоне с ветром пело современную колыбельную песню Казачества:

— Смертники... Смертники... Смертники...

Прохор Андреевич морщился, глубже втягивал голову в плечи, ниже склонялся над мангалом... Но мальчик, казалось, не слыхал ни яростных ударов бури, ни ее дикого воя, ни режущего скрежета задвижки...

Не замечал и пыли, что сыпалась с потолка на его непокрытую голову; не видал и деда, ни лежащей на лавке, больной лихорадкою, матери... Ни всю эту жалкую собачью конуру, которую им после долгих просьб и могарычей, разрешил построить сельсовет... Куда-то далеко впивался его серьезный взор... Кого-то искал там. Кого-то просил, умолял и, будто не дождавшись ответа, или не найдя там того, кого искал, закрывался пленкой тоски, горького разочарования...

— Дед, дед, не обращаясь к деду и не переменив позы, начал вдруг мальчик.

— Дед, где мой отец?..

Старик от неожиданности дернулся; бросил прут, и, достав из мешка кизек, принялся разламывать его о колено.

— Где... тыщу раз говорил тебе: в Сербии. Для железной дороги тунель копает...

— Говорил — не то подтверждая, не то переспрашивая, подхватил мальчик.

— А вот сегодня меня из школы выгнали...

— Выгнали?.. Из школы?!. Отозвалась поднявшись на локтях мать, но сейчас-же опять запрокинула голову, заплакала.

— Говорят, попрежнему не обращаясь ни к кому продолжал мальчик, что я, как сын классового неприятеля, не имея права учиться в трудшколе... А вот Мишка Портягин, из комсомола, сказал мне, что совсем не за то меня выгнали, что мой отец классовый неприятель, а за то, что он — казак... Ты, мама, не плачь за школой. Не знаешь ты чему нас там учат... Только, чем-же я виноват, что мой отец — казак... и продался буржуям... Ведь я его и не знаю...

— Так говорил же я тебе — в Сербии тунель...

— Знаю, знаю... А Мишка говорит, что в интервенции и что собирается воевать с нами. Деда, где эта интервенция? Правда ли, что собирается воевать с нами?..

От этого: «С нами» у Прохора Андреевича как-то заныло под ложечкой... Живо представился «Свалочный» овраг... — Лучше-бы было, чтобы и я там... с другими... Окомунили мальчонка.

Не отвечает Прохор Андреевич внуку.

Больно резанула мысль, что Костя и взаправду не знает своего отца. Будто сейчас ясно почувствовал, как давно уж ушел Костин отец, а его сын; как давно он сам живет в вечном страхе ареста, ссылки или — расстрела... Вот и в конуру-то эту забился, чтоб «глаза не мозолить», чтоб не выгнали совсем из родимой станицы. Не хочется ему уходить из родного края... Тут и старуха и младший сын закопаны... Тут и сослуживцы... А сколько уже выслали, неведомо куда?.. Во всей станице едва два-три десятка казаков осталось. Да и те не в своих хатах живут, а в таких-же хибарках, как и он...

Прохор Андреевич встал, заткнул плотнее окно тряпками, через кусочек уцелевшего в одном углу стекла посмотрел на улицу. —

— Гаша, а Гаша, подойдя к невестке тихо окликнул Прохор Андреевич.

— Пора-бы уже вечерю готовить. Костято поди голодный.

Гаша скинула с себя дерюгу, с трудом спустила ноги на пол, достала испод изголовья неуклюжие полстяные чирики.

— Бать, картошку достань.

Из сундучка, который вместе с ящиком и положенной на них ставней служили Прохору Андреевичу кроватью, он достал 5-6 картошек, а невестка, уместив чугунок на мангале, принялась их чистить.

По стенам попрежнему тарахтела пыль, попрежнему завывала буря и визжала задвижка...

— Деда, ты мне не сказал: будет ли папаня воевать с нами?..

То, что сейчас мальчуган сказал «папаня», а не «отец» и что голос его звучал много мягче, заставило Прохора Андреевича пристальней посмотреть на внука.

— Да ты, никак, плачеш?.. А сейчас говорил, что твой отец собирается воевать с нами...

— Дедушка, не я это говорю. Это они говорят... Прок-лятые!..

Очевидно долго сдерживающий слезы мальчуган истерично заплакал.

— Проклятые... Проклятые...

Мать повернулась к стенке, припала лбом к самой лавке, стиснула руками виски...

— Боже, Боже... Когда-же этому конец... Когда... Все ее согнутое тело конвульсивно подергивалось от жуткого нутряного плача...

— Когда?..

— Костя не плачь... Не плач:, Костя, тихонько гладя внука по голове говорит Прохор Андреевич. Не плачь...

А у самого голос срывается. Будто застряло что в горле.

— Не плачь, Костя... Не забыл нас твой отец... Вернется он. Опять заживем, как прежде... И еще лучше... Не плачь...

Мальчик подтянулся на локтях до дедовского колена, уткнул голову.

— Расскажи, дедушка... Расскажи, как придет папаня...

— Будет это весной... Непременно весной... начал Прохор Андреевич, опять поковыривая прутиком кизяки и не мигая уставившись в покрасневшую глину мангала,, точно в ней видел, как придет «папаня»...

— Зазеленеет травка. Зазеленеет лес... Не будем мы тогда сидеть в этой хате. Смастерю я удочки. Уйдем далеко-далеко вверх по Чамлыку... Балаган построим. Наловим рыбы... А мать нам ее сварит...

— Сваришь нам рыбу, Гаша?..

— Сварю, сварю, отвечает невестка, всыпав порезанную картошку в чугунок.

— Му вот. Будем мы этак жить в нашем балагане, горя не знаючи. Отца поджидать... Вдруг слышим: бух, бух!.. Пушки палят... Выйдем мы на «шпинь», а там — встей горе — дым... А с горы на станицу ядра летят. Большие. Первое ядро прямо в сельсовет угодило...

— То-то забегают колхозники! Вскинув на деда мокрые от слез глаза радостно заметил Костя.

— Мы опять в балаган схоронимся...

— Я не схоронюсь: прямо к папане пойду!..

— Нельзя, сынок: не узнает тебя твой отец... Кто знает, кто это идет, подумает... Ну, будут это они бить, примерно, до полден. А потом, как гикнут по всему лесу!.. Мы на Чалмык, а по дороге — казаки!.. Вскачь!.. Шашки нагало!.. В черкесках. За плечами красные башлыки развеваются... Выбежим мы им навстречу. Заплачем от радости... Пришли!.. Родные наши... Пришли!.. А один казак посмотрит то на меня, то на мать, то на тебя... Соскочит с коня...

Бледное лицо Гаши от радостного волненья покрылось румянцем; руки нервно теребят край завески. А Костя и не дышет. Напружинился весь, будто готов одним прыжком вскочить на отцовского коня и помчаться вслед за казаками — бить комсомольцев...

— ... Соскочит это он с коня... посмотрит... да — бух мне в ноги... а мы все три — ему... Родной наш!..

Резкие, твердые удары в двери заставили вздрогнуть всю семью.

Казачий раз'езд.

Archiv „Der Kosakenbote".

— Ветер, тихо, неуверенно прошептала Гаша.

Удары повторились. Все трое вскочили на ноги и со страхом уставились в двери.

— Отворяйте... вашу мать!..

Слабая дверь поддалась и, прежде чем Прохор Андреевич успел подойти, она разом отворилась во всю свою ширину, а в хату, с ветром и пылью, ворвались два коммуниста в длинных шинелях и в остроконечных шлемах.

— Руки вверх, — вашу мать! Почему не отворяли?..

Привыкшие к таким ночным посещениям Прохор Андреевич и Гаша покорно подняли руки.

— А ты что, змееныш?!. Цыкнул один на Костю, ударивши его штыком по руке.

— Ну?..

Костя, еще не разобравши, что явь — отец ли или этот коммунист с направленным на него штыком, поднял руки.

А коммунисты уже обшаривали деда и мать. Чугунок на мангане перевернулся и по хате пополз вонючий дым от шипящих кизяков.

— Затворите хоть двери, не опуская рук попросил Прохор Андреевич.

— Не нужно... хозяева придут.

Прохор Андреевич и Гаша переглянулись и — поняли все: высылка!..

Старший коммунист сел за стол, поставил перед собою фонарь, достал из кожаной торбы какие-то списки.

— Подойди сюда, старый чорт!.. Ты — Прохор Андреевич Скиба, бывший казак, да еще старший урядник?..

— Я, едва слышно ответил Прохор Андреевич.

— Твой дом и все индивидуальное имущество коллективизируется. Сейчас сюда придут прибывшие с севера трудбригадники...

— А мы? едва держась на ногах спрашивает Прохор Андреевич.

— Сперва в сельсовет. А там — скажут.

— Впрочем и тут написано. Ты и... и вот эта скважина, кивнул коммунист на Гашу, в Белозерский край, а мальчишка в Свердловскую трудколонию...

Не выдержали ноги Прохора Андреевича. Все его длинное, тощее тело дернулось в левую сторону, повелось немного и — обрушилось на пол. Голова запрокинулась через мангал, а на побагровевшем лице, неестественно широко открытый правый глаз, не мигая, уставился в редкие доски потолка... Вскрикнула Гаша, бросилась к деду...

—Что за комедия, скривив физиономию в презрительную гримасу, процедил старший коммунист. Ты, товарищ, отволоки старого в «Казачий», а вы — собирайтесь! Да — живо!..

Накинула Гаша на Костю свою дерюгу, а сама, в чем была, так и пошла... В дверях остановилась. —

— Куда-ж мы...

— Куда?.. — На исправление! оскалив зубы, сострил старший коммунист.

— К... матери, закончил другой, волоча Прохора Андреевича за ноги...

На улице попрежнему завывала буря.

А. Григоров.

Марксизм и собственность.

Марксизм неистовствует — гибнут миллионы людей. Что-же несет с собой марксизм, спрашивают люди, которые хотят жить? Краткий и правильный ответ на это есть только один: жиды с помощью марксизма хотят присвоить себе чужую собственность, коммунизировать, уничтожить свободу, уничтожить полноправных хозяев из других наций и людей, а «пролетариев всех стран» превратить в своих рабов-роботов.

Как это получилось, что люди в 1917-20 годах умирали за лучшие идеалы — за свободу, собственность, культуру, а получили ужасное рабство и лишились даже той собственности, которой владели рабочие и крестьяне? Марксизм — это самый хитрый жидовский инструмент. **Жиды обманули народы социализмом и коммунизмом, наобещав людям все земные и небесные блага, чтобы захватить власть.**

Колоссальное уничтожение народов СССР есть результат порочной марксистской идеи. Но, с другой стороны, почему-же она до сих пор не уничтожена? Оказывается потому, что прежние руководители этих народов так-же проводят ошибочные полумарксистские идеи, которые не дали победы в течении 27 лет и не могут дать, а лишь уничтожают народ.

Почему, например, жиды, в особенности жиды-капиталисты, свободны и делают они что хотят? Потому, что, составляя всего лишь 1% населения земного шара, они владеют до 25% всей мировой собственности, а в некоторых важнейших отраслях хозяйства, где осуществляется эксплоатация, даже 75 %!

Как это получилос.? Очень просто: обладая отсталой культурой, эта нация имет религиозные законы, которые учат ее владеть собственностью нечестными путями. «Жиды — избранный Богом народ. Бог им отдал землю и все, что находится на земле — их собственность. Поэтому они могут делать все, чтобы завладеть всей собственностью на земле.

Их подлому отношению к собственности других народов мы противопоставляем принцип честного отношения к чужой собственности. Почти 2000 лет тому назад, зная природу человека, Христианская Церковь положила в основу жизни людей, кроме духовного, материальный принцип частной собственности. Возьмите притчу о винограде или о талантах, где сказано об этом.

Известно, что все учение Христа направлено против эксплоатации человека человеком и потому христианство-является проводником социалистических идей. Свободу религий, свободу совести, личную свободу, собственность, мораль, добродетель, все это отстаивает христианство. В противовес иудейским учениям, оно борется за справедливость на земле, за счастье всех людей.

Иисус Христос говорил: «познайте истину и истина вас сделает свободными». Собственность-свобода это и есть истина и и только она нас сделает свободными.

Вот почему марксизм свиреепствует, вот почему он уничтожает собственность-свободу и людей. Уничтожить закон собственности-свободы, без уничтожения человека, как уничтожить всякие законы природы, без уничтожения самой природы, невозможно. Отнимать у человека любую его законную собственность — это значит эксплоатировать его, это значит отнимать у него свободу, это значит уничтожать закон его

природы, это значит уничтожать самого человека, как это имеет место в СССР.

Поэтому марксизм и его выродок большевизм, должны быть уничтожены во что-бы то ни стало. Но что-же делают некоторые «философы и ученые», чтобы победить марксизм? Оказывается, они не борются против него, а, наоборот, помогают ему. Они «разводят высокие материи» на основании лженаучных учений против собственности-свободы и тем помогают своим и чужим паразитам нас эксплоатировать. Они подрывают корень — основной стержень, вокруг которого могут об'единиться все для борьбы против марксизма.

Из закона собственности-свободы вытекают самые лучшие семейные, общественные и государственные, писаные и неписаные законы. Известно, как такие законы в жизни людей свято исполняются, какой сплоченности, честности и добродетели становятся люди. Этот закон должен стать лозунгом каждого честного человека: кто борется за собственность-свободу — тот борется против большевизма.

Национал-социализм, на основе биологического закона природы человека — закона собственности-свободы победит! Марксизм будет уничтожен!

Есаул Н. Посохов.

Культура, цивилизация, прогресс.

Всем нам приходится часто слышать или читать, а иногда и самим употреблять в разговоре слова: культура, цивилизация, прогресс.

Каждому из этих слов латинского происхождения соответствует свое точное научное определение и толкование.

Культура — умственное и материальное развитие племени или народа (образование, просвещение, уровень материального благополучия). В этнологии (наука о народах) говорится о народах и племенах высокой и низкой культуры.

Понятие «культура» в отвлеченном смысле во многих случаях употребляется как понятие равнозначущее таковому «цивилизация» и в той же самой этнологии говорится о народах и племенах высокой и низкой цивилизации. Точно также оба эти понятия, как равнозначущие, применяются при изучении и перечислении Халдейской, Египетской, Греческой, Римской и др. культур или цивилизаций.

Основное и краткое определение понятию «цивилизация» соответствует — гражданственность, благоустройство гражданской жизни культурных народов, общежитие, сознание прав и обязанностей человека и гражданина.

В отношении отдельной личности обычно применяется термин «культура», когда хотят характеризовать уровень духовного развития данной личности, способностей ее, подготовки и активности технического характера или же в отношении ее убеждений, верований и активности умственного, нравственного или эстетического характера или свойства. В этом случае обычно говорят о духовной, литературной, музыкальной, художественной или научной культуре данной личности, но не цивилизации ее.

В некоторых случаях, когда хотят определить идеи, чувства или действия, достойные или недостойные человека или целого класса или общества какой-либо исторической эпохи или периода определенного народа или нации, применяют безразлично как термин «культура», так и «цивилизация» и в этом случае встречаем культура или цивилизация христианского, мусульманского миров, эпохи Возрождения, века Людовика XIV-го, XIX-го века и т. д.

Таким образом, видим, что, в то время как, термин цивилизация означает по существу состояние или условия бытия, осуществленные определенной группой или обществом людей в определенном месте, в определенное время, в определенных условиях, термин «культура» соответственно своему происхождению от латинского понятия возделывать, обрабатывать, указывает прежде всего на динамический характер, поскольку то или иное достижение или осуществление обязано активности и сознательному усилию и напряжению человеческого духа и воли, сознательно направленных к достижению определенной цели. Цивилизация представляет как-бы результат или продукт различных культур, заложенных или развившихся в самом человеке и его способностей и духовных дарований, иными словами — импульс, который побуждает все способности и активность или определенную часть их известной личности развиваться в определенном направлении и в гармоническом сочетании с образцами и идеалами и заставляет всегда стремиться к намеченной цели, освобождаясь часто от устаревших традиций прошлого и механизма приобретенных привычек, чтобы иметь предпосылки и возможность создать новое более жизненное и совершенное в области духа и материи, соответствующее духу времени и насущным запросам человечества или его определенной части.

Вследствие всего вышесказанного, в понятие «цивилизация» входит все, что характеризует успех или прогресс достижения в области образования как всего того, что касается экономических основ бытия так и того, что касается возможностей и средств для достижения этих успехов, средств, которые даны человечеству для улучшения и усовершенствования социального сожительства вообще в соответствии с прогрессом положительных знаний явлений природы и законов, управляющих ими, знаний, накопленных и основанных на изучении и об'ективном наблюдении и изысканиях, произведенных научно установленными и проверенными методами, что в свою очередь требует от человека все большего его совершенствования и постоянного бдительного контроля над самим собой и развития всех его способностей вообще и в частности его духовной жизни и способностей, которые его снабжают природной энергией, увеличивая, обновляя и усиливая ее одновременно.

По существу это собственно и составляет духовный элемент понятия «цивилизация», который еще раньше накопления положительных знаний, уже заключал в себе в силу необходимых условий, более возвышенный, совершенный и более организованный вид человеческого общества, проявляемый как в области духовного, религиозного, нравственного и идеологического порядка, так и в области художественного, литературного, научного и философского творчества.

Из всех человеческих расс земного шара, белая раса оказалась наиболее способной и восприимчивой к эволюции и прогрессу как в области материальных, так и духовных достижений. Этот прогресс особенно проявился в период христианской эры. Там, где человек стоит перед непроницаемой завесой божественных законов, управляющих явлениями природы, человеческий гений бессилен что-либо изменить и в этом случае человек находится пред лицом того, что принято называть Провидением в отношении всего существующего и которое всецело находится в руках Всевышнего. Там же, где человеческий гений приподнял завесу и проник у же в тайны мироздания, познал сущность и некоторые законы его, смог даже подчинить их своей воле и может изменить и направить их в желаемом направлении для своей пользы и выгоды, находимся пред лицом уже обыкновенного жизненного или явления природы, служащих для преклонения человеческого ума перед Божественной Мудростью Мироздания.

Слово прогресс означает движение вперед, умственное и нравственное преуспевание, совершенствование. Противоположное ему слово, тоже латинского происхождения, регресс. Явления, определяемые этими двумя понятиями, свойственны и неразрывно связаны с жизнью не только отдельного мыслящего существа, но и целого ряда, часто многочисленного подобных мыслящих существ, об'единенных единой, общей для всех целью или общим идеалом. Это явление свойственно также и целым народам, государствам и материкам. Общие цели или идеалы, для достижения которых мыслящие существа об'единяются в общества, государства или союзы, обычно вызываются, выставляются самой жизненной обстановкой, природными или историческими факторами, человечество же, или часть его, об'единенное вокруг данной цели или идеала, только формулирует, точно определяет эту цель или идеал, приводит его в стройную систему-программу, легкую для восприятия и понимания всего мыслящего человечества и намечает пути, ставит вехи для неуклонного стремления к намеченной цели или идеалу.

Казаки всегда были защитниками идеалов культуры и прогресса. И в сегодняшний решительный момент, когда Германский народ в союзе с народами Национальной Европы ведет борьбу за сохранение европейской культуры, за право и справедливость, Казачий народ в рядах борцов за эти идеалы, ведет борьбу за свое бытие и за возрождение славного Казачества.

ХРОНИКА

— Субботнюю встречу казаков Казачьей Национальной Станицы в Праге 7 октября с. г. посетил Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков и его заместитель П. С. Поляков, Атаман Всеказачьего Союза в Сербии, прибывший из Белграда. После приветствия прибывших гостей Атаманом станицы сотн. С. И. Шкоряром, Руководитель представил собранию своего заместителя, указал на его тяжелую работу в Сербии и поблагодарил за его деятельность на благо Казачества. Затем П. С. Поляков ознакомил казаков с работой Всеказачьего Союза в Сербии и с положением казаков на Балканах.

— Начальник казачьего резерва ген. А. Г. Шкуро, после своего возвращения из Праги, где он пребывал вместе с своим начальником канцелярии есаулом И. Д. Овсяником, предпринял поездку в лагерь Казачьего резерва и во временные казачьи поселения, где в настоящее время пребывают казаки-беженцы.

За годы усиленной и долгой работы казачьих патриотов казачьи национальные стремления от стихийных настроений укладываются в ясную и определенную казачью программу, нашедшую теперь вполне очерченное подтверждение этим стремлениям.

(В. Авилов, «К. В.» № 7 (64).

Казаки в Праге устраивают

ВСЕКАЗАЧИЙ ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

в большом зале «У Чешской Короны» в Праге XII, Коронни ул. № 30 в субботу 14 октября с. г. в 3 часа дня.

Подготовлена большая музыкально-вокальная программа казачьих сил, которые уже при своей репетиции 1 октября с. г. имели большой успех. Среди всех казаков большой интерес к своему празднику; ожидаются и казаки из провинции, для которых обеспечены уже ночлеги.

Борис Кундрюцков.

Под сенью старинных тяжелых знамен
Пусть лезвие шашки сверкнет из ножен,
Пусть общий к победам порыв поведет
За Право, за Волю, за Край, за Народ...
В сожженных станицах лишь пепел да прах,
И память о павших в жестоких боях...
Победу мы вырвем у нашей судьбы —
Рабами лишь могут быть только рабы...
Не плачьте вы, жены, деды-старики,
Не дрогнут кривые стальные клинки —
Под сенью старинных тяжелых знамен
Отчизны кровавый рассеется сон...

А. Ленивов.

Исторические места на Дону.

1. **Азов:** Богатая венецианская колония Тана, возникшая невдалеке от развалин древнего Танаиса и пережившая в свою очередь не мало потрясений, превратилась в средние века в цветущий город, получивший в 1086 году название Азова, по имени половецкого хана Азуфа.

Начиная с 1471 года, момента занятия его турками, Азов становится опорным пунктом Турции на Азовском море в продолжении последующих трех столетий, пока наконец, в 1769 году не отходит к России.

В течение всего этого периода, у турок из-за обладания Азовом идет упорная, кровавая борьба с донскими казаками, стоющая последним огромных, неисчислимых потерь и жертв людьми; много, много славных страниц прибавляется в историю Войска Донского (Азовское взятие, Азовское сидение и т. д.).

Создав из Азова крепость, турки и укрепляют ее соответствующим образом: 1) Сплошной крепостной ров, опоясавший крепость, имеет 1½ саж. глубины и 4½ саж. ширины. 2) 11 сильно укрепленных крепостных башень. 3) Крепостная стена, пояс которой достигает длины 600 саж.: высота стены со стороны Дона равняется 10 саж.

Сообразно тому, что стены крепости закладались на глине, в настоящее время от некогда грозных сооружений сохраняется мало следов.

В относительной сохранности пребывает ныне турецкий пороховой погреб и отчасти крепостной ров.

2. **Баклановская ст.:** Бедная, маленькая станица является родиной славных донских героев — генералов Бакланова и Ефремова. В память первого, станица ныне и носит наименование — Баклановская, именуясь до этого ст. Гугнинской, возникнув на месте, где в старые времена была ставка Атамана Гугни.

3. **Богатый Источник (Колодезь):** Урочище, носящее подобное прозвище, находится против устья р. Темерника. Здесь, в 1749 году распоряжением государственной власти была поставлена пограничная (с Турцией) таможня, явившаяся первым поселением на месте будущего города Ростова на-Дону.

4. **Гниловское городище:** Раскопки городища, обнаруженного невдалеке от ст. Гниловской, выявили массу ценных предметов, служащих памятниками византийской эпохи.

5. **Голубинская ст.:** В XVI—XVII ст. ст. станица (Голубиный городок) служила границей деления донских казаков на Верховых и Низовых.

В Булавинское восстание (1707—1709 гг.) казаки Голубинского городка оказывали деятельную помощь Булавину, после гибели коего почти поголовно ушли с Некрасовым на Кубань, а оттуда и в Турцию.

И ныне, в селении Некрасовцев — Майнозы, на берегу Маньясского озера в Турции, церковные книги (старого уклада) имеют следующую надпись: «Сія книга Голубинской станицы» — 7225 года.

6. **Городище у ст. Хопры:** Развалины городища представляют собой памятник, относящийся к скифско-сарматской эпохе.

7. **Городище у ст. Глазуновской:** Раскопки, веденные перед 1914 г. обнаружили остатки жилищ, домов, мечетей и др. относящихся к периоду пребывания татарских орд на Дону в XIV века.

8. **Гостин (Гостинный) Остров:** Небольшой островок, находящийся в устьи западного рукава реки С. Донца, при слиянии его с р. Доном: в XVI—XVII ст. ст. на Гостинном острове обыкновенно останавливались иностранные послы, приезжавшие в Главное Войско.

В XVI веке в трех верстах от Гостина острова, располагался один из древнейших городков Войска Донского — городок Верхние или Донецкие Раздоры.

9. **Денжурова яма:** В Аксайском займище, между ст. ст. Мелеховской и Кривянской (в 11 верстах от последней), р. Аксай образует при своем загибе т. н. колено, в каковом месте и находится огромной силы водоворот, в предании дошедшем до нас, получивший название «Денжурова яма».

Предание говорит, что в этом месте казаки утопили, набросив на шею камень, татарина по имени Денжура, везшего из Ногайской орды письма к Булавину.

10. **Жегуля:** Протока между р. р. Доном и Сев. Донцом, до последнего времени сохраняет наименование — Жегуля.

Весьма характерно, что и возвышенный берег реки Волги близ Самарской луки носит аналогичное наименование — Жегуля, Жегули, Жегулевы горы.

11. **Золотая Коса:** На побережьи Азовского моря, между селением Поляковка и устьем р. Миуса, а именно у Золотой Косы сохраняются следы торговых колоний римской и византийской эпох. Раскопки дали наличие большого числа оружия, древних сосудов и т. д.

12. **Казачий Ерик:** Рукав р. Дона, прорытый донскими казаками около 1620 г., сохраняет за собой в истории наименование Казачий Ерик.

Ерик имеет свою, хотя и небольшую, но весьма интересную историю. Прорыт он казаками, стремившимися иметь свободный выход в Азовское море, в виду того, что на одном рукаве р. Дона турки поставили крепостные башни-каланчи, а другой совершенно засыпали.

В 1661 году турки, под прикрытием т. н. Донецкой крепости, возведенной ими в 1660 году, засыпают Казачий Ерик, спустя немного вновь открываемый казаками. 1662 год — дата засыпки Ерика вновь турками и вторичного его открытия казаками.

13. **Казачий Остров:** Остров, насчитывающий до 60 вер. длины и 20 вер. ширины, образуется р. Доном и рукавом его р. Аксаем, берущим начало у ст. Мелеховской и впадающим в р. Дон у стан. Аксайской.

В XVI ст. на Казачьем острове уже существовали городки — Нижние Раздоры, Монастырский, Черкасский, Маныч, Бесергенев и поселения Смагин и Минин — будущие городки Богай и Мелехов.

В XVII ст. на острове находится «Главное Войско», как центр административного управления Войском Донским.

14. **Каланчинская протока:** Каланчи — крепостные башни, поставленные турками в 1620 г. по берегам одного из главных рукавов р. Дона, удерживают в истории за этим рукавом наименование — Каланчинская протока (Каланчинский проток).

К 1660 году, для большей защиты устья Каланчинской протоки, турки сооружают по берегам еще два крепостных укрепления.

Попытки царской власти, стремившейся поставить свои крепости на Каланчинской протоке в 1675 году, кончаются неудачей, благодаря противодействию донских казаков. Только в 1695—96 гг. Петру I удается поставить на протоке свои крепости: Новосергиевскую и Никоновскую, срытые в 1711 году после Прутского похода.

15. **Каменский карьер:** При работах, веденных на песчаном карьере у ст. Каменской в 1927 г., найдено большое кладбище мамонтов. Образование кладбища, археологи относят за несколько десятков тысяч лет до начала нашего летоисчисления.

16. **Качалинская балка.** Балка, представляя собой ров с валом, тянется на протяжении почти 70 верст от ст. Качалинской к гор. Царицыну.

История образования балки весьма сложная. В 1559 году восьмидесятитысячная отборная турецкая армия султана Селима совершила поход через Дон к г. Астрахани. Селим, подойдя к Волго-Донской переволоке, приказал рыть канал между рр. Волгой и Доном, в самом узком месте, именно между нынешней ст. Качалинской и г. Царицыным. Цель прорытия канала заключалась в установлении прочной связи между г. Константинополем и Астраханью.

Как известно, попытка Селима кончилась полнейшей неудачей.

Столь-же неудачны были и работы голландского вице-адмирала Крюйса, прорывшего канал по повелению Петра I.

Памятником этих дней служит ныне Качалинская балка.

(Окончание следует.)

«Каждый казак должен любить все Казачество больше, чем себя самого — одного казака.

Каждое Казачье Войско должно интересы всех Войск поставить выше интересов своих, выше интересов одного Войска. Это будет в то же время и наилучшей службой своему Войску, ибо Спасение Казачества и его лучшее будущее в об'единении отдельных казачьих Войск в одно целое».

«В. К.»

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Инж Штованъ Федір розшукує Григорія Макаровича Штованя та Андрія Михайловича Романова. Писать:
Ing. Schtowchan T. L. Wien I, Wollziele 5/I /30.

— С. Калугин разыскивает жену Александру Григорьевну, находившуюся до июля с. г. при казачьей станице в Новогрудке. Писать:
Ob. Kalugin S. Linz a/D. Lager 45. VI. 23.

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра инж. В. Глазкова. «Крах наших москвофилов».
Стоимость ее 50 Rpf. с пересылкой.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". — **Aufsichtsamt Nr. 25.**

Ukrajinski Museum,Praha-Nusle II,
Gutenštejnska ul.č.6.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 23 (80) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го НОЯБРЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

Г. Козловский.

Кровавая годовщина.

Общеказачий праздник первого октября в текущем году прошел под аккомпанимент боевой канонады. На всех участках военных операций, плечем к плечу с своими доблестными союзниками, германской армией, сражались наши станичники, ценою крови и жизни добывающие свою Казачью волю и независимость.

А в тылах действующих армий собирались Казаки на дружеские собеседования, вместе молились своей Святой Заступнице, вспоминали старину глубокую и поминали тех, которые уже отдали все, что могли, за наше общее дело.

Не впервые приходилось казакам встречать и проводить свой праздник при таких условиях. Наши деды и прадеды много Покровов провели верхом на своих быстрых скакунах и погибали в славном бою с врагами.

Но то были иные времена. Тогда казаки имели свою территорию и после походов возвращались в свои станицы, рассказывая старикам и детям о пережитом ими. Сейчас другая обстановка. Вынужденные оставить родные степи мы, рассеянные по огромному пространству чужих территорий, вынуждены переносить все невзгоды и вооружившись терпением, **верить** в конечную победу нашей правды.

В чаяниях торжества справедливости и в ожиданиях заветного дня, когда мы возвратимся в свои станицы и хутора, как будто незаметно прошло 25 лет. Немного прожито, но много пережито. Как раз в октябре, в 17 день этого месяца, многочисленные корабли увезли успевших погрузиться казаков в неизвестную даль, к неизвестной жизни. Залила красная нечисть все Казачьи земли, под ударами большевицких палачей застонал, заплакал Крым.

Разнуздалась, распоясалась большевицкая орда. С падением Крыма для нее не было уже сдерживающего элемента, миллионы жертв, ни в чем неповинных людей пали в угоду жидовских заправил.

Много еще пройдет времени, много будет потрачено труда прежде чем окончательно выяснятся цифры жидовского террора. Говорю смело **жидовского,** ибо только они повинны во всех несчастиях народов мира, ибо только им обязана Европа всеми своими несчастиями.

И большевики тоже празднуют свой, кровавый юбилей. Разница лишь в том, что после Крыма, до нынешней войны мы, казаки, сидя в различных углах земного шара, занимались мирным трудом, работали над воспитанием себя и своей подрастающей молодежи, искали путей к осуществлению своей заветной мечты:

— Вернуть свой народ на родные степи, там устраивать свою жизнь на основе наших старых традиций и понятий. —

Иначе было по ту сторону. В продолжении 25 лет там не прекращался кровавый террор. Из года в год гибли от руки палачей мирные жители, беспощадно истреблялся Казачий народ.

Ошалевшая, пьяная от людской крови жидовская свора, с удивительным сладострастием предавалась «спорту» расстрелов и издевательству над своими жертвами.

Требовалось ли все это для упрочнения «рая на земле»?

Нисколько. Это была жестокая месть маленьких, трусливых людишек, очутившихся повелением рока как будто выше простых смертных. За свои неудачи, за десятилетия изолированной от широкой общественности жизни, жиды мстили всему христианскому миру, согласно выработанному кагалом плану. Естественно, что главной задачей было истребление Казачьего народа, неприемлющего вообще жидов и не признающего никаких компромиссов с совестью. Ни временная потеря территории, ни скитания по белому свету, ни всяческие невзгоды пережитые в дни скитания не сломили Казачьего духа, не толкнули его на путь компромисса и податливости.

Огозорили и обезличили большевики **наш** октябрь, в наше светлое и нам дорогое влили струю алой крови наших мучеников, за честь и родину живот свой положивших. Грязными руками думали залезть в наше святое святых и тем заставить нас отречься от того, что традицией старины глубоко вкоренилось в нас. Но их расчет оказался неверным. Чем больше страданий и мучений, тем глубже наша вера в **наш** октябрь, тем горячее становятся наши молитвы к Той, которая никогда не оставляла нас своим заступничеством перед престолом Всевышнего.

Таким образом, наряду с нашим, светлым и дорогим нам октябрем, существует еще кровавый, красный октябрь. Так судьбе было угодно, поминать нам былые дни нашей славы и одновременно не забывать мрачных страниц большевицкого лихолетия. Юбилейный год пребывания нашего за рубежом совпал с юбилеем жидо-большевицкого разгула и насилия.

Вся история Казачества представляет собою тяжелый и тернистый путь. Наряду с хорошими, светлыми моментами, много в ней мрачных, тяжелых страниц. Все переживалось, в минуты просветления забывались времена невзгод, с стоической выдержкой переносили казаки все превратности судьбы, глубоко веря в свое правое дело, в конечную свою победу.

Эта вера всегда выводила Казачий народ на широкий вольный простор, устраняя встречающиеся на пути к свободе все препятствия. И в настоящей борьбе с жидо-большевизмом и его приспешниками, Казачество выйдет опять победителем.

Скромные признания.

Из Стокгольма сообщают, что советское радио передало заявление председателя советских профессиональных организаций и представителя Советского союза на международном с'езде в Блакпулю Кузнецова, о огромных потерях советов на восточном фронте.

Весьма ценное признание Кузнецова ясно указывает на Сталинский способ посылать массы на убой.

За три года войны по заявлению Кузнецова советы потеряли 7 миллионов убитыми к тому причисляется потеря 70 000 танков, 60 000 самолетов и 90 000 орудий.

Хотя Кузнецов и не сказал полную правду, все же его частичное признание показывает, какие страшные жертвы и колоссальные потери военного материала потребовал Сталинский, кровавый режим, гнавший своих граждан на смерть.

Казак на охране путей сообщения.
Archiv „Der Kosakenbote".

Полковник Д-р С. Федоров.

Всенародный сполох.

18-го октября, перед лицом надвинувшейся к границам Великогермании грозной опасности, Фюрер приказал организовать из всех способных носить оружие мужчин, в возрасте от 16-ти до 60 лет, **«Фольксштурм» — «Народное ополчение».** В своем распоряжении Фюрер говорит о том, что после того, как почти все союзники немецкого народа, не выдержали военного напряжения, немецкий народ, после пятилетней войны, снова стоит на фронте одинок, как и в 1939—41 гг. Враг стремится не только разбить Империю и уничтожить немецкий народ и его социальное устройство, но и искоренить немецкий люд. В 1939—41 гг. немецкий народ своими силами достиг на поле бранном гигантских успехов и теперь он призывается ко вторичному напряжению сил, для того чтобы не только разразить вражеские стремления, но и отбросить его вторично, держа так долго вдали от Империи, пока не будут обеспечены мир и спокойствие для немецкого народа и его союзников, а вместе с тем и Европы.

Потому то, для усиления активных сил Армии и призываются к оружию все немецкие мужчины. Они будут оборонять Отечество всеми средствами и оружием до тех пор пока это будет нужно. Организация ополчения поручается Руководителям Краев и проводится через организации партии. Инспектором стрелкового обучения назначается Н-к Штаба «СА» Шепманн, а инспектором мото-технического обучения К-р автокорпуса партии Краус. Во главе же всего Ополчения стоит Рейхсфюрер «СС» Гимлер, как Главнокомандующий запасных Войск.

На Восточном фронте уже стоят батальоны Народного Ополчения, защищая своей грудью Отчизну. Кроме военнообязанных в ряды его могут вступать добровольно мужчины моложе 16 и старше 60 лет. Все ополченцы проходят обучение пехотинца, причем в особенности обращается внимание на ведение близкого боя с броневиками. Ополченцы получают солдатскую книжку и во время исполнения своих обязанностей приравниваются к солдатам армии, с распространением на них действий гаагской конвенции. Это равноценное народное войско; ополченцы носят форменную одежду, построенную своими средствами из старого обмундирования или нарукавные повязки с надписью «Немецкое Народное Ополчение — вооруженные силы». Наивысшим их соединением есть батальон, являясь в тоже время членами всех иных организаций и работая на местах своих служб и занятий, до момента призыва, сражаются они только на территории своего Края. Их обучение будет происходить по воскресеньям и праздникам, при чем не будут допускаться бюрократические методы, муштровка и не нужные изматывания сил юношества и пожилых ополченцов.

Каждый работоспособный годен стать в ряды ополчения.

В день об'явления Указа об образовании Народного Ополчения в одном прифронтовом восточно-прусском городке, выступил с речью, перед ополченцами, в присутствии высших чинов Армии, рейхсфюрер Гимлер. Проводя историческую параллель с Освободительной Войной 1813 г., когда, именно в Пруссии, без ведома даже Короля находившегося в Потсдаме, было образовано Ополчение из мужчин от 45—60 лет, в помощь регулярному Войску, Гимлер подчеркнул, значение дня 18. IX. 1813 — дня битвы Народов у Лейпцига, решившей судьбу владычества Наполеона над немецким народом и Европой. Немецкое Ополчение получило свой Реглямент 21. IV. 1813. Образовывали его крестьяне и мещане городов, вооруженные всеми видами оружия: ружья и самопалы, пики, копья, штыки, сабли, косы насаженные на держаках и т. д. и т. п., все годно было для того, чтобы, вооруженной модерным тогда оружием, регулярной армии Наполеона, наносить сокрушающие удары. Они и подготовили общую обстановку, венцом которой было лейпцигское сражение, решившее судьбу войны в пользу немецкого народа.

Теперь немецкий народ стоит перед подобной же задачей. В своем прошлом он переживал еще горшие дни. И теперь, в особенности там, где вступит вражья нога на Родную землю, немецкий ополченец должен фанатически ее оборонять, твердо удерживать и уничтожать врага. «Противник должен познать, что каждый километр занятой им немецкой земли будет стоить ему потоков крови, что каждый блок домов, в городах и деревнях, каждые двор, куст, лес, канава будут обороняться взрослыми, юношами и стариками, а если надо то и женщинами и девушками. И когда он будет полагать, что занял определенную территорию, в его тылу будет непреклонная воля немецких добровольцев, которые как обороняющиеся волки будут везде вредить врагу и перерезывать его жизненные пути сообщения. Враг должен почувствовать что дальнейшее проникание в глубь Германии равносильно его самоубийству. Добродетели немецких ополченцов 1813 года, тирольских стрелков — борцов за независимость проявятся во всей полноте у их потомков.

Собраные на Востоке Пруссии ополченцы засвидетельствовали свои верность народу, Фюреру и высокую осознанность необходимости ведения фанатического сопротивления до победного конца.

Народно-ополченец никогда не капитулирует, он знает, что враг будет еще беспощаднее чем смерть.

По Восточно-прусскому образцу в течении нескольких дней и недель возникли по всей Германии батальоны ополченцев, вооруженных до зубов модерным оружием и исполненные фанатической волей сразить врага.

Нам казакам, связавшим свою судьбу с немецким народом и армией так близки и понятны эти чувства. В своем прошлом казачий народ не раз поднимался всенародно против нахлынувших вражьих орд, тогда и стар и млад, женщины и дети бросались с отвагой на врага, били и уничтожали его. Всенародное восстание пережили казаки и в кровавой борьбе с большевизмом, не только в 1918—20 гг., когда 15-ти летние юнцы и крепкие старики шагали вместе в рядах пластунских батальонов или бились на лихих конях с врагом, но и в недавнем 43-м году, когда женщины и дети помогали в цепях, под пулями, и своим бойцам и немецким солдатам, отбивать ворвавшегося в казачью Землю жидо-большевицкого врага. С непреклонной волей к сопротивлению ушли казаки и тогда и теперь заграницу родной Земли. Казачья молодежь бьется в частях Вермахта на фронте и в тылах, юноши и пожилые казаки формируют уже свои новые части или готовятся к пополнению, под водительством Рейхфюрера «СС» казачьей резервной армии — всеказачьего народного ополчения.

Как в дни Лейпцигской битвы народов, до и после нее, помогали казаки немецкому народу освобождать его Родину от неприятеля, так и теперь они будут до последней капли крови бороться с врагом. Не даром же кубанские гвардейцы носили с гордостью отличие полученное в этой славной битве, под командой великого фельдмаршала графа фон Блюхера, не даром же и отличие храбрейших из храбрых «Железный крест», был возложен впервые за очищение, совместно с казаками, гор. Люнебурга.

«Або добыть, або живу не быть» — говорили наши казачьи предки, вступая в бой с врагом. Так говорим и мы, добывая свободу и нашей Казачьей Земле.

От КНД.

Ко дню праздника Покрова Пресвятой Богородицы Центральное Бюро Казачьего Национального Движения получило много поздравлений как от отдельных Казаков, так и от групп и организаций. К сожалению, размеры нашей газеты не позволяют нам поместить хотя бы части полученных нами писем.

Ограничиваемся выражением всем, незабывшим о Великой для всех нас дне нашего Войскового праздника, нашей искренней признательности и взаимного пожелания, с Божьей помощью, под Покровом нашей Святой Заступницы, дождаться скорейшего возвращения в наши родные степи и станицы.

В. Еремеев.

Воспитание.

I.

Сознательная дисциплина, организованность и интеллигенция определяют культурный уровень народа. Накопляя духовные ценности, культурный народ воспитывает свои поколения прежде всего в духе служения высшим идеалам человечества и, при сохранении своих национальных достижений, обеспечивает себе достойное место в семье народов.

Казачий народ обладает всеми данными на самостоятельное существование и пред ним открываются широкие перспективы к культурному развитию. На протяжении своей многовековой истории он успел доказать исключительную способность к организованной жизни и любовь к свободе. Широкие степи, постоянная опасность от набегов кочевников и боевая обстановка в походной жизни выработали особенную психологию и военный быт в казачьем обществе. Развились в нем: солидарность, отвага, сметливость и привязанность к родным степям. Отличительной чертой казачьих предков — была прямолинейность в своих действиях и презрение к лицемерию. И до сих пор в казачьей душе сохранилось рыцарство духа: храбрость и великодушие.

Последние бедствия, постигшие казачьи земли, в течении четверти века, приостановили процесс нормального развития казачьего народа. Советский террор придушил жизнь с ее особенностями, культуру, извратил историю славного прошлого и обесчестил традиции и веру в Бога. Однако эмигрировавшая часть казачьего общества сумела сохранить в памяти свое прошлое, но, лишенная родной стихии, не имела возможности закрепить свои традиции вдали от родного Края.

Эмигранты-казаки не поддались ассимиляции, организовывались в станицы, союзы, общества и в течении долгих лет изучали историю своего народа, пользуясь историческими материалами за границею. Их влекла могучая любовь и тоска по родным степям, привольной станичной жизни и естественным образом приняла конкретные формы, созрела идея возрождения казачьей государственности.

Последняя война включила казачий народ в вооруженную борьбу с большевизмом и породила очередную эмиграцию, не желавшую больше оставаться под красным гнетом. За границы родных земель ушли многочисленные семьи казаков, неся все невзгоды беженской полукочевой жизни. Способные к несению военной службы все казаки непринужденно стали в ряды противобольшевицкой армии, а значительный переход их из красной армии дал возможность создать свои казачьи соединения с казачьим командованием. Благодаря стойкости и храбрости фронтового казачества и твердой идейной позиции казачьей общественности, Германское правительство признало казачий народ верным и надежным союзником.

Главную массу настоящей эмиграции составляют казаки, ушедшие из под советского террора. Тлетворное влияние большевицкого материалистического воспитания не успело разрушить до основания моральных основ, но оставило по себе тяжелый гнетущий след. Нам приходится часто сталкиваться с молодыми казаками, которые не видели хорошей казачьей действительности, а от детства принуждены были усваивать новые порядки, насильственно насаждаемые, чуждыми для их среды, пришлыми советскими комиссарами. Но инстинктом своим они чувствовали, что их родное, дедовское прекрасное прошлое оплевано жидами и бесчалостно растоптано советским режимом. Казаки видели, как на их глазах осквернялись храмы и святость возвышенных идей,, вырывали из души все благие намерения, подменяя материалистическим диалектом и ненавистью ко всему окружающему. Казачья молодежь, воспитанная в этих условиях не могла естественно найти разрешения в мучивших ее духовных запросах. Неудовлетворенность заставляла ее искать других путей и в душе мечтала видеть новый мир с новым мировоззрением. Достаточно одного появления на казачьих землях жизнерадостных, сильных и здоровых солдат немецкой армии, как вся казачья молодежь оказала большое заинтересование к новым людям и потянулась к новому свету в надежде что-либо почерпнуть для себя и узнать о действительной жизни за границею, где так долго пребывали их отцы и братья. Молодежь убедилась в какой страшной изолированности от всего культурного света держала ее большевицкая партия, как нагло обманывала весь народ, внушая ему, что за границей «голод и унижение», а у нас «стало жить радостнее и веселее». А когда эта, жаждущая видеть свое родное, молодежь ознакомилась с печатным казачьим национальным словом, а потом услышала собственными ушами голос своих братьев-эмигрантов, лелеющих мысль о возрождении казачьей Вольности, то в ее душе произошел переворот, как-то сразу ободрилась она надеждой на скорое падение изолгавшегося советского правительства. Инстинктивно восприняла новую, но как-то дивно родную и близкую их сердцу казачью идеологию. Своим горячим темпераментом отозвались молодые казаки на призыв Фюрера влиться в немецкую армию и направить свои штыки против жидовской власти, жадно вслушивались в слова старых казаков, борющихся вместе с немецкими солдатами, но идущих по своей казачьей дороге и посвятивших себя служению казачьим целям.

Пред казачьей общественностью во всей полноте выросла моральная обязанность подойти правильно и организованно к своему молодому поколению, идущему на смену стариков, учитывая характерные следы его прежнего воспитания а также изживая свои собственные ошибки. Пред глазами казаков, вырвавшихся из советского ада, необходимо раскрыть подлинную картину казачьего прошлого и дать начало истинного понимания казачьей действительности в его будущем. Тогда можно говорить о поднятии национальной культуры и всестороннем развитии казачьего народа.

Мы переживаем критический момент решительной борьбы с врагом культуры, духовных ценностей и многовековых традиций. Борьба достигла кульминации и трудно предугадать точно ее исход, но не подлежит никакому сомнению, что победа будет единственно сплоченных, сильных духом и со спокойными нервами людей, глубоко уверенных в правоте своего дела. Путь национального возрождения Казачества — это единственный путь к спасению и все другие пути ведут к более быстрому или более медленному его уничтожению, как самобытного народа. Для того, чтобы успешнее велась борьба за свои права, чтобы казаки в целом оправдали свое гордое название, необходимо провести в жизнь ту скрепляющую силу родственного единства, которая служила бы гарантией в сохранении своего будущего при любых обстоятельствах, воодушевить казаков созидающей это великое единство идеей.

Влияние идеи огромно и удесятиряет силы борющихся. Казаки должны ясно теперь представлять, во имя чего они идут в борьбе против вандалов XX века, чтобы их жертвы не были напрасными, а с сознанием ответственности заложены в основу грядущей лучшей жизни. Для пользы общего дела они должны полностью воспринять свою родную стихию, отрешая от нее все наносное, чужое. (Продолжение следует).

М. Башмак.

Козацькі культурні діячі.

Козак, Козацтво, Козацькі Війська, Козацькі Землі — оце для нас, козаків, дорогі слова, які в цей час не сходять зо шпальтів світової преси. Візьміть зараз у якій хочете мові газету, журнал і т. ін., скрізь зустрінитеся з **Козаком, Козацтвом, Козацькими Землями** тощо. Там трактується як історія Козацтва, географія, побут, звичаї, так і військова організація Козацьких Військ. Найбільше всього трактуються на сторінках світової преси Козацька Військова організація, військова здібність козака та уміння воювати козаків зо своїми ворогами.

Але помимо військової здібности, організації та збройної боротьби зо своїми ворогами, **Козаки** зуміли й на своїх рідних Козачих Землях з'організувати й своє приватне козацьке життя. Козача Земля з цвітущими богатими станицями та хуторами, була так відмінна від Московської землі, що це прямо било в вічі чужинцям і об цій ріжниці нам, козакам, вже не потрібно писати, бо вже багато написано на цю тему.

Ми хочемо тут подати нашим козакам-читачам про наших козачих культурних робітників пера, бо й поміж козаками були, е й надіємось будуть як: академики, професори високіх шкіл, вчені світового імені, так і письменники, поети, історики, етнографи, статистики тощо.

Ото й ми на перший раз подаємо короткі життєписи о козачих діячах як: **Кухаренко,** Яків Герасимович (1798—1862); **Попко,** Іван Демидович (1819—1893); **Короленко,** Прокіп Петрович (1834—1913); **Мова,** Василь Семенович (1842—1891); **Щербина,** Федір Андрієвич (1849—1936).

Помимо коротких життєписів будемо подавати поможливости повну бібліографію, що вони написали. Також будемо намагатися далі подати такі ж саме відомости й про других визначніх діячів **Козацтва,** а може бути, що ці рядки заохотять й других козаків подати такі ж саме відомости.

Так хай же ці скромні рядки послужать вдячними спогадами на наших визначних козацьких діячів. Нам же **Козакам** потрібно про наших визначних діячів **Козацтва** не тільки самім знати, але й пропагувати їх твори поміж чужинцями.

I.

Кухаренко, Яків Герасимович (1798—1862).

Яків Герасимович Кухаренко народився 1798 року на Кубані. Батько його полковник Чорноморського Війська, козак Медведівського куріня, був начальником Бейсугської округи, а в р. 1797 був в делегації від Чорноморського Війська в Москві на коронації царя Павла I. Хлоп'ячі роки провів на Чорномор'ї де й одержав нижчу освіту в Катеринодарі. В 1814 році закінчив «уездное училище» в Катеринодарі та вступив на військову службу «сотенним осавулом» (урядником), дістав відпуску та був відвезений родичами в Харків де й вступив до гімназії. Скільки років вчився він в Харкові та чи закінчив гімназію невідомо. В 1823 році Кухаренко був підвищений до першої старшинської ранги хорунжого. В сотники був підвищений в 1827 році, до ранги есаула в 1833, а в 1836 був підвищений до ранги військового старшини.

Кухаренка не довго залишали на військовій службі в полку, а покликали на цивільну та адміністраційну службу в Чорноморському Війську. Ми його бачимо працювати на таких посадах: від 19/XII-1833 до 4/X-1836 він був ассесором Військової Канцелярії, а від 1/V до 16/X-1836 заступав прокурора. В 1838 р. Кухаренко був підвищений до ранги підполковника та призначений за неодмінного члена Військової Канцелярії по економічній експедиції, на цій посаді в службових справах часто бував в Петербурзі.

В 1842 році по приїзді з Петербургу Кухаренка призначили окружним штаб-офіцером (окружним Отаманом) Єйської округи з перебуванням в станиці Уманьській. В 1846 р. був підвищений до ранги полковника. З 20/I до 23/XI-1851 року був членом «Общего присутствия департамента военных поселений по делам иррегулярных войск» з відїздом до Петербургу і в тому ж таки році був призначений на посаду Наказного Отамана Озівського (Азовского) Війська. З 10/X 1852 по 30/VI 1856 р. р. Кухаренко був начальником Військового штабу та виконував обовязки Наказного Отамана Чорноморського Війська, в 1853 році був підвищений до ранги генерал-майора.

Ця посада була найвищим щаблем службового становища Кухаренка, але на цій високій посаді чомусь то довго не вдержався та пішов на відпочинок на пенсію. У 1861 році Кухаренко упять повернувся до військової служби, та зараз же був призначений до Комітету для обміркування заходів до залюднення передгірря західного Кавказького гірського пасма з відкомандіруванням до Петербургу, де він прожив з півроку.

По повороті з Петербургу Кухаренко був призначений на посаду начальника Нижньо-Кубанської кордонної лінії з піллеглістью начальникові Кубанської кордонної лінії, що мешкав у місті Ставрополі.

В середині вересня місяця 1862 року командуючий Кубанською кордонною лінією службово викликав до себе двох начальників Кубанської лінії генералів Павла Бабича та Якова Кухаренка. Одержавши такого наказа обоє генерали один з другим їхали поштовим шляхом по річці Кубані вздовш старої Кавказької лінії із Чорномор'ї до Ставрополя. Генерал Бабич виїхав першим і щасливо без пригоди проїхав всю стару лінію. Генерал Кухаренко 19/IX-1862 р. о 11 годині ночі минув станицю Казанську, їхав в почтовому повозі зо своїм зятем Г. В. Йогансенем та зо своїм козаком-джурою, без варти, несподівано підпав наглому нападу ватаги восьми кінних абадзехів, та був захоплений в полон. Револьвер генерала Кухаренка першого вистрілу не дав, чи осікся, за другим взводом по нещадливим обставинам ворожа куля трапила під курок генералового револьвера з такою силою, що розсікла йому руку, друга куля пробила йому стегно. Козак-джура був тяжко ранений, якого абедзехи зарубали шаблями; візника було забито відразу. Генерал вискочив з повозу кинув револьвер, вихопив з піхов шаблю, але був в одну мить обезброєнний. Обом полоненим, генералові Кухаренкові та його зятеві Йогансеневі, звязали назад руки, посадили на поштових коней, підвязавши кожного ноги по-під черевом коня, повели коней в поводі, оточені ворогами, приневолені були протягом двох ночей проскакати майже двісті кілометрів через усі кордони, в день переховуючись в лісах на річці Фарсу.

Змучений скорим бігом по ярах та нетрах, кілька разів падав разом з конем, перепливаючи гірські річки, в яких вода була холодна, Кухаренко, якому тоді було вже 64 роки, а до того ще й хорий та ранений, разом зо своїм зятем, тільки ранком другої ночі після фізичної та моральної знемоги опинились в абадзехському аулі при річці Люк, що знаходився в неприступних нетрах та був всього у 8-ми км. від Майкопського укріплиння, відкіля через закубанських черкесів були одержані в Катеринодарі перші короткі відомости. Чутки ще добавляли що полонених держать досить добре, але абадзехи хотять за них 22.000 карбованців викупа. Через декілька днів після цих перших чуток, прийшла вістка з Майкопу, що 26/IX-1862 р раником генерал Кухаренко в полоні вмер. За небожчикове тіло абадзехи хотять викупного 6.000 карбованців.

Ще при першій вістці о полонені батька син генерала есаул Степан Кухаренко, якого ім'я, гостинність та знайомства між всіма гірськими племенами була відома, негайно поспішив в Майкоп, і тільки після шостиденних переговорів, коли есаул Кухаренко дав свою особисту зброю, то зброю вірних бжедухських друзів, тіло покійного генерала було видано. 6/X-1862 р. тіло Я. Г. Кухаренка поховано в землю на Катеринодарському міському цвинтарі.

В звязку з місцем, де було поховано Кухаренка, виникає таке питання: чому його поховали на загородному цвинтарі, як звичайну людину, а не в огради старого Військового Собора, або в огради Катеринівської церкви, де, як загально явище, ховали визначних осіб і взагалі високих урядовців Кубані? Можна лише бути певним в тому, що то залежало не від родини небіжчика.

Я. Г. Кухаренко був справжнім батьком-Отаманом. Старі порядки та вольности запорозькі ще жили в памяти багатьох з них, були ще живі й свідки їх. Відношення його до козаків а козаків до нього ще носили сліди старого патріархального порядка, за яке так цупко держалось тодішне Козацтво, та які так не подобалися російському вищому Кавказькому начальству. Це начальство всіма силами старалося завести загально-російські порядки не тільки серед військових частин, але й в цивільному управлінню Чорноморського Війська. З цією ціллю воно старалося по можливости більше призначати серед Козацтва урядників москалів і не козаків. Всі Чорноморські Отамани до Кухаренка боролися з цим, боровся й Кухаренко, але положення його було дуже ніякове. Йому приходилося працювати в дуже складних, запутаних умовах, з яких він завжди викручувався завдяки своїм здібностям, які набув на посадах, що перед тим він займав в Чорноморському Війську.

Люди, що особисто знали Кухаренка вважають його за великого знавця козацької історії. Всі ліпші патріоти всього Козацтва не забудуть в ньому страту, може бути єдиного та останнього у Чорноморців правдивого знавця та цінителя Козацької слави, запорозької старовини та Чорноморського побуту.

Я. Г. Кухаренко був жонатий та мав четверо синів та чотирі доньки, але рід Якова Герасимовича Кухаренка перервався, мужських нащадків не залишилось.

Цікаве питання коли, де і як познайомився Я. Г. Кухаренко з поетом України Т. Г. Шевченком, що потім це знайомство перейшло в приятельство та в сердешне листування. Кухаренко дуже часто в службових справах та до дітей, які там учились, приїздив до Петербургу. Значно старший від Шевченка віком, Кухаренко щиро привязався до Шевченка. Привязь ця почалася, мабуть, на грунті спільних литературних інтересів. Кухаренкові не міг не подобатися «Кобзар», що помимо своїх високих мистецьких прикмет, імпонував і запорозькому патріотизмові Кухаренка. Шевченко впровадив Кухаренка до гуртка своїх приятелів «куріня». Шевченко стає «курінним товаришом», Кухаренко «Отаманом кошовим». Між приятелями витворюється спеціальний стиль у відносинах. Листування Шевченка з Кухаренком тяглося від 30/IX-1842 до 25/III-1860 р. р. Кухаренко до Шевченка від 2/IX-1844 до 26/IV-1860 р. р. Залишилося поки що тринадцять листів Шевченка до Кухаренка та сімь листів Кухаренка до Шевченка.

Служба Я. Г. Кухаренка бойова (44 боя), адміністративна та цивільна дала змогу досконально пізнати економіку, історію, минуле Чорноморського Війська, побут краю й всі ці знання він блискуче виявив у своїх творах:

1. **Чорноморський побут,** що написаний був ще в 1836 році, оперета на три дії, друком цей твір появився лише в 1861 році в книжці за листопад-грудень журнала «Основа» ,С.-Петербург. М. Старицький переробив цей твір Кухаренка в оперу **«Чорноморці»,** музика М. Лисенка.

2. **Пластуни** С.-Петербург. «Основа», 1861 р., кн. десята.

3. **Вороний кінь,** казка. С.-Петербург, «Основа», 1861 р., кн. XI-XII.

4. **Вівці і чабани в Чорномор'ї.** С. П. Б., «Основа», 1862 р., кн. V.

5. **Свідок,** скільки в Чорномор'ї худоби, скільки землі й народу козацького роду.

6. **Чабанський словар.**

7. **Харко, Запорозький кошовий.** Записки Українського Наукового Товариства у Київі, Том XII.

8. Збірник творів Я. Г. Кухаренка. Посмертне видання, скомпановане Ф. М. Піскуновим. Київ, 1880, стор. 127.

9. Я. Г. Кухаренко. Твори. Перше повне ілюстроване видання. Під редакцією Г. В. Омельченка. Прага, 1928, стор. 142.

Из писем в Редакцию.

От имени хутора КНД в Бреслау, поздравляю Вас и Ваших сотрудников с Всеказачьим Праздником и шлю наши наилучшие пожелания.

15-го числа мы собирались вместе на скромном обеде и долго вели беседу о судьбе Казачества, о мировых событиях и о жизни членов хутора.

Приносим также Вам и Вашим сотрудникам искреннюю благодарность за Казачий Вестник, который всегда читаем с большим интересом.

Слава Казачеству!

Д. Родионов.

—

Руководителю КНД.

Привет Вам и мои наилучшие пожелания. Дай Бог Вам здоровья и благополучия на многие лета, так нужного для продолжения начатого Вами хорошего дела, об'единения и просвещения национальных сил Казачества. Я слышал о Вас, как об инициаторе и неусыпном продолжателе дела национального возрождения Казачества. Искренно желаю Вам успеха.

Прочитав случайно «Казачий Вестник» я пришел к следующему выводу, что это действительно единственная казачья газета, проливающая свет в толщу казачьих масс. 25 лет тому назад я был постоянным читателем газеты «Кубанская воля». Прочитав Вашу газету я нашел большое сходство с газетой «Куб. воля». Поэтому заключаю, что идеи начатые 25 лет не пропали бесследно, нашли свое отражение и продолжение в Вашей газете.

Дай Бог, чтобы доброе дело, столь необходимое для Казачества, не заглохло, а нашло бы себе достойных продолжателей.

Одновременно с письмом посылаю перевод на 100 марок с тем, чтобы мне высылали 2 экземпляра газеты.

Слава Казачеству!

Никита Гушва.

Казачья Панихида.

— В воскресенье 15-го октября в православном храме на Ольшанском кладбище отслужена была по инициативе Казачьей Национальной станицы в Праге панихида по всем казакам, павшим на поле брани в борьбе за свободу Казачества. На панихиде присутствовало очень много казаков и из других организаций, многие явились со своими семьями.

Службу отправлял о. архимандрит Исаакий.

Глубоко прочувствованное слово произнес о. архимандрит, подчеркнувший искреннюю любовь казаков к своей родине, тоски по ней и великой жертвенности с их стороны в борьбе за свою свободу и независимость.

Панихида закончилась провозглашением многолетия всем живым казачьим патриотам, беззаветно предоставившим свои силы на дело борьбы с своими поработителями

Полковник Гридасов.

О казачестве.

Говоря о казаках я имею в виду лишь настоящих казаков, а не «русских» величающих себя так и-исказивших с этой целью даже смысл самого слова «казак», и не обрусевших казаков, согласившихся с этим искажением.

Кроме того, я ограничиваюсь территорией заключающей в себе Донскую, Кубанскую и Терскую Области. Все эти области составляли некогда часть скифо-сарматской равнины, окаймленной с юга берегами Черного и Азовского морей и Кавказскими горами. Равнина эта, является, пожалуй, единственным местом на земном шаре, по которому, в течении последних пяти тысячь лет, прошло столько различных народов: киммерийцы, скифы, сарматы, готы, греки, рокословцы, монголы, татары, тюрки, украинцы, москали и где издревле жили черкессы, которые лишь недавно загнаны в горы или вселены в Мадую Азию.

Одни из перечисленных народов прошли не оставив, будто бы, и следа своего пребывания там, другие, наоборот, кажется и сейчас имеют своих представителей среди населения этого района.

Так или иначе, естественно, что этнографически нет почти никакой возможности установить точно родство казаков с той или с другой из перечисленных выше народностей.

В конце концов, это и не важно. Важно, что казаки, и по сей день, носят с достоинством свое имя, переняли все наилучшие черты и качества своих предшественников и соседей черкессов, кабардинцев и лезгин, сохранили и строго придерживаются религии, традиций и обычаев своих предков, но говорят, в настоящий момент, на славянском наречии, языке занесенном, по сравнению с пятью тысячами лет, не так уж давно из Руси.

Важно, что: с момента развала Монгольской империи и появления, на одном из осколков ее, Московского государства (конец XV-го века), Москва присвоила себе имя «Русь» и значение центра православия, вначале, а теперь и центра мирового коммунистического движения, употребила все способы и усилия к уничтожению не только Руси истинной и Казачества, но и вытравить воспоминания об их особых, так счастливо их отличавших от московского мракобесия, черт, традиций и обычаев.

Очень важно еще и то, что, несмотря на все попытки московитян, ставших позже называться «великороссами», запутать, с определенной целью и историю Казачества и его происхождение, правда сама прет наружу и во всех углах земного шара, все громче и громче раздается: Слава Вольному и Свободному Казачеству. А Великий Вождь Германского народа, Гитлер, оценив боевые качества казаков и в настоящей войне, заявил, что, как бы эта война не закончилась, казаки будуть иметь свою территорию для устройства **своего национального очага** и своей самобытной жизни.

—

Прежние историки, основываясь на летописях и исторических документах, производили казаков от народов населявших юг современной России и север Кавказа: от хозар, черных клобуков, коссогов или, что тоже самое, черкессов.

Русские же ученые (XIX и XX-ые века) с целью включить казаков в русскую армию, в качестве постоянной, особой, составной части ее, считая Казачество самобытным явлением русской жизни, ни с какою наукой не считаются.

Соответственно этим двум взглядам и отношение к Казачеству вообще было разное: одни видели в Казачестве не только факт военной истории России, но и истории политической и социальной самих казаков; борьба Казачества с государственным порядком, будь то польско-литовским, будь то московским об'ясняль как стремление казаков жить самостоятельно, на излюбленных началах равенства и самоуправления; другие, увлекаясь принципом государственности, понимаемом в смысле централизации, рассматривали борьбу Казачества с польско-литовским и московским государствами, как борьбу анархии с порядком; третьи, наконец, особенно упорно напирали на военные, колонизаторские заслуги казаков на пользу Российской империи.

Пытаться примирить это разногласие безполезно, особенно теперь, когда выяснилась цена русского принципа государственности и стало очевидно преимущество казачьей анархии, оказавшейся в действительности порядком, над русским порядком, являющимся в сущности анархией.

Кроме того, цель подобного извращения истины русскими учеными ясна: это желание использовать боевые качества казаков на укрепление Российской империи в прошлом и на восстановление ее в настоящем.

Тоже самое разноречие и тоже самое стремление исказить истину наблюдается и в об'яснении слова «казак».

Слово «казак», говорит официальная русская наука, принадлежит татарам у которых этим именем называлася низший сорт или разряд войска, наиболее легко вооруженный. Татарским наездникам противопоставляются русские, вместе с боевой обстановкой перенявшие, будто бы, от своих врагов и имя «казак».

Доказать неправильность, подобного толкования, легче легкого, а потому, нужно лишь удивляться наивности «русских» расчитывающих утвердить это ложное об'яснение как незыблемую истину.

Был целый ряд и других об'яснений происхождения слова «казак». Одни производили его от слова «коза», потому что казак, мол, быстр и ловок как коза; другие уверяли, что на каком-то там языке, слово «казак» обозначает не то вор, не то разбойник, не то голодранец.

Останавливаться на этих деталях, это забираться в дебри, куда, в сущности и стремятся нас завести «русские ученые», чтобы скрыть истину, как они всегда это делают, а потому перейдем прямо к одному, единственному и правдивому, потому что опирающемуся на свидетельствах географов и историков разных наций и разных времен, толкованию этого слова:

Император **Константин** Порфирогенет, в 948-ом году, писал: «За Зихией находится Папахия, за Папахией **Казакия**, за Казакией Кавказские горы, а за ними страна Аланов. . .» — Жители Казакии были, таким образом, по соседству с Зихами т. е., одним из черкесских племен, которых, соседи их алане т. е. осетины на востоке и мингрельцы на юге, называли казахами.

Арабский географ **Массуди,** той же эпохи, описывая ярмарки устраивавшиеся ежегодно в Трапезунде, наряду с посещавшими их купцами Анатолии и Армении, упоминает и кешеков, в которых, знаменитый путешественник **Клапрот** видит все тех же казаков. (Казак — казах — кешек, очевидно, одно и тоже.).

Триста лет спустя, другой арабский географ **Ибн Ал Варды,** описывая те же места, говорит, что он «не находит слов для описания красоты черкешенок» и, в данном свидетельстве, позволяет предположить, что речь идет о половецких женщинах, кроме того, ряд общих черт у черкессов, коссогов и половцев доказывают все эти, разные, термины относятся к одной и той-же народности, которых русские называли то половцами, то коссогами, а позже черкасами и черкессами; арабы называли — кипчаками, армяне — хардашами, грузины — куманами, осетины и мингрельцы — казахами. **Страбон,** в I-ом веке по Р. Х. употребляет термины: зики, что весьма сходно с зихи и «серсеты». Принимая во внимание, что буква **с** на итальянском языке произносится как **ч,** становится ясным что, после появления на Кавказе гэнуэзцев, слово «серсет» превратилось в «черчет», а в турецкой передаче стало «черкес». Кром того, можно смело утверждать, что с времен Страбона и до завоевания Кавказа русскими, интересующая нас территория была населена черкессами. Все сходятся на том, что наружность половцев была привлекательна: половцы — рослы, стройны, красивы, светловолосы. Грузинская летопись прославляет, как и Ибн Ал Варды, красоты дочери хана Отрока, ставшей женой грузинского царя Давида II-го. Само слово «половец» на русском языке обозначает: половый, изжелта белый; хардаш — по армянски значит белокурый. Все это доказывает, что эти термины определяют не народность а наружность. Кроме того, основываясь на описании типа, можно категорически утверждать, что половцы не были монголами и не тюрками, как хотят убедить нас русские ученые. Конечно, не нам разрешить эту загадку, но высказать предположение позволительно, а именно: половцы являются смесью руссов появившихся с X-го века в Тмутаракане, с кавказскими народностями не монгольского и не тюркского происхождения.

(Продолжение следует.)

Президиум собрания на Празднике Покрова в Праге. 14. X. 1944 г.

Archiv „Der Kosakenbote".

Праздник Покрова в Праге.

В субботу 14-го октября, в театральном помещении «Чешской Коруны» состоялся традиционный Общеказачий Войсковой праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Сцена была красиво декорирована национальными флагами. Между Донским и Кубанским развевался Германский флаг, в центре его красовался портрет вождя Германского народа Адольфа Гитлера. На первом плане сцены стоял длинный стол покрытый зеленым сукном, между флагами красиво размещены гербы Донского, Кубанского, Терского и Запорожского войска. Во всю ширину сцены на заднем плане был помещен национальный флаг КНД.

В четыре часа дня за столом президиума заняли места: Руководитель КНД. инж. В. Г. Глазков, Окружный атаман в Протекторате инж. В. А. Донецкий, Атаман местной станицы сот. С. И. Школяр, генеральный секретарь КНД В. Т. Еремеев, член Правления станицы Бочаров и представители: от воинских Казачьих частей в ген. губ. Г. Козлов, от Запорожского Казачества д-р Зоц-Кравченко, от Казаков-Националистов в Брно инж. В. Карпушкин, от хутора в Будеевицах агр. Николаев, представитель и заместитель Руководителя П. С. Поляков.

Торжественное заседание открывает станичный Атаман С. И. Школяр словом приветствия всех посетивших Казачий Национальный праздник и передает ведение собрания Окружному Атаману инж. В. А. Донецкому.

В свою очередь Окружный Атаман по очереди приветствует всех сидящих за столом президиума и в кратком прочувствованном слове подчеркивает великое значение сегодняшнего дня, являющегося символом единения Казачества. В этот день все Казаки, каких бы ни были убеждений, духовно об'единяются на почве глубокой веры в действительную помощь Той, чей день празднуют.

Немецких гостей присутствующих на празднике приветствовал на немецком языке агроном Николаев.

Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков ясно и отчетливо подчеркнул необходимость всем Казакам прежде всего осознать самих себя и прежде всего думать о судьбе Казачьего народа. До сих пор Казаки всегда заботились о других, старались помочь каждому, по первому призыву со стороны, меньше всего думая о своих собственных интересах. Теперь настало время, когда Казаки сами должны подумать о себе и о своем будущем, время этого требует, свое благополучие Казаки должны создавать своими собственными руками. От общего сговора и спайки Казаков зависит многое. Как они построят свою жизнь, таковой она и будет, упрекать в случае неудач будет некого, отвечать за последствия будут сами Казаки. Везде и всюду, при всяких положениях и обстоятельствах Казак прежде всего должен быть только Казаком. Вся история, все славное прошлое Казачьего народа указывает на бесспорное право его независимости и в этом направлении, именно на национальном фронте должна быть сгруппирована вся Казачья лава.

Затем от имени Запорожского Казачества приветствовал собрание др. Зоц-Кравченко, в последовательном порядке выступали от своих организаций ст. ст. Карпушкин, Николаев и Козлов.

Генеральный секретарь КНД В. Т. Еремеев сделал сообщение о «Значении праздника Покрова Пресвятой Богородицы». Этот праздник имеет исключительное значение для Казачества. Он является исключительным потому, что к этому празднику приурочено событие славного 17 столетия известное в нашей истории под названием «Азовского сидения» и событие духовного об'единения казаков во имя сохранения их имени в будущем. Докладчик более детально останавливается на исторических моментах, имеющих отношение к Азову, подчеркивая полную самостоятельность Казаков в этом периоде и отмечает непревзойденный героизм Донского и Запорожского войск. Коснувшись затем дипломатических взаимоотношений между Казачеством и Россией с одной стороны и с Турцией с другой, докладчик заключает, что «Азовское сидение» не только спасло Восток Европы от установления на нем турецкого владычества, но и открыло широкие пути и возможности Московскому государству. Для нас это прошлое в политическом отношении представляет лишь исторический интерес, но в моральном — дает прекрасный урок. Все казаки в прошлом были преисполнены одной верой, одной волей к победе, к достижению своей цели. Докладчик закончил словами: Пусть же прекрасный исторический пример наших предков подскажет и нам путь к освобождению нашего многострадального Казачьего народа.

Казачий хор под управлением ст. Ф. И. Бардина пропел Донской, Кубанский и Терский гимны и на этом окончилась официальная часть программы.

Во втором отделении выступали оперные артисты: Слободина, Кузнецкая, А. Кабанцов, Мальцев, скрипач Белов, артисты балета Волховская, Горский и малолетняя Лидочка Глазкова. Казачий поэт П. С. Поляков читал свои произведения. Между прочим, оперный бас Мальцев впервые пропел «Казачью песню» им же аранжированную на ноты слова нашего поэта Келина.

Много смешил публику конферансье Н. П. Волховский.

В конце программы еще раз выступил Казачий хор. Большое оживление в программу внесли прибывшие из Брна станичники Медведев и Енин. Они выступили в оригинальных Казачьих танцах. Особенно хороша была лезгинка в исполнении ст. Медведева.

Многочисленная публика, заполнившая до отказа зал, шумно приветствовала всех исполнителей, вызывая многих по нескольку раз. У рояля в течение всей программы была неутомимая г-жа Мальцева. Вечер оставил по себе прекрасное впечатление.

И. Лукинов.

Заветы старых казаков.

Заболела, занемогла родная Кубань. . . Не устоял, пошатнулся вековой наш богатырь, та Кубань, чье имя с гордостью произносилось всеми от стара до мала и с чьим именем неразрывно связана героическая история кубанских казаков. . . Революционный психоз, как мор, залил, захватил, заразил ее просторы, расколол хозяев на два лагеря, образовал огромную пропасть между ними, вселил ненависть и небывалую вражду. . . Только некоторые казаки, особенно старики, не утратив еще степную орлиную зоркость, не поддавшись заразе тяжелого недуга разложения, видели надвигающуюся на Кубань страшную катастрофу. И мои тяжелые предчувствия не двали мне покоя, терзали мое молодое сердце и гнали вон из дома, на берег Кубани, к старому приятелю, рыболову Симонычу, у которого я всегда находил успокоение.

С дедушкой Симонычем мы были неразлучными друзьями не только по рыбной ловли, но и в жизни. Я любил его всей душой, доверял ему во всем, считал его особенно умным, сверхчеловеком, умевшим так красочно, так увлекательно, так интересно и с таким мастерством рассказывать мне сказки, былины, легенды, историю нашего славного казачества и свои переживания из походной казачьей жизни; я делился с ним, что мне было в жизни непонятно, что меня тяготило или радовало. И во всем я находил у Симоныча ответы, и такие простые, такие ясные, такие понятные моему молодому уму.

В погожие весенние вечера любили мы с Симонычем в это тяжелое время сидеть в уютном месте на берегу Кубани и наблюдать, как гаснет день, как сгущаются сумерки, как спокойно, величественно протекает вода. И кажется, будто все на свете идет по хорошему, будто сыны Кубани не раскололись на два враждующих лагеря, будто все будет по-старому, все казаки заживут одной семьей, в полном мире, спокойствии и снова в полном довольствии. . .

В один из таких вечеров Симоныч был как-то задумчив, мысли и настроения его менялись. . . Видно было, что и мой дорогой учитель терял веру в то, что казаки одумаются, стряхнут с себя революционный психоз, очнутся от этого тяжелого недуга, окончательно выздоровят и снова станут свободными душой и телом казаками.

Как бы угадывая его мысли, я невольно подумал: «А кто же вылечит казаков от этого тяжелого недуга?» В этот вечер, может быть, само небо помогало нам к этим тяжелым думам: из-за реки пышно поднимался месяц, и степь, было потонувшая в непроглядном мраке, всплывала, задергиваясь тем серебристым, лунным пологом, под котором просторы земли казались ярко-белыми, светлыми, улыбающимися, словно почувствовавшими радость освобождения невидимыми великанами от гнета душившего их мрака. Наступающая ночь, влажная и благоухающая, с темным бездонным небом и крупными мигающими звездами, казалось, и томила, и сама томилась, и млела, полная неясных осторожных звуков, которые как-будто поднимались из воды, вырывались из кустов, и то растянуто, пугливо, дрожа замирали, то как-то сразу, мгновенно, обрывались.

Свежий вечерний холодок, ароматный и мягкий, не холодил, а скорее ласкал наши тела, и, пробегая по ним приятною дрожью, охватывал дремотой все наши чувства сливались в одно ощущение смутно-радостного опьянения; нас охватил неопределенный прилив счастья и залил волною всеоб'емлющих желаний. Мы чувствовали себя истинными казаками, нам казалось, что именно мы все видим и слышим не так, как другие.

— Да, — не выдержал старик, — казачество катится в непроглядный мрак ужаса, страданий и кровавой братоубийственной бойни. Еще в детстве я слышал повествование одного древнего старца, нашего казака, вещавшего, что настанут времена, когда все будет по иному, когда восстанет народ на народ, и охватит война всю матушку землю. Настанет страшный бой добра со злом. Эта злая сила погубит веру Христову, разрушит храмы, уничтожит иконы, будет мучить и губить весь народ, не разбирая ни старых, ни малых, ни женщин, ни детей. И убьют в народе веру, дух, познание добра, и станет он тогда вечным бездушным рабом. Пусть Господь Бог хранит казаков от этого страшного испытания. . . Разве казак — этот сын бесконечных степей, вольный, как воздух, свободный, как ветер, никогда не терпевший над собой владычества, не знавший рабства, живущий напряженнейшей духовной жизнью, полный исканий и порывов, может когда-либо примириться с тем, что грядет? Страшные бедствия, страдания и кровь принесут своим братьям те казаки, которые поверят злой силе, осквернят дедовскую православную веру, станут пренебрегать заветами старших казаков, отвернутся от своей войсковой старшины, своих старших братьев и руководителей, покрывших вместе с своими станичниками казачью историю неувядаемой славой. —

— И время это наступило, — грустно сказал Симоныч. — И я вижу на Кубани кровь, страдание и ужас. . .

— Как эти люди, — подумал я, — так далеко все видят вперед то, что от нас, погрязших в повседневное, ускользает, остается незамеченным...

Предсказания старых казаков сбылись... Восстания, гражданская война, расстрелы, высылки, эмиграция, страдание, ужас и кровь... Кубань пережила и переживает страшное лихолетие...

Прошло 20 лет.. Казачество снова возрождается, но возрождается на чужбине.. В первый раз за время эмиграции к нам прибыла наша войсковая старшина, Войсковой Атаман, генерал В. Г. Науменко и наш любимый батько, генерал А. Г. Шкуро. При виде их в нашей родной казачьей форме у каждого казака усиленно забилось сердце, перед глазами каждого как бы воскресли картины далекого детства на родной Кубани, хождение в школу, веселое беззаботное детство, действительная служба, Тифлис, Карс, Кутаис, война, участие на фронтах, радость побед и горечь поражений в борьбе с большевиками за свой родной Край. Дальше Крым, Лемнос и скитальческая жизнь, полная лишений и горя... И вновь воскресение казачества...

Оба старые служаки, испытанные казаки, сумевшие в течение всего эмигрантского скитания сберечь казачество и сохранить его самобытность.

Оба говорят мало, но каждое их слово глубоко западает в душу каждого казака. Как и в былое время, они предупреждают казаков от всех соблазнов зла и горячо призывают всех на борьбу за православную веру и казачью волю. Серьезно слушают их все казаки, насупились, защемила тоской сердце каждого, крепче сжимается казачий кулак, как угроза поработителям за поруганную веру в под'яремный родной Край. Заветы старых казаков исполняются — все Казачество воодушевлено отстоять свое честное имя казака.

Ю. Терновой.

Вести с казачьей земли.

Еще недавно, несколько месяцев назад советские газеты печатали многочисленные очерки и статьи о подвигах «казаков-патриотов».

Теперь дело резко изменилось. Советская пропаганда больше не считает нужным затуманивать голову читателям сказками о казачестве, которое будто бы защищает советскую власть. Впрочем, это касается не только казачества: из обихода большевицкой пропаганды вновь исчезли красивые слова обо **всем русском, национальном,** уступив место словам **советский, партийный.**

Если в дни боев под Сталинградом и на Кавказе большевики взывали к русскому народу, даже казачеству, то, дойдя до Карпат, они снова заговорили о «великих победах партии Ленина-Сталина».

В первую очередь, конечно, перестали писать большевики о казачестве. Они и прежде не писали о казаках, сражающихся против большевизма, но зато выдумывали героические истории о подвигах «советского казачества».

Действительно, в Красной армии есть части, именуемые казачьими. Но, как известно, кроме формы и названия, в них нет ничего казачьего.

К тому же большевики не так давно сочли за благо и форму с этих псевдоказаков снять, а вскоре, видимо, и само название казачьих частей будет уничтожено.

Изменился также тон советской печати о жизни в казачьих областях. Опять-таки, было время, когда газеты усиленно пропагандировали трудовой энтузиазм казачьих станиц. Понятно, что никакого энтузиазма не было. Но большевикам нужно было хоть в какой-то мере скрыть, что казачье население почти сплошь оказалось на стороне Германской армии. И вот после ее отхода советская пресса стала убеждать советское и мировое общественное мнение в том, что казачество стонало «под игом немецкой оккупации», а теперь-де благоденствует и «проявляет чудеса трудового героизма».

В каждой корреспонденции с Дона, Кубани, Терека обязательно говорилось о казаках и говорилось восторженно. В газетах того времени то и дело мелькали такие, например, заголовки, как «Славные дела трактористок-казачек», «Казак сдержал свое слово», «Новая жизнь на казачьей земле» и т. п. Теперь ни в заголовках, ни в самом тексте не найдешь даже упоминания о казачестве. Тон статей из восторженного превратился в грубый, запугивающий.

Приведем для примера одну из корреспонденций, типичных для советских газет сегодняшнего дня. В ней говорится о колхозах кубанской станицы Пашковской.

«...Давно прошли все сроки уборки, — пишет «Правда», — а преступное благодушие попрежнему витает над станицей. Руководители колхозов вкупе с секретарем райкома Волковым пытаются сослаться на нехватку рабочих рук, уборочных машин и т. п. Но неужели не видят они, что много еще бездельников предпочитают отсиживаться в хатах? Они пользуются равнодушием горе-руководителей и спокойно отдыхают, пред'являя нелепые требования: сначала, дескать, выдайте нам аванс, а потом мы пойдем работать. Между тем, остаются неубранными десятки гектаров пшеницы, подсолнуха и других культур.

Особенно плохо обстоит дело в колхозе им. Ленина (председатель Репях). Здесь уже нужно непосредственное вмешательство прокуратуры. Несколько лучше, но все же далеко не так, как требует партия и правительство, работают в колхозах имени Фрунзе, «Ударник», им. Ворошилова.

Нельзя не согласиться, что колхозные поля в ст. Пашковской, действительно, получили мало машин. Однако, повинны в этом те же нерадивые руководители и, в первую очередь, старший механик МТС Смалиус. Это они не сумели или не захотели обеспечить ремонт комбайнов и косилок.»

Вот как выглядит теперь «трудовой энтузиазм»!

И это не случайная заметка. Таких — большинство. Приведем еще одну выдержку из заметки о колхозе им. Ворошилова, ст. Старовеличковской. Называется она очень выразительно: «На поводу у саботажников».

«...Кто кем руководит в колхозе? — спрашивает автор и отвечает: — Сразу не поймешь. Но при внимательном рассмотрении становится ясным: всю власть забрали саботажники».

Заметку эту тоже «сразу не поймешь». Однако, при «внимательном рассмотрении» можно сообразить, что это намек на возможность повторения страшного 1933 года. Ведь тогда тоже заявили о «кулацком саботаже» и начали под предлогом борьбы с ним истреблять казачество.

*

Такие вести доходят с казачьей земли, где живут еще наши семьи на свою беду и несчастье оставшиеся там. Надвигается опять призрак черного года — 1933-го.

(«Казачья Лава» № 28.)

Казачье национальное дело ведется казачьими руками и на свои казачьи средства.

Каждый казак должен не забывать внести свою лепту в Казачий Национальный фонд и заплатить за «Казачий Вестник».

ХРОНИКА

— Руководитель КНД. инж. В. Г. Глазков выехал 19. X. с. г. по делам организации в Берлин.

— На очередном субботнике Казачьей Национальной станицы в Праге, прибывший из Братиславы заместитель Руководителя, И. И. Безуглов сделал сообщение о жизни и положении казаков в Словакии.

Вернувшийся из поездки в Венгрию полковник С. М. Макеев с большим под'емом призывал казаков к единению, подчеркнув, что в переживаемый момент все казаки должны об'единиться и общими силами ополчиться против грозного врага. Иного выхода, как борьба с оружием в руках, сейчас для казаков нет.

В. Т. Еремеев поднял вопрос о создании курсов для детей казаков, на которых читались бы лекции по Казачьей истории и таким образом воспитывалось бы, в национальном духе, молодое наше поколение.

Г. А. Козловский призывал к активной деятельности существующий при станице дамский кружок. Настало время, когда все должны принять участие в общем Казачьем деле. Естественно, что наши казачки обязаны тоже принять активное участие в этой работе.

— Правление Казачьей Национальной станицы в Праге считает своим долгом выразить глубокую благодарность всем лицам, оказавшим помощь в устройстве праздника Покрова 14-го октября. Особенную благодарность выражаем станичницам: Бочаровой, Просвириной и Томковой за их хлопоты по устройству буфета, Г. М. Бондаренко, за прекрасное декорирование сцены. Особая благодарность надлежит Атаману станицы сотнику С. И. Школяру, за его хлопоты по устройству праздника и образцовый на нем порядок.

— В городе Ченстохове на фабрике „Hasag“ 14 октября с. г. был устроен Казачий Войсковой праздник Покрова Пресвятые Богородицы. В местной Православной церкви был отслужен молебен. Идя навстречу казакам, наши местные власти, директор фабрики г-н Литт и веркшуцляйтер г-н Герман, способствовали устройству Праздника.

Всеми нами любимый г-н Веркшуцляйтер взял на себя инициативу по устройству праздника, сам он обратился к г-ну Директору за разрешением и об отпуске всего необходимого. Г-ном Директором было отпущено: водка, консервы и прочее, а на кухне был устроен общий ужин, на котором присутствовал и сам директор фабрики.

На ужине присутствовало 108 чел. Веркшуцов: немцы, казаки и украинцы; были представители и с другой фабрики „Wartewerk“, во главе с сотником Кубанского войска Пятницей.

Ст. Солдатов приветствовал присутствующих и в коротких словах пояснил значение казачьего праздника. Г-н Директор так же поздравил казаков с праздником и подчеркнул, что он много слышал о казаках, о их боевой славе и знает, что казаки это самые верные союзники Германского народа. Сотник Пятница в заключении своей речи сказал, что у нас казаков на протяжении всей казачьей истории не было случаев капитуляции. Казаки если борятся с врагом, то или побеждают, или же умирают все, как один.

Затем были пропеты казачьи гимны.

После ужина, понеслись залихватские казачьи песни, и затем под звуки гармошки «казачек» и наурская.

Характерно отметить, как молодая Терская казачка-девушка—девушка советского воспитания, с ножами в устах состязалась с одним из старых эмигрантов при исполнении казачьих танцев.

Вечер затянулся до 10-ти часов, а в 11 часов вечера казаки уже стояли на своих постах.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

(Продолжение).

— Я пока останусь в станице, господин полковник! — сказал подхорунжий Шашков, и как-то сконфужено посмотрел на сотника Реву и на атамана.

— А я поеду с вами! — отозвался Чеховской.

— Отлично! — одобрил полковник, — но прошу вас никому об этом не говорить, чтобы случайно не проболтались. Конечно, своим домашним вы обязаны сказать об от'езде, но ни под каким видом не указывать наш маршрут... Мы едем сначала на хутор Богомолов, а затем на Волчью поляну, где укрылись и бежавшие из аулов черкесы. Вам Чеховской с нами не успеть, мы уже готовы в поход, выезжайте утром с сотником.

— Слушаюсь! — привстав с дивана ответил бравый подхорунжий.

— А что нового слышно из штаба Войска? — поинтересовался Рева.

— Как вам известно, — начал рассказывать полковник, свертывая новую папиросу, — войсковой атаман с небольшим отрядом, не в силах был защищать Екатеринодар и вышел в станицы, где и соединился с отрядом генерала Корнилова. Сейчас совместно наступают на Екатеринодар и красная сволочь в панике... Потому-то видно и поехали по станицам карательные отряды.

— А откуда взялся генерал Корнилов? — любопытствовал Рева. — Мы шли из Персии через Азербейджан походным порядком и никаких новостей не знаем, а здесь такая болтовня, что не разберешь, где правда, где вранье.

— Стоустая молва, что радио-волна, передается быстро, но к сожалению всегда в искаженном виде и зачастую с фантастической отсебятиной — засмеялся полковник и стал рассказывать гостям о политических событиях, происшедших на Дону. — Вначале большевицкого переворота генерал Корнилов при содействии верных текинцев убежал из Быховской тюрьмы, куда засадил его Керенский за поход на Петроград. Корнилов, как сибирский казак, чувствовал, что только казачество восстанет против красной сволочи, и поэтому не побежал куда-нибудь в центральные русские губернии, а прибыл на Дон и стал формировать там Добровольческий отряд. На Дону происходил такой же ковардак, как и у нас, если не хуже. Единственный отряд, защищавший подступы к Новочеркасску, был отряд полковника Чернецова, состоявший из учеников-мальчиков, которые гибли от руки своих же казаков, перешедших на сторону московских палачей. От руки Подтелкова, гвардейского артиллериста, погиб и сам Чернецов — Подтелков шашкой зарубил тяжело раненого и сдавшегося на милость врага донского героя. Воззвания к казакам Донского атамана и правительства, не имели успеха: фронтовики, или вступали в красную армию, или шли на соглашательство с Москвой. Атаман Каледин, видя гибель Дона, застрелился у себя во дворце. Корнилов, не встретив поддержки в своих благих начинаниях ушел с небольшим отрядом на Кубань и двигается сейчас к Екатеринодару.

— А на Дону как?

— После смерти атамана Каледина Войсковой круг выбрал атаманом генерала Назарова, но большевики, с помощью казачьих предателей, в лице Голубова и Подтелкова заняли Новочеркасск, расстреляли Назарова и разогнали Круг, как верховную законодательную власть. Походный атаман генерал Попов ушел с отрядом в донские степи, отказавшись покинуть родную область и идти с Корниловым на Кубань. Наш атаман то-же покинув Екатеринодар, соединился с Корниловым, и подчинился ему.

Внимательно слушали офицеры своего полковника, боясь чем-либо нарушить торжественность рассказа. Только клубы табачного дыма, поднимаясь к потолку, наполняли небольшую комнату, служившую и рабочим кабинетом хозяина и гостиной, едким сизым дымом.

— В Кавказском отделе, — продолжал полковник, — вспыхнуло было восстание, но жестоко было подавлено. В данный момент местные восстания принесут только вред, ибо начнется повсюду жестокий террор, и пострадает масса невинных людей. Необходимо беречь наши силы, группировать их в определенных пунктах и ждать общего сигнала. По этой причине я и уезжаю в горы. А потом постараюсь связаться с атаманом Филимоновым и ждать его распоряжений. Одумаются же когда-нибудь наши дураки и, увидят, что с мужиками им не по пути! —

— Это верно, господин полковник, надо только выждать времячко! — заметил атаман и, поднявшись со стула, предложил полковнику не засиживаться долго, чтобы не привлечь внимание станичных воротов.

Все встали и начали прощаться.

— Итак до завтра, господин полковник! Я вас догоню на хуторе. Вы меня подождите, — прощаясь с хозяином дома сказал сотник.

— Будем рады вас видеть! Еще раз прошу вас не зарываться и уйти из станицы без всяких инцидентов! — дав последнее наставление. Заболоцкий крепко пожал всем руки. В этот момент из спальни вышла Ольга Георгиевна и предложила гостям чаю.

— С чаем некогда возиться, это не казачье дело! — засмеялся хозяин, обращаясь к жене, — раз уж хочешь нас угостить, так налей нам чего-нибудь покрепче. Выпьем, господа, стремянную!

Все засмеялись... Глядя на эту спокойную компанию, никто бы не мог предположить, что они накануне большой опасности... Как-будто по мирному времени расходились из гостей и по освященному веками обычаю выпили стремянную чарочку, предложенную гостеприимными хозяевами. Правду, надо сказать, что опасность тогда страшна, когда сталкиваешься с ней лицом к лицу, а если есть впереди еще какая-то отсрочка, люди стараются о ней не думать.

— Прошу вас, господа! — внося на подносе большие чарки водки, предложила Ольга Георгиевна, — эта настойка помогает от сорока болезней, так как настоена она на сорока целебных травах.

— Зверобойная! — крякнул Иван Василич, вытирая серым в белую клеточку платком пышные вахмистерские усы, — от этой настойки не только сорок, а все болезни сразу вылетят.

— Вот мы с тобой и захватим фляжку в путь-дороженьку, чтобы лечить свои старые кости — добавил Заболоцкий и пошел провожать до калитки гостей.

Никому так не дорого казачье дело, как нам самим казакам и никто о нем не будет заботиться, кроме нас самих же, посему наше казачье будущее всецело зависит от самих казаков, от их уменья и способности защищать свои права.

(И. Бочаров, «К. В.» № 15 (72).

— Дня 10 жовтня 1944 р. помер у м. Амштетені побратим Володимир Данилович **Ляскало.** Покійний походить зі старої козацької родини Полтавщини і з своїм батьком належав до хутору Українського Запорозького Козацтва в м. Амштетен в Нижній Австрії.

Бажаємо легкої землі покійному та виявляємо сердечну співчуваєть його батькові, сестрі і товариству.

Запорозький Відділ КНР.

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 RM за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Басакина Лидия разыскивает отца, донского казака Логвина Лазаревича Басакина и двоюродную сестру Надежду Жарикову. Писать по адресу:

Frl. Basakina, b. Kr. Tympner, Markneukirchen Vo. Trobitschen 2. (10).

— Лесик Володимир, розшукує з родини на призвище Івашкевич Йосиф, Марія, Іван, Евстахій, Іванна, Зофія, Крепська Наталія и Корнило, котрі вийхали в днях 27 липня 1944 з Турки окр. Дрогобич до Протекторату. Розшукує також Липка Йосифа професора зі Скалата, повіт Тарнопіль, котрий перебував в Турці окр. Дрогобич, вийхав в днях 27 липня 1944 з Турки з оперним Українським театром до Грацу.

Розшукую адресу особи, яка була урядовцем в ляндкомісаріаті в Турці окр. Дрогобич й вийхала в напрямку на Відень або Ніколаусбург, на призвище Баран Петро. Писать на адресу:

Lesyk Wolodymyr, b. Bauer Arnold Frecking, Laer Holthausen über Burgsteinfurt Bz. Münster.

— Дежин Николай Иванович, фельдпост 17084, разыскивает: Дежиных Ивана Игнатовича, Николая Ефимовича, Александра Кировича, Долота Николая Васильевича, Заикина К. Федоровича, Туркина Михаила Кирсановича, Никитина Тимофея Владимировича, ст. Луганская, Дон.

— Штирле Эмма Андреевна, разыскивает среди военнопленных или Остарбайтер, своего мужа Немченко Павла Андреевича, род. 22. X. 93, и сына Виктора Павловича род. 23. 6. 21. Прошу сообщить по следующему адресу:

Frau Stirle, Waiblingen b/Stuttgart, Wohnlager Elma am Wasser. (14).

— Агроном Скляренко Иван Никитич, просит откликнуться родственников и близких по адресу:

Sklarenko Iwan LDW. Forschungszentrale (12-a) Halbturn, Niederdonau.

— Людоговская Елена, урожд. Никитина, разыскивает брата, донского казака Никитина Александра Трофимовича, род. 1889 г. и Никитину Елизавету Александровну, род. 1926 г. Сообщить:

Frau Ludogowski Helene (6) Tuschin Wald über b/Litzmanstadt, Bezirk I Volksdentsches Haus 6.

— Гужва Никита, разыскивает своего брата ,есаула Пантелеймона Фомича, урож. ст. Кирпильской, Кубань, проживавшего в Греции. Фельдпост 57735.

— Владимир Шкарбан разыскивает своих братьев Конст. Слесарева, Конст. Шкарбанова и Евгения Шкарбанова, урож. Ставрополья, Станично-Луганского района (Герасимовка) писать:

Voldemar Schkarban, Karsbrunn post. Kr. Frendenthal Ostsudeten Schefarai Waitestall 9 b.

К СВЕДЕНИЮ НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ И КОРРЕСПОНДЕНТОВ!

Канцелярия КНД. обращается еще раз ко всем с просьбой, при пересылке заказов и денег писать свои адреса точно и четко, так как многих адресов никак невозможно прочесть, это влечет за собою задержку в исполнении их просьб.

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра инж. В. Глазкова «Крах наших москвофилов».

Стоимость ее 50 Rpf. с пересылкой.

„Kosakenbote“ erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck“. — **Aufsichtsamt Nr. 25.**

Gutenstejnska ul.8.6.

NGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 24 (81) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го НОЯБРЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

И. Васильев.

Уроки настоящего.

Последние месяцы, когда война вступила в свою решающую фазу, пред'являли не только народам, но особенно их руководителям большие требования и необходимую твердость веры, несокрушимости воли и колоссальной энергии, чтобы выдержать напор противника, как на театрах военных действий, так и в тылу и остаться при том хладнокровным при ведении народного корабля.

Многие старые и испытанные вожди, уже нераз доказавшие в прошлом свое умение в руководстве государственных дел, на этот раз не выдержали экзамен, оказались не на высоте своего положения, повергли себя и руководимые им народы в бездну несчастия и рабства. При этом некоторые вожди, имевшие высокие титулы и награды, запятнали себя и свое имя поступками, неприличествующими их званию, и невольно набрасывающие тень и на доброе имя народов, которые они возглавляли.

Мы являемся живыми свидетелями болезненного явления, имевшего место в последнее время в Финляндии, Румынии, Болгарии и Венгрии, где бывшие возглавители этих государств своими вероломными шагами, граничившими с предательством, способствовали крушению своих собственных государств и вовлечению их в кабалу противника. Само время в весьма короткий срок со всей очевидностью показало насколько недальновидны и чреваты своими последствиями были поступки этих возглавителей государств, в конце концов заставивших свои же народы воевать за интересы своего вчерашнего противника и за свое собственное уничтожение.

На страницах печати нераз писалось о причинах таких поступков этих «видных» политиков. Основной же причиной остается одна и самая главная — для них идея нового национализма, под знаменем которой борется Европа, была чужда и непонятна. Они, выросшие в эпоху либерально-капиталистических идей и их логического следствия — марксистского лже-учения, не могли понять биения и потребностей новой жизни и ее запросов. Их мышлению были понятны всякие иные отживающие идеи, кроме идей национал-социализма, сущность и значение которого они не могли восприять и осознать.

Они шли с побеждающей идеей нового национализма лишь тогда, когда путь этот сопровождался от победы к победе, когда они видели укрепление своего личного положения. Если бы они в действительности стали на путь нового национализма, то естественно призвали к утверждению в жизни как раз проводников этого нового учения. Но они как раз этих людей старательно преследовали, сажали в тюрьмы и лагери, представляя остаткам либерализма и недобиткам марксизма свободно подтачивать основы государства, а затем, даже вошли с ними в сделки для закабаления своего народа.

Так было в Финляндии с маршалом Маннергеймом, в Румынии с королем Михаилом, в Болгарии и наконец в Венгрии. В самые решительные и ответственные моменты в жизни этих народов пришли на спасение бытия своей нации как раз те молодые и здоровые национальные силы, которые были в загоне или в не милости, и как раз именно эти силы оказались самыми верными и надежными сторонниками Германии, ибо к ней их привязывает их идейное родство.

Ими оказались находившиеся долгие годы в подполи или же в тюрьмах в Румынии Железная Гвардия, руководимая молодым и испытанным националистом Хория Сима, в Болгарии — проф. Цанков и начальник болгарских националистов молодой профессор Кантаржиев, а в Венгрии руководитель Национального Движения Саласи, ставший теперь вождем нации и премьер-министров. Они явились защитниками чести, достоинства и свободы своих наций, в них залог и успех будущего возрождения этих народов.

В молодой Словакии президент Тиссо в строительстве нового государства, вошедшего в ряды национальных держав, нашел опору как раз в национальных элементах своей страны, которые помогли ему в тяжелый момент ликвидировать вспышку двуличных политиков, пытавших бросить свой народ в об'ятия коммунизма. Дальновидность Тиссо обеспечила дальнейшее существование Словакии.

И в нашей казачьей жизни никогда нельзя забывать того, что подлинной порукой национального возрождения Казачьего Народа могут быть не люди, выросшие на отживающих идеях прошлого столетия, а долголетние и испытанные борцы за казачью Свободу и Независимость, каковыми были и остаются казаки националисты.

Это сознание в умах казаков укрепляется с каждым днем. Они убеждаются, что как беспорные факты, так и сама жизнь со всей очевидностью говорят о том, что настоящим носителем Казачьей Правды, действительной гарантией светлого будущего Казачества является казачий национализм. Вот почему истинные и сознательные казаки все больше и больше проявляють свою полную и всестороннюю моральную поддержку носителю казачьих национальных идей — Казачьему Национальному Движению (КНД), вера к которому в среде казачьей массе растет и крепнет с каждым днем и ряды которого увеличиваются и растут в могучую казачью лаву.

Казаки отчетливо сознают, что КНД является выразителем их чаяний и стремлений и что успех казачьего национального дела является их успехом, успехом их стремлений.

Слава Казачеству!

Сибирский Казак нач. XVIII в.

Archiv „Der Kosakenbote".

Полковник Д-р С. Федоров.

Сибирское Казачество.

В последней четверти XVI века Вольное Донское Казачество, усиленное литовскими и финскими пленными, проникает в Сибирь и в короткое время преподносит корону царстве Сибирского московскому царю Ивану IV. Сибирь издавна была уже известна нашим предкам, проникавшим туда с Севера, но в особенности после покорения царства Казанского в 1552 г. стали они приближаться к ней. Слава завоевания Сибири принадлежит донскому атаману Ермаку Тимофеевичу, промышлявшему в низовьях Волги в 80 г. XVI ст. Спасаясь от преследования царских войск, под начальством стольника Мурашкина в 1577 г. погромивших казаков на Волге, Ермак со своими соратниками пробрался по р. Каме, во владения московских купцов Строгановых, колонизаторов и промышленников, имевших свой центр при впадении р. Чусовой в Каму.

Ермак с 540 казаками помогал Строгановым воевать с инородцами. С. имели царское разрешение «набирать и вооружать охочих казаков» для защиты и приискания новых земель. Казачья вольница причиняла не мало хлопот и опасения купцам С.: царь грозил им строгим наказанием за приют волжских добычников, да и сами казаки были не безопасны для богатого купца. Желая избавиться от них, а вместе с тем и извлечь материальные выгоды от казачьего похода, С. снабдили пополненный отряд Ермака оружием и припасами и 1. IX. 1851 г. Ермак отправился «воевать Сибирь». Перевалив уральский хребет, они приплыли на р. Тобол и собрав 23. X. Круг, решили взять столицу царя Кучума г. Искер или Сибирь, находившийся при впадении в р. Иртыш — Тобола.

Счастье благоприятствовало казакам и они овладели столицей Сибири. Строгий порядок и высокая дисциплина в отряде Ермака, наряду с высокой нравственностью, проявленной старыми казаками в походе, привели к тому, что Е. вскоре приобрел любовь и уважение окружающих народов. Он оказался не только храбрым полководцем, но и умным и дальновидным политиком, умевшим покорять народы не столько огнем и мечем, сколько лаской и справедливым обращением.

Через год казачье посольство било сибирским царством челом царю в Москве. Казакам были прощены прежние вины, а они сами богато одарены, Е. был пожалован в князи Сибирские. Вслед за казаками Москва выслала в Сибирь своих воевод с незначительным количеством стрельцов и служилых людей. Но пока подошло подкрепление Ермака не стало. 5. VII. 1854 он утонул в р. Иртыше во время внезапного ночного нападения царя Кучума. Однако казачье дело не пропало. Е. со своими удальцами «посеял первое зерно сибирского казачества» и оно продолжало медленно, но упорно двигаться на Восток, покоряя своими незначительными силами необ'ятные пространства. Казаки меньшими группами и одиночно неудержимо пробирались по рекам Сибири, перетаскивая свои самодельные струги через волоки и переваллы, ища новых путей к берегам Тихого океана и Ледовитого моря. Через 30 лет после взятия г. Сибири казаки перебрались уже за р. Енисей, а в 1647 г. на берегах Восточного Океана заложили Охотский острог — 60 лет понадобилось для овладения необ'ятным пространством от Урала до Охотского моря. К казакам непрестанно подходили мелкие пополнения, главным образом из казаков же или инородцев, московских служилых людей было мало. Вся служба по постройке и охране городков и острогов, по строению судов и приведению в подданство ясачных народов, лежала главным образом на казаках, а за ними вслед двигались московские воеводы, промышленники, духовенство и крестьяне. Стрельцов прибывало мало, в 1585 г. — 1100, в 1594 г. из 1540 ч-к их было лишь 197, остальные были «польские пленные» — казаки запорожские, литовские пленные — опять таки казаки «черкасы», татары и 400 башкир. Систематическое заселение Сибири новоприбывшими казаками и московскими людьми началось с 1609 г. Тем не менее казаки, терпя голод и холод, неся страшные лишения, делали свое дело. Сначала была завоевана Северная Сибирь, а несколько позже по р. Иртышу, приадлежавшие потом сибирскому казачьему войску — тут было встречено более упорное сопротивление организованное царями сибирскими. С устройством Енисейского и Якутского острогов началось покорение инородцев, живших в верховьях р. Енисея, Лены и Ангары. Почти одновременно началось проникновение и в Забайкалье — Даурскую землю, как ее тогда называли, оно не было легкое, здесь тоже было встречено серьезное сопротивление. Первые сведения о ней дал енисейский атаман Максим Перфильев о ее богатых залежах серебряной руды в 1638 г., а первыми достигли берегов озера Байкала якутские казаки в 1644 г. с Курбатом Ивановым. Другая казачья экспедиция енисейского атамана Вас. Колесникова обложила инородцев ясаком и построила острог на р. Вер. Ангаре.

Одновременно казаки проникли и на р. Амур. В 1648 г. они достигли Ледовитого и Тихого океанов а несколько десятков лет спустя присоединили Камчатку и перебрались в Америку. Дело завоевания Сибири было закончено в 1701 г. и московское правительство стало смотреть на нее, как на свою колонию.

Единой целью его было собрать, как можно больше дани-ясака, да добыть ценных руд. О благополучии покоренных народов, да и самих казаков, оно не заботилось. Казаки годами не получали своего ничтожного жалования и продуктов и жили только промыслом и добычей. В 1626 г. они писали: «еда у казаков такая, что на Руси и скотина не ест; зимой — мука в воде разболтанная, а летом борщ на воде». Казаку выдавали за всю экспедицию только 2½ четверти ржаной муки, да ½ крупы. Случалось, что казаки питались только ягодами, кореньями, корой и десятками мерзли с голода. Московские администраторы всячески стесняли казаков, подвергая их жестоким наказаниям за самовольство, задерживали выдачу припасов и заставляли покупать у себя же за дорогую цену муку, отбирая у казаков хлебные припасы. В таких условиях служили и жили сибирские казаки, добывая государству великие богатства, а Москва все настойчивей требовала «новой землицы» золотой и серебряной руды. На этой почве казаки нередко бунтовали, смещали московских голов и выбирали новых, расходились из городков и острогов, враждовали между собою и предпринимали самостоятельные походы. Пока казаки имели сами непосредственное соприкосновение с инородцами, ясачное дело шло тихо и мирно, но как только появились московские приказчики и промышленники, дравшие с инородцев двойные поборы и бравшие их в полон на откуп, возникали бунты и восстания.

Правительство заботясь о пополнении казаков, присылало им «девок и женок гулящих», а со времени присоединения Украины наполняло Сибирь ссыльными запорожцами и уходившими от «Руины» казаками черкассами. Казаки не только несли военную службу, но исполняли и роль дипломатов. Когда московская экспедиция, во главе с сотней Атамана Хабарова, двинулась на Восток для того, чтобы покорить «Пегую Орду» — Китай и разбилась о сопротивление манчжуров, первым послом Москвы к богдыхану был нерчинский казак Игнат Милованов с 6-ю товарищами, уладивший дело миром. Казаки три дня кормились у богдыханского стола и возвратились в 1670 г. с богатейшими подарками домой, а московское правительство послало Атаману Хабарову в награду за его службы золотой червонец, 200 казакам по золотой новгородке, а 700 охочим людям по золотой московке. В это же время три казачьих острога на р. Амуре с 1658—69 гг. не получили ни копейки жалованья, ни пуда муки, бунтовавших же от голода и насилия казаков приговаривали заочно в Москве к смерти и наказаниям кнутом. Заняв в 1650 г. даурскую крепость Албазини, Хабаров подчинил своему влиянию почти все течение р. Амура. Здесь пришлось выдержать сильное сопротивление манчжуров и китайцев. Албазин несколько раз переходил из рук в руки. В западном же Забайкалье пришлось вести борьбу с бурятами и монголами. В 1689 г. по нерчинскому договору Аргунь Горбица, Уда и Становой хребет были определены границей, а берега Амура были оставлены аж до договоров 1857/60 гг., когда были присоединены и левый берег Амура с Уссурийским краем. Борьба с китайцами принудила создать линию укреплений в Забайкалии, охрана которой была поручена казакам и инородцам.

(Продолжение следует).

Николай Туроверов.

АЗОВ.

Эту землю снова и снова
Поливала горячая кровь.
Ты стояла на башне Азова
Меж встречающих смерть казаков.
И на ранней заре, средь тумана,
Как молитва звучали слова:
За Христа, за святого Ивана,
За казачий престол Покрова,
За свободу родную, как ветер,
За простую степную любовь,
И за всех православных на свете
И за свой прародительский кров.
Несмолкало церковное пенье;
Бушевал за спиною пожар;
Со стены ты кидала каменья
В недалеких уже янычар
И хлестала кипящей смолою,
Обжигаясь сама и крича. . .
Дикий ветер гулял над тобою
И по-братски касался плеча;
За святого Ивана, за Волю,
За казачью любовь навсегда! . .
Отступала, бежала по полю
И тонула на взморье орда.
Точно пьяная ты оглянулась, —
Был сосед твой уродлив и груб;
Но ты смело губами коснулась
Его черных запекшихся губ.

(Из сборн. «Ковыль»).

В. Еремеев.

Воспитание.

(Окончание).

Партия большевиков, в проведении своей программы, особое внимание уделила на воспитание молодежи, обработав до мелочи общую систему государственного руководства над частной жизнью советского народа. В основу внутренней политики большевики ввели принуждение и непримиримость ко всяким оппозициям и пассивности. В принужденном порядке создан многообещающий «комсомол» и «союз безбожников». В любознательной и впечатлительной душе молодого человека насаждались нездоровые инстинкты. Непомерно разросталось чувство ненависти к людям, недоверие, а вместе с тем страх за собственное существование.

Молодые люди от детства лишались материнской ласки, не испытывали согревающего чувства любви и не познали сладостной облагораживающей душу веры в Бога.

В советском союзе роль женщины сведена до выполнения мужских ролей во всех отраслях производства. Она перестала быть нежной матерью, любящей женой и центром семейного очага. Под влиянием грубой обстановки, требующей употребление непосильной физической силы, советская женщина постепенно теряла пленительную женственность, грубела и состязалась в пошлых выходках с мужчинами. Мужчина в свою очередь смотрел на женщину, как на предмет временного удовольствия, нисколько не заботясь о ее будущности и не смущаясь последствиями с нею сожительства. Существующий порядок способствовал учащению разводов, доходящих до невероятных размеров. Руководящая власть настойчиво и систематически разрушала все, что сохранялось в народе веками и семейную жизнь и веру в Бога. Разрушив моральные основы, она подсунула свой «Домострой» — верую, при котором все проявления частной жизни подчинялись влиянию (интеренции) всемогущей партии. В понятии государственных деятелей женщина, как самка, обязана поставить определенный контингент приплода, а дальнейшую заботу над этим «приростом» брала на себя партия.

Трудовая повинность обязывала равным образом все слои населения. Беременная женщина работала до шести месяцев и получала родильный отпуск всего на шесть месяцев (три месяца до родов и три после), чтобы дать государству материал для воспитания. Работница-мать не в состоянии кормить грудью своего ребенка и отдает его в «детские ясли». Там царствовал особенный режим грубого и крайне негигиенического отношения к детям. Персонал оставался глухим к крику детей от голода и болезней. Матери часто были безучастными свидетелями бессердечности и неряшливости мамок. Дети подростали и переходили в разряд «крошек», для которых детские сады служили постоянным убежищем. Многие матери, под влиянием ли несчастливой «любви» или жизненного бремени, отказывались от своих детей, благодаря чему беспризорность в советском союзе приняла ужасающие размеры. Название «октябрят» дети получали от школьного возраста. В школе октябрята испытывали впервые на себе большевицкое крещение. Они узнавали от своих учителей-воспитателей, что Бога выдумали попы и буржуи, нет души, а счастье человека определяется только материальным благополучием. Детям внушалось, что идеалом человечества есть всемирная революция и партия большевиков осуществляет его. Третьим классом «учобы» оканчивался курс октябрят. Начиналась более серьезная подготовка «пионеров» к служению коммунизму до 16 лет. Они готовились стать «комсомольцами» — надеждой и опорой большевицкой партии. Период пребывания в рядах комсомола длился до 27 лет жизни. Эта организация пользовалась особенной заботой и исполнила наиболее ответственные поручения партии. Здесь выковывались будущие коммунисты-фанатики, бессердечные энкаведисты и ярые исполнители карателей врагов народа. Комсомолец отказывался от родственной связи с родителями, мог хладнокровно предавать родных в руки НКВД, преследовать свою жену, если она ему становилась невыгодной или не оказала энтузиазма к жидовской власти и «любимому их вождю». Только немногим удавалось ускользать от партийных сетей, но эти молодые люди подвергались всевозможным гонениям, выискивались пятна буржуазного происхождения, припоминались слова, неосторожно высказанные когда-то, словом, человек опутывается нитями интриг до такой степени, что «исчезает» или должен вступить в ряды партии. Но в партии не переставала вестись взаимная слежка. Время от времени проводилась чистка и тысячи передавались «народному суду». Несмотря на чрезвычайно сильный нажим со стороны партии, советский народ предпочитал оставаться «беспартийным» в громадном большинстве. Зато советские тюрьмы и концлагеря были переполнены «врагами» народа. Десятки миллионов заключенных томились за решетками и тщетно выжидали правосудия. Обреченные изолировались от света и обрекались заранее на ласку или гнев охраны. Безчинства, площадная ругань и грубый разврат были уделом несчастных людей, загнанных в подвалы советского правосудия. Ядро всесильного НКВД составляли жиды, изощрявшиеся в тонкостях задаваемых пыток. В повседневной советской жизни граждане чувствовали себя не лучше заключенных. Слежка кругом создала особую психику советских непартийных людей. Все боялись друг друга, доносили взаимно, стараясь избавиться от невыгодных свидетелей собственных «грешков». На необъятных просторах советского союза разгостился паук-кровопийца Джугашвили, который с дьявольской хитростью сумел, при помощи жидовского кагала, подчинить собственной воле судьбу народов Востока.

Так представляется в коротких словах, советская действительность. Зло и кровавый террор могут запугать своих подданых, обезличить их индивидуальность, обезвладить их волю, но продолжаться долго не могут. На смену зла и атеизма идет великое возрождение духа. На развалинах большевизма начнет строиться новая жизнь. В противовес интернационализма повстанет национальное возрождение каждого народа испытавшего на своих плечах все тяжести и гонения советской власти. Наряду с другими народами возродится и казачий народ, дерзающий создать свою государственность.

Казачий народ может и имеет право на собственную культурную жизнь, если сумеет советским доктринам противопоставить свою систему воспитания, лучшую и вполне отвечающую запросам молодежи. Система воспитания тоже должна быть обработана до мелочей и в основу ее войдут принципы благородства духа. Главным элементом человека в целом является его душа, от нее и следует начинать разрешение такой важной проблеммы, как воспитание молодежи. При накоплении духовных ценностей народ без принуждения способен проявить акты высокой жертвенности и культуры.

Мы противоставляем советскому безбожию — сильную веру в Бога, насилию — интеллигенцию, обезличиванию интелекта — проявление частной инициативы, боязнь пред собою и людьми — гражданское мужество быть смелым и отважным в любых обстоятельствах и наконец, интернационализму — горячую любовь к родному Краю и к своему Народу.

Мы уже видим трещины в советском колоссе, в его системе управления и воспитания. Партия бо́льшевиков пытается возвращаться к прошлому и опять раскрывает запрещенные книги русских классиков и пред своей молодежью становится в роли пропагаторов, ненавистных раньше, Пушкина, Тургенева, Толстого и др. Хуже всего у нее получается с насаждением религии на советский лад. Изолгалась она и не находит выхода из создавшегося тупика. Перестали верить ей свои люди. Партия большевиков сама подписала себе смертный приговор и пытается найти спасение в чуждой ей по природе идеологии, но это ее не спасет, а откроет для возрождающихся народов широкие перспективы для своего развития.

Ген. Власов в Праге.

14 ноября с. г. в Праге произошло оформление русского противобольшевицкого движения, возглавляемого бывшим генералом красной армии А. А. Власовым. В составе 75-ти человек был создан «Комитет освобождения народов России». От лица этого комитета был издан манифест, в котором нарисованы тяжелая картина большевицкого насилия и угнетения на территории СССР, признаки оздоровления русского народа от большевицкой болезни и его желание бороться в общем фронте национальных народов Европы.

Перед началом работ комитета с приветствием выступил государственный министр для Чехии и Моравии С. С. Обергруппенфюрер К. Г. Франк, который, указав на значение Праги в борьбе против разрушающих сил марксизма, на необходимость в настоящий решающий момент самой активной борьбы, пожелал успеха движению ген. А. А. Власова.

Учреждением комитета руский народ формально выражает свою готовность бороться против большевизма. Надо полагать, что одновременно это свидетельствует о том, что в русском народе начинается оздоровление от большевицкого угара, которым страдает русский народ с 1917 года, и что это оздоровление уже выражается в форме активного желания участвовать в борьбе против большевизма.

Мы, казаки, всегда приветствовали и приветствуем каждое усиление и укрепление противобольшевицких сил в том числе и противобольшевицких сил русского народа, формирующихся из среды самого русского народа.

Казачий Народ ведет свою освободительную борьбу против московского большевизма с самого его рождения. И в нынешней борьбе против СССР казаки с первых же дней явились самыми активными ее участниками и верными союзниками Великогермании.

Германское Правительство своей декларацией к Казакам от 10 ноября 1943 года перед лицом всего мира оценила казачью борьбу за право жить на своей Казачьей Земле, роль и значение казачьего народа в борьбе против большевизма. Оно признало вековое прошлое нашего казачьего народа, имевшего свою собственную государственность, ни от кого независимую. Признало оно и справедливую борьбу казаков за свободу и волю своего народа, за право на свою собственную казачью жизнь, которая нам, казакам, гарантируется декларацией правительства Великогермании.

В общей борьбе против большевизма казаки имеют свое собственное звено, свой собственный казачий путь, признанный декларацией, путь верных и честных союзников Великогермании, уже доказавших свою преданность в жертвенном и непоколебимом своем трехлетнем участии на всех фронтах Европы.

Об этом собственном казачьем пути, по которому идут и наши самостоятельные казачьи воинские соединения, пишет в одном из последних своих номеров и центральная казачья газета «Казачья Лава».

Теперь как никогда все казачьи силы должны сплотиться под знаменем национального единения и сплоченности, отбросив всякие чужие и мелкие страсти.

(Инж. В. Глазков, «К. В.» № 51—52).

П. Поляков.

Долдон.

Ежели от церкви повернуть налево, то тут тебе, за Астаховским куренем и стоит курень Иван Семеныч. Ну, а рядом с ним, Семен Поликарпыч живет. С детства они дружки были. Одногодки. В один год и поженились. Вместе действительную службу отслужили, вместе великую войну сломали, вместе против красных боролись и вместе же в эмиграцию попали.

На одной из улиц маленького провинциального городка в Сербии поселились. Иван Семеныч сапожничать начал, а Семен Поликарпыч по столярному рукомеслу вдарился. Бывало просидят всю как есть неделю за работой, а в субботу, отпустив подмастерий, сойдутся в маленьком ресторанчике, по сербски «кафана» называется, да вспоминая былые дела и походы выпьют по одной да по другой, а туда, к полночи, разлезутся на карачках по своим квартирам.

Дружба у них была — водой не разольешь. Только одно их часто ссорило — любил Семен Поликарпыч прибрехнуть. Да такое иной раз сбрешет что Иван Семеныч даже обижался.

— Тю, кум, да не бряши ты, Бога ради. Ведь и в рот не возьмеш того что ты говоришь. И за брехню прозвал он Семен Поликарпыча Долдоном.

— Одно дело — долдонит и долдонит, а что к чему в толк не возьмешь, ну и брехло же уродилось, прости Господи!

Ну однако дружба их этими размолвками не нарушалась и жили они душа в душу время возвращения на Дон ожидаючи.

Да ведь разве не случись беда. Как-то раз, в одну из субботних встреч перебрали они чудок. Семен Поликарпыч до дому дополоз, а Иван Семеныч где-то посередь дороги в канавке заночевал. Силов не хватило. А время осеннее было. Грязища, слякоть, дождь мелкотит, мга, словом — простыл к утру Иван Семеныч, а когда принесли его соседи домой, понял он что последний час его подходит и велел поскорей Семен Поликарпыча звать. Прибег Семен Поликарпыч.

— Што-й то, кум, а?

— Помираю!

— Тю, брось, брат, опохмялись, оно как рукой и сымет!

— Не, не сымет, чую, кум, край мой подходит...

Семен Поликарпыч и туда и сюда — ничего не получается — помирает кум и готово. Чуть доктора не позвали, ну, впрочем, решили что лучше уж человеку без мук помереть. Передумали. И решил Семен Поликарпыч друга своего утешить.

— А ты, кум, не боись, ничего страшного на том свете нет, а такая там жисть, я табе скажу, што разлюли малина.

— Опять брешешь?

— Ей-Богу не брящу! Хотиш расскажу я табе как я на том свете был?

— Ты был?

— Я!

— Грех тебе кум, над хворым измываться!

Но, впрочем, согласился Иван Семеныч кума своего выслушать.

— Слухай как оно дело было. Как-то на престольный праздник запьянствовали мы в Раздорской станице. Хорошо выпито было. А дело зимнее было. Не помню как случилось, только знаю — положили меня в сани мои, вывели коня за ветряки, вдарили и пустили. Конь шел, шел, дошел до скирды с сеном и зачал исть. А я — ляжу. Простыл, словом. Нашли меня, домой привезли, судытуды — помер я. Помер я — луп глазами — ляжу я вроде как в степи или скажем на бахче. Тут табе речка текёт, а возле реки арбузы да огурцы растут. И дух такой легкий, аж душа радуется. И захотелось мне пить. Подполз я к речке, лег на пузо, глотнул разок-другой — Господи Исусе Христе, она самая, белая головка...

Больной даже привстал на кровати.

— Кум, да брось Христа ради, да-ть грех так брехать то!

— Вот те хрест святой не брешу... да, выпил я это в аккурат как полагается, цоп огурчик, оторвал да в рот — а он малосольный! Во, думаю, не иначе как в рай попал. Полез в шаровары, достал ножичек, оторвал арбуз, разрезал яво, а он, брат, соленый!! Глядь суды-туды — куст какой-то произростает. Подошел я к нему, а на нем пироги с посленой растуть. И только я пирога откусил — глядь — идеть архангел Гавриил при шашке и в есаульских погонах. Стал я, конешно, как полагается и отрапортовал: Господин есаул, урядник Кумсков, по случаю смерти в ваше распоряжение прибыл!

А он из рукава шиняля бумажку какую-то вынул, список померших, значит. Поглядел и говорит: — А какой ты, станицы? Березовской! — Ох и осерчал же он, ох и начал же шуметь. Опять, говорит, перепутали, должон, говорит, вахмистр Кумсков, станицы Трех Островской помереть, а не ты! Понял ай нет? — Понял, говорю, только как же мне теперь быть прикажете? Воскресай говорит и вся недолга! Луп глазами — ляжу я у нас на кладбище в гробу, а поп, отец Виссарион, последнюю целованию поеть. Встал я, отряхнулси, — стой, говорю, отец Виссарион, погоди, отпуск мне с того света вышел. Батюшки мои чего тут началось. Как сыпанули мои казаки с кладбища, как хмылом их взяло. Один поп остался, осерел весь, молитвы читает, а губы аж сине у него. Ну, однако, кой-как и он в понятие пришел. Пошли мы к нему в курень, по одной выпили, начали казаки подходить, да как запьянствовали мы тогда, весь хутор в лоск лежал неделю целую... кого хошь спроси!..

— Ох и брешешь, кум... Все ишо тудысуды, ну про пироги с посленой, штоб они на кусте росли, сроду не поверю...

Однако уверил как-то Семен Поликарпыч Иван Семеновича во всем. Сложил Иван Семеныч руки и помирать начал, а Семен Поликарпыч домой убег, не мог он видеть как единственный друг его помирает. Убег домой, поплакал, опохмелился, да и лег спать. Лег спать и видит сон — будто стоит он посередь свово куреня и страх какой-то у него в душе неуёмный. И будто отворяется дверь и входит и нее Иван Семеныч в саване с веночком на голове, мертвый, значит. Входит ногами до полу не доставая, поглядел на Семена Поликарпыча, укоризненно головой покачал да и говорит:

— Эх, кум, кум, и опять ты мне сбряхал и про белую головку и про огурцы и про пироги с посленой...

Весь в поту проснулся Семен Поликарпыч, глядь, ан уж утро, рассвет в окошко заглядывает. Оделся он, да к куму. А кум лежит на кровати, эдак легко дышит и опохмелится просит — не помер. Господи Исусе Христе, какая тут радость была. Целую неделю кумовья не работали, одно сидели в кафане да под соленую закусочку сербскую ракию пили. Только вот пирога с посленой на столе не было. Да и про тот свет разговору не было. Никчемушний это разговор!

ХРОНИКА

По техническим причинам выпуск этого номера газеты задержался на несколько дней.

Редакция.

— Руководитель Казачьего Национального Движения (КНД) инж. В. Г. Глазков 10 ноября с. г. возвратился из Берлина, где он имел беседы с представителями германских властей по всем казачьим вопросам.

— Во время своего пребывания в Берлине Руководитель КНД имел встречи и беседы с представителями народов востока Европы.

— 4 и 6 ноября с. г. Руководитель КНД имел в Берлине продолжительное совещания, касающиеся всех актуальных казачьих вопросов, с Походным Атаманом Казачьих Войск полковником Т. И. Домановым.

— В присутствии Руководителя КНД состоялось два совещания старых, активных вольно-казачьих работников, проживающих в Берлине. На совещаниях было подвергнуто обсуждению положение казачьих дел. Было вынесено постановление призвать всех казаков националистов к еще большему сплочению казачьих сил, к еще большему проявлению активности и энергии в достижении казачьих национальных стремлений.

— В Праге 11 и 12 ноября с. г. состоялось заседание Совета при Руководителе. На заседании присутствовал наличный состав Президиума Верховного Совета КНД и представители фронтового казачества. Возвратившийся из Берлина Руководитель КНД инж. В. Г. Глазков сделал обширное сообщение о положении казачьих дел и их возможном развитии в дальнейшем. Члены Совета выразили твердое и единодушное одобрение работы Руководителя и после всестороннего обсуждения всех вопросов предложили к его одобрению соответствующие решения.

Заседания состоялись в присутствии всех главных работников КНД, среди которых были заместители Руководителя П. С. Поляков, И. И. Безуглов, генеральный секретарь В. Т. Еремеев, окружной Атаман КНД в Протекторате инж. В. А. Донецкий, полк. С. М. Макеев и активные работники КНД, пребывающие в казачьих воинских частях. Радостно было видеть на заседании энергичных деятелей КНД из казаков, бывших под большевицким гнетом и ныне со всей любовью воспривявших и борящихся за торжество казачьего национализма.

Руководящие органы КНД были, по предложению Совета, снова дополнены Руководителем новыми активными работниками из казаков, вырвавшихся из большевицкого «рая».

КНД, как раньше, так и в данный момент, и в будущем будет ставить своей целью сосредоточение работы исключительно для блага Казачества.

Приветствуя дружественные Казачеству народы Востока Европы, стремящиеся к своему национальному возрождению, КНД считает необходимым войти с ними в самое тесное сотрудничество в борьбе за свою национальную свободу.

Ввиду отсутствия Казачьего Органа, отвечающего потребностям всего Казачества, КНД признает необходимость создание такового.

КНД с полным удовлетворением констатирует консолидацию всех казачьих национальных сил и призывает всех казачьих патриотов к еще более усиленной работе для полного успеха казачьего национального дела.

— В воскресение 12 ноября на могиле одного из основоположников Казачьего Национализма генерала Т. М. Старикова в Праге на Ольшанском кладбище состоялась в десятую годовщину смерти покойного панихида, на которой присутствовало много казаков, среди которых были Руководитель КНД, его заместители П. С. Поляков, И. Безуглов, председатель Донского Войскового Круга В. А. Харламов, генерал Г. И. Долгополов и другие.

— В Прагу возвратился из поездки в Словакию инж. Д. Н. Еременко, член Президиума Верховного Совета КНД.

— К сведению казаков сообщается новый адрес Окружного Атамана КНД в Германии В. И. Бабича:

Berlin-Wilmersdorf, Prinzregentenstraße, 70. Телефон 868636.

Полковник Гридасов.

О Казачестве.

С половины XIII-го века интересующая нас территория подпадает под власть монголов или татар (Татарское иго). Часть населения, под натиском их, переселилась в разные страны, но большая же часть, известная под именем «Коссогов», осталась на месте и была использована пришлыми татарами в качестве легких наездников, а потому и имя «коссог» или «казак» привилось к особой воинской, конной части перешедши, позже и в русский язык.

С 1340-го года начинается эмиграция славян из подпавшей под власть поляков Червонной Руси. Это так сказать, второй прилив русского элемента.

XIV-ый и XV-ый века, известия о половцах и коссогах-казаках прекращаются, это эпоха, когда большая часть их эмигрировала с земель, наводненных татарами, как мы говорили выше, в разные страны: кто в Грузию, где сохранили и по сей день, имя казах и наименовали участок земли, которую отвел им, в Борчалинском уезде, грузинский царь — Казахией, название до сих пор сохранившееся; кто в Венгрию, дав и ей конницу в 40.000 всадников, во главе с Котяном Сутоевичем, положив начало прославленной позже венгерской кавалерии под именем «гусар»; часть их выселилась даже в Египет. Лишь незначительная часть, как и 500 лет позже случилось с 12.000 запорожских Казаков, пошедших на службу Екатерине Великой под именем «верных Казаков» (Атаман Хорек Чепега), дала татарам тот «низший разряд войска наиболее легко вооруженный», с которого и ведут русские происхождение слова «казак».

С 1500-го года, т. е., после развала Монгольской империи или, как русские историки называют, «конца татарского ига» (1480) и восстановления независимости части Казахии или Черкессии, что одно и тоже (1482), слова «казах» и «черкес», как синонимы, снова появляются. Известно, например, что Агуз **Черкес с Караваем** создали казачью общину, которая позже превратилась в **Черкасы.**

В 1502-ом году, по свидетельству Георгия **Интериано,** Черкессы занимали побережьи Азовского моря, от Дона до Босфора Кимерийского, ныне Керченского пролива.

В 1569-ом году, Иван Грозный послал, под командой **Вышневецкого,** 5000 казаков, которые именуются в летописях, то Казаками, то Черкессами. Трудно найти более убедительного доказательства того, что эти слова были синонимами в XVI-ом веке.

Приблизительно в это же время начинается бегство из начинавшегося строиться, на совершенно чуждых истинному русскому человеку, деспотических основаниях, Московского государства, переселенных туда насильственно граждан из Новгородской Руси и происходит третий прилив русско-славянского элемента к Казакам.

Разрешите, кроме того, обратить ваше внимание на факт, что с 948-го года до 1240-го, т. е., с момента, когда впервые император **Константин** Порфирогенет упоминает о Казаках и до начала татарского ига, слово «казак», будучи синонимом слова «черкес», являлось термином обозначающим определенную народность; слово Казахия соответствовало стране, которую эта народность населяла, а вовсе не «состояние» и не «сословие».

Перерыв времени от 1240-го до 1480-го соответствует периоду владычества татар над Московией; исходу Коссогов, Казахов или, что тоже, Казаков, в разные страны. Этим именно и объясняется, что слово «казак» временно было предано забвению и с падением татарского ига вновь появилось.

Тут, не лишнее вспомнить как «староста татарин» журил московитянина, а он молчал, в то время когда Новгородцы, Псковитяне и Киевляне продолжали жить вольно, а позже, когда Московские князья решили и их подчинить себе, предпочли бежать в Казачество, нежели превратиться в «чичиковских крепостных крестьян».

По мере того как формируется Московское государство, на развалинах Монгольской империи, удобства обороны границ при помощи «легкой конницы» заметили и Московские князья, заведшие с этой целью, по примеру Татарских ханов, в XVI-ом веке, особых, так называемых, «городовых казаков», поселявшихся при пограничных крепостях и получавших землю и жалование под условием несения постоянной сторожевой службы.

Почти одновременно с этим и Польско-Литовское государство пыталось создать подобную же «пограничную милицию».

Думать, что Казаки происходят от этих наемных «городовых казаков» или «пограничных милиционеров» это, не только жесточайшее заблуждение или преступная мистификация, но и оскорбление Казаков.

Мы знаем уже, что основное ядро населения теперешних казачьих земель на север от Кавказа и Черного моря, оставалось почти неизменным с времен Троянской войны и экспедиция Аргонавтов; это основное ядро является как бы осадком всех проходивших, в течении 5000 лет, народностей. Труды А. Башмакова в этой области, весьма интересны и доказательны.

Мы знаем, кроме того, что с X-го века, в три приема, тремя приливами, вливались в это ядро славяно-руссы:

1. — Существование Тмутараканского княжества (X—XII вв.).

2. — Эмиграция славян из Червонной Руси, подпавшей под власть католической Польши (XIV-ый век).

3. — Бегство из формировавшегося, деспотического Московского государства, насильственно переселявшихся из Новгородских и Псковских земель, свободолюбивых, истинных русских людей, не желавших подчинятся Московским князьям, к которым позже прибавились и Запорожские Казаки (XVI—XVII вв.), являются лучшими доказательствами существования особой, самостоятельной истории Казачества.

Так как явления эти имеют колоссальное значение в истории и ими об'ясняется преобладание в настоящее время русского элемента, то необходимо сказать о них еще несколько слов.

В жизни государств, Московского и Польско-Литовского, было много таких сторон, которые не мирились со старыми, истинно-русскими, представлениями, сохранившимися в народной массе.

Крайнее усиление центральной власти в Московском государстве, сопровождавшейся потерей политических прав населения, громадное податное бремя, а главное, начинавшееся закрепощение крестьян. Таковы были условия, в виду которых не малое число наиболее энергичных, свободолюбивых и себялюбивых людей решалось вырваться из под невыносимой государственной зависимости. Прибавив к вышеперечисленным, новым условиям жизни создавшимся в Московском государстве — факт подчинения православной церкви власти Московского князя, мы получим сумму всех причин, вызвавших уход или бегство недовольных элементов русского происхождения в Казаки, причин, которые можно распределить на две категории: социально-экономические и духовно-религиозные.

Бывшие свободные граждане Великого Новгорода, не знавшие «татарского ига», не желали превращаться в «рабов Москвы» и бежали, кто на Север, в Поморие, дав России Ломоносовых и Арин Радионовных, кто на Дон и в Запорожие, разнося с собою легенды и сказки древней Руси.

Люди, стремившиеся сохранить чистоту православия, одни, чтобы избежать подчинение лже-митрополиту Московскому, переходили на Дон, другие, сопротивляясь католицизму, покидали Польшу и перебегали за Днепровские пороги.

Борьба, сначала Московского царства, а позже и Российского государства, с Казачеством, заключалась в стремлении первых уничтожить остатки былой, истинной Руси — «Древнюю вольность славян» с смесью кавказских адатов,и, в не менее упорном сопротивлении и отстаивании своих прав, вторым. История этой борьбы имеет общий характер с таковою же всех, без исключения, «не-русских» народностей, насильственно собранных к XX-му веку в быв. Российскую империю.

Общий характер этой борьбы заключается в необ,яснимой легкости, с которой все окружающие Московское ядро, соседи обессиливались, лишались сопротивляемости и неизбежно, в конце концов, подчинялись Москве и Петербургу.

Действительно, как об'яснить, что Казаки не знали, можно сказать, поражений в борьбе с разноплеменными врагами на поле брани, не сумели отстоять своих прав, отступили и уступили Москве и Петербургу.

Дело следовательно не в силе, не в храбрости, не в праве, а в том сатанинском, вероломном, хитром методе, который Москва, начиная с Ионна Калиты и кончая Сталиным, применяла и применяет к подчинению себе своих соседей.

Вспомните историю присоединения Твери, Рязани, Пскова, Господина Великого Новгорода, Казани, Астрахани, Крыма, Грузии, Финляндии, Кавказа, Бухары, Хивы, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Ирана. . . и т. д. и история превращения Казачества, в русское казачее войско, вам станет понятным.

Москва начинает с того, что поселяет своих агентов в стране, которую она наметила к очередному «добровольному» присоединению к Московскому Великому Княжеству или Российской Империи, а теперь, включению в Союз Советских Социалистических Республик.

Затем начинается подкуп, разложение, развращение, обольщение этими вселившимися, внедрившимися людьми, влиятельных лиц страны, в которой они нашли гостеприимство, и с их помощью вызываются скандалы, недоразумения и драки, в результате коих сыпятся доносы, жалобы и призывы о помо-Москву. Дорога, таким образом, открывается для заступничества, покровительства, а через этот, в сущности не прошенный, «протекторат» навязывается и власть Москвы и начинается активная деятельность «просветителей» т. е. постепенно уничтожаются местные национальные особенности, как «дикие и варварские», а вместо них, под предлогом облагодетельствования, вводится русский язык, русские законы, русские порядки.

Все это осуществлялось под видом оказания чести, под флагом благодеяния по отношению к слабой народности, младшей сестре или дочери, «Великой Матушки России» хотя и Новгород и Киев и Тмутаракань, не говоря уже о Грузии, старше ее. Все это делалось с раздачей чинов, орденов и земель покорным и висилицей, ссылкой в Сибирь или пулей в затылок для непокорных. При чем и то и другое должно было почитаться честью, выше которой нет на земле: служить верою и правдой, молясь за благодеяния, прославлять и благодарить, то князя, то царя, то императора, а теперь и «отца народов» Сталина. . . и чего, чего не выдумывали: Москва 3-ий Рим, а четвертому не бывать, Святая Русь — Дом пресвятой Богородицы, Москва центр 3-го интернационала — Социалистическая родина. . ., но результат всегда один и тот же: закабалить, подчинить, обрусить

С течением времени, правительственное вмешательство Москвы, под видом облагодеяния Казаков, начала затрагивать и внутреннее устройство Казачества: постепенно из массы казаков выделялись «старшины», резко разошедшиеся в стремлениях с рядовыми казаками и, таким образом, началось деление казаков на сословия. Узаконялось, кроме того, частное владение землей с неравными размерами. В конце концов, поддержение им же созданным классом «старшин» и опираясь на великорусские элементы, Московское правительство, распространило нормы гражданской жизни Российской Империи на Казачество и от всех отличительных особенностей Казачества сохранилась лишь постоянная военная служба, приспособленная к потребностям новой военной обстановке и к концу XIX века не уцелело никаких остатков былых славных черт старого истинного Казачества.

На наших глазах, казаки получили возможность, проливая кровь в рядах Германской армии, обеспечить воскресение Казачества; геройское поведение их на всех фронтах не могло пройти незамеченым и Великий Вождь Германской нации. заметил и оценил по заслугам, торжественно обещал, что, как бы война не закончилась, казакам обеспечивается необходимая территория, на которой они могли бы воссоздать свой национальный очаг и воскресить Казачество.

И сейчас нельзя молчать о вредной для Казачества роли, соблазненных Москвою, старшин, вызвавших раскол в Казачестве, о разрушительной деятельности проникнувших в среду казаков «московских агентов».

В настоящее время положение сходно с прошлым: враг хитер и продолжает проникать в среду казаков. Берегитесь его казаки!

Присмотритесь к каждому и следуйте лишь за истинными и верными казаками. Не забывайте, что кровь свою, на поле брани, вы проливаете в рядах Германской армии, что кровь ваша и кровь немецкого солдата, смешиваясь с кровью других народностей, борящихся за правое дело, за один и тот же идеал: **независимость,** сливается в один великий, жертвенный поток. Жертва, приносимая каждой народностью, хотя и общая, но приносится во имя освобождения родины каждого из участников этой освободительной войны.

Казаки, вспомните о вашей Родине, о славном прошлом ее, о ваших семьях, и если у кого заболит душа, подступят к горлу слезы и начнут душить негодованием, при воспоминаниях того, что натворили «там» враги Казачества, как убивали Рябовола, как вешали Кулабухова, как усмиряли восстания, как переселяли в Сибирь и в Соловки. . . пусть тот, не задумываясь, немедленно же примкнет к националистам. Пусть такой бесстрашный казак не побоится ни клички «самостийник», ни клички «сепаратист». (Какой уж там сепаратист, когда и сепарироваться то не от чего).

Слава Вольному и свободолюбивому Казачеству!

Слава Вождю Великой Германии Адольфу Гитлеру, обеспечившему Казакам возможность воскресить Казачество!

Евгений Правдин.

Инж. В. Б.

Выдержки из экономического очерка Казачьих Земель.

Очень трудно нарисовать в современных условиях полную картину экономической жизни Казачьих Земель. В старое время всегда рассматривалось народное хозяйство Империи в целом, большевики разбили Казачьи Земли на произвольные административные единицы, чем страшно затруднили работу исследователей казачьего хозяйства; советская литература вообще не отличалась правдивостью, да и получать ее в наших заграничных условиях было очень трудно, а последнее время и совсем невозможно, происходившие же на наших Землях военные события в корне изменили и то, что советская власть устроила на нашем казачьем наследии. Так что, главным образом, приходится пользоваться материалами революционного периода, когда Казачество начало само устраивать свою хозяйственную жизнь в рамках «Юго-Востока», носившего уже в 1917 г. название Юго-восточного Союза Дона, Кубани, Терека и т. д. и представлявшего из себя **Казачье государственное образование,** слабо связанное с демократической Россией в 1917 г. и провозгласившее независимость от Советской власти немедленно же после Октябрьского переворота.

Наши Казачьи Земли являлись как раз театром военных действий и то, что не уничтожила дикая разрушающая рука большевизма, было сметено в пыль боев и пожаров, поэтому нам приходится снова обратиться к тем старым данным, которые показывают нам хозяйственную жизнь Казачества в сравнительно спокойное время. Наша Земля и ее богатства останутся при всех условиях в целости, а все остальное переходящее зависит от умения и трудоспособности тех, кто будет возвеличивать и восстанавливать **Казакию** из руин войны.

1. Этапы хозяйственного развития.

Территория нашей Казакии, равняющаяся одной 113-й земной поверхности, совсем не такая уж маленькая величина — 1.165.144 кв. клм., тем более что на ее долю приходится $^1/_{51}$ культурной поверхности земного шара, к тому же она представляет из себя географическое единство, являющееся предпосылкой единства экономического. Являясь сочетанием двух стихий — леса и степи Казакия имела преимущество огромного историко-экономического значения в прошлом и настоящем.

Ее южные части были житницей культурного эллинского света в древние времена, она же была и есть житницей всего Востока Европы в наше время. Щедрая природа снабдила Казакию и третьей стихией — горной, довершающей общую картину казачьих Земель, как законченной составной части мирового целого, связанного с нею в процессе товарообмена.

Расположенная в районе схождения «округов» мировой торговли восточного и европейского, Казакия имеет исключительные данные к участию в ней, как активно так и пассивно, — она может быть поставщиком для богатейших покупателей «округов» с более чем 400 миллионным населением, причем водные артерии Казакии дают возможность дешевого транспорта в самое сердце Европы и с Югом ее, равно как и с российским Севером, а через Каспий — с Востоком. Возможность использования водного транспорта сбережет казакам миллионы, расходуемые на перевозку по суше, ведь $^4/_5$ мирового товарообмена совершается водным путем, а через «хлеботорговые моря» Черное и Азовское шло в свое время 85% хлебного экспорта России — почти исключительно продуктов казачьих Земель и Украины.

Выгодное положение Казакии у южных морей дает ей огромные преимущества в процессе товарообмена между упомянутыми «округами», при массовом транзите через казачью территорию. С осуществлением немецкого проэкта четырехколейной товарной «Восточной магистрали», в особенности наши порты, Ростов, Азов, Ейск, Новороссийск могут развиться до портов мирового значения и стать «окнами» мирового рынка, но и транзит с Севера в персидские области принесет Казачьим Землям большие выгоды.

Особое преимущество Казачьих Земель выявляется еще и в том, что все они, за исключением небольшого уральского участка, лежат в зоне «близкой к морю» т. е. не далее 500 клм., равно как близка и Западная Европа, и великий трансконтинентальный путь из нее на Индию пройдет через Казакию, со всеми вытекающими отсюда последствиями транзита.

Кроме географического фактора экономической жизни наших Краев, играют еще роли и факторы климатический и почвенный. В климатическом отношении Земли наши не представляют одного целого, разница между Гаграми и Оренбургом большая, но это обусловливает развитие различных сторон хозяйственной жизни и товарообмена. Северная часть Казакии входит в область континентальную, в то время как южная со своими культурами чая, табаку и лимонов, соприкасается с подтропической — поистине удивительное сочетание на $^1/_{64}$-й суши. Подобное же явление имеем и в разнообразии почвенных условий — здесь краснозем юга Черноморья пригодный для подтропических экзотических растений, полярные почвы снеговых гор, альпийские луга, солончаки восточных степей, обширные плавни Приазовья и богатейший в Европе черноозем, создавший Казакии славу житницы, а вся хозяйственная жизнь Казакии как раз и базируется на эксплоатации растительных богатств, добыча ископаемых, сулящая большие возможности, пока стоит на втором месте.

Сочетание климатическо-почвенных условий приводит к разделению Казакии на три района: 1) сухой, песчанно-пустынный восток, пригодный для скотоводства, 2) достаточно влажный центр и предгория — царство хлеборобства и 3) богатый ископаемыми северо-запад и юго-запад.

Сочетания моря, рек, гор, степей и лесов создают возможности многогранного развития народного хозяйства. Казачьи Земли могут быть поставщиком и самых важных предметов мирового хозяйства — хлеба, угля, стали, нефти и хлопка. Экстенсивность земледелия обеспечивает здесь дешевизну продуктов, а позиция железа и угля характеризуется монопольной близостью к рынкам потребления, нефть же является «козырным тузом» Казачества.

Наконец важнейшим фактором развития хозяйства есть характер заселения человеком земель и интенсивность культурного развития населения. Первоначальные очаги поселений казачьих предков находились как раз у водных путей, а дальнейшая колонизация происходила по теченим рек, в области чернозема и благоприятного климата и здесь как раз создалась наибольшая густота населения.

(Продолжение следует.)

УБИЙЦЕ МОЕГО НАРОДА.

Когда я о Тереке буйном
Кручинюсь в далекой стране,
Когда я зеленые степи
Случайно увижу во сне,

Услышу знакомые трели
В вишневом саду соловья,
Смыкаются зубы, в груди же
Рождается море огня.

Сгораю в страданьях и муке —
Чужды мне насилья, грабеж,
И кровью омытые руки,
Холодный отточенный нож.

Все эти коварные лица
Противных для сердца людей,
И ты, кровожадный убийца,
Ни в чем неповинных детей. . .

Пируешь, кровь льется рекою. . .
Так пей же горячую кровь,
И к родине милой святую
Глуши в моем сердце любовь:

В угаре разбоя вынь сердце
Поэта и грудь доломай,
Сожги его прах, а останки
Поглубже, смотри, закопай.

И стражу поставь у могилы
Да только из верных людей,
Чтоб жертва твоя не восстала,
Чтоб песнь не звучала грозней.

О родине кровью залитой,
О братьях погибших в боях. . .
Смотри же, убийца, поглубже
Зарой ненавистнейший прах.

Прага 25/X. 1944 г.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

VIII.

По уходе казаков полковник быстро собрал походный вьюк и с помощью атамана поседлал свою кобылицу, верой и правдой прослужившую в строю девять лет, исколесив вдоль и поперек все Закавказье и Персию. Прощанье с женой было самое короткое... Не любят казаки уделять много времени на эту церемонию. Перед от'ездом хочется сказать очень и очень многое, но в последнюю минуту разговор как то не клеится, самое главное забывается, грустное настроение остающихся родных невольно передается и самому от'езжающему, а потому казак спешит поскорее вырваться из об'ятий жены, матери, сестер и садится на коня. Заболоцкий обнял жену, поцеловал и сказал:

— Буду счастлив, Оля, когда узнаю, что ты в Тифлисе. Я постараюсь тебе послать весточку через имеретин, или абхазцев. Это сделать будет легко. Имеретины со своими отарами подходят к нашим кошам. А теперь налей-ка нам всем на прощанье по чарочке.

— А это тебе от Тамары, — подавая пакетик промолвила Ольга Георгиевна.

— Что такое?

— Потом увидишь... какой то талисман...

Полковник поблагодарив прислугу, вышел во двор. Ночь была темная, и особенно темнота чувствовалась при выходе из светлой комнаты.

— Ну и ночка! — сказал он атаману, — словно в глухую осень.

— Ничего, дорога знакомая, не заблудимся, — ответил Паталаха, — да и глаза освоятся...

Дождя не было, но по небу бороздили тучи, и только время от времени в прорывах показывались звездочки. Станицу проехали на рысях. По мягкой после дождя земле не слышно было цокота подков, да и некому было слышать то, так как вся станица погружена была в безпечный сон мирного поселянина. Только в некоторых казачьих хатах собирались в поход молодые казаки, да у Захара Безпалова мужичья колония праздновала за вонючим самогоном победу пролетариата над непокорным казачеством, и чествовала представителя красного флота, приехавшего от самого Ленина.

За станицей, при повороте на хуторской шлях поехали шагом. Кругом царила мертвая тишина, нарушаемая изредка звуком соприкасающихся стремян и храпом лошадей. Ехали молча, ежась от ночной сырости. Дорога тянулась вдоль речки, берега которой с одной стороны поросли вербой, а с другой — раскинувшимися на большом пространстве станичными садами. Каждый из наших героев был погружен в свои грустные думы, но думы эти у них были совершенно различны. Полковник Заболоцкий вспоминал свою службу в полку, походы, маневры, бои, и с горечью в сердце думал о надвигающейся опасности, о неминуемой гибели казачества, о его былой славе, о его ратных подвигах во славу российского оружия. Все это уж не вернется никогда, погибло безвозвратно, но Казачество должно будет вписать в свою славную историю новые страницы... Если оно гибло десятками тысяч во имя чужих интересов, исполняя капризы петербургских правителей, заключавших постыдные союзы с жидовско-демократическими странами Европы, так неужели же оно не прольет свою кровь в защиту своей вольности, своей самостоятельности, наконец, своего бытия? Старые традиции, на которых воспитывалось Казачество — не умрут, лишь бы не попасть под ярмо русского мужика, испокон веков ненавидевшего казаков. Казачьи полки должны возродиться, казачьи шашки еще покроют себя неувядаемой славой и жизнь Казачества пойдет по иному руслу. Без славных боевых полков Заболоцкий не представлял себе Казачества, мирная жизнь в станицах и хуторах его совершенно не интересовала, он с детства был оторван от родительского дома, и приезжал в родную хату только на каникулы, будучи кадетом или юнкером. Но зато он сроднился с полком, где протекла вся его жизнь. В полку он узнал казаков, сжился с ними, полковая жизнь с учеными, смотрами, с казачьими песнями и танцами — было все то, о чем он мечтал с юных кадетских лет...

Атаман же, выросший в станице, любил ее, любил свою семью, хату родную, землю-кормилицу, составлявшую все богатство казака, любил свои сады, огороды, любил каждый кустик, каждое деревцо... Все для него было дорогое-родное, и он с болью душевной покидал станицу, весь поглощенный хозяйскими заботами. Начинается самая страдная пора для хлеборода: надо пахать, боронить, сеять яровые хлеба, гречу, кукурузу, просо, подсолнухи, сажать картофель, разбивать баштаны, копать огороды, приводить в весенний порядок сад, раскинувшийся вдоль речки, вынимать из омшаника ульи..., а тут вот приходится все бросать и уходить куда то в леса на неизвестное житье-былье, как несчастный сиромаха. И работать без него некому, отец стар, жена с Васюткой не управятся, работников теперь не найдешь, все панами стали... Эх, жизнь, жизнь! Не того ждало Казачество от революции...

(Продолжение следует).

А. Ленивов.

Исторические места на Дону.

17. **Кизитиринская балка:** Балка пролегает около нынешней ж. д. ст. «Кизитиринка», бывш. поселение у Кизитиринского форпоста крепости Св. Димитрия Ростовского. В 80-х годах XVIII ст. балка являлась границей между территорией Войска Донского и земельным участком кр. св. Димитрия Ростовского.

В 1917 г. в Кизитиринской балке происходили первые бои казаков с большевиками на Дону.

18. **Кобякова Казна (гора):** Нагорный правый берег в месте слияния р. Аксая с р. Доном, находящийся в 18½ вер. на запад от Черкасска и носящий в данное время наименование «Аксайские бугры», обозначен в исторических актах и документах под именем «Кобякова Казна» (гора). Развалины городища, находящиеся здесь, вызывают предположение, что это развалины древнего города, существовавшего еще при половцах близ устья р. Аксая.

Во втором слое Кобякова городища, уже в 1926 г. были обнаружены предметы доскифских культур.

Помимо уже приведенного, Кобякова Казна в XVII—XVIII вв. в течение целого ряда лет, являлась крайней границей Войска Донского на запад. Далее, на Кобяковой Казне до 1569 года существовал Атаманский городок, являвшийся в указываемое время столицей Войска Донского.

Наконец, в былые времена, когда наступало половодье, то с'езжий круг Войска Донского, имевший место в мае месяце, большей частью происходил на Кобяковой Казне.

19. **Крепость Св. Анны:** В 1730 г. в царствование Анны Иоанновны, в нескольких верстах выше Черкасского городка построена крепость, получившая наименование Св. Анны.

Крепость носила характер опорного пункта имперской власти и против казаков и против турок. При всем этом, крепость существовала весьма непродолжительный период времени (1730—1761 гг.), ибо весенние разливы р. Дона причиняли огромный вред и ущерб крепостным фортификационным сооружениям.

В 1761 году крепость Св. Анны была перенесена на урочище Богатый Источник, находящееся на нагорном берегу р. Дона, против устья р. Темерника.

20. **Крепость Св. Димитрия Ростовского:** При Петре III, в 1761 году, крепость Св. Анны, стоявшая выше Черкасского и сильно страдавшая от наводнений, была переведена к берегу р. Дона на урочище Богатый Источник. Крепость, заложенная здесь заново, получила новое название и впредь начала именоваться официально — крепостью Св. Димитрия Ростовского. Солдатский форштадт крепости с самого начала назывался Ростовом и с 1797 года стал гор. Ростовом на-Дону. Купеческий же форштадт крепости превратился в гор. Нахичевань на-Дону.

21. **Миусский лиман:** Невдалеке от лимана, находятся развалины древне-греческого некрополя, обнаруженного раскопками, веденными в 1926 году.

22. **Мишкина балка:** Балка расположена около железнодорожной магистрали Ростов-Новочеркасск, в нескольких верстах от последнего: получила свое наименование по имени Михаила Черкашенина, Донского Атамана (1570 г.).

Хут. Мишкин, расположенный у балки и имеющий аналогичное название с ней, в 20-х годах XIX ст. являлся личной собственностью Атамана графа М. И. Платова.

23. **Монастырское урочище (Монастырский Яр):** Урочище расположено между г. Азовом и ст. Старочеркасской. Приблизительно около 1594 г. на урочище уже существовал Монастырский или Нижний городок, являвшийся столицей «Главного Войска» Донского с 1622 г. по 1637 г., а также и в 1642 г.

Памятью о существовании этого городка, дошедшей до нашего времени, является прозвище самого урочища — Монастырское. Замечательно то, что в Монастырском городке находились курени исключительно несемейных, холостых казаков.

На Монастырском урочище до самого 1920 г. (момента оставления казаками Дона), Войско Донское поминало особой торжественной панихидой, бессмертного донского атамана Осипа Петрова и всех казаков-героев Азовского сиденья.

День поминовения героев, приходился всегда на последнюю субботу перед 1 октября ст. ст. (день Покрова Пресвятыя Богородицы). На Монастырском урочище собирался Круг, — на котором у часовни-памятника, сооруженной в 1866-67 гг., и окруженной рядом старинных азовских пушек, служилась над могилами павших в Азовское сиденье казаков торжественная панихида, зачитывалась царская грамота, восхвалявшая защитников Азова и после этого совершалось не менее торжественно поминовение.

Урочище знаменито еще тем, что в страшную ночь субботы 30 сентября 1644 года, турки, подойдя незамеченными к Монастырскому городку, вырезали несколько тысяч донских казаков, спавших глубоким сном.

Событие это в истории известно под именем «Монастырская резня».

24. **Недвиговка (хут. Недвиговский, Гниловской ст.):** Недалеко от поселения находится место, где существовала греческая колония Танаис (возобновленный) на правом берегу Мертвого Донца. Богатое экономическое значение дельты р. Дона отлично учитывалось греками и они, после разрушения Аттилой их старой колонии Танаис (древний), восстановили ее невдалеке от нынешнего поселения Недвиговки.

25. **Новый Транжамент (Ретраншамент):** Укрепление выстроено в июле—августе 1712 года выше Черкасского городка (2 вер.) близ речки Васильевки, по повелению Петра I.

Новый Транжамент, выстроенный вместо старого укрепления (Транжамент), предназначался для наблюдения за донскими казаками и турками.

В период 1713—30 гг. укрепление закрывало выход в Азовское море.

К 1920 г. не сохранилось никаких следов укрепления Новый Транжамент (Ретраншамент).

26. **Остров (ст. Елизаветинская):** На острове еще в V веке до Р. Х. существовала богатая греческая колония Танаис, впоследствии разрушенная Аттилой. Существует предположение, что на месте разоренного Танаиса возник потом большой торговый славянский город Руссия (хозарское наименование — Артана), впоследствии получивший название Орнас.

Раскопки, веденные в этих местах в 1908-1909 гг. дали много ценных вещей греческого и скифского периодов.

27. **Переправа Бабская:** Переправа находится близ устья р. Сала, в каковом месте в конце XIV ст. существовал г. Ахас, разгромленный татарами в дни нашествия Тамерлана (1395 г.).

М. Башмак.

КОЗАЦЬКІ КУЛЬТУРНІ ДІЯЧІ.

II.

ПОПКО, Іван Демидович (1819—1893).

Іван Демидович Попко родився 28 серпня (стар. ст.) 1819 року на Кубані. Батько його був протоереєм Чорноморського Війська. По закінченні духовної семінарії в Москві в 1841 році Попко вступив звичайним козаком в 10-й кінний полк Чорноморського Війська. На протязі 52-х річної військової служби на початку як звичайний козак, а потім старшиною він займав різні посади, беручи участь в різних експедіціях в 40 та 50 роках минулого століття.

В р. 1854 його переведено на службу в С.-Петербург в гвардейський дивизион Чорноморського Війська, а в р. 1858 був назначений на службу в «Главное Управление Иррегулярных Войск». В р. 1864 він знову вертається на військову службу й був призначений командиром полку, на якій посаді був до 1871 року, коли був підвищений до ранги генерала та був спочатку приділений на службу при Кубанськім Наказнім Отаманові, а в р. 1874 переведений до штабу Кавказької армії, з якою й пробився всю турецьку війну 1877/78 рр. За турецьку війну був підвищений до ранги генерал-лейтенанта. В р. 1878 після війни був обраний «предводителем дворянства» Ставропольської губернії з областями Кубанською та Терською, на яку посаду й вибирали його аж до смерти. Ця посада «предводителя дворянства» одірвала Попка од Козацтва й він рахував себе вже тільки «російським дворянином», а не козаком, хоча й писав на козачі теми.

Вмер Попко в Харкові 30 серпня (стар. ст.) 1893 року.

Попко відомий як дослідник, знавець та письменник про козаків. Його твори були в свій час досить відомими, але зараз в більшости є бібліографічним раритетом.

Зачав свій письменницький шлях спочатку під псевдонімом «Помандруйко», потім «Есаул». Подаємо його бібліографію, спочатку книги, а потім статті.

1. Статистическое описание Черноморского Войска. СПБ. 1840.
2. Закубанские воры. Из записок пластуна. СПБ. 1855.
3. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки Края, общества, вооруженной силы и службы. (В 17 рассказах, с эпилогом, картою и четырьмя рис. с натуры) в 2-х частях. СПБ. 1858. XIV-II-292-4 рис., карта.
4. Исторические и биографические очерки. Екатеринодар, 1872.
5. Терские казаки с стародавних времен. Исторический очерк. Вып. I. Гребенское Войско. СПБ. 1880. стр. XIII-III-516.
6. Пластуны. Ставропольские Губ. Ведомости, 1855, 13—15; 18—20.
7. Некоторые сведения о Черноморском Казачьем Войске. Русский Инвалид, 1857, № 192.
8. Походный дневник. Военный Сборник 1860, т. XI—XIV.
9. Пешие казаки. Военный Сборник 1860, т. XI, стр. 107—134.
10. Черноморские пластуны в Севастополе. Военный Сборник, 1874, № 6.
11. Темрюк (Описание Черноморья). Военный Сборник, XIV, стр. 439—464.

...В прошлой своей истории Казачество брало чужие задачи иногда на свои плечи довольно дружно. Мы убеждены, что строительство своего казачьего дела нисколько не труднее, чем служение чужим интересам.

(И. Васильев, «К. В.» № 5 (62).

Казачье национальное дело ведется казачьими руками и на свои казачьи средства.

Каждый казак должен не забывать внести свою лепту в Казачий Национальный фонд и заплатить за «Казачий Вестник».

С этим номером вместе с газетой рассылаются «сложенки» (для Протектората) и «цалькарты» (для остальной Великогермании) посредством которых новые читатели, еще не внесшие подписной платы, могут таковую послать указанными переводными чеками. Этими чеками можно послать и добровольные пожертвования на издание «Казачьего Вестника», а членам одиночкам КНД свои членские взносы.

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 РМ за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

Гоффбауер Рудольф, разыскивает Пашу Васильевну Карпенкову, род. 8. 8. 1923, спасшую его жизнь и раненную партизанами, после чего 26. 6. 1944 доставленную в Пункт Раненных в Борисове и оттуда отправленную далее. При Гоффбауере находятся деньги и документы Карпенковой. Сообщить по адресу:

Rudolf Hoffbauer, Auerswalde/Chemnitz, an Zentralauskunftstelle III, Feldpost.-Nr. 19000.

Грищенко Козьма, казак ст. Староджерелиевской, Кубань, разыскивает друзей и родственников — эмигрантов с 1920 г. в Сербии: Стратия Стефана Никифоровича, Буряка Стефана и Авраама Омельяновичей, Шаповала Мирона Ионовича, Бережняка Ивана Григорьевича, Каркача Ивана Стефановича, Шульгу Дементия и Перепечая Федосия, Кужильного Федора, Крупицкаго Федора, Яцыну Дементия, Макаренко Дмитрия и других станичников находящихся в Казачьих войсках. Прошу писать по адресу:

Grytschtschenko Kosma, Heerte, über Woltenbittel, Waldlager D. (20)

Парамова Клавдия, ищет свою сестру Александру Николаевну Парамову, род. в г. Орле и вымехавшую в годы революции (1918—19) в Чехию. Сообщить по адресу:

Frl. Nina Wetrowa (4), Nadgard über Kolberg, Ostseebad.

Прошу мою законную жену Ольгу А. Ордовскую-Танаевскую, дочь Зинаиду, отца архимандрита Никона и сына Вадима известить меня о их местонахождении. Адрес в редакции газеты «Казачий Вестник»

„Kasarenbüro Prag 1. Postfach 188."

Сотник Донского Казачьего Войска Николай Ордовский-Танаевский.

Троилин Феоктист, ст. Верхне Курмоярской, Дон, разыскивает своего дядю Генералова Сергея Васильевича, эмигранта с 1918 г. Писать по адресу:

F. Troilin, Lübz i. Mecklebg. Gemeinschaftslager Elde.

Павлик Никита Иванович, разыскивает Павлик Михаила Ивановича, Павлик Иосифа Ивановича, Павлик Афанасия Ивановича, Петрушенко Федора. Писать:

Pawlik Nikita, Teschen OS. Jablunkauerstrasse 28. (9a)

Алексеев Мих., эвакуированный из Ворошиловградской обл., разыскивает брата Алексеева М. В. поступившего добровольцем в Германскую армию 9. IX. 42. Сообщить по адресу:

Marburg a. Drau, Thesen, Firma Bühl. M. Alexejew.

Калугин С., разыскивает жену Александру Григорьевну, находившуюся до июля с. г. при казачьей станице в Новогрудке. Писать:

Obl. Kalugin S. Linz a. Donau, Lager 45, VI.-23.

Никифорова Августа, разыскивает мать — Никифорову Евгению Григорьевну, проживавшую до июля с. г. в г. Гнезен у Познани. Прошу писать:

Frl. Auguste Nikiforow, Freudenberg Kr. Rastenburg Ostpr. (5-B).

Карпенко Владимир Михайлович, из станицы Воронежской, Кубань, Фельдпост № 56361-Е, разыскивает братьев: Василия и Ивана Михайловичей, двоюродных братьев Василия и Михаила Ивановичей Ефимовых и родственников Панасенко Сергея Яковлевича и Филеева Ефима Никитича.

Филимонова Валентина, из Красногоровки, Сталинской области, ищет брата Филимонова Алексея Ивановича и Чорнобая Ивана. Сообщить по адресу:

Valentina Filimonowa, Spradow 55 bei Bünde in Westfalen (21).

Кабанцов Василий, разыскивает родственников: Нину Вуколовну Корниенко и Гавриила Христофоровича Шарова, есаула Кубанского Войска, выехавших из Сандомира с группой Павлова на Барановичи. Писать по адресу редакции «Казач. Вести.».

Лесик Володимир, розшукує адресу особи на призвище Комарницька Анна з Турки окр. Дрогобич, урядничка з ляндкомісаріяту з Турки, виїхала в днях 4 серпня б. р. в напрямі до Аусниц, або Никольсбургу. Можливо зараз знаходиться у брата коло Праги в Комарницького Йосипа. Писать на адресу:

Lesyk Wolodymyr, bei Bauer Arnold Frecking, Laer Holthausen über Burgsteinfurt Bz. Münster.

Синявский Григорий, разыскивает жену, Евдокию А, род. 1913 г., дочь Зою, род. 1938 г., тестя Сергея А. Помозанова в чине Гауптмана, род. 1892 г. с двумя сыновьями, все стан. Ессентукской, Терек. Прошу знающих о их месте пребывания сообщить по адресу:

Kosake Grigorij Sinjawskij. Res. Lazaret Hallabrunn (-D) Sonberg (12-a).

Лесик Володимир, розшукує з родини на призвище Івашкевич Йосиф, Марія, Іван, Евстахій, Іванна, Зофія, Кресьна Наталія и Корнило, котрі виїхали в днях 27 липня 1944 з Турки окр. Дрогобич до Протекторату. Розшукує також Липка Йосифа професора зі Скалата, повіт Тарнопіль, котрий перебував в Турці окр. Дрогобич, виїхав в днях 27 липня 1944 з Турки з оперним Українським театром до Грацу.

Lesyk Wolodymyr, b. Bauer Arnold Frecking, Laer Holthausen über Burgsteinfurt Bz. Münster.

Вышла из печати и поступила в продажу брошюра инж. В. Глазкова «Крах наших москвофилов».

Стоимость ее 50 Рпф. с пересылкой.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Gutenštejnská ul.č.6.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 25 (82) 4 JAHRGANG 4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го ДЕКАБРЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

В. Авилов.

Ко Дню Казачьей Печати.

В дореволюционное время, в условиях московско-петербургского централизма Казачий Народ не имел своей казачьей печати, своего свободного слова, которое отражало бы его чаяния и стремления, говорило бы о его национальных интересах, знакомило бы казаков с их прошлым и настоящим, обслуживало бы Казачество и ставило бы перед ним задачи настоящего и будущего его бытия.

Не могла казачья пресса развиться и в молодых казачьих государственных образованиях после 1917 года, так как тогда не было своих испытанных работников прессы, а приходилось пользоваться услугами чужих людей, которые, конечно, не могли понять душу казака, его стремлении, а следовательно, не могли быть рупором казачьего мнения.

Только в зарубежьи появилась и окрепла свободная и независимая казачья печать, которая, как и надо было ожидать, была встречена резкими нападками и протестами тех, кто не был заинтересован в пробуждении казачьего народного самосознания, не в интересах кого была проповедь Казачьей Правды. Сколько злобы и негодований, сколько козней и вредительства было предпринято врагами Казачества, чтобы заглушить, задушить свободное казачье слово. Эти стремления были в прошлом, имеются они в настоящем, несомненно и в будущем появятся попытки лишить казаков своего свободного слова, проповедующего Казачью Идею, Правду и борьбу за Волю и Долю Казачества. Это обстоятельство не ушло в прошлом и не уйдет теперь от зоркого ока казака, который бережно блюдет и будет блюсти свое печатное слово.

Необходимо отметить, что немецкие органы, своим пониманием казачьих чаяний, способствовали расширению и укреплению казачьей прессы.

Своей молодой прессой, ее достижениями, какие ей удалось сделать в очень короткий срок и при том в ужасно тяжелых условиях, казаки имеют полное право гордиться.

На протяжении многих лет наша печать неутомимо и убедительно доказывает жизненные, неотъемлемые права Казачества, ясно, понятно и открыто обозначив казачьи задачи и стремления. Она знакомит казаков с их народными особенностями, с их бытом, с их подлинной историей, с вековой борьбой за свою свободу и независимость. Она воскресила веру в светлое будущее Казачества. Она стала духовно об'единяющим и связующим фактором, разбросанных по всему миру казаков.

Во вне казачья печать знакомит иностранцев с подлинным лицом Казачьего Народа, с его стремлениями и чаяниями. Она рассказала народам, среди которых мы живем, о нас, казаках, о наших думах, чаяниях, о страданиях нашего народа и его стремлениях. Она приобретает друзей Казачества, друзей благожелательных, понимающих, сочувствующих и могущих быть нам полезными в нашем трудном деле.

Именно казачья печать дала возможность «появиться на свет» целому ряду талантливых казачьих писателей и поэтов, ознакомила нас с трудами казачьих историков и многих казаков-специалистов в различных отраслях жизни.

Подлинное казачье печатное слово создано и материально поддерживается самими казаками и его успех, прежде всего, является успехом всех этих скромных тружеников казачьей нивы.

Казачество полностью сознает роль и значение своей печати, знает, при каких невероятно тяжелых условиях выполняет она свой долг перед казаками, а потому то казаки в свою очередь выполняют и должны выполнять свой долг перед своей казачьей печатью, оказывая ей свою полную моральную и материальную поддержку, ценя свое печатное слово, как выразителя своих надежд и упований.

Бесспорно, что печатное слово играет громадную роль в жизни каждого народа. Оно особенно ценно, когда является отражением его чаяний и стремлений. Тогда оно становится дорогим и ценным народным достоянием, и каждый сознательный народ высоко ценит и бережет свое печатное слово, ибо в нем, как и в живом слове, жизнь народа. Его поддерживать и распространять — это значит вечно жить. Жизнь же нашего Казачьего Народа — нам дороже всего!

Слава Казачеству!

—

КАЗАКИ!

10 декабря — День Казачьей Печати. Она выражает Ваши чаяния и стремления, духовно об'единяет Вас, поддерживает между Вами взаимную связь.

Поддержите и Вы свою печать не только морально, но и материально — посылкой своей лепты на ее укрепление и расширение.

Казаки, цените и берегите свое печатное свободное слово!

Памяти А. И. Кулабухова.

Алексей Иванович Кулабухов,
казак ст. Расшеватской, Кубанского Войска.
(К 25-тилетней годовщине мученической смерти борца за казачью Свободу).
Archiv „Der Kosakenbote".

Двадцать пять лет тому назад произошло величайшее злодение. Опираясь на вооруженную силу, быв. главнокомандующий Добровармии на Юге России генерал Деникин, поправ суверенитет Кубани, путем грубого насилия над нею и ее Верховным государственным органом — Краевой Радой, хотел всецело овладеть кубанским Казачеством и заставить его безоговорочно служить своим целям и задачам, служить которым добровольно кубанцы отказались. Самым острым и драматическим моментом тех событий было **убийство** члена Рады, б. министра и члена Парижской делегации А. И. Кулабухова.

Эти дни стали в то же время началом конца командования генерала Деникина, и всего того дела, которое не он, правда, начал, но так блестяще сумел погубить.

Ноябрьские события 1919 года на Кубани являются не только печальными, но и глубоко поучительными и предостерегающими. Эти события фактически не были частным спором Кубани с Добровармией. Ими представители единонеделимчества пытались раз и навсегда покончить с казачьим национализмом, с казачьим сепаратизмом, пытаясь опять подстричь казаков под общую московскую гребенку.

Вот почему казакам следует ежегодно напоминать о событиях, разыгравшихся в Екатеринодаре с 19 по 23 ноября 1919 г., вот почему казаки не должны забывать, чем и как закончился спор Кубани с Добровармией, нашедшей приют в Казачьих Землях. Это было не только моментом временного крушения независимости Кубани, но вместе с тем и ударом по Дону, Тереку и всему Казачеству. Это было одновременно и началом крушения противобольшевицкой борьбы белых вообще. Ноябрьскими событиями Деникин и Врангель погубили и свое дело борьбы против большевиков и открыли перед ними двери в Казачьи Земли.

Спор Кубани с Деникиным продолжался с весны 1918 г. Поводом к расправе с Кубанью ему послужила запоздалая придирка к подписанию «проэкта договора дружбы между Кубанским Краем и Республикой Горцев Северного Кавказа». О существовании этого договора, спроэктированного на случай признания большевиков Антантой, было известно на Кубани еще в начале июля 1919 г. Он был подписан кубанской делегацией, посланной на мирную конференцию в Париж. Эти представители Рады были ответственны не перед Деникиным, а перед Радой, в компетенцию которой входило решение утверждать или отвергать, исправлять или дополнять, благодарить или порицать уполномоченных ее представителей.

Подписание договора было только поводом, истинные же причины для столкновения лежали глубже. В основном они заключались в том же, в чем они состояли у Дона при Борисе Годунове, Петре I, Екатерине II, стремившихся превратить казаков в орудие достижения своих целей, шедших вразрез с жизненными интересами Казачества. И представители Добровармии казаки были приемлемы постольку, поскольку они готовы были класть свои головы за интересы помещиков и реакционеров, но коль скоро казаки обнаружили, что имеют свои цели и свои стремления, что казаки представляют свое будущее по своему и хотят сами распоряжаться своей судьбой, эти люди прибегли к излюбленным и испытанным способам и средствам:

Деникин, подстрекаемый окружавшими его консервативно-реакционными кругами, свергнутыми революцией, свою расправу с Кубанью затеял раньше и систематически вел к ней свои приготовления. Несмотря на категорическое решение Рады о создании кубанской армии, Деникин всячески препятствовал осуществлению этого решения. Действующие на фронте кубанские части он лишил связи с своей родиной, не допускал к ним казачьих газет. Кубанцы получали сведения о положении дел на Кубани не из своих казачьих источников, а только из деникинских, которые вели бешенную пропаганду против кубанских органов, пытаясь скомпрометировать их в глазах казаков.

После того, как Краевая Рада с негодованием отвергла требование Деникина о выдаче Кулабухова и других представителей Кубани, после того, когда даже Кубанский Атаман, так усердно потворствовавший Деникину, должен был протестовать против вмешательства в компетенцию кубанской власти, Деникин решил действовать насилием, сосредоточив к Екатеринодару войска и поручив исполнение своего плана известному «мастеру заплечных дел» ген. Покровскому. Сосредоточение надежных Деникину войск на Кубань вызывалось возможностью восстания казаков на насилие добровольцев. Перед «кубанским действом» произошла чистка ряда кубанских частей от казачьих офицеров, а в Кубанском техническом полку даже и от урядников.

Покровский с помощью и содействием некоторых людей из казаков обманным способом, под предлогом совещания в атаманском дворце, заманил А. И. Кулабухова, а потом его арестовал и повесил. Затем с помощью войск потребовал от Краевой Рады изменения Конституции в угодном для Деникина смысле. После такого действа Деникин предложил и Кубанскому Атаману, пассивно наблюдавшему за хозяйничанием пришельцев, покинуть свой пост.

Вести о событиях на Кубани быстро докатились до казачьих частей, находившихся на фронте. Среди бойцов сразу же пал дух и желание борьбы. Победой над Казачеством Деникин возвратил большевикам все свои предыдущие успехи. От Орла фронт покатился на юг, к морю, а затем к трагическому финалу противобольшевицкой войны.

Деникин, Врангель и все их окружавшие полагали, что самостийники являются всего лишь демагогической группой и убеждали себя в том, что самостийные течения не имеют глубоких корней в Казачестве, не встречают среди него симпатий и не имеют под собой почвы. **Однако, события, последовавшие после ноября 1919 года, показали, что именно эти течения в наибольшей степени отвечали действительным настроениям и стремлениям народных казачьих масс,** что корни этого течения были гораздо глубже, чем предполагали сами самостийники, что председатель Краевой Рады Н. С. Рябовол, убитый в Ростове агентами деникинской разведки 27(14) июня 1919 г., и народный избранник А. И. Кулабухов были действительными выразителями казачьих чаяний и стремлений.

Казачеству нужно знать, что если оно хочет жить своей казачьей жизнью, если оно хочет само распоряжаться своей судьбой, если оно действительно желает быть государственно самобытным и иметь во главе своих людей, защищающих свои казачьи интересы, то оно должно хотеть и уметь этих людей беречь и защищать.

Каждое народное освободительное движение имеет своих мучеников (как религиозное — своих святых). Роль их для развития национального самосознания колоссальна. И как бы ни была тяжела жертва, в данном случае она не пропадает никогда. Как не пропала бесследно и смерть Кулабухова. Убийцы его ошиблись... Мертвый Кулабухов сделал может быть больше, чем сделал бы живой.

Кулабухова противники Казачества убили, но они не убили и не убьют живого Казачьего Духа, который всегда вел и будет вести казаков к осуществлению их национальных чаяний, к их Свободе и Независимости.

...«Казаки умеют прекрасно беречь в бою своих командиров. Надо учиться хранить и командиров в политике, твердо помня, что без них Казачество своей национально-политической борьбы не выиграет и своих казачьих интересов не защитит.

(В. Авилов. «К. В.» № 54).

Инж. В. Глазков.

Предпосылки казачьего успеха.

Центральное место переживаемого нами исторического момента — это борьба за освобождение народов из большевицкой неволи и кабалы капитализма. И наш Казачий Народ борется за свою национальную свободу. Мы хотим вернуться домой. Хотим вернуть себе и тем нашим братьям, что остались под кремлевским гнетом свою Казачью Родину. Хотим поразить врага, нас изгнавшего, и изгнать его из нашего казачьего куреня.

Можем-ли мы, казаки, свое дело выиграть и при каких условиях можем выиграть?

Да, мы можем и должны выиграть! Для этого Казачеству, ставшему на путь своей национальной самобытности, нужно прежде всего полностью осознать ошибки своей прошлой борьбы, укрепить веру в свои силы и в свое дело, хорошо об'единить и организовать свои силы, надлежащим образом поставить внутреннюю и внешнюю пропаганду своей казачьей Идеи и Правды, проявить максимальную активность в борьбе и способность отстоять свои права и интересы и, наконец, наличие хороших и твердых союзников.

Нужно со всей ясностью учесть ошибки прошлого, за которые заплачено потоками казачьей крови, осознать вредность нашей раздробленности и раз'единения, отчетливо понять свои национальные интересы. Нужно всем казакам уяснить, что за свою современную трагедию, как и за трагедии прошлые, виноваты прежде всего сами казаки. Мы слишком много служили другим и слишком мало думали о себе или же начинали думать о себе слишком поздно.

Во вред своему казачьему делу мы в прошлом разделялись по чужим лагерям, служили чужим интересам. Нас не разделяли наши казачьи интересы или же их различное понимание, но споры о чужих интересах. Наше раз'единение враги Казачества всегда использовали и, несомненно, попытаются использовать во вред казачьему делу. Нельзя забывать, что нередко казаков били казачьими же руками. Этого нельзя допустить и допускать в будущем.

Разрозненными силами много не сделаешь. Разрозненные силы бьют по частям. Чтобы и Казачество не было бито по частям, необходимо наше крепкое единство, твердое сознание наших национальных интересов, об'единение всех наших сил на своей казачьей платформе. Чтобы казачьи силы не были бы использованы и впредь против казачьих интересов, чтобы казачье дело не убивалось казачьими же руками, нужно всем казакам бросить чужие лагери и собраться в одном, своем **казачьем** лагере и вести свою борьбу общими силами, единым крепким казачьим кулаком.

Сейчас, как никогда, всем казакам необходимо проникнуться несокрушимой верой в свое правое дело, крепко осознать свои национальные интересы, тогда нашу судьбу не будут решать чужие, а мы сами. Только тогда Казачий Народ выйдет из переживаемой катастрофы живым и сильным, только тогда Казачество никогда больше не будет уходить в очередные эмиграции, копать чужие каналы, рубить чужие леса и умирать от холода и голода на Соловках или в глухих тундрах Сибири. Только тогда Казачество не будет чужим батраком а построит свой дом и станет само своему достоянию полновластным хозяином.

Ныне идет борьба двух мировоззрений, война двух различных политических идей — националистических и марксистско-капиталистических, а потому совершенно неправильны и даже вредны стремления тех, кто еще до сих пор пытается запрещать казакам заниматься политикой. Делается это для того, чтобы опять околпачить неискушенного в политике казака.

Мы не смеем забывать, что наше поражение в прошлом было обусловлено поражением политическим. Победила политика. Казаки были прекрасным военным материалом, могли создавать отличные армии, но политически бли неискушенными, а потому и проиграли в прошлом свою борьбу.

Теперь же каждый казак должен быть политически зрелым, разбирающимся в событиях и никогда не забывать, что теперешнее его положение и борьба являются прежде всего результатом политики. Казак обязан быть политически и идеологически грамотным, лишь тогда он будет стойким борцом.

Как в мирное, так и в военное время совершенно правильный лозунг для армии всякого государства: «Армия — вне политики!» совершенно не годится для бойцов, ведущих борьбу за национально-политическое освобождение своего народа. Это обстоятельство было всецело понято ответственными руководителями Германского Народа, которые, наряду с регулярной армией, создали с полным военным и политическим оснащением части СС, отличающиеся самой первоклассной боеспособностью, что об'ясняется тем обстоя-

тельством, что каждый боец такой части является одновременно и военным и политическим бойцом. Как раз в число этих соединений входят теперь и национальные части народов, борющихся за свою свободу, в том числе и воинские части Казачьего Народа.

И из казаков необходимо создать не только крепкую вооруженную, но и политическую силу, которая своим идеологическим содержанием могла бы противостать лживым идеям большевизма и могла бы быть носителем новой живительной национальной идеи, носителем своих национальных чаяний и стремлений.

Колоссальное значение в борьбе имеют моральные силы. Эти силы, силы нашего казачьего духа, должны быть вооружены ни в коем случае не хуже материального вооружения. Наша моральная сила прежде всего в правоте нашего дела. Мы должны быть прежде всего сильны идеей, нашим Правом и Правдой. Нашей обязанностью является использование до крайнего напряжения всех моральных сил народа.

Война родила новые виды оружия. И из них наиболее сильное оружие — пропаганда. Пропаганда играет большое и даже решающее значение особенно там, где происходит борьба идей. При этом нельзя забывать, что аэропланы, танки и другое техническое оружие нам могут дать наши союзники. Но пропаганды, настоящей пропаганды занять нельзя нигде. Ее нам никто не даст. **Пропаганда может быть или нашей или ее совсем не будет.** Пропаганда является серьезным оружием и может и должна быть нашим собственным оружием и должна быть поставлена на должную высоту.

Пропаганда действительна и сильна лишь тогда, когда она ведется хорошо, а вестись хорошо она может тогда, когда ее ведут талантливые люди, когда эти талантливые и способные люди имеют перед собой ясную цель, знают, что они делают и зачем делают, когда твердо верят в правоту своей идеи и своего дела. Только такие люди могут дать надлежащую динамику казачьим массам.

На обязанности пропаганды лежит ответственная задача правильно и хорошо вести казачье дело и способствовать его успеху на внешнем фронте.

Нельзя ни на минуту забывать, что в борьбе одних только грубых физических сил недостаточно. Подлинная сила народа составляется из двух частей — материальной и моральной, или идейной. Только сочетав количество и Идею получим настоящую, подлинную силу народа. Эти силы необходимо надлежащим образом расставить и использовать в нужных направлениях, не останавливаясь перед самым крайним их напряжением. Только в таком случае наш Казачий Народ будет иметь все данные с успехом отстоять свои права и интересы и довести до победного конца свое национальное дело.

В своей судьбоносной борьбе за свободу и возрождение Казачий Народ имеет хороших союзников. Наш великий союзник в лице Германского Народа всецело понял национальные чаяния Казачества, понял вековую борьбу казаков за свободу, оценил и нынешнее наше участие в противобольшевицком фронте, признал казаков за своих верных и честных союзников. Германское Правительство гарантирует казакам их национальную самобытную жизнь и оказывает им в их освободительной войне полное содействие.

Наряду с Германским Народом нашими естественными союзниками являются все народы, борящиеся против большевицкого зла и, прежде всего, народы востока Европы, которые подобно Казачьему Народу борятся против общего нашего врага за свою национальную и государственную свободу.

Ясное осознание всех предпосылок успеха казачьего дела и надлежащие из них выводы могут явиться залогом нашей победы.

Полковник Д-р С. Федоров.

Сибирское Казачество.

II.

Казаки сибирских городков еще со времени Ермака проникали вглубь иртышских степей. К началу XVIII ст. от Иртыша до Звериноголовской крепости, протянулась на 985 верст, укрепленная Ишимская линия через Тарск, Омск, Курган. На севере ее продолжением служила Исетская линия, сооруженная в половине XVII ст., казаками из Тобольска и иных городов.

Устройство алтайских заводов и начавшаяся война китайцев с дзюнгарскими калмыками вскоре побудили царское правительство усилить сибирскую линию. С 1745 г. при ген. Киндермане было на ней выстроено 24 крепостных сооружения от Иртыша до Кузнецка (Колывано-кузнецкая линия), а взамен Ишимской линии выдвинута новая от крепости Горькой через Омск на Звериноголовскую. Службу на этих линиях несли, кроме казаков, и драгунские полки, а с 1758 г. командировались сюда донцы и яицкие казаки. Постройка линий вглубь степей продолжалась и далее, вызывая столкновения с пограничными народами.

Главным несчастьем казаков было их страшное малолюдство и их разбросанность. Они сидели по острогам десятками человек, обслуживая огромные территории. В 1662 г. на сибирском пространстве в 4½ милл. кв. верст было всего 70 000 славян и 2 900 000 инородцев. К этому же времени московское правительство начало протежировать «пашенных» крестьян, принимая притеснительные меры по отношению казаков. На Амуре, например, было издано распоряжение в 1682 году «учинить заказ крепкой крестьянам, у которых есть дочери, чтобы они их за албазинских казаков отнюдь не выдавали замуж, а выдавали бы за крестьян, чтоб крестьяне были все женаты...» Таким образом, первые колонисты Сибири, Вольные казаки, потомки донцов, запорожцев и иных степных казаков обречены были на вырождение и вымирание.

Тем не менее казаки и в этих неблагоприятных условиях проводили большую колонизаторскую и культурную деятельность. В половине XVII в. за 60 лет до экспедиции Беринга пролив между Азией и Америкой, открыли казачьи атаманы Атласов и Морозко, покорившие в 1697 г. Камчатку, казак Поярков прошел все течение р. Амура. В высшей степени замечательны и интересны поездки сибирских казаков в Китай, Туркестан, Тибет и иные страны. Они составляли о пройденном пути записки, зачастую за неимением бумаги писанные на березовой коре, которые долгое время служили почти единственным источником для ознакомления с этими странами.

Сибирские казаки, разбросанные мелкими гарнизонами, хотя и не имели войскового устройства, подобного общинам-государствам Дона, Запорожья и иных Войск, тем не менее твердо хранили казачьи порядки и обычаи. У них было выборное начальство, которое они сменяли и наказывали в Кругу, здесь же решали казаки свои важные дела: постройки крепостей, походы, распределение добычи, жалованья и под.; одним словом, они и оторванные от своих материнских Войск, не забывали своего вольно-казачьего происхождения и жили традициями своих славных предков. Входившие в состав казаков инородние элементы быстро ассимилировались и проникались казачьим духом. Связь их с казачьими Войсками на Черноморско-каспийских степях не прекращалась, в далекую Сибирь, за Байкал, на Амур попадали ссыльные донцы, запорожцы, казаки яицкие и иных Войск, здесь они жили или служили, часть их возвращалась, а иные оставались на постоянное жительство. Сибиряки ходили и в посольствах в Москву и там встречались с вольными казаками. Вольнолюбивый дух не замирал у сибирских казаков. Он еще больше ожил, когда разбросанных по городам казаков стали собирать вместе и выселять на Сибирские линии, расселяя их по границам. Это было в начале последней четверти XVIII ст., когда вольно-казачьи Войска были уничтожены, или обращены на положение «регулярных», а население их начало сводиться на всевозможные «линии», начиная от границ турецких и вглубь Азии.

Уже царствование Петра I-го надолго приостановило развитие сибирского казачества. При нем была введена рекрутская повинность и началось образование регулярных полков, в состав которых, равно как и различных команд по линии Иртыша, определялись сначала казаки. В его же царствование запрещено было пополнять казаков купцами и крестьянами.

Позже правительство лишь отчасти заботилось о казаках, поселенных по пограничным линиям, жившие же не по городам, приходили в упадок и еле влачили свое существование. На этих казаков был навален еще и подушный склад, снятый в Иркутской области только в 1796 г. Лишь в царствование Александра I-го были приняты меры по упорядочению жизни казаков в Сибири. Еще при Петре I-м все казаки и их офицеры имели нищенское жалованье — 4 руб. в год, 3 четверти ржи, 2 — овса и 1½ четверти круп. В 1737 г. это жалованье казаков было еще уменьшено. В царствование Екатерины II в сибирское казачество были зачислены и запорожские ссыльные казаки — гайдамаки, участвовавшие в восстании и уманской резне в Польше, так зв. «коліі». В 1773 г. казакам был определен паевой надел в 6 десятин земли, увеличено хлебное и фуражное жалованье и разрешена рыбная ловля в казачьих же реках и озерах

С упразднением Сибирского приказа, в ведении которого состояли казаки, на иртышской линии было разрешено избрать Атамана с резиденцией в Омске. К началу царствования Александра I-го сибирское линейное Войско уже оформилось, окончательное же его устройство было дано Положением 1806 года.

М. Башмак.

КОЗАЦЬКІ КУЛЬТУРНІ ДІЯЧІ.

III.

КОРОЛЕНКО, Прокіп Петрович (1834-1913).

Прокіп Петрович Короленко побачив світ Божий в р. 1834 в курені Павлівськім на Кубані. Родичи його прийшли на Кубань разом з Військом Чорноморським в р. 1792. Батько його був, мабуть, старшиною Чорноморського Козацького Війська, бо мав свій власний хутір в юрті куріня Павлівського. Був жонатий та мав, як вдалось нам установити дітей: доньку Олександру та сина Прокопа. Де вчився Прокіп Короленко не вдалося нам тут за-кордоном встановити, відомо тільки, що він як восьмилітній хлопець був командирований в Катеринодар в р. 1842 на осляву 50-ліття Чорноморського Козацького Війська. Також не вдалось встановити де він почав служити, відомо тільки, що Прокіп Короленко в ранзі під'есаула був призначений десь у 80-их роках минулого століття архіваріусом Кубанського Військового архіву в Катеринодарі, на місце генер. Вареника. Мабуть в той час вийшло розпорядження влади, що старшини не мають права займати місця архіваріуса. Прокіп Короленко подав прохання про переведення його з військової ранги до цивільної й був перейменований з під'есаулів «надворным советником». Нам це стало відомо, як анекдота, бо жінка Прокіпа Петровича сміялась над своїм чоловіком і казала: «... дивись на мене, ось, я совітник як у хаті, так і на дворі, а ти тільки надворний совітник».

Почав Прокіп Короленко дописувати до газет, журналів тощо починаючи з р. 1863, але вславився своєю книжкою «Черноморці», яка вийшла друком в р. 1874 й ця обставина, мабуть, послужила підвалиною його призначення архіваріусом Кубанського Військового архіву на місце генерала Вареника. Де далі служив не вдалося нам установити, відомо тільки, що в р. 1913 в місті Сочі, на березі Чорного моря він помер в ранзі, як казали на Кубані «генерала», треба припустити в ранзі «действительного статского советника». У своєму заповіті він велів, щоб на його рахунок була збудована больниця в станиці Павлівській, богодільня в м. Сочі та санаторія для туберкульозних дітей біля містечка Геленджика, як подає Пав. Рос-в у «Новому енциклопедичному словникові», т. XXII, стор. 829.

Установлено нами, що Прокіп Петрович був жонатий та мав дітей: Євдокія, прославлась за козака станиці Павлівської Г. А. Білого, Параскева — за козака ст. Павлівської Г. В. Бабича, Марія — за урядовця залізниці Неровня, Ольга — за Кувшинським та Теодосій, який закінчив Кубанську Військову гімназію та Київський університет, був на Кубані слідчим та помер порівнюючи молодим.

Подаємо Бібліографію П. П. Короленка:

1. Черноморцы. С. Петербургъ, 1874, стр. 212, Приложения стр. 76-III-карта Земли Войска Черноморского.
2. Первые четыре Атамана бывшого Черноморского (ныне Кубанского) Казачьего Войска. Екатеринодар, 1892, стр. 36.
3. Черноморское Казачье Войско (1775—1792). Исторический очерк. Екатеринодар, 1892, стр. 64.
4. Двухсотлетие Кубанского Казачьего Войска. Екатеринодар, 1896.
5. Кошевые Атаманы Черноморского Казачьего Войска XVIII ст. С. Петербургъ, Изд. Вестника Казачьих Войск, 1901 г.
6. Предки Кубанских казаков на Днепре и на Днестре. Екатеринодар. Изд. Статист. ком. Куб. обл. 1901 Стр. 1-70-I-203.
7. Кошевые Атаманы Черноморского Казачьего Войска. С. Петербургъ, 1902.
8. Записки по истории Северо-Восточного побережья Черного моря. Сочи. Одесса, 1910 г., стр. 20.

Крім цих книжних видань, Короленко співпрацював у багатьох журналах та газетах, особливо в «Кубанских Войсковых Ведомостях» і в «Кубанском Сборнике». В рідких виданнях нараховуються його 34 статті.

П. Поляков.

Долдонов дед и Наполеон.

А дело во как было: поехал деда Долдона дед, Явграф Евстигневич, в Питер. По своим делам. Дегтю што-ля или гвоздей, а могёть быть и красного товару купить. Точно не знаю. Да. Поехал это он, накупил всего чего надо и к приятелю своему, царю русскому Александру Павловичу, на чаек свернул. А знакомства у них ишо с того времени была, как приняжал Александр Павлович в Березовскую станицу куропаток стрялять и бреднем щук ловить. Тогда ему деда Долдана дед, Явграф Евстигнеич, такие рыбные места по Медведице показал, что бывальча не успявал царь русский червяка насаживать — так уж хорошо рыба клявала. Да. Словом, дружба у них такая завязалась что водой не разлить. И велел Долдонову деду, Явграфу Евстигнеичу царь сроду к нему во дворец сворачивать чайку вышить, как только ему дело укажеть в Петербург проехать.

Во. Приехал значит Явграф Евстигнеич. Пошел по Невскому проспекту, до знакомого плетня дошел, через перелаз перелез — глядь — сидить царь русский с царицей под вышнями и чай с сахаром пьет. Ну, конечно — здорово дневали — слава Богу, туды-суды, садись, говорит царь, Явграф Евстигнеич, чай пить. Сели. Когда глядь — а алимончика то и нету. Ну спосылали госпожу Хрейлину, она у царицы вроде как в ясырках была, спосылали через улицу в лавочку. Лимончик купили. Сидят, чай пьют. Да-ть разе не войди какой-то человечек. Так из себе не видный. Росту коротенького, пузатый и шляпа на ём чудная какая-то. Александр Павлович встревать побег. Подводить его к столу и говорить — А ето, Явграф Екстигнеич — французский царь, Наполеоном звать, к нам погостевать приехал. Поручкались как полагается и обратно чай пить сели. Об том о'сем потолковали и зашел у них разговор про войну, у кого какая войска и чия войска лучше. Хвалится русский царь — хвалится Наполион, и такая у них несусветная бряхня поднялась, что Явграф Евстигнеичу слухать обрыдло. Набил он трубку самосадом, затянулся покрепче да и говорит Наполеону — Знаеш што, ваша французская вяличество, хвалиться ты брось, мы-ть тоже на Дону слыхали как табе арапы в Египетской земле морду били. Да. А ежели хотишь правильную слово то слухай суды — не дай тебе Бог на нас, казаков, войной пойтить, так мы тебе наклеим, што ужахаться будеш!

Батюшки мои, как тут Наполеон осерчал. Да я, говорить, не только вас казаков, я вас вместе с русскими побью! Тут и Александр осерчал. Словом, в конце того разговору заспорили они. Поставил царь Наполеон золотые часы с цепком, хреномер называются, а дед Долдонов, за бедностью, шубу донскую. А Александра им руки разымал. Ну, допили чай, пышек поели и раз'ехались. А Явграф Евстигнеич прямо в Черкасск рванул. К Платову атаману. Обсказал как и чаво. Осярчал Платов здорово. И какой табе, шумить, чорт надоумил с энтим чудаком спорить. Ведь он и в самом деле воевать полезить. Ну однако приказал штоб помаленьку казаки к походу готовились.

Не прошло тому много времени — сидить Долдонов дед и на балябу в Мишкиной протоке сазанов ловить — когда глядь — скачет по бугру казак, а на пике красный значек трепыхается. Понял тут Явграф Евстигнеич, что война началась, подседлал гнедого и поехал на зборный. Как она вся война протикала — говорить не буду — одно известно до Москвы Наполеон дошол, в Кремль засел и сидить. А Атаман Платов с Явграф Евстигнеичем выступили было-к в поход, выступить то выступили, да на хуторе Симимячном застряли. А почему застряли, а потому как у жалмерки у Агафьи Пятровны мед какой-то особый был. Пьют они мед — неделя проходит, обратно пить зачинають — обратно же другая неделя как не было. И в то время подлятаить к жалмеркиному куреню конный, от царя Александра Павловича Платову пакет, а Явграф Евстигнеичу письмецо. Во какое:

Дорогие мои Атаман Платов — генерал,
и дружок мой Явграф Евстигнеич!

Сапчаю вам, што у мине неустойка вышла. Во взят побил мине проклятый Наполеон. А ежели вы пьянствовать не бросить, то и до вас доберется. Помагайте ради Христа. И с тем досвиданья

Александр
Самодержец всероссийский и прочия.

Ну яму, конешно, дед Долдон враз ответ послал:

Ваша Вяличество!
Держись, не боись, зараз выступаем.
Явграф Кумсков, ст. урядник и кавалер.

Ну и пошли наши. Как зачали француза бить, как зачали бить, ужасти и обсказать! Разбили яво в доску. И велел Атаман Платов Явграф Евстигнеичу на Вислую речку иттить Наполеону путь отступления отрязать. Зашел это Долдонов дед от ляску к переправе — глядь — скачеть тройка, а в ей Наполеон сидить. Выскочил Долдонов дед на дорогу. — Стой, шумить, ваша французская вяличество, погоди, а ишо скажи ты мине чья войска сильнее и кто кого подолеал?

Вынул тут Наполеон золотые часы с цепком, хреномер называются, вынул и Долдонову деду отдает: — На, говорит, проспорил! А у самого слезы. И стало Явграф Евстигнеичу Наполеона жалко. Чаво, ты, спрашивает, плачеш?

А как же мине, говорить не плакать, посадять меня таперь на святую на Елену, на остров, на отсидку, а жане и дятишкам исть нечего будет.

Не хотелось Явграф Евстигнеичу, ну сердца он доброго был — вернул Наполеону часы — на, говорит, яжжай, да пока не посадили тебя, часы жане отдай, нехай продаст да дятишкам чаво поисть купить. Да ишо из тороков кусок сала вынул — фунта на четыре — тоже дал. — Пожуй, говорит, сальца, оно трошки легче будет.

И велел казакам в плен Наполеона не брать, а домой пустить.

А сколькы после того дела на Дону выпито было — обсказать невозможно. Тут по пьяному делу у Явграф Евстигнеича сын родился, а у няво — тоже сын. Яво, после Долдоном в станице прозвали. Ведь вот какая бядя-то.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

13 ноября с. г. после тяжелой болезни и операции умер член хутора КНД в Бреслау Иван Федорович Щербинин.

Покойный родился 4 августа 1900 года в ст. Темиргоевской, Кубань. Совсем молодым принимал он участие в гражданской войне; потом участвовал в Польско-Советской войне, по окончании которой остался жить в б. Польше. Затем в поисках работы отправился во Францию и, наконец, последние два года работал в городе Бреслау.

Похороны были назначены на 2 ч. дня 17 ноября. К этому времени собрались все, кто знал покойного. Казаки, немцы-сослуживцы, русские, поляки и сербы пришли попрощаться с уважаемым тружеником-казаком. После панихиды батюшка о. Пультрок сказал прочувственное слово. Присутствовавшие мужчины на руках донесли покойного до могилы, где атаман хутора на родном, а затем и на немецком языке сказал короткое прощальное слово, подчеркнув, что покойный всю жизнь честно трудился, воспитывал детей в казачьем духе и жил одним желанием — вернуться на родную Кубань.

Букет хризантем со значком КНД лежал на гробу. Представитель немецкой фирмы, в которой работал И. Ф., возложил венок, сказав, что покойный прошел тяжелый эмигрантский путь и в ответственные дни включился в работу для победы, работая так, что его всегда ставили в пример другим.

На покрытие расходов по похоронам было собрано 240 марок.

Было также постановлено выразить благодарность г. Разумову — за участие в сборе средств и супругам Орловым, неоднократно заботящимся о казаках и теперь поддерживающим семью покойного советами и хлопотами.

инж. Д. Родионов.

Г. Козловский.

КНД партия или народное движение?

Всякая политическая партия, стремящаяся к государственному руководству страною, выдвигает определенные лозунги, стараясь привлечь к себе возможно большее количество членов, необходимых ей для осуществления намеченой ею программы. Если процесс полного овладения государственным аппаратом принимает затяжной характер, то и в таком случае, располагая в парламенте большинством голосов, она имеет возможность влиять на решения народного собрания и, таким образом, играет доминирующую роль в жизни государства и своего народа. Иногда партия, имея даже все данные к принятию на себя верховной власти, по тем или иным соображениям, уклоняется от этого, поддерживая инако мыслящих или же совершенно не принимает участия в составлениях кабинетов. Такой случай был, например, при составлении первого правительства в России, после падения династии Романовых, когда между партиями сговора не состоялось и фактически в состав первого революционного правительства вошли кадеты и эсеры, социал-демократы же отнеслись к этому акту пассивно. Сегодня мы этот факт можем отнести за счет неуверенности вожаков партии в своих государственных силах решившей впредь до использовать других, которые должны были произвести всю «черную» работу. Таких случаев уклонения различных политических группировок от ответственности в политической жизни государства можно много найти на примерах Франции, Англии и Германии до национал-социалистического периода.

Это общее положение способствовало современной разрухе Европы. Чаще всего из-за личных амбиций, реже по принципиальным соображениям, как это бывало в Польше, часто менялись кабинеты, все старались говорить от имени народа, фактически с недоумением следившим за тем, что проделывают в высоком собрании его представители. Вместо экономического облегчения создавались экономические тупики, из которых не могла вывести ни одна политическая партия.

Первыми положили предел политической вакханалии германские национал-социалисты. С тех пор, когда руль государственного управления оказался в их руках, стройнее пошла жизнь, прекратилась министерская чехарда, нация получила полную гарантию нормального саморазвития и нашла правовую защиту всех своих интересов. Фактически сейчас национал-социализм не является политической партией, а ярким выражением чаяний всего Германского народа.

Совершенно особое положение занимает наш Казачий народ. Его особенности так очевидны, так ярки и рельефны, что проявляются на каждом шагу и каждым отдельным казаком, каково бы ни было его политическое верование. Следует отметить характерный факт: воспитывавшийся на протяжении столетий в духе всероссийского централизма, в понятии о себе как о «сословии», окруженный со всех сторон историческим хламом казенных писателей, казак сумел сохранить в себе казачье самосознание. И даже в самые тяжелые моменты царской реакции он жил своей особой жизнью, исполняя приказы свыше, но не теряя своего лица и не забывая о своей традиции и Правде.

Казачество чуждо было партийным лозунгам многочисленных политических делений бывшей России. Если же выслушивали заезжих агитаторов и не передавали их по «казенной принадлежности», то исключительно только из-за желания побольше выслушать, а потом своим умом разобраться во всей этой политической смеси.

Тесное единение среди Казачества существовало с первых же дней его зарождения. Были и на Кругах и в Радах свои оппозиции, но они меньше всего касались политических тем. Были и свои ошибки, в результате коих Казачий народ нес большие жертвы, вплоть до потери своей территории, но несмотря на тяжелые удары судьбы он не забыл о своих национальных интересах.

Проследив внимательно за ходом развития Казачьего национализма, необходимо признать, что все позиции Казачества, как народа, завоеваны и признаны, благодаря КНД. Этого не может опровергнуть ни один историк, по чьему бы повелению он ни писал свои сочинения.

В настоящий момент КНД переросло все политические партии. Свидетельствует об этом количество его членов и та колоссальная работа, которая ведется его центром. Массовое тяготение казаков к КНД свидетельствует о жизненности и работоспособности этой организации. Ведь в том-то и сила нашего народа, что в каких бы условиях он не жил, какие бы пространства не разделяли казаков друг от друга, они инстинктом чувствуют **свою казачью правду** и тянутся к ней всем своим существом.

КНД живет и работает на средства своего народа, его поддерживает жертвенность самих же казаков, сознающих, что казачье дело нужно делать казачьими же руками. Вся пресса КНД, вся переписка и все заботы о помощи каждому казаку, все советы по всем вопросам, все делается **исключительно** на средства самих же казаков, у Казачества нет меценатов, прихоти ради поддерживающих многочисленных политиков.

КНД сегодняшнего дня являет собою многотысячную армию искренних казачьих патриотов, которую ничто не остановит на его пути к осуществлению казачьих интересов.

С глубокой верой в успех и конечную победу своего дела, при дружной поддержке своего народа КНД ведет свою работу. На этой вере зиждется все. Не будь ее, не было бы смысла тратить столько сил и энергии. КНД верует, верует в то, во что верует весь Казачий народ.

Из писем в Редакцию.

...Никакие пытки и лишения, какие испытывало на себе славное Казачество, не могли убить у казаков их свободолюбивого духа и постоянного стремления к свободе, к казачьему праву на жизнь. Казаки поняли, что это право они могут полностью и окончательно закрепить лишь своим активным участием в дальнейшей борьбе против большевизма за освобождение своего народа. Казаки полны желания до последней капли крови защищать свои родные Земли против заклятого большевизма. И не таков закон природы, чтобы стремящееся к жизни и всеми силами отстаивающее свое право на жизнь бесследно исчезло. Так и проявляемая ныне Казачеством колоссальная жертвенность не может и не должна исчезнуть бесследно, но наоборот должна принести для Казачьего народа новую свободную жизнь, на которую казаки имеют несомненное право.

Находясь далеко от родной казачьей Земли, казаки выражают глубокую уверенность, что германскими властями будут созданы все условия для еще большего под'ема морального состояния Казачества и удовлетворения его неотложных нужд.

Казаки же, как с винтовкой в руках, так и на трудовом фронте будут крепко стоять в передних рядах борьбы для окончательного разгрома и уничтожения общего врага — большевизма.

«Казачий Вестник» для нас всех является большим моральным вдохновителем, выразителем наших казачьих чаяний и стремлений и ярким указателем нашей казачьей дороги, вот чем об'ясняется наша к нему любовь и преданность.

Илларион М. Знаенко. (Триер).

Др. Інж. Сергій Єрмоленко.

Територіяльне комплектовання військових частин.

Соціологічні досліди нам доводять, що всі людські вищі обєднання повстали або з поодиноких родин, або також з груп. І як не дивно, але при виниканні вищих чи ширших об'єднань все ж затримуються в більшій чи меньшій мірі і попередні ступені організаційної схеми.

Військова організованість, яка має за завдання оборониги, а то й здобувати, життьові потреби суспільних організацій, повстала з першими суспільними клітинами. Зо зміною організаційних систем вищих звязків суспільства мінялася і організаційна система військових формувань.

Нема сумніву, що в малих розмірах перших суспільних звязків військові формування, маючи форму ополчення або ватаги (дружини), поповнювалися на територіальнім або національнім принципі. Територіяльний принцип комплектувань був як правило у однонаціональних звязків, хоч при цім не є виключена можливість дальших звязків національно-територіяльних формувань під одним проводом. При великих організаційних комплексах комплектования переводились територіяльно по менших адміністративних одиницях.

У вищих звязках, переведених сторонніми чинниками, покликаними або накинутими завойовниками, принципу територіяльних військових формувань вживається лише в помічних військах з підбитих народів, тоді як основні військові сили, на яких спирається влада, формується на національнім принципі з панівного народа або рекрутується з ріжних народів сторонніх чи навіть і з підбитих.

Щодо військового духу, — боєздатности військових частин, то в більшості виявилося, що формації, територіяльно комплектовані, мають максимальну боєздатність. Так, римська імперія мала гальські, іспанські, германські, малоазійські, армянські легіони; всі великі завойовники, які виходили з азійських степів: Атила, Чінгіз-хан, Тамерлан та ін. мали армії, зорганізовані **по національному принципу.** Так і всі завойовники, поруч власних елітних військ, комплектованих з панівного народа, покликували помічні війська з підбитих народів, організовуючи їх по національно-територіяльному принципу.

І козацькі військові формування переводились власними заходами теж по територіяльному принципу. Військо Запорозьке в Січи поповнювало кадри новиками з паланок або з городового козацтва України, придїлюючи їх до своїх курінів по територіяльному принципу. Так само і в усіх останніх козацьких Військах — Слобідської України, Дону, Кубані, Тереку, так і в Сібіру, на Далекому Сході і в киргизьких степах — полки комплектувалися по полкових отділах, округах, а навіть окремі сотні мали свої сталі райони комплектувань.

Новітні військово сильні держави, як Німеччина і Франція, провадили комплектування своїх військових формацій теж майже цілковито по територіяльному принципу. І лише ті великі держави, які мали в програмі денаціоналізаційно-уніфікаційні плани, старалися провадити комплектування своїх військ так, щоб чужонаціональний елемент був розріжений. Але і тут політичні та традиційно-військові вимоги примушували полишити національно-територіяльні формування: польські улани та угорські гусари в Австро-Венгрії, козацькі війська в Росії.

Територіяльне комплектування військових частин має багато додатніх сторінок та сприяє підтриманню і навіть виникненню військово-вартінних властивостей у комплектуємого елементу.

Вже сама мобілізація пробігає за простішим планом і коштує дешевше тому, що новобранці чи резервовики з одного району без зайвого комбінования приходять організовано і при належній контролі у частини, що в більшости є недалеко розташовані. Само навчання провадиться скорше та доцільніше, бо кадри докладно пізнають здібности і менталіту контінгентів, що приходять з одних місцевостей, а то й родин. Воєнне у вільним часі перебуває, так би мовити, у близькім середовищі своїх товаришів з дому, заховує між собою товариськість, стримуються від неморальностей і невідповідного поступования — все, що виходить з норми слушности близького середовища може залишити на винникові пляму до кінця його життя дома. В полі, в бою, при скрутних обставинах або в нужді військового часу воєдно вже з домашньо-сусідських чи кровно-родових побуджень виявляє більше самопожертви.

Територіяльне комплектування та перебування кадрів у найближчій місцевості контінгентів уможливлює покликування резервистів до частіших вправ. Тим більше, що і час вправ можна установлювати так, щоб це найменше перешкоджало бігу господарського життя, а це значить, з найменшою стратою для національного дорібку. Стан сучасної техніки, а з тим і зміни тактики бою, вимагають, щоб вправи-маневри відбувались як можна частіше.

Всі вигоди територіяльних військ помножуються, коли підстаршинство й старшинство, наскільки дозволяють їхні контінгенти, також поповнюються по територіяльній схемі. Кожний резервовий старшина і в цивільнім житті є в більшості начальником своїх підлеглих, а знаючи її доподрібна, зможе як найдоцільніше з ними оперувати як на маневрах так і в бою. Подібно і рядове козацтво не тратить поваги до командного складу і постоїть за нього до посліднього. Це все є не лише теоретизованим, а вже давно доведено бойовою історією козацьких військ.

У формуваннях на територіяльнім принципі виявлення ворожих елементів можна перевести з найбільшим ефектом, бо діяльність більшости пробігала в місці народження або в місці приписки. Діяльність кожного підозрілого, який мінял більше разів місце перебування, легше переконтролювати інформаціями з частин територіяльно комплектованих.

І нарешті, — коли б між старшинський склад дістались все ж непевні елементи, то вони, маючи під собою добре перевірених, не зможуть виконати ворожих чинів більшого військово-стратегічного значення. Тактовне переведення такої перевірки й відсунення непевних до помічних частин дає ще більшу запоруку, що й неактивні прихильники ворога будуть корисно вижиті на цім боці.

Запорукою докладности і вірогідности перевірки може бути єдино те, щоб її переводила контрозвідка та військова поліція, зформовані з найпевніших елементів.

Само собою розуміється, що перевірка та взяття під повний догляд непевних не має мати на меті помсту а лише забезпечення патріотів від підступних прихильників ворожої сторони.

Відомим є, що крім соціально-політичних факторів боротьби є ще і національні; тому то, для підхоплення всіх сил ідучих на безкомпромісову боротьбу, при територіяльності військових комплектувань бажано дотримуватись і національного принципу. А цей для задоволення почуття національної гідности й культурної справедливости вимагає, щоб старшинство було однонаціональним з воїцтвом. Всі протибольшевицькі елементи терпіли, так або інакше, в «совітському раю», а тому належним відношенням до них в найскоршім часі можна буде їх зформувати по цей бік фронту і дати запоруку однозгідним з ними силам, що є по той бік бойового фронту та боряться активно за свої ідеали.

И. Бочаров.

Историческая справка.

На многочисленные запросы казаков относительно положения атаманского вопроса даем краткую историческую справку.

До российской революции 1917 года Казачество не имело своих Войсковых Атаманов, выявляющих волю и чаяния самого Казачества. Русские императоры казакам назначали Наказных Атаманов, которые обязательно должны были быть не из казаков. В большинстве ими были лица даже сомнительного русского происхождения, которые ни Казачества, ни его истории, ни его потребностей не знали. Цель такого назначения была очевидна. Атаман из казаков, какой бы он не был ископоклонник царя, не переставал бы любить и болеть за Казачество, а тогда проводилась политика, направленная к тому, чтобы лучшие казачьи интеллигентные силы не работали в своих Казачьих Землях, их старались рассовать по далеким и глухим уголкам быв. России. Казачий Народ этим обезглавливался и физически и духовно.

Только с началом российской революции Казачество, освободившись от московско-петербургского гнета, восстановило свою свободную государственную жизнь со всеми атрибутами своей казачьей власти — Атаманами, Кругами и Радой.

Первым после революции Донским Войсковым Атаманом 18 июня (2 июля)*) 1917 года Донским Войсковым Кругом был избран Алексей Максимович Каледин, возрождавший самобытную государственность Вольного Дона. Он трагически погиб 29 января (11 февраля) 1918 года.

30 января (12 февраля) 1918 г. был избран Анатолий Михайлович Назаров, которого большевики расстреляли 12 (25 февраля) 1918 г.

После этого донские казаки, не сложившие своего оружия перед московским большевизмом, ушли под водительством Походного Атамана ген. П. Х. Попова в знаменитый Степной поход. Дон остался без своего Войскового Атамана.

Весной 1918 года в донских станицах началось поголовное восстание против оккупировавшего Казачьи Земли большевизма. В начале восстания депутация от казаков ст. Константиновской, Раздорской и 9-го полка, во главе с Войсковым Есаулом Сиволобовым обратилась к находившемуся тогда в ст. Константиновской ген. Петру Николаевичу Краснову с просьбой принять на себя руководство восставшими казаками и об'единить вокруг себя все казачье противобольшевицкое движение, но ген. П. Н. Краснов в то время отказался от такого предложения.**)

По предложению, созданного восставшими казаками, Временного Донского Правительства верховное командование было сосредоточено в руках походного Атамана ген. П. Х. Попова.

«Круг Спасения Дона», приняв Основные законы, 3 (16) мая 1918 года избрал Донским Войсковым Атаманом ген. П. Н. Краснова, который был переизбран и IV Войсковым Кругом, созванном из представителей от всех станиц и воинских частей 15. 8. 1918 г.

2 (15) февраля 1919 г. Войсковой Круг выразил недоверие командующему Донской армией ген. Денисову и его начальнику Штаба ген. Полякову, которых Круг признал виновными за утрату боеспособности армии и за расстройство борьбы Дона против большевизма. Ген. П. Н. Краснов выраженное недоверие указанным генералам отнес к себе, как верховному руководителю Донской армии, заявил о своей отставке, которая и была принята Войсковым Кругом.***)

6 (19) февраля 1918 г. Донским Войсковым Атаманом был избран ген. А. П. Богаевский.

После того, как красные полчища вытеснили казаков из пределов их родной Казачьей Земли, донские казаки, не прекратившие своей борьбы против большевизма, ушли сначала в Крым, где снова продолжали свою борьбу против большевиков, а потом за границу, куда вышли во главе с своим Войсковым Атаманом, Правительством, членами Войскового Круга, остатками своей армии и частью населения, не пожелавшего остаться под большевицким игом.

Согласно § 20 Основных законов Всевеликого Войска Донского, принятых и утвержденных Большим Войсковым Кругом 10. IX. 1918 года, Войсковой Атаман избирается на три года. Этот срок генералу Богаевскому истекал уже за границей, но зарубежное Донское Казачество не произвело переизбрание Войскового Атамана, руководствуясь той мыслью, что таковой был избран всем Войском, являясь представителем всего Войска, а в случае перевыборов Атамана, таковой бы уже являлся фактически выявлением воли только ушедших за границу донцов и был бы только зарубежным Атаманом. Благодаря этому ген. А. П. Богаевский был на своем посту до своей смерти, последовавшей в Париже 6 (21) октября 1934 года.

Желая сохранить институт Атамана и не желая остаться без возглавления, донцы произвели выборы Донского Атамана. При этом выборы эти производились не членами Донского Войскового Круга, ушедшими за границу, а вообще донскими казаками, в форме общего голосования за выставленных кандидатов (плебесцитом).

Одной из главных причин такого решения было то обстоятельство, что члены Войскового Круга за давностью времени уже не могут отражать мнения своих выборщиков и их воли, а за этот промежуток времени уже выросло новое поколение, которое также имеет полное право на решение казачих дел и беспорное в них участие.

26. 5. 1935 г. за рубежом Донским Атаманом был избран ген. М. Н. Граббе, который по истечении трехлетнего срока своих полномочий, отказался от перевыборов и самовольно продолжал и дальше считать себя Донским Атаманом.

Вполне естественно, донцы не могли согласиться с явным нарушением своей Конституции и самоуправством ген. Граббе и произвели выборы Донского Атамана, в результате которых на пост Атамана избранным на трехлетие 1939—41 г. г. оказался бывший Походный Атаман ген. П. Х. Попов, пребывающий ныне в Праге.

После смерти ген. Граббе, последовавшей в Париже 23. 7. 1942, его дочь обратилась к ген. Черячукину с предложением принять «атаманский пост» после смерти ее отца.

После отказа ген. Черячукина, она обратилась с аналогичным предложением к ген. Ф. Абрамову, который также отказался и предложил принять «атаманство» генералу Татаркину. Конечно же, такая семейная передача «атаманства» незаконна и не выдерживает никакой критики, не говоря уже о том, что пост Атамана не является наследственным или тем более, фамильным делом, а делом и достоинством всего Войска. Таким образом, последним законно избранным Донским Атаманом был ген. ген. П. Х. Попов.

В октябре 1917 г. Кубанской Краевой Радой был избран Кубанским Войсковым Атаманом А. П. Филимонов, который был вторично избран 5 (18) декабря 1918 г. Под давлением генералов Покровского, Врангеля и их приспешников из казаков, ген. А. П. Филимонов, после разгрома Кубанской Рады, арестов членов Рады и казни А. Кулабухова, вынужден был отказаться от поста Атамана.

12 (25) ноября 1919 г. Кубанским Войсковым Атаманом был избран ген. Н. М. Успен-

---

*) Даты по новому стилю указаны в скобках.

**) «Донская Летопись». Том 3.

***) Там же.

Инж. В. Б.

Этапы хозяйственного развития.

Выдержки из экономического очерка Каза-чьих Земель.

(Окончание).

По мере расширения территорий и отодвигания полосы борьбы с соседями, начал образовываться известий безопасный тыл и центр.

В обиход казачьего народного хозяйства начало входить хлебопашество. Хронологически это совпадает с послепетровской эпохой Русской истории, конец предыдущего периода которого ознаменовался для Казачества взятием Азова и выходом к морю. В толщу не тронутого, быть может, от сотворения мира чернозема, врезывался плуг земледельца. Все же земледелие еще не являлось тогда преобладающей отраслью народного хозяйства. Во втором периоде экономического развития Казачьих Земель, таковым оставалось скотоводство. В качестве второстепенных отраслей народного хозяйства сильно развивавшимся на этом этапе были и рыболовство и пчеловодство. Наметились также и некоторые виды промышленности. Касается это особенно каменно-угольной промышленности Дона, где добыча каменного угля началась впервые уже в 1789 году.

Торжество хлебопашества, занятие им первого места в народном хозяйстве Казачьих Земель и оттеснение скотоводства на второе место, кладет начало в 1860-70 г. г. третьему периоду нашей хозяйственной истории. Оборудование портов и возможность подвоза к ним хлеба по прокладывавшимся железным дорогам, открыли перспективы экспорта, стимулируя запашку новых площадей. Земля расхватывалась. Сбор зерновых культур рос прыжками. Работа на волах сменилась лошадиной запряжкой. Примитивный плуг уступил место широко распространившемуся плугу Сакка, а тяжеловесная неуклюжая деревянная борона — стальной бороне зиг-зага. Все более входило в обиход применение усовершенствованных сельско-хозяйственных машин.

С уменьшением количества свободной земли постепенно стали развиваться более интенсивные культуры. Стремительно росла площадь посева подсолнечника. Входили в оборот технические растения. Достигло расцвета табаководство. Став менее важным для народного хозяйства, не потеряло свой удельный вес и скотоводство, наоборот начали развиваться его новые отрасли, например, свиноводство. Начинают подумывать об эксплуатации и лесных богатств. Появляется и стремительно растет промышленность — и сельско-хозяйственная, и горно-заводская, и добывающая, и обрабатывающая. Развитие отдельных ее видов может конкурировать по темпу с ростом промышленности Соединенных Штатов: от 1860 до 1890 годов добыча, например, угля Донбасса, возрастает в 110 раз, а в 1916 году — в 292 раза! Рука человека протягивается к недрам земли и открывает новые и новые богатства. Начинается эксплуатация измеряющаяся миллиардами пудов запасов нефти. Намечается разработка залежей цветных и благородных металлов. Стоимость экспорта всех продуктов из Казачьих Земель доходит до сотен миллионов рублей. Казачьи Земли связываются крепкими нитями товарообмена с заграницей и входят в качестве активного участника в мировое хозяйство. От роли «житницы России» они переходят к роли поставщика зерна для Западной Европы, вывоз куда зерна из Северной Америки стал перед войной показывать тенденцию к сокращению, создавая благоприятную конъюнктуру для наших хлебов. Великая война разорвала нити протянувшиеся заграницу, но не остановила хода наших экономических успехов. Третий исторический период хозяйственного развития Казачьих Земель это годы небывалого под'ема и быстрого преуспевания всего нашего народного прогресса под знаменем земледелия. Начался этот этап полстолетия тому назад. Кончился — под пушечные залпы большевицкой войны, ознаменовавшейся всесметающим смерчем регресса и упадка.

—

А. Ленивов.

Исторические места на Дону.

28. **Потемкинская ст.:** Станица ранее называлась Зимовейской, родом из нее был Емельян Пугачев. В 1774 году по повелению Екатерины II ст. Зимовейская переименована в Потемкинскую, родной дом Пугачева сожжен и пепел от него разметан по ветру; место, на котором стоял дом, разборонено плугами, жена и дети Пугачева сосланы в ссылку.

29. **Пятиизбянская ст.:** Наименование станицы имеет историческое прошлое. В старые времена казачество, пребывая долгое время в несемейном положении, обыкновенно, ставя городок, расселялось компаниями (группами) в куренях (или избах), довольно обширных и поместительных. Отсюда, вероятно, и происходит название ст. Пятиизбянской (очевидно, при основании ее было пять таких изб).

Перед Булавинским восстанием на Дону существовал и другой казачий городок, носивший аналогичное название: он назывался Трехизбянским; родом из него был сам Кондратий Булавин.

30. **Пять Братьев:** Курганы, расположенные около ст. Елизаветинской .В дни борьбы казаков с турками играли роль сторожевых холмов. Займище, шириной в 30 верст находящееся между устьем правого рукава р. Дона—Мертвым Донцом и главным гирлом Дона, всегда заливается водой. И тогда на этом залитом водой пространстве, оставался один возвышенный остров, на котором стоят курганы — Пять Братьев, далеко видные во все стороны.

31. **Раздорский (Донецкий) остров:** Остров образуется двумя устьями р. Сев. Донцом и р. Доном; в XVI стол. являлся станом «Главного Войска» Донского. Городок Верхние и Донецкие Раздоры (первое упоминание о нем относится к 1571 г.) располагавшийся при впадении зап. рукава р. Сев. Донца в р. Дон, являлся столицей Войска Донского в период с 1549 г. по 1622 г. Также и в 1643 г., когда Черкасский городок был сожжен татарами, столица Войска временно была перемещена в Донецкие Раздоры. В описываемую эпоху на Раздорском острове располагались и другие городки: Семикаракор, Кочеты и Бабей.

Название Раздоры никак не ведет свое начало от того времени, когда казаки не поладили между собой в 1573 году и известная часть их отделилась от Войска: одни двинулись с Ермаком на Сибирь, другие с Шадрой на Терек и третьи на Яик.

Прозвище Раздоры носит несомненно другой характер происхождения, хотя-бы потому, что по историческим документам, относящимся к середине XVI ст., видно, что на Волге близ Камышинки существовало т. н. Раздорское Урочище.

32. **Ратный городок:** В царствование Алексея Михайловича, именно в 1660 г. близ Черкасского городка, для приходивших на Дон московских войск, был поставлен т. н. Ратный городок, в скором времени срытый.

33. **Рыгчинское городище:** Около хут. Рыгина, ст. Каменской, при раскопках, веденных в 1901 г., обнаружено местонахождение самого большого на Дону городища, названного Рыгинским. Городище относится к периоду II века, когда через Дон проходили орды готов.

34. **Семикаракорское городище:** Находящееся в окрестностях ст. Семикаракорской городище представляет собой памятник византийского периода.

35. **Сиротинская ст.:** Станица является одной из наиболее древнейших станиц на Дону по своему основанию, каковое надо относить примерно к началу XIV стол. Основанием для формулировки подобного утверждения служит предание о том, что накануне Куликовской битвы (8 августа 1380 г.), казаки Сиротинского городка поднесли образ Пресвятой Богородицы вел. кн. Дмитрию Иоанновичу. Предание это, записанное донскими историками, сохраняется и поныне.

36. **Старочеркасская ст.:** Станица Старочеркасская — быв. Черкасский городок, является одной из наиболее древнейших станиц по времени своего образования и наиболее славнейших по своей истории, составляющейся из борьбы донских казаков с турками, татарами и ногайцами в продолжении двух с половиной столетий, разыгрывавшейся главным образом на пространстве между крепостными стенами Азова и деревянным палисадом Черкасского городка. Начиная с 1645 г. и до 1805 г., когда был основан г. Новочеркасск, столица Войска Донского находилась в Черкасском городке. В 1650 г. в городке построена первая деревянная церковь — выполнение казачьего обета во время Азовского сиденья.

Старочеркасский собор, построенный в 1719 году, поражает массивностью своих стен: огромные, мрачные подвалы в былое время служили тюрьмой. В ризнице собора сохранились облачения на аналои, сделанные из драгунских чепраков с прусскими черными орлами, отбитые казаками полка Себрякова в Семилетнюю войну в бою при Грос-Егерсдорфе в 1757 году, при разбитии ими полка немецкого принца Брауншвейгского. У входа в собор висели цепи, которыми был скован Степан Разин ,томившийся в заключении в одном из подвалов собора.

Ефремовский женский монастырь находился в здании старинного усадебного дома Атаманов Данилы и Степана Ефремовых, пожертвованного их наследниками в 1831 году под монастырь. В монастырской ризнице сохранялся покров на аналои, сделанный из шелкового халата персидского шаха, отбитого Атаманом Данилой-Ефремовым в походе на Персию.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

— Весной всегда так, погода изменчива, — сказал в ответ Иван Василич, — иногда и в мае снежок сыплет... Для садов тогда плохо... плоды гибнут. —

В утренней дымке показались хуторские хаты. Проехав бревенчатый мостик, перекинутый через речку, поднялись на пригорок, где стояла ветхая деревянная церковь. Полусгнившая деревянная черепица на покачнувшейся главе, склонившаяся на бок колокольня с выросшей на ней рябиной, обильно поросшая ягелем крыша — все говорит, что не первый десяток лет стоит хуторская церковь, но никому в голову за время войны не приходило, хоть маленько поправить ее. Кругом бедное могилами, но поросшее обильной зеленью кладбище. Через небольшую площадь против церкви такое же ветхое хуторское правление. Хутор был небольшой — насчитывал всего лишь семьдесят дворов и в административном отношении подчинялся станичному атаману. Под'ехав к правлению Заболоцкий и Паталаха справились у дежурного, где хуторской атаман, и узнав, что он еще у себя дома, поехали к его хате.

А в это время у станичного правления сотник Рева собирал свой отряд. К назначенному часу с'ехались все желающие уйти из станицы и, когда нужно будет, не на живот, а на смерть сразиться с ворогом и показать ему казачью силу. Не согнутся казачьи шеи перед властью Хама, найдется еще порох в пороховницах, развернутся казачьи плечи, заблестит на солнце сабельные клинки, и вновь казачество вздохнет вольно и свободно.

С веселыми лицами под'езжали молодые казаки к строю и отдавая честь сотнику Реве, вставали в ряды. На правом фланге находился подхорунжий Чеховской, назначенный сотником командиром взвода. Сотник Рева — среднего роста, широкоплечий, с красивыми пышными усами на обветренном и загорелом лице, стоял на крыльце правления, голубыми добрыми глазами, поглядывая на под'езжающую молодежь. Возле него стоял дежурный и больше никого. Никто не пришел провожать казаков — все простились дома... Зачем видеть лишние слезы матерей, жен, сестер, зачем разстраивать себя и их, уж лучше так: вскочил на коня во дворе, выехал за ворота и бувайте здоровеньки...

— А ты, Мишка, на чьем коне? — спросил сотник Михаила Еременко.

— На Степанковом, господин сотник! — ответил молодой казак, занимая место на левом фланге.

— А он как же без коня останется?

— Ему мужики дадут, господин сотник! — засмеявшись ответил Еременко, осаживая коня, чтобы выравнять линию фронта.

Михаил Еременко, исполняя поручения отца, забегал к своим однолеткам — казакам приготовительного разряда — и, узнав у них, что они пойдут с отрядом сотника в горы, решил уходить из станицы.

— Не пришлось нам повоевать в Великую, так зато повоюем теперь за свою родную Кубань! — говорили приятели Михайла, собирая все необходимое к походу.

Вернувшись домой Михайло заявил родителям о своем решении и просил у них благословения. Мать, конечно, всплакнула, но отец — старый воин — одобрил желание сына и наградил его Степановым конем и шашкой.

— Должен был ты, Мишка, служить в пластунах, да Господь Бог судил по-иному... Седлай «Красавчика» и будь добрым казаком! — говорил отец, благословляя сына.

— А как же Степан-то будет, папаня?

— Тому шелапутому не нужно ничего... Связался с извергами... Пьют, поди, на радостях-то, анафемы! — старик сердито сплюнул, но сразу же изменив голос на более ласковый, стал давать младшему сыну наставления.

Михайло увязал вьюк и, не взирая на слезы больной матери, с облегченным сердцем выехал со двора. Двадцать первым он подъехал к строю и после него уже не было никого.

Сотник Рева отдавал распоряжения, готовясь к выступлению. Из станичного правления вынесли запасное оружие и патроны и нагрузили на подводу вместе с продовольственными вьюками; под'ехало сторожевое охранение, сделали расчет «по три» и взвод вытянулся вдоль улицы, идущей от площади на хуторской шлях.

«Молодцы ребята, — подумал сотник, чуть заметно улыбаясь, — с ними не пропадешь!» — и ловко вскочив в седло, стал впереди колонны.

— Счастливо оставаться! — крикнул он дежурному и добавил: — Охраняйте станицу, не давайте хозяйничать этой сволочи, вам же хуже будет! — и подняв вверх правую руку с атаманской насекой, которую захватил с собой, чтобы передать ее в горах станичному атаману, скомандовал: —Шагом марш! Песню!

Но в это время с колокольни раздался удар колокола, призывавший прихожан к ранней обедне, и сотник снял с головы мохнатую каштановую шапку, перекрестился. Казаки последовали примеру офицера и молча проехали по станице.

(Продолжение следует).

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 РМ за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Попов Григорий, фельдпост 06100, разыскивает оставленную в Белостоке жену Евдокию Бруенкову-Попову, с двумя детьми: Владимиром и Михаилом.

— Теренik Степан, разыскивает Цыбулю Ивана Семеновича, эмигрировавшего в 1920 г. из Кубани, ст. Запорожской. Кто знает его местопребывание, прошу сообщить по адресу:

Terenik Stepan, Stadt Steyr (Ob. Donau) Gaukinderheim, Wieserfeldplatz 18-22.

— Капинус Анастасий, разыскивает родственников из с. Ново-Георгиевск, Терского округа: брата, Капинус Ивана Дмитриевича, Капинуса Ивана Семеновича, дядю Сухолинова Ивана Кузьмича и из Кубани — обер-лейтенанта Хаижосова Федора Дмитриевича. Писать по адресу:

Kapinus Anastassii, Kr. Gr. Strelitz, Quellengrund, Bauenederkstetten des L. G. k. VIII.

— Лесик Володимир, розшукує з родини на призвище Івашкевич Йосиф, Марія, Іван, Евстахій, Іванна, Зофія, Крепська Наталія и Корнило, котрі виїхали в днях 27 липня 1944 з Турки окр. Дрогобич до Протекторату. Розшукує також Липка Йосифа професора зі Скалата, повіт Тарнопіль, котрий перебував в Турці окр. Дрогобич, виїхав в днях 27 липня 1944 з Турки з оперним Українським театром до Грацу.

Розшукую адресу особи, яка була урядовцем в ляндкомісаріаті в Турци окр. Дрогобич й виїхала в напрямку на Відень або Ніколяусбург, на призвище Баран Петро. Теж розшукую адресу Комарницького Йосипа, котрий знаходиться коло Праги, є урядовцем залізної дороги, походить він з Турки окр. Дрогобич (Галичина). Писать на адресу:

Lesyk Wolodymyr, b. Bauer Arnold Frecking, Lager Holthausen über Burgsteinfurt Bz, Münster.

Грищенко Кузьма, разыскивает родственника Петра Феодосеевича Мудрак, эвакуированного с Кубани.

K. Grischtschenko, Watenstedt, über Braunschweig, Lager B. Baracke I. Stube 3.

Котельникова Александра, ст. Потемкинской, Дон, разыскивает братьев Чиковых и Фоминовых из ст. Потемкинской, Воробьевых и Котельниковых из ст. Верхне-Курмоярской. Писать на «Казачий Вестник».

—

Правление Казачьей Национальной Станицы в Праге сообщает, что в помещении сбора Станицы на Гавличковой ул. 3, Прага II, будут проводиться каждую субботу от 6½ до 8 часов вечера закрытые собрания с участием только членов КНД. После 8 час. вечера на собрании могут быть приглашаемые членами станицы гости.

ский, который умер в конце декабря того же года.

31 декабря 1919 (12 января 1920 г.) на пост Кубанского Войскового Атамана был избран ген. Н. А. Букретов, отказавшийся от поста Атамана в Грузии, в мае 1920 года, и передавший на основании § 51 Кубанской Конституции обязанности Атамана и атаманскую булаву председателю Кубанского Правительства В. Н. Иванису, который согласно § 51 Конституции, являлся, до выборов нового Атамана, исполняющим обязанности Кубанского Атамана.

В Крыму официальным представителем Кубани являлся В. Н. Иванис, признанный, как другими Войсковыми Атаманами, так и ген. Врангелем и заключавший в то время от имени Кубани договорные отношения. На основании § 51 Конституции В. Н. Иванис обязан был, как председатель Кубанского Краевого Правительства, произвести выборы Войскового Атамана, чего он не исполнил.

После крымской катастрофы определенная часть кубанских казаков была эвакуирована на остров Лемнос. Здесь член Кубанской Краевой Рады Скобцов собрал совещание членов Рады, каковых там оказалось всего 35 человек. К ним по приказу военного начальства было послано 51 «представитель» воинских частей и явилось 7 казаков-беженцев. Вот эти случайно оказавшиеся на острове Лемнос 93 человека провозгласили себя Кубанской Краевой Радой, выбрали своим председателем Скобцова, а Кубанским Войсковым Атаманом ген. В. Г. Науменко. При чем протоколы заседаний этой Рады остались не подписанными, не было составлено и вручено генералу В. Г. Науменко и грамоты об избрании его атаманом.

Кубанская Краевая Рада состояла из 580 представителей станиц, городов, сел и аулов Кубанского Края. Она созывается, согласно § 12 Конституции, или Кубанским Войсковым Атаманом или председателем Правительства (§ 51). Для открытия сессии Рады необходимо присутствие не менее ⅔ ее членов (§ 13), а для действительности заседаний необходимо участие на них абсолютного большинства (§ 28).

Согласно § 38 Кубанской Конституции, Войсковой Атаман избирается Краевой Радой сроком на 4 года. Основываясь на этом законном положении и на том, что ген. В. Г. Науменко был избран за границей и что срок его полномочий истек, совещание членов Рады в гор. Новый Сад (Сербия) 1924-5 году под председательством Фендрикова постановило сделать перевыборы Атамана. Ген. В. Г. Науменко отказался исполнить постановление указанного совещания членов Рады и вопреки § 38 Кубанской конституции продолжает называть себя Кубанским Войсковым Атаманом.

Первый после революции Терский Войсковой Атаман М. А. Караулов был убит большевицкими бандами на станции Прохладная 13 (26) декабря 1917 года.

В начале весны 1919 г., после освобождения Терека от большевиков, Терским Войсковым Атаманом был избран Терским Войсковым Кругом ген. Г. А. Вдовенко.

По полученным сведениям, ген. Г. А. Вдовенко, оставшийся после ухода Германской Армии, в Белграде (Сербия) был наряду с другими оставшимися эмигрантами расстрелян вошедшими в город большевиками. Со смертью ген. Г. А. Вдовенко ушел последний законный казачий Атаман.

Итак, в настоящее время ни Казачество в целом, ни отдельные Казачьи Войска не имеют законных Войсковых Атаманов или лиц, могущих законно заменять таковых.

В настоящее время в районе временных казачьих поселений сосредоточена основная масса казаков, ушедших вместе с Германской Армией с наших казачьих территорий. Там же находятся несколько второочередных казачьих полков. Во главе всех их стоит фактически признанный Походный Атаман всех Казачьих Войск полковник Т. И. Доманов. Он совершил вместе с казаками тяжелый и трудный, свыше трех тысяч верст, путь казаков к местам их временного поселения и здесь активно работает над улучшением бытовых и иных условий зарубежного Казачества. Он и имеет моральное право называться таковым, представляя большую часть новой казачьей эмиграции.

Примечание. Считаем необходимым напомнить своим читателям, что казаки националисты всегда стояли за необходимость утверждения и укрепления института Атаманов. Они всегда были и остаются сторонниками законных Казачьих Атаманов, незыблемо стоящих на основах Казачьих Конституций, свято хранящих заветы казачьих предков и твердо и неуклонно защищающих свои казачьи интересы.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Ukrainski Museum, Praha-Nusle II,
Gutenštejnska ul.č.6.
CKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 26 (83)

4 JAHRGANG
4 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 10-го ДЕКАБРЯ 1944 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

Инж. В. Глазков.

За торжество казачьих идеалов.

Истоки современного казачьего национализма уходят далеко вглубь казачьей истории. Подкрепляются они работой целого ряда поколений сознательных и передовых казаков. Не будь этой кропотливой и любовной работы просвещенных казачьих предков, не было бы и современного Казачьего Национального Движения (КНД). Возникновение КНД является естественным и логическим результатом долгой эволюции казачьей общественно-политической мысли.

Идея казачьей суверенности родилась и жила с момента появления Казачества. Казачество исстари было самостоятельной державой или державами, хотя с неписанными, но твердыми законами, обычаями и традициями. Эту фактическую независимость героически и жертвенно защищали лучшие сыны Казачьего Народа. Если у них не было стройной, писанной идеологической программы (а кто ее имел в те времена?), если они свою борьбу не обосновывали научно, то у них было живое чувство, сознание и непоколебимое стремление отстаивать казачье Право и Казачью Родину.

За свободу и независимость своих Казачьих Земель, принадлежавших сотни лет только казакам и их предкам, Казачий Народ боролся на протяжении всей своей истории. В течении долгого времени ни Турция, ни Москва не могли справиться с Казачеством, создавшим на своих просторах свою казачью государственность.

Только силой оружия, коварством и обманом была она уничтожена, а Казачьи Земли насильно включены в состав Московии. Но физическое порабощение не убило казачью волю к свободе, не могло уничтожить дух Вольного Казачества.

С момента российской революции оборвалась цепь, сковавшая казачью волю. Казаки сразу же восстановили свое нарушенное право, провозгласив свою государственную независимость. В защиту своего национального права наш народ около трех лет боролся с новым московским нашествием.

В борьбе за свой порог и угол казачий народ был побежден, но не сломлен был его дух грубой силой полчищ московского большевизма. Казачьи Земли долгие годы были наполнены ужасными насилиями и страданиями, были залиты кровью и слезами. Невероятные лишения переносили и казаки, ушедшие за пределы своей Родины.

Но и здесь и там лучшие патриоты Казачества не прекратили своей борьбы за светлое будущее своего народа, за его честь и неотъемлемые права. Они восприняли в свои руки знамя казачьей воли и пошли по тернистому пути славных Атаманов, боровшихся за Волю и Долю Казачества. В момент полного упадка казачьего духа, в дни ужасного разброда казачьей мысли за рубежом, казачьи патриоты возродили идею Вольного Казачества, создали Казачье Национальное Движение (КНД), которое громким голосом призывает казаков мыслить, думать, работать и бороться за национальные интересы Казачьего Народа, его интересы ставить выше всего и прежде всего.

КНД не дало коснуться земли брошенному бывшими «вождями» стягу казачьей чести и свободы. И вот уже 17 лет он высится гордо и непоколебимо и к нему обращены надежды и упования всех казаков. 17 лет КНД ведет упорную и непреклонную борьбу за казачью Правду и Право.

Со стороны противников Казачества появление КНД было встречено злобой и негодованием, насмешками и оскорблениями. К этим врагам присоединились и те из казаков, которые видели в появлении КНД конец своей грязной работы среди Казачества. Называли нас людьми, оторвавшимися от реальной действительности, фантазерами и даже политическими преступниками. Сколько было козней и провокаций со стороны врагов Казачества, сколько всяких доносов и обвинений, гонений и притеснений! Были и жертвы, большие жертвы патриотов, которые умирали за идею но умирая передавали нам свой завет — донести светоч казачьей Правды до победного конца.

И время, и события со всей очевидностью показали, что единственными будителями казачьего духа и самосознания, единственными борцами за возрождение Вольного Казачества были и остаются казаки националисты. Они были и остаются бескомпромиссными защитниками самобытной национальной жизни Казачьего Народа. И если прежние противники казачьей суверенности пытаются ныне выступать в роли защитников Казачества, если они теперь опять говорят о казачьей вольности, а в то же время всячески борятся против казачьего национализма, то это лишний раз выдает их двухурушничество и попытки снова обмануть казаков, как им уже удалось это в прошлом. Это, конечно, не ускользает от зоркого глаза казака.

За короткий отрезок времени в 17 лет КНД сделало большое дело национального осознания Казачества и защиты его интересов. Теперь КНД проникло во все поры казачьей жизни. Ныне в каждом проявлении казаков чувствуется влияние и отпечаток идей и работы КНД. Казаки до тех пор полагавшиеся на то, что кто то позаботится об их судьбе, о судьбе Казачьего Народа, стали сами глубже вникать в вопросы казачьей жизни, стали задумываться над судьбой своего народа и бороться за его светлое будущее.

КНД разбудило огромные творческие силы Казачества. Оно, а никто другой, не позволило угаснуть казачьему духу, но наоборот разожгло его в большое, яркое пламя.

Все казачье и о Казачестве казаки и теперь черпают только из казачьих национальных трудов, книг и прессы, которая за 17 лет своего существования много дала неоспоримых фактов подлинной казачьей истории, о подлинных национальных чаяниях нашего народа в прошлом и в настоящем. Как раз казачья национальная печать дала толчек творчеству казачьих поэтов и писателей.

Никто другой как казаки националисты пропагандировали и популязировали казачий вопрос и казачье дело, как самостоятельный вопрос. Их заслуга, что казачий вопрос стал в разряд вопросов других народов Европы. Теперь о казачьих стремлениях уже знает весь цивилизованный мир, знают о нем и ответственные руководители иных народов.

Стремления и чаяния казаков националистов стали стремлениями и чаяниями и всего освобожденного от большевицкого ига Казачества, которое с особенной радостью и нескрываемым удовлетворением встречает работу КНД. В нем оно видит свой единственный духовный и политический центр, на него оно возлагает все свои надежды, в нем оно видит авангард казачьего национального возрождения. Все новые и новые силы нашего народа вступают в ряды КНД, которое давно уже перестало быть эмигрантской организацией и стало общенародной, пустившей глубокие корни в толщу Казачьего Народа.

Основные задачи, поставленные КНД, остаются и впредь перед Казачеством и к ним мы должны стремиться, несмотря ни на какие трудности и препятствия, ибо в успехе их кроется залог светлой будущности нашего Казачьего Народа.

Никто ни на минуту не должен забывать, что КНД борется за те самые идеалы, какие Казачество свободно выразило в своих «Кругах и Радах державных, войсковых». Свою волю и стремления Казачество точно и недвусмысленно зафиксировало в своих Конституциях, в которых ясно заявило, что оно хочет жить по своему, по-казачьи, своей казачьей государственной жизнью. Суверенной волей населения казачьи государственные образования об'единились в большой государственный союз Дона, Кубани, Терека. К этому союзу присоединились потом и Астрахань, Яик (Урал) и Оренбург. Этот Союз всего Казачества мы называем простым, понятным и близким каждому казаку древним словом Казакией, страной Казаков.

Казакию мы мыслим, как единую казачью державу. Разделительным тенденциям врагов Казачества мы противопоставляем мощную, твердую и непреклонную волю к единству, ибо мы всецело сознаем, что войсковая разобщенность была во вражеских руках средством к раз'единению и ослаблению общего казачьего дела и казаков. Кроме того, всякие отдельные попытки Войск к самостоятельному действию только снижают и ослабляют динамическую силу нашего народа. В то же самое время мы не думаем всех казаков стричь под одну гребенку, кубанцу нашивать донские лампасы или донцу надевать черкеску, но бережно относимся к особенностям каждого Войска.

Каждому должно быть ясным, что нельзя повернуть вспять ход исторических событий. Вредно игнорировать дальнейшее развитие казачьего самосознания, вычеркивая все последние события на наших казачьих просторах. Теперь должно быть каждому известно, что современная казачья программа разрослась, стала об'емистее и содержательнее. Казачьи идеалы, стремления и вожделения стали несравненно глубже и радикальнее, чем 25 лет тому назад. Казачий Народ поставил на повестку дня присущее ему право иметь свое место под солнцем, свое право на свободу, свое моральное право на участие в семье народов Европы, и от этого неот'емлемого права он никогда не откажется, но будет бороться со всей своей энергией и силой, как боролись и наши предки за свою свободу и независимость.

Инж. Ф. Полковников.

Казачья печать.

Что такое казачья печать?
Зачем она нужна?
Какие ее цели?

Казачья печать — печать казачьего народа, пользуется ли она языком русским, украинским или каким угодно языком.

Смешно было бы утверждать, что печать в Америке есть печать английская, смешно бы было утверждать, что печать в Швейцарии — французская, немецкая или итальянская.

Каждый народ имеет свою национальную печать не потому, что так «кто-то» хочет, не потому, что так «кому-то» выгодно, а потому, что национальная печать есть органическое и неизбежное выявление народных мыслей, чаяний, идей и стремлений.

Могут быть фальсификаты национальной печати, все это может быть, но и сами «фальсификаты» только доказывают неизбежную необходимость национальной печати, которая нужна каждому народу, как нужны воздух, пища, вода.

Как всякая национальная печать, неуклонящаяся от об'ективности и действительности, имеет своей задачей с одной стороны быть зеркалом национальной жизни своего народа, а с другой — помочь своему народу итти национальным путем, — **так и наша казачья печать должна быть тем необходимым путеводителем своего казачьего народа,** который так необходим особенно сейчас в дни кристализации казачьей народности, в дни выявления казачьих национальных идеалов, в исторические дни казачьего национального возрождения.

Национальная казачья печать нужна, национальная казачья печать необходима, потому что только национальная казачья печать и хочет, и может, и скорбит, и радеет о каждом казаке и казачке, о всем Казачестве.

Для национальной казачьей печати дороги и родны все казаки, для национальной казачьей печати все казаки — казаки, а различаются на казаков-националистов, понявших ход исторических движений, и казаков, еще не понявших событий, казаков, заслепленных темным прошлым, казаков, не видящих действительности, казаков, не понимающих свою же казачью будущность.

Национальная казачья печать не только нужна и необходима — национальную казачью печать невозможно заглушить, невозможно стереть, невозможно убить, национальная казачья печать будет, будет вопреки всем гонениям, будет до тех пор, пока будут существовать казаки.

Нац. казачья печать есть доказательство о существовании Казачества, казачья нац. печать не может умереть и исчезнуть раньше смерти и исчезновения самого Казачества.

Само Казачество и казачья нац. печать не есть два каких-то независимых, отдельных явлений жизни, а одно органическое целое.

Национальный путь Казачества без нац. казачьей печати был бы или невозможен или неизмерно тяжелей, неизмерно тернистей и неизмерно длинней к конечной цели всякого, как и нашего казачьего национализма — к полному своему национальному возрождению, к созданию своего национального организма.

Цель всякой нац. печати — счастье своего народа. Счастье каждого народа, к конечном итоге, не состоит, конечно, в рабстве, хотя бы и позолоченном.

Счастье каждого народа есть возможность жить своим бытом, молясь своим богам, едя свой хлеб, веселясь своему счастью и плача над своим горем.

Цель казачьей нац. печати — счастье своего казачьего народа.

Счастье казачьего народа есть полное казачье национальное возрождение под водительством лучших людей Казачества, в границах Земли Казачьей, с казачьим бытом, с казачьим счастьем, с казачьим горем.

Счастье Казачьего Народа в Национальном Казачестве, путь же к национальному Казачеству не возможен без своей национальной казачьей печати.

Мы отчетливо сознаем, что впереди еще много трудностей и лишений, много невзгод и тяжелых минут. Посему нашей работой и впредь должна руководить страстная, железная и непреклонная воля к достижению казачьей свободы. Несмотря на все трудности и лишения, мы должны при всех положениях и при всех условиях помнить и не забывать прежде всего о своих национальных идеалах и их достижении. Мы последовательно и до конца должны бороться за возрождение казачьего народа и его исконних прав.

(Инж. В. Глазков, «К. В.» № 51—52).

К 20-тилетию общественно-политической и национальной деятельности Руководителя Казачьего Национального Движения инж. В. Г. Глазкова.

Archiv „Der Kosakenbote".

В декабре месяце этого года исполняется двадцать лет общественно-политической и национальной деятельности Руководителя Казачьего Национального Движения инж. Василия Григорьевича Глазкова.

В. Г. Глазков — казак станицы Иловлинской, Всевеликого Войска Донского. Начальное образование получил в своей родной станице. Потом был определен в Донской кадетский корпус. В 1919 году он вместе с полком своего брата совершил все отступление казачьих частей и черноморскую трагедию. Глазами юноши он видел все ее ужасы. После переброски казачьих частей в Крым он, согласно распоряжения Донского Атамана, был вместе с другими казачатами отправлен опять в кадетский корпус. С ним он выехал за границу, пережил крымскую катастрофу и попал в быв. Югославию.

В кад. корпусе В. Г. был всегда первым учеником. Во время летних каникул он сам подготовился к экзамену за очередной 6 класс и в следующем 7 классе он снова остается первым учеником. Уже в кад. корпусе он проявляет особый интерес к истории и изучению общественных наук. В старшем классе корпуса он был избран атаманом корпуса.

На этом посту он много сделал в деле возрождения и укрепления казачьих традиций среди молодых казаков. Из рядов этого корпуса вышло много активных работников казачьего национализма.

После окончания кад. корпуса он не пожелал остаться в Югославии, а направился в центр казачьей зарубежной жизни в Прагу, где поступил в политехнический институт. В Праге В. Г. полностью окунулся в казачью общественную и политическую жизнь. Быстро стал секретарем Общеказачьей студенческой станицы, фактически об'единявшей все зарубежное казачье студенчество. Наряду с работой в студенческой среде, он принимал самое активное участие во всех проявлениях казачьей жизни, приобретая большой и ценный опыт в общественно-политической работе.

Когда в 1927 году основывается Вольно-Казачье Национальное Движение, он является самым молодым среди его восьми основоположников. Здесь он развернул свою кипучую энергию и приобретенный навык к работе, принимая самое деятельное участие в распространении идей казачьего национализма, в пробуждении казачьего самосознания и организации казачьих сил. В. Глазков являлся членом всех центральных органов Движения, участвует в казачьей национальной прессе, выступает на диспутах, проводя и защищая позиции Вольного Казачества.

Несмотря на самое активное участие в казачьей общественно-политической деятельности, В. Г. не забывает о приобретении нужных для Казачества знаний.

В 1930 г. он с отличным успехом, вторым из всего выпуска, оканчивает Пражский чешский политехникум, получая диплом инженера. В это время идет волна большой безработицы. При ужасной конкуренции местных культурных сил ему, благодаря исключительным способностям, удается получить место в техническом управлении города Праги. Здесь он проявляет и свои технические способности. Им выработано много проэктов городских построек, преимущественно путей сообщения, которые он сам в большинстве случаев и провел.

Работая по своей профессии, он ни на минуту не забывает о казачьей жизни и казачьем деле, где по прежнему принимает активное участие. Одновременно он зорко следит за жизнью под'яремного Казачества, находящегося под большевицким игом. Изучает тамошнюю жизнь и ее изменения, как на основании иностранной прессы, так и советской.

В 1937—39 гг. В. Г. Глазков является Председателем Центрального Правления Вольного Казачества — казаков националистов и соредактором журнала «Казакия».

С началом войны против СССР казачьими национальными группировками В. Г. поставлен на пост Руководителя Казачьего Национального Движения, об'единившего все казачьи национальные группы и группировки в одно целое.

Военные условия пред'являли очень большие требования Руководителю, как на внешнем фронте, где нужно было настойчиво и исторически правильно освещать казачий вопрос и защищать казачьи интересы, так и на внутреннем, где много было всяческих элементов, пытавшихся сорвать казачье дело.

В. Г. всецело сознавал, что без своей казачьей прессы, без своего печатного слова не может быть успешной работы по защите казачьих интересов.

Благодаря исключительной энергии и заботам Руководителя «Казачий Вестник», ставший общепризнаным выразителем идей Национального Казачества, вступает в пятый год своего издания. Этот орган издается на средства самих казаков, которые дорожат своей газетой и высоко ценят ее.

В. Глазкову, как Руководителю Национального Казачества, приходится на своих плечах выдерживать всю тяжесть работы и все нападки врагов Казачества.

В нем все видят твердого, неуклонного и в высшей степени энергичного защитника казачьих интересов и казачьего дела, безгранично любящего свой Казачий Народ. Несмотря на всю тяжесть работы, несмотря на ужасно тяжелые условия работы, он остается неизменным проводником казачьих чаяний и стремлений.

Вся деятельность Руководителя, равно как и Казачьего Национального Движения, проходит на глазах казаков, среди которых уже нет ни одного, который бы не знал о работе КНД и его Руководителя.

От всей души выражаем ему пожелания полного здравия, твердости казачьего духа и успѣха в делах на пользу и благо нашего измученного Казачьего Народа.

Г. Козловский.

Тени прошлого.

День 10 декабря для нас, казаков, является исторической датой. В этот день впервые мы ясно и открыто осознали себя и заняли себе подобающее место среди народов Восточной Европы. Не как военная каста или сословие, а как равноправный, самостоятельный народ, имеющий свое историческое прошлое и свои вековые традиции.

С иронической улыбкой встретили многие появление первого номера свободного казачьего органа.

Шло время, закреплял за собою права гражданства Казачий орган, менялись лица и обстановка, но линия его поведения оставалась ненарушимой.

За время своего существования Национальный Казачий орган пережил многое. Расколы, провокация, открытое возмущение и скрытые методы, излюбленное средство борьбы ретроградов, все это пережито вожаками Казачьего Народного Движения. Казалось бы, при таких условиях ослаб бы дух, иссякла бы энергия и все вернулось бы к первобытному состоянию:

К касте или сословию.

На деле же, все потуги врагов Казачьего народа все время играли только на руку националистам. Спором и неладами среди казаков начали интересоваться серьезные иностранные деятели, запестрела иностранная пресса статьями и заметками о казаках, как о самостоятельном народе. Националисты завоевывали все новые позиции.

Постепенно вокруг небольшого кружка людей доброй воли, посвятивших себя честному служению своей Казачьей Родине, группировалась казачья масса. Одни из них прямо и открыто вливались в национальную казачью лаву, другие, не входя в состав организации, всемерно поддерживали движение, третьи запоем читали свою прессу, занявь выжидающее положение. В общем получилось то, чего пуще всего опасались враги Казачества. Сейчас нет казака не националиста, в какой бы форме у него не выливалось это понятие.

Все казаки как один отвергают свою принадлежность к иным народам, смело заявляя о своем национально казачьем происхождении. И только незначительная группа людей, непонимающая, что хорошо все, но лучше всего свое, родное, продолжают терять время на прислуживанье тем, кто за всякую цену старается обезличить и в первую очередь их же самих.

Таково положение сегодняшнего дня.

Не будем льстить себя иллюзиями, что на нашем национальном фронте уже совсем благополучно. Наша работа далеко еще не закончена, много еще придется жить в борьбе и смятениях прежде чем достигнем сто процентной победы. К этому готовы вожди национального движения, их не смущают грядущие затруднения, они готовы с таким же самоотвержением следовать по намеченному пути. Опыт семи, осуществивших идею Национал социализма, является для них лучшей порукой возможности достичь своего идеала, довести свой народ до свободы и независимости.

Сегодня, 10 декабря 1944 года, переживая семнадцатую годовщину нашей открытой акции в пользу своего народа, мы не можем обойти молчанием тех пионеров, которые еще там, на нашей Родине, честным и открытым словом заявили о своем народе, как о самостоятельной единице. Их нет уже в живых, за волю и свободу своего народа они пали первыми жертвами кровавого большевицкого террора. Вспомним, с каким волнением читали казаки «Донскую Волну», издаваемую казаком Константиновской станицы В. А. Краснушкиным (Виктор Севский). Даже наши недруги с нетерпением ожидали выхода очередного номера, в них проявляли свои способности многие из казаков до тех пор нигде не писавшие, впоследствии из них образовался прочный кадр казачьих народных писателей.

К. Л. Бардиж, А. М. Назаров, Е. А. Волошинов, Донской Златоуст — М. П. Богаевский, А. М. Каледин, Н. С. Рябовол, А. И. Кулабухов, полк. Чернецов, заплатили своей жизнью за волю и правду своего народа.

Тени наших первых патриотов, за лучшее будущее своего народа, павших жертвою кровавого террора, взывают к возмездию. Эти жертвы для нас священны, благодаря им мы осознали, нашли себя, они первыми учили нас любить свой народ и свою волю, они первыми расчищали нам путь в нашей борьбе во имя общеказачьего идеала. Их смерть заставила нас со всей серьезностью защищать нашу правду и наши права.

И сегодня, в годовщину нашего открытого Национального движения, мы склоним свои головы перед памятью наших великих мучеников и честно дадим обещание не уклоняться и впредь от избранного нами пути ведущего к освобождению нашего Казачьего Народа и наших Земель от жидо-большевицкого ига. Как бы ни был труден этот путь, мы обязаны пройти его до конца.

Наш девиз — Казачья Воля. —

Казакия — наша цель!

М. Башмак.

Козацькі культурні діячі.

IV.

Василь Семенович МОВА (1842—1891).

Василь Семенович Мова народился 1 січня 1842 року на Кубані в хуторі над Солодким Лиманом, де втікає до його річка Мигута. Родичі його: батько, сотник Чорноморського Козацького Війська, козак куріня Дерев'янківського (потім станиця Стародерев'янківська) Семен Мова й матір Меланка.

В 1851 році В. С. Мова вступив до пансіону Чорноморської Військової гімназії, яку й закінчив у 1860 році. В тому ж році вступив на військовий кошт до університету в Харкові на філологічний факультет, з третього курсу якого перейшов на юридичний, який і закінчив «кандидатом прав».

По закінченню університету був три роки вчителем словесности, потім три роки «судебним следователем», та аж до своєї смерти був «мировим суддею». Ці дати ми встановили з його приватного листа до Олександра Яковича Конисього від 3 серпня 1883 р. Єйськ, надрукованого в «За сто літ» за редакцією М. Грушевського, Київ, У. А. Н. 1928 р., де він пише: «Учився я в Катеринодарській Військовій гімназії (в пансіоні), а потім у Харківському університеті, на військовий кошт. Сперва йшов по філологічному факультетові, але з третього курса перейшов на юридичний й закінчив курса «кандидатом прав». Служив три роки учителем словесности в Катеринодарській Маріїнській «женській училище», потім три роки судебним слідователем, а оце вже років сім Мировим Суддею й «Предсідателем», та що вже обридла каторжна служба, так й нехай тій грець».

По службових справах Мова мешкав то в Єйську, то в Усть-Лабі, то в Катеринодарі. Був жонатий, та чи має дітей, нами не установлено. Вмер порівнюючи досить молодим, не доживши навіть до 50-тьох років, 1 червня 1891 року в Катеринодарі.

В. С. Мова козак Чорноморського, а потім Кубанського Війська є з дуже цікава постать письменника, якого мало знали за його життя, як мало знають його й тепер. Одна з перлин його прози — роман в діялогах «Старе гніздо й молоді птахи» знає обмежена кількість старших людей, молодшому поколінню цей твір зовсім не відомий. Про поезії мабуть ніхто й не чув, може бути, що знають тільки єдиний його вірш, що став хрестоматійним, — «Козачий кістяк». Тому ми подаємо все що написав В. С. Мова, розбивши всі його твори на три частини: І. — проза, ІІ. вірші й ІІІ. твори, що не були друковані, які, мабуть, тепер вже пропали.

Твори В. С. Мови більшістю побачили денне світло аж по його смерти. Він почав писати ще за своїх молодих студентських років в 1860 р. Журнал «Основа» надрукував його маленький уривочок в 1861 році а потім цілих 15 років не з'явився ні один рядок з його віршів. З 1876 року він почав посилати свої праці до Галичини, де й друкувалися у всіх часописах, що виходили в той час в Галичині. Писав він багато, всі рукописи зберігав у великому порядкові й всі вони означені псевдонімами здебільшого **В. Лиманський**, але й **В. С. Мигуцький** або **В. Мигученко.**

I. Проза.

І. а) «Старе гніздо й молоді птахи». Драматичні образи. Дата написання невідома. Перший раз надруковані в «Літературно-Науковім Вістнику» Львів, 1899 р. Т. 38, 39, 41.

б) Теж. (Передрук з «Літературно-Науково Вістника»). Київ, 1908. Тип. П. Барского, стр. 223. Т. І.

в) «Старе гніздо й молоді птахи». В 5 діях і 8 одмінах, для сцени пристасував Гнат Хоткевич. Львів, 1909, стор. 216.

г) «Старе гніздо й молоді птахи». Комедія на 4 дії. Скоротив та до сцени прилаштував О. Степовик. Харьков, 1911, Тип. Н. В. Попова, стор. 95.

ІІ. Малюнки з натури. (З нотатки слідчого судді). Три мандрьохи. «Літературно-Науковий Вістник», Львів. Т. 31.

II. Поезія.

(Вірші В. Мови друкувалися в часописах: 1. В Галичині: Антольогія Руська, Діло, Зоря, Календарі Просвіти, Літературно-Науковий Вістник, Правда, Світ; 2. На Україні. Антологія української поезії, Вік, За сто літ, Основа. В цих виданнях було надруковано 33 вірші.

III. Твори не друковані.

1. Проза.

1. Драматичні пєси: а) Тривога, жарт на 1 дію, б) Куліш, Байда і Козаки, інтермедія до драми П. Куліша «Байда» в 3 картинах, в) Драма.

2. Оповідання: 1. Чабани, 2. Шептуха, 3. Сякий такий журавель, 4. Сердитий поштар, 5. З памятної книжки слідчого судді: а) Каторжний, б) Катеринщина, в) Роботяги й злодїї, г) Горпина Погибиха і Вівдя Тараниха, д) Городовик.

2. Поезія.

1. Вибірки з віршів.

3. Інші речі.

1. Розмова про давне українське життя,

2. Фізиологична вага музики,

3. Начерки та замітки слідчого судді по Чорноморії,

4. Студенты в 1860 году,

5. Критические заметки,

6. Напыщенные и пустопорожние фразы, документы и заметки, касающиеся 1864 года в Черномории,

7. Украинские орлы 1860 года,

8. Російсько-український словник — велика книжка, де заведені слова з примірами від А до И, крім сієї книжки дуже багато слів записано на карточках.

(Всі ці не надруковані твори були в Катеринодарі, де вони зараз не відомо).

Казакам никто не дарил и не раздавал прав или привилегий, а, наоборот, у них отнимали их исконние права. Не нуждались казаки и ни в каких привелегиях на свою Казачью Землю, им и только им исконне принадлежащую. Те же ценности правового или материального характера, которыми оно в действительности обладало, были добыты или созданы самим Казачеством на протяжении его исторического бытия и всегда были и есть его п р а в о м, от которого к 1917 году остались лишь остатки некогда свободного и самостоятельного Казачества.

(Ф. Донсков, «К. В.» № 13 (70).

П. Поляков.

Долдонов кум.

А случилась вся эта дела не в нашем хуторе. Случилась она в хуторе Ширяевом станицы Иловлинской. У нас такая штука и произойтить не могла... Ну, да начнем ка-сь с конца. Жил хутор Ширяев ничего себе. Обиаковенно. Кто рыбальством, кто садами антиресовался, кто был выпить мастер, кто опять же за куропатями сроду пропадал. По праздникам в церкву сходились, новостями позантересоваться и попа послухать, как крыть с амвона за выпивку будет. А хутор то агромативый: ежели вверх по Ширяю ехать верстов двадцать, ну а вниз повернешь — верстов шешнадцать долиной будет. Которые ученые те нам нижись не верили — как, говорят, быть это могеть, чтоб один и тот же хутор да разной долины был? Ну им, конешно, об'ясняли, што, ежели, мол, вверх по Ширяю ехать, то двадцать верст, а вниз, потому меньше, что другим боком Ширяя едешь, а там на четыре казачьих двора меньше, вот табе и хутор на четыре вярсты короче. Потому — у нас на Донах казаки просторно селидись... Земли, слава те Господи, хватало... Смяялись тольки над нами. Эх, вы, говорят: «вверх поширяю, да вниз поширяю»... Ну мы не серчали. Нехай шуткують.

И все бы оно хорошо было, да рази не приди и не поселись в хуторе два вахмистра сверхсрочной службы. Службу они давно отслужили. Один из них, — кум Долдонов. Энтот, как отслужился, где то в писарях, что-ли, служил. Писать здорово навострился, все бывалыча в хутор вернувшись чаво нибудь про царей разных строчит. Без царей никак он обойтится не мог. Такая у него к ним приверженность была. Ну мы ничего — мы только посмеивались. Нехай блазнит. Хуже было-б ежели-бы, скажем, горькую пил или на руку нечистым был.

Другой, помоложе чудок, ростом подлинней, Долдону родней не приходился, тот где то после службы военной все по разным побирушечным делам служил. По комиссиям да фондам каким-то. Где деньги дають. Там, говорят, и себе кой какие дяньжата насбирал — то на шаровары, то детишкам на пряники, то так возметь, ежели плохо лежало. Да. Вот так, потрудясь над сиротской копейкой и он в хутор Ширяев явился. А шапка на ем здоровенная. И прозвали его за ту шапку — Вороньe Гниздо. А первого иначе никак не звали как кум Долдонов — потому тоже бряхать был мастер. Да не так как Долдон — тот все про бывальщину какую, или как в первый раз жанился, а кум яво — тот по ученому бряхал.

Сидет, бывальча, на завалинку, а сам то ведь дед-то древний, яму годков уж с восемдесят, што-ля, было, сядой, сухой, тресется, кулаченки перед носом сучит, из носу капель идеть, а в раж войдет — одну ноженку волочить, костылем пхается, слюной брыжжет, и знай одно бречет: — Надо нам, казакам на Америку обернуться — вон иде жисть! Напишем ихнему атаману американскому, он нам курей и гусей, симянтальских коров и аршинских свиней на весь хутор пришлеть. Кажнему казаку по три кряха даром раздадим. По четыре коровы на нос придется. Вот мы тогда круг хутора запашником борозду обойдем и на етой на границе напишем — «не подходитя у нас своя власть!!!»

Или начнеть бряхать, как надо письмо великому князю писать от всего хутора нашего — возьми нас под свою руку, ваша высочество. Дай нам свою царскую милость навек нерушимо, потому без тибе труба нам, казакам, выходить...

Да-а-а. Много такого бряхал, ну мы слухали мало, потому знали, от старости ето у няво заскок. А мы-ть казаки народ какой — седину уважать приученые. Татары-те иной народ. Они говорят — шестьдесят года прошел — ума назад пошол! А мы до етого самого ишо не додули. Все шапку, бывальча, скидаем, как старика увидим. А иной старик, прости Господи, ужь годов десять под себе мочится и бабку от служилого казака не отличаеть. Такая уж закваска у нас, ничего не попишешь. Традиция называется!

Вороньe-ж Гниздо тот меньше, куды меньше бряхал. Ну когда зачинал, то больше про братьев славян. Построить, говорить государству такуя надо штоб от Варшавы до Сахалина, и што-б жил в ней самой славянин. И Вяликой Славией ее назовем. Нехай тогда исконные враги на такую государству сунуться. А мы, казаки, в ей, в государстве етой, первые лучшие слуги. С царского стола крошки подбирать будем и царей караулить станем, штоб их студенты не перебили. На студентов он здорово сердитый был. Какой молодой казачишка в студенты попадал, так он на сходе всегда шумел, штоб такого боле казаком не щитать — он, говорить, враг внутренний и своей башкой думать учится, а нам, казакам таких не надо. У нас, шумить такая традиция выходить, штоб не думать никак, а рубить колоть и веселиться в неприятельской стране. Во как.

Ну и тут мы дюже не прислухивались — нехай, думаем, старик побрешет трошки. Яму оно может заместо лякарства помогать.

И все-б ничаво было, да рази, один раз не соберись хутор на сход. Пришел и кум Долдонов и Вороньe Гниздо за ним приволокся. Они друг без дружки жить не могли. Так один за другим и ходили, как гусак за гусыней. А обсуждалси вопрос про жисть нашу и про школу на хуторе. Тут и началось. Долдонов кум шумить — меня вы слухать должны, молодые вы, говорить, ничарта не понимаете, жисти казачьей не знаете. Никаких нам школов не надо. Рубке учиться, маршировке, как во фрунт становиться, да как перед стариками шапки скидать, во и вся наука. А то — учителей заявли, грамоту учить зачали, ниччамушними дялями займаться удумали. В чем она традиция наша — а в том штоб «слухаюсь» кричать, ежели кто чаво прикажет и вся недолга. А Вороньe Гниздо и он тоже чавой-сь то шаптать стал. О том, что студентов из войска повыгонять надо.

Стали мы, все как есть, и руками развяли. Господи Боже мой. Ну что же его делать. Попробывал было-к атаман сказать, а Долдонов кум, как шумнеть на нево. — Ты чаво хотишь, а знаешь кто я? Вахмистра сверхсрочный, царю слуга и писака! А ты хто есть? Атаман и засох. Поп было попробвал — того от чехвостит так, што у попа аж борода задымилась.

Тут учитель наш встал. Тольки рот открыл, а Долдонов кум с Вороньим Гниздом так на него и накинулись. Не желаем с тобой разговаривать и конец тому делу. Иш ты, ученый, выискался! Не было у нас учителей, анжинеров да докторов и жили мы счастливо, а вот наплодились... и пошла и пошла...

Зявнул учитель, чаво-то ишо сказать хотел, а у кума у Долдонова припадок исделался, Вороньe-ж Гниздо тоже весь затрясси, на карачки стал и по полу елозить. Казаки засмущались. Ну што его делать? Ведь поперемрут деды в одночасье — што тогда с ними зачинать? Хто нам про царей да про традиции расскажет? Ведь да и только! А когда чудок отдышались все, Долдонов кум воды корец выпил, учитель возьми да и прочти тут же на сходе господина Чехова рассказик про какого то мужицкого унтера. Пришибеев по фамилии. Мы сначала и не поняли, што оно и к чему. Ну когда схомянулись — видим: бяда. Вороньe Гниздо и Долдонов кум на себе энтот рассказик прияли. Пена у них из роту пошла, вода с носу потекла, песок посыпался. Как зашумять, как заюжать. А тут как раз и вошел сам дед Долдон. Обсказали яму, што и как, а он к куму своему обернулся и говорить. — «Ты чаво-ж ето, кум, узду твою в гать, задумал, а? Царем штоля хуторским стать хотишь? Всем как есть намордники накинуть норовишь штоля? Не моготь того быть, дурак ты ненашего Бога, перешница ты репнутая! А традиция наша такая казачья — опчим казачьим кругом, всем казачьим сбором казачьи дяла ряшать. А кто из казачишек дюже шумить, того и в тюгулевку за неуважение к кругу сажають. Хош ему и сто годов сравнялось.

Поняли вы, ай нет?

Боже, Боже ты мой, какие тут дяла начались — сил нету обсказать. Чуть наши дяды на месте не передохли. Очухались чудок, коней позапрягли и поскакали начальству жалиться. А на кого? А придется им на все как есть Казачество жалиться. Перестало оно дохлые мощи за сухость их-ною уважать.

А как дале дело вышло — немного, братцы, погодите. Обскажу, ежели... Бог не выдаст.

Инж. Д. Еременко.

Семнадцать лет.

Семнадцать лет тому назад, 10 декабря 1927 года, вышел в свет первый номер журнала «Вольное Казачество», поставивший себе целью об'единить и сплотить все живые силы Казачества около идеи возрождения государственной самостоятельности Казачьих Земель; тем было положено начало Казачьему Национально - Освободительному Движению.

Покинув в 1920 г. пределы Родной Земли, Казачество, в течение семи лет, терпеливо ожидало призыва официальных казачьих возглавителей, не так давно игравших на Казачьей Земле руководящую роль, к подлинно казачьей работе, к подлинно казачьему делу. Такого призыва с их стороны не последовало, не последовало подобного призыва и из среды общественно-политических казачьих кругов, игравших так же немалую роль в судьбах Казачества. Все эти деятели занимались все время чужими — не казачьими делами, пребывая на задворках различных чужих партийных группировок и организаций, служили не казачьему делу и часто во вред Казачеству. Все они за прошедшие годы не принесли Казачеству ничего положительного, не вывели они казачью эмиграцию из состояния дезорганизации, дезориентации и глубокой депрессии. Для всех этих тогдашних казачьих возглавителей и общественных деятелей Казачество, как такового, не было самоцелью, но было всего на всего лишь привеском другого более, по их мнению, «грандиозного» вопроса. Для них казачьего вопроса просто не существовало и они всех казаков, подряд пытались загнать в чужие лагеря.

Нависла угроза самому бытию Казачества: на Родных Землях казаков физически уничтожали в сталинских застенках или же гноили в Сибирских тундрах, а за рубежом стремились духовно их обезличить. В головах казаков была путаница мыслей и целей. Возглавители же Казачества, они же одновременно и члены чужих организаций или партий, пользовались этим положением в своих, часто не совсем безкорыстных, целях.

И вот, в это тяжелое для Казачества время появляется казачий национальный орган, который ясно и определенно формулирует Казачью Программу и ставит перед Казачеством свою Казачью Цель. Появление журнала произвело, пожалуй, большое впечатление нежели удар грома среди белого, солнечного дня. Эмиграция всех народов б. России заволновалась, одни радовались за казаков, видя в них теперь своих союзников, другие, а именно те, за интересы которых Казачество больше всего проливало свою кровь, ругали инициаторов журнала а попутно и вообще казаков на всех перекрестках. Да и не удивительно!

Выход журнала в свет вызвал на поверхность глубоко скрытые казачьи думы, он точно и ясно определил положение и место Казачьего Народа среди народов б. России, создавшееся решениями Войсковых Кругов и Рады. Основоположники журнала — молодые казачьи патриоты через головы своих возглавителей, вопреки их желанию, сказали казакам открыто, ясно и четко всю казачью Правду, открыто сказали им о том, что казакам пора уже самим брать свою историческую судьбу в свои-казачьи руки, что будущее Казачества принадлежит самим казакам и никому больше, что следует ориентироваться на самых себя и на свои Земли, и что пора перестать служить «опекунам и хозяевам» белой или красной масти, следует собираться казакам под своим Казачье-Национальным Знаменем, что есть только казачьи казаки, и никакие другие, имеющие свое особое племенное происхождение, свою особую историю, особый народный быт, обычаи, нравы, свои особые физические и духовные качества, и что Казачество не сословие, но **народ**.

Так возникло Казачье Национальное Освободительное Движение. Работа первое время протекала в тяжелых условиях, были удачные и неудачные шаги, особенно если принять во внимание отсутствие у молодых казачьих работников навыка и опыта в политической деятельности в чисто национально-казачьих интенциях. Была выработана программа Движения — программа Национального возрождения и освобождения Казачьего Народа и образования Союзного Казачьего государства — Казакии. В этой программе собственно ничего нового выдумано не было. Те политические стремления и цели, которые были Войсковыми Кругами и Радой выражены в годы вооруженной борьбы с большевизмом, были казаками националистами лишь более отточены, ясно и четко отчеканены и систематизированы в определенные рамки. Государственное образование со времен Атамана тен. Каледина под длинным названием «Юго-Восточный Союз Дона, Кубани, Терека, горских и степных народов» или же «Доно-Кавказский Союз», за осуществление которого так рьяно тогда боролся Донской Атаман ген. Краснов, в казачьей национальной программе называется более коротким, древне-историческим названием — «Казакия». Казаки националисты ясно формулировали те цели, которые были глубоко внедрены в сердца рядового Казачества. Вот к этим казачьим целям стремился всем своим нутром и герой романа Шолохова «Тихий Дон» Григорий Мелехов. Он всем своим существом скорей чувствовал нежели сознавал, что нет Казачьей Правды не только на стороне красных, но и на стороне белых, а к Правде этой он всегда бурно стремился, так и не найдя ее на Родной Земле... О Правде этой — Казачьей Правде заговорили много позже на чужой стороне — на чужбине казаки националисты.

Если мы проследим пройденный семнадцатилетний путь казачьей национальной работы и проанализируем его, можем с полным сознанием ответственности заявить, что определенную, особенно идеологическую, часть нашей программы нам удалось уже осуществить благодаря систематической и упорной работе. Казачье Национальное Движение пробудило в казачьей народной массе национальное сознание, казачья политическая мысль из состояния хаоса и депрессии выведена на прямую и широкую Казачью Дорогу национального возрождения. На этой дороге поставлены ясные, точные и определенные вехи и **с этой национальной и чисто казачьей дороги не сможет уже никто Казачий Народ свернуть.** Кроме того, благодаря КНД по казачьему делу много достигнуто и в области внешней политики, о чем свидетельствует декларация Германского Правительства к Казакам от 10 ноября 1943 года, в которой Казачий Народ признается верным и честным союзником Германии.

Основанное 10 декабря 1927 года Казачье Национальное Движение (КНД) живет и работает на Казачьей Ниве уже семнадцать лет, неустанно продолжая итти к раз поставленной конечной цели. Основные задачи КНД не меняются, не меняется и направление движения к ним, не меняется Казачья Национальная дорога к Казачьей Национальной Цели, может меняться лишь тактика движения.

Мы глубоко верим в то, что, если сейчас КНД является общим делом зарубежного Казачества, то в будущем, КНД будет общим делом всего Казачества и не только за рубежом, но и на Родной Земле.

П. Поляков.

В начале бе слово.

В начале бе Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
2. Оно было в начале у Бога.
3. Все произошло через Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло.
4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

(Евангелие от Иоанна).

Когда отделил Господь свет от тьмы и твердь от вод, когда создал Он животных земных и наконец человека, дал Он человеку, венцу творения своего, великое благо — живое Слово.

Этим Словом общался Он с людьми, это слово завещали люди своим потомкам и звало оно, и говорило, и вселяло в души человеческие веру, радость, надежду и любовь.

Шли века, пробегали годы, умножалась жизнь, и росли и ширились народы по лону Земли — творению Господню.

И каждый из этих народов радовался жизни, каждый славил Творца своего в живых, кипучих, веселых сказах.

И пошли по свету сказки и рассказы. И запели люди. И зазвенели стихи их по горам и долам, — всюду где ни проходил человек.

Каждый народ в юности своей, создал свои особые песни. В них излил он душу свою, спел о любви, о небе, о вере, о морях и реках, о Боге создателе всего, и обещался во веки и нерушимо хранить в сердце любовь ко всему тому что окружает его, что видит он глазом своим, что называет он своей Родиной.

И спели северяне Калевалу, спели Немцы о Нибелунгах, о Роланде пели народы Запада, о Королевиче Марко рассказывали Сербы, о Илье Муромце зародились былины в Киевщине.

Каждый народ пел на заре своей жизни, ощущая радость бытия, радость существования своего.

И росло и ширилось по лону земли Живое Слово, и переговаривались им люди друг с другом, и роднило оно их, и каждый мог легко душу свою открыть другому.

И все всех познали, и всяк о всяком узнал правду, и еще больше, еще сильнее оценили люди дар Божий.

И пришел рассказ, народилась повесть, вырос роман, и знаем мы теперь подробно и точно, как жили деды и прадеды наши, что мучило их, к чему они стремились, что было их идеалом.

Созревали народы. Молодыми они пели, переходили позднее к рассказу, и, старясь, говорили друг другу длинные повести о своей жизни.

Давно, в незапамятные времена, родился Казачий Народ. В страшные, гиблые места попал он, построил курень свой там где сходились многие тропы, где кровавые шляхи пробивали себе толпы неизвестных народов двигавшихся с востока на запад.

В веками длившейся борьбе за родные Степи свои, в бесконечной борьбе за право на жизнь, не успевал Казачий Народ надышаться степным воздухом, не успевал оглядеться вокруг себя, отдохнуть от схваток и походов и спеть — рассказать всему миру о себе, о своих радостях. Слишком мало их было.

Не много песен дал он миру. То, о чем пел он, были лишь кровь да походы, жизнь бранная, да любовь к родимой Степи.

Слово, Господне Слово, замирало на устах казачьих, привыкших лишь к боевому гику, к военному кличу всадника.

И шли годы, под бесчисленными ударами креп Казачий Народ и, когда, казалось, пришло время расцвета,— страшная буря снова захватила Казачьи Степи. Сотнями тысячу дали казаки головы свои за Свою Землю. Бойцы, их жены, дети их, — все приносилось в жертву Степной Свободы.

В гигантской борьбе первыми возвестили тогда казаки всему миру о той схватке, которая ждет и его. И мир их тогда не послушал.

И не хватило силы, истекая кровью ушли бойцы, ушли не в первый раз. И попали в далекие, земли, старыми тропами прадедов своих, и на поток и разграбление оставили окровавленные Казачьи Земли.

И в девственной Степи воцарился пьяный хам...

Но, уйдя в безвестные, чужие края, отдохнули бойцы, оглянулись вокруг себя, поглядели прямо в лицо солнцу живительному и, несмотря на пережитые ужасы, на страшные утраты, на неуемное горе Родины Казачьей — народилось зазвенело, разрослось и пролетело по всему миру Божьему новое, прекрасное Казачье Слово.

Оно родилось в эмиграции, оно стало сильным и славным и нет в мире той силы, которая смогла бы теперь задушить или убить его.

Ибо явление его — путь Господен. Рождение его — заповедь Божья.

Запели казаки на чужбине. Прозвучали первые нестройные голоса, сложились в хоры, и ответила им Степь рассказом о своих страданиях.

В годы изгнания, в годы тяжких испытаний родилась, стала расти и крепнуть казачья литература и войдет она в общую сокровищницу человеческой культуры как ценнейший вклад. Увидят люди что при их жизни вырос и вступил в нее несокрушимый, новый колосс — Казачество.

И сейчас звенит оно, это казачье слово. Не убили его враги, не подточила поганая злоба, не уничтожили завистники.

Живет оно как доказательство неиссякаемой силы народной, живет и свидетельствует, что велик наш Бог, вложивший его в уста казачьи.

Храните, казаки, казачье Слово.
Берегите его пуще глазу.
Помагайте ему.
Говорите и вы.

Ибо если его, правдивое, убьют — что будем мы, казаки? Разве животное бессловесное.

В нем наша сила, в нем Правда наша, в нем все наше будущее.

Пусть же вечно живет Народ Казачий, ибо увидел он свет пришедший к нему через Господне Слово. А свет этот все сильнее, все ярче и светлей. Говорит он нам, что в жизнь мы **вошли.** И что нет в мире силы которая смогла бы вычеркнуть нас из книги бытия. Ибо говорил святой Иоанн:

— И свет во тьме светит и тьма не об'яла его. —

Не обнимет тьма Слово наше.
Не поглотит Казачество.
И вечно будет жить оно, славя Творца своего.
Слава Казачеству!

И. Безуглов.

Итоги.

Десятого декабря 1927 года, в г. Праге вышел первый номер Казачьего Национального журнала «Вольное Казачество».

Во главе издательства стоял донской полковник М. Ф. Фролов, которому при помощи молодых казачьих патриотов, удалось создать казачью национальную группу, задавшуюся целью воспитать казаков в духе казачьего национализма, познакомить с правдивой казачьей историей, осветить причины неудач казачьей борьбы, как против царизма, так и против большевизма.

Круг сотрудников Вольного Казачества беспрестанно расширялся, появилось много талантливых поэтов, писателей, журналистов, которые вносили свою лепту в дело казачьего национального возрождения. Многие из них за 17 лет отошли в лучший мир, но дело, ими начатое, не заглохло, наоборот, подавляющее большинство Казачества восприняло идею казачьего национализма и готово приносить какие угодно жертвы для осуществления казачьей государственности.

С 34 года начал выходить парагельно, с аналогичной программой журнал «Казакия», а с начала войны против СССР газета «Казачий Вестник».

Этим трем казачьим печатным органам приходилось преодолевать всевозможные препятствия, как в материальном, так и в моральном отношении. Каких только обвинений не появлялось в адрес казачьей национальной печати, вплоть до причастности к большевизму, но казаки националисты видели правильность взятого ими курса и продолжали свою работу с еще большим рвением.

В результате 17 летней работы у казаков имеется: 1. Казачья Национальная литература; 2. Правдивая казачья история, до этого времени излагаемая в духе российских правительственных интересов; 3. Казачья национальная программа борьбы за казачью государственность; 4. Огромный кадр сознательных и политически зрелых казаков националистов, об'единенных в Казачьем Национальном Движении; 5. Результат пропаганды казачьего национализма — Казачий вопрос, который до этого времени никем не поднимался, а если и поднимался, то только в рамках русского народа, сословием которого, якобы являлось Казачество. Декларация Германского правительства от 10 ноября 1943 года, в которой Казачьему народу признаны все права на государственную самостоятельность, — является доказательством того, что работа казаков националистов увенчалась успехом.

В итоге многолетней работы казаки националисты об'единены в единой казачье-национальной организации «Казачье Национальное Движение», задачей которого является:

Национальное пробуждение Казачьего народа, его возрождение, об'единение и создание самостоятельного и независимого государства Казакии. Легко ли было работать казакам националистам?

И легко и трудно. Легко потому, что работали среди родного Народа, ради своего кровного казачьего дела. Трудно потому, что за сотни лет душа казачья была засорена чужими мыслями, воспитываема в чуждом казачеству духе, ничего общего со славным прошлым свободолюбивого народа не имеющим. Трудно потому, что со всех сторон в наш адрес (даже из определенных кругов казачества) неслись насмешки, оскорбления, ругань, считали нас нереальными, фантазерами, а часто и просто политическими преступниками. Писались доносы на казаков националистов и при помощи местных полиций сажали казаков в тюрьмы, обвиняя их во всевозможных преступлениях.

Только теперь, когда Европа воюет уже 6-ой год за национальное возрождение европейских народов, мы можем с удовлетворением констатировать, что наш курс был взят правильно, что следуя ему, в союзе с Германским народом, мы ведем казачий Народ к его конечной цели — к торжеству Казачьей национальной идеи.

Казаки националисты должны и в будущем работать не покладая рук, дабы привести казачье национальное дело к полному логическому завершению, — к самостоятельному государству Казакии.

Слава Казачеству!

Сотник Г. П. Еременко.

Свято хранить обычаи и традиции предков.

Все Казачество происходит из одного казачьего корня и имеет одинаковые обычаи и традиции, полученные от предков.

Все то, что передавалось от предков, было гордостью, законом и славой их потомков и памятником о былой славе Казачества.

Старая, седая быль крепко хранилась новыми поколениями, воспевалась в песнях, рассказывалась в былинах и пословицах.

Вера в Бога у Казачества была тверда, богохульство считалось тяжким грехом, религия считалась святыней, а поэтому чтилась и не оскверняласъ Казачеством.

Надежда на достижение своих идеалов у казаков была сильна, желаемое всегда достигалось, отсюда и выработалась у казака натура, не отступающая перед тем, что задумано.

Любовь к родине, родной семье, родственникам, близким и собственному имуществу у казака была велика, за что казак и жизнь свою отдавал с радостью.

С малых лет казаки учились военному искусству, наездничеству на лихом коне, проделыванию самых отчаянных номеров джигитовки, доводящей постороннего зрителя до удивления, рубка шашкой и стрельба в цель со скачущего с быстротой ветра коня.

Почитание старших и доброе поведение при старших, для казака было законом совести, свято и безукоризненно сохранялось.

Вера в командира и выполнение его приказов, у казака было делом чести и гордости, приказы выполнялись быстро и точно.

Собственная смекалка, смелость, решительность, зоркость и подвижность у казака были врожденными качествами воина-рыцаря, чем Казачество по праву гордилось.

Песни о былом, о подвигах полководцев и казаков, с присущими им мелодиями, перекатным эхом разливались по горам и слышны были по необозримым степям, родной казачьей земли, омытой кровью предков.

Общая дружба, простота, правдивость, выносливость, хлебосольство — это традиции и законы предков, свято хранимые поколениями.

Обычаи, традиции и заветы предков, стяжавших для Казачества славу — честно и без опошлений хранятся в нас казаках, с Божьего благословения поднявшихся на борьбу с жидо-большевизмом.

В такой переломный период для Казачества, когда наше славой овеянное прошлое, опошленное и втоптанное большевицким лаптем в грязь — должно воспрянуть, омытое собственной кровью, с красотой невинной девы, должно стать крепкими ногами на родной Казачей Земле, засвидетельствовав перед всем миром свою бескомпромиссность в борьбе с коммунистическо-жидовской властью, с которой Казачество не мирилось с самого ее зачатия и не примирится с ней до полного ее изгнания из своих родных станиц и хуторов.

Казачество не позволяло и не позволит того, чтобы память о большевизме оставалась в нашей казачьей семье.

Песни сложенные советскими поэтами, коммунистами и их подхалимами, прославляющими коммунизм и его идеи, для нас казаков совершенно чужды. Кроме зла, унижений и уничтожений нам казакам ничего не сулят, а поэтому казак все злое для Казачества уничтожал и уничтожит.

С самыми невинными на вид проявлениями в пользу большевиков нам необходимо бороться потому, что мы знаем, как затем закрепляется советская зараза.

Памятны нам казакам все лозунги и посулы большевиков, которыми большевики обманывали, а затем прельщенных закабаляли.

Память о большевизме останется у Казачества и др. народов Востока Европы, как о злейшем палаче, на костях и крови своих жертв строившему себе советские достижения, для роскошной и веселой жизни, коммунистам и жидам.

В это время, когда мы с великим немецким народом и народами Востока Европы, ведем бой с большевицкими полчищами и их идеями, на жизнь, или смерть, все большевицкое должно быть стираемо с лица земли.

С развевающими знаменами наших славных предков, после 27 летнего своего скитания, по чужим краям, победоносно пойдем освобождать нашу родную Казачью Землю, омытую кровью наших дедов, отцов, матерей, жен и детей и заживем новой и счастливой жизнью, без коммунистов и жидов, для славного будущего Казачества.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ.

В предыдущем номере от 1 декабря в статье «Во власти хама» по техническим причинам был упущен отрывок, который следует читать в начале фельетона.

К рассвету стало свежеть, и белый пар, поднимавшийся по долине, пронизывал наших путников.

— Не отторочить ли бурки, Иван Василич? — первым нарушил молчание полковник, ощущая дрожь во всем теле.

— Что-ж не мешает. — ответил атаман, — Шубы, кажись, теплые, а ветерок и под них залезает.

— Как думаешь, далеко еще до хутора?

— Верст шесть, не больше... Вот сейчас должен быть млин, а там и хутор обозначится.

Небо было серое... Холодный ветер гнал тучи, не давая возможности солнечным лучам взглянуть на землю-матушку и поласкать ее весенним теплом. Дождя не было, и казалось, что к обеду небо очистится и засияет весенней радостью.

— Вчера денек выдался благодатный, а сегодня осенью подуло. — заметил Заболоцкий.

Глава IX.

Поздно проснулись у Безпаловых после ночной попойки... Раньше всех, когда зазвонили к обедне, встала старуха Безпалиха. Убрав скотину и подоив корову, разбудила дочек. Настя и Поля хотели помочь матери по кухне, — ведь праздник сегодня, да и Егор в гостях, — но мать воспротивилась и они, нарядившись в праздничную одежу, пошли в церковь. Петька, увидев, что батько и брат еще спят, побежал по станице, гордо и хвастливо заявляя всем, что тятьку выбрали комиссаром, что Егор приехал от самого Ленина и теперь всем куркулям будет крышка. Он давил большим пальцем правой руки на ладони левой, как делал это Егор на столе, цинично добавляя: «Как вшей раздавим! В один миг!»

Мужики довольно улыбались, поглаживали бороды и одобрительно говорили:

— Ерофский парнишка будет, не уступит Егору!

Захар проснулся с головной болью и не тревожа сына, налил стакан самогону. Опохмелился, и крякнул.

Ночью за выпивкой в компании мужиков, он чувствовал себя превосходно и несказанно был рад, что его выбрали комиссаром станицы, — подумать только: такой ответственный пост!, — но утром ему сделалось как то не по себе.

«С чего начать и как принять власть от атамана? — думал он. — А вдруг атаман заупрямится и знать меня не захочет?

Тогда что? У него есть сила, наберет головорезов, а у меня никого нет, кроме Егора. Один в поле не воин!»

Эта мысль сверлила мозг Захара и он для храбрости выпил еще стаканчик желтой вонючей водки.

Проснулся и Егор. Увидя отца похмеляющимся, спросил:

— Что, папаша, похмеляешься?

Захар от неожиданности вздрогнул, но быстро оправившись, предложил сыну чарочку.

— Опохмелиться можно, а то после вашего самогону в голове контр-революция происходит. Не привык я к раке, мы в Питере на «чистую» нажимали. — сказал Егор и, натянув на себя голландку, подошел к столу.

— Вот насчет контр-революции то я и хотел с тобой совет держать. — радостно заговорил Захар, наполняя стаканы самогоном. — Выбрали меня вчера вроде начальством, а с чего начинать и самому невдомек.

Ожидая ответа, он искоса взглянул на сына и подумал: «Под хмельком то ты много наговорил, а теперь что скажешь?»

— Где мать? — не отвечая на вопрос отца, спросил Егор. — Пусть она даст нам что нибудь на закуску, поедим да и пойдем в правленье наводить порядок.

— Мартыновна! — крикнул Захар в кухню, — давай нам, что там у тебя приготовлено, да и пойдем с Егором дела наши делать.

— Разе и Егор встал? — спросила Безпалиха и вышла из-за перегородки. — Ну что сынок, как спалось? Поди отвык от нашей хрестьянской постели, бока болят?

— Ничего, мамаша, наш брат матрос ко всему привык. Сегодня спим на рядне, а завтра будем спать на пуховике. Всему свой черед...

Мартыновна подала на стол яичницу с салом, жареной картошки, вчерашнего пирога и горшок с кислым молоком.

Отец с сыном выпили еще по стаканчику, плотно закусили, запили молоком и стали одеваться. Егор надел через плечи пулеметные ленты с патронами в гнездах, затянулся кожаным ремнем, на котором висел «кольт» и осмотрел новенький, еще пахнувший заводским маслом, карабин. Захар натянул на себя старую поддевку, постеснявшись показаться на людях в подаренной сыном дорогой шубе.

Выходя из хаты сын спросил мать:

— А сестренки спят, поди?

— Где там спать, давно уж в церковь ушли, Благовещенье сегодня. — ответила старуха.

— Тьфу, ты черт! — выругался Егор и сердито сплюнул, — не выбьешь эту дурь из ваших голов! Да ты вот что мать, выброси ка иконы то из хаты, им тут не место. Незабывай, что здесь теперь комиссар живет и рожи эти не к лицу.

Не успела старуха ответить, как Безпаловы отец с сыном вышли из хаты, направляясь по безлюдным улицам в правленье.

(Продолжение следует).

Полковник Д-р С. Федоров.

Перебіг Запорозької Ради.

(Козача старина).

Після того, як довбиш вдарив у литаври, по перше, скликаючи на Раду, Військовий Осаул виносив з церкви розгорнуту військову коругов-прапор, який встромляв у землю біля стола. Довбиш бив при цьому подругe, віддаючи пошану прапорові. Хоругва була символом зверхности Війська й без неї Раду рахували б не правосильною.

В цей час товариство було вже в зборі і разом за тим виходила на Раду Військова старшина: гетьман або кошовий, під бунчуком, з булавою в руці, суддя зі срібною печаткою й лискою, писар зі срібним каламарем. Старшина ставала півколом біля стола, блище до церкви, а перед нею курінні Отамани, знов таки півколом, так що всі разом творили коло-Круг. Поза ними ставали бувші старшини, старші козаки, а далі звичайне товариство, гуртуючись по секторах, з огляду на більшу кількість учасників Ради.

При виході старшини довбиш б'є у литаври по трете вишановуючи старшину, яка становилась у колі без шапок, в той раз і товариство знімало шапки, з огляду на урочистість Ради.

На Гетьманщині або у поході, товариство йдучи на Раду, «купчилось полками» й тому що при рішеннях треба «голосність й кучність» росташовувалось теж на Раді по полках. Знаємо що на Раді 1709 р. запорозьці стоять «по куренях, потужно й оружно». На Раді шикуються в порядку, як кіннота так й піхота,кожний відділ окремо, з хоругвами. Вимагала це й необхідність контролі, щоб на Раду не зайшла людина чужа, яка не має права приймати участь, або й «нишпорки»-шпіони, яких часто підсилала Польща або Москва, щоб довідатися про що саме радитимуть козаки. Не даремно пізніше, коли Військо розросłося, то на стіл викладалися й списки «компут» по полках, щоб можна було в сумнівних випадках провірити присутніх.

Товариство на Раді стояло, але при Радах затяжних, які тривали цілий день, воно частково й сідало, принаймні сідали депутати чи виборні дорадники, яких викликали у середину Круга.

Нормально Рада відбувалася пішо, на ногах, але у році 1663 кіннота Сомка й Брюховецького приймала участь верхи, так бувало у старовині й на київськім Вічі; були випадки участи кінноти й у інших Радах.

По пробитію пошани, осавули закликали присутніх до тиши. Потім промовець, Кошовий або Гетьман, вклонившись на всі чотири сторони, звертався до зібрання з пропозіцією, коротко пояснюючи ціль зібрання, або з запитом, на коли Рада скликана товариством самовільно, без відома начальства. Пропозіція повторювалась, з закликом подати до неї свої думки. Той хто вступав у дебати виходив на середину кола, ставав під прапором, що означало його недоторканість, й вклонившись на всі сторони подавав свою думку, або думку тих хто його уповноважив.

Після Гетьмана, в імені всього Війська виступає найповажніша особа Обозний; зачитання з писаних актів обовязково переводилось писарем, лише пізніше царські грамоти на Раді зачитував царський посланець-дяк.

Промови слухались тихо, й думки подавали вільно й свобідно, начальство не сміло ображатися при критиці, навіть й тоді коли йому щось «виговорюється», закиди робились чемно. Оповідання про Ради підкреслюють, що козаки обговорювали справи з метою сприяти спільному добру, не встидались відмовитись від своєї попередньої думки й приймати чужу більш зрозумілішу, вірнішу й доцільнішу.

На Раді навіть й таки особи як Гетьман Богдан Хмельницький, покірно вислухують критику товариства.

Дебати по змісту чужинецьких грамот відбувались у відсутности посла, який на цей час відходить з Ради. Козацтво не дуже соромиться у Раді і в оцінці поведінки монархів, кажуть таке «чего и слышать было неладобно», — що навіть царський посол не відважується написати у своєму докладі до Москви.

Розуміється, що провідна роля у дебатах належала старикам й курінним Отаманам, які користувалися у курінні авторитетом, під час значно більшим ніж старшина Військова. Голос їх мав вагу, зокрема коли, наприклад було досягнено догоди у справах спірних, або коли зачипалися інтереси певних осіб, або курінного товариства. Звичайно нормальну Раду вела старшина, яка перед нею сходилася у кошового і там обговорювала всі питання, тоді й Рада у «реляціях» носила назву «благополучної».

Аналогічну ролю відограваля старшина й на Гетьманщині, там вона наперед вирішувала питання а потім їх підносила товариству на ухвалу. Згодом тут старшина виконує те, що раніше належало загальній Раді й що в цей час на Січі виконувала всекозацька Рада.

Про кворум Ради не було й розмови, вона була виявом безпосереднього народоправства й була завше авторітетна й «важлива», бо коли навіть і «влада Гетьмана без Ради ніщо» то звичайний смертний, хоч би як він й не погоджувався мав підлягати ухвалі.

Обращается внимание членов КНД, что членские взносы должны поступать через местные организации КНД. Из мест, где еще нет таковых организаций, казаки-члены КНД свои членские взносы должны посылать непосредственно казначею КНД. При этом они могут воспользоваться «цалькартами» (почтовыми переводами) «Казачьего Вестника» — Прага 15721, однако с обязательным указанием на оборотной стороне купона для какой цели посылаются деньги.

А. Ленивов.

Исторические места на Дону.

(Окончание).

До 1920 г. в ст. Старочеркасской находились вывезенные казаками из Азова, при сдаче его туркам в 1642 г., крепостные железные ворота и городские весы. В станице находилось место, т. н. войсковой майдан, где в былые времена происходил Круг Войска. На этом майдане 19 апреля 1709 года в присутствии Петра I, по его повелению, были воткнуты на колья головы двух казненных донских Атаманов эпохи 1707-1709 гг. Кондратия Булавина и Ильи Зерщикова.

Отличительную характерную особенность ст. Старочеркасской составляют курени на сваях, а также высокие мостки, проложенные по улицам на большой высоте. Об'ясняется это тем, что во время наступления половодья ст. Старочеркасская целиком заливается водой и тогда сообщение возможно только на лодках.

Многие станичные курени-дома представляют собой в историческом отношении исключительный интерес, например: Дом Козорезова — дом, где по преданию жил Степан Разин, дом Жученкова — печь с внутренней отделкой, поразительной старинной красоты и т. д.

37. **Транжамент:** Укрепление возведено в августе 1711 года в трех верстах ниже Черкасского городка. Назначение его заключалось в хранении военного имущества, вывезенного русскими войсками из Азова, сданного Турции после неудачного Прутского похода Петра I.

В июле 1712 года, Транжамент перестает существовать, как укрепленная «фортеция». В виду протестов турок, Петр I упраздняет укрепление и переносит таковое на новое место в двух верстах выше Черкасского городка.

В настоящее время не сохраняется никаких следов, по которым могло бы быть восстановлено точное местоположение Транжамента.

38. **Усть-Хоперская ст.:** Несомненно в настоящее время ст. Усть-Хоперская имеет полное право быть отнесенной к числу исторических мест на Дону по следующему обоснованию:

Уроженцами ст. Усть-Хоперской являются следующие казаки:

1) Каледин А. М.(первый выборный Атаман Войска Донского после 193-летнего перерыва (1728-1917 гг.)

2) Крючков Козьма, первый георгиевский кавалер в Великую войну 1914-1918 гг.

3) Подтелков фейерверкер 6 гв. каз. бат., вождь донских большевиков в 1917 г., президент Донской социалистической республики.

Каждый казак должен не забывать внести свою лепту в Казачий Национальный фонд и заплатить за «Казачий Вестник».

Казачье национальное дело ведется казачьими руками и на свои казачьи средства.

Из писем в Редакцию.

Уважаемые станичники!

Я получил от вас газету «Казачий Вестник», за что сердечно благодарю.

Из этой газеты я понял, что эта наша газета выражает самый правильный путь к победе над большевизмом и я стал понимать, что недалек тот день, когда мы все прийдем на свои родные степи, в свои станицы и будем заниматься честным трудом без иудо-большевиков и без колхозного рабского труда. Уничтожим извергов рода человеческого, которые наше Казачество уничтожали в тюрьмах, на далеком севере, где погибли сотни тысяч лучших сынов Казачества.

Мне самому пришлось быть свидетелем, как уничтожали наш Казачий народ на далеком севере и беломорском канале, где я работал. Нельзя описать те ужасы, которые я видел и сам переживал, как при хвастливой и «счастливой» Сталинской жизни на сплавах леса в Мурманске и Архангельске несчастные труженики от этой счастливой жизни кончали самоубийством. Люди бросались в бухте в прорубь, зная о том, что как бы честно они ни трудились, все равно никто из них не вернется на родину. Меня взяли при первой коллективизации, как Казака. Это было 24 ноября 1929 года и с того времени я не был в родном крае. Был присужден к 10 годам лишения свободы, и к 5 годам вольного поселения и как я ни старался, как я ни работал усердно, мне все время без конца прибавляли все новые сроки и я уже не надеялся быть среди вольных людей. Наконец я попал в Ростовскую тюрьму и только 24 августа 1942 г. меня выручила немецкая армия под командованием генерала Клайста. Они вернули мне свободу и привели в человеческий вид, поддержали и дали мне работу, определив в свои части шоффером.

С тех пор я опять почувствовал себя человеком...

Теперь я усердно читаю вашу газету. Надеюсь, что после свержения сталинского режима ко мне никто не придет забирать мною нажитое добро и забирать меня в тюрьму и высылать на дальний, суровый север.

Дорогие станичники, дай Бог всем нам счастливо вернуться на родину и там, в спокойной обстановке самим строить свою вольную, Казачью жизнь!

Слава Казачеству!

Т. Я. Пузанов.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

В Грейсфальде (Померания) после продолжительной болезни умер вахмистр Аким Егорович Попов, казак ст. Некрасовской, хутора Болхова, Кубанского Войска.

Покойный всю гражданскую войну провел в отряде полковника Лисевицкого. В Крыму состоял личным ординарцем генерала Бабиева. О трагической гибели, неустрашимого генерала, свидетелем которой был покойный, много рассказывал он в кругу своих станичников, восхваляя героизм одноруокого генерала.

За рубежом А. Е. не потерялся. В течение многих лет он работал в качестве джигита, с группой джигитов проехал он почти всю Европу, всегда чувствуя себя молодым и вполне здоровым. Когда ему замечали, что он уже стар и ему вероятно тяжело работать джигитом, покойный всегда с улыбкой отвечал: — «О нет, на коне я всегда чувствую себя двадцатилетним юношей». —

Перед своей кончиной он сказал одному из своих ближайших товарищей по работе:

— Я рад, что Казаком родился и Казаком умру. Пусть наше потомство также с честью несет наше Казачье имя, как носили его мы, старики! —

Похоронен старый Казак на кладбище в Грейсфальде, вдали от своих родных Кубанских степей.

Мир праху его!

Д. Тырин.

РОЗЫСКИ

Цена об'явлений в этом отделе 1 РМ за строчку. Об'явления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Хлебович Сергей, разыскивает жену Елену Хлебович и ст. И. М. Евсикова. Знающих их местопребывание или о их судьбе прошу сообщить по адресу: Фельдпост № 40746.

— Свиридов Владимир, разыскивает отца Евдокима Фадеевича, Дон, ст. Богаевской, хут. Кагальник. Одно время проживал в Белостоцкой области, в м. Беловеж. Фельдпост № 62724 «V».

— Пузанов Тихон, разыскивает родственников, эмигрантов 1920 года, уроженцев Ростовской обл. Белокалитвенского района, хутора Дубового, Павлова Андрея Кондратьевича, Павлова Кондратия Васильевича, а также эвакуированых в 1942 году с германскими войсками: Павловых, Василия Кондратьевича, Федора Кондратьевича, Георгия Кондратьевича, Трофима Кондратьевича, Ивана Яковлевича, Пузановых: Ивана Прохоровича, Тимофея Ивановича, Георгия Павловича, Котовых, Ивана Денисовича, Леона Денисовича, Кузьму Денисовича, Михаила Денисовича, Героевых: Митрофана, Степана, Исая Кондратьевичей, Андреевых: Макара и Лукьяна. Все уроженцы Белой Калитвы. Мой адрес — Фельдпост № 15542—А.

— Гужева Никита Фомич, разыскивает своего родного брата Пантелеймона Фомича, Кирпильской ст., Кубань, находившегося в эмиграции в Греции на острове Евна. Фельдпост № 56188.

— Шакун Иосиф, разыскивает сыновей: Владимира, род. 17. XI. 1924 и Ивана, род. 20. 8. 1926 и Алексея, род. 17. III. 1929 в ст. Таманской, Темрюкского района на Кубани. В 1943 г. эвакуированных с немецкими войсками. Прошу сообщить их местопребывание по Фельдпосту № 59215.

— Евглевская Галина (урожд. Усачева) разыскивает своего отца, Донского Казака военного инженера Якова Куприяновича Усачева, эмигрировавшего в 1918 году в декабре из Полтавы. Лиц, знающих что либо о нем прошу сообщить по адресу:

G. Jewglewskaja, Liegnitz (8). Wilhelmstr. 51. Firma Gubitsch.

— Сиюшов Николай Иванович, разыскивает сестру Любовь и зятя Филиппа Яковлевича Сербиных, ст. Новотитаровской, Кубань. Писать:

F. G. Nordwerke A. S. (396), Betrieb Nordhausen (15), Rostschiesfach (195).

— Шелехов Иван Иванович ст. Шагинской, Кубань, разыскивает братьев Романа и Алексея Шелеховых. Писать:

Johan Schelechow, Schwinkendorf kr. Malchin (Mecklenburg).

— Баканов Петр, разыскивает двоюродных братьев: Алексея и Власа Антоновичей Назаровых ст. Ермаковской и племянников: Максима и Василия Федоровичей Рубашкиных и двоюродного брата Семена Н. Сенебрюхова ст. Усть-Белокалитвенской, находящихся в Казачьих частях. Мой адрес:

Peter Bakanow, Tetschen, Da. Ha. We. II, Gomplitzenstrasse, Sudetengau.

— Синявский Григорий, разыскивет: 1) жену, Евдокию А. Синявскую, с дочерью Зоей, 2) тестя Сергея А. Помозанова и его сыновей Николая и Валерия. Расстались в Варшаве 26. 7. 1944 г. после моего ранения. Прошу сообщить по адресу:

Sinjawskij Grigorij, Rez. Laz. St. 4. Pottendorf b/Wien (12).

— Добрынин Матвей Михайлович из Новочеркасска разыскивает родственников: Хлебникова Николая и брата Михаила, эмигранта 1918 г. Писать:

Bremen Gemeinschaftlager, Reichsbahn, Hemmstrasse.

С этим номером вместе с газетой рассылаются «сложенки» (для Протектората) и «цалькарты» (для остальной Великогермании), посредством которых можно послать как подписную плату за «Казачий Вестник» на 1945 год, так и добровольные пожертвования на поддержку издания «Казачьего Вестника».

Неуплатившим подписной платы «Казачий Вестник» высылаться не будет!

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Titl.Solowiew Michael, In 30.Poter
Hohenzollernstrasse 103, N/D.
18a

ZEITUNGSDRUCKSACHE

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 1 (84)
5 JAHRGANG
5 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го ЯНВАРЯ 1945 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.
Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.
—
Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.
—
Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

Всех бойцов за Свободу и Волю Казачества, всех казачьих патриотов, в рассеянии сущих, всех братьев-казаков, страждущих под чужим игом на нашей Казачьей Земле, всех сынов Казачьего Народа, томящихся и страждущихся в большевицких ссылках и тюрьмах поздравляю с Новым Годом и праздником Рождества Христова. Дай Бог каждому из Вас счастья и удачи, а всему Казачьему Народу помоги, Боже, осуществить свое освобождение и исполнить заветную казачью цель — создание своей национальной, самобытной жизни на просторах нашей Казачьей Родины.

С твердой и непоколебимой верой продолжим борьбу за свою Свободу и Независимость. Слава Казачеству!

Руководитель Казачьего Национального Движения
инж. В. ГЛАЗКОВ.

Ф. Донсков.

По историческому пути Казачества.

В российской революции наш Казачий Народ видел не разрешение тех или иных социальных вопросов, не замену одного режима другим, видел в ней не возможность к грабежам и разбоям, но усматривал смысл и значение революции для Казачества в получении утерянного им права самому себе быть господином и самому распоряжаться своей судьбой. Казаки не желали вмешиваться во внутренние дела русского народа, совершенно не вступали в его классовую борьбу, предоставляя ему самому разрешить все эти вопросы и форму своего управления.

Все Казачество отчетливо сознавало и сознает, что его задача состоит не в борьбе за ту или иную всероссийскую или всесоюзную власть, а в борьбе за раскрепощение и освобождение своих Земель, в восстановлении своей собственной национальной жизни на казачьих просторах, в защите своего права распоряжаться судьбой и долей своих Краев так, как только будет ему угодно.

Вследствии этого казаки, наряду с другими народами быв. России, сразу же вступили на путь своего полного самоопределения и возрождения своей государственной независимости. Во всех выступлениях и проявлениях этих народов казаки являются непременными участниками. Было-ли это на с'ездах или на конференциях, представители Казачества всегда неизменно отстаивали неот'емлемое право своего народа на государственную независимость.

Уже в 1917 году на первом с'езде народов России в Киеве казаки со всей определенностью заявили о неуклонном стремлении своего народа к свободе и возрождению своей самобытности. После революции никогда не было учреждено казачьего органа, даже одним своим названием напоминающего прежнее насильственное включение казаков в состав империи.

И в то время, как русские принялись за углубление «великой и бескровной» революции, когда быв. Россия погружалась в бездну хаоса и анархии, казаки, несмотря на двухсотлетнее свое пребывание в составе российского государства, с самого же начала революции, без всякой внутренней борьбы, без ненужных споров, всенародной волей возрождала вековые формы казачьей жизни. Без всякого благословения или санкции кого бы то ни было из вне, без всяких эволюций от автономизма и федерализма Казачество сразу же возродило все институты своей казачьей власти. Был воскрешен седой Войсковой Круг, Рада, Войсковой Атаман, восстанавливалось историческое казачье право, отбрасывалось все наносное и чужое. Таким образом, Казачий Народ не только прокламировал свое право, но сразу же его проводил в жизнь.

Идя по своему историческому пути, резко отмежевываясь от разрушительной стихии большевизма, неудержимо стремившейся к казачьим рубежам, 7 ноября 1917 г. Войсковой Атаман Каледин и Войсковое Правительство об'являет независимость Дона, которую всецело подтвердил созванный 2. XII. 1917 Войсковой Круг. Тоже делает и Кубань.

И если для русских борьба против большевизма является внутренней борьбой, борьбой за то или иное социальное устройство, за тот или иной режим, то для казаков она была и остается войной внешней. Большевизм в 1917 году напал на создавшиеся казачьи государственные образования и начал с ними войну с целью присоединения их к большевицкой России и утверждения на казачьей территории большевизма. После временного покорения большевиками Казачьих Земель повсеместное и поголовное народное восстание казаков выбросило большевиков за пределы казачьих рубежей.

И опять Казачество сразу же из'явило свою твердую волю жить на своей Земле под своим казачьим законом. Созванные казачьи народные представительства — Войсковые Круги и Рада — снова подтвердили провозглашенную независимость, что с особенной ясностью говорится в первом пункте принятой Конституции Дона: «Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное Государство, основанное на началах народоправства».

Одновременно Казачество проявляло свое стремление и к об'единению всех казачьих сил, к слиянию всей компактной казачьей территории в одно целое. И это стремление было выявлением подлинной казачьей воли, выразившейся уже в 1917 году в учреждении Совета Союза Казачьих Войск, а потом Юго-Восточного Союза, Доно-Кавказского Союза, Союза Дона, Кубани, Терека, горских и вольных степных народов, в создании Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Эту волю Казачества мы оформляем в едином казачьем государстве с простым, но ясным и понятным для каждого казака названием Казакии. Здесь нет никакой отсебятины, никакого вымысла, но железная историческая логика, которую никто не в силах изменить, как никто не в силах повернуть вспять самую историю.

За свободу и независимость Казачьей Земли боролись не отдельные партии или группы, а весь Казачий Народ и боролся с беспримерным в истории героизмом и жертвенностью. Только трусы и [illegible] большевицких полчищ уничтожила возродившееся Вольное Казачество, но не могла она убить свободолюбивого духа казаков и их стремления к независимости. Как там, на казачьих просторах, так и здесь, за рубежом, казаки продолжали и продолжают бороться за осуществление своих справедливых стремлений.

Подлинными же выразителями казачьих чаяний остаются теперь именно те, молодые офицеры и казаки, безусые юноши, которые в 1917—20 гг. вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы за казачью свободу, ими являются и теперешние активные, сознательные казачьи бойцы, продолжающие дело своих предков.

Тщетны будут всяческие попытки подменить истинную волю Казачества, порукой тому Казачье Национальное Движение (КНД), несущее стяг казачьей свободы и независимости и на протяжении многих тяжелых лет показавшее несокрушимость казачьего духа. Это Движение выковало большой кадр борцов за казачью суверенность. К нему обращены взоры всех казачьих патриотов. И никакие трудности и тяжести не убьют к нему веру казаков, не подорвут к нему их доверие, которое с особой подчеркнутостью неразо было выявлено казаками.

В своем неот'емлемом праве на свободу и независимость Казачий Народ не нуждается в признании с чьей бы то ни было стороны, как не нуждался он и в прошлом, с оружием в руках борясь за осуществление этих заветных стремлений. Это право освящено кровью многих и многих казачьих поколений, показавших и нам исторически начертанный Путь Казачества. По этому Казачьему Пути шли и впредь будут итти все сознательные казаки.

Мы отчетливо сознаем, что впереди нас ожидает еще упорная и весьма трудная борьба за осуществление наших целей. Она потребует новых жертв во имя спасения нашего Казачьего Народа от смертельной гибели. В эти дни как никогда все наши помыслы, все наши стремления должны быть направлены к достижению и обеспечению национальных интересов Казачества.

И в Новом Году нашим твердым и непоколебимым стремлением, нашей основной и руководящей мыслью должна быть борьба за право на жизнь нашего народа, борьба против угнетающего наши Казачьи Земли большевизма и его окончательное уничтожение. Без уничтожения большевизма и его наследия нет и не может быть свободы и возрождения нашей Родины. И как бы не была тяжела эта борьба, мы всегда будем преисполнены несокрушимой верой в торжество нашей Казачьей Правды и Права.

Мы знаем, как после темной ночи наступает светлый день, как после суровой зимы следует молодая и радостная весна, как после лжи и злобы торжествует правда и справедливость, так и после кошмарных мучений и страданий Казачьего Народа, после тяжелой и трудной работы наступит день величайшего казачьего торжества — торжества освобождения нашей казачьей Родины и ее национальное возрождение.

Слава Казачеству!

В. Авилов.

Народ ли казаки?

В настоящей газетной статье постараемся ответить, насколько правы те люди, которые пытаются отрицать за Казачеством право именоваться **особым народом**, будто-бы, на том основании, что оно не обладает всеми национальными признаками, и одновременно ответить, насколько эти признаки постоянны и безусловны, равно как, можно-ли на основании этих избитых и невыдерживающих критики признаков отрицать или признавать право на имя народа за той или иной большой группой людей.

К числу казенных признаков, определяющих понятие отдельного народа, относятся язык, религия, территория, нравы и обычаи. Из них последними тремя Казачество бесспорно обладает. У него имеется **своя** обширная **казачья территория, свои** особые **казачьи** нравы и обычаи, которых никто не в силах отрицать. Противники казачьей самобытности говорят, что у казаков один с русскими русский язык (далеко не у всех!), а потому они не только не могут называться отдельным казачьим народом, но и не должны думать об отдельном своем существовании от русского народа.

Но является ли эта языковая общность крепкой и неразрывной связью и необходимым доказательством того, чтобы все говорящие на этом языке должны обязательно жить в границах одного государства, под одной крышей с русскими?

Конечно же, нет! Американцы, не только говорящие на одном с англичанами языке, но и весьма во многом с ними тождественны, считаются отдельным народом и живут отдельной жизнью. Живут в непосредственной близости с своими родными народами швейцарцы, представляющие из себя и по языку и по своему происхождению немцев, итальянцев, французов, и считающие себя особым народом. Считаются норвежцы отдельным народом, который всего лишь несколько десятков лет создал свою собственную национальную жизнь и который как по языку, так и по своему происхождению выделился от шведов. Мы уже не говорим о целом ряде южно-американских народов, которые, образовавшись от смешения с испанскими и португальскими колонистами, восприняли испанский и португальский языки, но не являются испанцами или португальцами. Не имеют «своего» языка и румыны, воспринявшие язык древних дакийцев — колонистов Римской империи, но считающиеся отдельным румынским народом.

С точки зрения морфологии языка, голландский язык — германский «диалект». Однако, на этом «диалекте» говорит и пишет народ, давно отделившийся от общегерманского корня, имеющий свою собственную культуру и государственность. Бельгийский же народ говорит на двух языках, на языке валонцев и фламандцев, составляющих один бельгийский народ.

Эти примеры с всей очевидностью говорят о том, что язык совсем не является непременным условием к созданию народа. Не является им и религия. Немецкий народ составляют католики и лютеране, в то время, как испанцы, французы и итальянцы — католики, и представляют каждые отдельный народ. Также и территория не является безусловным признаком народа. Жидов и цыган считают народом, но ни один, ни другие не имеют своей территории. Все это наглядно доказывает, что все вышеуказанные признаки установлены не точно и совсем не определяют понятие «народ».

Еще до сих пор идет среди ученых бесконечный спор об установлении этих признаков. И подобно тому, как сама жизнь не стоит на одном месте, но идет своим закономерным темпом, отмечая свое усовершенствование и эволюцию, так и наука во всех своих отраслях проявляет несомненный прогресс и все новые и новые изыскания. И процесс выявления отдельных народов из «своего исторического небытия» протекает на наших же глазах. Трудно и не логично утверждать, что тот, кто не выявил себя как отдельный народ, не имеет права претендовать на имя народа, на свою собственную жизнь.

Ученые последнего времени определенно утверждают, что все указанные нами признаки отдельного народа и национальности условны, что ни один из них, взятый в отдельности не необходим, чтобы охарактеризовать отдельную национальность, ибо все эти признаки чрезвычайно хрупки и не один из них не восходит далеко в историческое прошлое, не говоря уже о до-историческом периоде. Эти ученые представляют народ не как нечто застывшее, раз и навсегда данное, но как беспрерывный процесс образования, при котором люди ведут борьбу за существование и за продолжение рода.

К этому же утверждению приходят и русские ученые, которых ни в коем случае нельзя заподозрить в симпатиях к самостийному [illegible] проф. Милюков, Бицили и другие. Они также считают, что все, чем привыкли определять народ: как язык, религия, территория, нравы и обычаи, — все это подвижно и может отделяться друг от друга, что родство отдельных народов никак нельзя определить тем, что они говорят родственными языками, ибо национальность существует только в процессе, она не вечна и не неподвижна, но наоборот, все время изменяется, складывается, развертывается, может и разложиться.

Эти ученые признают, что самостоятельность, отдельность каждого языка является результатом политики, культуры, но не филологии, происхождения. Вот почему целый ряд казачьих историков вполне обоснованно утверждает, что в прошлом казаки предки имели свой казачий язык, который, вследствие целого ряда политических и иных условий, был вытеснен литературным языком правящего русского народа.

Известно, что жизнь казачьего народа полна трагедии. На протяжении нескольких столетий над ним производили всевозможные эксперименты, всячески умерщвлялись казачьи особенности, всякого рода «доброхоты и наказные» изгоняли из него казачий дух. Казачество насильно было лишено возможности развивать свои особенности, его местный «диалект» стал забываться. Насильственное расказачивание не дало возможности в прошлом создать и развить свою культуру и литературу. В результате всего этого казачий народ сейчас не имеет того «языкового аргумента» для обоснования своих «национальных» прав, на что так охотно пытаются опереться противники Казачества, выставляя свои «аргументы», которые давно уже отвергла сама наука.

Но что же является основным и важным признаком в современном понимании народа, национальности? Известный ученый Дюркгейм определяет национальность, как «человеческую группу, члены которой, по основаниям этническим или просто **историческим,** хотят жить под одними и теми же законами, образовать одно государство». Далее, тот же ученый говорит: «среди цивилизованных наций теперь является принципом, что эта **общая воля,** когда она утверждается с настойчивостью, имеет право на уважение, и даже что она есть единственная прочная основа государств».

Несомненно, что Казачество вполне отвечает всем условиям этого определения национальности, ибо оно бесспорно представляет человеческую группу, которая уже на протяжении многих и долгих десятилетий хочет жить под одними и теми же законами, под своими казачьими законами, по-своему, по-казачьи.

Эту свою непреклонную волю казачий народ, несмотря на все ужасно неблагоприятные исторические условия жизни, всегда проявлял и неоднократно выражал в форме грандиозных народных движений. Он упорно отстаивал сохранение своих главных особенностей, сознание своей отличительности от русского народа, проявлял чувство своего казачьего единства. Только под уда-

«Донцы XVIII столетия».
Работа казака ст. Константиновской, скульптора С. Королькова.
Archiv „Der Kosakenbote".

За годы усиленной и долгой работы казачьих патриотов казачьи национальные стремления от стихийных настроений укладываются в ясную и определенную казачью программу, нашедшую теперь вполне очерченное подтверждение этим стремлениям.

(В. Авилов, «К. В.» № 7 (64).

рами и под напорами грубой физической силы и ее превосходства, Казачество утратило свою государственную независимость. Однако, в нем никогда не умирала воля и стремление к своей собственной жизни, что неопровержимо доказывается тем, что при первой же возможности, как спали цепи, сковавшие его, **Казачий народ в 1917 году немедленно осуществил свою волю, образовав свою собственную государственность, свою собственную жизнь, за которую он с оружием в руках боролся против московского большевицкого нашествия.**

Свою свободную волю казачий народ зафиксировал в своих принятых им основных законах — Конституциях, в них же он проявил свою волю к казачьему единству, к единству всего Казачьего Присуда.

И теперь, несмотря на дьявольский советский террор, несмотря на ужасные угнетения и преследования Казачества, оно не утратило свой казачий дух, свою казачью волю и стремление **жить на своей Казачьей Земле,** обильно политой кровью и потом своих славных казачьих предков, **жить под своим Казачьим Законом.**

Инж. Д. Еременко.

По поводу казачьих традиций.

События последних трех лет показали, что многие преждевременно похоронили Казачий Народ. Вопреки всяким подобным предсказаниям Казачество продолжало жить и в условиях советской действительности. После же вступления немецких войск в пределы Казачьей Земли, как по велению волшебной палочки, везде начала возрождаться казачья жизнь и старые казачьи традиции. Так могло случиться лишь потому, что казачьи традиции, своеобразная казачья жизнь и крепкий казачий дух веками выковывались в казачьем народе и глубоко внедрились в его душу. Заветы седой казачьей старины передавались от деда к отцу, от отца к сыну и свято хранились в тайниках казачьей души все годы большевицкого насилия.

Одной из отличительных черт казачьей жизни было любовное отношение и уважение старших и особенно стариков. К их голосу казачья молодежь всегда внимательно прислушивалась и поступала в том или ином деле так, как советовали старики или старшие, с жизненным опытом, заслуженные казаки. Это явление в казачьей жизни сыграло немалую роль и еще сыграет в восстановлении чисто казачьих традиций и особенностей казачьей жизни.

К сожалению, эту прекрасную и характерную казачью черту за долгие годы пребывания в эмиграции исказили: почитание и уважение стариков превратили в посмертное подчинение им. Почитаемые и уважаемые казаки-старики в бытность на родной земле никогда не были облечены властью, будь то в станицах или округах, пожизненно — аж до их смерти, как это мы наблюдаем среди Казачества зарубежом. На станичные, областные или же войсковые должности всегда выбирались казаки не самые старые, если были они даже и очень заслуженные, но самые энергичные, решительные, умные, полные жизненной энергии и опыта, независимо от их возраста. У иных народов существуют даже возрастные границы, когда тот или иной общественный или государственный деятель или же служащий, достигнув этой возрастной границы автоматически идет на заслуженный отдых — в пенсию, независимо от их заслуг перед народом. Было так когда то и у казаков. В руководстве казачьей жизнью принимали участие молодые казаки и, главным образом, со средним возрастом. Чтобы не быть голословными приводим ниже таблицу возрастного ценза депутатов 4-го Большого Войскового Донского Круга, выразителя воли Донского Казачества, среди которых было:

1)	От 21 до 30 лет	—	23%
2)	„ 30 „ 40	„	— 37%
3)	„ 40 „ 50	„	— 25%
4)	„ 50 „ 60	„	— 13,3%
5)	„ 50 „ 64	„	— 1,4%

Из этой таблицы видно, что большинство депутатов имело от 30 до 50 лет («Донская Летопись», том 3, стр. 100), т. е. Круг состоял из крепких и трудоспособных по возрасту элементов. Весьма большим процентом было представлено и молодое Казачество — 23%. Исполнительная Донская власть состояла из лиц, главным образом, среднего возраста и редко из лиц старше 50 лет. Донской Атаман ген. Краснов имел в 1918 г. всего лишь 48 лет, некоторые донские министры были моложе даже 30 лет; помощник Войскового Атамана Донской Б-ян М. П. Богаевский имел лишь 37 лет; генерал В. Г. Науменко в 37 лет был военным министром Кубанского Правительства. Одним словом, Казачество на Родной Земле возглавляли лица молодого или среднего возраста, но отнюдь не старики.

Мы, конечно, от души приветствуем и рады, что наши старики в эмиграции еще настолько бодрые и сильные духом, что в состоянии держать бразды правления казачьими судьбами в своих руках, но следует из-ти с духом времени, а также не следует при этом отталкивать или же игнорировать и не привлекать к казачьей работе младшее поколение. Тем более, что работа для Казачества в тяжелых условиях, в условиях военного времени и на чужой земле требует от руководителей умения, энергии, колоссальной трудоспособности, чего, конечно, нельзя требовать от работников с весьма преклонным возрастом.

Многие из этих руководителей и возглавителей Казачества до сих пор еще считают бывших юных казачьих бойцов и офицеров в 1917—1920 гг., перенесших тогда на своих плечах всю тяжесть вооруженной борьбы с большевиками, молодыми, еще не созревшими людьми, не имеющими своих взглядов на жизнь и на сложившуюся обстановку. Совершенно при этом упускают они из виду, что эти «молодые люди» уже старше 40 лет, а многие даже 50-ти, что многие из них имеют высшее образование и имеют жизненный опыт порой неменьший нежели их старые «вождя».

Одновременно они забывают (а может быть не доценивают!), что лишь эти «молодые люди», незараженные различными «изменами», воспитанные в национально-казачьем духе, в настоящее время полны энергии и расцвета сил, вооруженные приобретенными заграницей знаниями и богатым опытом, способны с успехом вести казачье дело.

Теперь перед каждым казаком во всей широте поставлен вопрос не только существования родного ему Казачества, но вместе с тем и физического существования каждого отдельного .казака .вне .зависимости .его взглядов и убеждений, ибо всем ясно, что всех казаков ожидает один удел, уготована одна судьба, какую они сами себе завоюют, какую они сами себе отстоят в нынешней борьбе на стороне своего великого союзника — Германского Народа.

И. Бочаров. «К. В.» № 19.

Полковник М. Ильин.

О происхождении Казаков.

На протяжении трех с половиной последних веков вопрос о происхождении казаков занимал и иностранных, и русских, и казачьих историков и в соответствии с этим переживал интересную и характерную эволюцию.

Для француза Маржерета, капитана московской армии по найму, при Борисе Годунове, не возникало в 1604—1607 гг. даже и вопроса о том, кто такие казаки. Сообщая о каком либо военном событии того времени, он пишет совершенно просто, что в этом событии принимали участие — русские, немцы, литовцы, казаки, т. е. для него казаки в Москве в то время были такими же иностранцами, как немцы или литовцы. Под конец Смутного времени московский митрополит Гермоген пришел к мысли, что все зло в Москве происходит от иностранцев — поляков, литовцев и казаков.

В 1737 году член русской Академии наук проф. Тауберт ставит вопрос о происхождении Казачества и при том главным образом донских казаков. По его мнению, казаки происходят от тех «казахов», которые жили по восточным берегам Черного моря и о которых в 948 году византийский император Константин Богрянородный писал, что-это храбрый и хорошо организованный народ.

Во второй половине XVIII века инженер-генерал Ригельман, проживший на Дону несколько лет, написал историю донских казаков. Это был, несомненно, первый научный труд по казачьей истории. Ригельман пишет, что никто из казаков не считает себя «московским». «Мы русские только по вере и по подданству, но по крови мы — не русские, а другие», говорили тогда казаки. Сообщив несколько легенд, живших тогда между донскими казаками о происхождении Казачества Ригельман говорит: «Не можно сказать, что казаки — не народ. Нет, это храбрый и изрядно организованный народ».

В 1788 году муниципальный советник гор. Страсбурга Шерер выпустил историю казаков. Шерер тоже считает казаков за народ.

В 1807 г. выпустил в Милане историю донских казаков в двух томах инженер подполковник итальянец Романо, состоявший до 1806 года на русской службе и проживавший на Дону, в Черкасске. Романи в корне отрицает образование казаков от беглых московских крестьян и допускает возможность происхождения от племени «казахов».

В 1814 г. выпустил историю донских казаков французский историк Лезюр. Он также отрицает происхождение казаков от беглых московских крестьян.

За отдельный народ считали казаков и русские историки Карамзин, Костомаров, Полевой, Устрялов, Савельев и другие.

Карамзин не считал казаков за беглых московских крестьян, а относил их зарождение к X и XI векам от тюрков и берендеев.

В 1828 г. закончил свою рукопись «Истории Донских Казаков» талантливый сотник лейб-гвардии донского казачьего полка И. Сухоруков. Закончив рукопись, он сдал их в цензуру, будучи вполне уверенным, что никаких препятствий к их напечатанию встречено не будет. Однако, вместе ожидавшегося разрешения печатать книгу, Сухоруков был внезапно арестован, разжалован в рядовые и сослан в действующую Кавказскую армию. Книга, конечно, не появилась.

Но в 1832 г. вышла «История донских казаков» Броневского. К ней были приложены статистические сведения о Земле Войска Донского за подписью Сухорукова. Этого факта достаточно, чтобы сказать, что «История Донских Казаков», написанная Сухоруковым, была в угоду цензуре переделана Броневским.

В предисловии к истории Броневский пишет; «Для нас главное — это понравиться». Для Броневского была важна не историческая правда о казаках, а ему нужно было кому то понравиться. И он понравился!

Броневский формулирует и свою теорию о происхождении донских казаков. «До 1500 года, пишет он, около Азова бродили, какие то казаки, но то были казаки татарские. Около 1500 г. эти казаки исчезли бесследно, а на их место стали бежать наши московские крестьяне, превратившиеся потом в степных витязей». Формулировав эту теорию, Броневский дальше сообщает, как ни в чем не бывало, о 16 тысячах донских казаков, разгромивших в ночном бою в конце 1480 года монгольскую армию под Азовом.

Именно превращением донских казаков в беглых московских крестьян Броневский и понравился тем сферам, которые могли разрешить и разрешили ему под его фамилией напечатать «Историю Донских Казаков» Сухорукова. История эта была напечатана в том виде, в каком она была написана Сухоруковым, за исключением главы о происхождении казаков, которая Броневским была выброшена.

Теория Броневского пришлась по вкусу не только Николаю I и его цензору, но и всему русскому народу, а поэтому в XIX веке русские историки еще больше развили и, если можно так выразиться, опошлили эту теорию.

В 1858 г. историк Шиболдаев дал в энциклопедическом словаре такое определение казака — «Вор и бродяга».

Затем Ключевский дает свое классическое определение казака: «В московском царстве, пишет он, казаками назывались бездомные бродяги, батраки и поденщики в крестьянских дворах».

Что касается иностранных историков, то они в XIX веке не проявляют особенного интереса к казакам, за исключением жида-коммуниста Карла Маркса, которому почему то теория Броневского о бегстве московских крестьян на Дон очень понравилась и он усердно распространял ее по Европе, афишируя казаков, как вредную и опасную касту.

Насколько русские историки писали свои труды для нужд и целей московского империализма и даже режима, к примеру свидетельствует русская история Покровского, издавшего свой труд при императорском правительстве с трактовкой исторических фактов, в пользу существовавшего режима, а при большевиках переделавший ее совсем «наизнанку», но с принятым взглядом Карла Маркса на происхождение Казачества.

Поэтому неудивительно, что люди, воспитавшиеся на истории Иловайского или Покровского, ничего иного о казаках и Казачестве не знают, а восполнить свой пробел не желают. Чтобы знать подлинное лицо Казачества, его чаяния и стремления необходимо знать и подлинную историю Казачества.

Теперь каждому нужно понять, что Казачество осознало свои национальные интересы и борется, как вполне сознательный народ, за свое казачье право, за свою казачью жизнь на своей исконней Казачьей Земле.

В архиве редакции имеется небольшое число полных комплектов газеты «Казачьего Вестника» за 4 года ее издания.
Цена комплекта 25 RM.

Баталпашинец.

ВОЛЧЬЯ КРОВЬ.

...«Знамя шкуринцев с головой волка на черном фоне перешло в руки этой сотни. Казаки-«волки» надели на головы папахи из волчьих шкур, а к башлыкам прикрепили волчьи хвосты. Командиром этой сотни был назначен казак станицы Зеленчукской есаул Колков...»

— Да, это было так! — неожиданно оборвал казака, читавшего в слух газету, сидевший в стороне баталпашинец.

Замечтавшиеся и задумавшиеся слушатели недовольно подняли головы.

— Да, это было точно так, — взволнованным голосом повторил снова он, — я это очень и очень хорошо помню, мне тогда было лет четырнадцать-пятнадцать.

Читавший отложил газету, внимательно и выжидающе посмотрел на слушателей и в казачьей вахтерке стало тихо.

— Так, значит, ты шкуринец из «волчьей» сотни? — полунасмешливо задал вопрос вихрястый донец.

— Нет, я не шкуринец. У нас в станице ЧЕКА да ГПУ всех шкуринцев расстреляла и даже тех, кто по амнистии вернулся из заграницы. Я «волченок» и очень хорошо знаю «волченка» есаула Колкова, о котором сейчас прочли в очерке о боевых делах и походах генерала Шкуро.

— Да, это было так, — в третий раз убедительным тоном повторил баталпашинец, и без всякой просьбы казаков начал свой рассказ.

...— Как будто было все в недалеком прошлом, а между тем оглянешься назад, пороешься в воспоминаниях и с недоверием отнесешься к годам, незаметно промелькнувшим. Не веришь, что быстро так прошли годы.

Перед глазами так ясно вырисовываются отдельные эпизоды далекой безвозвратной пылкой юности. Все отгремело, отошло...

Помнится, белокаменный громадный пятиглавый кафедральный собор с остроконечной железной оградой; отдельское и станичное правление; маленькая под красной крышей с плотным и высоким деревянным забором «гарнизонная» тюрьма, где арестованных было меньше чем охраны; вся в привлекающей зелени отдельская больница над Кубанью; одноэтажная, пахнувшая еще свежими красками новенькая мужская гимназия; на Кубани ряд водяных мельниц, начиная от Поповых, Дьяченковых и кончая Ткачевыми; пивоваренный завод Радика; кирпичный и кожевенный заводы Морозовых и Башкатовых, да на углу против собора аптека провизора Потебня.

Помнится, когда гудел звон соборного колокола, разнося свое эхо, далеко по равнине баталпашинского плато, оповещая о начавшейся борьбе.

Помнится, как мягко покачиваясь в казачьем седле, проезжал среди расступающихся станичников Андрей Шкуро, приветствовал ликующих баталпашинцев. Радостные, празднично одетые казачки, в пестрых платьях девушки, жены местного офицерства, забрасывали Шкуро наспех сорванными цветами. В него летели такие букеты, что даже видавший виды «старый волк» Зеленский, одобрительно покашливал и, когда растолкав толпу, к стременам, к ногам Шкуро с радостным причитанием с плачем припала старая Шевченчиха, старушка-мать трех сыновей-офицеров, «старый волк» незаметно смахнул предательскую росинку со щеки, вытер концом башлыка влажность под глазами, шмыгнул носом, ткнул под бока своего коня.

Заметив иронический взгляд своего друга-«волчака» Брянцева, «старый волк» подтянулся, гордо выпрямившись изогнулся в седле, поправляя папаху из волчьей шкуры и, подмигнув Брянцеву, находчиво сказал:

— Вот, как наших встречают. Чего глядишь на меня? Следи за покоем и порядком!..

...А в это время Шкуро повернулся на гнедой, кабардинской породы, кобылице, взмахнул плетью, подавая команду, и из-за угла двухэтажного дома армянского купца Хавшанова, где помещалась штаб-квартира полковника Шкуро, показалась на серых конях музыкантская команда.

Баталпашинцы в музыкантской команде «волчьей» сотни неожиданно для себя узнавали своих одностаничников, сыновей именитых казаков и офицеров Ларионовых, Зеленских, Ткачевых, Фисенковых, Калаушиных, Шевченковых, Косякиных, Черепановых, Амеличевых и многих других. Впереди молодцовато вросли в седла чернобровые братья Илья и Григорий Теймуразовы.

Над застывшей от удивления толпой, понеслись звуки военного марша «Тоска по родине». Баталпашинцы чего-чего, а духового оркестра у «Шкуры» никак не ожидали... Марш сменился плавным вальсом «На сопках Маньчжурии».

Восторг охватил всех встречающих сотни Шкуро и, когда он направился в собор на молебен, старушки-казачки, крестным знаменьем осеняли его шашку под серебром, прикасались к ложе винтовки с серебряной насечкой, трогали полы его черкески.

Было всеобщее торжество, искренне трогательное, доходившее до фанатизма и умиления. И на все это Андрей Шкуро с улыбкой смущенно отстранялся...

...А затем все это отгремело... отошло... Серые «волки», спасаясь от расправы «красных»... ушли в эмиграцию. Случайно остались подростающие «волчата»... Сменялись год за годом советские календари... Шли годы...

После смерти Ленина с 1924 года по 1929 год наступил рыковский период, когда еще не знали с какого конца приступить к массовому уничтожению народов СССР.

В эти годы нэпманской «пятилетки», в годы самой лучшей и «прекрасной» жизни из советской действительности в станице Баталпашинской переименованной в город и областной столице Карачаево-Черкесской Автономной области, ранним утром, жители города, направляясь на базар не удивлялись новостям дня. Систематически, ежедневно, правда с оглядкой, привыкали прочитывать аршинные плакаты, мелкие листовки, захватывающие лозунги, разноцветные летучки, распространяемые и наклееваемые какой-то группой смельчаков. Все они были направлены против советской власти, призывали казаков к борьбе против коммунистов. Кто-то смело и настойчиво призывал кубанцев отстоять свою былую Казачью Вольность, требовал право на легальное существование Казачества, предсказывал мрачную расправу и жестокость будущего.

Областное ОГПУ, возглавляемое сначала рыжим мордато-рябым Ивановым, а затем бледно-чахоточным Микеладзе, пачками провожало в засекретированные, с трупным смрадом, подвалы - холодильники бывшего пивоваренного завода, всех подозреваемых в контр-революции.

Время шло, и безпокойное ОГПУ настоящих врагов не находило. В те годы сексотство, еще не заразило граждан своим ядовитым дыханьем.

И когда антисоветские «вылазки» приняли угрожающий характер, когда в ближайшем Войсковом лесу появились «бандиты», уничтожавшие коммунистов, когда кто-то в театре имени Луначарского и в школе II-й ступени кинжалами изрезали портреты Ленина, а памятник Ильича установленного на центральной площади города каррикатурно обезобразили с надписями «апостол рабства» «свой парень» с антиленинскими частушками; когда контр-революционными стихами зачитывалась местная молодежь и стала смелее распевать песню-гимн «Кубань», по области разнесся слух о раскрытии крупной контр-революционной казачьей группы «ВОЛК». Верхнекубанский отряд лесных казаков, так в то время расшифровывали название «Волк», имел связь далеко за пределами Кубани, в который входило также взрослое казачество и представители заграничной эмиграции.

Население области и города встревожилось, ожидая ряд репрессивных мер, но ОГПУ пока ограничивалось случайными малозначительными арестами. Потянулись нити в станицы области в первую очередь Зеленчукскую. Дежурившие около подъездов ОГПУ любопытные, а затем родные и близкие первых партий арестованных однажды попрощались с группой из двенадцати этапируемых юношей. Несмотря ни какие угрозы и применения физических «допросных» сильно действующих мер арестованная молодежь упорно молчала, никого не выдав. Организатор найден не был и Карачаево-Черкесское областное ОГПУ «волчат» отправило в Армавир. Как вещественные доказательства препровождено было АрмОГПУ обнаруженные и найденные при обысках у

П. Поляков.

Напрасные поучения.

За всю свою долгую жизнь Казачий Народ был вынужден постоянно выслушивать о себе самом поучения, высказанные безапелляционно и зачастую в оскорбительной форме. Казакам о Казачестве говорили все, кроме казаков, объясняли им их жизнь, поучали их, как им себя вести, что нужно думать и какими путями итти. Недоброй памяти царские времена с их оставшейся напрезвойденной теорией о ворах, сбежавшихся на Дон и Кубань и образовавших там разбойничьи шайки, по неизвестным причинам почему-то назвавшие себя казаками, положили начало бессовестному извращению истины.

Эта «царская теорийка» о происхождении Казачества пропагандировалась устами разных казенных историков, с внешней стороны декорировалась чинами, званиями и положением лиц ее ведших и, конечно, для всех не в меру счастливых народов империи являлась «законом и пророками». Ловко задуманная и искусно преподнесенная ложь о происхождении Казачества от воров и разбойников обошла весь мир. Все же «нездравомыслящие», все ясно видевшие сколь много наврано в оффициальной «теорийке», изолировались легко и просто.

Не будем долго останавливаться на пропаганде деникинского «Освага». Слишком уж глупа и ничтожна она была. Но при всем своем косноязычии и никчемности и она пыталась убедить казаков в том, что они вовсе не люди, а всего лишь жандармы, удерживающие за фалды разлезающуюся по всем швам империю.

И здесь, в эмиграции, не мало пришлось выслушать нам наставлений. Сразу приняв позу поучающего непрошенные печальники о судьбах Казачества доказывали нам нечто довольно плохо скопированное со старых изъеденных молью царских грамот: — в начале немного похваливали, а затем наставляли и поучали, прибавляя неизменно о том, что казаку весьма вредно заниматься политикой.

Не многим разнилась и «сталинская ласка». И она шла старыми избитыми дорожками проторенными царскими борзописцами. Все же эти наши печальницы и богомольницы, все эти казачьи доброхоты, независимо от того получали они ордена и чины от царя, главкома или «отца народов», были трогательно однообразны. Из всех их писаний и говорений явствовало одно: Казачество есть известная особенная, т. сказ. «неповторимая» группа холопов в составе Российской Империи и святая их задача — это, беспрекословно оставаясь на холопском положении, охранять границы государства до скончания века.

Нашей задачей сейчас не является приведение доказательств в пользу того взгляда, который нами исповедуется, т. е. что **Казачество есть Народ,** — об этом довольно написано и нами и иностранными авторами. Дважды два, есть четыре. Кому это не ясно, тому и «здравомыслие» не поможет. Сегодня мы хотели поговорить о пользе единения в общей борьбе с общей целью, о лозунгах выдвинутых и сразу же позабытых и о сомнениях наших в добросовестность людей, свои же лозунги извращающих.

По поводу «несерьезной теорийки» о Казаки сказано много «ученых» слов. Казакам снова говорят, что они ошибаются, считая себя людьми, что народом может быть всякий, кроме казаков, и что задачей нашей является как и в «доброе старое время» — служба Империи, а право носить чубы и черкески нам снова высочайше гарантируется. С людьми, пишущими и стыдящимися своей фамилии, нам полемизировать неудобно. Видим происхождения они такого, о котором говорится в московской теории об истоках Казачества. Бог с ними. Не это нас занимает.

Мы хотим констатировать два факта. Первый — начали, как всегда, с зазываний, обещаний и реверансов. Делается же, как это веками практиковалось — единая и неделимая.

Второе — «теорийка» о Казаки, волнующая всех, прости Господи «здравомыслящих», видимо, не так уж слаба да и влияние ее не столь уж мало, чтобы просто обойти молчанием наши «нездравомыслящие» головы.

Эта «теорийка», между прочим, своевременно привела к небывалому подъему на Дону в период атаманства генерала П. Н Краснова, когда Самостоятельный Дон возродил свою государственность и пошел против всех тех, кто до последнего дня боролся «за родину, за Сталина» и лишь теперь по неизвестным причинам стал раздумывать, не лучше ли и не время ли поставить из иную карту.

Эта «теорийка» оправдала себя и в теперешней схватке. Казаки, особый народ, в отличие от других коммунизм не воспринявший, 25 лет боровшийся с большевизмом, снова с оружием в руках поднявшийся против московской тирании и «с семьями, **всем народом»,** как говорится в декларации Германского Правительства, пошедший на священную войну Освобождения.

Не учите нас, не говорите нам ваших теорий ни простым ни ученым языком. И мы кое что знаем. Наше право на жизнь признано за нами Германским Правительством, оно оплачено сотнями тысяч голов, голов казаков природных, и если вы впрямь хотите об'единения в общей борьбе с московским жидо-коммунизмом не учитесь на примерах царей, Деникиных и Сталиных. Казаки себя национально вполне осознали и теперь их уже не так просто обмануть, как вам это кажется. Слава Казачеству!

Инж. Ф. Полковников.

КАЗАКИ И КАЗАЧЬЯ ЗЕМЛЯ.

Казаки — это совершенно особый, в течении многих веков окончательно сформировавшийся народ, обладающий своими духовными и физическими свойствами, так непохожими на свойства остальных народов.

Земля Казачья — Казакия — это совершенно определенная территория, на которой в течении многих веков жили предки казачьего народа.

Земля Казачья — это земля, которую в течении многих веков орошали своим потом, трудом и потоками своей крови наши казачьи предки.

Земля Казачья — эта земля, которая видела, пережила, впитала в себя и бережет всю многовековую историю Казачьего Народа.

Казачья Земля — земля, соки которой вместе с молоком матерей всасывали в себя дети казачьи. Казачья Земля — земля, в об'ятьях которой казачьи кости не ищут свой последний покой, но превращаются в новую жизнь, входя вместе с соками земли в жизнь молодых казачьих поколений.

Казаки и Казачья Земля два неразрывно связанных элемента. Это одна, единственно неразделимая стихия-кольцо, из которого нельзя уйти, из которого и не смеет и не может уйти ни один казак-патриот. Наши предки, ушедшие в Казачью Землю, и мы, всосавшие в себя соки Земли Казачьей, — неразрывно связаны.

С соками Казачьей Земли в нас вошла и жизнь наших казачьих предков, живет наша седая казачья старина, в нас живут наши погибшие герои-атаманы, в нас живет наша вечная жажда за Казачьей Волей...

Так мы хотим! Так хотели и наши героипредки, живущие в нас, так хочет многовековая казачья история, так хотят казаки и Казачья Земля — Казакия!

ИЗ МЕСТ КАЗАЧЬИХ БЕЖЕНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И СТАНИЦ.

Газета штаба Походного Атамана Казачьих Войск ген. Доманова «Казачья земля» издаваемая во временном поселении казаков, сообщает, что для улучшения материального положения казаков предпринимаются многие меры.

Одним из видов казачьей самопомощи является организация отдела социального обеспечения. Все казаки от 16-летнего возраста должны быть членами отдела социального обеспечения. Начальником отдела назначен полковник Новиков.

Организован и приступил к работе казачий банк. Банк производит все банковые операции, принимает на хранение и выплачивает проценты на деньги, уложенные казаками. За сохранимость вкладов банк несет ответственность по законам Казачьего суда.

В г. Новочеркасске (с. Олессо в сев. Италии) открывается Областной дом инвалидов, рассчитанный на 90 человек.

Открыто Казачье Юнкерское училище, где казачья молодежь, обучаясь военному искусству, в будущем пополнит кадры казачьих офицеров.

По инициативе Окружного Атамана войс. стар. Ротова открылось Донское офицерское собрание, где в уютном помещении, украшенном портретами Казачьих вождей и генералов, после дневных трудов, собираются офицеры и проводят вечер в Казачьей обстановке.

«Каждый казак должен любить все Казачество больше, чем себя самого — одного казака.

Каждое Казачье Войско должно интересы всех Войск поставить выше интересов своих, выше интересов одного Войска. Это будет в то же время и наилучшей службой своему Войску, ибо Спасение Казачества и его лучшее будущее в об'единении отдельных казачьих Войск в одно целое».

«В. К.»

Юрченко и Китанина архив организации; поношенный старый черный с белой когда-то окантовкой казачий башлык, с нафталинным запахом, волчьем хвостом, бережно хранившиеся потускнелые фотографии приезда и вступление в Баталпашинск полковника Шкуро.

В распоряжении Армавирского ОГПУ оказался только список нескольких участников, из коих многие, своевременно предупрежденные, скрылись из станицы. Все же не учет были взяты: Курчин, Федоров, Руденко, Серков Василий, Удовенко Дмитрий, Голубинский, Згонников, Юрченко, Калаушин Андрей, братья Земцовы, братья Китанины и ряд других. «Волк» — была организация чисто юношеская, казачья, состоящая из большинства казачьей молодежи, у которых права уже подрезывали. В нее входили трое из коренных иногородних, родители которых с незапамятных времен сроднились с Казачеством, жили с казаками на казачьих землях.

После шестимесячного предварительного следствия, Армавирским ОГПУ, как высшей карательной инстанцией на Кавказе, были сосланы в долголетнее заключение «волчата»: Юрченко, Курчин, Серков, Згонников и Руденко.

Организатора и руководителя «Волк» никто не выдал и после разгрома группы, хотя «волчата» и знали, что он состоит музыкантом духового оркестра как городского, так и станицы Зеленчукской.

До 1930 года о нем никто, кроме меня, не знал. Кое-кто из «волчат» отбыли свой срок на Соловках и показываться в Баталпашинск боялись, кое-кто умер там. В годы коллективизации он исчез неизвестно куда, и я о нем больше ничего не слышал. Вот и весь мой сказ. Да, это было так — ...еще раз подтвердил заканчивая свой рассказ баталпашинец.

— А кто же был организатор? — не выдержал невольно слушавший внимательно кудреватый донец. — Вы его же знали? спросил он.

— Да, я его знал. Это был один из наших «волчат» с «волчьей» кровью, сын казака станицы Зеленчукской есаула Колкова — Колков Леонид...

Александр Пивень.

Рождество Христово в народных обычаях на Кубани.

«Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение».

Как радостны были для каждого из нас эти слова ангельской песни в день праздника Рождества Христова, когда мы были у себя на Родине! Но вот уже какой раз мы вынуждены провести этот великий христианский праздник на чужбине, и та же радостная песнь не несет нам ни покоя, ни радости; даже более того: в дни великих праздников глубоко чувствуется утрата мирной и спокойной жизни, какую мы имели в родном Краю.

И каждого казака в эти дни преследует неотвязная, горькая мысль: «Зачем я здесь? Почему не дома? И до каких пор я буду, как отверженный, скитаться в чужих краях, не имея пристанища и спокойной человеческой жизни?» — Сожмется у него сердце от таких жгучих вопросов, посмотрит он вокруг себя и, чтобы забыть на время горькую действительность, перенесется мысленно в родную сторонушку.

Это было давно. С тех пор прошло уже более 65 лет, как я был малышом-подростком; и все таки я и сейчас очень ясно и живо представляю себе ту жизнь, какая происходила тогда в наших станицах. Наш **казачий народ** отличался в то время простотою жизни и удивительной прелестью народных обычаев. Это было такое время, когда всякий обман и бесчестный поступок человека становились известны на другой день по всей станице и карались всеобщим презрением; когда почти не было случаев воровства, и выпущенная со двора на толоку лошадь целый день паслась без всякого присмотра.

Когда я вспоминаю теперь до мельчайших подробностей всю обстановку праздничных дней Рождества Христова и Нового Года, я удивляюсь мудрости нашего **народа,** который мог создать такую красоту народных обычаев, вполне соответствующих праздничному времени и духу христианской религии.

Еще накануне праздника, на «богату кутю», детям поручают, бывало, набрать и принести в хату самого чистого и душистого сена, со всякими зелеными листиками, цветами и «разнотравием», которые дети же укладывали «на покуті», под образами. Это место, очевидно, должно было напоминать собою вертеп и ясли, в которых родился Христос-Младенец. На это сено затем торжественно переносили, при участии детей, «кутю» и «узвар» — традиционное кушанье, установленное православным обычаем.

«Богата вечеря» начиналась рано, еще до сумерек, с появлением на небе первой звезды. Вокруг большого стола, стоявшего здесь же, возле «покутя», торжественно усаживалась вся семья, со всеми детьми и домочадцами, и «вечеряла» чинно и спокойно, строго сохраняя молчание. Был старинный обычай, что если во время этой вечери кто чихнет, то глава семьи об'являл такому счастливцу в подарок первого телка или жеребенка, рождение которого скоро ожидалось.

После «богатої вечері» все малые дети, в возрасте отроков (до 7 лет), разносили «вечерю» своему крестному отцу и матери, в сопровождении взрослых; и вся станица, уже в сумерки, наполнялась детьми, снующими по всем улицам, и почти в каждый дом приходил малый ребенок и, после приветствия, поцеловав отцу или матери руку, чистым детским голоском об'являл, что «батько і мати прислали вам вечерю — їжте на здоровьья».

Следует отметить, что кроме указанного обычая — разносить вечерю, канун праздника проходил всегда особенно тихо, в торжественном спокойствии, которое никем не нарушалось. Каждая семья находилась дома в полном составе и после вечери сейчас же укладывалась спать, т. к. большинство членов ее на первый день праздника старалось побывать в церкви. Никакого пения колядок, шумного веселья молодежи и всякого дурачества в этот святой вечер нигде в наших станицах не бывало; православный народ и не мог допустить в канун великого праздника ничего подобного.

В самый день праздника, рано утром, еще до рассвета, на улицах станицы всюду появлялись кучки детей-подростков, которые усердно перебегали со двора во двор и «славили Христа», а вечером молодые парни носили по станице «звезду», заходя с нею в каждую хату, где пели церковные песни. В это же время, еще до наступления сумерек, по улицам начинали ходить и «дівчата», составивши отдельные от хлопців, группы, подходили к окнам хат, и всюду слышалось громкое: «благословіть колядувать!», а из хаты ответное: «Бог благословить», после чего, в звонком морозном воздухе, раздавалось пение колядки:

Смотр одной из казачьих воинских частей.
„Kosaken-Ruf"

«Та спородила Ісуса Христа
Діва Марія.
Аделуя, аделуя,
Діва Марія»...

Ношение звезды и пение колядок продолжалось три вечера, а иногда и больше, но наряду с этим обычаем религиозного свойства, часто можно было услышать и колядки шуточные, исполняемые подростками-детьми, для праздничного веселья.

Накануне Нового года, в день «Миланки», дивчата ходили под окнами хат «щедрувать», т. е. петь песни в честь новоселя, которые назывались «щедрівками». Вечер «Миланки» считался по народному обычаю исключительно девичьим вечером и потому молодые парни на улицы в этот вечер не допускались. Чувствуя себя вполне свободными, девушки занимались в это время ворожбой или подслушивали под окнами хат разговоры и по отрывочным словам и фразам старались истолковать свою судьбу. Но больше всего ходили небольшими группами для пения щедривок. И снова слышались всюду по станице возгласы: «Благословіть щедрувать!» — «Бог благословить!» — После чего хор девушек пел щедривку:

«А в Єрусалимі рано задзвонили.
Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоровья!
Там Діва-Марія по раю ходила.
Щедрий вечір, добрий вечір,
Добрим людям на здоровья!..

Здесь нужно заметить, что ни одна колядка или щедривка не заключала в себе, как обычно думают, ничего языческого — нехристианского, но по своему замыслу и содержанию почти всегда представляла прелестное поэтическое произведение народного творчества.

Ходили также щедровать под окнами подростки и малые дети, но у них щедривки были чисто детского, большей части практического содержания.

Рано утром в день нового года, еще в сумерки, все улицы станицы буквально заполнялись малыми детьми, в возрасте до 10 лет, которые настойчиво стучались во всякую хату, так как были убеждены, согласно народному верованию и обычаю, что они несут с собою счастье и что всюду их пустят. Каждый ребенок имел с собой сумку или «торбу» наполненную зерном пшеницы, ячменя, проса, гороха и проч., которую ему еще с вечера приготовила мать или бабка; а отец, вручая ему утром эту торбу, наказывал: «Іди, синок, посипай, щоб Бог послав урожай». Войдя в каждую хату с самым серьезным и деловитым видом, этот маленький вестник народного благополучия без разговоров запускал руку в торбу и рассыпал зерна по комнате, приговаривая:

«На щастя! На здоровья!
Роди, Боже, жито, пшеницю
І всяку пашницю!
З празником! З Новим Годом!
З новим щастям! З Василіем!»

Этих «посипальників» было так много и они с таким усердием выполняли свое дело, что в каждой хате чистая для гостей комната, за какой-нибудь час, была вся густо усыпана зернами. С наступлением дня эти зерна старательно подметали и собирали, как особую драгоценность, а затем половину их отдавали домашним животным и птице, приговаривая: «на добре вам здоровья та на великий плид», а другую половину разбирали по сортам и применивали к посевному зерну, со словами: «пошли Боже урожай на всіх людей, на увесь край».

Много вспоминается мне еще и других праздничных обычаев, какими наш **казачий народ** украшал Рождественские и ново-годние праздничные дни, но если вспомнить все и описать более подробно, то получится большой этнографический очерк.

Так проводили эти праздники у нас на Кубани в доброе старое время, и когда вспомнишь об этом здесь, станет легче на душе и хоть немного отойдет тоска от сердца.

И хоть народ наш терпит сейчас у себя в родном Краю тяжкое рабство, а мы скитаемся по чужим странам — мы должны в дни этих великих праздников укрепиться надеждой, что всему этому скоро будет конец, что наши враги-супостаты, сойдут со сцены, и в родном освобожденном Краю, по словам ангельской песни, воцарится «на земли мир, в человецех благоволение».

О Казаках и Казачестве.

«Почитать казаков донских частью древней Руси не должно. Только язык и вера сближали их с Россией и, наконец, покорили России».

Русский историк Полевой.

«Казаки почитались всегда за храбрый и сильный народ. По свидетельству Константина Порфирогенета известны они были уже в 948 году. Польские писатели об'являют о них разные необоснованные басни, но сие показывает токмо подлую ненависть против сего храброго народа. Особливо укоряют их тем, будто они состоят из беглых людей. Хотя то и подлинно, что всегда принимали поляков и других, которые искали у них убежища, однако, ж сие не мало тому препятствует, чтобы казаков не можно было почитать за древний и по их состоянию изрядно учрежденный народ».

Из книги «Об Азове», изданной Русской Академией Наук в 1738 г.

«...Казаки являют собой государственно крепкий народ».

Академик Гмелин. «Путешествие» СПБ. 1771.

«Земли Донских Казаков уже в 1570 году были значительным государством, достаточно могущественным, чтобы основать свою столицу в Черкасском городке».

Немецкий ученый Шторх. «Историческая и статистическая картина Рос. Империи в конце XVII в.» 1801 г. ч. I. 67.

«...до последней четверти 17-го столетия Донские Казаки были совершенно независимы от Москвы и в отношении других своих соседей вели свою политику, часто совсем не соответствовавшую видам Московского Правительства».

Столетие Военного министерства 1802—1902 гг. т. 2. ч. I. стр. 17.

«История Казаков, сего воинственного народа, и первого республиканского казачьего государства весьма отличительна и равна по воспитанию спартанцам, а по умению владеть оружием — римлянам».

Карл фон Плото. «Казаки или история последних» Берлин 1811.

«Донское Войско в первой половине XVII века имело все признаки, которые почитаются необходимыми для государства: свою непроизводительную власть, территорию, население, право международных сношений».

Историк С. Тхоржевский. Сборник «Русское прошлое» в. III 1923 г. Петроград.

«Эволюция казачьего быта привела к оформлению Казачества в особый народ. Таковым рассматриваются казаки не только в актах европейских и восточных держав, но и московские правительственные акты XVII столетия именуют донских казаков иноземцами. Сто лет тому назад в российских средних и высших школах еще учили о казаках, как об особом народе. Это положение провозгласили казачьи представители в 1917 году в Киеве на с'езде народов быв. России и были признаны особой народной ветвью».

Историк др. С. Федоров.

«...Спрашивается, был-ли Дон государством или провинцией Московского государства? На этот вопрос нужно ответить: безусловно на Дону существовала своя собственная государственная власть, и с 1549 по 1721 год Дон был государством, а не провинцией. Государственная власть на Дону имела источником народную волю...»

Историк С. Сватиков. «Россия и Дон» стр. 33.

«...Угодничанье перед Сталиным и его жидовским правительством, держание нейтралитета, робкое выжидание, что что-то само совершится, вялость и слабость — это гибель!. Это новые потоки казачьей крови и окончательное истребление рыцарского казачьего народа!»

(Из письма ген. П. Н. Краснова к казакам от 27 января 1943 г.).

«Вся славная история Казачества полна борьбы за свою независимость. Теперь Казаки знают, что Казачьи Земли будут Казачьими».

Гл. редактор газеты «Голос Донбасса» 14. 5. 1943 г.

«Только традиционная казачья государственность на наших исторических землях, под защитой Германии, обеспечит нам право к свободному развитию и даст возможность вновь стать на исторический путь казачьей жизни».

Ген. В. Г. Науменко. Из обращения к кубанцам от 16. 7. 1944 г.

«Мы именуем Казачьи Земли «Казакией».

Ганс Кроекер. Месячник «Иностранная политика». Берлин. Октябрь 1943.

...«Казачий народ совершенно отличается от русского народа и имел полнейшую государственную независимость».

Там же.

«Прошлое Казачества — это прошлое независимого и свободолюбивого народа, борящегося и ныне за свою свободу».

Хиберт Штейнерт «Брюннер-Тагблатт» 22. 8. 1943.

«И всетаки Казаки народ. Народ с собственной казачьей историей, обычаями, нравами, традициями и характером».

Из статьи «Казакия» И. Кая. в ежемесячнике по вопросам народной политики «Дейтче Арбайт» 42 год изд. книга 11. ноябрь 1942.

«Казачьи Войска никогда не признавали власти большевиков.

Старшие Войска, Донское, Кубанское (бывшее Запорожское), Терское и Уральское (бывшее Яицкое), жили в давние времена своей государственной жизнью и не были подвластны московскому государству.

Вольные, не знавшие рабства и крепостного труда, Вы, Казаки, закалили себя в боях».

Из декларации Германского Правительства к Казакам от 10. 11. 1943 г.

«Задачей Казачества удобрять своей кровью широкие степи, охранять их от хищника степей — кочевника и ожидать, пока придет, не боясь степного хищника, русский человек — полный хозяин. Само Казачество терпимо только до той поры, пока широкая степь не понадобится русскому земскому человеку для возделывания».

Русский историк Соловьев.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

(Продолжение).

После ночного дождя чувствовалась сырость. С речки тянуло туманом. Солнце пряталось в тучах. Ветер гнал их на юг. Земля набухла.

— Пахать бы тапереча, яровые сеять, пока не поздно... Осенью свое богатство в закрома ссыпали бы. — как бы вскользь промолвил Захар, поглядывая на сына. — А? Как ты думаешь, сынок?

— Земля будет, паши хоть завтра. Сегодня все порешим, а вы беритесь за раздел земли немедля, вот и будете осенью свой хлеб иметь.

— А чью землю брать на раздел то? В станичном юрте, или в соседних экономиях, там землищи то пропасть? — пытливо спросил отец сына, искоса поглядывая в ожидании ответа. — Казачью то землю поделим, а пахать не на чем, худобы нет. Экономическую сподручнее, там тебе всего вдоволь.

— А чьи тут экономии рядом то?

— Мазаевых, Макеевых, Бабкиных, Тамбиевых... Тыщи десятин землищи що, на всех хватит. И казакам, что с нами идут, можно дать, не все и они куркули.

За разговорами Безпаловы незаметно дошли по безлюдным улицам до площади, направляясь прямо в правление.

Дежурный, увидев Егора, подошел поздоровался и поздравил с приездом.

— А где атаман? — сразу же спросил Егор грубым матросским голосом, привыкшим в Питере к роли революционного «хозяина».

— Атаман еще дома! — ответил дежурный, в недоумении оглядывая Егора.

— Позвать сюда! Да забеги за товарищем Веревкиным. Скажи, что товарищ Безпалов приказывает незамедлительно явиться по службе!

— Учитель то? — переспросил дежурный, — так он давно уж пришел.

— Где?

— В присутствии сидит.

— Так беги за атаманом. — приказал Егор.

— Слушаюсь! — ответил дежурный и чертыхаясь пошел к атаману:

— Иишь ты, какой сокол явился, приказывает... Обвешался пулеметными лентами и думает, что ему теперь черт не брат. Погоди, осторожнее на поворотах, не таких сопляков скручивали.

Безпаловы вошли в присутствие. Веревкин встал из-за стола, покрытого красным в чернильных пятнах сукном, поздоровался.

— Здрасте, Дмитрий Ликсеич, — дружески протягивая руку, приветствовал Егор учителя, — вот и мы... Займемся делами, наведем порядки у вас, да и назад в Питер.

Он безцеремонно опустился в атаманское кресло, на котором только что сидел Веревкин и, не снимая с головы матросской безкозырки, стал крутить цыгарку. Со стены из золотой рамы строго смотрел, из под нависших седых бровей старый атаман Кухаренко на впервые появившегося в присутствии Хама.

— Что так рано, побыли бы еще немножко, — заискивающе спросил Веревкин, — без вас мы, пожалуй, и не управимся.

— Служба, Дмитрий Ликсеич, там делов то у нас побольше чуточку. У вас что тут: десяток другой куркулей пустил в расход и наступит мир и спокойствие, а в столице эту сволочь не скоро выловишь.

В это время вошел дежурный и доложил, что атамана дома нет, а куда уехал, жена не знает.

— Утек, туды его мать! — выругался Егор. — Прозевали! Надо было ночью арестовать. Иди! — крикнул он дежурному, — да никого сюды не впущать! Понял?

— Так точно понял, господин... — дежурный замялся, не зная как величать Егора по его должности.

— Да не господин, а товарищ, — огрызнулся он, — господ тапереча к стенке ставим, а мы все товарищи!

Лишь только закрылась дверь за дежурным Егор предложил отцу с Веревкиным составить список станичных кулаков и, арестовав их, отправить в Майкоп в распоряжение отдельского комиссара. Немедленно произвести чистку в станице, чтобы вражеский элемент не вносил лишней смуты, да и казаки сразу же присмиреют, когда увидят почетных стариков, управлявших станицей, в тигулевке.

— Плохо, Егор Захарыч, что оружия то нет у нас и арестованных нечем охранять, — заявил новый секретарь станичного комиссара.

— Как нет? — удивился Егор, — а где же станичное оружие, ведь завсегда в пирамидах стояло?

— Сегодня на заре сотник Рева все забрал и куда то уехал со своими казаками. Я уже навел справки. — гордо заявил секретарь, как бы указывая этим на проявленную им деятельность на новом поприще.

— Опять прозевали! Все годы уполазли Тьфу!

Последовала отборная матросская ругань и смачный плевок загадил чистый пол присутствия.

Поворочав «Зерцало» и осмотрев со всех сторон такую диковинную вещь, Егор Безпалов приказал собрать к правлению всех иногородних, чтобы создать из них отряд в помощь станичному комиссару.

— С вилами, с топорами будут, а сегодня же арестую всех гадов и очищу станицу! — громко крикнул он и так сильно стукнул своим кулачищем по столу, что старый расхожийся стол готов был рассыпаться в любую минуту.

ГОЛОС ЧИТАТЕЛЕЙ.

Поздравляю КНД с Днем Казачьей печати.

Действительно, этот день должен быть для истинных казаков торжественным и даже святым днем, ибо он родился на чужбине, в тяжелых условиях и большой бедноте.

Там, у себя на родной Земле, когда казак был богат и силен, не смел он слова вымолвить, а было много, что сказать, правдивого и важного для жизни казачьей, но не было где его проговорить. Здесь же в чужих краях, в изгнании, бедноте и унижениях, нашлись сильные люди, которые нашли нужным говорить свое слово и начали его творить в нищете, но правдиво и честно и потому оно окрепло, а с волею казака и помощью Бога доступно каждому, понятно и вразумительно.

Дорогие станичники! его нам надо охранять, укреплять, расширять и не давать возможности грязным и продажным языкам и рукам марать его, ибо оно честное, открытое и правдивое.

Это дорогое казачье слово открыло многим тайны неправды, которая давила душу казака, как гнет опричника или господина над рабом.

Лелея Казачье слово — наше родное слово, мы можем пойти широкими шагами с ним вперед потому, что оно сильное, истинное и не продажное.

Дорогие станичники! берегите свое печатное слово, укрепляйте и расширяйте его. Помогайте по силе возможности!

Слава Казачьему печатному слову!

ст. Гавриил Степанов, Мюнхен.

ХРОНИКА

— К своей 20-тилетней общественно-политической деятельности Руководитель Казачьего Национального Движения (КНД) инж. В. Г. Глазков получил массу писем от казачьих организаций, от множества отдельных казаков и не-казаков, которые в теплых словах выразили ему свои самые наилучшие пожелания и особые симпатии.

Всем им Руководитель выражает свою искреннюю благодарность, относя высказанные чувства казачьей национальной идее, представителем и проводником которой он является.

— С 5 по 22 декабря 1944 г. Руководитель Казачьего Национального Движения (КНД) инж. В. Г. Глазков и его заместитель П. С. Поляков находились по казачьим делам в Берлине. За это время они имели неоднократные разговоры со всеми официальными представителями немецких властей, которые были поставлены в известность о положении всех волнующих казаков вопросов и об отношении к ним Национального Казачества.

— Во время своего пребывания в Берлине Руководитель КНД и его заместитель имели беседы с официальными представителями и видными политическими деятелями народов Востока Европы, с которыми обсуждались все вопросы, касающиеся взаимного сотрудничества и согласованности национально-политической работы с этими народами, равно как и еще большей активизации борьбы против московского большевизма.

— 13 декабря 1944 г. Руководитель КНД и его заместитель в присутствии представителей немецких властей имели трехчасовой разговор по всем казачьим вопросам с Начальником Главного Управления Казачьих Войск генералом П. Н. Красновым.

— 23 и 24 декабря состоялось заседание Совета КНД, на котором возвратившиеся из Берлина Руководитель и его заместитель осветили положение казачьих дел, особенно в связи с последними событиями. После живого обмена мнений и обсуждения всех стоявших на повестке дня вопросов Совет выразил полное и непоколебимое доверие Руководителю и его помощникам, с непоколебимой энергией отстаивающих национальные интересы Казачьего Народа.

— 31 декабря 1944 г. в Праге состоялось заседание Верховного Совета КНД, на котором были обсуждены все актуальные казачьи вопросы. На заседании присутствовали все активные работники казачьего национализма, представители фронтового казачества, казаков, работающих на производстве, научных и культурных работников, и значительное число рядового казачества. На этом заседании еще лишний раз было продемонстрировано полное единство всего национального Казачества и его твердая вера в руководство.

— У м. Лінці на Дунаї дня 15 грудня ц. р. підчас терористичного налету англо-американських літаків, загинув запорозький козак Нестор Коробченко на 46 році життя.

Покійний машинист по фаху працював у Лінці тощником локомотивів. Як вірний заповітам свободолюбивого козацтва України покійний непохитно боровся проти більшевизму. В Україні чинно підвирав протибольшевицьку боротьбу німецької армії як машиніст. На праці в Німеччині звязався з національним козацтвом середь якого залишив згадку щирого приятеля та відданного співборця.

Виявляємо сердечне співчуття дружині, дочкам і товариству покойного. Хай буде легкою йому земля.

Запорозьке Т-во.

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ.

Из новогоднего приказа начальника Казачьего резерва ген.-лейтен. А. Г. Шкуро.

Больше четверти века тому назад, Казачество, почуяв великую беду, первым встало на борьбу со страшным бичем человечества — иудо-большевизмом.

Ни кем не поддержанное в свое время, оно не выдержало навалившейся на него страшной тяжести и было сломлено. Да! было сломлено, но не побеждено!

Находясь как в изгнании, так и в своих родных Краях, казаки, несмотря на тяжелые условия жизни и беспримерный в истории человечества гнет и насилие иудо-большевиков, — не утратили духа и воли к сопротивлению.

В наше тяжелое и страшное время, когда решается судьба цивилизации и культуры, а вместе с этим и судьба великих и малых народов, Казачество опять стало одним из первых в ряды бойцов за лучшие подлинные идеалы и, таким образом, продолжает кровавую борьбу, начатую 27 лет тому назад, **борьбу за право на жизнь и свободное, достойное культурного народа, существование.**

На протяжении веков бытие Казачества не раз подвергалось смертельной опасности, но ни насилия и гнет, ни физическое истребление не прервали существование этого благородного, здорового и трудолюбивого народа, обладающего государственным умом и организаторскими способностями.

Не раз, поверженное в прах, оно вставало и, отряхнувшись, вновь возрождалось, развивалось и крепло, всегда готовое на свое самостоятельное государственное существование.

Я верил в Казачество всегда и теперь верю, что после перенесенного шквала, оно вновь окрепнет и, как заявившее себя пред лицом всего мира с самой лучшей стороны, в будущем **займет в семье народов обновленной Европы, подобающее ему почетное место.**

К казачьей воинской доблести, к казачьему героизму нужно придать соответствующее казачье духовное оснащение, только тогда казак будет представлять полноценного и сознательного борца за свою собственную самобытную жизнь.

(В. Авилов, «К. В.» № 13 (70).

В Праге в субботу 13 января с. г. в 18 часов, в помещении большого зала «Чешская корона» (Прага XII, Коронная улица № 32) Казачья Национальная Станица устраивает

НОВОГОДНЮЮ ВСТРЕЧУ КАЗАКОВ И ЕЛКУ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

РОЗЫСКИ

— Фетисов Василий, разыскивает отца Фетисова Петра Петровича, казака Донской области, Цымлянской стан., хутора Красный Яр, эмигрировавшего в 1918 г. Одно время жил в Сербии в Крушеваце. Писать Фельдпост № 59315.

— Крапивин Вячеслав Александрович, хут. Желтухина, ст. Иловлинской, Дон. Род. в 1922 г. разыскивает родных и знакомых. Фельдпост № 613.

— Фокины Валентина и Анна, дочери Уральского Казака Луки Ивановича Фокина, разыскивают отца эвакуированного с семьею из Беловежи. Просим отозваться по адресу:

Gr. Engelau b. Friedland, Bahnabschnitte Drihaus, Unterabschnitt Dierl.

— Жилинская Матрена разыскивает двоюродного брата Галубицкого Ивана Алексеевича, Витебской обл., уехавшего на работу в Германию в 1942 году. Сообщить по адресу:

Grim-Kordshagen Post Steinhagen über Stralsund Wagner. (4)

— Кириченко Иван Павлович из гор. Слуцка (Белоруссия), разыскивает жену Елену урожд. Батакову и дочь Веру род. в 1942 г. Лиц знающих что либо о них прошу сообщить по адресу:

Stetin-Altdamm Felix Dahnstr. Baracke 2.

— Шкуринский Алексей Иосифович, разыскивает отца и брата Григория, ст. Екатериновской, Кубань. Прошу откликнуться по фельдпосту № 25041-Ко. К.

— Соловьев Михаил разыскивает станичников Боковской станицы, Дон; Бесхлебнова Федора Федоровича, Климкина Сергея Никаноровича, Кумова Владимира Константиновича, Селиверстова Семена Ивановича, Софина Александра Терентьевича, Кривова Василия Герасимовича, Зенова Василия Герасимовича и Гурова Григория Степановича. Писать по адресу:

Bernsdorf O./L. (8) Wald Siedlung Bl. 38-9.

— Ченцов П. А. разыскивает казаков Орловской станицы Дон, Ченцовых Василия и Александра Андреевичей, и Василия Петровича, а также других станичников и казаков из хутора Донского. Мой адрес:

Bernsdorf O./L. Leimwald Bl. 37-9.

— Рудык Николай Львович, ст. Гривенской, Кубань, разыскивает брата Григория Львовича, эмигрировавшего в 1920 г. в Сербию. Писать:

Fürstenwald, Feistritzgasse 10-15, oder Prag XIV., Linzerstr. 84.

— Рудык Иван Данилович ст. Гривенской, Кубань, разыскивает сына Григория эвакуировавшегося в 1943 г. Писать:

Berlin O. 17. Warschauerstr. 34. Bekleidungsamt d. Lw.

— Лосев Борис разыскивает подхоружего Филиппа Фисенко и мать Феклу Фисенко, а также братьев Михаила Фисенко и мл. урядн. Григория Брянцева, из Кубани, ст. Баталпашинской. Мой адрес:

Res. Laz. in Stendal (19) Hans Scherman Schüle Abt. II. A. Z. 2.

— Дубовик Петр Васильевич разыскивает отца Василия Андреевича Дубовика ст. Троицкой, Кубань. Прошу писать по адресу Фельдпост № 25041 (2-я рота).

— Киселева Ольга разыскивает брата Клавдия Григорьевича Ирхина. Писать:

Gendarm. Jagdzug Dommersdorf Mischnietz Postlag.

— Кениг Анна разыскивает Василия Яковлевича Макарова с Армавира. Писать по адресу:

Prag XVII., Kavaliergrund 36.

— Ананко Е. Д. разыскивает Крыштопа Василия Исидоровича, эмигрировавшего во Францию. Писать по адресу:

Pi. Ers. Ausbl. Stamm Kompanie (Kosakenlehrgang) Krems-Donau.

— Карпенко Владимир Михайлович, ст. Воронежской, Кубань, разыскивает братьев Василия и Ивана и родственников Фильева Ефима Никитовича и Поповичева Ивана Андреевича. Писать по Фельдпосту № 56361-Е.

— Асерецков Георгий, разыскивает семью жену Ефросинью Петровну, и сына Юрия, эвакуированных в 1943 г. с Кубани, ст. Крымской. Мой адрес:

Wien III. Sabostjanplatz 3. Res. Laz. 25-c.

— Двух мальчиков в возрасте 2—4 лет, сирот, детей казаков хочет взять на воспитание казак ст. Гривенской Илья Мак. Панера. Писать по адресу:

Prag-Nusl, Spytihněvova 7.

— Таций Федор, ст. Воровсколесской, Кубань, разыскивает станичников. Писать:

Tazij Fedor bei Grischmann Kirschberg Raab N. 73. (12a)

— Ветров Петр Степанович, казак ст. Усть-Медведицкой, Дон, разыскивает родного брата Сергея, Валерию Николаевну Ярошенко (урож. Ивницкая) и просит писать знакомых по следующему адресу:

Fahrmeister P. Vetroff Lager Speer 2 Komp. Nikolassee am Kattenweg, Berlin.

Каждый казак должен не забывать внести свою лепту в Казачий Национальный фонд и заплатить за «Казачий Вестник».

Казачье национальное дело ведется казачьими руками и на свои казачьи средства.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Ukrainski Museum, Praha-Musle II,
Gutenštejnska ul.č.6.

ZEITUNGSDRUCKSACHE

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 2 (85)

5 JAHRGANG
5 год издания

ПРАГА, 15-го ЯНВАРЯ 1945 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag II., Starekgasse 4. Ruf. 634-70.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

П. Поляков.

* * *

«И на земли мир, в человецех благоволение».

Не так уж велик пройденный путь, не слишком уж много раз сызнова зажигалась елка, а сколько перемен, сколько новых лиц пришло навстречу из темной Рождественской ночи и сколько милых и дорогих образом встает сейчас перед духовным взором.

На дворе холодно. Медленно идет снег, все уже покрылось белой ровной пеленою, ничего не видно под ней, только на сердце не зарубцовываются старые воспоминания, всплывают они снова и снова, и зябнет сердце и кровоточит душа, и жалится Богу, Отцу нашему, все существо человеческое.

. . . . . .

Под камышевым опарником не замерзли тяжелые колеса водяной мельницы. Медленно, разбрызгивая изумрудные искры холодной как лед воды, поворачиваются колеса, гремят зубцы шестерен, быстро крутятся пкивы самотаски, безшумно скользит сито, и теплой мягкой вьюгой веет новая, белая мука.

Там, в доме, давно зажгли елку, давно поели кутьи и взвару, давно уже бабушка ушла спать... В час ночи проснется она. По обыкновению подумает, что пора уже вставать месить пироги, оденетс, накинет теплый полушалок, и ужаснется завидя в столовой нас всех в зборе, еще не ложившихся спать.

«Господи Исусе Христе, да что это Вы, полуночники, делаете? Грех ведь ночью то не спать. Заря уж занимается».

И снова, в сотый раз, бесконечно удивится узнав, что еще всего час ночи и что пироги месить рано. И, ворча, уйдет зореварь...

Все сидят дома, под елкой. Только мы, самое молодое поколение нашего хутора, уже два месяца занесенного снегом и отрезанного от всего мира, задезли под опарник, прижались в темный угол и ждем.

Сердце бьется так сильно, что кажется слышно сквозь полушубок его удары. Да как не боятся! Как не дрожать от страха, когда знаем, что сейчас из Россыпной балки вернется в мельницу домовой.

Нам давно известно, что по ночам он зачем-то ходит в Рассыпную балку, что поздно ночью ворочается он назад и ложится спать на мешках с пшеницей, никем не видимый. Только когда залезет он под опарник и по валу проходит под колесами мельницы, только тогда можно его видеть.

Шумит вода, шуршат валы, звонко падают крупные капли воды, сбегая по камышу. Тишина. Ни души. Чу! Кто-то идет!

Ясно слышно как хрустит снег под ногами. Ближе, ближе, ближе. Непреодолимое желание сорваться с места и бежать, бежать в ужасе, домой, где светло, где не может появиться домовой. Но страх приковывает нас к месту. И меня, и брата моего Валю, и Мишку, сына мельникова, и сестру мою Шуру готовую всегда разделить с нами, мальчишками, наши похождения...

С невероятным шумом отскакивает в сторону сноп камыша закрывающий вход в опарник. Огромная темная фигура появляется в нем на фоне звездного неба. Как испуганные куропатята шарахаемся мы в сторону и валимся в кучу. Шура громко вскрикивает, Мишка споткнувшись попадает ногой в воду.

«Так ось вони где! А мы з ног збились шукаючи. Чого вы сюда позализали?»

Голос мельника радостен и звонок. Ужас перед появлением домового сменяется страхом неизбежного наказания.

«Влипли, брат» — шепчет Валя. Шура начинает всхлипывать, а Мишка, схваченный за шиворот, уже выволакивается мельником наружу для производства соответствующей экзекуции...

Опустив головы, гуськом, идем мы домой.

Сквозь замерзшие окна видна в столовой разукрашенная зажженная елка, видны тени бабушки, матери и отца переходящие от окна к окну. Праздник определенно испорчен...

Но праздника ради нас прощают. Бабушка читает нам лекцию о том, что домовые конечно есть, но что глядеть их грех и... через пол часа все мы спим в наших теплых постелях здоровым крепким детским сном.

. . . . . .

Веет снег. С вечера холодная поземка перешла в пургу. Ни зги не видно. Ноги все глубже и глубже проваливаются в сугробы. Все тяжелее и тяжелее вытаскивать валенки из снега. Винтовка и патронташи кажутся непосильным грузом. Темь — глаза выколи. От долгого шагания становится жарко. Расстегиваю шинель, срываю теплый шарф с разгоряченной шеи. Ах как я устал. Как хочется спать. Сесть бы хоть на одну минуточку. На один миг. Хоть чуть-чуть отдохнуть бы...

С вечера, часов в восемь, мы, человек десяток гимназистов, реалистов и кадет, — добровольцев, собрались вместе встретить Праздник Рождества Христова. Часов в шесть, после двадцативерстного перехода подтянулся наш отряд к заметенному снегом хутору. Квартиръеры указали нам отведенные нам комнаты у казаков. Сняты валенки и полушубки. У комелька сушатся принадлежности несложного туалета. Тепло, хорошо. Радушно принимают нас старый казак со старушкой — женой своей. Из каких то тайных укорон извлекается бутылка цымлянского. Поминутно вытирая красные от слез глаза старушка хлопочет у стола уставляя его множеством яств.

«Ешть детушки, ешть, родимые... у мине самой трое иде то по свету за Казачеству нашу бьются. Мамыньки ваши, поди, тоже теперь плачуть, вас вспоминаючи. Ешть у мине, как у мамуни вашей, родной...»

В порывах ветра, сквозь завывание мятели, четко и злобно, там за ветрякми, на выгоне, застрекотал пулемет.

Одна очередь, вторая, третья...

На улице загомонили. В окно забарабанил чей-то кулак.

Впустив облако пару распахнулась дверь и взводный урядник пулей влетел в комнату.

«Выходи, рябяты, скорея, краснюки напирають»...

Во мгновение ока все одеты. Наскоро прощаемся с заливающейся слезами хозяйкой. Крепко, на ходу, жмем заскорузлую, шершавую ладонь старика-хозяина. В ночь, в темноту, по направлению лающаго как голодный шакал пулемета...

В жаркой, короткой схватке, в полной темноте, ослепленные снегом, потеряв связь и ориентацию, разбились молодые ребята. Как воробьята разлетелись в разные стороны. Ушли, оставя хутор, в степь, в ночь, в пургу...

Хутор заняли красные.

Дальше брести нет сил. Вот какая-то кочка. Ох как хорошо отдохнуть в мягком, кажущемся теплым, снегу. Слипаются глаза, тяжелеют веки. Сосну самую малую толику. Только часик. Только минуточку. А потом дальше, искать своих...

Где я? Дома! Вот наша столовая... Елка горящая мириадами свечей... Тепло, тихо, радостно...

Кто это толкает меня, расположившегося под елкой? Мне вовсе не хочется вставать и открывать глаз. Я только пять минут... я сейчас... мама...

«Ишь-ты, шпаночек ты белогубый, маманю вспомнил. Вставай а то во взят замерзнешь; дурья твоя голова. Я думал, что ты уж готовый!»

Перед самым лицом, открыв глаза вижу обледеневшую лошадиную морду. Сидя в седле нижним концом пики толкает меня в бок высокий, закутанный в башлык донец.

«Господи Боже мой, и чего этих рябят воевать бяруть, одна колгота с вами».

Смущенный с трудом выбираюсь из сугроба наметенного надо мною снега. Бреду покачиваясь и ежась, и ясно понимаю что не будь его, этого сердитого усача, остался бы в степи еще один «белогубый» спать сном беспробудным.

«Спасибо, станичник. Как бы не ты, пропал бы я...»

«Иди, иди, после магарычить будешь...»

. . . . . .

И много еще прошло Праздников Божьих. Встречали их и на Кавказе и в Турции и в Герцеговине...

...Наконец то работа окончена. Ломит спина, слипаются глаза от непреодолимого желания спать. Целый день голодным зверем гудела тяжелая строгальная машина. Целый день выпуская фонтан стружек глотала она желтые смолистые доски и вымотала казака в конец. Но — сегодня Рождество. Со стружечного ложа поднимаюсь и переодеваюсь в единственный заработанный честным трудом столяра костюм. Нужно куда-то пойти. Посидеть хотя-бы в ресторане.

В чужом маленьком сербском городке, с одной небольшой фабрикой, никаких знакомств нет. Да и кто захочет знакомится с обшарпанным, ободранным «русом».

«Паве-е-ел... где ты?» Голос хозяина почему-то не груб и не отрывист как обычно.

«Ты собирайся ка поскорее, оденься получше, к нам на елку тебя моя дочка приглашает».

В тот вечер ярко горели звезды, тепло светились свечи елки и мягкими синими огоньками разгорались голубые глаза Катерины...

Прошел бурный февраль... наступила весна, незаметно прошло лето. В мастерской, за работой, прошла холодная осень...

— «Ничего больше не бойся, Павел, ты оказался хорошим мастером, отец и мать тебя полюбили... поженимся, войдешь компаньоном в фабрику...»

Ласковым теплым огоньком светят синие васильки-глаза. Хочется верить что так и будет...

А когда подошел великий зимний праздник, вечером, в семь часов, сломленный страшной душевной болью, в полной темноте, перед жарко разожженной печкой, молча, ничего не видя и не понимая, тяжело опустился я на стул. Из темноты, с мягкого половичка, прямо на колени, вскочил мне мой единственный друг — пес Яшка.

Посмотрел прямо в глаза и лизнул прямо в губы.

Тихо погладил я его по курчавой голове. Что, понял?

Да, опять остались мы с тобой одиноки. Опять. Сегодня к вечеру умерла она от воспаления легких. Мы посидим молча, погляжим на огонь, закурим трубку и обернемся назад, посмотрим на пройденный путь.

Мало было в нем радостей, Яшка.

. . . . . .

Опять гудят колёса поезда. Выскочив из узких улиц города, из под разрушенной крыши вокзала, в ночь и темноту, уносится затемненным призраком скорый поезд...

Сегодня Рождество Христово... Двадцать восьмое по счету вне родного дома, вне родины.

Господи, не много-ли?

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ

(К 20-летию его литературной и общественной деятельности).

Archiv „Der Kosakenbote".

— Помоги мне, Господи,
Послужить Казачеству
За него, Родимое,
Жизнь отдать свою.
Упокой мя, Господи,
Промежду курганами
Возле Дона Тихого
Да в Родном Краю...

П. Поляков.

В этой выдержке из поэмы нашего Национального поэта сказывается все внутреннее содержание Павла Сергеевича Полякова.

Не шовинист, доходящий до экстаза во время полемик, наоборот, строго выдержанный, фанатик идеи, но спокойно отстаивающий свои точки зрения, в письме острый, умеющий любого противника поразить острием своего пера.

Родился Павел Сергеевич 20(7) декабря 1902 года на хуторе Полякове, возле хутора Разуваева, станицы Островской, Усть-Медведицкого округа, Всевеликого Войска Донского. На воспетом им же в последствии хуторе Разуваеве он впервые познакомился с грамотой, в тамошней церковно-приходской школе. Потом — первых четыре класса реального училища в г. Камышине на Волге.

Чувствуя потребность стать в защиту Родного Войска от надвигающегося красного шквала, он с 1918 по 1920 год служит в рядах Донской армии добровольцем, получил чин младшего урядника и награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Дальше, Царицын, Кавказ, Крым, наконец, после длительных мытарств, относительное спокойствие в Сербии.

Здесь он поступает в Донской кадетский корпус, который успешно заканчивает в 1924 году.

В корпусе у него проявляется наклонность к перу. Он основывает среди кадетов Вольно-казачью организацию, издает журнал «Донец» и юмористический журнал «Наука и жизнь». В последнем остро и хлестко высмеивались порядки в корпусе и возглавителей этого храма науки.

В конечном итоге юный редактор попадает в карцер. Как раз в это время корпус посетил чиновник министерства народного просвещения.

Поляков был извлечен из карцера и продемонстрирован перед министерским ревизором.

Поселившись в Белграде П. С. записался на философский факультет Белградского университета.

Одновременно с образованием П. С. ведет широкую общественную работу, не разбрасываясь, не разменяваясь, он всегда прямо и неукоснительно следует по своей, Национально-Казачьей линии. Тяжелый это путь, особенно в б. Югославии, где прочно основались реакционно-монархические гнезда, даже за пределами своей Родины преследующие все имеющее что-либо общее с Казачьим «сепаратизмом». Отведал он и Белградскую тюрьму. Но сломить упорную силу Казака не удалось.

Он в течение 5 лет состоял Атаманом студенческой станицы, 3 года Окружным Атаманом Югославского Вольно - Казачьего Округа и, наконец, Атаманом Всеказачьего Союза в Сербии с августа 1941 года по сентябрь 1944 года.

П. С. принимал и принимает самое активное участие в Казачьей национальной прессе. Ни одно из многочисленных изданий не обошлось без его трудов, первое произведение отпечатано в сборнике «Казачий Быт», изданном в 1925 году в Париже. Отдельными книгами до сих пор вышли: иллюстрированная поэма «Иван и Феня» и «Поэмы». В небольшой заметке юбилейного характера нет места для оценки его личности, как писателя и поэта.

Эту тему постараемся использовать в ином месте, сейчас только отметим, что им переведены на сербский язык Гоголь, Пушкин (Сказки), Чапыгин (Стенька Разин) и Ершов (Конек Горбунок).

Сейчас П. С. Поляков, эвакуировавшись из Сербии, обосновался в Праге, где в качестве заместителя Руководителя КНД принимает деятельное участие в работе центра организации и в газете «Казачий Вестник».

Тяжелый и полон неожиданностей путь преданного идее Казака-Националиста, особенно в чужой обстановке, без собственного угла и возможности развернуться во всю ширь, степным орлом. Необходимо учитывать особенности политического момента и считаться с настроениями тех, с кем приходится сталкиваться в деловых сношениях. Но П. С. обладает всеми данными для того, чтобы находить надлежащие тропинки в современном лабиринте мышлений и проэктов, оставаясь неизменно на своем Казачьем Пути.

П. С. Поляков не может быть другим. Он честен, прям, крепок духом и нервами — Казак-Националист.

Г. Козловский.

Борис Кундрюцков.

* * *

В кровавой мгле лихих столетий
Горит мечта суровых дней,
И в отраженном жгучем свете
Душа становится сильней!
Четвертовали кони тело,
И плаха ложем нам была —
И в ноздри рваные продело
Нам время прошлые дела...
Из века в век передалася
Упорно вера в торжество, —
И вот — в душе, в душе зажглася
Мечта в святое Рождество...
И, гордый духом, ногу в стремя
Занес, схватившись за луку, —
Мы — те же все! Бессильно время
Сломить упорство казаку.
Как в старину — наган-пистоля!
И та же Дона булава!
И на знаменах слово: Воля!
И наш залог ей — голова!

Инж. Ф. Полковников.

КАЗАКИ И КАЗАЧЬЯ ЗЕМЛЯ.

Казаки — это совершенно особый, в течении многих веков окончательно сформировавшийся народ, обладающий своими духовными и физическими свойствами, так непохожими на свойства остальных народов.

Земля Казачья — Казакия — это совершенно определенная территория, на которой в течении многих веков жили предки казачьего народа.

Земля Казачья — это земля, которую в течении многих веков орошали своим потом, трудом и потоками своей крови наши казачьи предки.

Земля Казачья — эта земля, которая видела, пережила, впитала в себя и бережет всю многовековую историю Казачьего Народа.

Казачья Земля — земля, соки которой вместе с молоком матерей всасывали в себя дети казачьи. Казачья Земля — земля, в об'ятьях которой казачьи кости не ищут свой последний покой, но превращаются в новую жизнь, входя вместе с соками земли в жизнь молодых казачьих поколений.

Казаки и Казачья Земля два неразрывно связанных элемента. Это одна, единственно нераздемимая стихия-кольцо, из которого нельзя уйти, из которого и не смеет и не может уйти ни один казак-патриот. Наши предки, ушедшие в Казачью Землю, и мы, всосавшие в себя соки Земли Казачьей, — неразрывно связаны.

С соками Казачьей Земли в нас вошла и жизнь наших казачьих предков, живет наша седая казачья старина, в нас живут наши погибшие герои-атаманы, в нас живет наша вечная жажда за Казачьей Волей...

Так мы хотим! Так хотели и наши героипредки, живущие в нас, так хочет многовековая казачья история, так хотят казаки и Казачья Земля — Казакия!

М. Башмак.

Козацькі культурні діячі.

V.

ЩЕРБИНА ФЕДІР АНДРІЄВИЧ (1849—1936).

Федір Андрієвич Щербина народився 13/25 лютого 1849 року в станиці Ново-Дерев'янківській на Кубані. Родичи його були зі старого козацького роду; дід Ф. А. прийшов разом з Чорноморським Козацьким Військом на Кубань; батько був вибраним дячком в Переяславській куріні, як письменний козак був перечислений до складу духовенства Чорноморського Козацького Війська. Коли Ф. А. було три роки вмер його батько, він залишився разом з матер'ю у діда священника о. Юрія Білого, під доглядом 116-літньої прабабки Шепчихи, яка йому прищепила козачі погляди.

Почав учитися Ф. А. у дьячка, але втік від методів учителя, який бив учнів різками, ставив на коліна на сіль та інше, а навчився грамоті від старшої своєї сестри. 12 років його віддали, як сина священника, учитися до бурси с. т. до Чорноморської Військової духовної школи в місті Катеринодарі, по закінченні якої в р. 1866 його перевели до Кавказької духовної семінарії в місті Ставрополі.

Перебуваючи в духовній семінарії Ф. А. з товаришами заснував ремісничу артіль, в якій по вечерах в'язали книжки, столярували, шили чоботи та інше й коли ця артіль була вже міцна, то в р. 1869 Ф. А. підговорив своїх товаришів покинути науку в духовній семінарії та заложити хліборобську артіль. Шість його товаришів послухались його, між якими був і Г. А. **Попка**, *) покинули семінарію (з 4 останньої кляси) й вирушили на Кубань, де біля станиці Бриньківської, на землі священника, заложили першу в б. Росії інтелігентську хліборобську артіль. Вони самі обробляли землю, полювали, рибачили й загалом вели всі господарські праці, придержуючись артільного господарювання.

Ф. А. провадючи хліборобські праці в артілі скоро переконався, що без спеціального знання вести сільсько-господарчі праці в артілі тяжко, а тому він вирішив набути таких знань в Петровсько-Розумовській сільсько-господарській академії в Москві.

Помимо господарської праці Ф. А. придивлявся й до козачого життя. Він бачив на власні очи, що в кожній козачій станиці були шинки (кабаки), де козаки пропивали свої гроші. Ф. А. написав статтю «Из станицы — Общественный кабак» в якій трактував, що козаки пропивають свої тяжко зароблені гроші у корчмарів. Ця стаття, надрукована в «Кубанських областних відомостях» за 1872 рік, звернула на себе увагу редактора, який просив Наказного Отамана ген. Цакні призначити Ф. А. Щербині військову стипендію до Петровсько-Розумовської господарської академії в Москві. Стипендія Ф. А. Щербині була призначена.

Ф. А. Щербина став учитися в академії а хліборобська артіль розпалась, проіснувавши два с половиною роки.

Перебуваючи в академії с р. 1872 Ф. А. приймає саму діяльну участь у політичному житті студентів-академиків. Тут же почав співробітничати в Петербургському журналі «Неделя» Гайдебурова, куди писав статті по земельному питанню. Але не довго прийшлося бути Ф. А. в академії, бо за політичну працю, а особливо за протест проти порядків в академії з боку директора її йому прийшлося покинути академію в 1874 році. Ф. А. переїздить в Одесу, де при гімназії імени Ришельє склав додатковий матуральний іспит та вступив на природничий факультет Новоросійського університету в Одесі.

Як в академії в Москві, так і в університеті в Одесі, Ф. А. продовжує студіювати робітничі артілі, бере дійсну участь, як в переховані, так і транспортуванні із-за кордону нелегальної літератури, а саме головне веде пропаганду серед міського робітництва. Провокаційним способом був заарештований, та адміністраційним порядком в 1876 році висланий на Кубань, разом зо своєю дружиною.

Але жандарми в Одесі добилися того, що Ф. А. з Кубані був висланий на північ по Вологодської губернії. Після чотирьох років перебування на засланні, тільки в р. 1880 йому повернено волю, але з забороною мешкання в містах, де були університети, тому він їде на Кубань, де й взявся досліджувати рідний Край-Кубань, друкуючи про неї цілу низку розвідок.

Перебування Ф. А. на засланні використовував час, посилаючи свої статті до «Отечественных Записок», «Русской Мысли», «Неделе» та др.; тут же на засланні приправив і свою першу книжку «Очерки южнорусских артелей и общинных артельных форм», що вийшла в 1881 році та звернула на себе увагу в цілій б. Росії.

В р. 1882 Ф. А. переїзджає в Одесу, де йому соціолог-народник С. М. Южаков передав редагування «Одеського Листка», але із-за розходження з С. В. Витте Ф. А. відмовився від редакторства і почав працювати над студіюванням артільних форм.

В р. 1884 йому було запропоновано Воронізьким Земством обняти провід Воронізького земського статистичного уряду. Ф. А. цілих девятнадцять років свого найкращого життя віддав Воронізький статистиці, ставши відомим статистико-економічними працями не лише в б. Росії, але й закордоном, його рахують одним з перших фундаторів земської статистики.

С 1896 по 1901 рр. Ф. А. був на чолі урядової експедиції в Степовий Киргизький Край, в області Акмолинську, Семипалатинську та Тургайську. Історія с призначенням головою урядової експедиції дуже цікава. Цар Микола II, ще як був тільки наслідником, повертався з Японії через Сібир, де до його звернулися киргизи з проханням урегулювати їх земельне питання. Наслідник вислухав їх й дав слово киргизам, що буде захищати їх земельні інтереси. Коли став царем доручив цю справу Ф. А. Щербині, якого знав по його книжці: «Історія Кубанського Козачого Війська». По цій історії наслідник виучував козачі питання; його вихователь генерал Данилів дав наслідникові зреферувати цю історію Щербини. Микола II пригадав Ф. А. Щербину й призначив його головою урядової експедиції не дивлючись на протести «царедворців». Що літа Ф. А. виряжався в киргизьку експедицію, а що зими вертався до Воронізького губерніяльного статистичного бюра. Ф. А. разом зо своїми співробітниками обслідив 83 мілюони десятин землі й киргизи дістали землю по трудовій нормі.

В осени р. 1902 Ф. А. написав доклад Воронізькому повітовому комітету «О нуждах сельско - хозяйственной промышленности», який викликав велике зацікавлення в цілій б. Росії. В цьому докладі, як пише проф. О. Мицюк: «накреслив: «Широко закреслений програм всебічних реформ в цілодержавним маштабі, — економичних, національних і політичних», окремо видав цей доклад П. Струве, як редактор Освобождения» в Штутгарті в Німеччині в р. 1903, але Ф. А. за цей доклад накликав на себе чергову адміністраційну репресію, його в січні 1903 року було вислано на Кубань в свій хутір Джанхот під доглад поліції. Поліційний доглад над Ф. А. був йж до революції р. 1917, але за те він інтенсивно почав працювати над дослідженням рідного Краю-Кубані.

В р. 1906 на Кубані були ускладнення між козаками в земельному питанні. Наказний Отаман генерал Михайлів реферував у царя, що найліпше земельне питання на Кубані могла б розвязати Кубанська Козача Рада. Цар знав, по історії Ф. А. Щербини, ролю Ради у козаків, а тому згодився зібрати на Кубані козачу Раду, але тільки на розрішення земельного питання. Через 114 років зібралася в Катеринодарі Кубанська Козача Рада, 520 вибранних від станиць депутатів, які й обрали Ф. А. головою цієї Ради. Рада вирішила земельне питання на Кубані. Після цього Ф. А. був вибраний депутатом до другої державної Думи від Кубанських козаків, разом з К. Л. Бардіжем.

Весь свій час Ф. А. посвятив зібранню матеріялів по архивам як на Кубані так і по цілому Кавказу й як вислід цієї праці в р. 1910 вийшов друком І том «История Кубанского Казачьего Войска», а в р. 1913 — другий том. По зібранню джерел в Кубанських архивах в Катеринодарі працював цілих два роки під керовництвом Ф. А. молодий тоді ще учитель Симон Петлюра.

В р. 1917 аж 1920 на Кубані Ф. А. був вибраний членом Кубанської Краєвої Ради та першим головою «Кубанського Верховного Суду».

В р. 1918 Ф. А. став професором статистики «Кубанського Політехничного Інституту» та «Северо-Кавказького Політехничного Інституту» в Катеринодарі.

В р. 1920, призначив Ф. А. Уряд Кубані членом «Делегации по хранению Кубанских Войсковых Регалий» (на чолі був генерал Петро Іванович Кокунько), яка й вивезла Регалії до Білгороду — Сербія.

В р. 1921 з Сербії Ф. А. перебрався до Праги чеської, де напочатку читав лекції по статистиці руським студентам. По відкриттю українського університету в Празі в р. 1922 Ф. А. було обрано звичайним професором по катедрі статистики, а в р. 1923 звичайним професором на Українській Господарській Академії в Подебрадах. Також був Ф. А. деканом правничого факультета та ректором Українського університету в Празі.

Цей свій останній період свого життя Ф. А. віддав всі свої скарби, що він набув за довге своє життя, виключно науці, викладаючи в двох високих українських школах, та пишучи підручники та науково розробляючи ріжні, як статистичні, так і інші питання. Але Ф. А. не забував і своїх громадських обовязків, він був шість років головою Громади Кубанців в Празі й завдяки його працям та турботам багато кубанців попало до б. Чехословаччини де й покінчали високі школи та набули високошкільних фахових знань.

Помер Ф. А. в Празі 29 жовтня (н. ст.) р. 1936 на 87 році свого життя і похований на православнім цвинтарі в Празі.

Ф. А. Щербина дістав нагороди за слідуючи свої праці:

1. «Крестьянское хозяйство в Острожском уезде» в 1887 р. дістав від Російського географичного товариства найвищу нагороду велику золоту медаль.

2. «Сборник оценочных сведений по крестьянскому хозяйству 4-х уездов Воронежской губернии» — премійовано грошевою премією імени земця князя Васильчакова Харківським університетом.

3. «История Воронежского Земства» — в 1891 році дістав від Російської Академії Наук вищу грошеву премію імператора Олександра III.

Ф. А. був членом Кубанського Статистичного Комітету в Катеринодарі та в багатьох інших товариствах, а в р. 1904 був обраний членом-кореспондентом Російської Академії Наук. В р. 1925 був обраний дійсним членом Наукового Товариства імени Т. Шевченка у Львові.

Ф. А. Щербина написав 39 книг та в ріжних збірниках та журналах було надруковано 80 статтей.

*) Григорий Анфимович Попка (1852—1885), був сином священника о. Анфима, який був віроучителем в Чорноморській Військовій гімназії в Катеринодарі. Відомий революціонер-земленолець, член Лавристського гуртка в Одесі (башенці).

В архиве редакции имеется небольшое число полных комплектов газеты «Казачьего Вестника» за 4 года ее издания.

Цена комплекта 25 RM.

Инж. В. Б.

Выдержки из экономического очерка Казачьих Земель.

(Земледелие и промышленность).

В основе экономического благосостояния Казачьих Земель лежит сельское хозяйство. По изобилию своей сельско-хозяйственной производительности Казачьи Земли занимали выдающееся место в мире, не говоря уже о значении их в хозяйстве России. Обязаны они этим прежде всего своей земле, ее количеству и качеству.

Для понимания структуры народного хозяйства Казачьих Земель необходимо иметь представление о землевладении. Краеугольным камнем здесь является землевладение Казачьих Войск. Часть территории принадлежащая Казачеству измерялась в 21,7 мил. дес. при общем количестве земли в 57 мил. дес.

В процентах из всего количества войсковой земли кругло 18% составляло войсковой запас, остальное количество приходилось на станичные наделы. Удачное решение земельного вопроса, столь занимавшее в годы революции Раду и Большие Круги, должно явиться залогом благополучия не только нашего сельского хозяйства, но и всего народного хозяйства вообще. Сельское хозяйство, являясь главным источником народного дохода, было у нас главным занятием населения.

Количество лиц занимающихся сельским хозяйством подавляющее. Группа «промышл. и торговая» хотя и стоит на втором месте, но значительно уступает предыдущей.

На 100 душ населения в наших Землях приходится сельского населения в Астраханской губ. 86,1 душ, в Донск. обл. 80,3, в Кубан. обл. 91,6, в Терск. 81,4, в Ставропольской 94,4, в Черноморской 51,6. Губернии Ставропольская, Астраханская и Кубанская обл. превышают, таким образом, цифру среднюю для всей России (без Финляндии 85,0).

Еще более бросается в глаза высокий % нашего сельского населения в сравнении с другими странами. Так в Германии сельское население составляло лишь 37,1% (1919), Англии 22%, Франции 53,3% (1921 г.), Австрии 39,8% (1920 г.), Швейцарии 69,7% (1922 г.), С. Штатах 56,2% (1920 г.).

В значительном отношении не были почитателями земледельческой культуры наши кочевые и горские народы, составлявшие значительную часть населения на юге и востоке, земледелие здесь замещалось скотоводством.

Несмотря на подавляющий процент земледельческого населения, сравнительно небольшая густота населения и наличие абсолютно огромных пространств годной для земледавдения земли создавали все же достаточную обеспеченность земледельческого населения землей. Последняя значительно превышала в Казачьих землях таковую в Европ. России. В 1916 году на 100 душ населения в Европ. России приходилось посевной площади 86 дес., на Дону же 166,2, в Ставропольской губ. 191,5 дес.

При рассмотрении обеспеченности по видам культур оказывается, что наиболее высокая обеспеченность в сравнении со всей Европ. Россией у нас была в отношении культур наиболее ценных, напр., пшеница. Также значительно превышала средние для Европ. России цифры и величина нашего земельного надела, доходившего в Ставропольской губ. до 30 дес. на крестьянский двор, или до 4 дес. на душу населения. Величина среднего казачьего надела на душу мужского пола видна из след. табл. в дес. (Сирин):

	всей земли	удобной	леса
Астраханская губ.	33,8	13,0	1,7
Терек	15,1	12,3	0,9
Дон	13,5	11,0	0,3
Кубань	8,8	7,7	1,3

Большие величины ряда перечисленных элементов народного хозяйства объясняют отчасти те огромные цифры, которыми характеризуются размеры земледельческой культуры Казачьих Земель. В общей сложности под главные культуры у нас запахивалось 13,04 мил. дес. (1914) , что составляет менее ¼ всей территории (57 мил. дес.). Если в будущем к этой площади прибавится еще 7 мил. дес., о которых мы упоминали раньше, то площадь запашки сможет дойти до колоссальной цифры в 20 мил. дес. Но и при 13,04 мил. дес. она превосходит площади таких государст, как Венгрия (93 т. км²), Португалия (92 т. км²), Болгария (103 т. км²), почти в 5 раз больше Бельгии (30 т. км²), в 3½ раза больше Швейцарии (41.000 км²) и Дании и т. д. В 1919 году по отношению к засеву всей империи площадь засева Казачьих Земель составляла около 14,7%. Урожай всех культур (без подсолнечника и без Астраханской губ.) составлял около 9% сбора империи, сбор же трех наиболее важных хлебов — пшеницы, ячменя и кукурузы — равнялся почти ⅓ сбора Европ. России. Отношения эти могли бы быть во много раз больше, в виду наших занятых под земледел. культ. почв.

По составу земледельческих культур наши земли отличались определенным своеобразием. Первое место занимали у нас зерновые культуры, среди них в первом ряду была пшеница, далее шли — **ячмень, кукуруза, овес, рожь, просо, подсолнух, лен и конопля.** Для всей империи наиболее распространенными хлебами были — озимая рожь, овес, яровая пшеница и ячмень. Для Казачьих же Земель озимая рожь и овес играли второстепенную роль и до 75% посевной площади (кроме Астрахан. губ.) занимали озимая и яровая пшеница и ячмень. Из остальных культур значительно большое распространение по сравнению со всей Евр. Россией, у нас имели кукуруза и просо, наоборот, гречиха, лен, конопля и картофель имели значение меньшее, чем в последней. Исключительную роль играли в Казачьих Землях культуры масличных растений, особенно подсолнуха, дававшие половину всего русского сбора масличных семян. В Зап. же Европе масличные растения не играли до войны, маломальски, заметной роли.

Луговодство и сбор сена у нас характеризовались цифрами относительно небольшими.

Лишь Астраханская и Черноморская губ. да Терек дают высокие цифры лугов, 3 же области, наиболее важные в отношении земледельческой культуры, выказывают цифры меньшие, чем средние для России. Это важный дефект нашего земледелия, каковым он был и для России — кормовые травы в С. Штатах занимали 17,5%, в Англии они покрывали до ⅓ посевов, в России же, доходя до максимума в Белоруссии (5,1%), они занимали лишь немного более одной сотой доли. Ничтожное распространение кормовых трав приводит к упадку скотоводства и в конечном итоге истощает почву.

Итак гипертрофия **зерновых культур,** высокий % масличных растений и ничтожное развитие полевого травосеяния — вот отличительные черты севооборота в Казачьих Землях. С точки же зрения Европейских земледельческих районов, наши земли заслуживают название района «пшенично-ячменно-кукурузно-подсолнечного».

Виды культур, стоявшие у нас на первом месте по площади засева, давали и главнейшие продукты для вывоза. По расчетам проф. Лященко (Хлеб. торг. на внутр. рынках Европ. России) в наших четырех земледельческих областях (Дон, Кубань, Терек, Ставроп. губ.), остаток главных хлебов на вывоз — озимая и яровая пшеница, озимая рожь, — составлял в 5-летие 1909—14 гг. в среднем в год 200 мил. пуд., для 1914 г. цифра вывоза хлеба должна быть повышена до 237 мил. п. Эти же основные продукты казачьего земледелия лежали в основе и нашего экспорта заграницу. Проф. И. Емельянов, побывавший еще до войны в сев. Америке, в своей книге «Кооперативная организация среди землевладельцев» рассказывает, как он собственными ушами слышал на одной из крупнейших в мире хлебных бирж — в Чикаго, как особый метеорологический магафон известил биржу о выпавшем в этот день на Кубани дожде! Если этот пример с одной стороны иллюстрирует совершенство организации Чикагской хлебной биржи, то с другой он характеризует и мировую роль нашего хлебного хозяйства и нашего экспорта. Каков же должен был быть удельный вес этой отрасли народного хозяйства Казачьих Земель, если один дождь на Кубани уже влиял на курс Чикагской биржи, с ее оборотами в сотни миллионов пудов хлеба!

Помимо зерновых хлебов и масличных растений Казачьи Земли были богаты еще целым рядом специальных земледельческих культур. Среди них на первое место надо поставить **табак.** Сбор его высших сортов превышал половину сбора всей Империи и представлял важный продукт для экспорта.

Обращает на себя также внимание и **виноградарство** наших земель. До 7 мил. пудов винограда собиравшегося в Казачьих Землях составляли около ⅓ всего сбора Империи. Ряд сортов получавшегося у нас вина оставался непрезойденным.

Из глав об **огородничестве, бахчеводстве и садоводстве,** читатель увидит, что эти отрасли земледелия стояли у нас довольно высоко, хотя достигали лишь незначительной доли возможного развития.

Второю по важности отраслью сельского хозяйства Казачьих Земель было **скотоводство.** Казачьи Земли выделялись количеством скота. Почти все губ. Европ. России оказывались по общему правилу значительно менее богаты и лошадьми, и крупным рогатым скотом и в особенности овцами. В относительных цифрах на душу населений наше овцеводство превосходило соответствующие средние цифры для Европ. России в 5—7 раз. И при неточности преуменьшенных статистических данных соответствующей главы читатель увидит, что в некоторых отношениях Казачьи Земли могли претендовать на первые места среди скотоводческих стран мира. По количеству **свиней** три наших главных земледельческих области также выделялись среди губерний и областей России. Неудивительно, что, как поставщик продуктов скотоводства, Казачьи Земли занимали исключительное место особенно в отношении шерсти, кожи, жира. Наша тонкорунная шерсть составляла 75% сбора России.

И в таких близко стоящих к скотоводству областях с.-хозяйства, как **птицеводство** и **пчеловодство,** наши земли были представлены достаточно высоко; в отношении пчеловодства, напр., мы могли претендовать на первенствующее значение.

Обособленно стоят лесные **богатства** Казачьих Земель. Совершенная их необследованность и почти полное отсутствие эксплуатации, как-то невольно отгесняло их на задние незаметные места. Это не должно служить поводом к преуменьшению их значения и общей недооценки, ибо Предкавказье, Терек, Кубань и особенно Черноморская губ. располагают огромными ресурсами лесных богатств, как в количественном, так и в качественном отношении. Ряд встречающихся здесь пород стоит вне всякой конкуренции с обычными породами стран экспортирующих лес.

Несравненно более, но все же в недостаточной степени ценились и наши **рыбные богатства.** А между тем Казачьи Земли занимали исключительное по обилию рыбы место среди рыбных районов России, а Астраханский район и всего мира.

В казачьем лагере.
Archiv „Der Kosakenbote".

Александр Пивень.

Казаки - сыны вольных степей.

«Казачество... казаки... не колеблюсь сказать: на мой слух — это звучит гордо».
Н. М. Мельников. («Казачество»).

Казак никогда не унывает: он и на войне и в походе песни играет.

Казачья поговорка.

— Смотрите: кто это такой?

— Это казак.

— Да кто такой этот казак? Где он вырос? Откуда взялся?

Так, вполне возможно, спросит кто-нибудь, кто в первый раз увидел казака.

Но он напрасно так спрашивает. Как же? Ведь о казаках вся земля слухом полнится. Прошла о них славушка из края в край, — по всему белому свету.

Слыхала о них, давно слыхала, еще в древние времена, вся Азия и Европа; знают казаков прекрасно все их друзья и враги.

Однако, слава то прошла везде хорошая, да рассказы о казаке бывают разные: одни слишком его хвалят, другие — порицают.

Но на это можно одно только сказать: если по разному говорят, то значит ничего толком и не знают.

Вот я, старый казак, расскажу и растолкую о казаке сущую правду-матку, без прикрас, какая она на самом деле есть, и всякий мне поверит.

А раз поверит, так потом и спрашивать об этом не будет.

Расскажу я о казаке, какой он был в старое, доброе время, еще в дни моей молодости, (а живу я уже в восьмом десятке: много за свой век чекменей сносил, сапог стоптал и людей повидал); да упомяну и о том, как о казачьей лихости и доблести говорили наши отцы и деды.

А нужно вдобавок еще и то сказать, что казак наш никогда не меняется: какой он был лихой в старину, такой остался и посейчас.

Уж такая у него натура казачья!

Ну, а теперь вот послушайте о казаке мое правдивое слово.

Казак не кто-нибудь и не что-нибудь; и не абы-какой человек казак, как большинство есть людей: нет, братцы мои, человек то он — человек, да только взял особую сноровку и на других людей совсем не похож.

— Вот невидаль какая! Да какой же он, этот казак, на самом деле? — Задаст кто-либо вопрос.

А вот какой: слушайте, да на ус мотайте.

Казак — удалая, отважная, неустрашимая голова.

Казак — лихой, смелый, неутомимый наездник.

Это воин с головы до ног, от рождения до смерти.

— Но кто же такой казак? Откуда он? Какого роду и племени? — Станут снова задавать вопросы.

Если вы будете спрашивать об этом казака, то вы услышите от него все один и тот же неизменный ответ.

— Кто ты такой?

— Казак.

— Какого происхождения: роду и племени?

— Казачьего.

— Да кто же были твои предки: отцы и деды?

— Казаки.

Казак одно знает твердо: что он сам — казак, что отцы и деды его были такие же казаки, и с гордостью и достоинством носит это звание.

Казак — вольный человек, никогда не терпевший над собою чужого владычества и не знавший никогда крепостного или другого рабства.

Свободный телом и душою воинственный потомок казачьего народа.

Это сын безконечных южных степей, вольный, как воздух, свободный, как ветер.

Широкая степь его воспитала, взрастила; земля-мать родная, поставила на ноги, вскормила.

Опасен казак на войне, страшен в битве и схватке: стреляет в самую точку, колет насквозь, рубит со всего плеча — на-двое.

От него не спасешься, не укроешься: бегущего настигнет — приколет, лежачего в полон возьмет.

Таков казак на поле ратном и своей доблестью и отвагой прославился на весь свет.

Когда случится война, казак по первому зову бросает свои мирные занятия, в два-три дня собрался в поход, а на четвертый — уже скачет на своем коне-скакуне, с собственным обмундированием и походным вьюком, и является на сборный пункт.

В походе и на фронте казак терпелив, вынослив и неприхотлив: на-ходу, на-скоро ест, очень мало спит, всегда на-чеку, постоянно готов броситься на врага.

Ох, и крепок же казак на войне и в битве с врагом, крепок и устойчив!

— Но почему так крепок и силен казак? — Еще кто-либо спросит.

Он крепок своей вековой, неизменной дружбой с конем.

Сильнее этой дружбы на всем свете нет!

Казак и конь — это одно целое, удивительное, прочное целое, в особенности, в походе и на войне, в битве и схватке; казак поражает врага своей ловкостью и отвагой, а верный его конь бьет вражьего коня ногами и грызет зубами.

И вот поэтому, имея такого верного в нем друга, казак может провести на коне безконечное число дней, не чувствуя утомления, не зная отдыха.

Был у казаков еще прадедовский хороший обычай: казачий конь вырастал вместе с казаком в одном казачьем дворе; да вместе же набирались они удали, лихости и отваги в широкой казачьей степи.

Так оно было у казаков от старины везде и всюду; да так же точно вошло затем и в крепкий обычай во всех казачьих станицах и держалось до самой революции.

И бывало так, что только вот казак-малолеток в 15—16 лет немного подрастет и окрепнет, а уж тут, во дворе, хорошая матка-кобылица вывела на свет Божий, от племенного жеребца, молодого конька-скакунца.

Вот и растут они вместе и крепнет их неизменная дружба с молодых лет и на всю жизнь. За три-четыре года возмужает малолеток и станет сильный и статный воин-казак; а вместе с ним вырастет за тоже время и красавец конь — его верный боевой друг и помощник.

И вот поэтому, посмотрите вы и полюбуйтесь, каков казак верхом на коне: сидит он, не качнется, как прирос, будто родился вместе с конем.

Посадка бодрая, живая, без конца удалая: грудь вперед, колесом, плечи назад, голова запрокинута, шапка на самом затылке.

Смотреть на казака, когда он на коне, — одно загляденье: стоит ли он мирно — картина, мчится ли в карьер, с пикой на перевес или с шашкой, что блещет, как молния, в руке, — красота удивительная; все равно, видите ли вы его в натуре, или на хорошей картине.

Ведь наши знаменитые теперь и всюду прославленные казаки-джигиты в течении 25 лет эмигрантской жизни, положительно удивляли и поражали весь свет своею лихостью и отвагой. Они производили на коне такие удивительные номера казачьей джигитовки, каких не могли сделать в лучших европейских цирках самые знаменитые наездники.

И эта джигитовка скоро вошла в моду, как наилучшее зрелище по целой Европе, а за нею и по всему свету.

В первые же годы эмиграции, составились и объединились, одна за другою, наилучшие команды таких джигитов, по 10, 15 и более человек, под управлением опытных казачьих офицеров-джигитов.

И ежегодно, в летнее время, начали эти команды совершать свои интересные турнэ по разным странам Европы, приводя всех иностранцев в восторг, где бы казаки ни заявились.

И где только не побывали казаки!

В каких странах и городах, в столицах и на курортах не восхищали они публику!

В каких славных европейских и американских реках, каналах и водопадах не поили они своих коней!

И никак не мог насмотреться иностранец на казака-джигита: все он казался ему каким-то особенным человеком; но зато сам казак скоро и хорошо присмотрелся к иностранной жизни и порядкам и, чем дальше, стал держать себя везде и всюду все лучше, увереннее и смелее.

В своем родном Краю казак был отличный, испытанный воин, да не менее хороший хлебороб-хозяин, поставивший свое материальное благополучие в наилучший вид. Но казака не интересует только одна материальная сторона жизни: он создан и имеет задатки и способности для жизни высшего порядка.

Заграницей в короткое время, из казака-хлебороба, превратился он в первоклассного артиста-наездника и в певца-художника, очаровавшего всю Европу своим пением и джигитовкой, в казака — разных специальностей, ценимого за свое трудолюбие и работоспособность.

Знаем мы давно, что много есть людей, которые распускают о казаке всякие басни, что он жесток и кровожаден. Но так говорят о нем только недруги казачьи, да еще те, кто казаков никогда не видел и не знает. А на деле оно не так, а совсем наоборот: казак — душа-человек, простой, сердечный и обходительный; никого без нужды он не обидит, а со всяким обойдется по-братски, по-человечески. Мало того: у него всегда можно найти помощь и защиту, он горой станет за всякого слабого и обиженного.

Только в битве и схватке он ловок, как бес, и страшен врагу-противнику; а на биваке, во время отдыха, он весел и добр, как дитя, а всякого пленного накормит и напоит, последним поделится.

Казак не только отличный воин, но он всегда надежный и хороший сотоварищ и друг. На него во всем можно положиться, как на самого себя. Уж он не выдаст и не изменит, а случится кому беда, так сам без зова кинется на выручку.

Казак каждому друг и приятель, со всеми веселый собеседник. Веселость и приветливость вошли у него в привычку, бодрый и шутливый тон редко сходит с его уст.

Ради этого, не любит казак молчать и серьезничать: когда он в компании — шутит и беседует, когда сам — песни поет. Ох и большой он мастер песни петь! Видно, что от самой природы — соловьиной породы.

Казак отличный песенник.

От колыбели до глубокой старости не расстается казак с песней: она постоянная спутница его беспокойной казачьей жизни.

Доказал это казак на деле: дома он пел, только своих веселил, а заграницей запел — все рекорды побил!

И прославился казак даже в изгнании, в тяжелой эмигрантской жизни. И не одним только ратным искусством, да военно-боевой удалью, а еще больше дивной, чарующей казачьей песней.

В первое же время, как только эмигрировали казаки в европейские страны, выступил с своим прекрасным хором кубанский казак Соколов и стал ездить с ним по Европе, удивляя и восхищая иностранцев совершенно для них новой, еще неслыханной мелодией. Даже Италия, эта самая музыкальная в мире страна, везде и всюду слушала хор Соколова с большим удовольствием и наслаждением, а вся итальянская печать отозвалась о нем с большой похвалой и нашей казачьей песне дала очень высокую оценку.

Казачья смена.
Archiv „Der Kosakenbote".

По примеру Соколова сейчас же возникли и составились и другие казачьи хоры, — дивные певцы донских казаков: знаменитый, так называемый Платовский хор казака Кострюкова и другой, еще более знаменитый хор Жарова. Эти два замечательных хора донских казаков на деле доказали всему свету, что казак от самой природы действительно соловьиной породы. За короткое время эти казачьи певцы, эти настоящие казаки-соловьи, прославились и приобрели прямо мировую известность своей музыкальной дисциплиной, своим высоким искусством и своим чарующим пением, которое немедленно подчиняло всякого слушателя своей власти и приводило его в бурный восторг, доходящий иногда прямо до неистовства.

Бывали случаи и не однажды, когда целый театр слушателей, как один человек, кричал и ревел от восторга, бил свои сиденья и стулья и все требовал повторения, чтобы без меры, без конца, продолжался его восторг...

Были и казаки оперные певцы — Мельников, Тетеревятников, Финько и другие. Казаки композиторы — Траилин, Шумилин и другие.

Немало было знаменитых казаков врачей, инженеров, химиков, также широко прославивших наше казачье имя. Казачество может быть гордо за многих и многих казаков, ушедших за рубеж своих Земель и здесь перековавших свой меч на иное оружие искусства или науки.

Нельзя не упомянуть о наших казачьих патриотах, на протяжении долгих лет пробуждавших национальное самосознание казаков и несших светоч Казачьей Правды и Права. Должны мы быть благодарны и целому ряду казачьих историков, ознакомивших Казачество с его подлинной историей.

Не даром славный писатель-поэт Н. В. Гоголь пророчески высказался в своей дивной, бессмертной повести «Тарас Бульба» о казачьей широко одаренной и безмерно рвущейся на свободу натуре: «И пойдет дым по свету о них слава»... Да, о казаках действительно прошла слава дымом по целому свету и, Бог даст, не умрет эта наша славушка ни во веки веков...

Каждый казак должен не забывать внести свою лепту в Казачий Национальный фонд и заплатить за «Казачий Вестник».

Казачье национальное дело ведется казачьими руками и на свои казачьи средства.

Ф. П.

„ВЕЩИЙ СОН".

(Фельетон).

Прочитав верноподданническое, «братское во Христе» письмо местоблюстителя патриаршего престола митрополита Алексия, «великий отец народов», улегся в свою постель и долго смеялся: рассмешило ли его только что прочитанное письмо, или он заранее смеялся по поводу ожидаемого от Алексия нового послания, в котором, по слухам, должна быть изложена просьба «его святейшества» об увековечении памяти «в бозе почившего преподобного отца» Емельяна Ярославского и о построении храма имени этого «защитника» православной церкви. А может всесоветский самодержец Иосиф Первый, смеялся сейчас над содержанием проекта, который митрополит Алексий думает представить коммунистической фракции» святейшего синода (новое советское учреждение, сокращено «святсин»), в котором преемник усопшего «патриарха» Сергия, предлагает перенести нетленные мощи предтечи благоверного Иосифа — давно усопшего отца Владимира, из Мовзолея в собор Василия Блаженного.

В общем, неизвестно, что именно рассмешило благоверного Иосифа, возлежащего в постели, но он долго хохотал, затем он сделал серьезный вид и, глубоко задумавшись, рассуждал сам с собой: «Вот я «Богопоставленный вождь» народов России, но что это для меня? Вождем бы Европы стать — это бы еще подходящее. Вождем всего мира надо быть, чтобы весь земной шар был в моих руках. Н-да... Вот только жаль, что рано умер Циолковский, я бы при его путях сообщения, после земли произвел бы революцию на Луне, Марсе... И в восторге фантазер стал напевать: «Пролетарии планет соединяйтесь...»

Однако, изрядное количество выпитого за «трудовой день» шампанского смыкало ему глаза, и он вскоре захрапел.

И вот, видит он необыкновенный сон...

Плывет будто бы он в пространстве Вселенной между планет и красных пятиконечных звезд, облаченный в золотое одеяние эпохи Александра Невского, а под ним внизу, Земной шар, как школьный глобус вертится. По его всемогущему приказу Земной шар начал медленно приближаться к нему, по мере приближения, соответственно увеличиваясь в размере, и, наконец, Сталин прикоснулся к его поверхности.

Поскольку известно, что Земля вертится с Запада на Восток то, чтобы удержаться на ней, Сталин усиленно греб руками, карабкаясь на Запад, хотя по законам равно — противоположного движения, он оставался на месте и с надеждой простирал руки к далеким, улыбающимся ему, звездам и к неподвижно стоящему вдали за морскими волнами большому льву.

Вдруг вращение Земли прекратилось и он внезапно очутился в громадном горном ущелье с высокими отвесными стенами. Посреди этого ущелья росло большое дерево с множеством плодов. Тут же протекала многоводная речка. Исходя из каких-то соображений, Сталин уверил сам себя, что это дерево — его, что оно им выращено и что речка — тоже принадлежит ему, Сталину, а никому нибудь другому.

Оставаться здесь он страшно боялся, но и выбраться отсюда одному было невозможно. Взобравшись на дерево, он пристально вглядывался на Запад, в надежде увидеть там желанный парус спасения, но видневшиеся вдали волны были безмолвны, а над океаном попрежнему виднелись все те же «улыбающиеся» звезды.

В момент его крайнего отчаяния из воли океана показался старый индийский морской лев, с короной лорда на голове и, держа в зубах один край длинной золотой цепи (другой конец цепи держала группа далеких звезд под названием «Белодом»), произнес: «Мужайся, дорогой друг! Твои надежды сбываются. Сейчас мы тебя вытащим из ущелья, в котором ты очутился...»

И он направился к пропасти, в которой находился их друг.

Сталин сейчас же опустился с дерева на землю и только хотел пойти навстречу к появившимся, так давно ожидаемым друзьям, как вдруг, высоко между звезд появился большой степной орел, с зеленоватой окраской перьев и, быстро начал словно петух пшеничные зерна — склевывать все эти, казалось-бы неуязвимые светящиеся точки из «массонского созвездия». Золотая цепь сразу упала в море и звезды потухли. Тогда орел повернул голову в сторону стоящего на воде льва и, пикируя и грозно увеличиваясь в размере, стал приближаться к морскому владыке. Лев не выдержал такого грозного приближения, испугался, бросился назад в волны океана и утонул, растеряв прежде по пути много волос из своей гривы.

Видя это, Сталин расстерянно убежал опять на средину ущелья, под дерево и стал думать: Что же ему дальше теперь делать? Того и гляди орел вот-вот возвратится к нему и тогда — прощай и кавказский шашлык и дорогая сердцу Роза Каганович.

Его стала мучить жажда. Сталин направился к протекавшей здесь речке, но в ужасе заметил, что в ней течет не вода, а человеческая и даже еще теплая кровь. Возвратившись к дереву, он хотел сорвать с него несколько плодов, но сразу заметил, что вместо плодов на нем висят черепа детских головок, в то же время на вершине дерева он увидел большой крест с изображением распятого Христа.

Небо покрылось черными тучами, в ущелье наступила полная темнота. Почва стала жидкой и Сталин по колена увяз в ней. Выдернув ноги, он вскочил на дерево и стал карабкаться на верх, чтобы не увязнуть в жидком иле.

В это время со всех сторон послышались армейские песни и отдельные отчетливые разговоры. По голосам, Сталин узнал некоторых знакомых ему генералов и особо отличившихся красноармейцев. У него сразу мелькнула радостная мысль, о несомненном теперь спасении из ущелья, но вдруг в наступающем рассвете заметил, что все эти воины в немецкой форме и, вместо оказания ему помощи, начали засыпать речку камнями и землей и, строить через это ущелье прямой мост по направлению к Восходящему Солнцу.

Река вышла из берегов и потоки крови подступили к дереву, на вершине которого сидел Сталин, все в той же одежде Александра Невского. Дерево стало быстро погружаться в волны этой кровавой реки. В отчаянии Сталин хотел ухватиться за изображение Распятого Христа, но крест вдруг в этот момент отделившись от дерева поднялся в воздух, окутался белым дымом и затем, с изображением воскресшего Христа, опустился на стороне воинов, строящих мост.

Между тем, кровавая масса дошла уже Сталину до пояса, до горла... Дерево выскользнуло из рук и он падая и утопая в крови, громко закричал: «Роза, Роза!» и... проснулся.

— Что такое, милый Сосо? — испуганно спросила, вбежавшая на его крик, его жена Роза Каганович.

— Ах, так это сон? Однако очень, плохой сон! — Вздохнув и вытирая на лбу холодный пот, промычал Сталин и принялся тут же строчить приказ всему социалистическому духовенству, об усилении молений за раба божьего Иосифа...

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

(Продолжение).

Глава X.

Между облаков показывалось солнце и день обещал быть теплым. Все в природе блестело, умытое ночным дождем, капельки которого, как бриллианты, переливались в солнечных лучах.

Обедня только что кончилась, праздничный трезвон торжественно разносился по станице. Молящиеся чинно выходили из церкви, заполняя станичную площадь.

Каждому хотелось поскорее домой, где хлопотливые хозяйки ожидали своих молящихся к обеду, поставив на стол ярко начищенный шипящий самовар, горячие пироги с постной начинкой, пампушки, оладышки, борщ... Но, вдруг, громкий крик мальчишек: «Едут! Едут!» — огласил площадь. Невольно все остановились, чтобы узнать в чем дело, кто едет, откуда и куда?

Внимание всех было привлечено въезжавшим из боковой улицы конным отрядом. Это ехал со стороны аулов карательный отряд товарища Свирко, прогремевшего на Кубани уменьем «усмирять» контр-революцию. В красной гвардейской черкеске, обшитой галуном, в черной барашковой шапке с красным верхом он лихо сидел на вороном кабардинском с белыми чулочками скакуне, и по лицу, изуродованному шрамом, разливалась довольная улыбка. Церковный звон, празднично - разодетая толпа, запрудившая площадь — дали повод ему думать, что все это торжество устроено для его встречи.

Обернувшись к своим отрядникам, он вполголоса проговорил:

— Как архирея встречают, со звоном, не то, что у черкесов! — и небрежно брошенное в воздух крепкое словцо вызвало взрыв хохота в рядах подчиненных.

Народ с любопытством рассматривал ехавших справа по три красноармейцев. Непривычно было для казачьего глаза видеть разношерстность одежды: кто в пехотной защитной форме с обмотками на ботинках и непременно со шпорами, кто в овчинном полушубке с лихо-заломленной на затылок серой солдатской шапкой, у некоторых на плечах не складно как то висели мохнатые кавказские бурки, — трофеи разоренных аулов, — на других были надеты кожанные офицерские тужурки. Среди белорусых северян с голубыми и добродушными когда то глазами, выделялись южане, с черными чубами, было несколько китайцев в синих широких блузах за небольшую плату охотно предложивших свои услуги по «углублению» русской революции.

Перед фасадом станичного правления отряд построился развернутым фронтом. Начальник отряда, поздоровавшись с народом, выразил свою благодарность за оказанную встречу и просил пообождать немного, так как намерен поговорить с Б-ми по важному делу.

Спешив отряд, он довло спрыгнул с коня, и вошел в правленье. Увидев Егора в матросской форме, Свирко приостановился, но потом смело пошел к нему, поздоровался.

— А вы, товарищ, откуда приехали?

— С Питера, товарищ... Отец вот писал мне, что у них здеся все по старому живут, казаки не признают никакой революции и не считаются с распоряжениями советской власти; товарищ Ленин и отпустил меня сюды, чтобы научить их уму-разуму...

— И я вот ношусь по Кубани с той-же целью... Учу уму-разуму... Многих уже выучил, экзамент сдали на полный ход.

Свирко цинично захохотал и крепко пожал руку Егора.

— А кто здесь председателем станичного совета? — спросил он.

— Мой отец станичным комиссаром выбран только вчера, — ответил Егор, — а то атаман тут хозяйничал...

— Вместо комиссаров учреждены должности председателей сельских советов, — заметил Свирко, — об этом уже сообщалось по всей советской республике. А где атаман?

— Утек... Хотел его арестовать, да почуял гад, улизнул.

— Обыск производили? Нет? Может быть спрятался в амбарах где? Поймаем, далеко не убежит! А это, что за список? — взяв со стола бумагу и проглядывая занесенные в нее фамилии, спросил командир отряда:

— Список станичных кулаков, которых нужно арестовать, чтобы прекратить контр-революционную пропаганду, — ответил Веревкин.

— А ты кто? — грубо спросил Свирко.

— Я секретарь председателя станичного совета, товарищ командир, здешний учитель — Веревкин.

— Тэк!... — помахивая плетью промычал он и поглядывая на присутствующих, добавил: — чисткой займемся потом, а сначала мне нужно поговорить с народом. Европеев! — крикнул Свирко в пространство, и на его крик, как из земли выскочил с большими усами в офицерских синих галифе, вахмистр отряда.

— Я здесь, товарищ командир!

— Выставить заставы на всех выездах из станицы и не выпускать никого без мандата. Всех задерживать и препровождать сюды. Скажешь ребятам, чтобы варили пищу в соседних хатах. Остальных разместить вблизи правленья и назначить сюды караул!

— Слушаюсь, товарищ командир! — отчеканил вахмистр, топорща усы и глазами пожирая начальство.

— Да скажи Петряеву, чтобы вынес стол на площадь, митинг будет, и пошли верховых по станице народ созвать... Поди не все на площади, кое-кто и в хате прохлаждается!

Отдав все распоряжения Свирко стал знакомить Егора и новое станичное начальство с ходом своей работы, не без злорадства рассказывая о принимаемых им мерах в случае неповиновения.

— Вот черкесы, вздумали было свои требования мне предъявлять, ну, я их сразу и удовлетворил... Поди Аллаху жалятся на несправедливости советской власти... Ха! Ха! Ха! — громко и раскатисто захохотал Свирко и продолжал: — Корнилов со своей белогвардейской сволочью на Екатеринодар прет, а мы будем турусы на колесах разводить?! Нет, шалишь! Что нами завоевано, того не вырвешь! Я им говорю, что надо всем способным носить оружие выходить против Корнилова, а они говорят, что посоветуются между собой, обсудят этот вопрос и вынесут свое решение. Решать тут нечего, в кровь будем драться, а царским генералам не дадим вернуться к власти. Всю эту сволочь к стенке, тогда только наступит на земле мир и спокойствие! Советская власть — наша власть, народная и мы будем управлять страной, а не капиталисты и помещики со своей золотопогонной бандой!

(Продолжение следует).

ИЗ МЕСТ КАЗАЧЬИХ БЕЖЕНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И СТАНИЦ.

Газета штаба Походного Атамана Казачьих Войск ген. Доманова «Казачья земля» издаваемая во временном поселении казаков, сообщает, что для улучшения материального положения казаков предпринимаются многие меры.

Одним из видов казачьей самопомощи является организация отдела социального обеспечения. Все казаки от 16-летнего возраста должны быть членами отдела социального обеспечения. Начальником отдела назначен полковник Новиков.

Организован и приступил к работе казачий банк. Банк производит все банковые операции; принимает на хранение и выплачивает проценты на деньги, уложенные казаками. За сохранимость вкладов банк несет ответственность по законам Казачьего суда.

В г. Новочеркасске (с. Олессо в сев. Италии) открывается Областной дом инвалидов, рассчитанный на 90 человек.

Открыто Казачье Юнкерское училище, где казачья молодежь, обучаясь военному искусству, в будущем пополнит кадры казачьих офицеров.

По инициативе Окружного Атамана войс. стар. Ротова открылось Донское офицерское собрание, где в уютном помещении, украшенном портретами Казачьих вождей и генералов, после дневных трудов, собираются офицеры и проводят вечер в Казачьей обстановке.

ГОЛОС ЧИТАТЕЛЕЙ.

Поздравляю КНД с Днем Казачьей печати.

Действительно, этот день должен быть для истинных казаков торжественным и даже святым днем, ибо он родился на чужбине, в тяжелых условиях и большой бедноте.

Там, у себя на родной Земле, когда казак был богат и силен, не смел он слова вымолвить, а было много, что сказать, правдивого и важного для жизни казачьей, но не было где его проговорить. Здесь же в чужих краях, в изгнании, бедноте и унижениях, нашлись сильные люди, которые нашли нужным говорить свое слово и начали его творить в нищете, но правдиво и честно и потому оно окрепло, а с волею казака и помощью Бога доступно каждому, понятно и вразумительно.

Лелея Казачье слово — наше родное слово, мы можем пойти широкими шагами с ним вперед потому, что оно сильное, истинное и не продажное.

Дорогие станичники! берегите свое печатное слово, укрепляйте и расширяйте его. Помогайте по силе возможности!

Слава Казачьему печатному слову!

ст. Гавриил Степанов, Мюнхен.

Дорогие станичники! Шлю вам сердечный привет и наилучшие пожелания ко дню Казачьей печати. От всей души желаю вам сил и здоровья в проводимой вами работе по развитию и укреплению Национальной Казачьей печати. Вместе с вами я глубоко верю в возрождение нашей дорогой, многострадальной Родины и жду того счастливого времени, когда все мы с радостью будем видеть и читать «Казачий Вестник», издающийся не на чужбине, а у себя в Казакии!

Слава Казачеству!

А. Шехавцев, (Нюрнберг).

— 17 лет тому назад, 10 декабря вышел первый номер журнала «Вольное Казачество». Тогда верно и громко загудел Казачий Колокол, зовя всех станичников под развернутый казачий стяг, на котором ясно написано:

Наш девиз Казачья Воля —
Казакия — наша цель! —

В настоящий момент, в дни тяжелой мировой войны «Казачий Вестник» продолжает Вольноказачье дело, смело ведет станичников Казачьим шляхом.

Поздравляю вас, всех станичников с Казачьим праздником.

И. Орехов, (Шкопау-Мерсебург).

...Желаю вам смиренно с чистой Казачьей совестью встретить и провести праздники в полном здравии и благополучии и дай, Боже, следующие встречать в Родном Казачьем Краю. Приношу большую благодарность за «Казачий Вестник», как вдохновителю Казачьей души. Получив его, видишь и чувствуешь, что каждый из нас не один, есть Казачий народ и есть у нас высококачественные руководители и культурные силы

Слава Казачеству!

Петр Баканов, Тешен.

...Разрешите от всего своего Казачьего сердца поздравить вас с Новым 1945 годом, годом грядущих побед и освобождения нашей Казачьей Родины от большевизма. А также и пожелать вам еще больше успехов в работе по объединению Казаков.

...Дорогие редакторы! Еще искренне благодарю вас за присылаемую вами нашу родную, Казачью газету.

Слава Казачеству!

Анатолий Руденко, Райхенберг

ХРОНИКА

— К своей 20-тилетней общественно-политической деятельности Руководитель Казачьего Национального Движения (КНД) инж. В. Г. Глазков получил массу писем от казачьих организаций, от множества отдельных казаков и не-казаков, которые в теплых словах выразили ему свои самые наилучшие пожелания и особые симпатии.

Всем им Руководитель выражает свою искреннюю благодарность, относя высказанные чувства казачьей национальной идее, представителем и проводником которой он является.

— С 5 по 22 декабря 1944 г. Руководитель Казачьего Национального Движения (КНД) инж. В. Г. Глазков и его заместитель П. С. Поляков находились по казачьим делам в Берлине. За это время они имели неоднократные разговоры со всеми официальными представителями немецких властей, которые были поставлены в известность о положении всех волнующих казаков вопросов и об отношении к ним Национального Казачества.

— Во время своего пребывания в Берлине Руководитель КНД и его заместитель имели беседы с официальными представителями и видными политическими деятелями народов Востока Европы, с которыми обсуждались все вопросы, касающиеся взаимного сотрудничества и согласованности национально-политической работы с этими народами, равно как и еще большей активизации борьбы против большевизма.

— 13 декабря 1944 г. Руководитель КНД и его заместитель в присутствии представителей немецких властей имели трехчасовой разговор по всем казачьим вопросам с Начальником Главного Управления Казачьих Войск генералом П. Н. Красновым.

— 23 и 24 декабря состоялось заседание Совета КНД, на котором возвратившиеся из Берлина Руководитель и его заместитель осветили положение казачьих дел, особенно в связи с последними событиями. После живого обмена мнений и обсуждения всех стоявших на повестке дня вопросов Совет выразил полное и непоколебимое доверие Руководителю и его помощникам, с непоколебимой энергией отстаивающих национальные интересы Казачьего Народа.

— 31 декабря 1944 г. в Праге состоялось заседание Верховного Совета КНД, на котором были обсуждены все актуальные казачьи вопросы. На заседании присутствовали все активные работники казачьего национализма, представители фронтового казачества, казаков, работающих на производстве, научных и культурных работников, и значительное число рядового казачества. На этом заседании еще лишний раз было продемонстрировано полное единство всего национального Казачества и его твердая вера в руководство.

— На рождественских святках в Галле состоялось общее собрание членов Казачьей Национальной станицы района Галле-Мерсебург. Станичным Атаманом переизбран на новый срок И. С. Орехов. Помощниками атамана есаул Борис Словецкий и Георгий Рязанцев, казначеем Георгий Страхов и писарем Филипп Семененков.

В ревизионную комиссию избраны: председателем К. Рыбников и членами В. Дубровин и И. Чернышков.

Хуторскими атаманами избраны: Ф. Кубата, Ал. Мазур и И. Вовк.

— На общем собрании Казаков-Националистов живущих в Мышинце, старшим группы избран ст. Иван Сасков.

— На сборе станицы Казаков-Националистов в Берлине состоялись выборы станичного Правления. Избраны: Атаманом ст. А. И. Лебедкин, пом. атам. А. Д. Белоусов, писарем — Я. Ф. Злуницкий и казначеем Н. К. Балашов.

Все выборы утверждены Окружными Атаманами.

— 6 января с. г. заместитель Руководителя ст. П. С. Поляков выехал по казачьим делам в Берлин.

РОЗЫСКИ

— Пономарев Иван, разыскивает сына, Григория род. 1924 г. в ст. Синявской, Ростовского округа — Дон, вступившего добровольцем в Германскую армию в 1942 году. Знающих что либо о нем прошу сообщить по адресу «Казачьего Вестника».

— Ериженский Николай разыскивает дядю Петра Ивановича Мещкова, стан. Раздорской, Дон, ушедшего из дома в 1943 году. Писать по адресу «Казачьего Вестника».

— Кучерова Александра и Троицкая Ольга из Новочеркасска разыскивают родных и знакомых. Писать:

Breslau-Oswitz. Schwedenschwanz.

— Редакция просит отозваться Палимпсестова Бориса Федоровича (Екатеринодар), жившего во Франции, или знающих его сообщить о его судьбе.

— Редакция просит лиц, знавших близко ген. ген. Бабиевых, Г. Ф. и Н. Г., их жену и мать Бабиеву Б. К., генерала Вишневецкого с женой, полковника Палимпсестова Федора Федоровича (Варшавский Гвард. Дивизион, до 1915 года) и полковника Ткаченко Владимира Константиновича, ок. Никол. Кавалер. Уч., служ. в 1-м и 3-м Полтавских полках (Джульфа, Эривань) — все из Екатеринодара — и имеющих их фотографии, сообщить свои адреса для близкого родственника упомянутых.

— Капинус Дмитрий разыскивает сына и родственников: Капинус Ивана (сын), Капинус Ивана Семеновича, Лапшина Антона Никифоровича, Литвинова Петра Васильевича, Полупаиовых Ивана и Егора Дмитриевичей, Ханжосова Федора Дмитриевича, обер-лейтенанта в Казачьей сотне в Варшаве. Все из Терека. Мой адрес:

Kapinius Dmitrij, Quellengrund (9-a) Kr. Gr. Strehlitz, Bauwerkstätten des L. G. K. VIII.

— Фетисов Василий, разыскивает отца Фетисова Петра Петровича, казака Донской области, Цымлянской стан., хутора Красный Яр, эмигрировавшего в 1918 г. Одно время жил в Сербии в Крушеваце. Писать Фельдпост № 59315.

— Крапивин Вячеслав Александрович, хут. Желтухина, ст. Иловлинской, Дон. Род. в 1922 г. разыскивает родных и знакомых. Фельдпост № 613.

— Фокины Валентина и Анна, дочери Уральского Казака Луки Ивановича Фокина, разыскивают отца эвакуированного с семьею из Беловежи. Просим отозваться по адресу:

Gr. Engelau b. Friedland, Bahnabschnitte Drihaus, Unterabschnitt Dierl.

— Жилинская Матрена разыскивает двоюродного брата Галубицкого Ивана Алексеевича, Витебской обл., уехавшего на работу в Германию в 1942 году. Сообщить по адресу:

Grim-Kordshagen Post Steinhagen über Stralsund Wagner. (4)

— Кириченко Иван Павлович из гор. Слуцка (Белоруссия), разыскивает жену Елену урожд. Батакову и дочь Веру род. в 1942 г. Лиц знающих что либо о них прошу сообщить по адресу:

Stetin-Altdamm Felix Dahnstr. Baracke 2.

— Шкуринский Алексей Иосифович, разыскивает отца и брата Григория, ст. Екатериновской, Кубань. Прошу откликнуться по фельдпосту № 25041-Ко. К.

— Соловьев Михаил разыскивает станичников Боковской станицы, Дон; Бесхлебнова Федора Федоровича, Климкина Сергея Никаноровича, Кумова Владимира Константиновича, Селиверстова Семена Ивановича, Софина Александра Терентьевича, Кривова Василия Герасимовича, Зенова Василия Герасимовича и Гурова Григория Степановича. Писать по адресу:

Bernsdorf O./L. (8) Wald Siedlung Bl.38-9.

— Ченцов П. А. разыскивает казаков Орловской станицы Дон, Ченцовых Василия и Александра Андреевичей, и Василия Петровича, а также других станичников и казаков из хутора Донского. Мой адрес:

Bernsdorf O./L. Leimwald Bl. 37-9.

— Рудык Николай Львович, ст. Гривенской, Кубань, разыскивает брата Григория Львовича, эмигрировавшего в 1920 г. в Сербию. Писать:

Fürstenwald, Feistritzgasse 10-15, oder Prag XIV., Linzerstr. 84.

— Рудык Иван Данилович ст. Гривенской, Кубань, разыскивает сына Григория эвакуировавшегося в 1943 г. Писать:

Berlin O. 17. Warschauerstr. 34. Bekleidungsamt d. Lw.

— Лосев Борис разыскивает подхорунжего Филиппа Фисенко и мать Феклу Фисенко, а также братьев Михаила Фисенко и мл. урядн. Григория Брянцева, из Кубани, ст. Баталпашинской. Мой адрес:

Res. Laz. in Stendal (19) Hans Scherman Schüle Abt. II. A. Z. 2.

— Дубовик Петр Васильевич разыскивает отца Василия Андреевича Дубовика ст. Троицкой, Кубань. Прошу писать по адресу Фельдпост № 25041 (2-я рота).

— Киселева Ольга разыскивает брата Клавдия Григорьевича Ирхина. Писать:

Gendarm. Jagdzug Dommersdorf Mischinetz Postlag.

— Кениг Анна разыскивает Василия Яковлевича Макарова с Армавира. Писать по адресу:

Prag XVII., Kavaliergrund 36.

— Ананко Е. Д. разыскивает Крыштопа Василия Исидоровича, эмигрировавшего во Францию. Писать по адресу:

Pi. Ers. Ausbl. Stamm Kompanie (Kosakenlehrgang) Krems-Donau.

— Карпенко Владимир Михайлович, ст. Воронежской, Кубань, разыскивает братьев Василия и Ивана и родственников Фильева Ефима Никитовича и Поповичева Ивана Андреевича. Писать по Фельдпосту № 56361-Е.

— Асерецков Георгий, разыскивает семью жену Ефросинью Петровну, и сына Юрия, эвакуированных в 1943 г. с Кубани, ст. Крымской. Мой адрес:

Wien III. Sabostjanplatz 3. Res. Laz. 25-с.

— Двух мальчиков в возрасте 2—4 лет, сирот, детей казаков хочет взять на воспитание казак ст. Гривенской Илья Мак. Пацера. Писать по адресу:

Prag-Nusl, Spytihněvova 7.

— Таций Федор, ст. Воровсколесской, Кубань, разыскивает станичников. Писать:

Tazij Fedor bei Grischmann Kirschberg Raab N. 73. (12a)

— Ветров Петр Степанович, казак ст. Усть-Медведицкой, Дон, разыскивает родного брата Сергея, Валерию Николаевну Ярошенко (урож. Ивницкая) и просит писать знакомых по следующему адресу:

Fahrmeister P. Vetroff Lager Speer 2 Komp. Nikolassee am Kattenweg, Berlin.

Теперь перед каждым казаком во всей широте поставлен вопрос не только существования родного ему Казачества, но вместе с тем и физического существования каждого отдельного казака вне зависимости его взглядов и убеждений, ибо всем ясно, что всех казаков ожидает один удел, уготована одна судьба, какую они сами себе завоюют, какую они сами себе отстоят в нынешней борьбе на стороне своего великого союзника — Германского Народа.

И. Бочаров. «К. В.» № 19.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Ukrainski Museum, Praha-Musle II,
Gutenštejnska ul.5.6.

DRUCKSACHE

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 3 (86)
5 JAHRGANG
5 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го ФЕВРАЛЯ 1945 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация:
„Der Kosakenbote"
Prag II., Starekgasse 4.
Ruf. 634-70.

Почтовый адрес:
Kosakenbüro, Prag 1.
Postfach 188. Telephon 634-70.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

Себе не изменим.

Г. Козловский.

Сумрачным февральским вечером, не встретив поддержки у растерявшейся казачьей массы, оставшись верен атаманской присяге, застрелился первый, после двухсотлетнего перерыва, выборный Атаман Алексей Максимович Каледин.

С того дня стал расти страшный синодик казачьих жертв. Смело глядя в глаза пришельцам умер героем другой донской Атаман — Назаров, погиб от самосуда солдатской толпы Караулов, пал смертью героя Чернецов и тысячи, сотни тысяч казачьих могил покрыли заснеженные степи Дикого Поля в борьбе за право на жизнь.

Все чаще и чаще гудел похоронный звон с колоколен Черкасского Войскового собора, реже и реже становились казачьи полки и с каждым днем, с каждым часом умножались на Дону и Кубани тихие могилки безвестных бойцов, за Казачество живот свой положивших.

Ничего не восприяв от того, что нес нам жидобольшевизм, имея за плечами свою, тысячелетнюю традицию, встало Казачество за свой порог и угол, и пошло на лишения, раны и смерть, в надежде отбиться от наседающего врага.

Силен был враг. Сотнями лет живя на безграничных просторах изголодался он по земле, поверил что новые правители дадут таки ему кусочек на который можно будет хоть «куренка выпустить», наплевал он на все, в грязь затоптал веру свою, отдался жидам в руки, и неоглядной массой пошел уничтожать «контру».

Задымились пожарами казачьи станицы, застонали степи, и все могшее взять оружие в руки выступило тогда на Казачьи Грани.

В девственной степи дико взвыла похабная частушка, загомонила вшивая солдатня, пали смятыми луговые цветы и травы, и взмыли в небо стаи ворон зорко высматривая себе поживы.

Не выдержало тогда Казачество страшного штурма. Разрозненное и окончательно потерявшее сердце отступало оно куда глаза глядят, лишь бы дальше от поработителей.

Часть его попала заграницу, большая же часть осталась дома, отданная на милость победителя.

Всему миру известна та «Сталинская ласка» которую испытало на себе вольнолюбивое Казачество. И когда пришли новые сроки все казаки снова поголовно встали на борьбу против оккупантов.

А заграницей, в казачьей толще, шла сначала едва заметная, а затем все более и более яркая борьба двух начал.

Одна часть казаков, проследив все свое прошлое от истоков Казачества до наших дней, пошла за старинным зовом степей — Казачью Волю, Казачью Независимость.

Другие, понимавшие свою роль в этом мире лишь как роль хороших служак, панских холопов, наймитов и холуев, звали казаков по различным чужим лагерям от княжеских и царских, до красных включительно.

Новое, еще более страшное испытание суждено было пережить Казачеству. Подошли страшные сроки. Судьба, веками казаков хранившая, подала команду:

— К рацету стройся!

Пришло время великого испытания, время последнего экзамена. Мы казаки должны будем доказать — имеем мы право на жизнь или нет.

В титанической борьбе против большевизма, на стороне несравненного солдата — немецкого — стал казак борющийся за свои идеалы.

За право на жизнь своего народа, за свою культуру, за землю свою и семьи борется Немецкий народ давая все свои силы, не щадя крови своей.

Его борьба, его желания, вера его и правда, близки нам казакам и понятны, и мы великолепно знаем, что лишь с таким союзником сможем и мы добиться своего права.

Права вольного народа, цену себе межь другими народами мира великолепно понимающего.

Когда вручали атаманскую булаву А. М. Каледину, какой то древний старик-казак, сказал ему:

— Гляди, не измени, Атаман.

— Себе не изменю, станичник, — отвечал Каледин. . .

Каледин себе не изменил. Остался на своем посту до последнего вздоха. Не изменило тогда себе и все Казачество. Верно билось оно за свои Грани и продолжило борьбу по сей день.

Себе не изменим и мы.

Только как вольный народ миллионами жертв доказавший свое желание жить без чужой указки, сможем мы сохраниться в мире, и снова и снова дыбом пройдет слава наша по всему миру.

Только как люди умеющие уважать других, но и себе цену знающие, сможем мы отстоять свой Присуд Казачий.

И не слава хороших холопов, не слава послушных слуг прельщает нас, а старая Воля дедов и прадедов наших живет и бурлит в крови нашей.

Все наше прошлое, вся наша тысячелетняя история говорит за то, что быть нам в этом мире положено вольными людьми.

Только такими примут нас снова наши степи, только такими не посрамим мы наших предков, только такими искупим мы жертвы всех тех братьев наших, чьи имена поминаем мы в дни Казачьей скорби.

Смело, не колеблясь, не смущаясь ничем, пойдем мы старыми вольными казачьими шляхами, с одним только лозунгом, с одной ведущей мыслью:

— Себе не изменим. —

Слава Казачеству.

Зимнее наступление.

После довольно продолжительного затишья оживился Восточный фронт. Согласно военным комуникатам за последнюю неделю, советская армия начала новое наступление почти во всю длину фронта и заняла ряд местностей, заставив германскую армию отойти на новые позиции.

Кака видно, главный удар большевиков направлен на Силезию с целью стремительным ударом занять этот промышленный район и лишить своего противника главной угольной базы и открыть себе прямой тракт к центру Германии.

Но, не всегда предположения достигают желательных результатов. Опыт нынешней войны неоднократно уже доказал, что как скоро воспламеняются советские войска, также скоро выдыхаются и потеряв сотни тысяч человеческого состава и огромное количество военного имущества, опять уходят в тыл, в лучшем случае остаются на долгое время в бездеятельности на занятых позициях.

Такого исхода следует ожидать и от нынешнего их наступления. Советское командование, накопив огромные силы, старается забраться на территорию Германии. Быть может такой метод теоретически и правилен. Естественно, если отступающая армия не имеет возможности перегруппироваться и ответить контр-ударом, наступающие всегда остаются в выигрыше. Но в данном случае это не имеет существенного значения на практике, ибо, в настоящий период войны территория не играет никакой роли. Важно своевременное противопоставление удара наступающему противнику, а где этот удар произойдет, не так уж важно. Советское командование жестоко ошибается, полагая, что германская армия не преднамеренно уступила некоторые пункты и не имеет сил и возможности, что либо противопоставить против наступающих. Не подлежит никакому сомнению, что ближайшие же дни покажут, что все наступление большевиков не стоят понесенных ими жертв и кроме упадка, как физического, так и морального, красная армия ничего не достигнет. Точно также с полной уверенностью можно предвидеть, что для «победоносных» войск Сталина готовится очередной капкан и на сей раз гораздо внушительнее предыдущих.

Закаленная в боях германская армия сильна не только своим военным воспитанием, но и полным сознанием великой миссии — окончательной ликвидации иудо-массонской гегемонии; это сознание еще сильнее становится перед угрозой занятия большевиками искони германских земель.

Большевистская армия спешит пробиться в направлении выхода к северному морю. Но чем глубже она залезает на чужую территорию, тем больше теряет связи с своим обеспеченным тылом, фронт растягивается и наступит опять такой момент, когда зарвавшихся красноармейцев будут выбивать отдельными группами не только военные, но и гражданские обыватели третьего райха.

Таков будет неизбежный конец очередному наступлению красной армии. И только не дальнозоркие шкурники и паникеры могут, одни бить тревогу а другие с нетерпением ожидать «товарищей», сулящих всем спокойствие и благодать. И те и другие быстро разочаруются в своих предположениях и опять будут искать новых комбинаций для самооправдания.

Идет девятый вал. Но он опасен не подготовленным, не дающим себе отчета в том, что происходит, потерявшим веру в правду и честность, наконец, ренегатам, которым безразлично с кем, лишь бы их лично не касалось то, что угрожает бедствиями и смертью. Под эту категорию, как раз, не подходит германская армия. Немногие из ее состава не видели по нескольку раз смерть перед своими глазами, а сильная духом и сознанием жертвенности для блага и защиты Родины, отодвигает на далекий план мысли личного характера, искания к личной самозащите. У нее имеются все положительные качества, необходимые для борьбы, как раз то, что фактически отсутствует по ту сторону фронта.

Это моральное превосходство является залогом одоления врагов. В тылу германских фронтовиков не стоят жидовские комиссары с дымящимися наганами в руках. Каждый в отдельности солдат знает о целях войны и прежде всего думает о спасении своего Фатерлянда. Из слов же захваченных в плен красноармейцев ясно, что опьяненные спиртом и туманными посулами они идут вперед потому, что их гонят, назад отступлений нет, так как сзади идущим в бой выставлены специальные части НКВД, в задачи которых входит расстрел колеблющихся.

Слишком рано торжествуют одни, предвкушая радость встречи с большевиками, точно также слишком рано волнуются другие, задумываясь над своим спасением, где либо подальше от боевой канонады.

Глубокое разочарование постигнет и тех и других. Пройдет немного времени и в тех же военных сообщениях мы прочитаем, как с методической последовательностью будут разгромлены большевики и с какой быстротой они откатятся назад, заплатив свое наступление неисчислимыми потерями.

Новогодние поздравления.

Руководителем Казачьего Национального Движения (КНД) инж. В. Г. Глазковым были посланы к Новому Году приветствия германским властям и дружественным Казачеству народам.

В ответ получены благопожелания и благодарность из Канцелярии Вождя Адольфа Гитлера, государственного министра д-ра Мейснера, начальника штаба формаций СС и целого ряда высоких представителей германских властей и общественных деятелей.

Новогодние приветствия были получены от японского посла генерала Ошимы, главы венгерского государства и руководителя национальной организации Салаши, президента Словакии, шефа румынского национального правительства и руководителя Железной Гвардии Хория Сима, председателя сербского правительства генерала Недича, Главы Хорватии, возглавителей и представителей народов Востока Европы, равно как от целого ряда общественных и политических деятелей этих народов.

Кроме того, было получено множество приветствий не только от казачьих организаций и отдельных казаков, но и от представителей добровольческих соединений, борящихся наряду с казаками против большевизма.

Ряд приветствий считаем необходимым поместить на страницах «К. В.».

Глубокоуважаемый г. Инженер Глазков.
Ваше дружеское отношение меня сердечно тронуло.

Желаю, чтобы я мог в наступающем году мое, к счастью, еще сохранившееся здоровье и остаток моих сил приложить к выполнению особо большой и ответственной работы и чтобы я мог рассчитывать на Вашу дружбу, понимание и, при надобности, сотрудничество.

Желаю Вам полного успеха во всех Ваших начинаниях.

С немецким приветом
Преданный Вам
Посол Д-р В. О. ХЕНТИГ.
Иностранный Отдел.

Берлин, 6 января 1945.

Руководителю КНД.
Глубокоуважаемый г. Инж. Глазков!

Благодарю вас за ваши пожелания к Новому Году. Разрешите и мне пожелать вам в предстоящем году сил, здоровья и необходимой доли здравого понимания, которые казачью работу согласуют с волею Фюрера дать свободу народам и сильно двинуть в этом году вперед казачью работу.

С сердечным приветом
СС - Оберштурмфюрер
Др. Ф. Арльт.

Берлин, 3 января 1945.

Г. Дипл. Инж. В. Глазкову
Руководителю Каз. Нац. Движ.

За Ваши пожелания к Новому Году — сердечная благодарность. Отвечаю Вам таковыми же и присоединяю мои лучшие пожелания Вашему Движению.

Да принесет нам 1945 год так всеми ожидаемую конечную победу.

Гейль Гитлер!
Командующий Частями СС Богемии и Моравии
Адъютант.

Прага, 29 декабря 1944.

Глубокоуважаемый г. Глазков!

Подтверждаю получение Вашего письма от 29 пр. м., которым Вы адресовали Его

(Продолжение на следующей странице).

Archiv „Der Kosakenbote".

Иван Иванович Безуглов.

Второй заместитель Руководителя Казачьего Национального Движения.

В числе первых, стоящих на передовой линии Казачьего Национального движения, Иван Иванович Безуглов занимает видное место.

Решительный, упорный в своих стремлениях к общественному идеалу, прямой и честный в своих политических верованиях, он не признает компромисса, отстаивая до последней возможности свою точку зрения и только явный выигрыш от уклонения с прямого пути, заставляет его использовать подсобные пути, в обход широкому шляху, но не удаляясь от него на большую дистанцию.

Не мелочный, наоборот, широко жертвенный, когда требуется оказать существенную помощь нуждающимся в добром совете, или даже в материальной поддержке, он является сторонником труда и суровой житейской дисциплины, с брезгливостью относясь к ищущим случая пожить за счет удачников.

Такова в общих чертах характеристика И. И. Безуглова.

Он родился 8 ноября 1898 года в ст. Великокняжеской, Сальского округа на Дону. Учился в реальном училище в своей станице, потом окончил коммерческое училище в Ростове.

Гражданская война 1918 года нашла глубокий отклик в душе юноши.

С апреля месяца он, в рядах восставших казаков, в Богаевском полку принимает участие в боях за освобождение Дона от большевицкого нашествия. Был награжден Георгиевским крестом 4 степени.

Затем, до окончания гражданской войны служил в 48 Донском казачьем полку, переименованом в Крыму в 6-й Атамана Ермака Тимофеевича полк, с которым проделал всю Крымскую кампанию. С этим же полком он, в чине хорунжего, эвакуировался за границу.

В Турции, после двухмесячного пребывания в Чаталджинском лагере, переехал в Константинополь, где ему пришлось перенести немало невзгод, столь знакомых нашим эмигрантам.

В 1922 году переехал в Брно, где записался студентом в сельскохозяйственный институт. В 1925 году определился на государственную службу при сельско-хозяйственной испытательной станции, где в качестве ассистента работал до 1928 года. Потом ушел со службы и открыл свое собственное предприятие.

Еще будучи студентом принимал активное участие по организации Донской станицы в Брно, затем, принял участие в объединении всех студенческих казачьих организаций в одну, Общеказачью станицу, в которой занимал различные выборные должности.

С этого же года он стал активным членом организации Вольного Казачества и организовал в Братиславе вольно казачий хутор. С 1932 года был членом Малого Круга. В следующем году, вместе с С. Б. Балыковым, начал издавать журнал «Казакия».

С 1933 года до 1937, с небольшим перерывом, был председателем Центрального правления Вольного Казачества.

На посту атамана Общеказачьей станицы в Словакии пробыл 12 лет без перерыва.

С 1942 года состоял Окружным атаманом на Словакии, а с 1943 года назначен вторым заместителем Руководителя КНД.

В настоящее время И. И. Безуглов живет в Праге, где принимает активное участие в центре КНД и в газете «Казачий Вестник».

(Продолжение с 1-й страницы).

Превосходительству, г. Послу, Ваши любезные пожелания к Новому Году, за что выражаю Вам искреннюю признательность:

С совершенным почтением
Японское Посольство
Берлин.
(Подпись)
Атташе Посольства.

Берлин, 6 января 1945.

Глубокоуважаемый г. Глазков!

Вернувшись из путешествия, я лишь сейчас смог ответить на Ваше письмо:

Я слежу с особым интересом за национальным движением казачества, с которым Румынский народ связан столь многими историческими событиями.

От всего сердца благодарю Вас за Ваши пожелания к Новому Году и также как Вы непоколебимо верю в конечную победу германского оружия, победу, благодаря которой и Казачье Движение сможет осуществить свои национальные идеалы.

Хориа Сима
Глава Румынского
Национального Правительства
Комм. Железной Гвардии.

Вена, 10 января 1945.

Руководителю К. Н. Д.
Глубокоуважаемый г. Глазков!

Благодарю Вас за Ваши пожелания и позволяю себе, в свою очередь, ответить Вам от всего сердца таковыми же.

Лично желаю Вам на Новый Год успеха в Вашей ответственной работе.

Д-р Сушко.
Украинский Опорный Пункт
Берлин.

Казачьему Национальному Движению.

Грузинский Штаб Связи сердечно благодарит Казачье Национальное Движение за его пожелания к Новому Году и, со своей стороны, желает Движению в 1945 году полного успеха во всех его начинаниях.

Да принесет этот год конечную победу германскому оружию, освобождение нашей Родине и победоносное возвращение на отчизну наших войск. Для осуществления этой цели, будем мы, каждый на своем посту, прилагать все свои силы.

Грузинский Штаб связи
Капитан (подпись).

Берлин, 2 января 1945.

Инж. В. Б.

Выдержки из экономического очерка Казачьих Земель.

В главе о факторах хозяйственного развития Казачьих Земель, мы разделили всю нашу территорию на три основных района: восточно - скотоводческий, центральный и юго-западный — земледельческий, северо-западный — промышленный. Дальнейшее подразделение опять таки основывается на факторах косвенно-климатических, устройстве земной поверхности и данных о населении.

Из однообразного скотоводческого района востока артерия Волги, воды Урала и побережье Каспийского моря позволяют выделить подрайон рыболовства. Развитие этого вида народного хозяйства в некоторых частях подрайона настолько велико, что совершенно вытесняет скотоводство и делается чуть ли не исключительным видом занятия местного населения. Центральную земледельческую полосу можно разбивать на ряд подрайонов в зависимости от преобладания той или иной культуры. Северные округа Донской области с их тучными черноземными полями и почти исключительно лиственичной культурой находятся еще отчасти под явлением сухого востока и составляют подрайон типичного хлебопашества. В их восточные части, в Сальский округ, в сев. уезды Ставропольской области и отчасти в северный округ Терека и прилегающие части Кубанской области врезывается еще местами скотоводческий восток. Приближение к югу сопровождается повышением влажности и создает отдельные центры специальных растений. Кубанская область включает уже большие площади подсолнечной культуры в Майкопском, Екатеринодарском и Лабинском отделах, к ним следует добавить подсолнечный подрайон Пятигорского округа на Тереке.

Обилие солнца и тепла юга вызывает большое распространение высокоинтенсивных культур: табака, винограда, садовых растений и т. д., а приближение к берегам Черного моря создает уже целые их крупные подрайоны. Из таковых для табака укажем районы на Черноморском побережье: у Джубги, Туапсе, Сочи, Архипоосиповки, Геленджика, далее ряд мест в Кавказском и Баталпашинском отделах на Кубани; по нижнему Дону (ст. Мечетинская, Кочетовская) и Миусу. Для виноградарства местности в районе Анапа-Новороссийск, Геленджик, Туапсе-Сочи, у Моздока и Кизляра — на Тереке, на Дону — вокруг станиц Цымлянской, Константиновской, Кочетовской, Чирской, Камеиской, ряд мест и в Астраханской, Ставропольской и Кубанской областях. Для садоводства нижнее течение Волги, ряд местностей на Дону, Кубани и Ставр. губернии. Из пчеловодных подрайонов заслуживают упоминания юг Кубанской области ст. Уст-Медведицкая и Вешенская на севере Донской области. Поперечной полосой проходит по горам и вдоль Кавказского предгорья подрайон лесов, составляя основной массив лесных рессурсов Казачьих Земель, заметно расширяющийся на запад, захватывающий всю полосу Черноморской губернии и дополняемый отдельными островами лесов на севере.

Развитие рыбных промыслов в устьи Кубани, Дона, на Приазовских лиманах и на Терском побережьи Каспийского моря образуют ряд рыболовных подрайонов, правда уже не со столь резко выраженным содержанием, как подрайон Астраханский. В общем из 45 округов и уездов к районам, более или менее, чистого земледельческого характера могут быть отнесимы 29. Углубление в дальнейшие детали не соответствовало бы масштабам нашего очерка, почему мы и перейдем теперь к характеристике второй области народного хозяйства Казачьих Земель — промышленности.

Напряженность хозяйственной жизни страны в ее промышленной грани бывает обыкновенно пропорциональна плотности ее населения. Казачьи Земли являются зоной довольно вообще редкого населения. Концентрация населения выражается в заметных величинах, главным образом лишь в ряде районов Кубанской и Донской областей. Соответственно этому может быть дана и общая схема промышленности Казачьих Земель: малое развитие промышленной жизни в целом, относительно большой удельный вес промышленности на Дону и меньший на Кубани. Таковая схема требует ряда оговорок.

Прежде всего «слабость» нашей промышленности оттеняется вследствие силы нашего сельского хозяйства; промышленность Казачьих Земель слаба не столько сама по себе, как в сравнении с могучим размахом сельского хозяйства, масштабам которого она не отвечает. Даже и в данной отрасли нашего народного хозяйства критерием для измерения развития традиционно являлись масштабы соответствующей отрасли народного хозяйства Империи: приходилась ли на нашу долю значительная процентная часть, той или иной величины, из статистических данных — говорилось о силе; приходилось ли мало — о слабости. При рассмотрении нашего народного хозяйства через призму всей бывшей Империи, этот прием, конечно, обоснован, однако, для оценки самое по себе такой метод не годится, т. к. не раскрывает подлинную картину, ибо величины небольшие относительно могут быть абсолютно все же значительными. И в третьих, едва ли можно при определении удельного веса промышленности Казачьих Земель оценивать ее безотносительно к истории: суть всего нашего народного хозяйства была не столько в его статике и определенных зафиксированных достижениях, сколько в динамике, в его стихийном росте и развитии. С этой точки зрения промышленность Казачьих Земель проявляла темпом своего развития огромные внутренние силы и неудержимость эволюции. Едва ли в этом случае прилагательное «слабый» как то ассоциирующееся с представлением о хилости и вялости, правильно характеризует истинную природу и дает верную оценку нашей промышленности. Но отдадим дань «традиции» и будем и мы называть промышленность Казачьих Земель, квалифицировать, как «слабую».

Рассмотрение размеров промышленных предприятий дает характерную картину: в Казачьих Землях преобладают мелкие фабрично-заводские предприятия, в 78% предприятий число рабочих не превышает 100 человек. Что же касается распределения рабочих, то в то время, как в общерусских центрах видно преобладание рабочих в крупных предприятиях, главная масса рабочих Казачьих Земель была в 1914 г. занята в предприятиях средних размеров.

Базой нашей промышленности служило все то же сельское хозяйство, это хорошо видно, если разделить ее на 2 основных вида: добывающую и обрабатывающую, из которых появление и развитие второй было всецело обусловлено успехами нашего сельского хозяйства. Соответственно первостепенной роли в нашем земледелии зерновых культур, среди отдельных видов обрабатывающей промышленности на одно из первых мест следует поставить мукомолье. Несоответствующее продукции хлебов в Казачьих Землях (по Лященко у нас перемалывалось менее $^1/_2$—$^1/_6$ всего получавшегося зерна) наше мукомолье все же давало до 13% выработки пшеничной муки всех товарных мельниц Европейской России. Еще большее относительное значение имела промышленность маслобойная, дававшая до половины всего русского производства. В числе наиболее развитых отраслей обрабатывающей промышленности стоит производство табачных изделий.

Так очень слабо была развита промышленность винокуренная, очень небольшую долю сырья поглощала и промышленность мыловаренная и кожевенная. Продукты шерстепрядильного производства России в то время, как сбор тонкорунной шерсти давал 75%.

Среди видов обрабатывающей промышленности, не связанных с земледелием, выдающееся значение имело производство цемента, дававшее до $^1/_3$ продукции всей России. Во много раз меньше значения имела металлообрабатывающая промышленность. Упоминанием о производстве сельско-хозяйственных машин, дававшем до 5½% русского производства и недостаточном для удовлетворения потребности наших краев, мы исчерпаем главнейшие виды обрабатывающей промышленности Казачьих Земель.

Система географического обозрения обрабатывающей промышленности подобно тому, как мы это сделали, говоря о сельском хозяйстве, была бы довольно затруднительна, ибо промышленные заведения этого рода были разбросаны по всей территории Казачьих Земель. Тем рельефней выделяется на их «земледельческом» фоне северо-западный район, который мы наметили в числе трех основных хозяйственных районов и который назвали «промышленным». Несмотря на то, что в этом районе была представлена и обрабатывающая промышленность, главным ее определяющим фактором являются ископаемые богатства земли и построенная на них добывающая промышленность. Северо-западной своей частью Казачьи Земли входят в знаменитый промышленный «Донбас». До $^1/_3$ его лежит в пределах Донской области. Наличие богатейших залежей угля, особенно наиболее ценного его сорта — антрацита, давно начатая их разработка, быстрый рост добычи и созданная на базе угольной промышленности, промышленность металлургическая, превращают этот район в центр не только относительно, но и абсолютно сильно развитой промышленности. В отношении добычи такого ископаемого, как антрацит, правильнее уже было бы искать не наше место и % добычи по отношению ко всей Империи, но, наоборот, цифры общерусских, кроме Дона исчислят в % от добычи на Дону. Не страшно здесь проведение параллелей с промышленностью заграничной.

Географически отдельно от этого «промышленного района», находится в наших землях месторождение нефти. Уже и при несовершенстве разработки нефти Грозненского района и молодости нефти кубанской, ее добыча в Казачьих Землях приблизилась к $^1/_4$ добычи нефти во всей России, привлекая к себе внимание мировых покупателей.

Разрабатывавшиеся Саданские месторождения серебряных руд являлись единственными в Европейской России. В районе Новочеркасск-Грушевском, на Тамани, по реке Ардону, в районе Грозного разрабатывались залежи железных руд.

Перечислить все то, что не разрабатывалось, но что содержали в своих недрах наши земли — это значит начертать целую программу могучей и разнообразной добывающей промышленности будущего. Магнитный железняк и железный купорос по р. Теберде; залежи серы, сурьмы, озекерита в районе Грозного, там же и по р. Сунже во Владикавказском районе — медные залежи, серный колчедан, мышьяковые, молибденовые и цинковые руды у Грозного, Владикавказа по реке Садону и у Баталпашинска, наконец, признаки золота в русле Терека — Моздока по Урухе (Владикавказ. район), вот начало длинного перечня и факты, которые рано или поздно должны обогатить Казачьи Земли рядом новых горнопромышленных районов.

Подведем итоги. Народное хозяйство Казачьих Земель построено на базе эксплуатации растительных богатств края, на земледелии. Земледелие это стоит в теснейшей связи с естественными условиями наших земель. Промышленность базируется отчасти на сельском хозяйстве, отчасти на подземных богатствах. И то и другое шли по пути быстрого развития. Старшее земледелие прошло уже не малый этап и имело не только относительно, но и абсолютно очень большие достижения. Более молодая промышленность прошла этап меньший, но и то, что достигнуто ею не мало. Каковы были эти достижения и земледелия и промышленности — читатель увидит дальше, а пока только следующие цифры:

По отношению к прежней Европ. России Казачьи Земли занимали:

Сельское хозяйство:

по сбору всех хлебов	12,5%
« « пшеницы	37,2%
« « ячменя	34,1%
« « кукурузы	29,2%
« « подсолнуха	50,0%
« « табака высших сортов	55,0%
« количеству овец	13,0%
« сбору тонкорунной шерсти	75,0%
« размерам рыболовли	65,0%

Промышленность:

по добычи каменного угля	75%
« « нефти	20%
« « серебра	100%
« « свинца	80%

Таковы в общем виде размеры сельского хозяйства и промышленности Казачьих земель.

П. Поляков.

Долдон и казачьи печальники.

Как то оно неудобно о высоких материях писать, а главным героем выводить приятеля моего Долдона, к которому, вижу и чувствую, отношение несерьезное и неодобрительное. Но что поделаешь. Всем все равно не угодишь, а времена такие, что единственным утешением Долдон служит.

Начало же сей истории относится к «великой и бескровной». Началась она, как известно, в столицах и до долдонова хутора не враз докатилась. Жили все там в страхе и недоумении и никак ничего понять не могли, что же оно такое происходит. Один раз учитель церковно-приходской школы возле правления на бревна вскарабкался и речь небольшую сказал. О текущем моменте. Все бы хорошо кончилось — говорил он больно уж непонятно: то анексии, то контрибуции, то эволюции, то резолюции. Без белой головки не поймешь, что оно и к чему. Ну да не удержался и заехал не туда — «Казачеству, говорит, в новом мире, потеснится придется, землю переделить надо будет». Долдон первый не стерпел. «Как, говорит, землю делить? Ты в своем уме, шшанок ты белогубый. Да у нас и без того пай 7 десятин и те то мел, то пески то сыропески, жрать то что будем?»

А учителишка то норовистый попался. «А вы, шумит, казачки, отвыкайте по старорежимному огрызаться, довольно вы несчастный народ плетьми пороли!» Такое он слово сказал. А когда он такое слово сказал то и дошло до неприятностев. Учителю зуба два, а может быть и все три тут же и выбили. И порешили в Округ писать, чтоб учителя заменили. Нам таких не надо.

Ну этим дело не кончилось. Стали откуда то из Саратовской губернии агитаторы приезжать. Народ на сход сзовут, бочку перед правлением на попа поставят, залезет на нее какой нибудь в картузе али в треухе и пошел и пошел. Про казачью жизнь объясняли. Как казакам жить придется. Один шумит, что нет теперь казаков, а все как есть в гражданы произведены. Опять же Долдон первый заобижался. «Иш ты, кобель какой выискался. Производствами займается. А мне сам Государь Император в приказные произвел, а ты откель взялся? Какие тебе чины дадены, чтобы ты Казачеством распоряжался? Вон отщель, сукова голова!»

Другой опять же про землю гуторит. Удивлялись казаки здорово. «Откуда, Господи Боже наш столько голодного народу на Казачью Землю рты поразевало? Да что у них своей нехватки, што-ля? Ведь Империя то огромная, семь дней скачи ни на какую границу не доскачешь. Иде они Сибирь дели — вот туды нехай и селятся. Нет же, лезут все, как есть к нам».

Тут как раз половодье началось. Иловля из берегов вышла, ерики и балки заиграли, даже Чертолейка и та разлилась так, что Семен Панфильчев курень во взят затопило. Вздохнули мы тогда облегченно — слава Господу на небеси, теперь меньше шататься к нам будут. Да не тут то было. Как-то уж под вечер глядим, а на том боку сани стоят, а возле саней трое. Малахаями машут, шумит, чтоб перевезли. Приказал атаман Сеньке Астахову в душегубке съездить, перевезти гостей дорогих. Уж стемнело, когда их всех на этот бок переправили. На утро сбор атаман назначил. А приезжие у Новичка, мужичек такой у нас в хуторе был, шильцем-мыльцем торговал, заночевали.

На утро вот тебе и сход собрался. Атаман объяснил, что приехал какой то товарищ, чей товарищ не сказал, только видим — полез один из приезжих на бревна. И затараторил. Будя, говорит кровь пили, всё как есть поделим и народу раздадим. Это ничево, тут даже Долдон не возражал. Второй полез. Начал нам про Казачество говорить. И вышло так, что нам, казакам, расседлывать придется. С коня долой и в мужики писаться. На сборе аж загудело. Заволновался народ, загомонил. Старики костылями махать начали. Тут разве не выскочи третий. Из себя маленький, щуплый, а глаза как уголья.

Вы, говорит, товарищи, довольно обидно себя чувствуете. Пора вам понять, что казачеству канцур пришел. Не может быть в стране привилегированных сословий. Все теперь равны! Поняли? И мужик и казак и цыган. Во!

Долдон не стерпел. Сам на бревна заскочил, да как заорет:

«Братцы! Станишники! Да чево же это такое получается? Всей Казачестве решку наводят, а мы молчим. Во, видали, приехала, тройка, прости Господи. У нас раньше о лошадях так то гутарили, а теперь люди в пристяжках ходить стали. И вся эта самая тройка и коренник и пристяжные, все нам, казакам, про нас рассказывають и к тому ведут, что канцур нам и крышка. А откель они взялись? Одни вологодцкай, другой смаленский, а третий черти какой; возгрей перешибить можно. Спрашиваю я их мы то к ним поехали ихних стариков жизни учить? Нет! Дак какого же им ляду у нас на Донах надо? Упомните, станичники, все они против нас, все они Казачество перевести хотят. Одна у них жидовская мысля такая — чтоб не было больше Казачества! Да чего тут рассусоливать. Сенькя, звиздани-ка энтого в калошах плетюганом через лоб, чтоб не развозил он своево товару по чужим ярманкам!»

. . . . . .

Последнее это собрание было с участием приезжих гостей. Их потом на салазках Новичок в слободу Ольховку утречком побитых отвез. А хутор наш по бугру окопы рыть начал.

Так то оно 26 лет тому назад было. За оружие казаки взялись в надежде от непрошенных печальников и друзей Дон отстоять. Тогда не вышло. Наши друзья нас выкинули и в наши курени сами понаселились.

Во какая она тогда дела вышла.

ЕВРОПОЙ ПРАВЯТ СТАРЦЫ.

Как сообщает немецкая газета «Прагер Тагблатт» английская газета «Манчестер Гардиан» пишет в весьма ироническом тоне по поводу странной любви союзников к «правительствам старцев» в оккупированных ими странах Европы. «Создается впечатление, как будто они хотят видеть правителями будущего мира людей, уже перешедших границу 70 лет», — говорится в газете, напоминающей читателям, что и Черчилль недавно отпраздновал свое 70-летие.

В Италии Бономи, которому уже 71 год, долгое время спорил из-за власти с попавшим ныне в опалу графом Сфорца, которому 75 лет. Когда этим политическим деятелям не удалось договориться, союзники не нашли лучшего выхода, как извлечь «из архива» бывшего итальянского министра иностранных дел Орландо и предложить его в качестве министр-президента. Орландо достиг возраста 84 лет.

В Греции, не считая Папандреу, любимым кандидатом англичан был бывший министр-президент либерал Софулис, 84 лет. Рекорд, однако, побил Тито, предложивший в качестве главы, так называемого, югославского регентского совета Ацу Станойовича, достигшего почтенного возраста 93 лет. «Теперь недостает лишь столетнего политического деятеля», — иронизирует «Манчестер Гардиан».

Наоборот, на Ближнем Востоке, в Ираке, бразды правления охотнее всего доверяются несовершеннолетним.

Дети и старики. Это — любимые марионетки для англо-американцев и большевиков, так как, прикрываясь их именами, можно творить что угодно.

П. Атаманцев.

Инструктор.

Осип Митрофанович Каргин — весьма важное лицо в станице: он занимает должность военного инструктора и, благодаря этому, числится в рядах интеллигенции.

Вахмистр Каргин, среднего роста, плечистый, с щеголеватой военной выправкой, «по форменному» подтянутый и в «учебные дни» всегда в новенькой одежде, — станичный Дон-Жуан, предмет вожделений многих местных Мессалин из жалмерок и молодых вдов. Подобная репутация его не раз приводила к весьма недвусмысленным угрозам по адресу Осипа Митрофановича со стороны его благоверной половины — толстой, сдобной Алены Потаповны, вахмистерши, в полном смысле этого слова. Эти угрозы заключались в искусно-сплетенных бранных посулах и обещаниях побить окна и потаскать современных Мессалин, по выражению ревнивой вахмистерши, «за патлы».

На все это Осип Митрофанович мало обращал внимания: он слишком был осторожен в своих дон-жуанских похождениях, хитро заметая следы своего «прегрешения» перед строгой благоверной.

Сегодня Осип Митрофанович находился в весьма щекотливом положении.

Когда он шел по широкой улице к училищному зданию, где он ежедневно муштровал «потешных», к нему подбежала молодая вдова Ивана Большакова — Наташка и быстро бросила:

— Што-ж? Способие-то будешь давать, ай нет?.. А то твоей пузатой все расскажу.

Осип Митрофанович испуганно вздрогнул и оглянулся по сторонам: нет-ли кого из посторонних? На его счастье улица была пуста. Тогда он слащаво улыбнулся и, изобразив на своей физиономии нечто вроде удивления и разводя руками обратился изысканно вежливо к дерзкой Мессалине:

— Ната!.. Я вас не узнаю! О каком это способии вы говорите?..

— О каком? — с жаром перебила его Большакова и похлопала себя ладонью по неестественно выпяченному животу.

— А это от кого?.. Думаешь в правление не заявлю? Не-ет, желанный мой! Всей станице разнесу!..

Каргин побледнел и порывисто дышал, не зная, что предпринять. С минуту оба стояли молча. Наконец, несчастный Дон-Жуан овладел собой и, озираясь по сторонам, шепотом проговорил:

— Я к тебе вечерком зайду, — обсудим это, что и как!..

— Ну, ладно!.. Только гляди не сбреши, а то... помни! — пригрозила на прощанье Наташка и шмыгнула в свои ворота.

Это происшествие расстроило благодушное настроение Осипа Митрофановича, и он вошел в училищный двор хмурый и озлобленный. Развязка прошлого романа с Наташкой Каргину не улыбалась. Угрозы ее сообщить о происшедшем Алене Потаповне его больше всего пугали. Он уже заранее ощущал на своей спине удары чапленника, и в ушах его звенела довольно-таки нелитературная брань разъяренной богданной.

— Черти меня дернули связаться с этой паскудой, — думал Каргин, подходя к училищному крыльцу.

На крыльце стоял старший учитель, полный, маленького роста, и, улыбаясь, о чем-то говорил с станичным иереем, о. Михаилом, благодушным, жизнерадостным человеком, бывшим вахмистром, отцом целого взвода пузатых, здоровых ребятишек.

— А-а!.. Наш военный министр! — приветливо улыбнулся о. Михаил, подбирая широкие рукава рясы и поднимая руку для благословения.

— В военном деле — Бисмарк, в отношении прекрасного Евина рода — сатана во образе змия, а в отношении душеспасительных напитков, аки пустыня — безводная Сахара: поглощает живительную влагу в несоизмеримых количествах, — давясь от смеха, произнес учитель, подмигивая о. Михаилу, благославлявшему Каргина.

— Все мы грешны, Иван Прокофьевич, в этих самых отношениях, — благодушно ответствовал духовный пастырь, зевая и широко крестясь. — У-а-ах!.. Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!.. Не выспался, кубыть, чудок!.. Говорила мать: сосни, отец, перед занятиями, — не послухался, а оно... У-а-ах!.. зевается!

— Ну, Осип Митрофанович, принимай от меня свою армию! — улыбаясь, ткнул пальцем учитель на толпу казачат, бегавших по двору. — Часок подзаймешься, да и распускай их, а я пойду к батюшке: он вчера из окружной-то Цымлянского привез, старого.

При этих словах, учитель подмигнул Каргину и, довольный своим намеком, громко расхохотался.

— Да уж пойдем, што-ли! Ведь знаю, что пронюхал уже, — простодушно согласился добряк пастырь, и они вместе с учителем вышли на улицу.

Каргин некоторое время задумчиво смотрел им вслед, потом быстро повернулся на каблуках и заливистым начальническим тоном крикнул:

— Станови-ись!..

Вся разношерстная «потешная» команда со всех ног бросилась исполнять приказание, толкаясь и щедро рассыпая оплеухи друг другу.

— Смири-а! — скомандовал Каргин и, взяв руку под козырек, подошел к фронту.

— Здравствуйте, дети-и!

— Здра-жла-м, г-н вахмистр! — закричали дружно казачата во всю силу своих легких, подтягивая от чрезмерного старания животишки.

— Дружней, дружней надо! — крикнул Каргин и пошел по фронту, осматривая свое войско.

— Хоперсков! Сопли утри!.. Разя не знаешь, што фронт — святое место?.. А ты рассопатился, как верблюд калмыцкий!

Хоперсков испуганно бросил взгляд на начальника, шмыгнул носом и, бойко проведя рукавом поддевки под носом, вытаращил снова глазенки на Каргина — «ел глазами начальство» — по уставу.

— Быкадоров! Ты чевой-то пузо распустил, как мадам при положении?.. Подбери!.. А эта-а што такое? — заглянул вахмистр в заднюю шеренгу. — Эта-а што еще за кадрель?.. А ну, вылазь сюда — нехай все поглядят на такую чуду заморскую!

Из задней шеренги бочком вылезла маленькая фигурка в старом широком пиджаке, повидимому с отцовских плеч, потому что он болтался на хозяине, как подрясник; на голове малыша был надвинут калмыцкий треух с огромной кокардой.

— Эта откуда такая прелесть? — загремел Каргин. — Што, у моих казаков одежи нету што-ли своей, што сиповские спинжаки надевать стали?.. Срам!..

Маленькая фигурка молча стояла на вытяжку перед мечущим громы и молнии начальником.

— Ну, скажи на милость, Скачков, — откуда ты достал этот ветродуйчик? — преувеличенно-ласково заговорил Каргин. — Родитель што-ль твой изволил его носить? А?

— Батяня! — хмуро прогудел Скачков, глядя в землю.

— А скажи, пожалуйста, кто ты такой есть, — продолжал тем же тоном Каргин.

— Казак, — отрубил Скачков.

— А почему ты казак? — не унимался инструктор.

— По казаку Ермаку.

— Да разя Ермак в сиповских спинжаках ходил? — ехидно заметил Каргин.

Казачата фыркнули, но Осип Митрофанович оборвал их веселье грозным окриком: — Цыц!.. В строю не смеяться!..

— Так вот что, мой болючий, — обратился он снова к Скачкову, — иди ты к своему батяне и скажи, што, мол, господин вахмистр не велели мне приходить в училище в чужой одеже!.. Так и скажи! Понял?

Но, неожиданно для всех, Скачков всхлипнул и глухо зарыдал, закрываясь рукавом злополучного «спинжака».

— Вот так фунт! — изумился Каргин. — Да ты с чевой-то? А?

— Одежи нету, — пробубнил сквозь слезы Скачков. — Батяня... ко... корову про... дал.. брату коня.. на службу на.. надоть.

Осип Митрофанович сочувственно посмотрел на плачущего мальца и, покачав головой, подумал:

— Так всегда!.. Жрать нечего, одежи, обувки нет, а на службу все свое надоть... чуть что не так — беда!.. Начальство тянет! — Потом неожиданно взял Скачкова за воротник «спинжака» и, толкнув его к фронту, крикнул:

— Марш в строй, поганец! Завтра-же чтобы не было этого дипломата!..

Осип Митрофанович с тяжелым сердцем пробирался через глухой переулок к базам Большаковой. Идти по главной улице было опасно: могла встретиться благоверная половина, а такая встреча никак не могла принести пользы Каргину, принимая во внимание угрозы бедовой Наташки Большаковой.

Поэтому Каргин прошел через глухие переулки, перепрыгнул в знакомом ему месте через высокий плетень и, озираясь по сторонам, пробрался в небольшой старый курень покойного Ивана Большакова, в котором теперь жила только Наташка да старая, глухая свекровь, за которой добросовестно ухаживала молодая вдова.

— Здорово дневали!.. — приветствовал Каргин Наташку, входя в стряпку.

— Слава Богу! — задорно сверкая красивыми черными глазами, отвечала вдова. — Проходите, Осип Митрофанович, садитесь, гостем будете, а водки купите — хозяином будете!

— Да оно, всеконечно, такое дело без полбутылки никак невозможно разобрать, — согласился Каргин, запуская руку в карман широких синих шаровар с алым лампасом.

— Вот!.. Бутылку возьми! — сказал он, подавая Наташке деньги и садясь за стол в переднем углу под старинными, потемневшими от времени, иконами.

Через несколько минут Наташка наливала в пузатые граненые рюмки водку, с усмешкой поглядывая на задумчивого Осипа Митрофановича.

— Ната! Садитесь за компанию. Если о деле говорить...

— Да што-ж тут говорить то?.. Ты виноват, ты и платить будешь, — ехидно бросила Наташка, возясь у печки с сковородкой, на которой шипела яичница.

— Но... позвольте, Ната! Как же это так? — нерешительно заметил Каргин.

— Што «как»? — резко повернулась к нему Мессалина. — Ежели не хочешь платить, так и скажи!.. Я уж управу на тебя найду!.. Вся станица узнает.

Каргин тяжело вздохнул и упавшим голосом спросил:

— Сколько хочешь?

Наташка, сдерживая улыбку, торжествующе посмотрела на несчастного Дон-Жуана и коротко ответила:

— Четвертную!

Каргин попробовал было возразить, но потом махнул рукой и, вынул деньги, подал ей ассигнацию.

— Ну, а теперь можно и погулять, — засмеялась Большакова, пряча деньги за пазуху и протягивая руку к рюмке. Но в это время зазвенели разбитые стекла, и в комнату влетел кусок кирпича.

Каргин побледнел, как полотно, и, схватив фуражку, бросился на двор.

Убегая через базы и оглядываясь, он слышал визгливый крик своей супруги и крепкую сочную брань Наташки. Каргин вздохнул свободнее и перепрыгнул через плетень на улицу.

О казачьей молодежи.

Молодой казак.

Archiv „Der Kosakenbote".

В свое время, когда Казачество жило в нормальных условиях у себя дома, вопрос казачьей молодежи и ее воспитания не стоял столь остро как стоит он теперь. Целый ряд учебных заведений от высших до ремесленных открывал широкую дорогу молодому казаченку, в жизнь он входил образованным и воспитанным в духе старых, вековых традиций.

Что сделали с казачьей молодежью в СССР лучше не говорить. Совершенно денационализированная, разбитая, оторванная от своих родных корней, выростала она в общесоветском плане «революционного воспитания» и о своем родном узнавала лишь понаслышке, из вторых рук, неясно и смутно создавая себе понятие о своем прошлом.

Только матери-казачки, не забывшие прежней жизни, выплакавшие глаза свои за мужьями и сыновьями, погибшими в неравной борьбе, украдкой, потихоньку, сообщали подросткам казачатам о былой славе.

Велика заслуга подъяремной подсоветской матери-казачки, огромна принесенная ею жертва и неизмеримо велика проделанная национальная работа. Это от нее узнавали казачата свою историю, от нее слышали о прошедшей славе и крепли духом и ждали часа отмщения. Сроки пришли и сотнями тысячь молодых бойцов за лучшее наше будущее зашевелила наша степь.

Иное положение было заграницей. В отношении казачьей молодежи эмиграция не выдержала экзамена, провалилась почти полностью и только силе самого исконного казачьего духа должны мы быть благодарны за то, что и у нас создался в молодом поколении какой то, правда не большой, но ясно себе уявивший свою роль кадр молодых казачьих патриотов.

Большую роль сыграл здесь Донской Кадетский Корпус в Югославии, чье начальство всеми мерами старалось задушить казачий дух.

Слабые духом поддались, смолкли и пошли туда, куда им говорили. Но за то выросла и окрепла порядочная по численности и здоровая духом группа протестовавших, сумевшая не только не угасить духа, но и разнесшая свою веру по всем уголкам Европы и насадившая всюду новые ростки казачьей правды.

Хуже обстояло дело там, где подраставшее молодое поколение получало образование дома или в чужих школах. Смешанные браки с иностранками в этом отношении зачастую оказались не совсем счастливыми. Новая казачка сама о Казачестве не имевшая представления, естественно, не могла да иной раз и не хотела своему сыну или дочери прививать какой то казачий дух, который и ей то самой был или непонятен или полностью чужд. Отцы же, тяжело добывавшие свой насущный кусок хлеба, почти не имели времени для того, чтобы серьезнее заняться национальным воспитанием своих ребят.

Образовался большой прорыв. Молодежь пришедшая заграницу так или иначе выделила из своих рядов кадр бойцов за Казачество, который всю свою заграничную жизнь провел в борьбе за казачье право. Новое же поколение, родившееся уже в эмиграции в этом отношении почти ничего не дало. Не смотря на то, что в каждой казачьей станице за рубежом подрослало много казачат, их национальным воспитанием почти нигде и никто не занимался, и огромный кадр новых сил сейчас для Казачества можно считать почти потерянным. Нам не раз приходилось встречать казачьи семьи, где дети говорили только на языке своей матери, о Казачестве имели самое смутное представление, и все познания их о Казачестве ограничивались лишь умением плясать казачка или лезгинку.

Будущее всякого народа в его молодежи. От того как она воспитывается зависит его судьба и мы считаем, что одно из самых главных наших дел это направление воспитания нашей подростающей смены в духе старых казачьих традиций вольности и славы.

Пробел велик, много упущено и не сделано, но это не значит что уже все потеряно. Для начала можно и должно немедленно же кое что предпринять и мы верим, что брошенное зерно упадет на хорошую почву, и знаем; что оно даст прекрасные всходы. Знаем потому что в молодой казачьей душе все Казачества касающееся находит быстрый и благодарный отклик и ни одно, даже самое ничтожное усилие, не пропадет даром.

Всем атаманам стоящим сейчас во главе казачьих организаций необходимо немедленно же выяснить наличный состав казачат и при местных организ. КНД создать Отделы молодежи куда должны войти все мальчики и девочки от 8 до 17 лет.

Первой задачей этого отдела нужно поставить проработку Казачьей истории и преподавание своего языка.

Воспитывать казачат в духе идеалов Казачьего Национального Движения и Национал-социализма, столь похожего на наш казачий уклад жизни.

Смену нужно готовить, о смене нужно серьезно задуматься, т. к. не далеки те дни, когда отцы наши уйдут со сцены, прнехавшие заграницу молодыми — сами дедами сядут на заваленки, а новую казачью жизнь призваны будут строить и те казаки, которые родились не на берегах Дона, Кубани и Терека, а Дуная, Сены, Влтавы, Шпрее, Вислы и Марицы.

Все эти новые силы должны будут взять на свои плечи всю тяжесть казачьей работы и не посрамить дедов своих и славы казачьей. Ибо история наша не раз подтвердила нам простую вещь — куда бы не попадал казак, как сурово не забрасывала бы его судьба в самые отдаленные уголки мира — он оставался казаком и только и думал об одном — о подлинной Родине своей — Казакии.

Слава Казачеству.

С. Макеев.

Лагерная шутка.

(Из книги: «Невозвратное Прошлое»).

М-ский Пластунский батальон выходил в лагери. Офицеры и казаки с песнями покидали грязный грузинский городишко и, в трех, примерно, верстах от зимних квартир, на берегу живописной горной реки раскидывались белые палатки. Красивая местность, упоительный воздух, охота, рыбная ловля и «некоторая» лагерная свобода крепко приковывали к себе обитателей полотняного городка, и в город ходили только по неотложным делам, или для несения гарнизонной службы.

Но Володя Мащенко мало внимания обращал на окружающую природу и каждый день после вечерней зари шел в городской парк на свидание со своей невестой. Что значит для молодого офицера три версты? Полчаса ходу, а удовольствий миллион!..

Его частые отлучки из лагеря не нравились его приятелям по батальону, — ведь офицерская молодежь в батальоне на счету, — и они задумали отучить молодого хорунжего от излишних прогулок. Но как?..

Сотник Бабкин — старший из молодых — долго ломал голову над этим вопросом и, наконец, надумал: Так как кратчайший путь в город лежал через кладбище, а хорунжий Мащенко возвращался домой около часу ночи, т. е. в самое неурочное время, то, пригугнув его как следует, можно будет, пожалуй, отбить охоту к ночным путешествиям. Но чем напугать и как? На кладбище покоятся мертвецы и, если нарядиться покойниками, то Володе Мащенко и в голову не придет, что в роли-то покойников были его же сослуживцы по батальону.

Надумано-сделано. Бабкин поделился блестящей мыслью с приятелями и все пять молодых весельчаков приказали своим деньщикам сшить к вечеру из старых простынь саваны — одежду, в которой хоронили простой христианский люд.

Все держалось в строгом секрете, но ведь ничего нет тайного, что не стало бы, в конце концов, явным. Проходя мимо палатки сотника Бабкина, Мащенко увидел деньщика за шитьем какого-то странного одеяния.

— Что ты шьешь? — невольно вырвалось у него.

— Саван, ваше благородие! — ответил, вытянувшийся в струнку казак.

— Кому саван?

— Их благородию сотнику Бабкину!

— Для чего ему саван?

— Не могу знать!

— Значит, ты — осел, коли шьешь саван, а не знаешь для чего! Ведь не умер же он?

Самолюбие казака было задето, и он, не думая о последствиях, выдал секрет.

— Пужать когой-то собрались, ваше благородие. К вечеру, говорят, щоб был готов! — полушопотом ответил он офицеру.

— Пужать?! — тихо повторил Мащенко. — Знаю я кого пугать собираются. То-то Бабкин меня спрашивал, как это я не боюсь ходить ночью через кладбище.

Хорошо! Посмотрим, что из этого выйдет...

— Василь! — громко крикнул Мащенко, подойдя к своей палатке.

Деньщик поспешно выскочил навстречу хорунжему и вытянулся в струнку.

— Чего изволите, ваше благородие, чаю прикажете? — спросил он, знал привычки своего офицера.

— Давай чаю! — весело ответил Мащенко и ласково потрепал его за шею.

— Ужинать ночью будете, когда из города вернетесь, ваше благородие? — спросил Василь, ставя на стол горячий чай и хлеб с маслом.

— Нет, Василь, сегодня я останусь дома, а в город пойдешь ты.

— С письмом, ваше благородие, али как? — ухмыльнулся деньщик.

— Нет без письма... впрочем, я напишу записку.

— Слушаюсь! Прикажете убираться?

— Василь, — окликнул хорунжий — ты ночью на кладбище не боишься?

— А чего-же там бояться-то? Разве...

лимо, чтобы воеяный человек боялся кладбища?

— А покойничков?

— Покойники зла не сделают, а вот от живых людей только того и жди...

Мащенко, не упуская удобного момента, поведал деньщику о приготовлениях сотника Бабкина и вскользь намекнул, что и им самим не мешало бы придумать что-нибудь интересное, чтобы потом весь лагерь смеялся над их проделкой. И только он закончил, как Василь, с улыбкой на скуластом лице, предложил свои услуги.

— Разрешите мне, ваше благородие, я их в два счета разделаю, аж до самого лагеря наметом гнать буду.

— Как же ты сделаешь? — довольный предложением деньщика спросил Мащенко.

— Одену на себя больничный халат, из старой наволочки маску сделаю, щоб на настоящего мертвеца походить, а в руке косу держать буду. Вот и явлюсь к ним в полном параде.

— Прекрасно! — воскликнул хорунжий — но не забывай всем говорить, что я ушел в город, а когда в лагере все успокоится, ты отнесешь в город записку и на обратном пути останешься на кладбище и подождешь господ офицеров. И никому ни слова, иначе все лопнет.

— Не извольте сумлеваться, все будет сделано, как по маслу.

После вечерней зари лагерная жизнь замерла. Лишь в офицерском собрании слышались голоса. Командиры сотен, старые с седыми усами есаулы, азартно играли в преферанс, а молодежь сидела за стаканом доброго кахетинского вина. Не хватало только хорунжего Мащенко и командира батальона, не любившего по вечерам засиживаться подолгу.

Часов в одинадцать молодежь покинула собрание и медленно, словно прогуливаясь, направились к кладбищу, захватив с собою грубо сшитые из простынь белые балахоны. Сотник Бабкин, как опытный во всех офицерских проделках вожак, указал каждому надлежащее место, приказал одеться и лежать тихо среди могил.

— Как только покажется Мащенко, сейчас же медленно поднимайтесь, чтобы получилось полное впечатление, что из могил встают мертвецы, но не смейтесь, чорт побери, а то он сразу догадается, что это мы!

Безмолвная тишина летней ночи, лишь изредка нарушалась шелестом листьев на огромных махнатых платанах. Луна плавно выползала из-за горной вершины и сказочные тени от белых крестов зашевелились среди могильных холмиков. Далеко где-то в горах прокричал филин. Прошло часа два... Лежать в бездействии всем надоело. Сотник Бабкин посмотрел на часы. Уже два... Очевидно хорунжий остался в городе. Ждать бесполезно. Операцию необходимо перенести на следующую ночь.

— А ну, господа покойнички — шутливо скомандовал он — выходите на дорожку и справа по одному шагом марш!

Один за одним поднялись, размяли затекшие члены и, только хотели закурить, как из глубины кладбища послышался странный какой-то звук, который сразу заставил всех насторожиться. И, почти в ту же минуту, в широкой полосе луны показалась исполинская фигура мертвеца с лысой головой, черными ямами вместо глаз, и с косой в правой руке.

Невольный ужас сковал наших героев. Каждый из них почувствовал холодную испарину на теле. Волосы от страха становились дыбом.

— И здесь не дают покою! — глухим, замогильным и страшным голосом произнес мертвец.

Напряженные до крайности нервы не выдержали... Бабкин первым бросился бежать к лагерю. За ним остальные. Топот ног гулким эхом разносился в горах, а в след бегущим слышался исступленный крик:

— О!.. хо!.. хо! И здесь не дают покою!!!

Часовой у порохового склада, завидев несущихся к нему людей, громко окликнул:

— Стой! Кто идет!? Стрелять буду!

И видя, что те не обращают на его предупреждение никакого внимания, выстрелил в воздух. Выбежал караул. Лагерь зашевелился, словно потревоженный муравейник. Дежурный офицер, командиры сотен, хорунжий Мащенко, все прибежали по тревоге.

Сотник Бабкин, трясущимися от страха и сильного бега губами, об'яснял в чем дело. Увидев в толпе Мащенко, он бросился к нему в об'ятия и, почти со слезами на глазах, чистосердечно рассказал о своей затее.

— Вот видишь, Володя, хотели над тобой подшутить, а Бог нас наказал за это.

— Ну, положим, не Бог, а мой Василь. Он у меня мастер на такие штуки.

Дружный хохот, вырвавшийся из толпы освежил разгоряченные нервы шутников.

Уже забрезжило утро, на востоке заиграла заря, а лагерь еще волновался.

Вокруг деньщика хорунжего Мащенко собралась большая толпа, он разводил руками и, вероятно, в сотый раз повторял: «И здесь не дают покою!!!»

ОРГАНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ ЕВРОПЫ.

После объединения сил национальной Франции и образования национального комитета во главе с руководителем национального движения Дорио, недавно на территории Германии образован Греческий национальный комитет, в состав которого вошел и руководитель греческого национального движения Константин Гоулас.

Каждый казак должен не забывать внести свою лепту в Казачий Национальный фонд и заплатить за «Казачий Вестник».

Казачье национальное дело ведется казачьими руками и на свои казачьи средства.

СКОРБНЫЙ ЛИСТОК

Професор ЛУКА БИЧ

упокоївся в Празі на 75 році життя 12 січня 1945 р.

Професор Бич Лука Лаврентієвич походив зі старого козацького роду, народився 17 жовтня 1870 р. на Кубані на хуторі свого діда сотника Степана Бича в юрті станиці Павлівської, Єйського відділу.

Року 1890 скінчив кубанську військову гімназію і вступив на юридичний факультет московського університету, який закінчив року 1894 з дипломом I. ступня.

1894 р. вступив на службу до адміністративного відділу Кубанського Обласного Правління. 1895 р. був розпорядчиком недільної школи в Катеринодарі.

1897 р. Новоросійська Міська Рада обрала його на посаду секретаря Міської Ради й Управи. В рр. 1897—1898 був розпорядчиком Новоросійської Недільної Школи. Р. 1898 був обраний на посаду Голови Новоросійської Міської Думи, але уряд з політичних міркувань не затвердив цього обрання.

Р. 1899 перейшов на службу до Каспійського Відділу Транспортово-Пароплавного Акційного Товариства (Восточное Общество) на посаду секретаря при Управлінні Відділом в Баку. В рр. 1902—1904 був управителем агенції цього Товариства в Петровському-Дагестанському.

Р. 1903 обраний на міського радника Петровського-Дагестанського. Р. 1904 виконав службову подорож по північній Персії для дослідження умов праці «Восточного Общества». Того ж року перейшов на службу центрального правління Товариства в Петербурзі, як помішник завідуючого транспортовим відділом товариства, а далі як інспектор-інструктор з районом: Москва, Волга від Астрахані до Нижнього Новгороду, Київ, Варшава, Лодзь, Білосток, Рига.

Р. 1906 видавав і редагував разом з Симоном Петлюрою та Левком Мацієвичем журнал «Вільна Україна», а після її заборони урядом часопис «Наша Думка». Брав живу участь в житті української колонії в Петербурзі.

В літі 1907 р. виконав подорож по Німеччині, Швайцарії, північній Італії та Австро-Угорщині.

Р. 1908 став управителем Каспійського Відділу Восточного Общества в Баку.

Р. 1911 був обраний на міського радника м. Баку.

З 1908—1912 рр. був членом Бакінського Портового Комітету. Як представник від Біржового Комітету написав розвідку «Нужди Каспійского Моря. Порти і маяки».

1912 р. обраний на посаду Бакінського Міського Голови.

Рівночасно був Головою Бакінського відділу Союзу Міст, що за війни мав численні шпиталі для ранених і хорих вояків. В рр. 1916—1917 був Головою Бакінського Военно-Промислового Комітету, що вів між іншим заводи шрапнельний і толуоловий. В березні 1917 р. з призначення Тимчасового Російського Уряду був Головноуповноваженим в справах харчування населення Кавказу і кавказької армії.

8 листопаду 1917 р. Кубанська Законодавча Рада обрала його на посаду Голови Кубанського Краєвого Уряду. На чолі Уряду 1918 р. він вийшов из Катеринодару у «Перший Кубанський Ледяний Похід», який скінчився, після тяжкої боротьби з большевиками, поворотом Уряду й Кубанської Армії з Дону до Катеринодару.

В 1919 р. Кубанська Краєва Рада обрала його на Голову Кубанської Делегації до Парижа для захисту інтересів Кубані перед урядами Антанти, та для одержання від них допомоги зброєю на продовження боротьби проти большевицької навали.

В осені 1921 р. Л. Д. Бич переїхав до Праги. Р. 1922 Професорська Рада Української Господарської Академії обрала його на доцента Академії по катедрі місцевого самоврядування. Р. 1925 іменовано Його професором тої самої катедри.

За свое перебування в Академії Він також викладав курс Торговельного Права.

Рівночасно 5 разів був проректором Академії та один раз деканом Економічно-Кооперативного Факультету.

1932 р. Л. Л. Бич брав активну й чільну участь в організації Українського Технічно-Господарського Інституту позаочного навчання і став першим його Віцедиректором. В рр. 1936—1938 був Директором Інституту.

Р. 1939 через затяжну хоробу відмовився від адміністративних функцій і залишив за собою лише функції професора. Вів навчання з курсів 1) «Господарство місцевого Самоврядування», 2) «Загальна Наука Права» та 3) «Державне Право».

Важніщі Його фахові й наукові праці:

1) Місцеве Господарство (перший взагалі в европейській літературі систематичний курс того предмету). Праця наскрізь оригінальна, де автор використав свій багатий практичний досвід багатьох років.

2) Загальна Наука Права.

3) З сучасних тенденцій в господарстві французької самоуправи.

12 декабря прошлого года после тяжелой болезни скончался член КНД. Иван Семенович Назаренко.

Покойный родился 7 июля 1900 года в ст. Уманской на Кубани. Совсем юношей принимал активное участие в гражданской войне; затем вынужден был эмигрировать, почти все время прожил в Сербии и только последних полтора года в Германии, в Вапероде, где и умер.

Погребение состоялось 15 декабря. Проводить прах усопшего на место вечного покоя собралось очень много как казаков, так и немцев, с которыми покойному пришлось работать. Представитель фирмы, в которой работал И. С., сказал несколько теплых слов, отмечая честность и трудолюбие покойного и возложил на гроб венок от фирмы.

Мир праху станичнику, ушедшему от нас на чужбине!

К 50-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. А. КОЗЛОВСКОГО.

Козловский Георгий Антонович родился 23 апреля 1877 года и воспитывался под наблюдением своего деда, старого казака в ст. Славянской, который научил его любить Казачество и ознакомил его со славной казачьей историей. Окончив реальное училище, продолжал образование в институте путей сообщения в Петербурге, слушал лекции в высших учебных заведениях во Львове, Праге, Кракове и Цюрихе.

Служил в Кубанском Варшавском дивизионе и оттуда попал в Китайский поход (1900 г.). После этого окончил Тверское военное училище, по окончании которого попал на Дальний восток, где принял участие в войне с Японией.

В 1918 году участвовал в первом и втором Кубанском походе, до взятия Екатеринодара. Работал по гражданской части при Кубанском правительстве, состоя одновременно председателем Кубанского союза журналистов и литераторов.

С 17 летнего возраста сотрудничал в провинциальных и столичных газетах и журналах. Во время гражданской войны редактировал в Екатеринодаре «Кубанский край». В эмиграции сотрудничал в «Вольное Казачество», «Казакия», «Казачье единство», «Казачья Воля», «Казачий вестник» и др. Много переводов сделал с иностранных языков.

Отдельными изданиями вышло много его книг экономического и исторического характера, а также не мало из под его пера вышло драматических произведений.

С 1927 года состоит в казачьем национальном движении, как один из активных работников, положил не мало труда для его преуспеяния.

К 50-ти летнему юбилею его журналистической, литературной и политической деятельности, пожелаем юбиляту много здоровья и успеха в его плодотворной и высоко полезной деятельности на благо родного Казачества.

Из писем в Редакцию.

Уважаемые станичники!

Привет вам, дорогие защитники Родины, от казачек, которые не забывают и думают о вас.

Мы находимся в лагере, точно также на далекой чужбине, как и вы. Занесла судьба очень далеко от родных казачьих степей.

Дорогие казаки! И здесь, на далекой чужбине, где не слышен аромат родных степей, даже и здесь, гордые сердца казачек не забывают, да и не забудут родных братьев и защитников, которые проливают кровь за наши родные просторы, за нас казачек, за наших старушек-матерей, с нетерпением ожидающих возврата на Родину.

Мы ждем с нетерпением каждый номер нашей родной газеты «Казачий Вестник». Из газет мы вычитываем голос родных казаков, сзывающих на борьбу против этой проклятой заразы, мучившей уже больше 20 лет Казачество.

Мы казачки, поняли из этой газеты, что недалек день освобождения, что он придет, в этом мы твердо уверены, своими гордыми сердцами, мы знаем, что вернемся на наши родные степи и увидим своих близких.

Верьте нам, казачкам, что нам очень хочется вам во всем помочь, как хочется перевязывать раны родным казакам, сидеть за пулеметом, казацкой саблей отомстить проклятой большевистской банде за погибших! Мы, казачки, решили и поставили своей целью помогать родным казакам. На далекой чужбине ли, на фабриках, заводах, на поле боя, под вражеским огнем вытаскивать раненных, истекающих кровью, за казачью долю. Мы готовы отдать свою жизнь за Казачество, за честь, за правду. Никогда не будем жалеть пожертвовать кровью для блага своего народа.

Дорогие казаки! Мы, казачки, одной цели с вами, у нас так же в сердце кипит злоба и месть к большевикам. Разве не будет в душе клокотать злоба и месть, когда там, на наших родных степях, царствует террор большевиков над нашими матерями и отцами, поднимается нагайка изверга жида!

При одной мысли об этом хочется итти в бой вместе с вами, родные казаки. Знайте, что казачки одной думки с вами. Мы готовы с вами в воду и огонь, в пропасть, лишь бы постоять за нашу казачью правду!

Мы, казачки, посылаем вам свои девичьи благословения и желаем вам счастливо, с победой вернуться на Родину!

Пусть будет Божья помощь всегда с вами. Правду завоевать Господь всегда поможет!

Слава Казачеству! Писала Донская Казачка Мария Макаровна Напалкова 4. I. 1945 г.

Павел Поляков.

VANITAS VANITATUM...

Кто изведал боль утраты,
Кто узнал мечты измену, —
Тот, склоняясь закату,
Не надеется возврату
И не жаждет перемены.

Все равно... Стрела лихая,
Попрощавшись с тетивою,
Полетев, пером провоет,
При паденьи землю взроет
И... покроется травою...

Проползут тысячелетья, —
И мальчишки расы новой
(Дети вечно будут — дети)
Употребят стрелы эти
Для игрушки бестолковой.

В полусгнившем оперенье
Не понять детишкам малым,
Что и ты была — стремленье,
Что порвала ты терпенье
И... конечно... не попала!

Время мощною рукою
Меж веками стерло грани.
Те, что были здесь, с тобою,
Отдались давно покою —
Нет о них воспоминаний.

Лишь степной зефир летучий
Да поэт... зарею... рано...
Слышат ратей клич могучий,
Видят стрел густые тучи,
Тени витязей в тумане...

Пойте песни... пойте, братья,
Об отчизне... об отмщеньи,
О молитвах... о проклятьях,
О желаньях... я объятьях,
О борьбе освобожденья...

Жизнь дана! Идите смело
Расточать живые силы!
В мире очень много дела —
Все занялись в мире целом —
Роют тихие могилы...

Я пою... мотив прелестный
Мне шепнул Дунай широкий —
О прекрасном, о чудесном,
О великом неизвестном,
О разгадке недалекой...

Нынче я творцом Вселенной —
Раб ничтожный — недоволен...
Я живу с душей пленненной,
Позабытый и презренный,
Но... Его-да будет Воля...

ХРОНИКА

По распоряжению Руководителя КНД, приступлено к организации Отдела молодежи при Казачьем Национальном Движении.

В тех местах где имеются местные организации КНД, при них должны быть организованы Отделы молодежи КНД, о чем атаманы местных организаций должны известить центральное бюро КНД. Из центрального бюро поступят распоряжения и инструкции о дальнейшей работе.

Казачья молодежь, в возрасте от 16 до 20 лет, обоего пола, желающая быть членом руководящего состава Отдела молодежи КНД, должна обратиться в местные организации КНД, или непосредственно в центр организации в Праге.

Отдел молодежи КНД.

— Общим и долгим желанием Н-ского Казачьего баталиона, стоявшего на охране заводов в В., было попасть в действующие казачьи части. После ходатайства Руководителя КНД инж. В. Глазкова баталиону была дана возможность осуществить свои стремления. Одновременно Руководителю КНД удалось достичь того, что семьи всех ушедших казаков остались на своих прежних местах и о них главным управлением заводов проявляется полная забота.

На днях директор заводов сообщил Руководителю, что им сделано все, чтобы казачьим семьям создать условия временной родины. Семьи живут в хорошо оборудованных бараках, где им предоставлены хорошие жилищные условия. Для самых малых детей созданы ясли; для детей внешкольного возраста детский сад, для старшего возраста имеются учительские силы, которые производят с ними школьные занятия. Для обслуживания запросов казачьих семейств было вызвано ряд казаков, главным образом, ремесленников.

Целый ряд казаков уже приезжало в отпуск, где весьма довольны остались заботами, проявленными об их семьях.

РОЗЫСКИ

— Сагайдак Михаил, казак ст. Кущевской — Кубань, разыскивает своего станичника Лубенец Пантелея Андреевича. Фельдпост 57917-Е.

— Шашин Николай Самойлович, Зеленчукской ст., Баталпашинского отд., Кубань, разыскивает Шашина Алексея Иванович, двоюродного брата, по всей вероятности живущего в Протекторате. Фельдпост 32500, пост 014.

— Болотенко Григорий Кириллович, ст. Славянской — Кубань, разыскивает брата Георгия, бывшего одно время в Барановичах. След утерян в воинских частях в окрестностях Люблина. Знающих о нем и о месте его пребывания прошу сообщить по адресу «Казачьего Вестника».

— Дегтерева разыскивает мужа Ефима Герасимовича, жили в г. Бобруйске на Комбинацкой ул. 120. Прошу всех, кто о нем знает, сообщить по адресу:

Nordhausen Postochliessfach 195, Abt. 112 an Frau Marie Timofeewna Jakowlewa.

— Шакун Иосиф Иванович, разыскивает сыновей Владимира, род. 11 ноября 1924 г., Ивана, род. 21 августа 1926 г., Алексея, род. 17 марта 1929 г., брата, Андрея Ивановича. Все ст. Таманской, Темрюкского района — Кубань. Брат был в полку во Франции. Прошу сообщить по Фельдпосту 32500. Post. 044.

— Лесик Володимир, розшукує адресу Комарницького Йосипа, який знаходиться коло Праги, є урядовцем залізної дороги, походить з Турки окр. Дрогобич (Галичина). Писать на адресу:

Lesyk Wolodymir, b. Bauer Arnold Frecking, Lager Holthausen über Burgsteinfurt Bz. Münster.

— Абрамцова Нина, разыскивает отца Гаврила Трофимовича Абрамцова. Писать:

Nina Abramzowa, Landsbergerstrasse 55. München-Neuaubing.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25

Ukrainski Museum, Praha-Musle II,
Gutenštejnska ul.5.6.

FUNGSDRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 5 (88)

5 JAHRGANG
5 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го МАРТА 1945 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag XII., Skretagasse 28, Telephon 39595.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

П. Поляков.

НАША ВЕРА.

Веру нашу мы не навязываем, но предлагаем. Не пропагандируем, но проповедуем. Не зовем на пир и удовольствия, но на подвиг и жертву. Не раздаем чинов, но зовем служить Казачеству.

Ибо Казачество для нас святая святых, цель всей жизни нашей, всех помышлений и мечтаний.

В глубине веков зародившись, морем крови полив свои степи, росло оно и выросло великим колоссом, символом вечной борьбы за Истину.

Было в нем два начала. Одно свое, природное, пронесенное через столетия страданий и войн, борьбы и искушений. С этим началом зародилось оно, жило и боролось и это начало его сущность, его оправдание перед судом Божеским и человеческим.

Начало это — Воля Казачья.

И было в его среде раньше, есть и сейчас, растет диким татарником, летает по степям как сухое перекати-поле и всюду и везде оставляет свои отравленные, поганые ростки.

Это второе начало, наносное, чуждое нам холопство.

И когда на старых страницах истории нашей читаем мы имена великих сынов родной Земли нашей, когда слышим мы о Разине, Булавине, Ермаке, всегда рядом с ними слышим мы и подленькие голоса тех, кто всю жизнь свою торговал интересами Казачества, зарабатывал на нем, создавал на крови казаков свое личное благополучие.

В жизни человечества это явление не ново, не у нас только были предатели и изменники, шкурники и подхалимы.

Длинный список этих выродков рода человеческого начинается именем Иуды и тянется без конца и края до наших дней, страша бесконечным числом своим.

Веками Казачий Народ в массе своей боролся за Волю и Присуд Казачий и освятил свою борьбу бесчисленными казачьими головами, больше всего на свете любившими свой Край Родимый.

Плодом этой борьбы и явилось Казачество в тех размерах, в которых было оно перед началом мировой войны.

И в то время как Народ Казачий, стремясь к вековым своим идеалам, создав себе мировую славу, построил в степях жизнь, похожую на которую не найти во всем свете, выросло, крепко вкоренилось и цветет поганым цветом, злым роком нанесенное в степи, чуждое нам по духу нашему рабское подхалимство тех, кого ослепила роскошь чужих хором, кто больше всего любит питаться корочками со стола господ, какие бы они не были, кто сам своим хозяином быть не умеет и не хочет, кто умеет только слушаться и подчиняться, лишь бы найти барина, запречься в чей угодно хомут, служить кому угодно, только не подлинным казачьим интересам.

Сегодня повторим мы снова перед всеми честными людьми, перед всеми любящими свою родину искренне и неподкупно, перед всеми истинными патриотами, скажем мы еще раз во что и как веруем.

Скажем прямо и честно, как говорили это двадцать пять лет подряд, скажем ничего не убоясь, ибо единственное что страшит нас это суд казачьей истории и нашей собственной совести.

Много лет назад сказали мы, что живем и работаем только для Казачества и его блага и на этом остаемся.

Много раз сказали мы, что Казачество есть народ, имеющий право жить на этом свете наравне с другими народами, и этой точки зрения мы не переменили.

Много раз напоминали мы всем заветы прадедов наших, звавших нас на подвиг и служение своему Народу, и продолжим итти по этой дороге.

Бесчисленное количество раз указывали мы на подвиги тех, кто кровью своей подписал верность идеалам Вольного Казачества и готовы и сами тоже сделать не медля.

И сегодня не навязываем, но зовем и предлагаем — идите, братья казаки, служить вечной правде казачьей, мировую славу Казачеству создавшей.

Не ходите наниматься ни к кому, боритесь честно только за свое право, будьте верными союзниками тех, кто дал нам возможность вооруженной рукой стать за нашу поруганную честь и искореняйте и истребляйте всех, кто до нынешнего дня мечтает о чужих нам, враждебных перезвонах.

Героически борется немецкий народ за свою землю, не хочет пустить к себе красного хама, уничтожающей лавиной нависшего над Германией.

Четверть века боролись мы с красными, поднимались и падали в неравной борьбе, но оружия из рук не выпустили.

И никогда его не сложим.

И победим лишь тогда, когда точно и определенно будем знать за что мы идем, за что боремся, и что хотим построить после победы.

После победы не хотим мы быть ничьими слугами, но вольными людьми, по собственному желанию и умению устраивающими свою жизнь.

У нас есть великий союзник, есть народ, понявший наши стремления, и с ним вместе добудем мы наше вековое право.

В право это мы верим, за него боролись и боремся и вера наша велика и полна дел.

Веру эту не навязываем, но предлагаем.

Ибо знаем, что все честное, все готовое искренне итти на работу для блага нашего народа — пойдет с нами.

И ничто не страшит нас, ибо страшного для нас случится не может.

Единственное что может быть страшным в этой борьбе, это измена Казачеству.

Мы живем только для сохранения Казачества, для него дышим и ему не изменим.

Слава Казачеству!

Пам'яти К. Л. Бардіжа і його синів.

«Буде слава славна
«Поміж козаками
«Поміж друззями,
«Поміж рицарями».

Минуло 27 років, як Кубань втратила одного із своїх найкращих синів — осаула Кіндрата Лукича Бардіжа. Не тільки втратила його самого ще в повному розцвіті сил, але разом з ним і двох його синів-соколів, що подавали великі надії: юриста по освіті, сотника Віанора Баодіжа та студента, хорунжого Миколу Бардіжа.

Було любо бачити разом цих трьох завзятих козаків, типових чорноморців — батька й синів. Батько — поважний, кремезний козак середнього росту, з довгим козацьким вусом, в рясній, чорній бороді з рідкою в ній сивиною, з замисленим поглядом глибоко сидячих розумних очей. Віанор — невеликого росту, веселий, завсігди готовий на жарт, з одвертим обличчям та часто з іроничною усмішкою на устах. Не дивлячися на свою молодість.— йому було щось 25—26 років — Віанор Бардіж виявив себе вже не аби-яким політичним діячем, поєздувливим, дотепним речником, і отож зовсім не даремно на з'їзді в червні 1918 р. в Петрограді його було вибрано членом Совета Союзу Козачих Військ, а на Кубані — членом Кубанської Ради та членом правительства Північно-Східнього Союзу від Кубані. Микола Бардіж — ще зовсім юнак, високий, стрункий як тополя, з прекрасними задушевними очима, на людях мовчазний, по юнацькому сором'ливий. Од всіх трьох віяло інтелігентностю, чи вірніше сказати — культурностю. І тож справді вони трое — батько й сини — були людьми дійсної культури. Всіх трьох їх водночас скосила смерть руками большевицьких катів в день 3(23) III 1918 р. в Туапсе на Чорноморському побережжу.

Перед розстрілом, коли на баржі-тюрмі, пришвартованій до Туапсинського молу, відбувалася мерзотна комедія «революційного суду» над Бардіжами та кількома офицерами, що їх було захоплено у полон разом з Бардіжами, Кіндрат Лукич із сльозами на очах молив, благав катів розстріляти тільки його самого та дарувати життя його синам і останнім полоненим, бо ж це він, мовляв, був винний в тому, що затяг їх всіх до боротьби проти большевиків. Але то була даремна спроба з боку батька-козака спасти своїх любих дітей та вірних друзів. На молу їх всіх було розстріляно та скинуто до моря. А щоб тіла не спливли на поверх, до ніг їм було поприв'язувано «грузила» з каміня й заліза.

Але козацьке море все-ж віддало, повернуло Бардіжів по приналежності Кубані. Воно викинуло їхні тіла на берег, де їх і було поховано руками кубанських офицерів. Коли ж Кубанський уряд в осени 1918 р. повернув до Катеринодару, їхні останки було розшукано та з почестями поховано на Катеринодарській Кріпосній площі біля собору. Мабуть, кістки їхні спочивають і нині там, хоч ми того не певні, бо ж большевики і на мертвих мстятся, і їм не дають спокою.

Але, де б нележали тлінні останки Бардіжів, козаки однаково й на віки вічні будуть шанувати пам'ять старого кубанського степового орла батька Кіндрата і двох орлят Віанора й Миколу Бардіжів. Слава їхня козацькая не вмре, не поляже!

Кіндрат Лукич народився в Катеринодарі 9(23) березня 1868. Долі завгодно було зробити так, щоб смерть свою він прийняв саме в день свого народження, коли йому сповнилося рівно 50 літ. Родина К. Л. з діда-прадіда належала до козаків станиці Брюховецької.

Вчився К. Л. в Катеринодарі в Кубанській Військовій гімназії.

Кіндрат Лукич був пансіонером, стипендіятом Кубанського Війська, коли йому сповнилося 18 років, прийшлося піти до Ставропольської козачої юнкерської школи, яку він і закінчив р. 1888.

На військовій службі К. Л. залишався 12 років, але з того майже 4 роки, під час перебування в два прийоми на льготі на Кубані, він виповнював військово-адміністративні функції участкового начальника. А це дало йому можливість ближче ознайомитися з господарським станом і адміністративним устроєм Кубані, зокрема Чорноморщини. Тут на власні очі він бачив дефекти в організації станичного життя, болячки й скорботи, що роз'їдали назагал дуже здорове фізично й морально козацьке тіло. Думка якось-то допомогти своєму народові вибрести з тенет темряви та пригніченности, в яких держав московський централізм козацтво, цілий час тривожила душу молодого народолюбного козака-офицера.

Нема сумніву, що при вдачі Кіндрата Лукича підходити до всякого діла з добросовісностю та розсудливо, при його великій працездатності та талановитості, він міг би зробити порівнюючи добру кар'єру і на військовій службі. Але ця кар'єра його не захоплювала, бо по натурі своїй він був людиною громадською, політичним діячем. Його притягала до себе робота продуктивна, творча праця, що давала б позитивні наслідки для ближніх, для людства, для станиці, для свого Краю, для держави. При першій же можливості він виходить (р. 1900) по Війську (в запас) і сідає з своєю родиною в рідній Брюховецькій станиці на господарство, яке й починає вести в досить великому маштабі і новим культурним зачином. Але це його не цілком задовольняє і він стає до безпосередньої громадської роботи, поки-що на невеликому полі: року 1903 Брюховецька станиця вибирає його своїм станишним отаманом.

Треба сказати, це була одна із великих і богатих чорноморських станиць. Людности було в ній в той час понад 25.000 душ. Отже, доброму хазяїнові тут було над чим попрацювати. На західньо-европейський маштаб є це середнє місто (город). Станишний отаман разом був тим, чим в місті є городський голова (мер) і начальник поліції, а крім того на ньому лежав обов'язок справки, підготовки й виряження молодих козаків на службу. В такій станиці, як Брюховецька, самих дітей шкільного віку, для яких треба було мати школи й учителів, чисилося більш як 2000. Кіндрат Лукич з великим захопленням віддається цій новій для нього праці та скоро набуває слави доброго отамана-господаря.

Для розквіту своєї батьківщини Кіндрат Лукич вніс і свою та ще й не малу лепту, як станишний отаман, а ще більше — як депутат Державної (Государственной) Думи.

Слава про Кіндрата Лукича, як про отамана, доброго адміністратора, господаря, та оборонця інтересів рядового козацтва, пробігла по Кубані і в початку 1906 р. його було обрано козачими голосами депутатом до Державної Думи. Після того ще тричі відбувалися вибори до Державної Думи, аж доки її не скасувала революція 1917 р., і кожен раз кубанські козаки посилали туди своїм представником і оборонцем своїх інтересів К. Л. Бардіжа.

Отож на протязі 11 років він зберігав повне довірря кубанського козацтва. І це не дивлячись на те, що в Державній Думі він належав до опозиційної, протиурядової конституційно-демократичної партії.

Одинадцять років був Кіндрат Лукич членом всеросійських законодатних зборів — Думи. Він рідко виступав з промовами з думської катедри. Взагалі з природи своєї він не був трибуном. Мав він мужній, але трохи хрипкий голос. Говорив на публічних зборах рівно, ясно, логічно, розумно і спокійно, без пафосу та демагогичних трюків. А саме головне — не любив К. Л. без потреби виступати публично, а ще більш не любив вилазити наперед, афішуватися. Виступав з промовами лише тоді, коли було потрібно йому самому говорити, коли за нього ніхто інший не міг сказати того, що треба сказати. Але іноді, при надзвичайних яких будь умовах, коли тема промови болюче брала його за серце, коли він втрачав трохи і владу над своїми нервами, Кіндрат Лукич преображався в оратора з Божої ласки: голос його гримів, як труба, а з уст лилися, як потік, гарячі, гнівні слова, що проникали до душ і тривожили совість слухачів, кликали до бою за праведне діло.

Расстреляный большевиками член Кубанской Рады
К. Л. Бардиж.

Archiv „Der Kosakenbote".

З більшою охотою К. Л. працював в рідних думських комісіях, де йшла попередня творча праця, бо там, власне, підготовлялося все те, що потім лише оформлювалося на загальних зборах Думи. Найбільшу й найважнішу участь він брав в працях думської козачої секції, яка вважала за свій обов'язок розробляти й розглядати всебічно законопроекти, що торкалися козачих земель і спеціяльно козачих справ.

Але мабуть найбільше праці та турбот давали Кіндрату Лукичеві кубанські життєві справи. Багато цих справ, в наслідок надмірної централізації в управлінні Російською імперією, йшло на остаточне вирішення до Петрограду в рідні міністерства та переважно до Головного Управління Козачих Військ. Рідко яка справа проходила без того, щоб зацікавлені кубанські установи, станиці, а то й приватні особи не зверталися за допомогою до свого поса Бардіжа. Між іншим, такі важливі для Кубані справи, як дозвіл на будування Чорноморсько-Кубанської залізної дороги та залізниці Єйської, пройшли в Петрограді лише дякуючи клопотанню Кіндрата Лукича. А це ж по своїй організації були залізниці особливого, не звичайного в Росії типу: акціонерний капітал склали головним чином станиці, через землю яких пробігали залізничні шляхи, а головну ролю в управлінні цими залізницями грали представники станиць (на чолі Чорноморки стояв К. Живило, а на чолі Єйської — б. отаман урядник Ст. П. Гурбич).

Одинадцять років життя в культурно-політичному центрі колишньої Росії в Петрограді (більшу частину рока) та праця в Думі — центрі тодішнього політичного життя Росії виробили із Кіндрата Лукича досвідченого політичного діяча. Сміливо можемо сказати, що в той час, коли вибухла російська революція 1917 р., яка на цей раз безпосередньо і дуже болюче вдарила по Кубані та і по всіх інших Козачих Землях, серед кубанських козаків (та й серед іногородних Кубані) був єдиний політично досвідчений муж. Це був Кіндрат Лукич Бардіж.

Одним із перших актів Російського тимчасового (временного) правительства, що заступило царську владу, було призначення губерніяльних і областних комісарів. На Кубань було призначено двох комісарів: члена Думи від кубанських козаків К. Л. Бардіжа і члена Думи від іногороднього населення Кубані Н. Н. Николаева.

При участі К. Л. Бардіжа на вересень-жовтень (сентябрь-октябрь) 1917 р. було скликано Кубанську Військову Раду з представників від козаків, гоців і кубанських сел (іногородніх, приписаних до Кубані). За згодою ж К. Л. було складено проект Кубанської конституції, яка передбачала встановлення уряду президента Кубанського Краю в особі Військового Отамана та утворення законодавчого корпуса (Законодатної Ради) і Кубанського Краевого (не тільки Військового) уряду.

Засідання Військової Ради, що виконувала функції установчих зборів, відбувалися під знаком необхідности організувати порядок і владу в Краю самостійно, цілком незалежно від центрального російського правительства (головою його тоді був А. Ф. Керенський), бо козацтво відчувало, що ніякого ладу той уряд дати не може, що він сам бовтається у повітрі і що тільки усамостійненням козаки зможуть врятувати свій Край від анархії й більшевизму, який почав насуватися на Кавказькі Землі.

Такої самої думки був і К. Л. Бардіж, що..в той час з великою неохотою і з тягарем на серці продовжував ще нести обов'язки комісара Всеросійського Уряду на Кубані.

В початку жовтня 1917 р. Кубанська Військова Рада затвердила конституцію Кубанського Краю.

К. Л. склав перед Радою свої повноваження комісара. Таким актом своїм він признав Кубанську Краєву Раду за єдине верховне джерело влади на Кубані.

Надійшли Різдвяні Свята 1917—18 р. Большевики з усіх сторін почали наступати на Кубань: з Криму на Тамань, з Новоросійського, зі станцій Тихорецької й Кавказької — на Катеринодар, з Дону — на Куцівську, з Ейського — на Уманку. Большевицьке кільце звужувалося. На всі боки треба було відбиватися, усюди посилати війська, а їх у Кубанського уряду було дуже мало.

Коли паритетна Законодатна Рада в початку січня 1918 зформувала новий Кубанський уряд на паритетних началах, в цей уряд К. Л. Бардіж вже не ввійшов, бо прийшов до твердої думки, що більш користи Кубані він принесе, взявшися за організацію козачої військової сили, яка змогла б поставити збройний опір на північно-західніх кордонах Кубані.

Центром своєї організації Кіндрат Лукич вибрав рідне йому Чорноморря, де він знав багатьох персонально і де знали його. Формою для організації чорноморців вибрав «Вільне Козацтво».

Кубанський уряд схвалив проєкт Кіндрата Лукича, виасигнував в розпорядження Бардіжа досить, значний кредит, дав йому належні повноваження командуючого фронтом, право переводити добровільну мобілізацію козаків боєздатного віку, уділював йому зброю й стреливо зі своїх мізерних запасів.

З властивою йому енергією Кіндрат Лукич роспочав справу організації «Вільного Козацтва», взявши за найближчих помішників собі своїх синів Віанора, що властиво був його начальником штабу, і Миколу в якості осавула (ад'ютанта), а також закликавши низку бойових старшин чорноморців. Без відпочинку денно й в ночі працювали Бардіжі. Як орли літали по Чорноморрю, держучися як бази Чорноморсько-Кубанської залізниці. За 2—3 тижні Кіндрат Лукич мав вже 5—6 тисячний відділ; розташував його в станицях, яким загрожували большевики, і по залізничих лініях Чорноморки.

Але фронтовики не тільки не пішли у «Вільні Козаки», не стали в оборону Кубані, але обурені, збиті з пантелику большевицькими пропагандістами, вони навпаки зробили все, щоб повернути в нівець роспочате К. Л. Бардіжем діло спасіння Кубані.

Останню свою надію він покладає на Чорноморську Раду, яку було скликано на 15. II. в рідній станиці Бардіжів — Брюховецькій. Зібралися туди представники 60 станиць-курінів б. Війська Чорноморського; прибули Військовий отаман, представники Кубанського уряду, К. Л. Бардіж, де-які члени Законодатної Ради і інших районів Кубані. Але праця цієї Ради носила вже дуже тривожний характер. Нічні засідання Ради в школі при слабому, напівтемному освітленні скидалися більше на сходини конспіраторів, змовників. Пізно в ночі на 17. II. Військовий Отаман одержав телеграмму, що большевики прорвали Кубанський фронт, на Тихорецькому напрямку і майже без перешкод ідуть на Катеринодар. Спішно треба було міняти розроблений в комісіях Ради план боротьби та негайно роз'їзджатися на місця, бо кождому треба було бути на своєму посту.

Кілька день по Раді він теж приїхав до Катеринодару з своїм штабом.

Він побачив, що на цей раз козацтво через нерозуміння ситуації, через неохоту боротися програє свою справу. Він знав, що козакам доведеться перейти надзвичайно тяжку, хрестну путь, страждань, мук, знущань від розгнузданих морально, розбещених большевіків.

Але він також знав, що настане час і козацтво прокинеться від дурману не знесе большевицького ярма, повстане і то вже в скорому часі.

Отож цей короткий період треба борцям за Кубань десь перечасувати, заховатися від ворогів, щоб у відповідний момент об'явитися та знову покликати козаків на бій, послужити Кубані. К. Л. не хотів виходити з Катеринодару з правительственним військом, він рішив піти сепаратно через Ключеву на Чорноморське побережжя, а звідти, якщо буде треба, перебратися до Грузії.

26. II. вийшов Кіндрат Лукич в похід за Кубань, взявши з собою 15 їздців; в більшості Кубанських старшин, а в тому числі були й його сини — Віанор і Микола. Але вже за Гарячим Ключем, в 50—60 верствах від Катеринодару, натрапили вони на большевицьку заставу. Ввесь час далі прийшлося пробиватися силою. Кіндрата Лукича було поранено, де-кількох з його сопутників було вбито, де-кількох ранено.

Нарешті в одно село Чорноморської губ. біля Туапсе приїхало їх семеро, голодних, фізично й морально змучених, в більшості ранених. Тут їх всіх було захоплено в полон спеціально висланим із Туапсе большевицьким загоном.

Тут, в Туапсе відогрався останній акт трагедії життя Кіндрата Лукича, так міцно зв'язаної з трагедією Кубанського козацтва.

Инж. В. Б.

Из экономического очерка Казачьих Земель.

Зерновые культуры.

Основной отраслью сельского хозяйства Казачьих Земель является хлебопашество. Вся эта отрасль народного хозяйства характеризуется у нас весьма большими, как абсолютными, так и относительными цифрами. Общий урожай зерновых хлебов наших земель доходил до огромной цифры 650 миллионов пудов, составлявших 12,5% урожая б. Европейской России. В переводе на душевой сбор это составляло около 45 пудов на душу. Наиболее крупное количество сбора давали пшеница и ячмень, в чем нельзя не видеть результата влияния экономического характера: запроса со стороны внешнего рынка. Перефразировка существовавшего применительно к юго-востоку выражения «житница России» на ее «пшеничницу» (Сирин) было вполне обосновано.

Составляя свыше ⅓ сбора б. Европ. России, урожай пшеницы давал у нас почти 22 пуда на душу населения, в то время, как ячмень 12 пудов, кукуруза и просо 2—3 пуда.

Мы привели цифры средние для всех Казачьих Земель, в отдельных же районах имело место значительное их превышение. Чистый остаток пшеницы на душу населения получался, напр., в Сальском округе 52,2 п., в Кавказском отд. 49 п., в Благодаренском уезде (Ставр. губ.) 44,6 п. и т. д. Для ячменя в Сальск. окр. 45,8 п., в Черкасском 32,8 п., в Благодаренском 31,3 п.

Остаток всех хлебов вместе составлял на душу населения на Дону 42,5, в Астраханской губернии 9,11 п., на Кубани 51,85 п., в Ставропольской губ. 69,7 п.(!), на Тереке 52,5 п., в Черноморской губ. 2,95 п. Из отдельных же округов по общему остатку на душу выделялся избытком хлеба округ Сальский 128,7 п.(!) и Моздокский 115,5 п.

Каким образом распределялись все эти огромные цифры сбора по отдельным Казачьим Землям, видно из нижеследующей таблицы (в мил. пуд. за вычетом семян для посева):

	рожь	пшеница	ячмень	овес	кукуруза	ост. хлеб	всего
Астраханская губ.	2,84	8,34	0,01	0,23	0,01	0,51	11,97
Дон	20,01	80,51	48,77	9,82	1,65	2,75	163,61
Кубань	4,84	84,51	44,20	11,52	8,32	1,81	155,18
Ставроп. губ.	0,62	50,15	29,34	5,89	0,83	5,89	92,72
Терек	1,70	14,70	10,80	4,79	20,23	12,60	66,19

В Астраханской губернии бросается в глаза почти полное отсутствие кукурузы. Дон превалирует в отношении ржи. Кубань стоит на первом месте по сбору пшеницы и овса, велик здесь, в сравнении с Доном, также сбор кукурузы, превосходящий урожай этой культуры в остальных областях взятых вместе. Среди иных хлебных злаков, кукуруза стоит на Тереке на первом месте. Если вспомнить отношение территории Дона и Кубани (15, 8,6), то нельзя не обратить внимания на небольшую разность сбора их хлебов.

Исчерпывающее рассмотрение сбора хлебов по всем отдельным округам завело бы нас слишком далеко. Поэтому укажем лишь главные округа хлебной продукции по отдельным областям и культурам. Так в Астраханской губ. наибольший сбор давал Царевский уезд 7,26 мил. п. На Дону округ Черкасский 20,14 мил. п., Донецкий 32,40 мил. п. и Донской 1-ый 21,66 мил. п. По отдельным же культурам ржи наиболее давал Донской 2-ой 5,65 мил. п.: пшеницы — Донской 1-ый 19,09 мил. пуд. (т. е. больше сбора всей Швеции), ячменя — Черкасский 12,21 мил. п., овса — Донецкий 2,09 мил. п., кукурузы — Таганрогский 0,69 мил. п.

На Кубани максимальный валовой сбор был в отделах Кавказском 37,68 мил. п. и Лабинском 28,13 мил. п., эти же отделы выделялись по сбору пшеницы 20,73 мил. п. и 16,43 мил. п.; ржи больше всего собиралось в Таманском отделе 1,7 мил. п., ячменя в Кавказском 12,67 мил. п. и Таманском 10,36 мил. п., овса в Лабинском 2,91; кукурузы в Лабинском 25 мил. п. и в Баталпашинском 1,62 мил. п. В Ставропольской губ. наиболее продуктивен был Благодаренский уезд 25,80 м. п. хлебного сбору; там же снимались и максимальные урожаи отдельных хлебных культур, кроме кукурузы (последней наибольше в Ставроп. губ. до 0,37 мил. п.).

На Тереке наиболее богаты зерном были округа Моздокский 12,70 м. п. и Пятигорский 14,52 м. п., по отдельным же культурам выделялись продукцией кукурузы, округа Владикавказский 3,79 м. п., Грозненский 2,52 м. п., Нарзановский 4,25 м. п., Нальчикский 4,16 м. п., Сунженский 2,84 м. п.

На фоне сбора отдельных культур по Казачьим Землям в целом, первые места занимали: по сбору ржи — Донской 2-ой (5,65 м. п.), пшеницы и ячменя Кавказский (20,73 и 12,67 м. п.), овса Пятигорский (3,02), кукурузы Назрановский (4,25 м. п.).

(Продолжение следует.)

К казачьей воинской доблести, к казачьему героизму нужно придать соответствующее казачье духовное оснащение, только тогда казак будет представлять полноценного и сознательного борца за свою собственную самобытную жизнь.

(В. Авилов, «К. В.» № 13 (70).

С. М.

В полевом карауле.

Маневры продолжались всю ночь... На опушке леса, что возле деревни Березайки, стоял караул Б. пехотного полка. Здесь скрещивались проселочные дороги и могли шнырять «неприятельские» разъезды. У обочины дороги в зарослях прятались часовой и подчасок, а сам караул притаившись сидел в лесной чащобе.

— Слышь, Кабанов, кто то едет! — шепнул часовой своему подчаску.

Тот прислушался. Среди тишины четко раздавались лязг железа и цоканье лошадиных подков.

— Должно из наших кто, с донесеньем? — шепнул в ответ подчасок.

— А что, как «неприятель», вот бы его замордовать?

— Что-ж, ежели один и замордуем!

— Ты пойди к караулу и скажи, чтобы ребята вышли к дороге, мы его, голубчика, в один момент, и очухаться не успеет!..

Караульные тихонько, как кошки, подкрались к дороге и замерли в кустах. Верховой крупной рысью ехал и не подозревал об опасности. Вдруг дорогу перерезали трехгранные штыки и торжествующий голос разрезал ночную тишину:

— Стой! Слезай, брат, спешить некуда!

Несколько рук схватилось за узду, другие спешивали всадника.

— Стойте, землячки, не вдруг все, — взмолился всадник, — надоть допрежде выяснить, кто, что и почему, а может я «свой»?

— Не похоже что то на своего! А что пропуск?

— Пропуск то?!.. Вот тебе на, и запамятовал на грех, а взводнай наказывал, что-б не забыл!.. Яви его!..

— Братцы, да ведь это казак, глянь — лампасы на штанах то!

— И впрямь!.. Ишь, схитрить хотел, думал не узнаем? Нам точно говорено, что гусары и казаки, вроде как «неприятель», а драгуны и уланы свои.

— Ну что-ж, землячки, на войне не без промаху, попался словно кур во щи! — засмеялся казак и вынул кисет с махоркой.

— Вот это подвезло, братцы, от ротного награда будет! — торжественно заявил один из солдат.

— Это за меня то? — не без удивления спросил «пленный».

— За вас, господин казак! Ротный говорил давеча, что если пымаем казака с донесеньем по награде выдаст!

— А у меня донесенья то и нету, я должон на словах передать по начальству! — улыбнулся казак, к которому так почтительно обращались солдаты.

— Господин казак, — обратился к «пленному» караульный унтер-офицер, — мы должны вас временно обезоружить!

— Ишь, строгости какие, да кудыжь мне, милачки, бежать то без коня? Вам что ли брошу, поди у казаков кони то не казенные?

— Все равно, не гневайтесь, а уж таков приказ! — сказал унтер-офицер и стал отбирать у казака оружие.

— Стойте, милачки, я сниму и повешу на седло, как завсегда у нас принято! Вот.. так... сюди шашка... сюды ружье... вот! — он ловко приторочил к передней луке свои боевые доспехи.

— Часовой и подчасок оставаться на местах, а вы ребята ведите лошадь и «пленного» в караул! — распорядился унтер.

Пришли на то место, где раньше располагались и посадив казака по средине, стали полушопотом разговаривать. Лошадь привязали к дереву шагах в десяти от себя.

— Вот же наказанье Господне, ехал и в мыслях не было, что на ваш караул наткнусь. Язви его! — ворчал «пленник», оглядывая добродушные лица солдат, с каким то особенным любопытством смотревших на казака.

— Ну, что-ж, ничего, — успокаивал унтер, — поутру к ротному отправим, а опосля и отпустят в полк.

— Да не в том штука, а зазорно, что влопался и лятучку во время не доставил.

— На заправской войне и хуже бывает! — сказал кто то.

— Известно бывает!.. Мой батька в Японскую также вот на косоглазых наскочил, да сохранил Господь, убег и жив остался.

— Энто очинно даже антересно, господин казак, расскажите, ежели незатруднительно! — попросили солдаты, все больше молодежь, по первому году службы, лишь унтер кончал срок.

— Страшные бои под Ляояном были, милачки, нашей армии прямо таки приходил капут! — начал свой рассказ казак, совершенно не стесняясь вымыслом, лишь бы угодить слушателям. — Мищенков генерал, может слыхал кто из вас?..

— У нас в деревне патреты его висят на стенах, еройский генерал должон быть! — поспешил ответить маленький курносый солдатишка, сидевший рядом с казаком.

— Так вот Мищенков генерал и говорит моему батьку, скачи Стяпан к самому Куропаткину и докладай обо всем, как есть, что ежели не даст помочи все помрем, как один, за веру, царя и отечество. Скачи, говорит, коня не жалей, меняй в дороге. Скачет батя день, скачет ночь...

— Значит далече было? — перебил кто то.

— Конечно не близко, то сопки, то поля рисовые, с конем утопнуть пара пустяков и вот тут то его и залопали япошки.

— Без дорог, напрямки?

— Какие-ж там дороги, не в станице, брат. Штыки на перевес, гыргычут чавой то, не понять по ихнему то. Батя поднял руки вверх, сдаюсь мол, они и ружья опустили от радости, казака залопали, а в это время батя, не будь плох, выхватил шашку, да как сиганет одного, другого, третьего, всем поотрубал головы, бьдьто бритвой срезал и ходу... Доскакал до Куропаткина, на чисто все поведал и упал от изможденья. Куропаткин ему и вина в рот влил, в чувствие привел. Молодец, говорит, казак, чуть не помер, а долг свой исполнил и Егория ему прицепил. Отдыхай, говорит, теперь без сумленья, помочь зараз пошлю...

Солдаты с разинутыми ртами слушали казака и еще больше проникались к нему должным уважением. Слово «господин» слышалось при всяком обращении.

— Господин казак, а вы из каких казаков то будете?

— С Дону я, милачки, с Тихого Дону, слыхали поди? Хутора Кривобокова, станицы Берендеевской... Вот ежели попадет кто из вас к нам, спросите только Гаврилу Гладкобаева, всяк покажет; курень под железом, на базу скотина, а позади огороды и баштаны. Господи, чево, чево только нет там!

— Они богато живут, это верно, ребята! — вмешался в разговор унтер, до сего времени молча слушавший рассказ своего «пленника». — Я перед службой ходил на Кубань на заработки, знаю, три месяца, будто сыр в масле катался. На степи работал, косил траву, хлеб, овес, эх жисть была, навсегда остался бы, да служба помешала... Черного хлеба, ребята, и в помине нету, самой белый, а сало жмотками на степь брали. И квас с ледом и тарань... По рубь тридцать в день платили на полных харчах, самим им где управиться...

— В нашей станице по пятнадцати десятин на душу приходится.

— По пятнадцати на душу? — удивились слушатели. — Вот где, братцы, должно быть житье то! А у нас по десятине, — добавили они грустно, — теленка не куды выпустить...

— У нас пять сынов, вот и считай, семьдесят пять десятин, работать, милачки, можно. И скота и пшеницы всего вдоволь. А вы откель будете? — спросил в свою очередь казак.

— Мы то? С разных местов... Рязанские, Тульские, Скопские, отделенный, вишь, Курской, везде беднота одна...

— Опосля службы приходьте к нам на заработки, для всех работы найдется. Чево вам в бедноте то жить?

— Я в думках имею переехать на Кавказ. — поделился унтер своими сокровенными мыслями. — Летом на косовицу пойду, а зимой чеботарить буду.

— Во, во, приезжай, браток, — одобрил «пленник», — у нас чеботари на расхват и не токмо что починка, а кажинному новые шей.

В это время подчасок сообщил, что по дороге тарахтит подвода, не иначе, как едет кухня. Все несказанно обрадовались.

— Почитай, сутки не жрамши, хошь бы борща подвезли. Животы подвело, — жаловались они. — Это разве служба!

— Эх, милачки, чавож вы мне раньше то не сказали, у меня в сумах целый жмот сала и хлеба на всех хватит?

— Да ну? — невольно вырвалось у некоторых.

— Яй Богу правда, я вам зараз принесу! Казак непринужденно поднялся с земли, потянулся, растер затекшие ноги.

— Вот же затекли как, аж идти не могу. Медленно переваливаясь, прихрамывая на ноги направился к лошади. Никто его не остановил, никто не пошел следом. Все были заняты мыслью об еде. Он быстро отвязал поводья, перекинул через голову лошади и роясь в сумах, приговаривал:

— Не сало, а малина... Вчерась с дому получил, станичник привез. Держи хлеб, милачки, сейчас сало достану!

Бросив хлеб, он ловко вскочил в седло и на ходу крикнул:

— Счастливо оставаться, милачки! Не поминайте лихом! Да с ротного награду заполучите за меня то!..

Был таков, да и нету... Ночная темнота поглотила бегленца, только стук подков долго еще слышался в лесу. Солдаты, жадно делившие хлеб, застыли на некоторое время в каком то оцепенении.

— Не казак, а черт! Не зря ротный сулил наградные! — сплюнул сердито унтер и стал жевать предложенный ему «казачий» хлеб...

И. О.

Енисейское Казачество.

I.

Редко кто знает историю Сибири, историю ее заселения и жизни. Лишь с Русско-Японской войны проявился некоторый интерес к Сибири, созданной в результате казачьих доблести и мучений.

Как известно, Ермак со своими пятью сотнями достиг Искера (современный Тобольск) 25 октября 1583 года. Отсюда казаки с одной стороны пошли по р. Иртышу к югу и создали связь с Бухарой, с другой они направились по р. Оби на крайний север и к 1600 году уже достигли Тазовской губы (Ледовитый океан). Здесь был построен городок Мангазея, в котором в 1603 году самоеды уже сдавали ясак (подать) пушниной в пользу московского царя.

Тундра между устьями Енисея и Оби не имеет ярко выраженного водораздела, и проникновение в систему р. Енисея из Тазовской губы не представляет трудностей. Самоеды Тазовской губы и в наше время ежегодно для рыбных ловель выходят в дельту Енисея, в так наз. Дерябинский Енисей. Поэтому нет ничего удивительного, что Тобольские казаки уже в 1607 году показались на р. Пясиной (впадает в Ледовитый океан к востоку от Енисейского залива). Очевидно их привлекало сюда богатство горностаем, песцом и пр. Справедливость, однако, требует отметить, что до казаков, чрез С. Урал на Обь и Ялмал, совершал путешествие с торговой целью новгородец Улеб еще в 1302 году, а в 1610 г. двинянин Куркин с товарищами добрался и до Енисея, а затем выплыл в Ледовитый океан. Здесь, в те времена, кипела торговая жизнь, сюда же проникали ганзейские купцы. Еще в последнее время можно было видеть на восточном берегу Енисейского залива ряд заброшенных, солидно построенных жилищ, например у устья реки Волгиной (бухта Омулевая), в Крестовском же проливе оставлены постройки удивляющие своим объемом (один дом в два этажа).

В условиях полярного климата эти памятники старины сохранились до наших дней.

В 1618 году сотником Черкасом Рукиным был заложен Енисейский острог, а в 1628 году Красноярский острог.

Московское Правительство в казаках имело те военные отряды, которые вели дело завоевания «новых земліц ясашных людей» и держали покоренных инородцев в повиновении Царю. Они разделялись на конных, лыжных и береговых. Историки Сибири свидетельствуют, что казакам приходилось «терпеть великую нужду и помирать голодной смертью», «впадать в великие долги», «закладывать жен и детей» и проч. Служилые Московские люди и Красноярские воеводы злоупотребляли своим положением; снабжали инородцев оружием и снаряжением, провоцировали их нападения на русские поселки, а затем возлагали на казаков дело усмирения. «При всех невзгодах в борьбе с дикой и суровой природой и при постоянной опасности для собственной жизни, казаки делались непокорными и жестокими», говорит казак М. С. Каргаполов. Их озлобляли лихоимство и притеснения московских воевод... Во время казачьего бунта в г. Красноярске, продолжавшегося три года (1695—1698 г.), воеводу Дурново за лихоимство казаки решили утопить в р. Енисее, но ему удалось на лодке бежать в Енисейск. В этом бунте принимали непосредственное участие казаки Петр и Илья Суриковы, потомок которых, известный художник, казак Красноярской станицы Суриков.

Покорив инородцев бассейна р. Енисея, казаки по рр. Нижней и Подкаменной Тунгускам пошли дальше на Восток. В 1631 г. енисейцы построили Усть-Кутское зимовье на р. Лене, а в 1636—1639 годах енисейский десятник, Ел. Буза, имея под своей командой только 40 человек, несколько раз выходил к устью р. Лены. В 1632 г. Енисейский сотник Бекетов заложил Якутск. Якутск целых шесть лет находился в ведении Енисейского воеводы, и только в 1638 году в нем было учреждено самостоятельное воеводство. С этого времени часть Енисейских казаков, занимавших Якутск, стала называться якутскими казаками.

В 1635 году Енисейский атаман Максим Перфильев двинулся для исследования р. Витима и в 1637 году добрался до р. Амура, о которой дал первые сведения в Москву. В 1638 году сотник Иванов с партией Енисейских казаков проник в верховья Яны и Индигирки. В 1639 г. двадцать сибирских и 11 красноярских казаков, под начальством Москвитина, прошли в верховья р. Маи, перевалили хребет Джугджур и вышли на Охотское море (порт Аян). В 1648 году казачий атаман Ерофей Хабаров с ста пятьюдесятью казаками появляется на р. Амуре. В 1654 г. Енисейским воеводой было приказано сотнику Петру Бекетову заложить Нерчинский острог (Забайкальская область). В 1656 г. на Амуре дучерами была уничтожена партия казаков под командой братьев Сорокиных. Потомок этих Сорокиных Иннокентий Сорокин до 1919 г. проживал в Красноярской станице. В это время (XVII столетье) всё Забайкалье было во власти енисейских казаков; их было там около шести сот человек.

Словом, во второй половине 17 века усилиями Енисейских казаков государство Московское дошло до вод Тихого океана.

Дальнейший период проходил в постоянной работе по поддержанию порядка во вновь покоренных Москве областях, в проникновении на юг к границам Китая и Монголии, в петербургский же период истории — в охране золотопромышленных предприятий, консульств в Монголии и т. д. Тяжелая и неблагодарная была работа. В «Записках об Енисейской губ.» Пестова (1833 г.) имеются интересные места об енисейцах:

> «Казаки в политическом отношении к управлению Сибирским краем суть то же, что воздух для человека. Они суть средство предохранительное, все проникающее, везде действующее. Никто не имеет такого влияния над умами кочующих и бродячих народов, как их победители, над старожилами, как власть, их водворившая. Никто не может действовать с таким искусством в исполнении повелений начальства, как те, которые в течение нескольких веков учились опытами узнавать нравы, обычаи, наклонности сибирских жителей. Никакой отряд войска не в состоянии с такой деятельностью прекращать насилия, разыскивать происшествия, и ежели бы их не было, то решительно можно сказать, что местному начальству невозмóжно бы было поддерживать своего управления».

Другой историк Енисейского края, бывший первый губернатор Степанов, во своем «Описании» (1835 г.) также свидетельствует, что «без этого пособия» (т. е. казаков) управление было бы поставлено «в большое затруднение».

Будучи подчинены Московским воеводам, разбросанные по станицам от Полярного Круга до границы Монголии (Урянхайский край), завоеватели Восточной Сибири были, по Пестову, «рабами чиновников земской и городской полиции». Обращение в Петербург пользы не приносило. В 1830 г. представители Енисейского Войска — офицер Сипкин, урядник Козьмин и казак Тетерин не могли ничего добиться и привезли лишь новую форму, которую для них выхлопотал тогдашний Атаман всех казачьих войск, Великий Князь Александр.

Казаки на походе в 1790 г.

Archiv „Der Kosakenbote".

Наконец, в 1871 году Енисейскому Войску был нанесен сильнейший удар. Енисейский и иркутский полки были упразднены; в гражданском отношении станицы со своими станичными и поселковыми атаманами были подчинены губернской гражданской власти, причем Енисейцы выставляли в мирное время две сотни, развертывающиеся в полк четырехсотенного состава (при населении Енисейского войска в 1919 году в 15.000 человек). В военном отношении енисейцы были подчинены Командующему Иркутским Военным округом.

Г. Козловский.

Тени прошлого.

Необычайный вид приняли улицы гор. Ростова. Такого оживления не помнил никто из старожилов. Во всех направлениях суетится народ, кафе переполнены посетителями. Здесь обделываются «коммерческие дела», неизбежный спутник всех глубоких тылов военного времени.

Конечно, по сравнению с настоящими войнами, Ростов в дни гражданской войны можно было причислить тоже к глубокому тылу. Кубань была уже очищена от красных, они добивались где-то у границ Терека, на Востоке они владели еще Царицыным, с Севера ими была занята Кантемировка.

Опьяненный призрачными успехами штаб Добрармии трубил гимны победы, раздувая мелкие эпизоды до пределов абсурда. Все углы улиц и свободные стены домов были декорированы безвкусными и неграмотно скомбинированными плакатами. Пресловутый «Освaг», окружив себя многочисленным кадром провокаторов и агентов чрезвычайки, составлял вопиющие фальшью коммуникаты, генерал «от-ресторанов» Май-Маевский добросовестно истреблял вина и прочие крепкие напитки на территории Украины.

Таков был внешний вид территории, на которой властвовал А. И. Деникин.

Распоясались добровольцы, прочно устраивали свое бытие по образцу старой царской России, сквозь туман разврата и разгула они не примечали истинных хозяев этой же территории, каких то захудалых «казачков».

А в своей квартире на Никольской улице, с непотухающей папиросой в зубах сидит молодой человек и думает. Он видит все, что творится вокруг него, он чувствует себя оскорбленным таким поведением так называемых «Жоржиков», он ищет выхода из создавшегося положения.

Впереди он не видит ничего отрадного. Не за себя душа болит. Он спокоен.

Слишком громкое и популярное уже имя у журналиста Виктора Севского, его тронуть опасно. Его фельетонами зачитывались все, благодаря его перу все время увеличивался тираж «Приазовского Края». С ним считались даже «Осважники», хотя все предложения вступить в его кадры, даже по тройному окладу, категорически были отклонены.

Виктор Севский, блестящий журналист, помнит о том, что он в тоже самое время казак Константиновской станицы Вениамин Алексеевич Краснушкин.

Казак и телом и душою не может смирить себя перед сворой диких наймитов Деникина, его казачья совесть скорбит над своим, казачьим народом.

Одаренный большой эрудицией, смелый и решительный, он не долго раздумывает. Его соображения просты: в небольшом сравнительно городе, на чисто казачьей территории, выходит сразу десять газет. Но ни одна из них словом добрым не обмолвится о тех, кто дал приют всей этой массе непрошенных гостей.

...В кулуарах «Освага» и в его филиалах по кафэ и кабакам идет сдержанный шопот: Виктор Севский решил издавать журнал. Событие огромной важности. Всех, не исключая инженеров, занимающихся выделкой и продажей гуталина, это сразу заинтересовало:

— О чем будет писать человек, отказавшийся от стольких заманчивых предложений? Значит, он не вполне разделяет взгляды отдела пропаганды, у него есть какая-то недоговоренность! —

Судят и судачат на все лады, Севский, со своим проектом занял умы всех и заставил насторожиться многих из казенных борзописцев.

И вот, грянул гром. Вышел первый номер журнала «Донская Волна». Простым, душевным словом заговорили в журнале о своем, казачьем и с первого же номера вышибли слезу из глаз станичников и фронтовиков.

— Так вот оно что! Так вот оно наше, родное, наше казачье! —

И пошел по Тихому Дону новый сполох. Спокойно, без коня и сабли, «Донская Волна» по своему мобилизовала свое родное Казачество в пользу народного самосознания.

Журнал занял исключительное положение на всей занятой добрармией территории. К нему относились, мало сказать, с любовью, с каким-то внутренним трепетом, новый номер ожидался с большим нетерпением, уже

В. Кирищев.

Первая встреча.

26-го декабря 1944 г. навсегда останется незабываемым днем в моей памяти. В этот день, наши казаки сдали с честью и на отлично еще один из самых серьезных экзаменов. В этот день, еще раз были доказаны на деле не только боевая способность, но и морально-политическая крепость казачьего духа.

День казачий начался необычно рано, собственно говоря, еще ночью, когда землю окутывала непроглядная темень. Было часа 2, а полк уже находился на марше. Сохранялась полная боевая тайна, ибо не только не курили, но разговаривали между собой исключительно шопотом. Шли по вспаханным полям, то ныряя в мягкой пахоте в снегу, то цепляясь за кукурузные корни. Спотыкаясь — чертыхались в полголоса и снова шли, пока не добрались до леса. Здесь, путь устланный спавшими листьями был более сносным. Где-то далеко с права слышались глухие раскаты артиллерийской канонады. Очевидно, донцы уже начали операцию, привлекая на себя силы врага. Следы начинающегося сражения увидели часов в 9 утра, обнаружив первые трупы противника. То были трупы красноармейцев. Так вот с кем прийдется нам сегодня иметь дело! Вот она, та первая встреча, к которой так давно стремимся мы, встреча, где казаки должны, наконец, показать свою грозную силу, призванную уничтожить красное, коммунистическое засилие и навсегда освободить свою измученную Родину! Наконец мы вступаем в борьбу на настоящем фронте!

Присматриваюсь к казакам. Спокойные и уверенные, бодрые лица. О, на наших орлов можно положиться!

Невольная жалость возникает при виде трупов. На них знакомая, от которой уже отвыкли, одежда. На некоторых серые, рваные и до смешного короткие шинелишки, на других ватные телогрейки и почти у всех худые, изможденные лица. Они не похожи на вояк и какой резкий контраст представляют они по сравнению с нашими молодцами.

Сама собою напрашивается мысль, за что же гибнут эти люди здесь, на совершенно чужой им земле, вдали от своей родины? Во имя каких идей, за чьи интересы проливают кровь и кладут свои головы?

Чувствую, как все тело, душа наливаются дикой, звериной ненавистью к поработителю и тирану нашей Родины. Хочется вперед, скорей вперед, с головой окунуться в борьбу, ибо там впереди в этой борьбе не только конец войны, но и конец страдания народа.

Кончается лес. Певуче посвистывают над головами пули и, ударяясь о ветви деревьев, осыпают нас инеем. У окранны останавливаемся на несколько минут. Впереди, километра на полтора, простирается гладкое поле, а за ним село П., которое нам предстоит взять.

Несколько последних приказаний и эскадроны Н. Кубанского полка выбегает на просторы поля. Большевики уже заметили нас и очевидно решили сопротивляться. Они осыпают нас свинцовым градом. Пули свистят, взвизгивают, шлепаются под ногами, вонзаясь глубоко в землю. Рвутся снаряды, высоко в небо взметая комья грязи и снега. Однако, ничто не может задержать стремительного наступления. Стреляя на ходу, молча пробегают казаки долину. И когда домики села оказались близко, вдруг грянуло громкое Ур-р-р-а!... Оно ширилось и росло с каждой секундой, с каждым мгновением.

Командир ескадрона, обер-лейтенант К. первым ведет свой эскадрон. Выделяясь от остальных своим высоким ростом, он не сгибаясь бежит впереди всех, притягивая к себе взоры казаков. На бегу оглядываюсь назад и поражаюсь величавой картиной: все громадное поле, на сколько хватает глаз в ширину, усеяно бегущими фигурами наступающих казаков. Между ними вздымаются столбы пламени, дыма и вверх летящей земли от снарядов и мин противника.

Впереди, метров за сто от эскадрона, несется скачками наш переводчик, унтер-офицер Т. Полы его шинели раздуваются от ветра и бега. Он, то пронзительным свистом, то широко раставив руки машет ими, как крыльями, призывая казаков, кричит, что есть мочи: — «Казаки — вперед! У-р-р-р-а! От обер-лейтенанта слышится непрерывно команда: — «Марш-марш вперед! У-р-р-р-а! А следом несется неумолчное, дружное У-р-р-р-а! — казаков по всему наступающему фронту. На душе становится и весело и радостно.

Такого напора не выдерживают красные и в панике, побросав оружие и снаряжение бегут... Наш эскадрон, буквально на плечах противника первым врывается в село П. Следы — паники. На пути валяются брошенные красноармейцами шинели, палатки, шапки. За домами, по ходам сообщения в панике мечутся жалкие, разбитые остатки большевиков. То и дело встречаются пленные красноармейцы в одиночку и целыми группами. Постепенно стихает бой. Село большое и разбросанное — занято. Отдельные группы и взводы еще продолжают преследование. Казакам досталась колоссальная добыча военных трофей при абсолютно ничтожных потерях. Наш эскадрон не имел даже ни одного раненного. Правда, в этом мы многим обязаны своему командиру эскадрона. Обладая прекрасными знаниями военного дела и богатым опытом он так искусстно водит свой эскадрон в бой, как никто. Он использывает каждую возможность, дабы не иметь потери в людях.

После боя бродили по полю и перевязывали раненных красноармейцев. Их очень много, но еще больше убитых. В некоторых местах они лежат группами, а линия обороны сплошь усеяна ими. Узнав в нас казаков многие из раненных плачут неподдельными слезами радости и спасения. От многих слышим: — «Братцы, да кабы мы знали, что против нас идут свои... Да мы же — не знали... От нас это скрывали, а то бы мы в вас ни за что не стреляли». — Пленные помогают переносить раненных.

И если велико стратегическое значение этого боя, как разгром 233-й Советской Дивизии, то еще больше — политическое значение первой победы казаков над советами.

накануне выхода у газетчиков делались заказы, боялись, что не хватит.

Даже истинно-русские и те запоем читали журнал, восхищаясь талантом молодого редактора.

Призадумался «Осваг». Не по нутру был ему успех какого-то казачьего журнала, несомненный успех казачьей агитации смущал его. Вопросу, как быть, было посвящено несколько заседаний. Но даже сам Деникин развел руками:

— Еще не время, нужно выжидать подходящего момента! —

А «Донская Волна» широко разливалась по своей родной земле, пробуждая народ от вековой спячки, доказывая необходимость самим строить свое будущее.

Многое из того, что в самом деле тогда творилось на Казачьих Землях, стало ясно станичникам. Они стали чувствовать, что засиделись уж больно северные гости на казачьих привольях и пошел по станицам говор:

— Как нибудь доведем их до наших границ, да скажем: вот Бог, а вот порог. А дальше каждый из нас сам по себе! —

То, чего не мог сделать «Осваг» и его присные, устроили чекисты. Вокруг Севского и его издания начали вертеться подозрительные «казаки», ниже прочих склонявшиеся перед родным журналом.

А время было серьезное. Под напором красных пало Миллерово, дорога на Новочеркасск и Ростов была открыта. Призадумался Севский: как быть дальше? Вот здесь то и сыграли с ним скверную штуку советские приспешники:

— Не волнуйся, Вениамин Алексеевич! Тебя никто не тронет. Ведь ты шел против Деникина, за правое казачье дело ты шел, казаки тебя не выдадут! —

Поверил Севский мнимым патриотам и после отхода белых остался.

Остался для того, чтобы сложить свою голову в своей родной Константиновской станице.

Виктор Севский погиб, но семя, брошенное им, попало на хорошую почву и со временем принесло урожай сторицей. Его смело можем причислить к числу первых пионеров казачьей национальной печати и память о нем не может исчезнуть в среде Казачьего Народа.

А. Н.

О донской верховой лошади.

Коневодство на Дону стало развиваться с давних времен. Казачество по своему образу жизни, быту и укладу было связано с походами и является воинственным народом. Оно участвовало во многих походах с татарами, против татарских нашествий, против турок, поляков, шведов, французов, принимало большое участие в войнах на Кавказе и завоевании Сибири. Донскому Казачеству было необходимо иметь такую лошадь, которая бы удовлетворяла всем требованиям как в военных походах, так и в сельском хозяйстве. Развитию донского коневодства способствовали как исторические, так экономические и климатические условия на Дону. Обширные донские плодородные земли на целинных степях, огромные просторы пастбищ, луга расположенные по берегам Дона и его многочисленным притокам. Получаемые в большом количестве с целинных степей корма, до отказа, не мало послужили развитию не только коневодства, но и скотоводства, овцеводства и т. д.

Каждый казак кровно был заинтересован иметь у себя в хозяйстве как можно больше хороших лошадей. В 19 столетии и российское правительство оценило по достоинству донскую лошадь и основало на Казачьей Земле донское частное коневодство, отняв у Казачества в долгосрочную аренду, за незначительную цену, больше одного миллиона десятин целинной земли. На этой земле коннозаводчики в течении 70—80 лет путем подбора чистокровных английских жеребцов, добились блестящих результатов, так что после всероссийской выставки в Москве в 1910 году о прекрасных качествах донской верховой лошади узнал весь мир.

Лошади частного коннозаводства должны были, прежде всего обслуживать гвардейскую и армейскую кавалерию, часть командного состава и пограничную стражу. Само Донское Казачество получало часть забракованных комиссией лошадей и молодых жеребчиков для станичных табунов. Только лишь с 1917 года весь ремонт донского коневодства начал обслуживать казачью армию. В основном донская лошадь была незаменимой, как в кавалерии, легкой артилерии, связи, обозах казачьего и других войск.

Ввиду переизбытка конского состава, Казачество полностью крыло свои потребности, продавая избыток на сторону.

Каждый казак, поступая на военную службу, обязан был явиться со своим конем, полной амуницией и обмундированием и все это — за свой счет. Лучшие донские лошади, как племенной материал, брались и распределялись по заводским конюшням, так и для обслуживания станичных табунов в случную компанию. Эти нужды удовлетворялись тоже полностью, что и способствовало развитию и усовершенствованию породы донских лошадей в немалой мере. В государственном конном Провальском заводе и в частных конных заводах Коровкова, Безуглова, Пишванова итд. разводилась и выращивалась военно-ремонтная верховая лошадь.

Итак, донская лошадь, как порода, образовалась не сразу, а слагалась исторически на протяжении многих веков. Старая, так наз. донская лошадь, которой давно уж нет, произошла от скрещивания монгольских степных лошадей с местными лошадьми на Дону и от скрещивания английских чистокровных с донскими в конце прошлого столетия.

Примесь английской крови необходима была для того, чтобы придать донской лошади екстерьер, енергию, большую резвость, сухость телосложения и увеличения роста. Старая донская лошадь в экстерьерном отношении отличалась следующими признаками: голова сухая, грубая, с сильно развитыми лицевыми и скуловыми костями; шея сравнительно длинная с вырезкой — почти оленья; спина острая, приподнятая, с узкоатым крупом; средней по ширине грудью; с подтянутым животом итд.

Масть — основная рыжая, гнедая с золотистым отливом, иногда караковая, реже бурая и еще реже буланая, соловая, вороная и серая.

Любимой и лучшей мастью донской лошади считается рыжая и гнедая.

Из отличительных примет донские лошади имеют на голове звездочку, звезду на лбу, проточину или лысину, а на ногах белые отметины по венчик, по путовый сустав или в чулках.

Рост донской лошади различают: а) низкий 142—150 см, в) средний 150—155 см и с) высокий 155 и выше см. Вес колеблется в пределах 425—475 кгр. Ноги умеренно длинные, с хорошо развитой мускулатурой и сухожилиями, резко выраженный скакательный сустав и запястье широкое, путовые кости длинные, прочные с наклоном под 45%. Копыта сухие, крепкие, средней величины. Кожа сравнительно тонкая, из под которой ясно вырисовываются на голове кровеносные сосуды, мускулатура на корпусе и сухожилия на ногах. Донская лошадь строгая, энергичная, быстрая, подвижная, не требовательная к корму и вынослива на большие расстояния. Шаг у лошади большой, свободный, галоп и карьер хорошие. В общем донская лошадь удовлетворяет всем предъявленным к ней требованиям. Имея массу хороших качеств, она имеет и свои недостатки, а именно, эта лошадь, по выражению казаков, имеет «донцеватость», т. е. под запястьем иногда имеет перехват-суженность в области берцовой кости на передних ногах. Этот недостаток считается большим пороком, потому что может передаваться по наследству, а посему таких лошадей бракуют.

Известный знаток лошадей и автор многих трудов по коневодству кн. Урусов упоминает об одном интересном пари, заключенном русским генералом с англичанином о качествах донской и английской лошади. Был назначен пробег от Москвы до Петербурга. Для этой цели было взято два донских казака с их строевыми лошадями, а из Англии были присланы две англичанина на чистокровных лошадях. Был дан старт. В назначенный день прибытия к финишу, для встречи собралось много народу, так как это событие вызвало большой интерес в спортивных кругах. В результате этого пробега к финишу подошел первым англичанин и сейчас же за ним казак на своей лошади. Пари выиграл английский генерал, однако автор кн. Урусов отмечает, что суть дела не в том, кто выиграл, а в том основном значении, что донская лошадь не была подготовлена и тренирована к большому пробегу, как обычная военная лошадь казака и несмотря на это она пришла почти одновременно, чем и показала свою огромную выносливость в таком большом пробеге. Английские лошади были выбраны из соответственно подготовленных для больших пробегов лошадей.

Несомненно, на короткую дистанцию английская лошадь покажет всегда большую резвость, но постоянным приливом английской крови, разница в резвости сокращалась быстрым темпом.

Мировая и гражданская война особенно сильно отразилась на количестве донских лошадей, но уже с 1922 года большевики поняли грозящую им опасность и начали собирать донских кобыл и устраивать их во вновь организованных государственных заводах. В этой войне донские лошади были эвакуированы на восток и можно надеятся, что порода донских лошадей и в будущем будет сохранена.

Таковой оказалась по своей значимости донская верховая лошадь, выращеная и улучшеная Казачеством Дона на протяжении многих сотен лет.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ НАЛЕТ НА ПРАГУ.

14 февраля англо-американские летчики бомбардировали г. Прагу, столицу Протектората Чехии и Моравии.

Жертвой налета были исключительно жилищные дома в разных частях города, костелы, больницы и ценные культурно-исторические здания, как дом Фауста, монастырь Эмаузы, Народный Виноградский театр и др.

Среди жителей города большие жертвы. Население сохранило спокойствие и порядок и принимало интенсивное участие, помогая в работе по спасению.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

В ожидании начальства в народной толпе шли всякие разговоры. На все лады обсуждался приезд карательного отряда.

Кто вчера еще не верил рассказам черкеса, тот сам сегодня услышал подробности жестокой расправы в соседних аулах.

— Контру в аулах выводили! — хвалились красногвардейцы, показывая трофеи, захваченные у убитых черкесов. Ни одного отрядника нельзя было видеть без серебряных шашек, кинжалов, дорогих кавказских седел с серебряным набором с чернью, без той, или иной дорогой вещи отнятой «победителем-хамом» у побежденного.

Мужики, слушая хвастливые рассказы красных, самодовольно улыбались, чувствуя, что только сейчас наступает царство «слабоды», которую казачьи атаманы прятали в полах своих мундиров, что теперь начнется расправа с ихними заклятыми врогами и что теперь они будут настоящими хозяевами станицы.

— Буде, отпановали! — стучал костылем по земле дед Колистратов, оглядывая страшным бельмом мужичью группу, — попили нашей кровушки не мало, тепереча и наша череда пришла. Не зря товарищи приехали сюды. Нашего Захара Артемыча в правах виедут.

Старики-казаки молчали и сердито из под нависших седых бровей посматривали на толпу, не ожидая ничего хорошего от прихода в станицу непрошенных гостей.

— Чего их черты принесли? — ворчали они, — ишь хозяева нашлись! Никогда того не было, чтобы таким босякам Казачество подчинилось!

Фронтовики весело балагурили с молодицами, луцкали семячки, далеко в сторону отплевыя шелуху. Наше, мол, дело сторона... Повоевали вдосталь, пора и отдохнуть, да за работу браться. Набухла земля, ждет не дождется кормилица-матушка, когда ее вспушат, пощекочут серебристым лемешом, причешут железным гребешком, да посеют пшеницу-кубанку, богатство казачье. Хватит землицы-матушки на всех, пусть работают и богатеют кто как может. Сссориться с иногородними не из-за чего, лучше в мире жить, да поддерживать друг друга. Ноне все равны, панов нету, так неуж ли нам в паны вылезать?

Степан Еременко находился в группе фронтовиков, вполне разделявших его мнение о мире с братским народом, о равенстве в правах, о разделе юртовой земли на равные паи.

— Поделим землю по ровну и не будет меж нами никакой разницы. Иногородние те-же люди, и им нужно жить. Земли хватит. У одних помещиков отобрать, так десятин по пятьдесят на брата будет! — размахивал он длинными мускулистыми руками, словно стараясь доказать правоту своих слов.

— Правильно, Степан! Вместе с ними в окопах голодали, вместе и в степи будем работать.

Хватит земли на всех! — отвечали ему его товарищи по полку, — война кончилась, служба тоже, богатей ребята!

Евдокия — Степанова жена — сначала терлась возле мужиков, а потом пробралась к крыльцу станичного правления и хотела пройти внутрь, но часовой красногвардеец ее не пропустил.

— Мне к тятеньке нужно, он комиссаром...

— Не приказано пущать, подождешь! — грубо ответил часовой.

Евдокие страшно хотелось увидеть учителя и поговорить с ним о станичных «делах». Злое сердце ее не могло успокоиться со вчерашнего дня, и она никак не могла помириться с тем, что атаман не арестован. «Уж я бы ему плюнула в рожу толстопузому лешему, помнил бы меня анафемская душа!».

Ночью за самогоном много говорили об арестах станичных кулаков и врагов народа, а день настал, так все по старому...

«Доберусь и до самого командира, уж я ему все расскажу». — так думала она и терпеливо выжидала у крыльца.

Небо очистилось. Последние тучки, подгоняемые теплым ветерком, спешили исчезнуть. Солнце в полном своем величии бросало жаркие лучи на сырую землю. Парило. Старики расстегнули кожухи и сняли шапки, освежая в теплом воздухе потные лысины. Вдруг толпа смолкла. На крыльце правленья показался в блеске своего величия товарищ Свирко. Солнечные лучи весело заиграли на серебре его газырей и оружия. Он смелым шагом спустился с крыльца, направляясь к центру площади и непринужденно оглядывая почтительно расступившийся народ. Вскочив на стол и поднявшись над толпой красивым баритоном он стал выбрасывать избитые фразы большевистских ораторов, разжигая народные страсти и призывая к жестокой борьбе за свои права, за вОлю и землю.

— Товарищи, станичники! — кричал он, — белогвардейские генералы идут на Екатеринодар, чтобы захватить власть в свои руки! Опять вам посадят царя, опять у вас будут помещики, отберут у вас завоеванную вами свободу и землю и опять вас сделают рабами. Берите все оружие и выходите на борьбу за свои вольности. Пока мы не покончим с белой сволочью, не будет счастья и мира в ваших станицах! —

Свирко сделал передышку, набрал новую струю воздуху и приготовился выпустить новую серию избитых и, сделавшихся противными за год революции, демагогических фраз. Кто то нерешительно крикнул из толпы:

— Правильно! Верно!

Десятка два-три могучих глоток поддержало крикуна. Оратор от удовольствия улыбнулся и продолжал речь.

— Товарищи, фронтовики! Четыре года вы проливали свою кровь за царских генералов, четыре года вы страдали в окопах, защищая интересы буржуев, четыре года вас морили голодом и холодом, вас заедали вши, вы умирали от всяких болезней и все только за то, чтобы генералы, капиталисты, попы и помещики жирели за ваш счет, а вы попрежнему прозябали бы в рабстве!

Опять передышка оратора и новые более дружные и смелые выкрики:

— Правильно! Верно!

— Товарищи! Белогвардейский генерал Корнилов со своей бандой идет на Екатеринодар. Нам нужно объединить свои силы и дать отпор врагам народа и революции. Главнокомандующий красногвардейскими войсками на Северном Кавказе товарищ Автономов приказал мне объехать станицы, собрать вас и немедленно отправить на фронт на помощь защитникам Екатеринодара. Все, кто с нами — наши друзья, и вместе с нами разделят завоевания революции. Кто не с нами — наши враги, и мы с ними расправимся по всем строгостям законов революции. Нейтральных быть не может! —

Много еще говорил Свирко, а потом, закончив здравицей товарищу Ленину и Советской власти, объявил, чтобы все охотники ехать на фронт через час собрались у правления, откуда на подводах будут отправлены через Майкоп в Екатеринодару, захватив с собой продовольствия на три дня.

(Продолжение следует).

ХРОНИКА

— После небольшого перерыва с субботы 3 марта возобновляются еженедельные собрания членов Казачьей Национальной станицы в Праге.

Собрания будут происходить по субботам с 6 часов вечера в помещении кафе-ресторана «Стара Деминка», Виноградны, Скретова улица 1, телефон 22393.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 1 РМ. за строчку. Объявления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Горбатов Яков Андреевич, ст. Кочетовской, Дон, ищет отца, казачьего офицера Горбатова Андрея Яковлевича, одно время проживал в Польше. Писать по адресу «Казачьего Вестника».

— Курков Василий, разыскивает есаула-инженера Василия Яковлевича Панасенко. Связь с ним у меня утеряна из Польши. Писать по адресу «Казачьего Вестника».

— Климова, Федора Павловича, рожд. 1901 г. из Новочеркасска, эмигрировавшего в Сербию, разыскивает родственник. Знающих что-либо о нем просят сообщить по адресу редакции «Казачьего Вестника» для Н.

— Ромашко Мих. Никол. ст. Крыловской, разыскивает жену Склярову Елисавету, сестру Александру Николаевну Ромашко и племянника Якименко Ерофея ст. Величковской. Писать по адресу «Казачьего Вестника».

— Овсиенко Филипп, разыскивает сына Алексея Филипповича, ст. Курганской (Кубань), был в г. Ровно, служил в казачьих частях. Прошу сообщить о месте его пребывания по адресу:

Owsienko Filip, Weissenfels, Schutzenhaus (10).

— Прилипко Василий род. 1924 г., Запорожской обл. разыскивает брата, Александра, род. 1921 г. в селе Туркеновка, Гуляйпольского района. Писать:

Prilipko Wasil, Wuppertal-Langerfeld. In der Fleute 143a.

— Капинус Дмитрий разыскивает сына и родственников: Капинус Ивана (сын), Капинус Ивана Семеновича, Лапшина Антона Никифоровича, Литвинова Петра Васильевича, Полупановых Ивана и Егора Дмитриевичей, Ханжосова Федора Дмитриевича, обер-лейтензита в Казачьей сотне в Варшаве. Все из Терека. Мой адрес:

Kapinius Dmitrij, Quellengrund (9-a) Kr. Gr. Strehlitz, Bauwerkstätten.

— Шашин Николай, ст. Зеленчукской, Баталпаш. отд., Кубань, разыскивает сына Николая. Писать:

Obltnt. Schaschin Nikolaj, Kosakenland Nord Ost Italien, Udine.

Покупаю всевозможные казачьи газеты, журналы и книги, отдельные номера и целые комплекты, а также книги-воспоминания.

Предложения направлять:

Praha, Nusle-Údolí, Spytihněvova 131, Pacera.

В канцелярию поступила партия нарукавных значков КНД. Знаки вышитые ручным способом. Приобретать можно непосредственно из канцелярии КНД.

Цена значка с пересылкой 5 герм. марок.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Ukrainski Museum, Praha Nusle II.
Gutenštejnská ul. 6.
Zahrnuto 17 Muzeí

DRUCKSACHE!

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKEN...

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 6 (89)

5 JAHRGANG
5 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го МАРТА 1945 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag XII., Skretagasse 12. Telephon 39595.

Почтовый адрес: Kosakenbüro, Prag 1. Postfach 188.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

17. III. 45-11

В. Авилов.

Путь к единству Казачества.

Пореволюционные события с особенной четкостью выявили тяготение Казачьего народа к своему единству, к выявлению общей воли и стремление к созданию своего единого казачьего целого в виде независимого государства.

С первых же дней революции 1917 года все государственно-политическое творчество Казачества шло по двум ясным направлениям: к созданию своей независимой казачьей власти и к объединению всего Казачества.

Уже в период Временного Правительства Казачество явочным порядком, без всякого благословения центра создало на местах все органы казачьей власти, и на требование центрального «законного» правительства ответило древним казачьим жестом «С Дона выдачи нет!»

Определенное стремление Казачества к своему полному объединению проявилось несколькими съездами (в Петрограде, Киеве, Новочеркасске) и образованием Союза Казачьих Войск. Этот союз создавался казаками во всероссийском масштабе для защиты интересов Казачества в новом государстве в то время, когда не только казаки, но и все другие народы верили, что новое государство будет действительно новым, свободным и равным для всех. События же очень скоро опрокинули все эти ожидания и каждый из народов начал сам строить свою государственность, свою свободу и свое право. Вступили тогда и казаки на этот путь.

Казачьи делегаты, бывшие на Московском совещании в 1917 году, воочию убедились, что нужно самим казакам всерьез подумать о своей судьбе. Тогда именно и возник вопрос о необходимости сговориться между собой всем Казачьим Войскам и создать Юго-Восточный Союз. Эта мысль была одобрена всеми представительными органами Казачества. 20—24 IX. 1917 в Екатеринодаре состоялась первая конференция, которая разработала план создания Союза, а для его оформления была созвана 20 октября того же года вторая конференция во Владикавказе.

В образовании Союза приняли участие и в него вошли Войска: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Горцы Северного Кавказа, Калмыки. Позже к этому Союзу присоединились Войска Яицкое (Уральское) и Оренбургское и губернии Ставропольская и Черноморская.

После этого в связи с октябрьской революцией наступила всеобщая разруха. Однако, идея объединения всего Казачества никогда не умирала. Каждая сессия Донского Круга выносила постановление о неотложной необходимости осуществления идеи Юго-Восточного Союза. То же самое было на Кубани и Тереке.

Через полгода бывшим Атаманом ВВД ген. Красновым был предложен проэкт создания Доно-Кавказского Союза. Согласно проэкта конституции, этот Союз должен был состоять из самостоятельно управляемых государств Всевеликого Войска Донского, Войск: Кубанского, Терского, Астраханского, с прилегающими Ставропольем и Черноморьем, и Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных на началах федерации. В 16 пунктах проэкта была нарисована структура нового Союза. Но проэкт имел существенные недостатки. Он не создавал действительного правительства того государства, которое хотел строить. Проэкт ген. Краснова так и остался всего лишь проэктом. Против Доно-Кавказского Союза резко восстало командование Добровармии во главе с Деникиным.

В феврале 1919 г. вопрос о Союзе снова ставится на повестку дня, а потом инициативу берет на себя сам Донской Круг. 11 июня в Ростове на Дону собралась конференция. После торжественного ее открытия агентами деникинской разведки был убит глава кубанской делегации Н. С. Рябовол. Вопрос объединения Казачества опять был сорван его врагами.

Но уже осенью того же года оформилась идея созыва Верховного Круга, который собрался 5 января 1920 г. в Екатеринодаре в составе 150 депутатов, избранных от каждого Войска.

Верховный Круг 12 января объявил: «Мы, избранники Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады, Терского Войскового Круга берем в свои руки верховную власть по делам общим для Дона, Кубани, Терека и устанавливаем следующее положение о Верховном Круге:

Верховный Круг является полномочным представителем государственных образований Дона, Кубани, Терека и ставит себе задачи:

а) установление Союзного Государства, составленного из указанных территорий, с возможностью расширения его включением новых областей на основах союзной конституции и по свободному волеизъявлению тех областей.

б) создание союзной власти.

Имеющая быть выработанной союзная конституция вступает в силу с момента принятия ее Верховным Кругом».

Так шел процесс объединения и слияния Казачества и его Земель 25 лет тому назад. Так шло Казачество в недавнем прошлом к единственно правильному решению своего вопроса — к самостоятельности и объединению в одном казачьем государстве. Путь этот был тяжел и тернист. Мешали и свои и чужие. Да и сами мы не выявили должного упорства в достижении своей цели. И тем Казачество не довело до конца ни одной попытки к своему объединению, к своему спасению.

Подлинно казачий выход из исторических перепитий несколько раз намечался уже там, на нашей Казачьей Земле, но не доводился до конца не только общей неподготовленностью казаков к тому, чтобы взять во-время свою судьбу в свои казачьи руки, но и вмешательством каждый раз посторонних сил, заинтересованных в том, чтобы казаки не стали на свой исторический путь и не представляли бы из себя единое крепкое целое.

Свою прошлую борьбу Казачество могло бы выиграть, если бы стало за одно, за свои казачьи интересы, за казачье и только казачье решение своего вопроса.

Пусть каждый казак твердо уяснит, что один крепкий казачий организм, одно казачье государство, в котором бы все Казачьи Войска объединились в дружном и совместном сожительстве и работе на благо своего народа — это не заграничная выдумка части казачьей эмиграции, но воля всего Казачества еще там, на свободной Казачьей Земле, это логическое, жизненное завершение казачьих стремлений.

Конечно, великие идеи не падают с неба. Они родятся и зреют постепенно. Так и с идеей объединенного казачьего государства — идеей Казакии. Эта идея родилась и выросла через Юго-Восточный Союз, проэкт Доно-Кавказского Союза, Верховный Казачий Круг, Объединенный Совет Дона, Кубани и Терека. И мы, казаки-националисты, принимаем все то, что творилось в них подлинно казачьего и во имя казачьего, как свои исходные точки. Принимаем и несем дальше по Казачьей дороге к Казачьей Цели, к нашей общей родине Казакии.

В своей деятельности мы никогда не вносили какой-либо отсебятины, но продолжали и продолжаем то святое казачье дело, которое было начато свободным волеизъявлением казачьего народа, выразившимся в казачьих Конституциях, с непреклонной энергией отстаиваем казачьи интересы и несем в своих руках стяг казачьей чести и свободы. Мы преемственно принимаем и продолжаем дело «Юго-Восточного Союза Казачьих Войск, Горских народов Кавказа и вольных народов степей», Первого Верховного Казачьего Круга. И это казачье объединенное целое мы называем не саженно-длинным названием, а простым, понятным и близким каждому казаку словом: Казакия — страна Казаков.

Теперь перед каждым казаком во всей широте поставлен вопрос не только существования родного ему Казачества, но вместе с тем и физического существования каждого отдельного казака вне зависимости его взглядов и убеждений, ибо всем ясно, что всех казаков ожидает один удел, уготована одна судьба, какую они сами себе завоюют, какую они сами себе отстоят в нынешней борьбе на стороне своего великого союзника — Германского Народа.

И. Бочаров. «К. В.» № 19.

Военный обзор.

На западном фронте наступление англо-американцев, вынужденное давлением Сталина на конференции в Ялте, является в сущности продолжением их осеннего наступления, приостановленного 16 декабря в следствие тогдашних германских контрмер, которые заставили ген. Эйзенговера потерять два месяца для новой концентрации своих сил. Новое наступление на западе началось обычным усиленными террористическими налетами на мирное население городов Германии. Главное усилие противника было на реке Роер и между Маас и Рейном. После нескольконедельных ожесточенных боев англо-американцами удалось на линии южнее Дюсельдорфа—Кольна и Бонн достичь Рейна. На нижнем Рейне попытки противника ликвидировать германское предмостное укрепление Везел были опять безуспешны. В плоскогории Эйфель продолжаются упорные бои с американскими соединениями. Восточнее Тревира и в нижних Вогезах наступление противника было отбито.

Активизация действий германских подводных лодок и их успехи причиняют большие заботы англо-американцам, которые и без того ощущают острый недостаток тоннажа.

В средней Италии происходят действия разведывательных отрядов.

На восточном фронте уже в продолжении нескольких недель большевики не сделали своего дальнейшего продвижения в своем главном направлении, в просторе Лаубан—Губен—Франкфурт н/О., Кюстрин. Наоборот, неоднократно сообщалось о целом ряде местных контрударов со стороны немцев, как то около Форста, Губена и между Оппелем и Стригау, что ясно свидетельствует об укреплении фронта. Немецкое командование отмечало, что несомненно большевики будут пытаться продвигаться и в этих направлениях, к чему сосредотачивают свои силы, боятся, однако, этого рискованного шага, от которого как и они сознают будет зависить дальнейшее развитие операций и их успех. Пока пытаются безуспешно ликвидировать немецкие предполья.

В Померании происходят успешные оборонительные бои против больших танковых и пехотных сил большевиков, которые там потеряли свыше 500 танков.

В Восточной Пруссии продолжается оборона против 8 советских армий, стремящихся выйти к морю. В этих боях противник понес колоссальные потери: свыше 275.000 солдат, 1720 танков, 2120 орудий.

Доблестные немецкие войска, находящиеся в Курляндии, с неизменным упорством и успехом продолжают отбивать постоянные наступления противника, тщетно пытающегося в продолжении многих месяцев ликвидировать этот участок фронта.

В Словакии идут упорные оборонительные бои в районе Зволена и Баиской Быстрицы. В Венгрии немецкими войсками предпринято в районе Платтенского озера ряд успешных акций.

Ю. Хованский.

Полковник В. М. Чернецов.
Герой борьбы за свободу Дона в 1917—18 гг.
Archiv „Der Kosakenbote".

Советские пленные со всей определенностью говорят о больших потерях Красной армии и ужасной усталости ее солдат, которых всяческими мерами принуждают к напряжению последних сил обещанием скорого окончания войны, которая требует еще краткого напряжения сил солдата. Какое же у него будет разочарование, когда это не будет подтверждено и когда усиливающийся отпор германских войск похоронит эти иллюзии?!

Одно беспорно, что положение Германии ничуть не хуже, чем было положение Англии в 1940 г. или Советского Союза в 1941 и 1942 гг., которым удалось тогда справиться с тяжелым положением. Нет никаких опасений, что и Германии удастся с полным успехом выйти из постигшего кризиса и создать силы для нанесения последнего и решительного удара своим противникам.

Это мнение всецело выразил в своей последней речи и райхсминистр др. Геббельс, который заявил о предстоящей активизации германских военных действий, что было потом подтверждено и начальником генштаба ген. Гудерианом, заявившим, что Германия не будет все время находится в оборонительном положении, но что вскоре перейдет и к решительным наступательным действиям, разработка которых идет со всей интенсивностью.

Памяти семи.

Среди многих миллионов жертв большевицкого террора на Казачий народ падает довольно внушительный процент.

Задавшись целью создать Божий рай на земле, большевики, не считаясь с своим теоретическим принципом — облагодетельствовать человечество, проводили и продолжают проводить свою программу путем пыток и насилия. Об этом исписано немало бумаги, в архивах мировых держав хранятся неопровержимые доказательства зверств исполнительных органов красного Кремля и сейчас на них останавливаться не приходится.

Говорят, что человек ко всему может приспособиться, все может простить и все скверное забывает. И в то время, когда многие большевицкие жертвы уже забыты, а некоторые стараются даже как бы оправдать действия кремлевских заправил, Казачий народ, испытавший на себе самый тяжелый террор, не может забыть о пережитых кошмарах, он не в праве предать их забвению. Из рода в род будут передаваться повествования о тяжелых годах, следующих за государственным переворотом в России, тени советских палачей и их руководителей, служить будут пугалом для многих поколений.

Тяжелая задача предстоит будущим историкам и статистикам подвести итоги советским злодеяниям. Безкрестые могилы, рассеянные на всем протяжении Казакии, могли бы многое рассказать, многочисленные курганы, выросшие по Дону, Яику, Кубани, Тереку и Волге, являются молчаливыми свидетелями пережитой эпохи.

Но спят тихим сном сыны вольных степей, по оврагам и балкам долго еще будут находить частицы костей тех, кто когда-то носил почетное имя Казака.

Нет сил и возможностей произвести точный подсчет погибшим от руки красного шквала. Нет хаты, нет семьи, оставленных неприкосновенными, стон, плач и скрежет зубовный громким эхом несется во всех местах, куда злая доля забросила Казака.

Казачий народ, к каким бы политическим группировкам не принадлежали его члены, твердо стоит на единой, объединяющей его мысли: помнить о своем горе и, по старинному своему закону, бороться при каждой возможности за издевательства над ними непрошенных опекунов.

Есть семьи, оплакивающие своих близких, да, плачет все Казачество поголовно. Но есть жертвы, о которых плачет и помнит вообще все Казачество и память о которых передает своим потомкам.

Этими жертвами являются Казачьи выборные руководители. Среди них были люди, неуспевшие даже что либо предпринять после переворота, их волей судьбы смело красным

ураганом. За что? Да только за то, что это были волевые Казаки.

В числе первых жертв красного террора в нашей памяти стоит семь Казаков, расстрелянных под утро на 18 февраля 1918 года на дороге, ведущей из Новочеркасска к Ростову. А. М. Назаров, Е. А. Волошинов, архиерей Митрофаний, генералы Усачев, Грудинев, Исаев, полковник Грузинов, вот имена первых жертв советских палачей, первые видные Казаки, сложившие свои головы за правое, Казачье дело.

Их имена должны знать все Казаки. Наш Казачий молодняк должен твердо заучить историю того времени и обстоятельства, при которых погибли эти наши патриоты.

Для нас, Казаков, сугубо скорбным фактом гибели первых наших деятелей является то обстоятельство, что исполнителем воли Кремлевских владык был тоже казак, войсковой старшина Голубов. Он с отрядом мятежных Казаков схватил Атамана Назарова, председателя Круга Волошинова и непосредственно с заседания Круга вверг их в тюрьму, куда вскоре привели остальные пять жертв.

Это было 12 февраля. Пять дней опричники издевались над своими жертвами, устраивая судебные комедии. Распоряжался издевательствами все тот же Голубов.

Было туманное, холодное утро. Дрожали от холода и сырости одинаково и осужденные и их палачи, увозящие свои жертвы на место расправы. Дрожали винтовки в руках красноармейцев... Волошинов был только ранен. Когда исполнители ушли, он, придя в себя, дополз до первой же хаты и просил дать воды. Получил отказ.

— Дайте мне бумаги, я напишу несколько слов жене, —

Вместо бумаги явился рабочий с наганом. Выстрелом в упор он покончил с председателем Круга.

Таким образом, Волошинов был дважды расстрелян. Не за бумагой и не за водой пошли те, у кого он просил, а в милицию с сообщением, что недобитый палачами Казак стонет у порога избы.

Сыры, сумрачны и холодны зори казачьего возрождения. Теплой казачьей кровью полились зазябшие февральские сумерки. И целым рядом теней расстрелянных и замученных сынов Казачества покрылась погружавшаяся в темную, непроглядную ночь, пострадавшаяся степь.

Ходят по ней эти тени, жаждут отмщения и все сильней и слышней их голоса, зовущие нас на подвиг.

Слышим их, слышим и идем за ними.

За них, за степи, за Казачью Волю.

Проф. А. М. Андріевський.

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

як співець козацької слави й волі.

В останні часи, особливо у большевиків, пішла мода залучати геніяльних людей до складу домінуючих партій, навіть до большевицької. Так зробили з Т. Г. Шевченком в Україні, прилучивши його до ярих революціонерів свого часу, що були ніби-то під впливом Герцена і компанії, та доводячи, що в своїх творах Шевченко проводив ідеї московських революціонерів. Тенденційність подібних тверджень очевидна. В дійсності Т. Г. Шевченко не був представником ні політичних партій, ні політичних напрямків; він був вище від цих другорядних царин життя. Він виконував завдання геніяльних поетів: зрозуміти правду й відкрити її перед розумом і серцем людей. Вплив на одночасників він мав колосальний; його любили й поважали. Тайну впливу Т. Г. на сучасників, як теж на прийдучі покоління ще ніхто не з'ясував задовільно, хоть спроб в цім напрямку зроблено чимало.

Одно з таких правдоподібних пояснень базується на твердженні досвідної психольогії, яка у відрізненя від поля людської свідомости надає особливі функції центру цієї свідомости, а саме: що попадає в центр, каже психольогія, те ми усвідомлюємо, а те що попадає на поле ми лише напівусвідомлюємо та скоро забуваємо. За день, наприклад, ми одержимо сто вражень; з них малий лише процент попаде в центр свідомости і там на довший час залишається, решта впаде на поле; ці останні залишаться в душі також як фотографічні світлини, але однак у напівсвідомому, або навіть у несвідомому стані.

Поле людської свідомости не вмірає і не гине, а як спадщина передається наступним поколінням. Сучасне покоління має не тільки своє поле вражень а теж безмежну кількість вражень одержаних від предків. Враженя з поля свідомости можуть бути перенесені в центр свідомости і навпаки з центра, внаслідок забуття, вони попадають на поле. Переміщення вражень з центра на поле і навпаки є явищем постійним безперервним. Яка в цьому процесі роля геніяльного поета?

Гете казав, що поети подібні до ведмедів, що ссуть лапу. Н. В. Гоголь признавався, що його герої тим йому дорогі, що вони з душі.

Поет посідає безконечне багатство вражень, а разом з тим велику здібність перевести враження з поля свідомости в центр; в цей спосіб він відкриває себе та своє багатство; для цілей самовідкриття йому служать мова й мистецькі образи. Ні свої думки ні поетичних образів він передати другим не може, а може лише розбудити їх здібности перенести свої враження з поля свідомости в центр, викликати їх власну думку й переживання, заставити їх думати і відчувати; завдання поета полягає в тому, щоб найти такі вогненні слова й образи, котрі б примусили других думати і переживати своє власне духове багатство.

Т. Г. Шевченко — козацький поет. Ні один з слованських поетів не посідав такого багатства вражень з козацького життя, разом з тим такої здібности переводити враження з поля свідомости в центр, самовідкриватись в образах і думках і будити самовідкриття у других, як Т. Г. Шевченко. Створені ним образи та висловлені думки сильніше діють, аніж многотомні теоретичні твори. Коли найбільшого знавця козацької історії, проф. В. Б. Антоновича запитали, якими були козаки? то він відповів: — «такими, як їх змалював Т. Г. Шевченко».

Найбільшим нещастям для козаків так Запорозьких, як і Донських було те, що вони стратили політичну волю. Страта волі вразила всіх козаків. Що сталось? Нащадки вже забули про це, а Т. Г. заставив їх пережити враження предків.

Козак не знав пана, служив тільки своїй громаді, холопом не був, а коли стратив волю, то прийшло: —

«Гинуть! Гинуть!
У ярмах лицарські сини,
А препоганії пани
Жидам, братам своїм хорошим,
Останні продають штани»...

Та згадував і тужив за нею: —

— Дивись, дитино, оце козак, —
(Ніби мені каже), на всій Україні
Високі могили. Дивися, дитино,
Усі ті могили — усі отакі.
Начинені нашим благородним трупом,
Начинені туго. Оце воля спить!
Лягла вона славно, лягла вона вкупі
З нами, козаками! Бачиш як лежить —
Неначе сповита!.. Тут пана немає,
Усі ми однако на волі жили!
Усі ми однако за волю лягли,
Усі ми і встанем, та Бог його знає,
Коли то те буде. Дивися ж дитино!
Та добре дивися — а я розкажу,
За що Україна наша стала гинуть,
За що й я між ними в могилі лежу
Ти ж людям розкажеш, як виростеш, сину
(Бувае, в неволі іноді згадаю...).

Що зосталось у козаків по страченні волі? Слава!

Тії слави козацької
Повік не забудем!
Україно, Україно!
Серце моє, ненько!
Як згадаю твою долю,
Заплаче серденько!
Де поділось козачество,
Червоні жупани,
Де поділась доля-воля,
Буньчуки, гетьмани?
(Тарасова ніч).

«Смійся, лютий враже!
Та не дуже, бо все гине,
Слава не поляже;
Не поляже, а роскаже,
Що діялось в світі,
Чия правда, чия кривда
І чиї ми діти»...
(До Основяненка).

Можна все відібрати у козака, але не можна вирвати у нього памяти про славне минуле; слава — це чуття чести, власної цінности на світі; хто має це чуття, той не є пропащим; раб не той, хто носить кайдани — ним є той, хто з доброї волі згодиться їх носити. Чуття слави кличе на повсякчасний бій

«Борітеся, поборете —
Вам Бог помагае;
За вас сила, за вас воля
І правда святая».
(Кавказ).

Бог помагає сміливим і сильним духом. Святе письмо говорить: «а що ти ні теплий, і ні горячий, а ні холодний, то виплюну тебе з уст своїх». (Одкров. Івана Богослова 3, 16). Зимний може відродитись і стати гарячим, а теплий рабом і залишиться, не переродиться.

Були теплі і між нащадками козацькими. Вогненні слова й образи Т. Г. Шевченка збентежили їх. Прокинулись у них чуття слави, але вони були тільки теплі, нездібні на великі діла; це були герої з «Мертвих Душ» Н. В. Гоголя: Чичикові, Манилові, Собакевичі, Ноздреві, Плюшкини; це все нащадки колишньої козацької старшини. А стали вони такими тому, що були позбавлені політичної волі, стратили провідну ролю серед свого народу; зробились «дядьками отечества чужого», неспокій і душевні муки завітали до них. Щоб загамувати неспокій і муки, вони вживали не дійсних ліків, а сурогатів.

Наші ж герої вживали чванства та брехні, чванились своєю історією. —

На це Т. Г. радив їм добре придивитись до своєї історії, тоді вони побачать: —

...що ми?
Чиї сини? Яких батьків?
Ким? за що закуті?
(Посланіе).

Т. Г. Шевченко радив дійсний лік, яким було б, по-перше, моральне оздоровлення:

«Обніміте ж, брати мої,
Найменшого брата»,
І оживе добра слава,
Слава України...

а по друге — боротьба за святу правду. Цей лік ніколи не тратить своєї сили — він є вічний.

Страта волі — переддвер'я пекла. Леонардо да Вінчі казав: — «нема тіршої муки, як у нещасті згадувати щасливі часи».

Шевченко це змальовує так:

«О милий Боже України,
Не дай пропасти на чужині
В неволі вольним козакам!
І сором тут, і сором там —
Вставать з чужої домовини,
На суд Твій праведний прийти,
В залізі руки принести
І перед всіми у кайданах
Стать козакові...»
(Гамалія).

Завзяття наше, а перемога од Бога; спасаємось надією. Коли

Ми діждемося Вашінгтона
З новим і праведним законом?
А діждемось таки колись!..
(Юродивий).

Т. Г. Шевченко не тільки лікар-терапевт, він вказує також і причини хворости. Одною з причин є нестримна і пристрасна чутливість козацького народу. Чутливість — великий Божій дар; її набути неможна шляхом виховання. Вона дає можливість творити чуда хоробрости. Може дозволити створити у короткий час те, на що другі народи, холодні й нечутливі, потрібуватимуть багато більше часу й зусиль. Але цей дар, коли над ним не панує розум і спільна воля, створює крутий нахил в бік романтизму та веде до непродуманих і небезпечних вчинків. Т. Г. відчував небезпеку цього дару:

Пишу собі, щоб не міняти
Часа святого так-на так,
Та іноді старий козак
Верзеться грішному, усатий,
З своєю волею мені
На чорнім воронім — коні!
А більш нічого я не знаю,
Хоч я за це і пропадаю
Тепер в далекій стороні.
(Хіба самому написать...).

Розум і волю можна виховати... Тому Т. Г. казав землякам: —

«Учітеся, брати мої,
Думайте, читайте,
І чужому научайтесь,
Й свого не цуравітесь!»...

Розум і сильне хотіння у спільці з чутливістю — то є запорука щасливої будуччини.

А де ж твої думи, рожевії квіти,
Доглядані, смілі, викохані діти,
Кому ти їх друже, кому передав?
Чи, може, навіки в серці поховав?
О, не ховай, брате! розсип їх розкидай!
Зійдуть, і ростимуть, і у люди вийдуть!
(Сон: У всякого своя доля).

Инж. В. Б.

Из экономического очерка Казачьих Земель.

Зерновые культуры.

Распределение по территории Казачьих Земель цифр сбора одновременно набрасывает и контуры географического распределения у нас посевов той или иной культуры. Пшенично-ячменная культура характеризует Дон, Кубань, Ставропол. губ. и некоторые части Терской обл. и Астрахан. губ. Сочетание посевов ржи-пшеницы и кукурузы-пшеницы носит уже, более менее, местное значение. Наиболее северной культурой была рожь в сев. частях Донской обл. и Ставр. губ., наиболее южной — кукуруза южных округов Терека. Просо играло в севообороте значительно меньшую роль, давая в среднем для Казачьих Земель 2—3 пуда остатка на душу и имея самостоятельное значение лишь в Астрах. уезде (83,13% посевн. площади), а в комбинации с иными культурами в Кизлярском (24%) и в Моздокском (38%) на Тереке. По преобладанию количества земли занятой данной культурой над культурами иными, выделяются «ржаные» уезды Астраханской губ.: Енотаевский 48,8% посевной площади и Красноярский 80%. Поистине пшеничными были Майкопский отдел Кубанской обл. 76,9% посев. площади и Царевский уезд Астраханской г. 75,8%, ячменными — Черкасский округ Донской обл. 55,5% и отдел Таманский 40,8%; «кукурузными» — Сочинский округ 76,2% и Нарзановский 83% посев. пл., овсяными Красноярский уезд Астрахан. губ. 20% и Пятигорский — Терской обл. 18,7%.

Территориально подрайоны с почти полным отсутствием озимых посевов или с их незначительным % располагаются в горных местностях, частью в южных округах Дона, в Ейском отделе на Кубани и на северо-западе Ставропольской губ. Озимый ячмень сеялся у нас вообще мало. Наибольшее распространение получали озимые культуры на юго-западе Кубани, в центре Предкавказья и на востоке Ставропольско-Терской полосы. Для яровых культур обозначалось два района: на крайнем юго-западе (Черноморье!) и Ставропольско-Терском центре Предкавказья.

Неодинаковая заселенность отдельных частей наших земель и ряд естественно-исторических моментов, создали довольно пеструю картину размеров посевной площади на 1 хозяйство. Рассматривая этот элемент, найдем весьма выдержанную последовательную смену групп крупнопосевных и среднепосевных районов. Группа районов с посевом на 1 хозяйство до 2 десятин занимает крайний юг, охватывая, главным образом, территорию с горским населением. С севера к этому району примыкает среднепосевная группа с посевом в 6—8 десятин на 1 хозяйство, проходя Кубанью и захватывая часть Донской области и Ставропольской губ. Еще дальше на восток и северо-восток величина посевов на 1 хозяйство достигает наибольших размеров. Цифры эти в среднем по областям давали в 1916 г.: для Ставропольской губ. 12 дес. на 1 хоз., для Дона 9 дес., для Кубани 6 дес.

Величина посевов стояла в связи с этнографическим характером населения.

«Инороднические» районы более богаты неиспользованной посевной площадью, но в то же время обычные размеры посева на 1 хоз. на «инород. территории» (9,9—12 дес.) уступают таковым казачьего населения (13—14 десятин).

Полоса крупных хозяйств является одновременно полосой низких урожаев, полоса среднепосевных — район наиболее высоких урожаев.

Наиболее экстенсивными и односторонне-зерновыми являлись районы северо-западный и северо-восточный, хозяйства же юго-запада отличаются разнообразием в составе полевых растений с чередованием зерновых культур с подсолнечником, сеянными травами и т. д. Район такого же интенсивного состава культур лежит и у устья Дона.

Интересно, что отличающийся интенсивным составом полевых культур район центральной Кубани отличается и небольшим % волов в отношении рабочих лошадей. Наоборот в районах экстенсивного земледелия северного Дона немалую роль играла и обработка земли волами.

Основной массой хозяйств, работавших на внешний рынок и принявших формы товарного производства, были крепкие, средние и крупные хозяйства, опиравшиеся не только на избытки собственной рабочей силы (больше семьи), но и на наемных рабочих. Поэтому в рыночном отношении наибольшее значение имели районы крупных хозяйств или же средних, но с негустым населением так, что получались большие избытки хлеба.

Посмотрим теперь, в каких количествах, откуда и на какие рынки поступали продукты нашей основной отрасли земледелия.

Главными экспортерами является Кубань и Дон. Больше половины вывоза приходится на пшеницу, 80% вывоза который дают Дон и Кубань, далее идет ячмень, около 20% вывоза, значительную часть которого (75%) вывозят опять таки Дон и Кубань. Вывоз овса невелик и уступает место даже количеству кукурузы, вывезенной в 1915 году из Терской области.

Из всей массы отправляемого количества кругло ⅓ оставалась в пределах Казачьих Земель, ⅔ же вывозилось из них, 65% последней части шло в порты. Особенное тяготение к заграничному рынку обнаруживают Кубанская область и Ставропольская губерния (73—77%) всего их вывоза. Меньше связан с портами Дон. Большой % отправок Терской области шел уже на внутренние рынки, для Астраханской же губернии значение внутреннего рынка превышало значение внешнего в 4 раза. На собственно местное движение хлебных грузов внутри Казачьих Земель, исключая из него целиком движение к местным портовым рынкам, по расчетам проф. Лященко приходится лишь 23% всего хлеботоргового движения: порты же по его расчетам притягивают около ½ всего нашего хлеба, цифры весьма знаменательные и говорящие об исключительной товарности нашего зернового хозяйства.

Что касается распределения пшеницы по портам, то наибольшее количество приходится на Ростов до 27,2 м. п., где она поступала для дальнейшего экспорта в Новороссийск. Ростов собирал пшеницу с юга Донской области, севера Кубанской и Ставропольской губернии. Новороссийск уже служил конечным пунктом для более широкого района чем Ростов, хотя и получал пшеницу лишь со станций Владикавказской железной дороги. Поступала в Новороссийск пшеница и из Ростова (до 1,3 м. п.).

Третьим портом по вывозу пшеницы служил Ейск, вывозивший до 8,5 м. п. и собиравший ее со станций прилегающего района и со станций Владикавказской железной дороги. Меньшее количество пшеницы вывозил Таганрог до 2,3 м. п. и Мариуполь 1,3 м. п.

(Продолжение следует).

Обращаем внимание читателей на перемену нашего адреса, по которому надлежит посылать всю корреспонденцию.

Prag XII., Skretagasse 12.
Telefon 395-95

И. О.

Енисейское Казачество.

II.

Во время революции Енисейское Войско, на собравшемся Войсковом Круге избрало Войскового Атамана. К сожалению, первый избранник Войска, уроженец Туруханского края, хорунжий Сотников, ярый эс-эр, был совершенно несведущ в войсковых вопросах, не знал жизни станиц, не понимал казачьего земельного вопроса, принес много вреда выступлениями и участием в Сибирских областных Съездах, говоря от имени Казачества вообще.

В сентябре 1917 г. был созван второй Войсковой Круг, на котором был принят проект положения об управлении в Енисейском Войске (22 сентября). Глава о земельном положении казаков этого законопроекта носит на себе печать с.-р. творчества.

К новому году солдатские пехотные полки растаяли: солдаты самовольно разошлись. Как военная и организованная сила оказались лишь три сотни енисейцев. Это взволновало совдеп, и последний потребовал роспуска казаков по домам, но Войсковое Правительство этого требования не выполнило. Председатель В. Правления урядник Казанцев был тверд в отстаивании казачьей самостоятельности.

Все ждали, думали, что большевицкая напасть быстропроходяща. Но положение становилось все труднее. Войсковые суммы, хранившиеся в банках в Иркутске и в Красноярске, были реквизированы. Наступили тяжелые дни, средства подходили к концу, приходилось задумываться: на что содержать дивизион?

Наконец, в конце февраля 18-го года, совдеп категорически потребовал: а) роспуска казаков по домам, б) выдачи оружия, в) отказа от Казачества. Одновременно мы узнали, что совдеп вооружил около 900 человек уголовных арестантов Ачинской тюрьмы и везет их в Красноярск (164 версты), — с оставшимися пехотинцами и рабочими Красноярских железно-дорожных мастерских это уже была сила. Переговоры Атамана Сотникова с заправилами совдепа ни к чему не привели. Тогда был собран Войсковой Совет, усиленный выборными от сотен. Совет этот, приняв во внимание, что в вооруженном столкновении в Иркутске пострадал сильно город, решил уйти из Красноярска, но не подчиниться совдепу. Решение это было принято в 9 часов вечера, а в 12 часов ночи истекал срок большевицкого ультиматума.

Около часу ночи, при 30° мороза и сильном ветре сотни вышли из казарм, и мы перешли Енисей. К сотням примкнула значительная часть мужского населения Красноярской станицы. Тяжело было оставлять дом, семью, — но другого выхода не было. Оставшиеся казаки, как и ожидалось, на другой же день были арестованы и препровождены в тюрьму.

Нашей целью было уйти из города, обосноваться в одной из пригородных станиц и постоянно беспокоить и держать в напряженном состоянии большевицкую власть.

Пройдя походным порядком около 20 верст, Атаман Сотников решил, что нам нужно избрать какое-либо крупное селение, где бы могли, хотя бы месяц, прокормить своих лошадей. Поэтому, сделав небольшую передышку, было назначено итти на север, за 30 верст, в село Есауловское. Начальником Штаба отряда был назначен только что возвратившийся из австрийского плена полковник Феофилов.

Активная борьба не была в духе нашего Атамана Сотникова, — как социалист, он не решался поднять руку на большевика, близкого ему по духу. Было решено возвратиться обратно в казачий поселок Долгий. В это же время (около 14 февраля 1918 г.) было получено письмо от Атамана Семенова из Забайкалья с извещением, что он через месяц расчитывает взять Иркутск и просит нас продержаться этот месяц.

17—18 февраля в этом поселке Войсковой Атаман Сотников собрал вновь совет с представителями от сотен, обрисовал всю тяжесть положения и предложил разойтись по станицам. Это отвечало пожеланиям многих казаков минусинцев и было принято большинством голосов. Для Председателя Войскового Правительства Казанцева и некоторых офицеров было совершенно ясно, что Атаман Сотников более симпатизировал большевикам, чем идее отстоять казачью самостоятельность. Сомнительная позиция Атамана волновала казаков. Большинство офицеров дивизиона были не казаки и не решились громко выявлять своего отношения. После недолгих совещаний, было решено в ночь на 19 февраля разойтись по станицам, а так как казакам с юга нужно было бы проходить чрез Красноярск, то следовать до ст. Каратуз Минусинского уезда в строевом, походном порядке (этот путь около 400 верст сотни прошли совершенно благополучно).

Тяжко пострадали казаки Минусинских станиц. Часть их была перебита (в Каратузе много погибло в церкви), некоторая часть бежала в Урянхайский край, Атаман Сотников, кажется, бежал в Алтайский округ, наиболее видные из казачьей среды оказались в Красноярской тюрьме.

Во всей этой печальной истории выявилась слабость нашего положения. Наши станицы вкраплены в крестьянские поселения, оне растянулись на громадном расстоянии: от Туруханского края до границ Китая (станица Саянская). Наше землепользование (средний казачий надел 35,8 десятины на мужскую душу) было бельмом на глазу у крестьян, особенно переселенцев из Европейской России. Аналогичное явление наблюдалось в Семиреченском Войске. В крупных станицах, около золотопромышленных районов, где много безземельного рабочего люда, положение казаков стало трагичным.

Восстание чехов освободило казаков из тюрьмы и издевательств. Немедленно был собран Войсковой Круг, на котором был избран новый Войсковой Атаман сотник Тялшинский, и Енисейские казаки приняли энергичное участие в свержении большевицкой власти в Восточной Сибири. Здесь уместно привести краткие выдержки из грамоты на имя Енисейского Войскового Управления, подписанной Командующим восточным сибирским фронтом.

«Вы, славное енисейское казачество, стали одни из первых в ряды молодой сибирской армии, и, несмотря на то, что прежде вы выставляли лишь дивизион, вы выставили целый полк. Это напряжение оценит наша родина. В течение целого ряда боев, с большевицкими войсками, вы доказали, что вы действительно достойные потомки славных енисейских казаков, что вы действительно достойные сыны своей родины, которые не задумаются отдать свою жизнь за свободу. Ваши подвиги на берегах Байкала оценит отечество, и от отца к сыну, из рода в род будут передаваться рассказы о той славе, которой вы себя покрыли в тяжелую годину освобождения родины».

20 февраля 1919 г. был избран представитель Енисейского Войска в Главное Управление Казачьих Войск и на Казачью Конференцию в Омске. Во главе этого Управления, на правах товарища Военного Министра, был представитель Уральского Войска Б. И. Хорошкин, он же являлся председателем Конференции. Представителем Оренбургского Войска был Н. С. Анисимов, Уральского — Н. А. Бородин (бывший член I Госуд. Думы); Сибирского — полковник Березовский и эсаул В., Семиреченского — доктор Ст. Н. Шендриков (Председатель Большого Круга и член Учред. Собрания от Семиреченской области), Амурского — эсаул Н. Т. Коренев и от Забайкальского — полк. Л. Один раз в наших совещаниях принимал участие Войсковой Семиреченский Атаман г.-м. Ионов, и один раз — Оренбургский Атаман покойный А. И. Дутов.

Единства взглядов по вопросам обще-казачьей политики не было. Все участники Омской Обще-Казачьей Конференции виновны в том, что не выявили в свое время своего отрицательного отношения к разрушительным явлениям в тылу, что совершенно чуждым Сибири и Урала элементам предоставили распоряжаться в освобожденном от большевиков громадном крае, что ослабляли свои силы в узких заботах каждый о своем войске, что не разработали схемы действий, не сумели выступить от имени всего азиатского казачества...

Успехи на Камском фронте ослепляли Правительство Колчака. За три-четыре дня до праздников Пасхи 1919 г. покойный адмирал говорил, что, если не задержит ледокол на Волге, наши войска будут на правом берегу.

В это же время шли подготовления к организации 40.000 казачьего корпуса для прорыва в глубокий тыл противника.

Но вскоре уже стало известно, что наш фронт в Уфимской губ. дрогнул. И не мудрено! Нежелание сибиряков итти дальше Урала, воевать за помещиков, безобразия в тылу, злоупотребления, самовольства контрразведки и другие вредные явления сделали свое дело. «Система Колчака рухнула совершенно не под ударами большевицких войск, а именно под давлением крестьянства, которое заставило таять армию», говорит проф. М. П. Головачев, (см. «Сибирские Вопросы», март, 1921 г.). Обвинения в сепаратизме и недоверие познали не только Кубань и Дон, — они тяготели и над Оренбургским Войском. Казаки и коренные сибиряки были под подозрением, на судьбы страны имели влияние помещики из Самарской и Казанской губерний...

Енисейскому Казачеству пришлось все время нести тяжелую борьбу в пределах своей области. Переселенные в 1906 году в Канский уезд лытыши подняли восстание в Канском уезде, железнодорожный путь у границ Иркутской губ. оказался в их руках, район между р. Маной и с. Рыбинским — тоже; во главе этой большевицкой группы оказался бывший лесной кондуктор Кравченко.

На юго-западе, в пределах Минусинско-Ачинского уездов, появились крупные банды под командой бежавшего штабс-капитана Щетинкина, на севере одно время были захвачены уездный город Енисейск, район р. Ангары (бывшие места ссылки политических преступников) и южно-енисейская тайга (золотопромышленный район).

На это все не обращалось должного внимания в Омске, а Енисейский казачий полк все время нес серьезные потери.

О необходимости принятия казачеством энергичных мер писали и покойному А. И. Дутову, и Представителю Семиреченского Войска И. Н. Шендрикову. От Союза сибиряков областников Шендриков и др. представили Колчаку особую декларацию, в которой было указано на «величайшую опасность той изолированности от сибирского населения и общественности, в которой оказалось Омское Правительство, благодаря его забвению элементарных нужд Сибири». Делегацией было указано на засилие в Правительстве беженского элемента, чуждого Сибири, не понимающего ее нужд. Указывалось, что агенты правительства злоупотребляют властью на местах и в центре. Колчак выразил делегации живейшее сочувствие, был чрезвычайно взволнован, обещал немедленно принять меры, созвал в тот же день Совет Министров. Но результатом представления декларации сибиряками была высылка из Омска некоторых членов делегации.

Все лето 1919 года не было ни одного серьезного успеха на фронте, в тылу же, в пределах Акмолинской, Томской, Енисейской, Иркутской губ., под Владивостоком, все шло хуже и хуже.

В июле произошло избрание нового Енисейского Атамана, получившего от Круга всю полноту власти. Таким оказался исследователь Монголии и Урянхая генер. штаба генерал-майор В. Л. Попов.

В сентябре месяце в Енисейской губ. образовалось уже несколько большевицких фронтов.

Все казачье население было мобилизовано и на фронте в 400 верст (от Означенной до Новоселовой) двум полкам енисейцев с двумя ротами пехоты пришлось выдерживать натиск гораздо сильнейшего противника. Силы были неравны.

В октябре Щетинкин получил приказ из Москвы прорваться к Ачинску и закрыть продвижение идущих по железной дороге на восток «колчаковцев».

Остававшись все время в ариергарде отступавших частей (части Каппеля), енисейцы были сильно потрепаны. Командование ими находилось в опытных руках генерала Феофилова. (Войсковой Атаман г.-м. Попов взял отпуск в Иркутск и в декабре месяце передался на сторону большевиков). Войсковая казна, отправленная с членом Войскового Правительства А. Г. Шахматовым, в значительной своей части погибла в Ачинске при взрыве поезда (при этом погибли Шахматов и 10 казаков).

Первоначально енисейцы предполагали итти в Урянхайский край (спорная территория между южной границей Сибири и хребтом Тоннуола), хорошо нам, енисейцам, известный, слабо заселенный инородцами урянхами и сойотами и русскими старообрядцами.

Но, задерживая советские войска на линии железной дороги (у ст. Кемчуг), енисейцы потеряли время, и отступать на юг было уже невозможно; пришлось итти в Забайкалье совместно с рабочими полками Воткинским и Ижевским, совершать страшный переход по льду Байкала, быть свидетелями массовой гибели лошадей и людей от мороза, тифа, оспы. Эпидемия тифа была настолько сильна, что у Оренбургских казаков, из состава 1500 человек, больных «сыпняком» было 50%. В Верхнеудинске, генерал Феофилов захворал тифом и пред Читой умер.

Енисейцы остались без военного авторитетного руководителя и заволновались. Был созван Круг из представителей сотен, который и избрал на должность Войскового Атамана ген.-м. Л. П. Потанина.

В Уссурийский край, на территорию Уссурийского казачьего Войска, дошло всего около 600 человек енисейцев. Но и там они не нашли ни часу покоя. Возгоревшаяся борьба между Приамурским Правительством Меркулова и атаманом Семеновым невольно втянула в себя и эти остатки енисейцев. Несколько их погибло в этой борьбе.

Наконец, красная армия докатилась до берегов Тихого океана. Пришлось искать спасения в Китае.

Таков печальный конец трагической эпопеи! Но конец ли это трехсотлетнего существования Енисейского Войска? Боюсь, что, может быть, да! Выдержав крупное напряжение в 1918—1919 годах, потеряв большую часть своего мужского состава, енисейское Казачество, вкрапленное в массы крестьянства, окруженное большевиствующим переселенческим элементом, в эти годы коммунистического зверства, испытало на себе сильнейшее давление и разорено экономически. Уже в 1919 году мы чувствовали, что наше существование связано с территориальным обособлением, что мы не можем дальше жить отдельными станицами, разбросанными на протяжении двух с половиной тысяч верст, от Полярного Круга до границ Китая. Поэтому выдвигался проект принятия в Войско инородцев - коневодов левобережного Енисея (хаккасы). Делегаты этого народа охотно шли на вступление в казачество, Войско же считало это присоединение желательным, ибо хаккасы — великолепные наездники, хороший скромный народ. Но, это все в прошлом.

А в это время представители различных Войск на чужбине все еще не могут войти в общую линию поведения и отбросить личные счеты... Горе нам...

Г. Козловский.

Казаки в эмиграции.

Попытка генерала П. Н. Врангеля спасти в Крыму Белое движение закончилась крахом. В конце 1919 года многочисленные пароходы и баржи привезли на Константинопольский рейд остатки побежденной армии и много невоенных, не рискнувших остаться в Крыму под большевицким режимом.

Среди всей этой эмигрантской массы Казаки занимали самое видное место как количественно, так и качественно. Вышли они в эмиграцию со своими Атаманами, правительствами, вывезли с собою войсковую казну и регалии. Это была совершенно обособленная группа, не смешавшаяся с иными народами, тянувшаяся по привычке друг к другу и в первую очередь разыскивающая среди всей массы одностаничников. Были среди них одиночки, захваченные общей волною бегства вдали от своих станиц и хуторов, оставив в неизвестности свои семьи, по советским понятиям, имеющие множество тягчайших преступлений по отношению к советской власти. В меньшинстве были семейные и старики. Последние преимущественно эвакуированные с Кавказского побережья в Крым и присоединившиеся впоследствии к зарубежной эмиграции.

Константинополь являлся первым этапом для уходящих в эмиграцию Казаков. Здесь некто, веривший в свое право распоряжаться судьбами, им же загнаной к берегам Босфора массы, по своему личному усмотрению распределял отдельные группы на жительство. В то время игра в солдатики еще не была изжита, титулы и чинопочитание сохранились в полном объеме. Надеялись на какие то мифические десанты, а главное, не зная куда приспособить большие кадры услужливых начальству исполнителей, Врангель создал незабвенные сидения для Казаков на Лемносе и в Галлиполи. Болели, мерзли, голодали и умирали Казаки массами. Должны были вести образ жизни значительно хуже, чем в приснопамятных Аракчеевских поселениях. Изнурялась Казачья масса, но начальство неусыпно наблюдало за правильностью отдания чести чем тем, что у Казака было в котелке.

Но всему бывает конец. Кончилась для Казаков и эта, по истине, каторжная жизнь, явилась возможность передвинуться в иные страны и заняться более продуктивным трудом. Правда, все еще под командой различных генеральских ставленников из не-казаков, Казаки начали приводить в порядок старые и строить новые дороги, заработали кирки в Казачьих руках в шахтах и рудниках Франции, Бельгии и Италии, вся Болгария, Сербия и Румыния покрылись сетью шоссе, выбитых Казачьими же руками.

Многие из Казаков, инстинктивно чувствуя недоверие ко всем десантам, ухитрились ускользнуть от внимания своих церберов и одиночным ли порядком, или группами стали пробиваться дальше на Запад и Север, к центрам культурной жизни и устраивать свою жизнь свободно, по своему личному усмотрению.

Значительный процент Казаков, особенно молодежь, потянулся к знаниям. То, что было для рядового Казака недоступно в б. России, здесь оказалось совершенно простым. Учебные заведения Праги, Парижа, Берлина, Белграда, Софии, Брюсселя дали жаждущим знаний Казакам самые широкие возможности. Потянулись наши станичники даже за океан.

Казачья масса рассеялась по всему белому свету. В буквальном смысле не было на земном шаре ни одного уголка, где не побывал бы Казак-эмигрант.

Разную вели они жизнь, разные же были условия их существования в отдельных государствах. Если, например, на первых порах после первой войны, Франция, которой необходимо было восстановить расстроенную промышленность, широко открыла дверь для эмиграции вообще и в частности для Казаков, устраивая их на рудниках или на заводах, даже охотно принимала особенно Казаков в ряды своих граждан, то вскоре, по миновении надобности эмигранты заняли положение «нежелательного элемента» и их подвергали различным гонениям.

Жизнь, полная неизвестности и не всегда материально обеспеченая, еще больше закалила Казаков в их природном упорстве и изворотливости, все больше возбуждала желание добиваться законного права занять в чуждом ему мире подобающее, как человеку-гражданину, место. И в большинстве случаев им это удавалось. На Казаков начали смотреть, как на деловитый, работоспособный и с большой инициативой народ и работодатели с большим уважением и доверием относились к своим работникам-Казакам.

Группа Казачьей молодежи, наблюдая за окружающей ее обстановкой, сравнивая народы, с которыми ей приходилось сталкиваться, с Казаками, проявила особенный интерес к прошлому Казачества и его быту, стали изучать историю Казачества, а детальное изучение старых материалов в фундаментальных библиотеках Праги, Берлина, Венеции, Константинополя и Парижа, дало возможность снова поднять вопрос о возрождении Казачьей государственности и Национального самосознания.

Шли годы. Старики умирали, молодые старились, чем больше проходило времени, тем больше закрепляло себя Казачество на эмиграции. Были уже свои кадры специалистов-инженеров, врачей, профессоров, не пошедшие по ученой линии специализировались в сельском хозяйстве, на фабриках и заводах. К началу нынешней войны Казачья эмиграция 1919 года имела своих представителей во всех отраслях современной жизни и всю-

ду пользовалась вполне заслуженным авторитетом и уважением.

Небольшая группа за долгое время до нынешней войны переехала в Парагвай, где предполагала устроиться на землю. Чего она там достигла, до сих пор неизвестно.

Но вот грянула вторая мировая война. Германия выступила против Советского Союза и с первых же дней Казаки заявили себя верными союзниками Германской армии и народа.

Оставляя территорию Казачьих земель, Германская армия предоставила возможности желающим Казакам и их семьям оставить родные места и двинуться вслед за отступающей армией. И потянулись обозы с станичниками и их семьями, шли гужом, проделали тысячи верст без языка и чуждые знаний неизвестного им зарубежья, встречая на своем пути привет и ласку и посильную помощь, как в различных учреждениях, так и среди населения. Таким образом, возникла очередная, по историческому счету, седьмая Казачья эмиграция. С начала войны целые воинские Казачьи части начали переходить на сторону Германии, многие из Казаков очутились в плену. Воспитанные в условиях советского режима, они с каким то недоверием относились к старой эмиграции, для них вся жизнь вообще начиналась с 1917 года, естественно, чужда им была история своего собственного народа. Но суровая действительность советской жизни и прожитое ими, выработали в них остроту чувства и быструю сообразительность. Немного потребовалось времени для того, чтобы среди так назыв. «подсоветских» Казаков появилась масса вполне сознательных националистов, требующих включения и их в ряды бойцов с ненавистными советами. В короткий срок произошло полное слияние новой и старой казачьей эмиграции.

В настоящее время Казаки за рубежом группируются: большая часть в военных формированиях, борющихся против общего врага жидо-большевизма, затем идут группы работающих на фабриках и заводах и иных предприятиях, работающих для военных целей. Для семей Казачьих и Казаков старшего возраста устраиваются особые поселения, где предполагается устроить жизнь по станичному, согласно старым Казачьим обычаям. В этом направлении работы ещё не закончены.

Сейчас нет никакой разницы между старой и новой эмиграцией. Все работают общим фронтом для народного блага.

В каких бы тяжелых условиях не находился Казак он всегда будет помнить о том, что он Казак и является членом великого, мощного духом и сильной волей единого, нераздельного Казачьего народа.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

Глава XI.

К описываемому времени вся Кубань была объята большевизмом, во всех крупных центрах хозяйничали представители новой власти; жиды, латыши, китайцы, мадьяры и прочий международный преступный элемент «углублялю» октябрьскую революцию, опираясь на силу и жестокость законов «Всероссийской Чрезвычайной Комиссии», или сокращенно «Чека». Невинная кровь казачьей интеллигенции в изобилии орошала и без того плодородную кубанскую землю. С Кавказского фронта пришли целые полки для борьбы с контр-революцией и непокорным Казачеством. 39-я, когда то боевая, пехотная дивизия, распропагандированная большевистскими комиссарами, рассыпалась по Кубани и Ставропольщине, жадно набрасываясь на казачьих буржуев, творя бессудную и кровавую расправу. Кубань представляла из себя кромешный ад... Но среди этой анархии столица Кубани — Екатеринодар — находился в руках войсковой власти и небольшие отряды из офицеров и учащейся молодежи стойко дрались с красными ордами на подступах к кубанской столице. Весь февраль и начало марта в жестоких схватках таяли ряды юных защитников, не получая ни откуда ни моральной, ни физической помощи. Наконец, наступил момент, когда нужно было покинуть Екатеринодар и уйти в неизвестность на скитание по родной земле. Доходили слухи, что с Дону идет отряд генерала Корнилова; это подбадривало кубанцев и надежда на соединение с войсками легендарного генерала, убежавшего из Быховской тюрьмы, окрыляла кубанских бойцов. Растерянность ли казачьего офицерства в ту тяжелую минуту, или другие какие причины вмешались в ход кубанской истории, но по иронии судьбы в кубанской столице командовал войсками капитан-летчик Покровский, мало кому известный в военных казачьих кругах. Лучшие казачьи офицеры генерального штаба остались не удел, такие доблестные офицеры, как полковник Галаев, пали смертью храбрых на подступах к Екатеринодару, полковники Лисевицкий, Кузнецов, Деменик, Бабиев ушли с конной группой в горы, мечтая пробиться в Грузию, ибо не надеялись на успех начатых операций. Отряд капитана Покровского, произведенного за выслугу лет в Германскую войну в полковники, и за боевые отличия кубанским правительством в генерал-майоры, покинул Екатеринодар и вышел в соседние аулы, а вместе с войском ушли и Войсковой атаман полковник Филимонов, председатель Войскового Правительства — Быч, председатель Краевой Рады — Рябовол, председатель Законодательной рады — Султан Шахим Гирей, и много членов Рады, чиновников войсковых учреждений и казачьей интеллигенции.

Генерал Корнилов, покинув пределы Донской области по кубанским степям спешил к Екатеринодару, желая помочь кубанцам удержать главный город в своих руках и этим произвести большое моральное значение на казаков, колеблющихся в своих убеждениях. Но бездорожье и распутица, зимняя стужа и ледяная степь задержала марш генерала и он соединился с отрядом кубанского правительства только в аулах. Невозможно передать радость бойцов той и другой стороны, крики «Ура» огласили аулы и станицы, где расположились отряды. Корнилов, подчинив себе кубанцев, решил немедленно наступать на Екатеринодар, дабы не дать возможности большевикам укрепиться в городе. Небольшие силы Корнилова, насчитывавшие не более 3-х—4-х тысяч бойцов, но крепко спаянные святой идеей борьбы с красной нечистью, и наводившие ужас на большевиков в походе по кубанским степям, навели на красное командование трудно передаваемую панику. 39-я пехотная дивизия занималась больше грабежами и расстрелами в богатых станицах, наполняя отощавшие на Турецком фронте желудки жирными казачьими харчами, силы товарища Сорокина, превосходившие во много раз отряд генерала Корнилова, казались большевикам недостаточными, рядовое казачество не охотно ловилось на заманчивую советскую удочку, а потому Кавказский Главковерх Автономов принужден был разослать по всему краю карательные экспедиции, чтобы зажигательными речами и страхом подтолкнуть казаков на выступление против «золотопогонников», и на защиту красного Екатеринодара, где на высших областных должностях находились уже товарищи Полуян, Балис, Павловский и целая плеяда палестинских «дворян», безжалостно расправлявшихся с казачеством. Товарищ Свирко ездил по Майкопскому отделу и красивыми речами и жестокими расправами набирал охотников, спешно отправляя их в распоряжение красных командиров в Екатеринодар. Жестоко расправившись с черкесами, карательный отряд приехал в станицу Б—скую...

Выслушав зажигательную речь товарища Свирко б—цы быстро расходились по своим хатам к заждавшимся хозяйкам и к давно остывшим самоварам и пирогам. У многих не весело стало на душе, особенно в тех хатах, где были фронтовики. Молодежь ушла с сотником Ревой в горы, старики уже вышли из воинских рядов по своим летам, значит призыв вступать в красную гвардию всецело относился к фронтовикам, считавшим себя после четырехлетних ужасов Великой войны совершенно свободными от каких либо военных походов. Война кончилась и должно начаться мирное житье под покровительством советской власти, обещающей землю крестьянам, заводы и фабрики рабочим. Но выходит, что не тут то было. До мирного житья еще далеко, и война еще не кончилась, раз призывают народ встать на борьбу с врагами новой власти.

Степан Еременко шел с митинга вместе со своим соседом Павлом Остриковым, с которым вместе служил в полку и у которого крестил первенца. Оба шли/понурые, каждый обдумывал какое принять решение: фронт уже осточертел, рады, что живы-здоровы добрались до станицы; надо браться за хлеборобство, а тут новая война; не итти — нельзя, врагом объявят, в станице не укроешься. Что делать? Свободу обрели, а счастья не видно. Только приехали, и опять нужно уезжать. А кто же будет работать в полях? Опять старики да бабы?

— Ты как, куманек, смотришь на все это? — спросил Степан соседа.

— Как смотрю?.. Да так же, кум, как и ты... Надо итти вместе со всеми, чтобы не кололи потом глаза, что мы в «контре» состоим. Поедем, посмотрим, это-же не германскую, не на три года... Отгоним Корнилова и баста? — ответил Остриков.

— За хозяйство бы браться надо, самое время...

— Ну что-ж, весну бабы поработают, а к летней страде и сами вернемся.

— На германскую шли то-же месяца на два, а вишь как затянулась.

— Ну, теперь не то, везде почитай советская власть, только у нас колобродит офицерье. Скоро с ними расправятся.

— А ты конным, али в пластуны?

— Конечно пластуном. Коня, хай, в работу возьмут, службе старой конец, дармоедов держать нечего!

(Продолжение следует).

В редакцию «Казачьего Вестника» все время поступают просьбы от казаков, рассеянных по различным городам и лазаретам, о высылке им книг для чтения. Многие жалуются на одиночество и скуку, тем более, что почти все они не знают местных языков.

Не имея возможности удовлетворить все запросы, редакция обращается с горячим призывом, ко всем, могущим помочь ей в этом деле. У кого имеются старые книги и журналы, уже прочитанные и, возможно, лишние, покорнейше просим направлять в редакцию «Казачьего Вестника», для переотправки их по имеющимся у нее адресам.

П. Поляков.

КАЗАЧЬИ ФЕЛЬЕТОНЫ.

О происхождении Казачества.

От многих казаков письма я получаю. С недоуменными вопросами. Один донец прямо меня спрашивает: «Пропиши ты мине, дорогой станишник, от кого она, Казачества наша, произошла? Читал я читал разные книжонки и ничего в толк взять не могу. Пропиши, дорогуша, как оно и што и почему, а то разную брехню нам довольно таки противно слухать!»

И черноморец один пишет: «Та пропишить вы нам заради Господа Бога шо-ж воно таке? Звидкиля мы на цей свит народились и якого мы батька диты?»

Получил я письма эти, начал историю российскую читать да как развел руками, так с разведенными руками и хожу по Праге. Сам ничерта не понял.

И поэтому честно хочу изложить историю Казачества так, как нам ее московские историки до сталинских включительно преподносят.

А дело вот как было:

Дикое Поле пусто стояло. Никого там не было, а стоял один плетень. Турки да татары иной раз наезжали и опять куда-то исчезали.

А Москва в это время процветала. Не жизнь была, а масленица. Тут тебе и цари с царенятами, и бояре, и служилые и смерды разные, холопы, жили в полном, сказать, удовольствии. Даже кочета и те не кукурекали, а на заре вылетит на навозную кучу и орет: Как хо-ро-шо-о-о!

Вот до чего сладкая жизнь в царстве том была.

А чтобы воровства какого, иди, скажем, чтобы кто нибудь слямзил что, да Божжа сохрани, сроду не было.

Кондовая она, блинная, щи кажный день с убоинкой, рыбки там, или соленых огурчиков, словом, чего хочешь — во какая жизнь там была.

И весь народ только меды да брагу пил и молчал, потому что благоденствовал.

И все бы оно хорошо было, и никакого Казачества сроду бы не народилось, да разве не случись беда.

Праздник какой-то был, на базаре бабы подовыми пирогами торговали, и до того дешево, что прямо объедался весь народ. И все до одного платили, ели, утирались и дальше уходили, в свое удовольствие перезвоны кремлевских колоколов слушать.

А звонят они дюже зазывно. До нынешних дней их многие слушают и наслушаться не могут.

Вот тут как раз беда и случилась.

Ванька Коза, колченогий подмастерье, лаптопому делу он в Китай Городе обучался, и уж здорово наторел в своем деле, да, так вот пошел он немножко на людей поглядеть и себя показать. И в Калашный Ряд затесался. Зашел он это в ряд то калашный, цоп за карман, а деньги дома забыл. А жрать вб как хочется. Ну он и взял с лотка кусочек пирога. И в рот его поволок. Жевать начал. А как оно дальше дело было, грамота царская, позднее на Дон писанная, так говорит:

«...И тое Оленку, честную вдову, взяв в пытошную башню, батогами били нещадно, на дыбу подымали и тоя Олена под страхом смерти сказала, что Ванька Коза, боярина Ордын Нащокина холоп, у нее, у чесной вдовы, кусок пирога с тыквой спер и тот пирог посередь Москвы сожрал. А сожрав тот пирог, на Дон в казаки убег и вам бы атаманам и казакам того Ваньку Козу пымать и на Москву послать немедлючи, за его против нашего царского величества воровство...»

Это позднее было. А в то время, как спер Ванька Коза пирог и съел, од страха великого забежал он аж на Дон. Огляделся кругом себя — тишь да гладь да Божья благодать. И объявил он себя казаком, набежал к нему иной воровской люд и с тех пор повелось Казачество...

Вот как оно дело было по сведениям историков оффициальных, всем нашим начальством признанных.

А то тут по заграницам разные никчемушние историки повыискались. По архивам лазят, толстые книжки читают и пишут какие то истории темные да непонятные.

Дело то проще было.

Никому так не дорого казачье дело, как нам самим казакам и никто о нем не будет заботиться, кроме нас самих же, посему наше казачье будущее всецело зависит от самих казаков, от их уменья и способности защищать свои права.

(И. Бочаров, «К. В.» № 15 (72).

С этим номером вместе с газетой рассылаются «сложенки» (для Протектората) и цальскарты (для остальной Великогермании), посредством которых новые подписчики, еще не внесшие подписной платы, могут таковую послать этими переводными чеками, равно как читатели могут послать и добровольные пожертвования на поддержку издания «Казачьего Вестника», а члены-одиночки КНД — свои членские взносы.

УКРАЇНСЬКЕ ЗАПОРОЗЬКЕ КОЗАЦТВО — ідеологічний центр козацької традиції в Україні.

Минув рік як УЗК устійнило головні засади політичних і соціяльних положень до яких має бути спрямована праця всіх організованих сил Козацтва України.

З історичного минулого відомо, що по занепаду самостійности в Київських і Галицько-Волинських землях українська державність заховалась, розвинулась і набула експанзивности в степах і низах як Військо Запорозьке Низове. Воно підтрімало й повело стани України в боротьбу проти насиль пансько-олігархичної Польщі та воюючого католіцізму. З цієї боротьби повстає потома народня Козацька Держава — Річ Посполіта Українська.

Братні стосунки провадились і в напрямі Сходу; в координованій боротьбі проти татар і турків разом з Військом Донським Низовим. Донець в Січі мав всі права Запорожця, однаково і Запорожець на Дону.

В новітній добі дух козацтва а зосібна Запорожжя, через Т. Г. Шевченка, стає силою, що обновила прагнення Українського Народу до власної державности.

В інтенціях традиції засновано р. 1943 центр Українського Запорозького Козацтва який ширить козацьку традицію та працює в повнім контакті з національно свідомим козацтвом Сходу організованим в Козацькім Національнім Русі. Рівночасно звернено увагу на консолідацію всіх українсько-козацьких організацій вислідом чого є повний контакт з УНАКОР-ом — Українським Вільним Козацтвом.

ХРОНИКА

— Пражский генеральный консул Хорватской Республики вручил Руководителю Казачьего Национального Движения (КНД) инж. Г. Г. Глазкову собственноручное письмо Главы Хорватского государства д-ра Анте Павелича.

— По сообщению из Берлина центральными Германскими органами был признан Украинский Национальный Комитет, который имеет своим заданием представление и защиту украинских национальных интересов и объединение и организацию украинских сил для общей борьбы против большевизма.

На прошлой неделе Председатель Украинского Национального Комитета ген. Шандрук был принят имперским министром А. Розенбергом.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 1 РМ. за строчку. Объявления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Ромашко Мих. Никол. ст. Крыловской, разыскивает жену Склярову Елисавету, сестру Александру Николаевну Ромашко и племянника Якименко Ерофея ст. Величковской. Писать по адресу «Казачьего Вестника».

— Овсиенко Филипп, разыскивает сына Алексея Филипповича, ст. Курганской (Кубань), был в г. Ровно, служил в казачьих частях. Прошу сообщить о месте его пребывания по адресу:

Owsienko Filip, Weisenfels, Schutzenhaus (10).

— Короленко Сергей разыскивает брата Николая Даниловича, эмигранта с Кубани, г. Майкоп, 1920 года. Проживал одно время в Праге, где закончил Пражский университет в 1925 году. Знающих что либо о нем прошу написать по адресу газеты «Борьба», Вена, Fleischmarkt 3/5. Z. 173. и «Казачий Вестник» в Праге. Prag XII., Skretagasse 12.

— Агапов Ананий Егорович разыскивает дядю Филиппа Яковлевича Агапова, ст. Семикаракорской, хут. Слободского, эмигрировавшего в 1920 году. Писать по адресу:

A. B. S. Kosakenland-Nord-Ost Italien, über Reichsministeramt Kosakenstelle. Berlin S. O. 16. Rungestr. 21/25.

— Прилипко Василий, род. 1924 г., Запорожской области, разыскивает брата Александра, род. 1921 г. в селе Туркеновка, Гуляйпольского района. Писать:

Prilipko Wasil, Wupertal-Langerfeld. In der Fleute 143-a.

— Горбатов Яков Андреевич, ст. Кочетовской, Дон, ищет отца, казачьего офицера Горбатова Андрея Яковлевича, одно время проживал в Польше. Писать по адресу «Казачьего Вестника».

— Лейтенант Людоговский Георгий, разыскивает родственников: отца Николая Степановича и жену Елену Трофимовну, проживавших до 15 января 1945 г. в Лицманштадте в лагере Фольксдойчен. Сообщить письменно:

Leutnant Ludogowski Georg, Schwerin (Meklenburg), Reserve-Lazaret III (3).

— Маловик Николай разыскивает сына Николая. Писать:

Oberst Malowik, Kosaken-land Nord-Ost-Italien. Über Kosakenleitstelle Berlin SO 16, Rungestrasse 25/27 P. P. SO 28.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". —

Aufsichtsamt Nr. 25.

Ukrainski Muzeum, Praha Dusle II.
Gutenbergova ul. 6.

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE
КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК
КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 7 (90)
5 JAHRGANG
5 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 1-го АПРЕЛЯ 1945 г.
Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag XII., Skretagasse 12. Telephon 39595.

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

Можем и должны!..

(Наше казачье слово к народам Востока Европы).

В 1917—20 годы, в дни первой вооруженной борьбы против большевизма, каждый народ бывшей Российской Империи, борясь в той или иной мере против советской власти, стремился одновременно разрешить и свои вопросы, достичь и свои собственные цели. По разному эти народы напрягали свои силы в борьбе против большевизма. Это напряжение было неполным и разрозненным. Тогда война была проиграна, а наши народы очутились в ужасных, нечеловеческих условиях большевицкого произвола.

Все мы одинаково испытали на себе тяжелую и часто жестокую руку царей, душивших наше право и нашу свободу. Все мы почти одинаково боролись за свое будущее, когда быв. Российскую Империю охватил разбой и хаос. Каждый из наших народов поднялся тогда на борьбу за свое священное право самому распоряжаться своей исторической судьбой, каждый из них по мере своих сил, возможностей и способностей стремился к своей свободе, к своей государственной независимой жизни. Многие из этих народов, в том числе и Казачество, завершило это стремление созданием своей государственности. Однако, тяжелой для нас всех была эта борьба. Борясь против одного и того же противника за одни и те же самые национальные интересы, мы не согласовали и не объединили своей борьбы. Вот почему нас били большевики по частям и по порядку.

Одинаковый для всех нас был исход этой борьбы, ее судьба... Одинаково испытали на себе наши народы и самое тяжелое, самое жестокое насилие большевизма. Почти одинаковая участь наших народов и сейчас там, в СССР. Говорим почти одинаковая потому, что положение Казачества там самое наихудшее, самое кошмарное, ибо оно не имеет даже той видимости автономии, какую имеют некоторые из народов СССР. Гнет большевизма всей своей грубой тяжестью в первую очередь придушил свободолюбивое Казачество, первое ставшее на борьбу с этим злом человечества, и лишил его даже иллюзий своего народного казачьего права.

Почему все мы проиграли прошлую борьбу против большевизма? Если мы честно, смело оглянемся назад и вдумаемся в минувшие события, то со всей ясностью увидим, что не все в прошлом было использовано нашими вождями так, как того требовали обстановка и логика борьбы. Как будто все признали, что к революционно-освободительным событиям 1917 и последующих годов были плохо подготовлены не только народы быв. Российской Империи, но прежде всего вожди этих народов, несправившиеся с возложенными на них историей задачами и даже неуснившие себе эти задачи.

Однако, мы еще до сих пор не пришли к сознанию, что основной причиной нашего поражения в прошлом было отсутствие между нами согласия и солидарности в стремлении и согласованности в действиях. Проиграли мы, правда, по разным причинам — каждый по своим. Но были и причины для всех нас общие — мы в то время не смогли или не захотели создать общего союзного фронта, единого фронта против одного и того же для всех противника и в конечном счете за одинаковые для всех нас цели — за свободу, справедливость, самостоятельность.

Ныне, когда судьбоносная борьба против большевизма вступила в самый решающий и критический момент, обстановка повелительно диктует всем нам избежать повторения всех ошибок прошлого и настоящего и создать общий фронт борьбы за освобождение наших народов, за наши политические и государственные идеалы.

Сейчас перед всеми нами первый и самый жизненный вопрос: или в этой решающей борьбе выиграем все, или никто. Не может быть никаких иллюзий, что кто-то из нас может выиграть и в том случае, осли другой из нас проиграет. Никто ни на минуту не смеет забывать, что для нас всех, борящихся против большевизма народов, уготована одна участь, одна судьба, что все мы связаны узами или жизни или смерти.

Теперь как никогда со всей остротой стоит перед нами альтернатива: или опять позволить большевизму побить нас по частям, или — попробуем (и должны!) все вместе прежде всего выполнить основное требование для нашего общего успеха — сговориться и в самом ударном порядке создать все доступные нашим силам и возможностям предпосылки для выигрыша.

Для этого прежде всего устраним или же по крайней мере отложим все, что мешает нашему общему сговору. Оставим все спорное, второстепенное до того времени, когда вернемся домой, когда возвратим свои потерянные Края. Согласимся только теперь же, что решим мы их там потом мирными путями и средствами в соответствии с историческими и жизненными правами наших народов, в соответствии с правом и справедливостью.

Основной предпосылкой всего — искренность всех участников, причем искренность не только теоретическая, а главное практическая. Не ущемление прав одного народа другим, не обезличивание один другого, но взаимная гарантия успеха борьбы при соблюдении всех неотъемлемых особенностей каждого народа.

Залогом будущего существования самобытного Казачества для нас является не только многовековая история нашего народа, его героическая борьба за свою казачью жизнь, его несокрушимая воля и удивительная жизнеспособность, но и наше непреклонное стремление обеспечить ему достойное место под солнцем. Борьба Казачества против общего врага-большевизма — и понесенные в ней колоссальные жертвы дают нам полное право ставить этот вопрос во всей его широте.

Эта непрекращающаяся героическая борьба, которая происходит свыше 27 лет на глазах всего мира, узнавшего о непреклонной воле Казаков к своей свободе, и Германии, подтвердившей в своей декларации от 10. 11. 1943 года неотъемлемые права Казачества, является большим неоплаченным векселем, который также должен играть немалую роль в нашем праве на собственную казачью жизнь.

Сейчас же нашим общим стремлением является наш общий лозунг — выиграть, выиграть во что бы то ни стало. Поэтому нужно играть наверняка, наперед свести все риски проигрыша до минимума и довести все возможности выигрыша до максимума.

Все мы прежде всего должны разрешить общую и самую главную для каждого из нас задачу — победить проклятый большевизм и тем самым сделать сначала одно общее и для всех нас большое и главное дело. Мы должны твердо себе уяснить, что без разгрома и уничтожения большевизма не будет наших народов, ни их свободы и независимости, не будет и нас самих.

Только общий, согласованный путь к победе над большевизмом сулит всем нам желанный успех, только такой подход к делу борьбы даст нам возможность достичь и наши заветные стремления — освободить наши народы, стонущие под игом Сталина, и обеспечить им свободу и право на жизнь.

Перед лицом смертельной опасности история поставила перед нами разрешить самый роковой, жизненный вопрос: можем ли мы — все народы, борящиеся против большевизма, ближние и дальние соседи, порабощенные одним насилием, стонущие под одним и тем же игом, — можем ли мы честно и искренне сговориться между собой и принять совместные меры для отвращения и уничтожения этой опасности?

И логика, и история и сама жизнь говорит: можем и должны!

Военный обзор.

Оба грандиозные наступления, предпринятые большевиками и англо-американцами в первых месяцах этого года, имеют, вследствие ожесточенной германской обороны, одинаковую участь, не достигли при своих первых напорах намеченной цели, задержавшись раньше того, чем это ожидали неприятельские генеральные штабы. Большевицкое наступление имело своим заданием через Берлин проникнуть в сердце Германии, но было приостановлено на Одере, англо-американцам же не удалось в желаемой ими мере перейти течение Рейна.

Большевики вынуждены теперь опять подготавливать новое большое наступление. Это наблюдается в перегруппировке сил и подготовке ударных групп на линии Штетин-Горлиц и постоянной попыткой большевиков расширить свое предмостье у Кюстрина, равно как и стремлениями ликвидировать опасность, которая бы могла им угрожать с северного и южного крыла. Эти основные цели и предопределяли большевицкие операции в Померании и Верхней Силезии.

На восточном фронте в последние недели произошли большие изменения только в простое Померания-Западная Пруссия. Большие советские удары, предпринятые на северное немецкое крыло, заставили немецкое командование ликвидировать длинное померанское крыло. Непрерывная линия фронта здесь начинается теперь у Балтийского моря близи Дивенова, ведет Большим заливом и от дельты Одера возле Штетина проходит на юг по реке Одер и прежними областями, где не произошло изменений, навязывается на линию фронта в Верхней Силезии.

Далеко на восточном побережьи Балтийского моря находится немецкое предмостье Данцинг-Гдыня, против которого теперь сосредоточены удары 10 советских армий, и предмостья восточно-прусское и курляндское. Эти немецкие позиции отдалены от главной линии фронта приблизительно 300, 400 и 600 км и снабжаются по морю. Линия фронта тянется от Штетина до Дравы и ее можно разбить на три участка.

1. Северный участок — между Штетином и Горлиц — идет с севера на юг. На запад от его середины лежит Берлин, который нужно полагать за самую большую цель приготовляемого здесь советского наступления.

2. Средний участок — от Горлиц в общем юго-восточном направлении к словацким границам и дальше через среднюю Словакию. В середине этого участка находится верхняя Силезия. Здесь же находятся окруженные немецкие крепости Бреслау и Глогау. Центром тяжести наступательных советских акций в этом участке являются просторы Нейс-Нейштадт и Билиц, откуда большевики пытаются окружить моравско-остравский промышленный район и выйти в моравскую долину. На последней неделе здесь происходили большие, ожесточенные бои, во время которых большевики теряли ежедневно свыше 100 танков, не достигая при этом успеха.

3. Южный участок — между южной границей Словакии и рекой Дравой. На этом участке большевики, сосредоточив несколько десятков дивизий, пытались прорвать фронт между Платтензее и Дунаем, но были немецкими войсками отброшены на восток. В этом участке идут большие бои и южнее устья реки Грона.

В последние дни на западном фронте началась битва о нижнее течение Рейна. Там англо-американцы давно подготовляли свои действия. Одновременно они пытаются расширить свои предмостья у Ремагена и Опельтейма, где они недавно с помощью плавающих танков достигли небольшого предмостья на восточном берегу Рейна. Расширением этих предмостий англо-американцы стремятся достичь предпосылок для своих дальнейших военных действий.

Без сомнения, предстоящие недели будут самыми решающими в нынешних операциях. Естественно, что и Германское командование не было при этом бездеятельным и с своей стороны подготовило все, чтобы успех будущих военных событий был на стороне Германии.

Войсковой Атаман Терского Войска, М. А. Караулов.
Archiv „Der Kosakenbote".

К казачьей воинской доблести, к казачьему героизму нужно придать соответствующее казачье духовное оснащение, только тогда казак будет представлять полноценного и сознательного борца за свою собственную самобытную жизнь.

(В. Авилов, «К. В.» № 13 (70).

М. А. Караулов.

Двадцать восемь лет прошло с тех пор, как на станции Прохладная разнузданная банда красноармейцев убила первого выборного Атамана Терского Казачьего Войска Михаила Александровича Караулова и его верных сподвижников — полковника В. А. Караулова и одного из лучших офицеров Войска, хор. А. А. Белоусова.

Покойный М. А. происходил из казаков станицы Тарской, Сунженского отдела, Терского войска. По окончании средней школы поступил в Киевский университет, затем в Николаевское кавалерийское училище. Из училища он вышел в свой родной Сунженско-Владикавказский полк и, прослужив несколько лет, вышел на льготу. Тогда же он начал интересоваться публицистикой и изучением истории Терского Войска.

В 1910 году вышел его труд по истории Терского Войска, «Памятка Терского казака».

В это время Войско готовилось к выборам в Государственную Думу. Со свойственной себе энергией М. А. горячо принялся за выборную кампанию. На арбе, со стороказачьими «мышцами», он объехал все станицы своего Войска, знакомился с казаками и с их нуждами, дабы, явившись в Думе, быть подготовленным и всесторонне знакомым с чаяниями и нуждами казаков.

М. А. был небогат, его имущественный ценз не отвечал требованиям, выставляемым положениями депутату Государственной Думы. Один из богатых казаков Тарской станицы, П. А. Г. перевел все свое имущество на имя Караулова и таким образом, он оказался избранным на законном основании. После сессии Думы, М. А. едет добровольно на фронт и остается там до нового созыва Государственной Думы.

После отречения царя от престола, Караулов приехал в родное свое Войско и первый же Войсковой Круг избирает его Войсковым Атаманом.

Его первой реформой было обязательное обучение для всех казаков и казачек. По его инициативе были открыты во многих станицах Войсковые гимназии, а в каждой станице учреждены 4-х классные городские училища.

Много еще хорошого было в проэктах у первого выборного Терского Атамана, к сожалению, красная армия, из знаменитой 39-й советской пехотной дивизии, дезертировавшая с турецкого фронта, убила его на станции Прохладной.

М. А. Караулов погиб при исполнении своих обязанностей Атамана Терского Войска. Но память о нем, как о честном казаке, любящем свое родное Казачество и заботившимся о нем, сохранилась среди Терцев. Он был для них лучезарным проводником, ведущим к знаниям и труду, для самих же себя он учил ценить и любить свою Казачью Родину, призывал к сохранению своего казачьего лица.

Есаул В. Поночевный.

КАЗАКАМ.

Современная война является ярким показателем, что пространства (занятые территории) не играют роли в преодолении сопротивления противника и слома его сил. Техническое оружие позволяет создавать и комбинировать линии сопротивлений в любой точке боя, привлекая к ним или отвлекая от них противника.

Главною ролью сейчас служит сила духа человека, его сопротивляемось и его глубокое сознание за что он борется.

Это последнее и есть самое сильное оружие и у кого оно находится в руках, тот и является хозяином поля сражения, обладателем главных козырей борьбы и победителем в конечном счете.

Все прелюдии к этой борьбе уже подходят к концу — **предстоит розыгрыш генерального сражения и к этому моменту мы подходим.**

— Моменту, **когда решается быть или не быть культурному человечеству и в том числе нам казакам** или исчезнуть с лица земли, как исчезли многие народы на протяжении истории человечества.

Исчезновение этих народностей объясняется упадком их духа — их сопротивляемости и потерей жизненной энергии. У народа выдержавшего борьбу и достигшего победы благодаря крепости своего духа, после этого наступает быстрый расцвет жизненных сил, проявление энергии, материального и культурного благополучия и прогресс во всем.

Казаки! — в ваших руках участь ваша! У вас есть в большей мере то, чего нет у других народов. Тысячелетняя ваша история, начиная от легендарного казака Ильи Муромца и до последних дней свидетельствует, что вас не уничтожили только потому, что ваши предки, прадеды, деды и отцы оказывали сопротивление всем силам, какие пытались их сломить. Вас самих, Вашу силу и крепость, Ваш дух не могли сломить ни изгнание с Родной Земли, никакие большевицкие тюрьмы и пытки оставшихся, ни ссылки, ни поругания над вашей казачьей Родиной, вашей честью, вашей историей, вашими славными знаменами и истлением вашей семьи. Ничто не могло сломить вас! В вас только накоплялось то, что нужно для победы! Накоплялась сила духа, накоплялось презрение к своему врагу и его пособникам желающим вам — свободным и вольным снова надеть кандалы на руки и сгноить вас во «вшивой тюрьме народов» для того, чтобы из вас больше никого не осталось «ни на семя, ни на племя».

Мы ждали эту борьбу ибо мы хотим жить и да здравствует жизнь! — та светлая и без тюремных решеток, которую мы хотим создать после победы на Нашей Казачьей Земле!.. Но для этого мы должны прийти и сжаться в один кулак, сильный удар которого должны почувствовать наши враги.

Маленький Давид сломил Голиафа, ибо в нем кроме физической силы была еще сила духа — вера в себя, вера в свой успех. **В том, в ком это есть — с тем Бог!** Бог для нас невидимый, не ощущаемый, но на нас всегда созерцающий, за которым стоит сила Права и Правды, — которая в конце всегда торжествует.

Каждый день вы слышите все ближе и ближе раскаты грома, гул орудий и шум зловещих моторов над вашей головой. Рушатся дворцы, рушатся дома, рушатся хижины, рушатся подземелья, в которых ищет семья твоя спасения, от Адова Огня. Рушится все! — цивилизация, уважение к праву человека, рушатся законы соблюдения правил войны и убивать мирных стариков, жей и детей! Нет ничего святого у твоих врагов! И эти полчища грознее диких варваров, которых сдерживали предки твои грудью своей, пропитанные ядом ненависти ко всему, в ком теплится еще дух свободного и вольного — несут смерть!

Но каждый из вас стоит в отдельности и думает свою думу — думает о себе, думает о своей семье, думает о Казачьей Родине. Каждый из вас, как Медный Всадник застыл готовый ринутся на тех, кто угрожает ему — кто грозит его уничтожению...

Казак! В тебе льется горячая казачья кровь и здравый разум. Ты знаешь — **другого исхода нет, кроме борьбы!** Борьба за казачью волю, свободу, Родину и мирную жизнь твоей семьи! За славу наших предков и твою славу, какую тебе воздадут твои потомки!

Ты казак! — в этом все!.. Ты рыцарь, ты воин, ты хранитель заветов своих предков, ты строитель своей жизни — вольной, а не рабской!.. Ты тот, кто стоек и крепок, кто умеет защищать себя, свою семью, свою свободу!.. и свою Родину!.. Тебя, — которого уничтожали, бросали в тюрьмы, гноили там; тебя — чьей кровью поливали твои же родные поля и удобренную ею — твою же Землю отняли от тебя и вселили туда гадких пришельцев, которые издевались над тобой, издевались над тем, что ты потом и кровью добывая себе лишний кусок хлеба радушно им делился со всяким — тебе же еще оплевывали и называли «кулаком», «буржуем» и т. д., выгнали из твоей хаты, ограбили тебя и хамским сапогом топтали могилы твоих близких и родных, выбрасывая кресты, вытравливая ядом раздора твою душу, отнимали от тебя все, что было для тебя свято!..

В том — в ком бьется сердце атаманов казаков — Ермака Тимофеевича, Степана Разина, Булавина, Сагайдачного, Сидора Белого, Платова, Корнилова и сотни-сотни других славных наших рыцарей и воинов до самой последней минуты отстаивавших свои права, свою волю и свободу и освобождавшего от рабства других — теперь! Теперь иди и освобождай себя и своих братьев, от рабских оков! **Ты сам должен освобождать себя и устраивать свою жизнь, а никто другой!** Борясь плечо о плечо с сильными для тебя союзниками Германским Народом и с ним другими малых братьев борцов... Никогда больше не будет такого благоприятного случая иметь таких **сильных друзей,** которые также борются за свои права, как и ты!

— Каждый борется за свое! но единым фронтем и единой силой!

Если не сейчас, то больше **никогда!** ты не сможешь вырвать то, что было отнято от тебя! Если не сейчас, то больше никогда ты не сможешь **создать свою жизнь так, как ты хочешь!..** Если сейчас ты не сможешь защитить себя, — то у тебя никогда не будет хватать сил **сломить твоего врага!** Ты казак — ты силен! Против тебя десять врагов не устоит, ибо ты воин — а там банда сильно вооруженных грабителей, которые поддерживают друг друга в праве на грабеж! и в праве потом уничтожить народ, тебя самого и твою семью!.. Они больше не будут заковывать тебя в кандалы, как прежде — нет! они просто сотрут тебя с лица земли!

Но, против них тебе дается сейчас оружие в руки — самое сильное, самое последнее слово техники, с которым ты еще в десять раз можешь увеличить свою силу и создать ее грозной, с которой будет считаться твой враг и с которым ты, когда настанет время заключать мир — ты будешь иметь голос и получить право на свою жизнь, на все то, что у тебя было отнято и чего ты сам добиваешься — жить мирно и спокойно добывая трудом своим — хлеб свой.

Сейчас идет страшная, сильная и упорная борьба! Идет не на жизнь, а на смерть за право существовать!..

Но, нет! — ты верь в себя!.. Славный казак! — славно твое имя и славны дела твои! Ты, сотнями лет служил барьером, когда волны диких народов всеми свежими своими силами обрушивались на тебя и потом перевалив через груды твоих тел уже ослабленные наносили также удары на Западе стоящей Европы. Ты! ты казак своей грудью помогал создавать расцвет культуры и цивилизации на Западе, потому что, то что было у тебя, первые волны варваров сметали все на своем пути. Не твоя в том вина, что на твоей земле не могли создаваться храмы — храмы искусств и знаний человека, откуда, как из под наковальни кузнеца рассыпаются искры во все стороны — искры знаний, искры просветления человека, искры культуры и создания его материального благополучия. Но ты, — **ты казак, как страж стоящий на рубеже цивилизации на протяжении сотен веков отстаивал этот светоч науки — частицу Разума Божия!** И вот теперь, теперь, когда ты на заре своей новой жизни начал строить храм свой — прокатилась большевицкая орда по твоим землям и сметая все на своем пути — смела и тебя.

Теперь, становясь в ряды твоих теперешних союзников, ты казак так-же с честью носишь имя защитника цивилизации, ибо кроме того, что ты сам стал на защиту себя и Родины, ты впишешь славные новые страницы в казачью Историю, как хранитель высших человеческих идеалов, защитника ценностей и достояний культуры и потомки твои будут черпать сторицей из этих источников культуры как достойную дань за заслуги их отцов. Никто не посмеет отнять от тебя этого звания!..

Тебя всегда изображали с кнутом и нагайкой гонящим народы в рабство и тюрьму! Теперь народы Запада увидят, что это была ложь!!!... Мы, казаки, сейчас среди народов Европы и сейчас нас видят такими, какие мы есть! — Кнут и нагайка у наших врагов, а тюрьма это их дом, в который они загоняют всех — в том числе и нас. Это теперь все видят! А ты, — ты стоишь в своем рыцарском казачьем одеянии. Гордый и смелый, любящий волю, а не гнет! и помогающий другим народам в борьбе за светлые идеалы человечества.

Побеждает тот — в ком сохранилась идея национального духа и творчества, Право и сознание Борца и Любовь к своей Родине! а не тот, на знамени которого написано: «Растли! Угнетай! и Царствуй!..»

Сергей Чепурной.

ВЕСНА ИДЕТ...

Не радует меня грядущая весна
С надеждами, мечтами и цветами,
Когда моя родимая страна
Залита кровью, горькими слезами.
Чем ярче блеск, чем аромат сильней,
И гимн торжественней, ей посвященный,
Тем резче боль в груди моей,
Мучительней стук сердца беспокойный.
Своими чарами волшебницы прекрасной
Она бессильна путь изгнанья облегчить,
Ни крест над родиной моей несчастной
В мираж, преданье превратить...
Ни скрыть сожженных хуторов нарядом
пестрым...
Весна идет... но для чужих людей...
А я иду по камням оголенным, острым...
Чернеет крест над зеленью степей...

А. Ленивов.

Кровавые события в Яицком Войске в 1772 г.

Многое забыто казаками, многого не знают казаки, а еще больше сокрыто от казачьего взора стараниями официальных историков в области истории Казачества. Одним из малоизвестных событий является и волнение Яицких казаков в 1772 году, о чем мы и поведем речь.

Расстрел Яицкого Войскового Круга в 1766 году, произведенный драгунским полком по приказанию генерала Черепова, командующего войсками Оренбургского Края, открыл Яицким казакам глаза и они убедились, что искать справедливости не приходится у Военной Коллегии, которой было подчинено тогда Яицкое Войско. Действительно, Войсковой Атаман Бородин был отрешен от должности, и на его место был выбран другой Тамбовцев, но все старшины остались на своих местах и произвол продолжал господствовать в Яицком Войске. Недовольство казаков по адресу Войскового Атамана и старшин росло с каждым днем и Военная Коллегия начала опасаться восстания Яицких казаков.

Учитывая обстоятельства времени, Военная Коллегия командировала из Петербурга на Яик двух офицеров, генерала фон-Траубенберга и капитана Дурново, вменив последним в обязанность примирить казаков с старшинами, причем генерал фон-Траубенберг должен был защищать интересы старшин, а капитан Дурново — интересы казаков.

Казаки, однако, не желали слушать никаких посулов и обещаний, и требовали от капитана Дурново, чтобы он в Войсковом Кругу прочитал конфирмацию Военной Коллегии от 1765 года, согласно которой все старшины, осужденные за лихоимство и взяточничество, отрешались от занимаемых должностей. Семь долгих лет ожидали казаки этого и не дождались; старшины же, чувствуя свою силу, насмехались над казаками, и продолжали попрежнему издеваться... Капитан Дурново отверг все справедливые требования казаков, и потакал во всем старшинским претензиям.

Из состава депутации, посланной Яицкими казаками в Петербург, ходатайствовавшей перед Военной Коллегией о смещении осужденных старшин, возвратился тем временем в Яицкий городок сотник Кирпишников. Атаман Тамбовцев и старшины, узнав о приезде последнего, послали старшину Бородина и дьяка Суетина с командой арестовать сотника Кирпишникова. Жена последнего, заявив, что ее мужа нет дома, заперла двери, и не пускала пришедших, которые пытались разбить двери. Сбежавшиеся казаки пробовали уговорить старшин отказаться от мысли арестовать Кирпишникова, но старшины приказали карауду обнажить шашки и арестовать ряд казаков, которые были доставлены на аркане в канцелярию. Подобный произвол вызвал большое возбуждение среди казаков.

Казаки, собравшись в большом числе и обсудив создавшееся положение, составили и подали капитану Дурново жалобу на противозаконные действия старшин. Однако, капитан Дурново не внял этой просьбе, арестовал всех казаков, принесших ему жалобу.

Утром 13-го января 1772 года казаки, собравшись всем Войском в Круг, решили требовать отрешения осужденных старшин в самой категорической форме. сообразно чему командировали вновь особую депутацию к капитану Дурново. Последний отказал. Возмущенные казаки решили больше не ждать и, вооружившись кто чем попало (шашками, палками, топорами и т. д.), двинулись всем Войском к капитану Дурново. Последний послал донесение в Оренбург о том, что Яицкое Войско взбунтовалось, приготовив на месте драгунский полк и артиллерию для встречи казаков.

Казаки послали одного попа и казака Шигаева к генералу фон-Траубенбергу и капитану Дурново уведомить последних, что Яицкое Войско отнюдь не взбунтовалось, а просит лишь немедленно отрешить осужденных старшин. Капитан Дурново, отказываясь выполнить просьбу казаков, приказал им немедленно разойтись по домам, угрожая в противном случае расстрелять их из орудий. Казаки не испугались угрозы, тогда генерал фон-Траубенберг и капитан Дурново приказали стрелять из пушек. Но казаки не устрашились, а бросились прямо на орудия, которыми и овладели после короткой ожесточенной схватки, разбив наголову драгунский полк. Генерал фон-Траубенберг был изрублен казаками в буквальном смысле на куски, капитан Дурново тяжело ранен ударами дубин, сверх того до шестидесяти старшин и драгун погибло под ударами казачьих шашек.

На следующий день, собравшись на Войсковой Круг, казаки убили в Кругу дьяка Суетина. Подобным же образом казаки расправились и с старшинами и с представителями Военной Коллегии.

Не устрашились казаки и последующих репрессий чиновного Петербурга. Отслужив молебен в Кирсановской церкви Яицкого городка о даровании им победы над врагом, казаки выступили в мае 1772 года в поход против многотысячного отряда генерала Фрейманна, отправленного из Оренбурга для их усмирения. Но, судьба была жестока к казакам, они потерпели поражение...

Указом Яицкому Войску от 4 июня 1772 года Екатерина II окончательно уничтожила остатки казачьего самоуправления. «Сим Высочайше вам запрещается, до будущего Нашего указа, сходиться в Кругу по прежнему вашему обыкновению». Следующего разрешительного указа, однако, не последовало; наоборот, Екатерина II определила 4 марта 1773 года «Войсковой канцелярии и Войсковому Кругу, которые по Высочайшему Нашего Имперскаго Величества указу, уже отрешены, не быть навсегда»... После гибели Петра Тамбовцва, последнего выборного Атамана в Яицком Войске, последним стало управлять комендантское управление в Яицком городке, во главе с полковником армейской пехоты Симоновым.

Заканчивая настоящий краткий очерк, подчеркнем, что имеется еще очень большое число различных эпизодов и моментов из истории Казачества, которые или малоизвестны, или совсем неизвестны современным казакам. История — учительница жизни, учили древние римляне. Посоветуем же и казакам полнейшее просмотреть и подучить очень и очень многие страницы из казачьей истории, провести известную параллель между прошлым и настоящим Казачества, дабы попытаться обрести лучшую долю для многострадального, многотерпящего Казачества!

Теперь перед каждым казаком во всей широте поставлен вопрос не только существования родного ему Казачества, но вместе с тем и физического существования каждого отдельного казака вне зависимости его взглядов и убеждений, ибо всем ясно, что всех казаков ожидает один удел, уготована одна судьба, какую они сами себе завоюют, какую они сами себе отстоят в нынешней борьбе на стороне своего великого союзника — Германского Народа.

И. Бочаров.

Черноморская трагедия.

Двадцатьпятая годовщина страшной казачьей катастрофы на Черноморском побережьи. 25 лет тому назад так бессмысленно и беславно кончилась борьба Казачества за свой порог и угол, за свою историческую судьбу, — борьба, в которой казаки проявили столько жертвенности и беспримерного героизма, — борьба, так дорого стоившая и потребовавшая нечеловеческих напряжений всех моральных и материальных сил Казачьих Земель, взявшая столько казачьих жизней!..

Катастрофа весны 1920 года — начало нового крестного пути Казачества, начало новой борьбы за его освобождение... И если первый этап этой борьбы был проигран в 1920 году, надо, чтобы не был проигран этап второй. Казачество должно гарантировать свое будущее от возможности повторения того, больше чем печального, что однажды уже было, иначе — гибель ему!

Вот почему не только можно, но и должно всем нам оглянуться на недавнее прошлое и посмотреть правде в глаза. Следует хорошо разобраться во всех тех причинах, действиях и мероприятиях наших властей или бывших вождей, которые привели уже раз Казачество к катастрофе. Посмотреть, разобраться и не сделать или же не позволить сделать того же во второй раз. Иначе — гибель нам, казакам!

Мы понимаем, что прошедшие 25 лет нисколько не ослабили наших болей и не смягчили ужасных казачьих страданий, рожденных великой неудачей... Касаться больных мест, это значит — причинять иногда боль не меньшую... Но, в данном случае, «операция» нужна, неизбежно необходима, ибо она может способствовать нашему казачьему спасению и освобождению.

Ради будущего необходимо обернуться назад и посмотреть в прошлое. Там зачастую можно найти уроки и для настоящего. Настоящим же делается будущее, наше казачье будущее.

Сейчас особенно необходимо припомнить хотя бы немногое из того, что было 25 лет тому назад. Вспомним, какие силы играли какую роль, какие события и люди предопределили исход почти трехлетней вооруженной борьбы Казачества и привели его к ужасной трагедии на берегах Черного моря.

Самым большим внутренним врагом казачьего дела была путаница и противоречия на верхах казачьего управления и законодательства, иначе говоря, на верхах казачьей государственной власти. Казачьи законодательные органы Круг и Рада принимали законы самостийного духа и содержания, а исполнять эти законы ставились противники казачьей независимости.

Донской Круг, принимая определенно самостийную Конституцию, во главе Донской республики ставил резких противников самостийности. Кубанская Рада, принимая ясную симостийную программу, Атаманом выбирала определенного противника самостоятельного бытия Казачества. Такая двойственность и несозтательность не проходят даром. Раз самостийные Конституции, то и во главу исполнительной власти надо ставить прямых и логических защитников казачьего национального дела, иначе благодаря этому была ужасная неразбериха на верхах и разногласия в самых важных и существенных вопросах между представителями Казачества в законодательных органах и носителями исполнительной власти.

Невыгранность и неясность политического мышления, отсутствие четкого сознания национальных интересов Казачества приводило к тому, что на верхах казачьей государственной жизни играли большую и при том весьма вредную и гибельную роль чужие люди, ничего общего неимевшие с казаками и Казачеством.

Казачья катастрофа весной 1920 года произошла не только под давлением внешней большевицкой силы, но и не в меньшей мере и благодаря неудачной, не отвечающей казачьим интересам политики той части Казачества, которая тянула к реакции и возрождению прошлой жизни, сметенной революцией. Эта тяга была и гибелью. тогдашних надежд другой части Казачества, которая хотела всерьез возродить прежнюю свободную и независимую жизнь.

Много ошибок, много роковых и непростительных промахов было в прошлом. Поэтому нашей обязанностью — научиться не повторять их, не допустить также, чтобы и старые вожди не повторяли своих роковых ошибок, но заставить всех казаков подчинить все свои стремления и все свои начинания только одной воле, только одной цели — Казачьей Цели и служению своему Казачьему народу.

Нынешняя судьбоносная борьба повелительно требует от каждого казака ясного и точного сознания своей казачьей цели, своих казачьих стремлений, исключив при этом все то, что привело в прошлом к трагедии Казачества на Черном море.

Ф. Донсков.

Единство и сознательность.

Нынешнюю борьбу за свое освобождение Казачество сможет вести с расчетом на конечный успех только общими силами всех казаков, любящих Казачество и преданных ему.

Каждый из нас должен отчетливо сознавать, что разрозненными силами многого не сделаешь. Разрозненные силы бьют по частям. Чтобы и Казачество не было бито по частям, необходимо ясное и твердое политическое и военное руководство. Без него Казачество рискует не выиграть своей политической борьбы за освобождение, а как раз эта борьба и только она является центральным местом настоящего исторического момента. Исход этой борьбы решит дальнейшую судьбу Казачества.

Всем нам нужно учесть ошибки прошлого, вред нашей раздробленности, признать, что нас, казаков, разъединили не наши казачьи интересы или их различное понимание, а, главным образом, споры о чужих интересах, как это уже не раз было в нашей прошлой истории.

Наше же разъединение враги наши использовали для нашего же, казаков, поражения. Часто казаков при этом били казачьими же руками. Этого нельзя допустить и допускать в будущем.

Чтобы казачьи силы не были и впредь использованы против казачьих интересов, чтобы казачье дело не губилось казачьими же руками, надо всем казакам собраться во единый казачий круг и делать единое казачье дело. Мы не можем и не смеем позволить себе преступной роскоши разделения в роде разделения в 1918—19 г. г. Если раньше делило нас чужое, то теперь нужно сойтись на своем казачьем. И как только все отбросят чужое, а поставят перед собой свое, все мы сейчас же увидим, что драться и ссориться нам из-за своего нечего: ничто нас свое не делит.

Нам, казакам, особенно сейчас необходимо осознать свои национальные интересы, тогда за нас наши интересы не будут решать чужие, а мы сами.

Мы не должны забывать, что казаки были и являются прекрасным военным материалом, что они могли создавать непобедимую военную армию, но политически они были неискушены. И в прошлой войне прекрасная казачья боевая сила в борьбе вооруженной потерпела поражение в борьбе политической. Наше поражение в прошлом обусловилось сначала нашим политическим поражением. Победила политика.

Каждому казаку необходимо помнить, что вооруженная толпа не представляет большой вооруженной силы. Точно также толпа, хотя бы с одинаковым политическим настроением, не является большой политической силой. Поэтому необходимо нам создать не только крепкую вооруженную силу, но и политическую силу, которая бы могла противопоставить себя лживым идеям большевизма и быть носителем новой живительной национальной идеи, носителем своих казачьих чаяний и стремлений.

Только в таком случае казаки могут итти твердой поступью по своему историческому Казачьему Шляху, ведущему в родной Край, в далекие хутора .. станицы.

И. Васильев.

Борьба за свободу.

Народ, потерявший свою государственную самостоятельность, другими словами — право распоряжения своими судьбами сообразно своей воле и своему пониманию своих интересов, всячески стремится возвратить себе это высшее благо, пока в нем не угасла и хотя бы слабо теплится искра своей национальной особности. Народ, не потерявший своего национального лица, пока он национально и культурно не обезличен, до тех пор будет стремиться к своему освобождению, к своей государственной самостоятельности. Вот почему большевизм всемерно денационализирует и ассимилирует стремящиеся к свободе народы, применяя при этом самые драконовские меры.

Но и для народов, возвративших свою национальную свободу, долгое пребывание под большевицким владычеством не прошло бы бесследно. Все они в той или иной мере несли бы потом на себе влияние завоевателей. Это влияние сказывается и на языке, и на общественно-экономических отношениях, и даже на нравах и обычаях. Общеизвестно влияние татарского ига на великорусский народ. Балканские народы еще до настоящего времени носят на себе некоторые следы турецкого влияния. Наибольшему ассимилирующему влиянию подверглись ирландцы. Они потеряли свой язык и говорят теперь на языке своих завоевателей, они даже потеряли свое имя, но отстояли и сохранили свою народную душу. И, уступая напору малого ирландского народа в его борьбе за свое национальное освобождение и возрождение, могущественная Британия должна была в 1923 году признать свободное Ирландское государство.

Необходимо отметить, что и в практике большевицких завоеваний скорее и полнее всего денационализируются и ассимилируются высшие сословия и верхние слои подчиненного народа, т. е. те, основным источником существования или ролью которых было в той или иной мере участие в управлении своим народом. С потерей народом независимости бывшее «правящее сословие» тоже теряет свои функции и роль и становится перед дилеммой: либо перейти в стан поработителя и понимать все меры для подчинения ему своего народа, либо, если такое лицо располагает какими либо независимыми от поработителя источниками существования, смешаться в массе своего народа и приступить к ведению сельского хозяйства или заняться ремеслом, но на это последнее высшие сословия если и идут в рамках большевицкой системы иногда, то только в тех случаях, когда все остальное им недоступно.

Стремясь больше других к образованию и получая его в школах своего интернационального победителя, высшие сословия скорее подвергаются в национально-культурной обработке в духе и интересах своих новых властителей. Нередки поэтому случаи, когда такие правившие сословия побежденного народа совсем растворяются и даже теряют свое имя.

Источники же существования так называемых «низших» слоев народа, его хлеборобских масс и ремесленников гораздо менее уязвимы со стороны совласти. Кроме того, их национальное самосознание почти целиком сливается с инстинктом самосохранения, и они вне рамок своей национальной особности не представляют своего существования. Поэтому как раз эти слои народа проявляют наибольшую сопротивляемость всякому обезличиванию своего народа и в них именно обычно сохранены все необходимые элементы для сохранения и возрождения народа.

И Казачий Народ не составляет исключения из этого общего правила. Его в прошлом правящие слои как раз помогли своим усердием извести Вольное Казачество до положения служилого сословия. История Дона и Казачьей Украйны совершенно определенно говорит, что такую роль сыграла казачья старшина, казачье дворянство. Разумеется, что бывали и исключения. Но определенная часть, и довольно значительная, казачьего дворянства временами действовала явно на стороне казачьих масс. В целом же, как сословие, казачье дворянство (особенно после потери казачьей независимости) не за страх только доброхотствовала царям и старательно подтягивало под ярмо казачьи массы, предавая народные интересы своего Казачьего Народа.

Не удивительно, что оставшиеся еще в живых отрыски служилого и поместного дворянства из казаков еще сейчас тоскуют и долго еще будут тосковать о своих потерянных правах и преимуществах, «о добром старом времени», вот почему они, свои личные, материальные выгоды ставят выше интересов всего Казачества и всегда будут против идеи независимости Казачества, ибо в свободном Казачестве конец их мечте и окончательный гроб для их дворянских привилегий.

Вот это и есть главный корень того, что остатки сохранившейся еще казачьей старшины-дворянства настойчиво и упорно борятся против идей казачьего национализма, ставящего крест всем реакционным и поворотническим стремлениям вчерашних людей. Исключения из этого имеются, но значительная часть бывшего казачьего дворянства остается неизлечимой, заскорузлой и заплесневшей, боящейся вплотную подойти к реальной жизни современного Казачества.

Казачье дворянство, будучи наиболее образованным и культурным слоем среди Казачества, достаточно сильно влияло на другие слои, особенно же те, которые находились под его постоянным воздействием, внушая им и свою политическую идеологию, которая сводилась к служилому состоянию Казачества и его использованию для внешних и внутренних нужд правящего режима.

Но эта идеология была чужой, наносной и непонятной казачьей массе, которая лелеяла мечту о возрождении старой вольно-казачьей идеологии.

После отречения царя от престола и февральской революции эта идеология и стала инстинктивным, свободным выявлением народных казачьих масс, которые через свои древние державные установления Круги и Раду провозгласили и подтвердили неотъемлемое право Казачьего Народа на свою жизнь, свободу и независимость. За эти же самые идеалы борятся и теперь лучшие сыны Казачества, своим геройством и доблестью стремясь вырвать Казачью Родину из костлявых объятий большевизма.

Все Казачество отчетливо сознает, что переживаем в высшей степени ответственное время, когда необходимо проявить твердую и неуклонную волю к единению, к дружным и совместным усилиям всех сознательных сынов нашего Казачьего народа.

Коли ми переможемо — нас потім прославлять: додадуть нам ще чужої слави і піднесуть нас на щитах угору для всіх прийдешніх поколінь. Коли нас переможуть — нічого нам чекати ні тепер, ні потім — від нас і нашу славу відберуть, розтопчуть нашу честь і сміливість, заплюють нашу мету і наші очі. Можна або перемогти або вмерти. Мертвих може не здійметься рука ганьбити. Горе переможеним! Переможця ж судить тільки він сам! **Юрій Яновський («Чотири шаблі»).**

П. Поляков.

КАЗАЧИЙ ФЕЛЬЕТОН.

О СПАСИТЕЛЯХ ОТЕЧЕСТВА

В доброе старое время людям, можно сказать, никакого разворотy не было. Ежели вы, скажем, живете на хуторе «Вчерашние Щи», Усть Медведицкого Округа, так так до скончания века на этом хуторе и останетесь. Никуда и носу не покажете. И не будь великой и бескровной ничего бы мы, горемычные, не видали.

А произошла революция и разлезлись мы по всем Европам, как раки, весь свет повидали, много чудного нагляделись, от разных стран и городов с людьми погутарили, но одно можем сказать без запинки — сами мы этим Европам такие чудеса показали, что разлюли малина.

Жили казаки по разному. Кто как. Одного, например, встретил я в какой то балканской дыре, где, казалось, кроме полуподохлых турок, сроду никого и не было. Когда глядь — мелькает меж фесками кубанка с алым верхом. Подошел к нему, поздоровался по хорошему, да и спрашиваю:

— А что, вы, станичник, здесь делаете?

Развел он руками этак безнадежно, да и отвечает:

— А шо-ж его, бисова батька здесь делать... нахожусь!

Да. Одни «находились» только, а другие в мировую политику встревали и до геркулесовых столпов глупости доходили. По разным столицам собственные штабы имели и вообще карту мира перекраивали неоднократно. Много их. Ох, как много. Всех не перечесть и не перепоминать и сотне хороших попов. Но иные дела вспомнить и сейчас не грех. Не плохие дела. С фантазией.

Так, например, было это дело в Швейцарии. Сидели там два эмигранта и голову ломали. Один генерал, а другой полковник. И ломали они головы над тем, как же им дальше то быть. Не то что-б выпить, и опохмелится то не на что. А закурить хочешь, так иди по улицам окурки собирать. Положение такое хоть караул кричи.

А в то самое время англичане, или как их принято называть «просвещенные мореплаватели», на кавказскую нефть здорово зарились. Капиталы у них в ней вложены были. Те капиталы большевики приели, а друзьям своим кукиш показали. Вот эту то обстановку наши эмигрантские воители и оценили с точки стратегической. Дружки у них нашлись, связи они наладили к нефтяным королям, до прихожей дотолкались и там докладик подали — можем, говорят, на Кавказе восстание поднять и в лучшем виде вам, англичанам, ту самую нефть на блюде преподнести. Заинтересовались англичане здорово, да и спрашивают:

— Ну, а есть ли у вас с Кавказом связь и есть ли люди ваши там? Ежеле все есть, кредит завтра же. Миллион франков швейцарских.

Тут то наши вояки и забегали. Дня два всего помотались и приводят к англичанам человека.

— Вот вам, живой свидетель. Только что ходоком с Кавказа нашими сторонниками прислан. У него и письмо в полушубке зашито.

Начали тут англичане полушубок распарывать, а в нем, для правдоподобности, одних вшей кило насобирали. Распороли полушубок и письмецо нашли. Письмо на полотне вроде, как кровью писано. Самому тому генералу, что ходока привел адресовано. А написано в нем так:

«Батько наш, атаманэ наш. Иди до нас поскорея. Мы тута вже все по сорганизовали. По горах сидим и тебе, батько нас, дожидаемось? А сидить нас туточки тысяч до ста. Вси хотять воювать, свою свободу триматы, а англичанам нефть добуваты. С пачтением Сто тыщ повстанцев».

Понравилось это англичанам. Стали они ходока расспрашивать. Тот им как наговорил, так они враз за чековыми книжками в карманы полезли. И все бы это для родины нашей многострадальной хорошо кончилось. И генерал кредиты бы получил и опохмелился бы, и выпил, и штаб бы сорганизовал, да разве не встрянь в дело какой то горбоносый, должно из жидков он, сука, был. Начал он на того ходока попристальнее поглядывать, начал его поподробнее расспрашивать, полицию попросил о содействии и выяснил, что ходок то еще с 1918 года в Швейцарии пастухом служит, сам казак станицы Воровсколесской, а ходоком быть за бутылку водки согласился.

Вот какая оказия вышла. Пришлось ходоку немного в тюряге посидеть, а генералу с полковником спешно через границу в сопровождении архангелов в иные страны для прохлаждения чувств выехать.

Так тогда проклятые жиды и не дали им родину свою спасти. А ведь совсем было уж дело наклевывалось.

Обращаем внимание читателей на перемену нашего адреса, по которому надлежит посылать всю корреспонденцию.

Prag XII., Skretagasse 12.
Telefon 395-95

И. Безуглов.

Русский патриот о Казачестве.

Недавно мне снова пришлось перечитывать книгу известного русского журналиста, Бориса Суворина, бывш. редактора «Новое Время», изданную в 1922 году в Париже, под названием «За Родину».

Книга эта тем интересна, что автор ее особенное внимание уделил именно Казачеству, старается понять его жизнь, характер, традиции. Его подробный анализ интересен и потому, что является чуть ли не единственным, написанным не казаком о казаках. Как правило, почти все авторы мемуаров не казаки, огульно обвиняли Казачество в неудаче борьбы с большевизмом, не доискиваясь причин, которые оказались решающими в настроении Казачества.

Почти никто из них не интересовался внутренним содержанием Казачества и мне особенно приятно было видеть, что автор во многом правильно подходит к Казачеству и правильно характеризует его народные качества.

В виду того, что эта книга была мало распространена, считаю не лишним познакомить читателей казаков подробно с выводами автора и привести выдержки из его книги без изменения. (Стр. 28, 29, 30).

«Этот Народ-воин, живший по своему особенному укладу, по своим вольным законам, которые близорукое русское правительство любило ограничивать, — не мог поддаться так легко большевицкой и большевизирующей демагогии. У казаков была своя психология — казачья. Казак был всегда казаком, а не солдатом. Не редко было услышать от казака об офицере регулярной армии, как о солдатском офицере. Связь их дворянства с простым казачеством была гораздо сильнее, чем в остальной России. Несмотря на то, что военные обязанности лежали тяжелым гнетом на Казачестве «казак должен был являться одетым и с конем», целый ряд привилегий охранял его права. Революция закрепила эти права и сократила обязанности и Казачеству ничего привлекательного не могла обещать голодная демагогия большевизма.

Во главе этого Народа и стоял генерал Каледин. С успехами большевизма положение ген. Каледина стало особенно тяжелым. Молодые казаки, пробывшие три года на войне, рады были отдохнуть, но с другой стороны Казачество, всегда гордое и самостоятельное, не мирилось с мыслью, что они должны защищать Россию, когда русские солдаты бегут с фронта. Старое поколение, так наз. старики, не могли примириться с позицией занятой молодыми бойцами казаками и... началась трагедия Казачества». Далее автор продолжает: (стр. 144, 145, 146, 147, 148).

«Меня впервые жизнь сталкивала с Казачеством. Оно поразило меня своей простотой, начиная от генерала до простого казака, за которой скрывается какая то вековая хитрость и недоверие к неказаку. Как только разразилась революция, как только ее ужасное разложение коснулось армии, все стали надеяться на казаков. Как и старая монархия расчитывала на них, так и новая слабая демократия бросилась за помощью к военной буржуазии Казачества. Пошли так же и наши вожди, верившие в свободолюбивое Казачество. Надо сказать, что все ошиблись!

Старая пошатнувшаяся монархия не могла встретить настоящей поддержки в среде Казачества, которое не хотело исполнять роль полиции. Правительству Керенского удалось с помощью казаков подавить первое большевицкое восстание в июле 17 года, но как только казаки увидели, что они «средство» власти, что их вновь хотят держать на положении полиции, они покинули этого фигляра и вторая попытка Керенского найти поддержку у казаков провалилась.

Ген. Алексеев говорил о нервности, о «мозолях» Казачества:

«Знаете, говорил он, когда говоришь с казаками, вечно боишься наступить на какую-то казачью мозоль, обойти их трудно, потому что эти мозоли везде». Это чисто восточное свойство Казачество не могло забыть. Цари еще могли ими править, и то Степан Разин был казак, Булавин — казак, Пугачев — казак, но другим русским они неохотно отдавали власть над собой.

С одной стороны это были люди, проникнутые дисциплиной, с другой стороны малопонятное представление не о свободе, а о «вольнице» казачьей, т. е. свободе исключительно казачьей и больше ничьей. Им нужно было, этим здоровым физически, и крепким в своих устоях, иметь «своего» человека, нужно было к а з а к а.

Чернецов, Краснянский всё это поняли. За Корниловым-казаком, казаки было пошли, он как будто отвечал всем требованиям. Сам казак, человек из народа, демократ в хорошем смысле этого слова и вождь, всюду действующий примером.

Но вместе с тем, при громадном обаянии его имени и он не имел успеха при мобилизациях. Этому н а р о д у нужно было что-то свое, или действительно большие вольности, за которыми стоит такая сила, как русская. Будь эта сила в руках Алексеева и Корнилова, Казачество пошло бы за ними. Такой силы не было и Казачество, в силу своей традиционной недоверчивости к русским «из России», уже не могло им довериться.

Известная аффектизация в казачьих речах необходима, и такие ораторы как Митрофан Богаевский и ген. Краснов умело использовали свой талант. В их речах были легенды, сказки, подвиги и песни, на что особенно падко Казачество.

Казачьи законодательные собрания не раз заканчивались пением прекрасных казачьих песен и хороший оратор на Дону, Кубани и Тереке хорошо сделает, если сумеет пройтись лезгинкой или казачком.

Это может быть и заключается в демократизме настоящего казака, в его связи от генерала до рядового, в их своей простоте и в особом аристократизме для прочих «из России». Вот поэтому и главари движения в Казачестве особые. Я видел казачьих министров, они были всегда, за очень редкими исключениями, очень гордыми и иногда с «неказаками» заносчивыми. Это была их смесь демократизма с аристократизмом. Бюрократами они быть не научились.

К нам, к русским, казаки относились, в среднем, довольно хорошо, но мы все время оставались «чужими».

Вот слова Бориса Суворина о Казачестве. Очевидно ген. Деникин был менее проницателен, чем Алексеев и Суворин и поэтому не обращал внимания на казачьи «мозоли», а в результате проиграл всю борьбу с большевизмом. Если бы это касалось только лишь Деникина, то Бог с ним, но главная тяжесть поражения пала опять таки на казачью голову.

Было бы своевременно всем желающим совместно бороться против большевизма внимательно прочесть книгу Бориса Суворина и сделать соответствующие выводы.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

Почти возле самой хаты их нагнала Евдокия. На ней была одета плисовая шуба с рыжим лисьим воротником и персидская цветная шаль — подарок Степана. Она долго торчала у станичного крыльца и, в конце концов, добилась таки возможности переговорить с Веревкиным. От него Евдокия узнала, что у атамана будет обыск, его арестуют и всех куркулей тоже засадят в тигулевку, что товарищ Свирко останется в станице ночевать и будет обедать у Безпаловых, а завтра будет раздел Мазаевской экономии и у них заведутся коровы, лошади, свиньи, а главное собственная земля. Этими новостями она спешила поделиться с мужем и от жары и сильной ходьбы полное лицо ее раскраснелось словно маков цвет.

— Ух, жарко, насилу догнала! — с трудом проговорила она, здороваясь с Остриковым.

— Чего-ж так спешили, кума? —

— Да вас догоняла, аж упрела, мочиньки моей нету...

— Что случилось? — одновременно спросили оба.

— Ничего не случилось, только хотелось с вами на радостях покалякать.

— На каких радостях? Что мы на фронт уезжаем? — недоуменно спросил Степан, влюбленно посматривая на красивую жену, черные глаза которой блистали неподдельным счастьем.

— Куды-на фронт? — не понимая в чем дело переспросила она, смотря то на Степана, то на Павла, — не навоевались поди?

— На фронт, кума, против белогвардейцев... Свободу защищать. Без нас, видно, не справятся.

— А коли?

— Да вот зараз уберемся, да и в путь дороженьку.

Нельзя сказать, чтобы подобное сообщение опечалило Евдокию. Пожалуй, она была рада, что в этот момент Степана не будет дома, ей удобнее встречаться с учителем и оказывать на него давление в исполнении злых замыслов, намеченных ею в отношении своих станичных врагов. Но для видимости она сделала кислое лицо и по бабской привычке заохала; запричитала:

— Да как же так, Степочка, на кого-ж ты меня бросишь несчастную?.. Опять я сиротинкой останусь? Не житье мне здесь одинешенькой, заедят мне свекор со свекровью, хоть в омут с головой бросайся. Всем радость да счастье выпало, дождались желанной «слободушки», а они волком смотрят... Хошь к тятеньке иди, пускай сами с хозяйством управляются...

Не любил Степан бабьи жалобы и слезы, и в сердцах прикрикнул на нее:

— Ну, пошла... Не век в отлучке буду... Ишь рассопливилась...

Евдокия машинально вынула платок и приложила его к носу.

Мимо проскакал конный красногвардеец, выкрикивая на всю улицу, чтобы все, у кого есть лошади, пароконными подводами выезжали бы на площадь к начальнику отряда.

— А для чего подводы? —

— Новых красногвардейцев отправлять!

Степан и Евдокия быстро пошли к хате.

Старики сидели за столом — обедали.

Ефим Еременко — отец Степана — рано ушел с митинга. Не понравилась ему оголтелая толпа с диким воем и криками, не приглянулся глаз старого казака видеть разнонаправленную толпу, луцкающую семячки и плюющуюся безцеремонно во все стороны; то-ли дело было раньше, когда приезжало начальство, все знали свои места, все было чинно-благородно, начальник не лезя на стол, не кричал, а проходил по рядам, торжественно здоровался, говорил с седобородыми стариками о станичных делах, шутил с казачками, любовался казачьей джигитовкой, в которой проявляется удаль, лихость, молодечество казачье. Потом почетный обед, «здравицы» за Войско, за начальство, песни, музыка, лезгинка... Все перевернулось, не те времена пошли... Приехал какой то начальник с китайцами, — это в станицу-то казачью? — и ну наводить свои порядки... Тьфу, ты, пропасть! Глаза бы этого сраму не видели! Старуха одобрительно качала головой, доедая беззубым ртом из глиняной чашки каймак, и заботливо подкладывая мужу куски пирога к свежему вареву. Сама она по болезни почти ничего не ела и питалась только жидкой кашицей и молоком.

Степан снял шапку, повесил ее на колышок около двери, и сел за стол.

Отец строго посмотрел на него и, не менее строго, заметил:

— Хоть бы лоб-то перекрестил, совсем антихристом стал! Тьфу ты, пропасть, сказился парень.

Степан невольно посмотрел на иконы, перед которыми уютно по праздничному горела лампадка, и ничуть не смущаясь замечанием отца, ответил:

— Вы, папаша, все по старому живете, а мы новую жизнь начинаем...

— Посмотрим, что за новая жизнь будет, эти изверги вас до добра не доведут.

— Кто это изверги, тятенька, мы што-ли? — невыдержала Евдокия.

— Известно не мы! — огрызнулся старик.

Степан, не желая ссориться с отцом, обратился к матери:

— Мамаша, соберите мне харчей, я на войну уезжаю.

— На какую войну? — удивилась она.

— Под Екатеринодар... Кадеты наступают, на старый режим хотят перевернуть все... Пойдем свободу защищать...

— Защитники! — презрительно проворчал старик, — что-б вам пусто было. Под мужичью дудку плясать захотели!..

— А вы, папаша, лошадей запрягайте, приказано выезжать пароконными подводами, что-бы фронтовиков везти.

— Так я и поехал... держи карман шире.

— Мишка поедет, а не вы, папаша.

— Мишка уже уехал, он не такой шелапутный, как ты!.. Настоящий казак вырос.

— А на чем он уехал? — полюбопытствовал Степан, не спрашивая отца, куда уехал младший брат, так как слышал утром, что молодые казаки пошли в горы с сотником Ревой.

— На «Красавчике».

— А кто ему дал «Красавчика?» — запальчиво спросил Степан.

— Я дал! — строго ответил отец.

— Так ведь мой же конь то?

— Был твой, пока ты служил в полку на нем, а теперь Мишка хай послужит. Тебе в Екатеринодаре дадут коня... — иронически добавил старик.

Степан воздержался от пререканий с родителем, сухо простился и вышел из хаты. Евдокия повисла у него на руке, и, вытирая платком слезы, говорила:

— Степочка, я не буду жить дома, уйду к тятеньке. Разе это жисть будет, одних попреков наслушаешься до сыта... В степи работать нада, а с кем? Мишки нету-ти, опять одной в ярмо влезать?

— Потерпи малость, вернусь — в свою хату перейдем. — утешал Степан плачущую жену.

— Коли ты возвернешься?.. Невмоготу стало, моченьки моей больше нету-ти.

— И у тятеньки нужно будет работать?

— Работы я не боюсь, сам знаешь, зато от тятеньки попрека не услышишь. Завтра наши то землю получат и худобу с мазаевской экономии... Своим хозяйством заживут. И я возьму на нашу долю.

Их догнал Павел Остриков и все вместе зашли к Безпаловым.

(Продолжение следует).

Инж. В. Б.

Из экономического очерка Казачьих Земель.

Зерновые культуры.

Среди вывозных хлебов на втором месте стоит ячмень. 71% его грузов шло в порты, 20% распределялось по рынкам внутри Казачьих Земель и 9% вывозилось сухим путем.

Подводя итог картине реализации урожая зерновых культур мы констатируем большую связанность с рынком этой отрасли нашего земледелия, исключительное значение рынков, лежащих вне пределов Казачьих Земель и сильное тяготение к рынкам заморским в частности. Исчисляя вывоз 1914 года в 237,000.000 пудов зерна и переводя его на курс денежный того времени, Сирин оценивает стоимость хлебного экспорта Казачьих Земель в 200 миллионов золотых рублей. Сумма огромная! Но получало ли народное хозяйство Казачьих Земель всю возможную выгоду и прибыль от описанной отрасли земледелия? К сожалению мы принуждены ответить — нет. Мы отклонились бы слишком в сторону, если бы стали детально описывать все дефекты и несовершенства постановки у нас данного дела. Поэтому упоминаем бегло только о том, что дает базис для совершенной реализации урожая и, что является гранью соприкосновения земледельца с рынком — об оборудовании наших Земель зернохранилищами и элеваторами.

В итоге значительного увеличения числа зернохранилищ и элеваторов за годы войны, в 1917 году, емкость всех видов складочных помещений для хлеба, принадлежащих Владикавказской, юго-восточным и Екатерининской железным дорогам 25.538 т. п.

К этому надо прибавить зернохранилища Государственного Банка. Таковые в числе 4 были только в Донской области — Миллеровское, Обливское, Таловское, Урюпинское. Первые 2 вмещали до 600.000 пудов, 2 вторые по 500.000 пудов, т. е. в сумме 3,2 мил. пудов. За годы войны сильно возросло и число зернохранилищ кооперативных, однако сведения о них имеются лишь за 1910 год: 6 в Донской области с вместимостью в 47.000 пуд., 7 в Кубанской — 80,5 т. п., 4 в Терской — 150.000 пуд., 2 в Ставропольской — 30.000 пуд. В сумме, таким образом последние вмещали около 307.000 пудов. Оборудование зернохранилищ довершалось частными складами по линиям железных дорог. В Донской области с общей вместимостью в 12,4 мил. пудов, пристанским элеватором там же на 800.000 пудов и хлебными складами и элеваторами Новороссийска на 16,1 мил. пудов.

Складывая все эти цифры, получим общую вместимость зернохранилищ Казачьих Земель кругло в 84 миллиона пудов. При урожаях, доходивших до 650 мил. пудов и вывозе зерна превосходившем 200 мил. пудов, эти цифры ничтожны. Всякие сравнения с западными странами здесь служили бы лишь горькими упреками для нас. Отсутствие должного оборудования причиняло в сумме огромные убытки, заставляя продавать зерно земледельцев далеко не тогда, когда это было выгодно, а оптовиков-экспертов торопиться со сбором давивших масс хлеба, не имея возможности в должной мере считаться с мировой коньюктурой.

Невозможность показать товар лицом и вывозить только отпущенный на элеваторах хлеб, довершали эту картину, которая давала в свое время Менделееву основание, называть земледелие «хозяйством рабов», благодаря абсолютной неорганизованности землевладельцев и рабской их зависимости от торгашей и рынка. Только должная организация зернового хозяйства сама по себе и в области соприкосновения с рынком принесет Казачьим Землям всю ту выгоду, для извлечения которой у них имеются все данные. Впрочем вопрос о том, будет ли зерновое хозяйство и в будущем иметь решающее значение в народно-хозяйственной жизни всех наших Земель, оспорим. Мы, например, склонны думать, что если на северо-востоке зерновые культуры и сохранят на очень долгое время свое решающее значение, то на юго-востоке в будущем возможно превалирование более выгодных интенсивных культур подсолнечника, табаку и т. д.

ХРОНИКА

— В первой половине марта месяца сего года в Праге пребывал особоуполномоченный Главнокомандующего вооруженными силами Комитета освобождения народов России ген. А. А. Власова пполковник А. Е. Карпов, который имел две беседы с Руководителем Казачьего Национального Движения (КНД) инж. В. Г. Глазковым о возможности общей работы в борьбе против большевизма. При разговорах присутствовали заместители Руководителя П. С. Поляков, И. И. Безуглов и председатель военной комиссии КНД полк. С. М. Макеев.

— 16 марта с. г. заместители Руководителя КНД были гостями Кураториума воспитания чешской молодежи.

— 21 марта с. г. представители Чешской молодежи посетили главный штаб КНД и были приняты Руководителем КНД инж. В. Г. Глазковым, который ознакомил их о прошлой и настоящей борьбе Казачьего Народа против большевизма.

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 1 РМ. за строчку. Объявления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— К л е в у е в Николай разыскивает своего брата Василия Петровича Клевуева. Писать на «Каз. Вестник».

— Разыскиваю братьев моего мужа Владимира Ивановича, Федора и Анатолия Кудрявцевых. Рожд. в деревне Дергачи Харьковской губернии. Адрес:

Neuhaus (Mähren) (11b) S A Strasse N. 689 II. w. 9 Albertine Preil.

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". — Aufsichtsamt Nr. 25.

Ukrainski Museum, Praha, Nusle II.
Lubomir Sejnost U.L. 6. Zaleska 17
Kniet

КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК

DER KOSAKENBOTE

КОЗАЦЬКИЙ ВІСНИК

КАЗАЧИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОРГАН

№ 8 (91)

5 JAHRGANG

5 ГОД ИЗДАНИЯ

ПРАГА, 15-го АПРЕЛЯ 1945 г.

Preis 20 Pfg. Цена 2 К.

«КАЗАЧИЙ ВЕСТНИК» выходит 1-го и 15-го каждого месяца.

—

Редакция и администрация: „Der Kosakenbote" Prag XII., Skretagasse 12. Telephon 39595.

—

Непринятые рукописи не возвращаются и в переписку по поводу их редакция не вступает. Гонорар не платится.

П. Поляков.

Современное положение Казаков и Казачества.

По обыкновению своему, веками утвержденному, стойко, храбро и непоколебимо бьются казаки на полях сражений.

По старой, веками освященной традиции, дают они в боях головы, не считая их и не жалея, но для славы казачьей неустанно работая.

По неписанному закону, в столетиях установившемуся, верно идут они до конца задуманного предприятия, не размышляя над тем, стоит-ли полученное в конце войны той крови, которая ими, казаками, пролита.

И сегодня, оглянувшись назад, считая от первых дней нашей борьбы, хотим мы подвести итоги и сами себе дать отчет в том, чего же достигло Казачество, какую цену от Господа Праведного получило оно за море алой крови своей.

Выйдя заграницу с Атаманами, Кругами и Радой, Казачество имело в руках все данные для того, чтобы в большом свете занять достойное место в семье европейских народов.

Преступной деятельностью именовавших себя казачьими Атаманами зарубежное Казачество потеряло все возможности, которые у него были и вместо того, чтобы сплоченным и организованным встретить нахлынувшие, как самум, события, вместо того, чтобы бороться за свои, казачьи идеалы и цели, встретило войну разрозненным, разбитым по чужим лагерям и оказалось неспособным твердо и определенно сказать о своем верую.

Да и не имело зарубежное Казачество своего верую. Одни из его бывших вождей талдычили ему о том, что политикой казаку заниматься не следует, что политика вредна для Казачества, что выработка собственного мировоззрения не нужна и излишня. Говорили это они казакам, конечно, исключительно в целях своекорыстных, с наперед задуманным, по-жидовски хитрому расчету: в нужный момент не отдающую себе ни в чем отчета казачью массу повести туда, куда их личные интересы это найдут за самое для них, водителей, полезное.

Другие всячески старались привить казакам взгляды Казачеству чуждые, вредные и наносные. Тянули казаков и к вымиравшим великим князьям и к американскому президенту и просто к неожиданно появившимся временщикам, лишь бы самим оказаться водителями этой ничего не понимающей массы, готовой хорошо сражаться, но не для себя, а для них, на Казачестве зарабатывающих.

В не менее тяжелом положении оказалось и Казачество «подсоветское». Раскулаченное и расказаченное, обескровленное и обезглавленное, оно сумело лишь физически сохраниться в неизмеримо малом числе и встретило наступившие события совершенно неподготовленное политически, имея для предстоящей ему борьбы только один козырь — лютую ненависть к своим поработителям.

И зарубежные выхолощенные водители, которые всемерно стремились к реставрации «единой неделимой» и царского режима, и «сталинская ласка», дали поразительно сильные результаты. Не сумев в казаках выстравить дух народный, душевно они одинаково успешно опустошили казачью массу и вступила та масса в войну против большевизма ни к чему не готовая, вслепую идя лишь за инстинктом самосохранения, а не за здоровой национальной идеей, все освещающей и все объясняющей.

Смело и беззаветно вступило Казачество на страшную дорогу смерти, далеко неполностью отдавая себе отчет в том, за какие же идеалы оно борется, за чем идет и что ему, как целому, в конце борьбы будет нужно.

В этом отношении и зарубежное и «подсоветское» Казачество оказались равноценными. И еще одна общая беда оказалась у казаков — ни у одних ни у других не было политической четко выработанной мысли, не было идеи водительницы, не было твердо намеченных путей, нет главного, что нужно в борьбе за право на жизнь.

Мы слишком хорошо знаем, что значит для народа война без ясно намеченных целей, борьба, в течении которой спешно и наобум меняются политические линии, и для нас не звучит убедительно хитро придуманная фраза о дележе шкуры неубитого медно их гнали на немецкие пулеметы. Пленные ведя. Каждый уважающий себя охотник наперед великолепно знает, что он сделает со шкурой медведя, когда он его убьет. Он уверен в себе, и рука его тогда не даст промаха. Диллетант же, боящийся подумать о том, что он сделает завтра, подобен божьей старушке, боящейся сглазу, и не на такого парня расчитывать тем, кто не живет только сегодняшним днем, а судьбу своего народа расценивает и готовит далеко заглядывая в будущее. Нужно наперед все взвесить, всё знать, подумать о каждой мелочи, хорошо знать свое поведение в будущем и, твердо загнав патрон в дуло винтовки, спокойно итти в дело.

Во что бы то ни стало всем нам необходимо точно уяснить все ошибки борьбы против большевизма в прошлом и в корне отбросить неправильные рецепты. По таким рецептам боролись мы в гражданскую войну и с треском провалились на первом экзамене, поставленном Казачеству Историей. Ибо не терпит история на лице земли народов, не знающих для чего живут они на свете.

Для того, чтобы сделать прямые и логические выводы, чтобы окончательно уяснить себе куда же мы идем, мы должны всесторонне рассмотреть свой казачий вопрос, оценить всякий самый мелкий факт полностью, ничего не упустить из вида и все вещи поставить на их места. В данном случае не должно быть места сантиментам, ни чрезмерному вниманию к тем, кто не только этого внимания не заслуживает, но скорее повинен отвечать перед народным судом Казачества за все поступки, против его интересов с заранее обдуманным намерением учиненные.

Вот как обстоит дело внутри Казачества, вот положение, в котором мы находимся по сей день, вот главная вина тех, кто ответственен за судьбы Казачества.

Ничем крепко не спаянные, без идеи водительницы, без ясно учтенных целей борьбы мы и завтра, как сегодня, можем оказаться лишь оружием в совет. руках, лишь средством для людей, на нас готовых сделать свою личную карьеру и неспособных вести идеологическую и активную борьбу против большевизма за освобождением Казачества.

Нашу борьбу с большевизмом, наше народное рыцарство, наш непоколебимый дух оценила лишь Германия Адольфа Гитлера. В декларации своей от 10. 11. 1943 года она ясно и определенно сказала, что думает о нас, казаках, и сказала это хорошо и полностью.

Права народа, знающего себе цену, народа, умеющего бороться за свои идеалы, были за нами признаны, а наши водители не сумели использовать то, что гарантировано нам нашим доблестным союзником.

Если Казачество хочет сохранится как нечто ценное и цельное, как нечто, что позднее сможет вложить свою долю в общую сокровищницу человеческой культуры, первым делом должно оно стряхнуть с себя всех единонеделимцев, которые рассматривают его лишь как касту вояк, способных воевать ради войны, но необходимо к казачьей воинской доблести, к казачьему героизму придать соответствующее казачье духовное оснащение, ибо только тогда казак будет представлять полноценного и сознательного борца за свою собственную самобытную жизнь.

Выработка ясной политической программы, ясная постановка целей на будущее, вот то, что необходимо нам на день завтрашний.

Кровь, пролитая Казачеством в антибольшевицкой борьбе, — вот наше оправдание перед целым светом, — вот наш вексель, который мы предъявим на выплату.

Декларация Германского Правительства — наша исходная точка для будущего устройства нашей жизни, основанной на старом казачьем обыкновении.

Ярый враг Казачества жидо-большевизм уничтожит нас физически в случае своей победы, а продажный дух расказаченных водителей продаст нас первому встречному за чечевичную похлебку.

Это нужно учесть, это должно быть нам ясно, из этого должны мы исходить, думая о грядущих судьбах Казачества.

С твердой и непоколебимой верой мы, казаки, ведем и будем вести свою священную борьбу против большевизма за освобождение своих казачьих куреней, станиц и хуторов, за освобождение нашей казачьей Родины.

Верим мы, что праведен Бог Казачий, что не допустит Он гибели нашего народа.

Слава Казачеству!

... Спрашивается, был ли Дон государством или провинцией Московского государства? На этот вопрос нужно ответить: безусловно на Дону существовала своя собственная государственная власть, и с 1549 по 1721 год Дон был государством, а не провинцией. Государственная власть на Дону имела источником народную волю... Суверенная власть принадлежала общему народному собранию, носившему название «Круга» или «Войскового Круга»...

(Сватиков, «Россия и Дон», стр. 33.)

Казачья джигитовка.

Archiv „Der Kosakenbote".

Сергей Егоров.

О свободе и собственности.

Историческая борьба, которую ведет Казачество вместе с национал-социалистической Германией против большевизма, приближается к третьей стадии — к наступательным действиям Освободительных Армий и уничтожению большевизма.

Открытие национал-социалистической идеи принадлежит Фюреру Германии Адольфу Гитлеру. Эта идея имеет целью достижение на земле справедливости и уничтожение всеобщего зла — эксплуатации в самых разнообразных формах и видах, которая отражается на жизни каждого человека и часто отнимает у людей самую жизнь.

Национал-социалистическая идея базируется на вере в Бога и беспрерывном культурном развитии человечества. Как основу духовного и материального бытия человека на земле, его семейной, национальной и общественной жизни, эта идея принимает биологический закон природы человека — закон собственности и свободы. Эта идея признает национальную власть и частную собственность наравне с общественной и личной собственностью, чем гарантируется свобода народа, свобода личности и устранение эксплуатации человека человеком, т. е. социализм.

Но вокруг этой правильной идеи враги ее — марксисты во всех странах мира сплели свою подлую сеть извращений, инсинуаций и лжи. Эта идея, примененная в каждой стране по своему, призвана уничтожить на земле зло, которое существует испокон веков в результате некультурности людей, думающих, что они уже познали все и забывших Бога. В то-же время человечество в целом, в аспекте будущей истории, находится сейчас лишь в стадии детства и потому до сих пор еще у различных народов не разрешены основные вопросы национального и общественного устройства, откуда и происходят войны и революции. Больше того, в прошлом веке все зло нашло себе «научное» обоснование в марксизме, который создал невиданную в истории эксплуатацию и теперь хочет захлестнуть своей клоакой сначала Европу, а затем весь мир.

Понимая это жиды-марксисты, по своей природе хитрые и подлые, с первых-же дней возникновения национал-социалистической идеи, на все лады прикладывают к ней свою руку. Всем известна та пропаганда, которую ведет внешний враг заграницей, но то, что делается внутренним врагом людям неизвестно. Здесь-же враги, ратуя якобы за эту идею, по существу всю силу ее, заключающуюся в свободном самоопределении народов, в собственности, которой может свободно владеть и распоряжаться каждый человек, сводят на-нет и пр. и т. п. Этим они очень хитро, якобы руками немцев, восстанавливают другие народы против германского народа.

Это самый опасный вид борьбы, который ведут марксисты с нашей идеей. Открытого врага мы видим и можем его в честном бою победить, но скрытый враг это дело совсем другое. Если-бы не было таких скрытых врагов, то германский народ со своей первоклассной Армией уничтожил-бы марксизм еще в 1942 году. Причем этого ни в коем случае нельзя скрывать, т. к. это было-бы на руку только тем-же врагам. Наоборот, весь народ должен знать как внешнего, так и, в особенности, внутреннего врага и тогда, вооруженный правильной идеей, он победит!

Всюду развешанные плакаты «pst» касаются только военной тайны и тайны именно от этих врагов и их агентов. Что-же касается борьбы с этими врагами, то она действенной может быть только явно. Носители добра должны говорить об этом в полную силу своего голоса, борясь за свою свободу, за свободу своего народа.

Каждый народ ведет борьбу, всегда вел и может вести ее только за свою свободу, за освобождение Родины. Что может быть священнее этой борьбы? Ничто не может сравниться с нею! Все мы знаем это, чувствуем это и живем этим потому, что мы это и есть Родина, в каждом из нас живет частица родины, нашего многомиллионного и многострадального народа. Принцип свободы людей настолько общепризнан, что его большевикам пришлось записать даже в сталинскую конституцию, но от этого наша Родина и народы, населяющие СССР свободнее не стали.

Что-же такое свобода в глубоком смысле этого слова? Если проанализировать это понятие всесторонне, то можно видеть, что свобода это есть собственность в самых разнообразных формах и видах, которую мы можем видеть вокруг себя. Вот почему чело-

век стремится к свободе и к собственности. Вот почему тот, кто владеет собственностью, тот владеет и свободой. Больше того, владея собственностью он может отнимать собственность и, значит, свободу у других людей. Так, прямым или косвенным путем, как счастливая жизнь, так и эксплуатация всегда происходят через собственность. Но многие марксисты в собственности, как это было известно и до Маркса, видят лишь одну плохую ее сторону и путем национализации собственности, пытаются достичь социализма, что совершенно невозможно.

Каждый человек стремится **иметь свободу-собственность** и готов за нее победить в бою или умереть потому, что закон собственности-свободы заложен в природе человека **биологически**. Причем, поскольку собственность есть свобода и свобода есть собственность, то **этот закон является единым и основным законом природы человека.**

Этот закон нарушен марксизмом, который национализирует собственность, якобы для того, чтобы устранить эксплуатацию. Но поскольку при этом люди лишаются своей основы — законной собственности-свободы, то эксплуатация не только не устраняется, а, наоборот, удесятеряется, как это имеет место в СССР.

Для устранения эксплуатации власть будет у каждого народа подконтрольной, своей — национальной, а не «интернациональной» по форме и еврейской по существу, как это проводит марксизм под видом жестокой «диктатуры пролетариата».

Эксплуатация человека происходит посредством собственности лицами, сословиями и нациями, привиллегированными собственниками и власть имущими, которые лишают собственности-свободы других людей. Поэтому эксплуатация устраняется лишь при собственности-свободе и национал-социалистической власти, когда личная и частная собственность находятся **только** под контролем, а общественная собственность и под руководством власти, общественности, трудящихся и экономической науки, чтобы, во-первых, устранить войны и направлять нации и общество к прогрессу культуры и, во-вторых, чтобы с максимально-возможной точностью устанавливать факт, где собственность законная и где незаконная, присвоенная каким-либо путем.

Законной собственностью может распоряжаться **только** хозяин собственности. Что-же касается незаконной собственности, присвоенной вольно или невольно, то таковая будет отдаваться ее законным хозяевам и, если последних нельзя установить, то — передаваться государству для всей нации. Эксплуатация, как уголовное преступление, будет караться по закону и суду.

Эксплуатация устраняется лишь тогда, когда собственность попадает в руки законного хозяина. При этом интересы каждого человека, его лучшие интересы, направленные к прогрессу культуры, удовлетворяются по его способностям и по труду. А, если удовлетворяются законные интересы каждого человека, то это значит удовлетворяются интересы каждой нации и общества в целом. Таким образом, устраняются войны и революции и осуществляется социализм: **от каждого по способностям — каждому по труду.**

Прогресс культуры во всех областях жизни возможен только у свободных народов при сочетании личной, частной и общественной собственности, когда каждая из них совершенствуясь посредством здоровой конкуренции, помогает нам осваивать все новые производительные силы природы.

Из закона собственности-свободы вытекают самые лучшие семейные, общественные и государственные, писанные и неписанные законы. Известно, как такие законы в жизни людей свято исполняются, какой сплоченности, честности и добродетели становятся люди. Как укрепляется религия, семья и нация. Как поднимается мораль и развивается культура. И, наоборот, законы, нарушающие принцип свободы-собственности, всегда нарушались и нарушаются, хотя бы за это карали смертной казнью. При этом люди становятся во всем беспринципными и жестокими.

После войны, когда добро победит зло, закон собственности-свободы будет положен в основу каждой конституции, каждого народа. Это метод общественной и семейной жизни. Это метод построения государственных систем, который все люди должны изучить и руководствоваться им во всех своих делах, не прибегая к десяткам томов «философского учения» вроде Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и тогда на земле наступит долгожданный мир.

В СССР нет свободы вообще и, в частности, свободы вероисповеданий потому, что нет частной собственности и власть там находится в руках евреев, которые сначала уничтожили православное духовенство, а теперь одели в рясы жидов и их наемников. Церкви там открыты, а коминтерн «закрыт» временно, чтобы новым обманом создать на фронте патриотический подъем, чтобы обмануть своих союзников. Но народы понимают это и не хотят большевиков.

СССР — это война, ибо его идея — распоряжаться чужой собственностью, чужой личностью и потому он не может допустить мира. **Как луна не может превратиться в солнце или диавол в Ангела-Хранителя, так и марксизм не может быть социализмом.**

Марксизм, обманувши народы в собственности-свободе, дал этим народам непосильную борьбу за жизнь. Борьба идет и днем и ночью, под непрерывно сменяющимися лозунгами, ибо их лживое действие на сознание людей не может быть длительным. Интернациональные или национальные. Антирелигиозные или религиозные. То против родины, то за родину и т. д. и т. п.

Сейчас можно видеть, как враги, ожидающие большевиков, уже празднуют победу, но они просчитались. Была первая стадия войны, была и вторая стадия, а теперь начинается третья стадия войны, еще более молниеносная, чем первая. Каково-бы ни было сейчас положение на фронте, какие-бы ни были временные успехи у большевиков, но марксизм должен быть уничтожен и будет уничтожен. Добро раньше или позже, но все равно восторжествует.

Закон свободы-собственности побеждал во всех исторических событиях — всегда и всюду. Он сделал все революции и освободительные войны и он-же сделает мир. Его можно назвать вечным мотором, вечным двигателем, в котором человеческая воля, человеческая энергия является вечной движущей силой. Это биологический закон, который создает побуждения. Он определяет и направляет действия людей.

Закон собственности-свободы уничтожит марксизм! Национал-социализм победит в третьей стадии второй мировой войны! С Божьей помощью Добро восторжествует!

М. Лактинов.

Людоеды.

(По магистратским архивам).

Это было в Наполеоновское отступление. В Моравии, около Брюнна (Брно), в деревушке стояла казачья сотня. Рослый есаул с угловатыми манерами, с широкой окладистой бородой и мягкими карими глазами, сидел задумчивый в каменной хате, опустошенной самими хозяевами. Славянская земля неприветно приняла восточных сородичей, о которых бежавшие французы рассказывали чудеса и ужасы.

Кучерявый рыжий хоперец расседлал коней, подложил корма и пошел добывать еды себе и командиру. Долго ходил казак по деревне, но, кроме черного хлеба, ничего не нашел.

— Нету-ти, вашскородь!.. Как есть начисто хранцуз подмел. Поди, должна и овца и птица водиться, потому поля хорошие. Хлева большие, скот был, а вот ничего и нет. По стерню видать урожай хороший, а овса ни зерна не найдешь. Чево хранцуз забрал, а более сами хозяева упрятали. Покедова до ентой Парижи дойдем, по коню обдерем. Вишь как шерсть-то у вашскородия запрокинулась.

— Ты говори, Митрич, да не заговаривайся, а то как бы я тебе шпатинку не вкрутил. Ишь, у его высокородия шерсть запрокинулась! Кони наши и вправду дюже плохи, а бороду-то я во-как расчесал, да и голову припомадил. Мораванки-то глякося, как под окнами забегали. Горе — мало язык знаю, а то полна хата была бы их тут. Моргнул я одной — отвернулась. Брешет, только притворяется строгою. В Польше тоже так бывало. Там потоньше этот народ. А утром встанешь раненько к любопытству, ан тут тебе за стодолами такие прощанья идут, будто век любились.

— Бабы, дескать бы сказать, и здесь, вашскородь, при всех обстоятельствах: в грудях хороши и тут во-какие...

Семячкин руками показал, каких размеров мораванки.

— Есть чем прикрыться. Только я заметил, не очено они к нашему брату женскую ласковость имеют: больше все изподлобья, али в землю глаза пущают. Хранцуз их, видишь ли, дюже казаками припужал.

Вроде мы — людоеды. Нас-то покедова Господь хранил, человечьего мяса не ели, а он, басурман, москвичей поджаривал. Ну, нехай, перед Богом он в ответе и за людоедство, и за клевету на нас. А что мы ему спуску не даем — на то и война, — они нас, а мы их. Нам Бог помог, вот наша и берет.

— Соловья баснями, Митрич, не кормят, я есть хочу.

— Миром, вашскородь, не выходит, надо людоедством вызволять.

— Ты это о чем?

Казак вышел в другую комнату, не ответив командиру.

— Глянь, баба! Командир исть хоча, — гам-гам...

Женщины догадались, что страшный человек требует еды — хлеба и мяса.

— Дай хлеба да млека, не дашь — децко варить буду. Печь затоплю... вон печь — поняла? Розумишь? Затоплю печь и твово хлопца варить начну.

Семячкин показал на черноволосого ребенка, сладко спавшего на руках матери.

Вошел есаул и потрепал по плечу дрожащую мать.

— Понимаю, мамаша, твой страх, но сейчас ты еще больше затрясешься и в испуге освободишься от этого нелепого ужаса. Дайка мне твоего жирненького словачка, я его пояньчу.

Испуганная мать отвернулась от страшного человека и дала грудь проснувшемуся десятимесячному ребенку. Мальчик взглянул на бороду и уткнулся к матери. Есаул позвонил крошечным серебряным колокольчиком. Любопытство поборола страх. Чмокнули мокрые от молока губки и черненькие глазки жадно впились в ярко золоченый предмет.

Ребенок потянулся за интересными игрушками. Офицер из кармана достал играющий резьбой серебряный бокальчик и постучал им о колокольчик. Ребенок стал ловить блестящие и звенящие предметы.

— Нет, брат, не дам, пока не приворожу. Иди ко мне, пухляк, тогда получишь!

Словачек забыл страшную бороду и пошел на руки.

— Я твоего словака понесу к себе в гости. Мать и другие женщины заволновались.

Сидевшая безмолвно и безучастно седая старуха вдруг решительно встала с кровати и пошла за есаулом; но он уже успел заложить дверь на защелку. Старуха приникла к замочной скважине. Мать металась по комнате.

Есаул раскрыл переметные сумы, достал оттуда сладости и все, что было яркого, — охотничий рожок в серебряной оправе, трубку в золоте, золотые часы, и разложил все это по бурке на кровати. Ребенок заигрался. Но скоро устал от наплыва чувст и стал дремать. А бородатая нянька взяла его на руки и ласково баюкала, ходя по комнате. Ребенок спал. Есаул сел на кровать, любовно встматривался в спящее личико малютки и что-то говорил.

Старуха не поняла слов чужака, но чувствовала в них ласку и слышала нежное имя Ваня.

Воин вспомнил оставленного сынишку, его такие же черные глазки и пухлые ручонки и поцеловал голову ребенка. От прикосновения жестких усов малютка вздрогнул.

Чувство тоски и скорби по покинутой семье и наслаждение нежностью чужого дитяти растрогали воина. Старуха видела, как страшный человек заходил по комнате и плакал. Женщины поочередно наблюдали в скважину трогательную картину.

За хатой послышался конский топот.

Конный ординарец выскочил из седла перед окном командира.

Есаул торопливо отложил дверь и передал спящего младенца обрадованной матери.

— Возьми! Не съел, но насладился. Поняла?

— Вашскородь, от походного атамана летучка, — доложил вошедший казак.

— Хорошо. А что слыхать по пути?

— Хранцуза нигде не видать. Наши войска в Кракове, Праге и Пильзене гуляют. Почет им и слава большие. Офицеры нарасхват у панянок и нашему брату лахва: пива хоть залейся, молока, яиц, сала вдосталь. Вишь, у меня харю-то как разнесло! И песню уже успели сложить про панянок.

— А у нас тут голодовка. Скоро вечер, а я только сухарик с водицей погрыз, и овса лошадям нету. А какая же песня?

— Да мигулинский казак Цыпкин этим делом занимается, так вот он и приложил:

Уж ты, панна, ты, панна,
Паняночка моя!
Проявилася паняночка
У нас на селе,
У нас во селе, во широком дворе.
Не одна пришла, — со милым дружком,
Со милым дружком — с донским казаком.

Сложил-то он ее в Польше, но она и тут кстати пришлась — плясовая... А что голодно, в том не сумлевайтесь, вашскородье... За сутки они пообыкнут, а там пойдет и жареное, и вареное. Помните в Польше как было? И вино окажется. Я вам тут рыбинку привез, да окорока кусок. Подруга у меня такая завелась — грахская кухварка. И грахвам-то небось меньше попадает, чем мне, — как кабана на убой откармливает. Старовата малость, ну да ничего — на чужой сторонке нечего разбираться...

Казак принес большой кусок осетрового балыка, ветчины и жареной сазанины.

— Да вот масла комок; гляди с голодухи и это пойдет. Наш брат так его не уважает.

Командир дочитал длинное распоряжение.

— Ах, вашскородь, совсем из ума выжил! Наш управляющий прислал вам сливянки и велел, ежели пожелаете, в имении стать. Вот и записка от него смотрителю замка. Теперь, гуторят, по Европии новая резолюция пошла. Спервоначалу народ к Наполеону клонился, а когда мы его сбили на Смоленскую дорогу, да через Березину переправили, так все супротив злодея идут. Мне в сотню коли прикажете ехать?

— Да погостюй денька два, коня подкормишь, а потом и с Богом. Я напишу твоему командиру. А завтра вечером приходи: господа офицеры будут, вахмистр и взводные урядники. Сливянку-то надо вместе откушать и балычком полакомиться.

Весть о мягкости страшных людей быстро облетела соседние деревни, а староста отписал в магистрат подробный отчет о том, как казацкий «плуковник» няньчил ребенка и плакал над ним.

На другой день хозяйки достали всякой живности: и молоко, и сало, и сыр, и яйца. Какой-то еврей предложил барана за деньги и старого венгерского. Воины хорошо провели вечер, а успокоенные селяне отлично спали под смешанной охраной сельских дозоров из стариков и казаков. Девушки возвратились из заранее заготовленных землянок в лесу, где они спасались «от казацких зверств».

Из соседних деревень приходили смотреть казацкого «плуковника».

II.

В третий вечер Семячкин вошел к есаулу с лукавым видом.

— Ты чево, Митрич, мнешься, сказывай, что на уме?

— Надысь, вашскородь, вы насчет мораванок антирес имели... Я тут приговорил одну. К такому, грит, доброму пану можно пойтить время разделить. Барышня ничево: чернявая, краски в лице много и посредственно гладкая.*) Но чтобы все было в акурате, дозвольте припомнить, что вы на отъезде обещаньицу Марье Ильинишне давали, чтобы, дескать, за всю компанью насчет женского полу ни-ни. А я, значит, побожился Тихим Доном, что соблюду вашскородие, покедова в живых нахожусь. Так вот я и пытаю теперь — к какой статье будем подгонять обстоятельства, — будем сдерживать слово, али начнем губить супружество? На звратном пути Марья Ильинишна разрешила тебе грех допустить. Потому тогда нет опаски от пули свинцовой и рукопашной схватки.

Казак улыбнулся.

— Скажи, хитрость-то бабья какая, — кто же это будет зачинать грешить, когда домой возвертаешься? Тонкость-то ума вон какая — все наперед видит! Коли, мол, греха против супружества не поимеет, гляди Господь и охранит от пули али от руки злодейской. А домой-то идучи сама совесть соблюдет брачную верность.

Есаул на минутку задумался.

— Так что же велишь девке-то сказать? — спросил Митрич, опуская глаза. — Подлукавил я малость, — сама она назвалась, а не я ее подговаривал.

— Скажи, что командир, мол, прихворнул и гостей не примает...

Казак вздохнул. От гордости-ли благородных чувств, или от напрасно затраченных хлопот — трудно судить нам с вами, читатель.

P. S. Позвольте засвидетельствовать, что старая история случалась и в самые новые времена. Подобное было и с нами в мировую войну, верст на пятьдесят южнее Двинска. Население запугали казачьими зверствами. Но пугали не французы и не немцы, а наши пехотные и кавалерийские части.

— Вот погодите, придут казаки, так они не токмо еду и фураж, а и девок заберут, а из детей шашлык будут делать.

В шашлык не поверили, а девок в лес упрятали.

Мой вахмистр в первый же вечер раздраженно докладывал:

— Ни одной молодой женщины в деревне нет, — все по лесам разбежались: солдаты казаками запугали. Нешто можно так лгать на своих.

Результат получился неожиданный. Женщины через два дня возвратились, а позднее в штаб корпуса поступали просьбы от помещиков и старост — не переводить казаков и не ставить на их место пехоту и кавалерию. Такие документы историк найдет в больших и малых штабах.

*) Жирная.

СТВОРЕННЯ УКРАЇНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО КОМІТЕТУ

В доповнення до замітки надрукованої в Козацькому Віснику ч. 89 повідомляємо, що на основі порозуміння провідних угруповань українського громадянства, яке перебуває тепер у Німеччині та в союзних з нею державах, повстав дня 17 березня ц. р. Український Національний Комітет.

Український Національний Комітет є виразником прагнень українського народу до створення Української Національної Суверенної Держави. Український Національний Комітет являється на терені Німеччини єдиним заступником державно-творчих стремлінь українського народу та представником правних, духовних і матеріяльних інтересів тої його частини, що в боротьбі з ворогом за визволення України опинилася поза її межами.

У своїй роботі Український Національний Комітет буде співпрацювати з Національними Комітетами інших поневолених большевизмом народів, які борються так само, як і Український Нарід за свою самостійність і вільне життя.

Очолює Український Національний Комітет Генерального Штабу генерал-хорунжий Павло Шандрук. В склад Президії Українського Національного Комітету ввійшли: як Заступники Голови — проф. д-р Володимир Михайлович Кубійович і адвокат Олександер Платонович Семененко та дипл. інж. Петро Павлович Терещенко, як в. о. генерального секретаря.

Президія Українського Національного Комітету, у повному складі, рішенням з дня 17 березня 1945 року призначила Генерального штабу генерал-хорунжого Павла Шандрука Командуючим Українською Національною Армією. Вже почалася організаційна праця на військовому секторі.

Обращаем внимание читателей на перемену нашего адреса, по которому надлежит посылать всю корреспонденцию.

Prag XII., Skretagasse 12.
Telefon 395-95

Инж. Д. Еременко.

Об одной из встречь на фро нте.

— Мне доложили, что привели группу в тридцать человек пленных красных «казаков», — рассказывает полковник Ф., — естественно, после этого сообщения я тотчас же отправился к этим пленным: сам казак я радовался встрече с казаками. Приближаясь к красным бойцам, еще час назад защитникам «отца народов» — Джугашвили, я бегло осматриваю их внешность. Одеты кто в серые русские шинели, кто в ватянные поддевки и штаны, а некоторые были почему то только в серых гимнастерках без шинелей. На ногах у некоторых сапоги, у других ботинки, при чем несколько человек были обуты в сапоги с деревянной подошвой и с голенищами с бараньей шерстью во внутрь. Большинство имело на голове шапки с ушами, иные пилотки, два были с непокрытыми головами.

— Внимательно приглядываюсь к лицам, пытаюсь прежде всего найти между ними казачьи типы, — продолжает полковник, — к сожалению, таковых не нахожу. Все это круглолицые, со вздернутыми носами ребята. Вид у всех истощенный, придавленный и запуганный. Лица не бритые, землянисто-серые и долго не мытые. Общий вид их свидетельствовал о том, что они долго и бесменно пребывали в сырых и грязных окопах под дождем и в холоде. Были между ними солдаты средних лет, старики седоголовые и совсем безусые мальчики.

— Казаки? — спрашиваю их, говорит полковник, подойдя вплотную. — Ответом было гробовое молчание.

— Откуда будешь? — спрашиваю наиближе от меня стоящего.

— С Тарнополя, я поляк.

— Вот тебе и на — казак называется: думаю себе, — говорит полковник и спрашивает следующего: — Ну а ты откуда? Казак или тоже не казак? Как попал в «казачью» часть?

— Я родом с Минска, не казак, после ухода немцев большевики меня мобилизовали и послали вместе с другими мобилизованными пасть военных лошадей вблизи Минска. Это продолжалось несколько месяцев, потом однажды приказали нам погрузить лошадей в поданные вагоны. Нагруженные эшалоны направили в неизвестном направлении. Путешествие наше продолжалось более месяца. Наконец, очутились мы в Венгрии, где лошадей сгрузили и передали в четвертый кубанский корпус. Солдат, которые ухаживали за лошадьми вместо того, чтобы послать обратно, как предполагали все, посадили тоже на лошадей и послали в бой, обращению с оружием пришлось обучаться на практике т. е. будучи на позиции.

— Гаспадын охфыцер, разрэши мнэ, этат нычаво нэ понымает, — слышу голос с задних рядов пленных, говорит полковник, — подымаю голову и вижу как проталкивается вперед солдат армянского типа. А-а, думаю, этот, вероятно, жил ближе к казакам и расскажет быть может что-либо интересное о жизни в казачьих краях.

— Подзываю его ближе к себе и начинаю распрашивать. Он оказался действительно армянином, из Баку. Словом, был человеком, живущим ближе к казакам, нежели остальные пленные. Был призван в красную армию и назначен в четвертый кубанский корпус. Так этот корпус был назван только потому, что формировался на Кубани. Природных казаков, за исключением единиц, в нем не было. Выучка состава проводилась на скорую руку, поверхностно. Ввиду плохой подготовки солдат к боевой жизни корпус нес колоссальные потери, в эскадронах было не больше нежели по двадцать человек, в некоторых даже по десяти человек. Пополнения приходили со всех концов Советского Союза и были весьма неоднородные. От войны все ужасно устали, ее конца все ждут с нетерпением; нет ни у кого больше желания драться за большевиков и их вождя Сталина, так как каждый красный солдат собственными глазами увидел, что заграницей живут далеко лучше нежели дома, каждый из них убедился в том, что советская власть их нагло обманывала. Все солдаты очень рады, что попали в плен, теперь у них появилась надежда попасть в конце концов на родину, иначе не было абсолютно никакой надежды остаться в живых, так как коммунисты беспрерывно их гнали на немецкие пулеметы.

Держава як „машина“ терору.

Розвиток і організація душогубного режиму в Советському Союзі.

Першими днями після перемоги большевизму в Петербурзі розстріляно понад п'ятсот, а в Москві — понад дві тисячі людей. Коли почала свою криваву роботу «Чрезвичайная Комісія» (з чого повстала пізніше скорочена назва «Чека»), то ці цифри стали зростати наче лавина. Смольний інститут у Петербурзі став першою головною квартирою цієї організації, а поляк Фолікс Дзержинський — її першим керівником. «Моя воля, — сказав він одного разу, — вся в тому, щоб бути безжалісним, щоб як вірний вартовий собака шматувати ворога».

Справжнього числа жертв Чека ніколи не можна буде встановити. У всякому разі протягом перших п'ятьох років, як це стверджують офіційні дані й підсумки, зроблені протибольшевицькими групами та організаціями, через катівні та смертні льохи цього інституту смертної кари пройшло не меньше як 1.860.000 людей, з них 28 єпископів, близько 1200 священиків, понад 6000 учителів і професорів, 54.000 офіцерів, 260.000 салдатів, 105.000 офіцерів поліції, 48.000 жандармів, 12.800 урядовців, 355.000 інших інтелігентів, 192.000 робітників і 815.000 селян. За вірогідними обрахунками самих тільки духовних осіб панівний режим у Советському Союзі замордував досі 48 єпископів, 37.000 священиків і понад 8000 черниць та черниць.

В 1922 році Чека перейменовано на «Государственное Политическое Управление», скорочена назва — ГПУ. Вже в 1923 році цю організацію розширено в «Об'єдиненное государственное политическое управление», — скорочено — ОГПУ. Цілком зрозуміло, що ці організації з такими ніби невинними назвами мали ту саму систему підглядання, моду і терору, що й Чека. В 1934 році ця організація розпливлася в «Наркомвнудел» — новозаснованому народньому комісаріяті внутрішніх справ. Кремезні, незугарні, вдягнені в шкіряні куртки чекісти перших часів революції перетворилися на добре оплачуваних урядовців, що звикли добре вдягатися, брали участь у дипломатичних прийняттях і коли треба — виявляли зовсім культурну товариську поведінку. Цілком ясно, що це буржуазне маскування служило їм тільки для приховання своїх планів та щоб зокрема за кордоном приспати чуйність своїх жертв.

З допомогою добре продуманої адміністраційної системи колишне ГПУ вмонтовано в большевицький державний апарат. Наркомат внутрішніх справ належить до совету народніх комісарів Советського Союзу і Сталін, як генеральний секретар коммуністичної партії, підпорядкував його партійний централі. А що йому підлягає не тільки «зберігання державної безпеки», але й будова каналів, шляхів і гідростанцій, а також управління заксів, він володіє широко розгалуженою контрольною системою, що охоплює всі ділянки державного життя. Найважливіший відділ «Наркомвнуделу» (комісаріяту внутрішніх справ), скорочено званого НКВД, це є «Гугобез» або «головне управління державної безпеки», яке виконує поліційну й таємно розвідчу службу НКВД. Зимою 1941 року це головне управління піднесено до рангу народнього комісаріяту державної безпеки. Цей комісаріят має між іншим такі відділи: окремий відділ для політичної інформації, таємний політичний відділ для нагляду над агентами ГПУ, відділ для боротьби з контр-революцією, оперативний відділ для ревізій по домах і смертних вироків, закордонний відділ для шпигунства й контролі над советськими представниками за кордоном, та крім того для нагляду й розкладання антибольшевицьких організацій за кордоном, інформаційний відділ для поштової, пресової і літературної цензури, а також транспортний і господарський відділ для нагляду над господарським життям та для господарського шпіонажу. Крім того ця організація охоплює ще: по одному головному управлінню для робітничого осадництва, концентраційних таборів, прикордонної охорони й міліції, далі інженерний відділ і окремий відділ для висилань і заслань до таборів примусової праці.

Ніде в світі немає такої другої країни, де утримувано б тільки для підглядання й терору такий величезний адміністративний апарат.

Останніми мирними роками в «батьківщині всіх трудящих» розстрілювано щоправда менше людей ніж раніше, але це тому, що головну масу явних ворогів большевизму вже протягом перших десятьох років або вимордовано, або вона вигинула з голоду і злиднів. Решта ж протибольшевицьких елементів, які залишилися, навчилася маскуватися й бути надзвичайно обережною. Нарешті колишній більш-менш одвертий спротив в країні набрав форм більш підкрадливих і прихованих. Тому останніми часами ГПУ або НКВД переслідувало менше явних ворогів большевизму, ніж підозрілих, яких колись за браком місця й часу іноді випускали на волю, а тепер в концентраційних таборах або на засланні в Сибіру вони були віддані на відносно повільну зате ще тяжчу смерть. Ясно, що війна знову спричинила загальне загострення кривавого терору.

Якщо Ленін колись з'ясовував суть і мету свого твору — Советського Союзу — словами: «Пролетарська держава це тільки машина для знищення буржуазії пролетаріятом», то цей намір здійснено справді у широкому маштабі. Вже 25 літ у Советському Союзі панує режим терору, для якого такі поняття як воля, честь і людська гідність ніколи не існували.

Донской Войсковой Атаман
ген. А. М. Назаров,
расстрелянный большевиками в 1918 г.

Archiv „Der Kosakenbote“.

Донской Войсковой Атаман А. М. Назаров, казак Константиновской станицы, 1-го Донского округа, родился в 1877 году, в семье учителя приходского училища. Он окончил Донской кадетский корпус, затем Михайловское артиллерийское училище и Академию генерального штаба.

Живой, энергичный и остро наблюдательный, он с ранних лет обнаружил большие способности в смысле проявления личной инициативы, как в играх со сверстниками, так и вне школы и дома, особенно во время дальних экскурсий, к которым юноша питал большое пристрастие.

В русско-японской войне А. М. принимал участие на должностях офицера ген.-штаба.

В войне 1914 года 37 летний полковник принимает в командование 20-й Донской Казачий полк, вошедший в состав 3-й Донской дивизии.

В конце 1917 года А. М. Назаров вернулся на Дон в чине генерал-майора и был назначен командующим войсками Таганрогского района, затем Ростовского и, наконец, Походным Атаманом. Но время было упущено и даже столь энергичный офицер, как А. М. уже ничего не мог сделать с разбушевавшимися страстями.

Пять раз отказывался он от предлагаемого ему поста Войскового Атамана. Но должен был уступить. Войсковой Круг, собравшийся 4 февраля 1918 года, не избрал Атамана, а приказал генералу Назарову быть Атаманом, не считаясь с его отказами.

Время было тяжелое. Работать приходилось одному, старое правительство сложило свои полномочия, новое было не нужно, оно было бы бесполезным при создавшейся политической обстановке. Явилась необходимость эвакуации Новочеркасска. Назаров предоставил эту работу новому Походному Атаману генералу П. Х. Попову, сам же оставался до конца в столице своего Войска. Он мог бы совершенно спокойно уйти в поход, ему неоднократно говорили, что «лошади готовы», деликатно напоминая о приближении последних минут столицы Дона. Мог бы сделать это физически, но нравственно сделать этого не мог. Если бы Войсковой Круг решил выступить в Степной поход, и приказал следовать за собой Атаману, он, бессомнения, последовал бы приказу, приняв начальство и пожалуй это было бы лучшим выходом для Казачества и в те времена и в дальнейшей его борьбе с большевиками.

Случилось как раз обратное. Войсковой Атаман остался на своем посту, строго соблюдая раз сказанные им слова, в ответ на призыв Войскового Круга, «исполнить свой долг до конца»: «Я свой долг исполню до конца — исполните вы свой». —

Наконец между самим Войсковым Кругом и Атаманом легла большая пропасть. Члены Круга проявили все свое малодушие, когда при появлении Голубова с мятежными казаками встали. Продолжая сидеть, Назаров задал строгий вопрос: кто смеет прерывать работы Войскового Круга? Никто не стал в защиту своего Атамана и он был захвачен Голубовым и отвезен вместе с Волошиным в тюрьму.

Присутствие духа не покидало А. М. до самой последней минуты. Он с презрением смотрел на сопровождающий его на место казни конвой из местных шахтеров, не умеющих держать в руках оружия. Он сам командовал своим расстрелом...

Теперь перед каждым казаком во всей широте поставлен вопрос не только существования родного ему Казачества, но вместе с тем и физического существования каждого отдельного казака вне зависимости его взглядов и убеждений, ибо всем ясно, что всех казаков ожидает один удел, уготована одна судьба, какую они сами себе завоюют, какую они сами себе отстоят в нынешней борьбе.

А. Романенко.

Из казачьей жизни под советами.

Красный террор на Кубани.

В 1922 году весна на Кубани была дождливая и теплая. После небывало-сухого предыдущего года Кубанская земля обильно вознаграждала прошлогодний недостаток влаги, который причинял тогда неслыханный еще в этом крае неурожай. В ожидании богатого урожая казаки-хлеборобы с особенным рвением и радостью работали на своих полях.

Старый казак Романенко был бодрый и крепкий старик. Ему не сиделось у хуторского дома на лавочке, на которой он обыкновенно любил по-стариковски просиживать в тени под широкой и зеленой вишней. Надев свой нарядный казачий мундир, он, как и молодые казаки, отправился в воскрестный день далеко за бугор осматривать свои поля, засеянные пшеницей, ячменем и озимой. Урожай в этом году намечался на славу: пшеницы не начали еще колоситься, но были уже по пояс. С любовью и радостью, присущей лишь хлеборобу, осматривал старик свою землю, на которой он проработал целый свой долгий век. Вспоминал он при этом и свои молодые годы, когда он начал помогать отцу в хозяйстве, тогда они сами себе нарезывали участки земли для обработки, где им нравилось и какой угодно величины. Теперь же пошли, думал старик, другие времена, много пришлого люду сюда привалило, тесно стало жить казакам, а большевики!.. те совсем казаков взяли за горло!..

На меже участка земли почетного, и всеми уважаемого, старика встретили молодые казаки соседних наделов и завели с ним разговор о наболевших вопросах: о сегодняшнем положении Казачества, о благоприятной погоде, о будущем хорошем урожае и т. д. С мнением и выводами почтенного и опытного старика, прожившего долгий век, все казаки, которые его знали, весьма считались, а в это тяжелое для Казачества большевицкое время они особенно любили с умным и толковым стариком подолгу вести беседы.

— Дедушка, — обратился один из соседей во время разговора к старику Романенко, — скажите сколько, по вашему мнению, даст пудов зерна десятина вот этого поля? — и указал при этом на широкое и длинное, уходящее за бугор, поле, густой, чистой и высокой пшеницы, которое казалось огромным волнующимся голубым морем, волны которого все далее и далее удалялись и, наконец, совсем сливались с мигающим вдалеке горизонтом.

После этого вопроса старик глубоко задумался, его острые, орлинные глаза совсем скрылись под густо-нависшими седыми бровями. Он долго не отвечал на вопрос казака. Родную землю он знал, как самого себя, на основании всходов посевов он в былое время безошибочно определял будущий урожай, теперь же под влиянием тяжелых мыслей, порожденных набежавшими событиями, не решался сказать свое слово.

Наконец, после долгого раздумья, старик степенно и не спеша заговорил: — Дети мои, урожай сегодня определить нельзя, будет так, как Бог даст. Урожай будем определять тогда, когда всыпем в амбар зерно. В переживаемое же нами время, в годы разбойнической власти большевиков, нам пожалуй не прийдется подсчитывать урожай и в амбарах. Мы теперь не хозяева ни своей земли, ни своего урожая. Хозяева теперь во те, которые и в прошлые года забрали у нас весь урожай, а наш казачий люд принудили голодать и до сегодняшнего дня. Запомните, дорогие соседи, мои слова: жизни казакам при власти большевиков не будет...

Многие казаки в том году действительно плоды своей тяжелой работы не пожинали. В самый горячий период весенних работ на поле трудовая жизнь казаков была нарушена смертельным приговором, который вынесла иудейско-большевицкая свора, засевшая в Московском Кремле. Приговор этот гласил: «Совет Народных Комиссаров и ВКП(б) постановили: ...В ответ на белый террор ответить красным террором против Казачества...»

Для проведения этого постановления вначале мая 1922 г. на Кубань прибыло из центральных губерний СССР бесчисленное множество карательных отрядов. Разместились эти отряды «по очищению Кубанских станиц от бандитских групп» (казачьих повстанческих мелких отрядов) в найлучших зданиях станиц, в школах и, совсем, как на фронте, везде выставили сильные внешние караулы. Местные коммунистические заправилы, располагая огромной вооруженной силой, все еще не чувствовали себя в достаточной мере сильными. Вскоре в помощь этим многочисленным отрядам прибыли отряды советско-партийных работников и милиция Чеки.

(Продолжение на 4-й странице).

(Продолжение с 3-й страницы).

Говорится, что пуганная ворона куста боится, так было тогда и с советчиками на Кубани: десятки тысячь прибывших палачей с центра, до зубов вооруженные, они все еще не чувствовали себя в полной безопасности на казачьей земле, большой страх был у них перед казаками, по станицам ходили не иначе, как большими партиями и вооруженными.

Для непосредственного руководства «операциями» были высланы из Москвы специальные тройки Чеки. По прибытию вот такой тройки в станицу Уманскую, тотчас же в станице закипела работа. Прибывшие чекисты, прежде всего, ознакомились с местным активом, состоящим исключительно из переселенцев, людей в прошлом с подозрительным занятием.

Было немедленно созвано по поводу красного террора против Кубанского Казачества тайное совещание прибывшей тройки Чеки и станичной партийной организации. Дабы преждевременно не спугнуть «врага» совещание было обставлено большой конспирацией. Как главный докладчик, первым выступил с речью на совещании председатель прибывшей тройки. Между иным, он говорил следующее:

— Помните, товарищи, что нам прийдется иметь дело с одной из самых анти-советских станиц на Кубани. Станица Уманская в 1918 году первая восстала против советской власти. Уже в конце февраля и вначале марта 1918 года казаки этой станицы первые на Кубани массово сражались с оружием в руках с красными войсками, пытавшимися занять станицу. Здесь находилось Управление Ейским Отделом, в котором было 84 генерала... Не должно быть никакой пощады врагам революции и рабочего класса, смерть всем...

После главного докладчика выступали местные станичные заправилы. В прошлом все это пришлые босяки, бродяги, пьяницы и темные личности, не раз сидевшие в тюрьме за воровство лошадей или чего либо другого, теперь же все они «первые парни на деревне», теперь они неограниченные властелины над жизнью населения богатейшей станицы на Кубани. Все они жаловались на то, как им «ужасно плохо» жилось в прошлом в станице и что казаки были теми, кто мешал их «революционному» движению и сажал их в тюрьмы и т. д. — Да и теперь, — говорили эти горе-ораторы, — эта контр-революционная гидра снова подымает свою змеиную голову. Всюду по степям и станицам рыщут казачьи отряды и убивают ответственных работников рабоче-крестьянской власти. Они и теперь — за нашей рабочей властью, не позволяют нам свободно жить и работать, они убивают наших людей, с ними мы должны бороться решительно и беспощадно...

Как заключительное слово снова говорил председатель тройки Чеки:

— Товарищи! Итак, перед нами стоит «ответственная и почетная задача» — это выполнить с честью и полностью решение СНК и ВКП(б) о проведении массового красного террора на Кубани, и вчастности в станице Уманской, против Казачества. Казаки поголовно служили в белой армии, дрались упорно с нашими красными героями, сейчас же, будучи разбитые, не желают подчиняться распоряжениям соввласти, ее законы и решения игнорируют, мадо того, убивают партийных работников, повсеместно оказывают поддержку и содействие «бандитским» группам, и сами активно учавствуют в бандитизме... Мы посланы партией и советским правительством продиктовать этим бандитам волю рабочего класса. Мы, посланные сюда, являемся авангардом диктатуры пролетариата советской страны, мы силой заставим эту казачью сволочь подчиниться советской власти и ее законам. Казаки — это наши враги, врагам же — никакой пощады... Да, здравствуют вожди мирового пролетариата Ленин и Троцкий, — закончил свое заключительное слово присланный из Москвы красный палач. Его последние слова покрыли жиденькие крики — ура немногочисленных участников этого совещания, спели интернационал, и большая часть участников разошлась, более крупные птицы остались еше совещаться. На этом более узком совещании был детально разработан план террора против казаков станицы. Были составлены списки казаков, подлежащих аресту и расстрелу. Через день т. е. 11 мая на всех заборах и домах был расклеен отпечатанный «приказ» за подписью тройки Чеки, который гласил:

«...Все казаки, учавствующие в банд-группах, должны добровольно явиться, сдать оружие и зарегистрироваться в стан-совете. Добровольно сдавшие оружие будут совластью помилованы. Явиться должны непозже 36 часов от опубликования сего приказа... В противном случае будут по квартально взяты из казаков станицы заложники и расстреляны...

Все мужское население станицы и прилегающих к ней хуторов от 11 и до 70 лет должны явиться в стан-совет и по квартально зарегистрироваться и впредь до особого распоряжения в степь не выезжать. Срок явки 24 часа.

Не явившиеся и пойманные в степи будут расматриваться как бандиты, к ним на месте поимки будет применена найвысшая мера наказания...»

Весть об этом «приказе» разнеслась по Уманским степям и хуторам со скоростью пушечного выстрела. Нависли грозные, черные тучи событий над трудолюбивым и хозяйственным казачьим населением станицы. Положение было, как никогда, ужасно тяжелое. Шло о головы цвета казачьей молодежи, которая не желала покориться советской власти, самотеком образовывала мелкие вооруженные отряды, которые нападали на большевицких партийных работников и беспощадно их уничтожали. В данный момент перевес явно был на стороне большевиков. С чисто иудейской хитростью, большевицкие воротилы решили одним ударом покончить с казачьим сопротивлением, направляя свои действия в самые чувствительные и слабые места казачьего сопротивления. Но, как покажет будущее развитие тогдашних событий, все эти большевицкие хитросплетения вокруг казачьего сопротивления не увенчались успехом.

В горячее время весенних полевых работ, когда некоторые поля необходимо было еще раз быстро прополоть, казаки, не принимавшие участие в казачьих отрядах, от 11 лет и до 70-летних стариков, оставили на паях работать своих жен, матерей, сестер и детей, а сами отправились в станицу.

На второй день после всеобщей явки и проверки казаков по квартально, был созван на церковной площади против сель-совета митинг, явка на который для всех была обязательной. Место митинга было оцеплено войсками, в окнах домов, которые выходили на церковную площадь были везде выставлены тяжелые пулеметы.

На митинге говорил все тот же, приехавший из Москвы и никому неизвестный, новоназначенный председатель тройки станичной Чеки. В своей речи он коснулся прежде всего своей личной автобиографии, говорил он приблизительно следующее:

— С сегодняшнего дня станица объявляется на военном положении, хождение по станице разрешено только до 9 часов вечера. Въезд и выезд из станицы до особого распоряжения воспрещен. Не подчинение этому приказу будет наказываться расстрелом на месте...

— Казаки станицы! — продолжал «краснобай», — вы должны помочь органам совласти уничтожить бандитов, которые мешают вашей плодотворной работе. Из-за этих бандитов вы были оторваны от своих и хуторов. Мы вас будем держать в станице до тех пор, пока вы сами не выдадите нам и не представите в руки тройки чеки главарей этих банд...

Широко и просторно расположенная станица Уманская была окружена плотным кольцом большевицких войск. Все пути ведущие из станицы в степь были этими войсками крепко закрыты, трудно тогда, пожалуй, было и мухе выбраться из осажденной чекистами станицы.

Вскоре истек срок явки «бандитов» — казачьих групп, при чем ни «бандитов» ни оружия в тройку Чеки не поступило.

Когда казаки сидели под всеобщим арестом в осажденной станице, в это время их степи были наводнены многочисленными карательными отрядами, которые выискивали везде «бандитов». Во многих местах были боевые стычки.

Тактика борющихся казачьих отрядов была чрезвычайно гибкая, менялась в зависимости от общей ситуации. Казачья смелость, сметка и изворотливость не раз их вызволяли, казалось бы, из безнадежного положения.

Так, например, один из казачьих отрядов ст. Канеловской под командой Иващенко весь переоделся в женские одежды и в таком виде производил полку подсолнух на одном из казачьих полей в балке Добренка. К этим работающим «женщинам» подъехал вплотную карательный отяад и начал распрашивать их: знают-ли они, где здесь находятся «бандиты». Советовали не скрывать и говорить правду, иначе позже будут на месте расстреляны. Вместо ответа «женщины» в мгновение ока выхватили из под полы обрезы и в упор большую часть отряда уничтожили, а сами после этого скрылись в камышах реки Сосыки.

Не достигнув абсолютно никаких результатов, тройка решила взять заложников от станицы. Лучшие представители казачьей станичной интеллигенции и хлеборобов были неожиданно одновременно арестованы и посажены в станичную Чеку. В число заложников попали: священник Кудрявцев, ряд учителей, казачка Мацало, казаки Кущь и много других, всего 25 человек.

БОЛЬШЕВИЦКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

«Достижения» большевиков хорошо отражаются в следующих, ими же самими приводимых, цифрах. Годовое потребление продуктов питания на душу населения в 1935 году:

хлеба и крупы	261,60 кг
картофела	190,80 «
молока и мол. продуктов	48,84 «

В Германии в 1937 году семья низкооплачиваемого чернорабочего потребляла в год (на каждого члена семьи):

хлеба, муки и крупы . .	115,0 кг
мяса и мясных изделий .	38,6 «
масла, сала и др. жиров .	22,4 «
молока и мол. продуктов .	84,0 «
яиц	75 шт.

и т. д.

Питание советских граждан в основном состоит из хлеба и картофеля, в то время, как в других странах (и в царской России), главным в питании были мясо, молоко и т. п.

Полковник С. Макеев.

Во власти Хама.

Глава XII.

После обеда площадь опять заполнилась народом. Одни шли просто поглазеть от нечего делать, а другие провожали своих членов семьи и родственников, записавшихся ехать на фронт против Корнилова. Пароконные подводы выстроились в ряд в ожидании приказаний начальства.

Степан с женой и Павел Остриков уже здорово на веселе подошли к сборному пункту. Степан нес в руке большой мешок с провизией. Старуха Безпалова на радостях, что зять-казак идет охотой защищать мужиков от царских генералов, не поскупилась на харчи.

— Довольно, мамаша, ведь не все же время будем на своих харчах! — говорил Степан теще, смотря, как та пичкала в мешок куски сала, пироги, яйца вареные, мясо жареное.

— Эх, зятек, кто-ж за тобой подумает, как не теща! От лишнего не отказывайся, не жди, коли табе из котла дадут. Знаем мы солдатские то харчи — животы подведут! — и вложив аккуратно бутылку самогону, увязала мешок.

Выпив еще на дорожку по стаканчику водки, вышли на двор.

— А я замаялась седни, так ты, Дуня, приди помогти нам. Гостей то сама знаешь сколько будет. Да батьку скажи, что-б не мешкали там, пироги, мол, простынут.

Мартыновна крепко обняла Степана, поцеловала его, и по привычке хотела перекрестить, но быстро спохватилась и поднятой вверх рукой обняла Острикова.

— Уж как я рада, что вы вместях едите, все веселее будет. Соседи да кумовья, сызмальства росли вместях, ну и там будите доглядать друг за другом.

Станичный писарь за столом, на котором стоял товарищ Свирко во время митинга, записывал на листе бумаги фамилии добровольцев. Еременко и Остриков записались.

С крыльца правления спустились Свирко, Безпаловы — отец с сыном и учитель Веревкин. Взяв у писаря список, Свирко просмотрел и пожал плечами.

— Не много, — проворчал он, — ну, да насобираем потом еще, если надо будет. Садиться по два человека на подводу и гайда без задержки. В станицах менять лошадей! — резким тоном скомандовал он.

— Прощайте, папаша! До скорого свиданьица! На фронт еду! — подошел Степан к тестю и протянул ему руку.

— И ты, Степан, записался? — удивленно воскликнул Захар. — Вот энто так порадовал, зятек! Не ожидал! Все бы так, разом бы подавили энту контру!

— Молодец, Степан! — снисходительно похлопал по плечу зятя и Егор Безпалов, — совсем наш человек стал.

— Не поминайте лихом, Егор Захарыч, а мы свое дело сделаем! Не плачь, Дуня, не на век расстаемся. Приеду назад в станицу, в свою хату перейдем, по новому жить станем! — Степан обнял жену, а Евдокия сквозь слезы улыбнулась мужу и, кинувшись ему на шею, крепко его поцеловала.

Прощанье кончилось. Добровольцы сели на подводы.

— Знайте, товарищи, — громко обратился к отъезжающим Свирко, что-бы всем было слышно, — через неделю-две вы вернетесь обратно в станицу и заживете мирной счастливой жизнью! Покончите разом с кадетскими гадами и крышка всему делу! Ура товарищу Ленину!

— Ура! ура! — прогудела толпа.

— Еропеев! — позвал Свирко своего вахмистра, — проводи товарищей фронтовиков за станицу сам, что-бы с караулом там капитель не вышла, а потом придешь на обед к товарищу председателю.

— Вот энто дело, товарищ командир, — одобрительно сказал Захар, — поди, старуха заждалась нас с пирогами то.

— Маминька просила не мешкать, и то уж все перепрело. — вмешалась Евдокия.

— Придем! Придем! Дай управиться с делами то. Ты, Дуняша, жарь-ко наперед, предупреди там...

Подводы с добровольцами тронулись. Из толпы замахали платочками. У женщин появились на глазах слезы. С подвод послышались песни. Степан с Павлом полуобнявшись затянули свою любимую песню, которую не раз пели, приезжая в кратковременный отпуск. У Острикова был приятный тенор и в полку он считался одним из лучших песенников. Степан подтягивал ему баритоном.

«Только лишь приехал, опять уезжает...
Его разлюбезная все плачет, рыдает»...

Евдокия, услышав знакомую песню, подскочила к подводе, еще раз на ходу поцеловала мужа, и спешно пошла к дому.

Учитель Веревкин, подавая список станичных буржуев, спросил Свирко, когда приступить к аресту «врагов народа и революции». Он любил подхватывать красивые фразы, летевшие с трибун из уст большевистских ораторов.

— У атамана сделать обыск, если его нет дома, допросить как следует жену, скажет сука! А этих всех арестовать и держать до утра под караулом. Утром я их заберу с собой... Реквизицию имущества произведет потом товарищ председатель. Когда вернется назад товарищ вахмистр, возьмите у него людей и сами лично арестуйте всю сволочь. А потом доложите мне. Ну, пошли обедать! Веди, товарищ председатель! — и командир карательного отряда вместе с Егором скорым шагом пошли вперед, мучимые голодом и жаждой.

Следом шел Захар Безпалов с группой мужиков, которых пригласил к себе ради торжественного случая на пирог, и дать возможность своим избирателям поближе посидеть с таким начальством. Еле успевая за ними плелся дед Колистратов. Настроение у всех было приподнятое. Да и как было не радоваться: вчера еще в станице царствовал атаман, а сегодня колесо повернулось в другую сторону, и хозяином станицы стал Захар Артемыч Безпалов — свой человек, коренной, он постоит за правое мужицкое житье.

На крыльце безпаловской хаты встретила гостей сама Мартыновна. Низко кланяясь, ласково приглашала всех в хату.

— Пажалте, гостечки дорогие, заждались мы вас... Пироги то уж поостывали... Милости просим!.. Егор, веди гостя то!

Хата блестела чистотой. На окнах висели чистенькие занавесочки. По средине стоял стол, покрытый розовой с белыми клеточками скатертью. На столе стояли блюда с пирогами, с жареным мясом, с холодцом. Несмотря на то, что был Великий пост. Мартыновна не поскупилась на мясное. Нельзя же перед таким почетным гостем ограничиться, не подаи на стол картошки с огурцами, да квашеной капусты? Кто пост соблюдает, пусть не ест, а гость с Егором будут довольны.

Егор первым делом посмотрел на передний угол, где утром еще висели иконы. Он самодовольно улыбнулся, увидя чистый угол. Мать вынесла иконы в кладовку и аккуратненько их спрятала в сундук. Ведь могут еще пригодиться, Бог его знает, как повернется дело!... А, вдруг, казаки опять верх возьмут!

— Седайте сюды, товарищ, — усаживал Егор гостя, сажая на почетное место, — здеся сподручнее будет.

— Однако мы заработались, товарищ! Вот так кажинный день, аж пожрать некогда! — говорил Свирко, важно рассаживаясь на деревянную скамью.

Рядом сел Егор. Два революционных деятеля вели задушевные разговоры по углублению революции... Да и о чем о другом они могли бы вести разговоры? Один сын крестьянина-ремесленника, кончивший станичную школу, попавший на военную службу во флот, и только теперь «познавший» жизнь, занимаясь в Петербурге убийствами и грабежами. На ихнем языке это называлось истреблением буржуазии, врагов народа и революции, искоренением старого режима. Прочная опора и надежный фундамент ленинского трона с его жидовской компанией. «Краса и гордость» великой — безкровной... Товарищ Свирко — городской сапожник, малограмотный, пьяница и скандалист... В пьяном виде во время драки убил полицейского, старавшегося навести тишину и порядок в питейном заведении. Суд... Подкупной адвокат доказал присяжным заседателям, что преступление совершено на политической подкладке, и Свирко был осужден, как политический на каторгу, где находясь в постоянном общении с матерыми революционерами, пообтесался, набрался революционного ума-разума и стал, таким образом, готовый борец за свободу. Революция с почестями вернула его из далекой Сибири на родину и отсюда началась его карьера.

(Продолжение следует).

РОЗЫСКИ

Цена объявлений в этом отделе 1 РМ. за строчку. Объявления помещаются лишь после оплаты их стоимости.

— Черняевский Николай, ст. Варениковской, Кубань, разыскивает братьев: Черняевского Павла и Гиренко Ивана. Знающих о месте их пребывания писать на «Казачий Вестник».

— Задорожная Валентина разыскивает брата из Братиславы и сестру Елену Косир из Тарновиц. Писать:
W. Zadorosni, Haan, Hauptstrasse N. 70. Kr. Dux, Sudetengau.

— Ковчужный Иван разыскивает своих сестер, Полину и Марию Михайловых. Писать на «Казачий Вестник».

— Лейтенант Людоговский Георгий, разыскивает родственников: отца Николая Степановича и жену Елену Трофимовну, проживавших до 15 января 1945 г. в Лицманштадте в лагере Фольксдойчен. Писать на «Казачий Вестник».

— Синявский Г. И. из Ессентуков, разыскивает жену Евдокию Синявскую с дочерью, находившихся в казачьем ансамбле хористками в Белоруссии и тестя Помозанова Сергея с сыновьями, которые эвакуировались через Варшаву. Знающих о их местопребывании, прошу писать на «Казачий Вестник».

„Kosakenbote" erscheint zweimal monatlich. Herausgeber und Hauptschriftleiter Dipl. Ing. Glaskow. Verantwortlich N. Kaledin beide in Prag. — Druck „Buchdruck". — Aufsichtsamt Nr. 25.